

Тема Старой Сербии — одна из сложнейших в историографии Балкан, вызывает острые дискуссии в силу политической значимости научных выводов. «Европа апостола Петра» объявила в конце XX столетия сербов чуть ли не главным препятствием для установления всемирной демократии, вдохновляла и поощряла албанских боевиков, не скрывавших своего антихристианского духа и геополитических целей. Сегодня название «Старая Сербия», которым на европейских картах в течение всех предыдущих веков именовалась колыбель сербской государственности, намеренно изъято из политического лексикона. Этот край — родина первой династии Неманичей и святого Саввы, противоправно отторгнут от Сербии. Что же привело к столь масштабной трагедии сербскую государственность? Именно на этот вопрос дает ответ впервые издаваемый в нашей стране фундаментальный труд известного сербского ученого Славенко Терзича, бывшего директора Института истории Сербской Академии наук и искусств, а ныне посла Республики Сербия в России.

Наталья Нарочницкая,
доктор исторических наук,
Президент Фонда исторической перспективы,
руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж)

ISBN 978-5-4444-3789-6

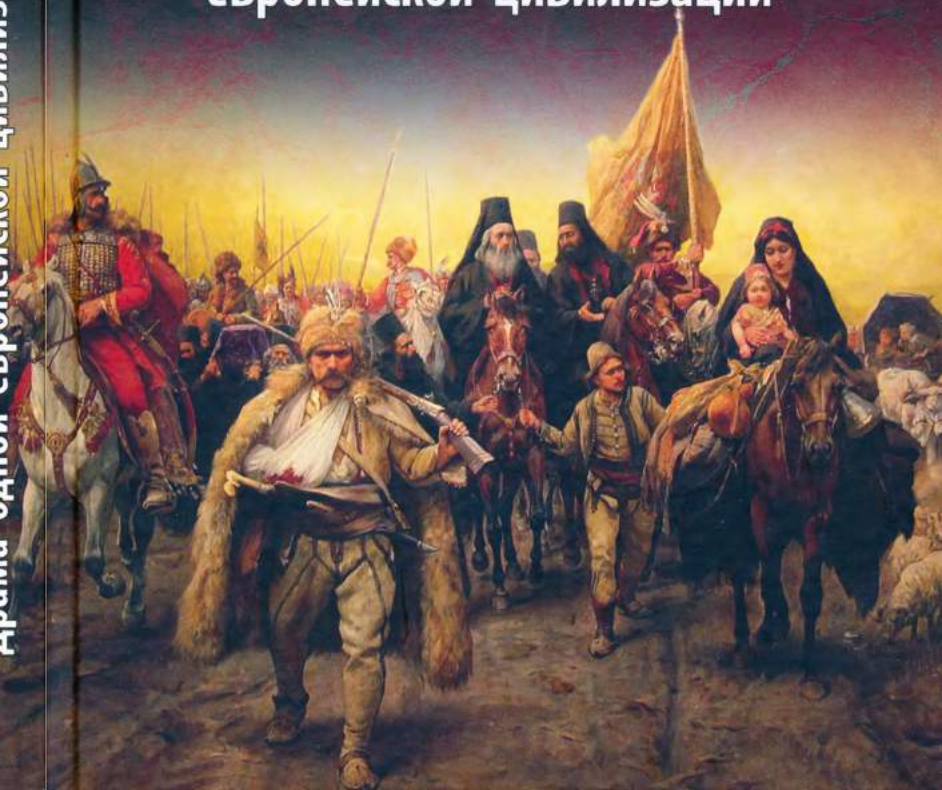
Славенко
ТЕРЗИЧ

СТАРАЯ СЕРБИЯ
Драма одной европейской цивилизации

Славенко ТЕРЗИЧ

СТАРАЯ СЕРБИЯ

Драма одной
европейской цивилизации

Славенко ТЕРЗИЧ

СТАРАЯ СЕРБИЯ

(XIX—XX вв.)

**Драма одной
европейской цивилизации**

Москва
«Вече»

УДК 94(497.1)
ББК 63.3(4)Югс
Т35

Издание подготовлено при поддержке Фонда исторической перспективы

Славенко Терзич
СТАРА СРБИЈА
(XIX–XX век)
Драма једне цивилизације
Православна реч
Нови сад–Београд, 2012

Предисловие Н.А. Нарочницкой

В оформлении книги использована картина П. Йовановича «Переселение сербов», 1896 г.

Рецензенты
Академик Милорад Экмечич
Академик Михаило Воеводић
Д.и.н. Константин Никифоров

Терзич, С.

Т35 **Старая Сербия (XIX—XX вв.). Драма одной европейской цивилизации / Славенко Терзич. — М. : Вече, 2015. — 480 с.**

ISBN 978-5-4444-3789-6

Знак информационной продукции 16+

Книга «Старая Сербия. Драма одной европейской цивилизации», автором которой является крупнейший сербский историк, в прошлом директор Института истории Сербской академии наук и искусств, а в настоящее время Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в России – господин Славенко Терзич, дает целостное представление об историческом прошлом земли, на котором основывается национальная идея, духовная и культурная идентичность сербского народа. Земли Старой Сербии (исторически включают в себя области: Рашка, Косово и Метохия и Скопско-Тетовский регион) в течение нескольких последних веков стали ареной столкновения не только трех мировых религий (восточного и западного христианства и ислама), но и полем для осуществления военно-политических проектов преимущественно западных сил. Все это затянуло вокруг сербской национальной колыбели удушающую геополитическую петлю. Именно это составляет сущность сербского и балканского вопроса в современной международной политике. Прямым последствием этой проблемы является трехвековое вытеснение и изгнание сербского населения со своей родовой земли и систематическое уничтожение его славянско-го, православного культурного наследия. Величественные памятники сербского искусства в Косово и Метохии являются неразрывной составной частью европейской христианской цивилизации. Книга освещает именно цивилизационную и геополитическую сущность проблемы Старой Сербии в широком историческом контексте событий XIX и XX веков.

УДК 94(497.1)
ББК 63.3(4)Югс

ISBN 978-5-4444-3789-6

© Славенко Терзич, 2015
© Фонд исторической перспективы, 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	6
ОТ АВТОРА	14
Глава I	
ТЕРМИНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ.....	21
Глава II	
КОСОВСКАЯ ИДЕЯ В СЕРБСКОМ ОБЩЕСТВЕ И В СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ	42
Глава III	
РАШКА В XIX–XX ВЕКАХ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	68
Глава IV	
АЛБАНЦЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ: ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ АЛБАНСКОЙ ЛИГИ	96
Глава V	
СЕРБСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СТАРОЙ СЕРБИИ	104
Глава VI	
СЕРБИЯ И АЛБАНЦЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	127
Глава VII	
ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРБОВ В СТАРОЙ СЕРБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	135
Глава VIII	
ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ, 1912–1913 гг.	150
Глава IX	
ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ И ПОПЫТКИ РЕВИЗИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ	169

Глава X	
СТАРАЯ СЕРБИЯ В ВОДОВОРОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ	174
Глава XI	
СТАРАЯ СЕРБИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОККУПАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ И ОПУСТОШЕНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ	190
Глава XII	
РАЗРУШЕНИЕ СТАРОСЕРБСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРЕАЛА В XX СТОЛЕТИИ	198
Глава XIII	
ЮГОСЛАВИЯ И РЕВАНШИСТСКО-РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ.....	215
Глава XIV	
ПРИЗРЕНСКИЙ ПРОЦЕСС 1956 ГОДА: РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВЕЛИКОАЛБАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ	231
Глава XV	
РУКОВОДСТВО СЕРБИИ О ПРОБЛЕМЕ АЛБАНСКОГО СЕПАРАТИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЦК СК СЕРБИИ, 1962 ГОД.....	238
Глава XVI	
БРИОНСКИЙ ПЛЕНУМ (1966) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. МОЩНАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВАЛА СЕРБИИ И ЮГОСЛАВИИ.....	245
Глава XVII	
ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕРБСКОЙ И ЮГОСЛАВСКОЙ СЛУЖБ БЕЗОПАСНОСТИ В КОСОВО И МЕТОХИИ.....	254
Глава XVIII	
БОРЬБА ЗА АЛБАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СЕРБИИ.....	270
Глава XIX	
ЭТНИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ.....	282

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XX	
ЭТНИЧЕСКАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОСОВО И МЕТОХИИ	321
Глава XXI	
ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ДИПЛОМАТЫ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В СТАРОЙ СЕРБИИ	334
Глава XXII	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СТАРОЙ СЕРБИИ В XX ВЕКЕ	353
Глава XXIII	
ПРОСВЕЩЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СТАРОЙ СЕРБИИ	382
Эпилог.....	394
Приложение.....	396
ОТЧЕТ О ВРАЖДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В КОСОВО И МЕТОХИИ	396
РЕЗЮМЕ.....	449
БИБЛИОГРАФИЯ	458

Предисловие к русскому изданию

Наталия Нарочницкая,
доктор исторических наук,
Президент Фонда исторической перспективы,
руководитель Института демократии
и сотрудничества (Париж)

Тема Старой Сербии — одна из сложнейших в историографии Балкан, вызывающая острые дискуссии в силу политической значимости научных выводов. «Европа апостола Петра» объявила в конце XX столетия сербов чуть ли не главным препятствием для установления вселенской демократии, вдохновляла и поощряла албанских боевиков, не скрывавших своего антихристианского духа и геополитических целей. Сегодня название «Старая Сербия», которым на европейских картах в течение всех предыдущих веков именовалась колыбель сербской государственности, намеренно изъято из политического лексикона. Этот край — родина первой династии Неманичей и святого Саввы — противоправно отторгнут от Сербии. Что же привело к столь масштабной трагедии сербскую государственность? Именно на этот вопрос дает ответ впервые издаваемый в нашей стране фундаментальный труд известного сербского ученого Славенко Терзича, бывшего директора Института истории Сербской академии наук и искусств, а ныне посла Республики Сербии в России.

Именно в Старой Сербии был взращен албанский терроризм, причем в наиболее опасной для мира форме — *терроризма как инструмента решения геополитических задач и передела мира*. Эксперимент, проделанный над Югославией, над Сербией и сербским народом, продолжен на Ближнем Востоке. Ради устранения последних опорных точек прежнего биполярного мира были инструментализированы самые агрессивные силы.

Это новое явление, ставшее структурным элементом мировой реальности, порождено действиями именно тех, кто объявляет себя сегодня главным борцом против терроризма, который угрожает прежде всего Европе геополитическими взрывами, перекройкой границ, изменением культурно-исторического типа и облика, а не архитектору проекта — Соединенным Штатам, которых ослабление Европы вполне устраивает.

Тем не менее Европа в лице своих брюссельских структур не склонна признавать причинно-следственную связь собственной близорукой и безответственной политики и угрожающих ей явлений. Европе трудно при-

знаться, что именно она и НАТО с подачи вездесущих США собственными действиями породили и саму ситуацию, и террористов — сначала албанских — УЧК, затем и ИГИЛ. Поистине реалии XXI века подтверждают, что экстремистский исламский импульс слишком часто имел неисламского дирижера.

Эксперты предупреждают о перерождении Европы и европейской цивилизации, но Брюссель с упорством сохраняет демагогическую риторику и интерпретацию явлений. Именно Косово стало первым опытным полем для внедрения новых моделей. Командование натовского контингента КФОР приняло решение передать сербские монастыри и памятники под охрану Сил безопасности Косово (СБК). По данным выходящей в Приштине газеты «Коха диторе», в числе первых в ведение СБК перейдет Газиместан — мемориальный комплекс в память о сербских героях, павших в 1389 году в исторической битве на Косовом поле. За ним последуют православные монастыри и церкви, уже более 10 лет находящиеся под защитой КФОР.

Стратегия США и НАТО по отношению к Югославии вобрала опыт как англосаксонской, так и австро-венгерской политики вместе с идеологической мотивацией, в которой стремление к контролю чужих территорий маскировалось высшими цивилизаторскими целями. В 1878 году на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия по предложению Б. Дизраэли получила мандат на право оккупации Боснии и Герцеговины для «наведения порядка» и внедрения «западных ценностей». Можно привести суждения Д. Андраши, Л. Талоци, генерала Гетцентдорфа, баварского историка Я. Фалмераера, призывавшего к «решительной расправе с “наследниками Византии”», австро-венгерского правителя Боснии и Герцеговины министра Б. Каллаи, полагавшего невозможным «сосуществование восточного и западного духа». А начальник австрийского Генерального штаба генерал Бек в меморандуме, хранящемся в военном архиве в Вене, подчеркивал, что «ключ к Балканам находится скорее в Косово и в Македонии, чем в Константинополе», отмечая, что «победа турок именно на Косовом поле принесла им владычество над Балканами, а не взятие Константинополя». Мало что изменилось с тех пор.

Было бы недобросовестно отказывать всем британским историкам в искренней симпатии к христианским подданным Порты. Так, М.Е. Дерхэм пишет об истории Старой Сербии как о «непрерывном бедствии, начавшемся с приходом турок», и отмечает, что после того, как «в 1690 году невыносимая участь заставила более 37 тысяч сербских семейных кланов эмигрировать в Венгрию, албанцы распространились на оставленных землях, которые с тех пор им было позволено безнаказанно разграблять».

Не нова и ставка западных держав на, казалось бы, чуждый цивилизационный инструмент в угоду своим геополитическим планам. Проект «Великой Албании» был вынесен на рассмотрение еще во время Берлинского конгресса, где при участии и помощи не только Османской империи, но и Австрии была создана Призренская лига, идеология и геополитиче-

ские карты которой и поныне являются содержанием албанского террористического сепаратизма. В Югославии приштинская газета «Коха диторе» печатала открыто карту «Великой Албании» в качестве эмблемы. На Западе же пропагандируют албанскую интерпретацию балканской истории Н. Малкольма, которого ведущие сербские историки уличили в вопиющей недобросовестности и игнорировании важнейших документальных источников не только славянской, но, прежде всего, всей западной историографии. Фундаментальный, строго документированный труд С. Терзи-ча окончательно развенчивает такие недобросовестные интерпретации.

Этот труд, без сомнения, можно назвать эпохальным ответом на вызовы эпохи подмен и мифов. Перед читателем на страницах этой монографии-энциклопедии разворачивается величественная драма сербской нации, в которой как в капле воды отразились противоречия мировой истории.

«Всибо сие земли опустели цркви божия попалили, монастыри ограблены и разорены конечно, люди иссечени биша, жени и отроцата пороблены и горшее пленение и разорение было, не желиво время царем Мурата и Паязита и зверообразного Селима. Вишая туги и пагуби быле сербскому народу, никто би не остал разве аще кто весмиво глубину пустиною укрился или уишел в немецкую землю».

Так описывал современник события на земле Старой Сербии, которые предшествовали массовому исходу православного славянского населения от своих истоков и очагов. Что же сейчас, после «демократической интервенции», на месте бывших дворцов и угодий сербских монархов, на месте цветущих монастырей и церквей, изукрашенных фресками и дивными иконостасами, что же сейчас на месте старых православных некрополей?

Научные экспедиции в начале XXI века описывают эти места так: «...остатки церкви в Грабовице; деревня Кнежевац, археологические раскопки Црквина ... “латинское кладбище”, “Греческое кладбище”, в селе Штаваль *остатки* церкви...; Градац, *остатки* церкви на кладбище под Градиной; Ступ, *остатки* церкви на кладбище; Тузине, *остатки* церкви с кладбищем... Среди многочисленных *остатков* особенно сильное впечатление оставляют руины церкви Святого Георгия в селе Дуйке у Сенницы... Стены церкви были оштукатурены и расписаны фресками, о чем свидетельствуют *остатки* штукатурки. Все это вместе создает удручающее впечатление и заставляет задуматься о трагической судьбе древнего сербского государственного и культурного наследия...»

«Остатки» – вот будущее Европы, если она не найдет в себе силы стряхнуть идеологические путы и посмотреть реальности в глаза. «Европа умерла в Приштине»¹ – так назвал свою честную книгу французский военный аналитик, генерал Жак Огар, служивший в Косово и полагавший, что «Европа, возможно, утратила шанс на продолжение себя в мировой исто-

¹ Jacque Hogard. L'Europe est morte à Pristina. P. 2014.

Здесь и далее сноски на иностранных языках даются в транскрипции, принятой в Сербии.

рии, сотворив чудовищную несправедливость с сербами, которая обернется непоправимыми последствиями для самой некогда христианской Европы, гордо именуемой ранее Европой апостола Петра».

Монография доктора исторических наук, посла Сербии в России – это не эмоциональные записки современника и участника событий. Это редкий в наше время скрупулезный, фундаментальный академический труд, плод многолетних исследований, включающих в себя архивные изыскания, доскональное изучение и анализ литературы вопроса на всех европейских языках, полевые этнолингвистические, историко-географические исследования, работу по созданию музейных экспозиций.

Объемный и великолепно аргументированный труд Славенко Терзича благодаря научной щепетильности и историзму методологии и изложения свободен от субъективизма в подходах к историческому материалу и политической ангажированности, чем грешат работы слишком эмоциональных адептов полярных точек зрения на историю этого региона. Хотя как раз этому автору, пламенному борцу за Сербию и сербство, эмоции были бы простительны.

Именно С. Терзич с первой половины 90-х годов собирал в Сербии крупных интеллектуалов и профессоров Европы на международные конгрессы высочайшего уровня, посвященные историческим событиям на актуальном фоне Балканского кризиса. Именно С. Терзич сумел в момент блокады и даже отсутствия авиасообщения с Белградом собрать «круглый стол» честных европейских интеллектуалов в первую неделю варварских бомбардировок НАТО Югославии в апреле – мае 1999 года. Мы добирались через болгарские горы на автобусе и выходили дежурить на мосты. Его, никогда не бывшего даже членом партии С. Милошевича, пытались после «бархатной революции» подвергнуть остракизму новые власти – ставленники тех, кто бомбил Сербию. Но авторитет и безупречное академическое и общественное реноме историка и гражданина Терзича не позволили устранить его из политической и общественной жизни Сербии.

Осмысление пережитого вкупе с обширными знаниями фактов и их интерпретаций в европейской старой и новой историографии побудило Славенко Терзича, знатока сербской и европейской истории, вложить семилетний труд в обобщение истории Старой Сербии, ныне в результате драматических событий нескольких веков и политики западных держав оторгнутой от Сербии и превращенной в рассадник исламского терроризма в самой Европе.

Восполняя не один, а множество пробелов в мировой и сербской историографии работа представила широкую панораму событий и ранее неизвестных фактов. Это поистине исполинский труд. Впечатляет как сам концептуальный широчайший охват темы, так и многообразие и детальность проработки отдельных аспектов. Поднятый автором документальный материал огромен, скрупулезно и последовательно исследованы на широком историческом фоне этапы драматической истории сербского народа от истоков сербской государственности до современности в многогранном

историческом контексте. И несомненно, огромную ценность имеет историографическая составляющая работы, анализ и аргументированная критика легковесных, скудно документированных трудов за два века и сугубо политически ангажированных работ, вышедших за последние 25 лет.

По сути, перед нами подлинная научная энциклопедия истории Старой Сербии, которая поднимает историческое знание о Балканах на новые рубежи, что позволяет ориентироваться не только в собственно сербской истории, но и в хитросплетениях международных отношений на Балканах. Существующая до сих пор литература представляет лишь отдельные фрагменты, совершенно не дающие цельной и последовательной картины.

Начиная с подробного освещения географической и геополитической специфики региона, автор разворачивает панорамное историческое полотно миграций племен и народов Балкан, столкновения цивилизаций и мировых религий, которые веками взаимодействовали и соперничали в этом стратегически значимом регионе. От Античности к Византийскому содружеству наций славянский сербский этнос расселяется в регионе Центральных Балкан, формируя свою государственность — одну из старейших в Европе! Царь Душан и святой Савва, держава Неманичей — расцвет сербской цивилизации, Косовская битва — апогей развития средневековой сербской нации, Великая Сеоба — исход сербов из Косово и Метохии — ее историческая трагедия.

Автор не уходит от острых и порой тяжелых для сербского национального самосознания вопросов, напротив, он честно формулирует их перед читателем. Одним из таких вопросов является оправданность переселения сербов под духовным руководством своих патриархов с территории Старой Сербии в Воеводину и Шумадию.

Материал и анализ демонстрирует не только историю колыбели сербской государственности, но и обусловленность ее судьбы стратегическим расположением на стыке латинского мира и поствизантийского пространства, извечным противоборством и крупными международными процессами и событиями в Европе. Активное участие «великих держав» в балканских делах имеет долгую историю. Еще в 1463 году папа Пий II начертил на бумаге «приемлемый» план раздела Балкан, по которому Вене отходили Пелопоннес, Аттика и Эпир, Венгрии — Сербия, Босния, Влахия и Болгария. И в нашем столетии, признает оксфордский славист Дж. Бернс, независимое развитие Сербии происходило скорее вопреки, нежели благодаря внешнему вмешательству и давлению.

После поражения на Косовом поле наступили века постоянного военного, политического, демографического давления на сербский этнос со стороны соседних мусульманских народов и со стороны Османской империи, вплоть до XIX века сжимавшей Балканы в своих железных объятиях. Подробно и на материале более чем пяти веков истории Славенко Терзич исследует роль албанского населения в рамках Османской империи в историческом противостоянии с сербским этносом. Он продолжает эту тему применительно к драматическим событиям XX века, доводит и до

наших дней, когда Сербия переживает новый виток экзистенциональной драмы, теперь уже под давлением атлантических сил.

Судьба поместила сербов в Моравско-Вардарской котловине, через которую проходит геополитическая ось Запад — Малая Азия. Все крупные наступления на Восток начинались с Сербии, не заняв которую нельзя соединить военную силу Запада со стратегическим положением Турции, ранее опоры британских схем, а в последние полвека — союзника США. Патриарх британской балканистики Сетон-Уотсон полагал, что от «будущей судьбы сербохорватской расы, а это судьба западной половины Балканского полуострова от залива Триест до Болгарской границы, от равнин Южной Венгрии к горам Албании», «зависит баланс сил в Адриатике со всеми его следствиями для международной ситуации».

Сербы и сербская государственность вполне испытала на себе евроцентрическое отношение к православной ойкумене как к опасной сопернице, которую надо всегда сдерживать и по возможности подавлять. И такое отношение Запада не меняется уже полтора столетия. Со времен Первого Сербского восстания и «Начертания» Илии Гарашанина (1844) идея объединения всех сербов, расчлененных завоевавшими их Австрией и Турцией, вот уже полтора века является пугалом для «цивилизованной» Европы, которая сама прошла стадию собирания земель, причем отнюдь не бескровную. Даже либеральный Сетон-Уотсон, критиковавший нетерпимого к России лорда Пальмерстона, все же не постеснялся сказать о пансербских устремлениях, что их триумф «означал бы настоящее несчастье для европейской культуры», ибо явится «победой восточной культуры над западной», «что будет ударом по прогрессу и современному развитию на всех Балканах»¹. Как и сто лет назад, существование крепкого и самостоятельного славянского православного государства на Балканах вне западного контроля меняет соотношение сил в Европе, нарушает «владычество» англосаксов в Средиземноморье, которое сегодня стало еще и подступом к нефтегазовым путям. Бывшую «Европу апостола Петра» заливают потоки беженцев, в которых слились и перенесшие невыносимые страдания от чудовища ИГИЛ семьи, и подозрительно организованные и мотивированные будущие джихадисты. Лицом современного этапа развития Старого Света стала обратная сторона широко рекламируемого фасада «нового» «демократического» мира, якобы триумфально шествующего к единству, единственным препятствием к которому были «оставшиеся» реликты тоталитаризма и авторитарные режимы. Вместо торжества «единственно верного и всемогущего» западного либерализма в XXI веке средневековая картина XV века: бегущие женщины и дети, спасающиеся от янычар, за ними пылающие и разрушенные церкви.

В 1913 году Флорентийский протокол начертал границы между новообразованной Албанией и ее соседями в пользу Албании, несмотря на то что Конференция послов в Лондоне в 1912 году констатировала, что в Ал-

¹ Seton-Watson R. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911. P. vii, 337.

бании оказалось около миллиона сербо-черногорского и македонского населения. Албанцы, требовавшие куда большего, ушли с конференции с открытым обещанием усеять Косово сербскими костями. Так эти решения, по выражению британского автора Дж. Суайра, оставляли «в сердце Балкан язву», требующую неизбежного кровавого хирургического вмешательства. Именно в начале XX века были заложены конфликты его конца, а принципиальные западные установки сохранились в неизменности, как и контекст великодержавных интересов.

Особого драматизма достигают события в середине XX века в Югославии. И.Б. Тито создал ее как противовес двум соперничавшим блокам, лелея изначально планы создания всебалканской федерации с участием Албании. Это особенно понравилось У. Черчиллю, который именно после такого предложения сделал ставку на коммуниста Тито вместо Д. Михайловича. Ради таких геополитических прожектов сербам, изгнанным из Косово – Старой Сербии – во время оккупации этого региона фашистской Италией, было запрещено возвращаться в свои родные места, что ускорило угрожающее изменение демографического равновесия в регионе. Реальностью в Югославии был не сербский национализм, в котором Запад упорно обвинял Белград, а полное подавление и выселение сербского населения волнами албанской экспансии, проводившейся теперь уже под лозунгами «братства и единства».

Нелишне напомнить Брюсселю, что великоалбанская программа не ограничивается расчленением Сербии, но распространяется на соседей нынешней Албании. Так, от нынешней Македонии к «Великой Албании» отошли бы пограничные территории. Греция лишилась бы северо-западной части (почти трети) своей территории, а Черногория была бы урезана почти на 45 %. На фоне событий на Ближнем Востоке и угрозы со стороны ИГИЛ эта опасность уже не кажется преувеличенной.

Оккупация и отторжение Косово готовились в течение 90-х годов для создания нового плацдарма в Европе, который мог бы обеспечить сразу несколько геополитических и военно-стратегических задач: давление на потенциальных союзников России, контроль над путем от Дуная к проливам, над направлением в Азию в обход России новообразующихся нефтегазовых путей Каспийского бассейна, то есть над торговыми, сырьевыми и военно-стратегическими коммуникациями Европы и Малой Азии, приближение к Персидскому заливу, Ближнему Востоку и стратегическому союзнику – Израилю. Моравско-Вардарская долина стала лишь ключом к «укреплению с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» с тем, чтобы «растущая Европа» могла стать «реальным трамплином для продвижения в Евразию». Именно так сформулировал стратегические геополитические цели США З. Бжезинский.

Огромный объем материала, введенного этим трудом в научный оборот, позволяет говорить о качественном рывке в освещении процессов, которые привели в Юго-Восточной Европе к масштабным переменам в эт-

ническом, межрелигиозном, демографическом равновесии, что игнорируется большинством западных авторов. Уникальной делает книгу Терзича именно непрерывность научного анализа сложнейших процессов в этом регионе Балкан. Весь клубок противоречий и столкновений интересов великих держав — Австро-Венгерской империи, Британии, России именно на земле Старой Сербии — стратегически значимой Вардарской долины, последовательно разворачивается исследователем на страницах монографии.

Исполинский труд Славенко Терзича — безусловно, выдающееся явление в сербской исторической науке. Но это еще и вдохновляющий акт сербского национального духа и национального самосознания. Русский читатель найдет для себя богатейший исторический материал для осмысления сложнейших процессов современной мировой политики и для полезного размышления над судьбами православного славянства в XX—XXI веках.

От автора

Исторические познания о Старой Сербии в XIX–XX веках даже среди сербов, а тем более за рубежом были весьма скромными. Само понятие «Старая Сербия» было вытеснено из языка в пользу нескольких новых административных и политических терминов. Старая Сербия в данной работе рассматривается, прежде всего, в качестве культурной и исторической территории, охватывающей средоточие старого сербского государственного, культурного и духовного наследия — центральную часть Сербии, которая после образования нового государственного центра на севере в начале XIX века (Княжество Сербия) оставалась под властью Османской империи до 1912 года. Хотя здесь была сильно изменена этническая и цивилизационная обстановка в течение веков Османской власти, богатство старого сербского культурного наследия, серьезно пострадавшего в те времена, «когда живые завидовали мертвым», дало этой земле, все черты исконного сербского исторического и цивилизационного пространства. Пусть и пронизанного, в меньшей или большей мере иными, в первую очередь ориентальными, идеями и ценностями. Один писатель еще в начале семидесятых годов XIX века вместо «Старая» охотно использовал и понятие «Настоящая Сербия», имея в виду именно многовековой политический, государственный, культурный и духовный центр сербского народа, не только в период Средневековья, но и в течение нескольких последующих столетий под чуждым османским господством. У Старой Сербии, в понимании «новой эпохи», не существует собственной административной или государственной границы. Среди самых разных взглядов на пространство, занимаемое этой землей, наиболее авторитетным кажется научное мнение Йована Цвийича о том, что Старая Сербия занимает территорию Рашки, Косово и Метохии и Скопско-Тетовской области. Оттоманский Косовский вилайет (1877–1912) в качестве административной единицы захватывал ядро Старой Сербии, и нередко можно было услышать, что на самом деле это Старая Сербия включает в себя Косовский вилайет.

Понятие «Старая Сербия» возникло сразу после формирования Княжества Сербия в начале XIX века. Сербские и зарубежные исследователи используют это название при обозначении исторического центра (средоточия) Сербии, оставшегося под властью Турции, отличая его, таким образом, от вновь сформированного политического ядра в Шумадии и прилегающих областях, от «новой Сербии» или «политической Сербии», как пишет Цвийич. Плодородные и густонаселенные области Старой Сербии веками представляли собой основную арену сербской хозяйственной, культурной

и общественной жизни. В западной части Старой Сербии кроме горных плато находятся и плодородные поля и благоустроенные долины вдоль рек. В Средние века, да и позже, вплоть до наших дней, выделяются более или менее плодородные области, такие как Потарье, Полимле, Новопазарское поле, Косово поле с прилегающими районами, Метохия с Печкой и Де-чанской Бистрицей и Призренским полем, с районом Шар-горы, Ополья, Средске и Сиринича, а на самом юге — Скопская Черная Гора, Кумановская область, Скопская котловина и Верхний и Нижний Полог.

Ни одна другая населенная сербами область не отразила в себе судьбу сербов в течение прошедших веков, а особенно за последние два века так всеохватно и убедительно, как Старая Сербия. Все искушения сербской истории нового времени — геополитические, военно-стратегические, общественные, культурные, цивилизационные, религиозные (и всё это в широком, балканском и европейском контексте) отзывались ещё сильнее и драматичнее на просторах Старой Сербии. В сербской историографии немного исследований обобщающего характера, посвященных прошлому этой страны в XIX—XX веках. Историческая важность этой земли несопоставима с ничтожно малым местом, занимаемым ею в сербской историографии. Общеизвестно, что старое сербское историческое наследие — государственное, культурное, духовное — представляет основу сербской этнической идентичности в течение веков, и под оттоманской, и под венецианской, и под габсбургской властью. На широкие основы этой традиции опирается современная сербская культура, формировавшаяся в течение XVIII века. В областях Старой Сербии, как известно, находятся сербские королевские и царские столицы, главные духовные святыни, центр Сербской Патриархии, величайшие достижения средневекового искусства, самые важные горнодобывающие центры и залежи полезных ископаемых. Старая Сербия в Средние века, да и позже, до конца XVII века была самой густонаселенной областью сербского народа. Поэтому естественно, что старое сербское наследие занимает особое место в формировании современной сербской национальной и государственной идентичности. Конечно, не случайно, что именно Старая Сербия в течение последних нескольких веков стала объектом приложения геополитических, духовно-религиозных и военно-стратегических амбиций крупных европейских и мировых сил, а также территориальных претензий соседних народов. Сегодня она томится в «стальных объятьях» мирового панисламизма и воинствующего албанского паниллиризма под эгидой нового американского и западноевропейского «прорыва на Восток».

Ещё в конце XIX века мудрый ученый и государственный деятель Стоян Новакович предупреждал о последствиях не только крупных политических, этнических и демографических изменений на территории Старой Сербии, но и о постепенном забвении самой идеи Старой Сербии в процессе построения новой сербской политической и культурной мысли. Дальновидность Новаковича подтвердили драматические изменения, произошедшие в течение XX века. В небольшой статье под заголовком «Забывтая книга из Ниша» (1890 год) Новакович, имея за плечами большой

опыт, предупреждал о последствиях пренебрежения пространством старого сербского государственного наследия. «Юго-восточные и южные районы нашего народа», — пишет Новакович, — «именно те, на территории которых когда-то народная жизнь развивалась в полной силе, выглядели заброшенными и забытыми (...). А наша работа не имела ни настоящего плана, ни должной организации; мы опирались только на политику и пренебрегали кропотливой и незаметной, но плодотворной работой на пользу будущего». Вряд ли мы сегодня, 120 лет спустя, смогли бы что-либо добавить к словам Новаковича. По следам Новаковича меньше чем через сто лет о необходимости исследования Старой Сербии писал Дмитрий Богданович, внося в 1983 году в Академии наук предложение о всеобъемлющих исследованиях в Косово и Метохии. Он сделал вывод о том, что «неосведомленность самого сербского народа о собственной истории, в особенности о сербско-албанских отношениях в прошлом, с каждым последующим поколением становится все больше».

Первые более-менее достоверные свидетельства об областях Старой Сербии в XIX веке мы находим в трудах зарубежных исследователей и авторов путевых заметок, таких как Йозеф Мюллер, Ами Буэ, Георг Ханн, Александр Гильфердинг, Маккензи и Ирби, Иван Ястребов и другие. Драгоценны записки и свидетельства таких сербских писателей, как Гидеон Юришич и Хаджи Серафим Ристич, Милош Милоевич и других. Более точная информация содержится в работах сербских и зарубежных исследователей и в путевых записках конца XIX — начала XX века. Среди сербских писателей наряду со Стояном Новаковичем выделяются и Владимир Карич, Джордже Попович Даничар, Бранислав Нушич, Тодор Станкович, Светислав Симич, Михаило Ристич, Йован Хаджи Васильевич, Милойко Веселинович, Иван Иванич, Йован Томич и другие. Самой объемной, несомненно, является работа Йована Хаджи Васильевича. Из зарубежных исследователей Старой Сербией в рамках более широких балканских тем занимались, в числе прочих, Теодор Ипен, Виктор Берар, в меньшей мере Мери Дарам, дипломат из Австро-Венгрии Симон Йованович, и особенно французский ученый Гастон Гравье в своих статьях «*La Vieille-Serbie et les Albanais*» («Старая Сербия и албанцы», 1911), а также «*Le Sandžak de Novi Pazar*» («Новопазарский санджак», 1912) и книге «*Les frontières historiques de la Serbie*» («Исторические границы Сербии», 1919)¹.

Результаты исследований Йована Цвийича в конце XIX — первых десятилетиях XX века, в большинстве своем основывающиеся на местных исследованиях, пролили новый свет на Старую Сербию и значительно расширили знания о демографических, общественных и цивилизационных процессах в Старой Сербии и соседних балканских областях. Речь в пер-

¹ Gravier G. La vieille Serbie et les Albanais // Revue de Paris. 1er novembre 1911; Idem. Le Sandžak de Novi Pazar // Annales de Géographie. Vol. 22, N° 12, 1912. P. 41–67; Idem. Les frontières historiques de la Serbie. Paris, 1919. 164 p.

вую очередь идет о таких его работах, как *«Антропогеографические проблемы Балканского полуострова»* (1902), *«Материалы к географии и геологии Македонии и Старой Сербии, с обзором Южной Болгарии, Фракии, сопредельных районов Малой Азии, Фессалии, Эпира и Северной Албании»* (1906–1911) и, в определенной мере, о научном синтезе его исследований, представленных в работе *«Балканский полуостров и южнославянские земли. Основы антропогеографии»*, опубликованной сначала на французском, а затем в 1922 году в Белграде на сербском языке.

Большой вклад в изучение Старой Сербии внесли исследователи в период между двумя мировыми войнами, сосредоточенные вокруг Философского института и Музея Южной Сербии в Скопье. Их работы опубликованы в научном журнале *«Гласник Скопског научног друштва»*. В 1927 году в Скопье начал выпускаться и журнал науки и литературы *«Јужни преглед»*, также публиковавший значимые работы по теме литературного культурного наследия Старой Сербии. Самая обширная работа, посвященная Старой Сербии и соседним с ней областям в период между двумя мировыми войнами, — книга *«К двадцатилетию освобождения Южной Сербии»* (Скопье, 1937), являющаяся настоящей сокровищницей данных из всех сфер исторической жизни этих областей. Кроме хорошо известных работ Слободана Йовановича о Сербии XIX — начала XX века (до 1903 г.) и работы Йована М. Йовановича *«Южная Сербия с конца XVIII века до освобождения»*, существенный вклад в изучение Старой Сербии в начале XX века внесла работа Владимира Чоровича *«Отношения Сербии и Австро-Венгрии в XX веке»* (1936), многие страницы которой касаются проблемы Старой Сербии. Из многочисленных работ небольшого объема выделяются две историко-мемуарные книги Петра Костица о просветительно-культурной и церковной ситуации в Призрене и прилегающих к нему районах во время османской власти. Необходимо упомянуть и чрезвычайно серьезную исследовательскую экспедицию в Верхнее и Среднее Полимле и прилегающие области, организованную в 1933 году на пожертвования Луки Человича Требинца, во главе с выдающимися деятелями сербской науки, такими как Станое Станоевич и Владимир Чорович.

В период после Второй мировой войны тема Старой Сербии десятилетиями находится на втором плане научных интересов сербской историографии и общественных наук. Тема в некотором роде была отдана «на откуп» исследователям из Приштины и Скопье, хотя были и исключения. Трехтомная работа Сретена Вукосавлевича *«История крестьянского общества»* по большей части касается Старой Сербии. Среди этнографических и социально-экономических исследований выделяются, в первую очередь, книга Атанасия Урошевича *«Косово»* (1965), возникшая в результате исследовательских экспедиций с 1931 года до Второй мировой войны, затем работы Милисава Лутовца и Йована-Трифуноског, а из молодых (в то время) исследователей — работы Петра Влаховича, Милована Радовановича, Жарка Шчепановича и Эюпа Мушовича. Из историков старшего поколения Старой Сербией в после-

военный период больше всех занимался Владимир Стоянчевич, в определенной мере и Дмитрий Джорджевич, Богумил Храбак и Климент Джамбазовски — в рамках своих работ о сербско-македонских отношениях, Вук Винавер, Живко Аврамовски, Мустафа Мемич, Славко Димевски и другие. С 1964 года до 1968—1969 годов важные историко-географические исследования на местности провел Комитет по изучению Косово и Метохии Философского института в Белграде. Исследования проводили Божидар Ферьянчич, Гавра Шкриванич, Реля Новакович, Милош Благоевич и Душан Синдик. Многолетние ономастические исследования в Косово и Метохии проводили Светозар Стиёвич и Алия Джогович.

За последние несколько десятилетий старо-сербские темы были широко представлены в многочисленных работах Михаила Войводица, затем Джорджа Микича, Душана Батаковича, Драго Маликовича и нескольких молодых коллег, таких как Милош Ягодич, Славиша Неделькович и Владан Йованович. Труды в основном касаются Косово и Метохии. Старая Сербия в большей или меньшей степени представлена в более широких исследованиях и научных работах по общей и национальной истории XIX—XX веков авторства Милорада Экмечича, Джоки Пейовича, Новицы Ракочевича, Новака Ражнатовича, Андрея Митровича, Драголюбa Живоиновича, Миомира Дашича, Зорана Лакича, Бранко Петрановича, Бранислава Глигориевича, Томислава Кралячича, Веселина Джуретича, Джорджа Станковича, Любодрага Димича и Джорджа Борозана. Наряду с серьезным исследованием историка из Загреба Бернарда Стули об Албанской лиге, Старая Сербия представлена и в отдельных исследованиях или объемных работах историков из Сараево, таких как Хамдия Капиджич, Фердо Хауптман, Касим Исович, Галиб Шливо и других. Пионером в изучении западных районов Старой Сербии XIX — начала XX века, то есть области Рашка, наряду с Любомиром Дурковичем Якшичем считается Вукоман Шалипурович, автор многих прекрасных книг о ситуации на данных территориях в XIX — начале XX века. Бранко Перунич опубликовал три объемные книги исторического содержания о Старой Сербии. По его следам шел молодой исследователь Милич Ф. Петрович. Очевидный прорыв в изучении Старой Сербии, особенно Косово и Метохии, представляла публикация сборников исторического материала *«Документы о внешней политике Королевства Сербия 1903—1914»* в нескольких томах, в издании Сербской академии наук и искусств (подготовили Михаилo Войводиц, Лиляна Алексич, Андрия Раденич, Живота Анич, Душан Лукач, Климент Джамбазовски) и *«Австро-Венгрия и Сербия 1903—1918. Документы из венских архивов»* в издании Исторического института Сербской академии наук и искусств (подготовил Андрия Раденич).

В 80-е и 90-е годы XX века наблюдается возвращение к темам Старой Сербии, прежде всего Косово и Метохии. Эти работы инициирует Сербская академия наук и искусств. Возвращение к этой теме подстегивалось в большой мере событиями в Косово и Метохии. Систематический план исследований в Косово и Метохии представил, как это уже упоминалось, Димитрие Богданович в 1983 году, при поддержа-

ке четырех отделений Академии. Богданович предложил учреждение межведомственного комитета по изучению Косово и Метохии и начало издания *Косовского сборника*. Масштабное издательское начинание было подготовлено в Сербской академии наук и искусств (этим в основном занимались Радован Самарджич, Дмитрий Богданович и Живорад Стойкович) и представляло собой публикацию монументальной работы *«Наследие Косово — памятники и ценности сербского народа»* (Призрен — Белград, 1987). В течение 1985—1990 годов Сербская академия наук и искусств организовала несколько весьма значимых круглых столов и циклов лекций, посвященных Косово и Метохии и сербско-албанским отношениям, которые несколько позже были опубликованы в виде сборников работ: *«Сборник круглого стола по научным исследованиям Косово»* (1988), *«Иллиры и албанцы»* (1988), *«Сербь и албанцы в XIX и начале XX века»* (1990), *«Сербь и албанцы в XX веке»* (1991). В 1989 году, когда отмечалось 600-летие со дня Косовского боя, наряду с несколькими значимыми работами из области литературы и искусства, были опубликованы и две выдающиеся книги по истории Косово и Метохии: *«Книга о Косово»* Дмитрия Богдановича и *«Косово и Метохия в сербской истории»* (работа нескольких авторов). Сербская академия наук в тот же год опубликовала и документальное научное исследование Ружи Петрович и Марины Благоевич под заголовком *«Переселение сербов и черногорцев с Косово и Метохии»* (опрос 1985—1986 гг.). Академия наук начала выпускать и три важных научных журнала, посвященных разным вопросам из истории Старой Сербии, в основном Косово и Метохии: *«Вопросы ономастики»*, *«Косовско-метохийский сборник»* и *«Вардарский сборник»*.

Настоящая книга посвящена важной и, к сожалению, забытой теме сербской истории XIX—XX веков. Ее цель — показать основные исторические проблемы Старой Сербии за последние два столетия (до раскола югославского государства), сыгравшие решающую роль в судьбе этой страны. Опираясь на вышеупомянутые исследования и научные обобщения, автор проводил исследования в первую очередь в архиве Сербии и Архиве Сербской академии наук и искусств, затем в Архиве Югославии и Военном архиве, Государственном архиве Республики Македонии и Государственном архиве Черногории. Из зарубежных архивов использовались богатые фонды Архива внешней политики Российской империи. Вместе с группой своих коллег из Института истории Сербской академии наук автор с 1995 года участвовал в многолетних историко-географических исследованиях Среднего Полимля и Потарья, затем Метохии и области Шарпланины (Гора, области Средская и Срнич), а в последние годы и верхнего течения рек Лим, верхнего Ибара и плоскогорья Пештер и Сенница, организованных Музеем в Приеполе. Во всех областях мы встречали бесчисленные и всё еще видимые следы разрушенных церквей, монастырей, средневековых городов, населенных мест, заросших старых дорог и многие другие свидетельства развитой демографической и культурной мощи сербского народа.

Сам по себе возникал вопрос: кто и когда создавал эти, сегодня немые, свидетельства богатой сербской истории, как выглядели их библиотеки, сокровищницы, иконостасы и многие другие ценности, где старые рукописные книги, при каких обстоятельствах и перед лицом какой исторической стихии сербский народ был вынужден оставить сердце своего государства и его естественный и географически заверченный фундамент. Автор старался изучать Старую Сербию как единое пространство событий, пытался разглядеть главные политические, экономические, культурные и духовные проблемы сербского народа за последние два века, обозначить последствия переплетения и конфликта разных цивилизационных ценностей, политических идеологий, уделяя особенное внимание религиозному фактору. Проект «Великой Албании», этнически чистой «природной Албании», пронизанный идеологией фанатичного шовинизма, принес Старой Сербии опустошение, как если бы на нее обрушился тропический циклон. Вытеснение сербов в течение нескольких десятилетий видно и в области Рашка, и в Скопско-Тетовской области. Пытаясь восстановить в первую очередь политическую среду и главные идеи, движущие события в течение прошедших двух веков, автор старался пролить свет и на менталитет, характер, социальную психологию участников событий.

Старая Сербия после освобождения 1912 года столкнулась с мощным османским наследием, в значительной мере повлиявшим на историю этой территории в XX веке. В то же время для сербов характерны определенная спутанность в отношении к собственной истории и пошатнувшаяся вера в себя.

Мне бы хотелось поблагодарить рецензентов книги: академика Милорада Экмечича, академика Михаила Войводиича и профессора, доктора исторических наук Константина Владимировича Никифорова, директора Института славяноведения Российской академии наук. Благодарю и сотрудников вышеупомянутых архивов, которые любезно предоставили мне возможность воспользоваться их фондами. В качестве иллюстраций для этой книги я использовал экспонаты Исторического музея Сербии, Военного музея, Военного архива в Стокгольме, Государственного института по защите памятников культуры, Института по изучению природы и Музея в Приеполе. Я обязан поблагодарить и музейных консультантов: Веру Здравкович, Штефицу Радманович и Славолюба Пушицу, Гордану Маркович, профессоров Отдела по истории искусств Факультета философии в Белграде: Драгана Войводиича и Миодрага Марковича, Душана Топаловича, Велибора Колачарича и Драгана Ивановича из Стокгольма, Мирчету Вемича из Географического института «Йован Цвийич» Сербской академии наук и Наташу Томич из Военного музея. Особенно благодарю коллег и друзей из Исторического института — д-ру Гордану Томович, Снежану Ристич, Гордану Гаич-Петрович, и сотрудников Библиотеки — Славицу Мереник и Милицу Йованчичевич.

Глава I

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Сегодня практически уже забытое историко-географическое название *Старая Сербия* несет в себе всю драму совокупной сербской истории: от самого происхождения этого названия, постепенного его распространения и формирования представления и знаний об этой сербской земле в среде сербских и зарубежных специалистов и общественности в течение XIX — начале XX века до постепенного исчезновения этого названия и его замены другими административными или политическими терминами. Сербь как народ склонны не только легко оставлять свои старые очаги, но и быстро усваивать чужие названия своих земель и областей¹.

Территория старого национального и духовного центра, которая до формирования Княжества Сербии была известна европейской общественности исключительно как часть единого целого, называемого *Сербией* (под властью турок), после формирования нового политического центра на территории бывшего Белградского пашалыка начинает называться *Старая Сербия*. Трансформация названия от «Сербия» до «Старая Сербия» со временем породила название «Новая Сербия», как, например, Сретен Л. Попович называл вновь освобожденные области в 1878 году, или как Евто Дедиер в 1913 году назвал свою книгу об областях, освобожденных в 1912 году. Указывая на судьбу не только названия, но и страны, мы в действительности отмечаем явление выраженного подавления и сужения исторического сознания у сербов, сужения знания и представлений о своих землях. Но также и обновление этого сознания с укреплением общественной и научной элиты, которая становится носителем национальной идеи.

В более ранние века сербской истории имя *Сербские земли* было привычным для всей сербской этнической области, а отдельные части обозначались специальными региональными или областными названиями. «Со временем, — пишет Стоян Новакович, — мало-помалу, название Сербия стало замещать более старое — Сербские земли»². Со времени создания автономного княжества в отечественной и зарубежной литературе начался постепенный отказ от раннего названия *Сербские земли*, а затем *Сербия*,

¹ Славенко Терзић. Стара Србија — настанак имена и знања о њој до 1912 // Историјски часопис. XLII—XLIII (1995—1996). Београд, 1997. С. 91—110.

² Стојан Новаковић. Балканска питања и мање историјско-политичке белешке о Балканском полуострву 1886—1905. Београд, 1906. С. 294.

применительно к старому государственному пространству времен турецких завоеваний термин стал применяться лишь к автономной территории Княжества Сербии. На вопрос о происхождении названия *Сербия* для нового государственного центра в течение и после Первого сербского восстания обратил внимание Владимир Карич, особо подчеркнув соотношение этого государственного названия (для части освобожденной территории Сербии) и отдельных областных названий¹. В то время название *Сербия*, находящееся на европейских картах, обозначало более широкие территории, чем территория нового небольшого государства под названием *Сербия*. Йован Цвийич был прав, когда заметил, что в первой половине XIX века картографы «начали постепенно упразднять более широкое понятие *Сербия* и этим именем обозначать только освобожденную, политическую Сербию»². Мудрый и проницательный ученый и государственный деятель Стоян Новакович ещё в конце XIX века справедливо отметил серьезные последствия сужения исторического сознания и особенно отдаления Княжества Сербии от сербов в Турции, «от её настоящего наследия», от «старого сербского государственного наследия»³.

В течение затянувшегося турецкого владычества первоначальные названия сербских земель сосуществовали с османскими административными названиями и использовались не только между сербами, но и в европейской литературе, прежде всего, в путевых заметках и картографии. Иногда, как это, например, было в случае с областным названием Рашка, эта тенденция дольше сохранялась у европейских исследователей, чем у сербов. Вплоть до первых десятилетий XIX века область Старой Сербии обозначается в качестве центральной части Сербии, хотя иногда вместо названия Сербия используется термин Рашка в качестве другого названия для Сербии. На всех европейских картах название Сербия на юге и юго-западе обозначает область около Скопья (Скопско-Тетовская область), сегодняшние Косово и Метохию и область Старой Рашки. На карте известного итальянского картографа Джакомо Кантелли да Виньола «Королевство Сербия, иначе называемое Рашка» («Il Regno della Servia dettaaltrimenti Rascia»), изданной в Риме в 1689 году и посвященной кардиналу Альфонсо Лити, южная граница Сербии протекает от Плавского озера, через Проклетие, Черный Дрин, к югу от Шар-горы и Скопья до Старой горы (охватывает Кратово и Куманово)⁴. На карте известного географа Коронелли в *Corso geographico* (1692) Сербия простирается к югу от Шар-горы и Скопской Черной горы, а Скопье постоянно обозначается как *Metropoli della Servia*⁵. Римско-католический архиепископ Бара Вичентие Змаевич в своем отчете о Сербии в 1707 году пишет, что граница Сербии на юге доходит «до реки Дрин, являющейся границей

¹ Владимир Карич. Србија, опис земље, народа и државе. Београд, 1887. С. 481–482.

² Јован Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Књ. I. Београд, 1906. С. 44–45.

³ С. Новаковић. Указ. соч. С. 388–389.

⁴ Србија и суседне земље на старим географским картама. САНУ. Београд, 1991. С. 72–73.

⁵ Ј. Цвијић. Указ. соч. С. 43.

между Сербией и Албанией, епархий Драчка, Лешка и Сапе». Главными населенными пунктами в Сербии, по словам архиепископа Змаевича, кроме Белграда, Смедерева и Ниша, являются и Скопье, Прокупле, Ново Брдо, Приштина, Трпча, Призрен и Печ, а также крепости Качаник, Тетово, Янево, Вучитрн, Митровица, Джаковица и Нови Пазар¹. В знаменитых атласах Иоганна Баптиста Хоманна первой половины XVIII века (Johan Baptist Homann) в состав Сербии входит и скопская, кратовская и кюстендилская области. Ведущий французский и европейский картограф XVIII века Гийом Делиль опубликовал в Аугсбурге в 1717–1726 годах гравюру «Карта Венгрии» (Tabula Hungariae), на которой сегодняшние Косово и Метохия, включая и Печ, Джаковицу и Призрен, целиком входят в состав Сербии. На карте картографа Йоханна Кристофа Роде под названием «Карта приграничных областей трех великих империй – Австрийской, Российской и Османской», напечатанной в Базеле в 1785 году, на гравюре, выпущенной под контролем Королевской академии наук, граница Сербии и Албании находится в устье Белого Дрина, впадающего в Черный Дрин. Три года спустя, в 1788 году на французской карте Луи Брионаде ла Тура был изображен театр военных действий проходившей тогда русско-турецкой войны. Граница между Сербией и Албанией находится также на Большом Дрине и начинается от впадения Белого Дрина в Черный Дрин. В границах Сербии (Servia) сегодняшние Косово и Метохия с прилегающими областями обозначаются как Рашка, к которой относятся и Печ, и Джаковица и Призрен². Несколько позже на карте под названием «Османская империя в Европе», которая была опубликована в 1797 году, вся Метохия с Печем, Джаковицей и Призреном изображается как часть Сербии³.

Австрийская картография первой половины XIX века и позже оказала сильное влияние на формирование знаний о Сербии и соседних сербских землях, как в европейской науке и общественной мысли, так и между сербами. Поколение повстанцев во главе с Георгием Черным (Карагеоргием) ясно осознавало политическое и культурное значение старого сербского государственного и культурного наследия. Это доказывает и поход Карагеоргия на Нови Пазар и Сенницу в 1809 году, о котором великий немецкий историк Леопольд Ранке сказал: «У Сенницы перешел Карагеоргий через горы, чтобы напрямик добраться до старого гнезда сербского царства в Рашке и Верхнем Лиме, до своих старых единоверцев»⁴. И другие иностранцы осознавали этот факт. Русский государственный советник Константин Родофиникин (позже – руководитель Азиатского департа-

¹ Јован Радонић. Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 511.

² Theatre itineraire dela Guerre Actuelle, en treles Turcs, d'antepart: Carterelativeaussian partage even tuel d'unedel'unedel'Empire Othoman. Par M. Brionde latour. Ing. Geographedu Roi. Paris, 1788.

³ Imperii Osmanici sive Turcici Europaei, Tabula ad normam Resentissimarum Observationum concinnata Sumtibus Joannis Walchii, Augustae Vind – Das Osmanische Reich in Europa. Nach den neuesten Nachrichten und bewahrtesten Hulfsmitteln. 1797.

⁴ Леополд Ранке. Србија и Турска у деветнаестом веку. Београд, 1892. С. 137.

мента царского Министерства иностранных дел России 1819–1837) 9 ноября 1808 года предлагал русскому генерал-фельдмаршалу князю А.А. Прозоровскому, чтобы на предстоящих переговорах между Россией и Турцией граница сербского государства на юге включала Скопье, а затем шла через Шар-гору и горные вершины, включая Нови Пазар в эти границы¹. Представления о старых сербских центрах начинают меняться в течение 20-х годов XIX века. Самое большое влияние на представления о Сербии и соседних сербских землях оказал австрийский капитан в Генеральном штабе Адам фон Вайнгартен (1788–1831) своей историко-географической работой «О Сербии» («Über Serbien») и картой Сербии, опубликованной в австрийском военном журнале за 1820 год. Эта работа стала, согласно запискам Николы Радойича, «основой для научной географии Сербии»². Уже на этой карте можно заметить сужение южных границ Сербии по отношению к ранее установившимся представлениям в европейской картографии и географии. На карте Сербии Вайнгартена юго-западная и южная границы Сербии охватывают территорию вплотную к Сеннице, область Нови Пазара, Баньску, Вучитрн и Приштину (до Добротина – с нижней стороны), затем граница идет до Шар-горы, Скопской Черной горы и далее к Старой горе; Плевлю, Приеполье и Сеннице в Боснии, а Гусинье, Плав, Печ и Джаковицу – в Албании. Карта имела известное влияние на Вука Караджича и на других зарубежных и сербских исследователей.

В середине XIX века, несмотря на пробуждение у сербов национального сознания, существовали достаточно туманные представления о сербском народе на юге и даже определенная путаница в политических, географических и этнографических понятиях. К такому выводу можно прийти, проанализировав несколько различных источников, в частности, выпущенные в Белграде географические карты. Речь идет о школьных и настенных картах, повлиявших на формирование представлений о сербах и сербских землях. В 1845 году увидела свет «Карта Княжества Сербии» Йована Бугарского, серба из Южной Венгрии, находящегося на сербской государственной службе в период с 1839 по 1844 год.

С первого взгляда понятно, что Бугарски не знал землю и народ южнее границы Княжества. Территорию, находящуюся за границами Княжества, в направлении на юго-запад и юг, начиная от Нови Пазара, включая Косово и Метохию, Бугарски обозначил как «часть Старой Сербии, сегодняшнюю Албанию». По Бугарскому, от Ниша начинается «Болгария». Вопреки очевидной неосведомленности автора, эта карта послужила в качестве одного из важных источников (находящихся в подзаголовке) для составления карты Сербии Генриха Киперта, признанного профессора географии Берлинского университета (карта была издана в Веймаре в 1849 году, вновь была опубликована в 1853 году)³.

¹ Стојан Новаковић. Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 118.

² Николо Радойичић. Географско знање о Србији почетком 19. века. Београд, 1927. С. 35.

³ Србија и суседне земље на старим географским картама. С. 145.

На карте Киперта, которая носит название «Общая карта европейской части Турции», территория от реки Тары и горы Любишни вблизи Плевли на западе и до гор Рогозны и Старого Колашина обозначена как Рашка («Rascien»). Ясно обозначены территории албанских племен в северной Албании — Груда, Климената, Гашия, Хота, Кастрата, Пулата, Букумира, Бардия и прочее, но ни одно албанское племя не обозначено на территории Метохии, а особенно Косово. Область Дукаджин однозначно закреплена за северной Албанией, а Метохия обозначена как Метоя («Metoja»). Албания, в соответствии с картой Киперта, начинается от области Шаля на севере и протекает далее на юг¹. Нужно обратить на это внимание, так как Киперт позже стал одним из ведущих авторитетов в области европейской картографии, его карты считались надежными в том, что касалось проблематики Юго-Восточной Европы. Особенно это наблюдалось во время Великого восточного кризиса (1875—1878) и Берлинского конгресса (1878), когда карты Киперта представляли основу для дискуссий по проблемам Балкан.

Спустя год после появления карты Бугарского в Белграде появился «Речник географјско-статистични Србије» (1846) Йована Гавриловича. Эта полезная книга демонстрирует невероятное незнание территорий вне границ Княжества. Старая Сербия не упоминается, но из нескольких определений можно увидеть, насколько знания Гавриловича о соседних землях слабы и запутанны: «Бугар-Морава, река, с истоком в Албании, втекает в Сербию недалеко от устья»; «Ибар, река, с истоком в Албании, чуть выше Косова, в подножье горы Проклетия, недалеко от городка Рожая, втекает в Сербию у Арильской косы с нашей стороны»; «Лим, река, с истоком в горах Герцеговины, разделяет Сербию и Боснию, втекает в реку Дрину, вблизи Руды»; «Тимок, река, с истоком в Пиротском районе в Болгарии, чуть выше поселка Равно Бучье, в Сербию вливается у Коренца»².

В сербских школах долгое время использовалась карта Княжества Сербии (*Кнажество Србије*) Йована Миленковича, опубликованная в Белграде в 1850 году. Карта предположительно была создана в 1830 году, когда Миленкович в составе Сербско-турецко-русской комиссии по определению границ сопровождал русского капитана из Генерального штаба П.Е. Коцебу (сам Коцебу в Петрограде в 1831 году опубликовал *Карту Сербии* с границами 1812 года). На карте Миленковича Герцеговина простирается до Лима, причем он опирался на Вука Караджича, что для того времени могло считаться точным, но зато, по Миленковичу, в юго-западном, южном и юго-восточном направлении от границы Княжества, начиная за Нова Варошью, находится «Албания», рядом с ней, под Нишем, и далее «Болгария». Карта, действительно, также как и вышеупомянутые работы Бугарского и Гавриловича, является выражением не только вопиющего незна-

¹ Heinrich Kiepert. General-Karte von der Europäischen Türkei. Berlin, 1853.

² Речник географјско-статистични Србије. Саставио Јован Гавриловић. Београд, 1994. С. 22, 65, 93, 172.

ния народа и земли к югу от границ Княжества, но и показателем сужения представления о целостности сербского этнического пространства, а также свидетельством слишком большого доверия к точке зрения зарубежных исследователей.

Для удовлетворения школьных потребностей в картах и атласах сербское правительство привлекло венского профессора Константина Дежардена, который в 1853 году в Белграде опубликовал две школьные настенные карты: «Школска мапа Кнежества Старе и Воиводине Србије, Босне, Ерцеговине и Црне Горе, Славоніе, Хрватске и Далмације са неким частима други Аустријски, Македоніе, Бугарске, Влашке и т.д.» И «Школска мапа Европске Турске са Србиом и Влашком». На обеих картах внесено название Старая Сербия, но для относительно узкого пространства вне границ Княжества, которое начинается от городка Рашка, через дельту Топлицы и Южной Моравы приблизительно до Старой горы и Трна в сегодняшней Болгарии. Значит, в состав Старой Сербии, если верить этим картам, входит северная часть Косово, без Метохии, и территория между Нишем и Враньем¹.

Со второй половины XIX века название Старая Сербия всё чаще появляется в широком употреблении, не только на географических картах и в отдельных работах, но и в актах государственной администрации Княжества Сербии, в первую очередь церковной (Белградской митрополии) и министерства просвещения. С того времени название «Старая Сербия» постепенно начинает использоваться сербской, а затем и международной научной и более широкой общественностью. В 1852 году в Нови Саде выходит книга «Дечански првенац» иеромонаха Гедеоны Йосифа Юришича, в которой подробно описываются храм, дечанская рукописная сокровищница и деятельность монастырской братии. Юришич под понятием Старая Сербия подразумевал следующие нахии: Новопазарскую, Печскую, Джаковицкую, Призренскую, Скопскую, Косовскую, Приштинскую, Вучитринскую, Враньскую, Лесковачкую и Нишскую². В Земуле в 1864 году, как уже было сказано, появилась книга дечанского архимандрита Хаджи Серафима Ристича «Плач Старе Србије», посвященная английскому пресвитеру Уильяму Дантону. Дечанский архимандрит в том же году в Земуле опубликовал и книгу «Дечански споменици», содержащую бесценную информацию о дечанской ризнице и реликвиях, находящихся в ней в то время.

Побужденное атмосферой церковно-политической и культурной борьбы (в связи с подготовкой к провозглашению болгарского экзархата в 1870 году), поняв, что в Белграде плохо знакомы с этнографической и культурной ситуацией в южных областях, Наместничество Княжества Сербии в 1868 году учредило «Комитет по школам и учителям в Старой Сербии»,

¹ Србија и суседне земље на старим географским картама. С. 152–153.

² Владимир Стојанчевић. Јужнословенски народи у Османском царству од Једренског мира 1829. до Париског конгреса 1856. године. Београд, 1971. С. 327; Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989. С. 193–194.

в который вошли архимандрит Ничифор Дучич, Милош С. Милоевич и Панта Сречкович. Комитет начал с открытия школ (или обновления старых), подбора книг и учителей, и всё это вместе укрепило сербскую культурно-просветительскую и политическую идею в Старой Сербии. Для изучения «во всех отношениях» колыбели «наших королей и косовских героев», как писал Йован Ристич, Наместничество «за государственный счет» отправило в южные края сначала Милоша Милоевича (1871), а затем Панту Сречковича (1873). Милоевич вскоре начал публикацию своей работы «Путопис дела Праве — Старе Србије», в трех тетрадах (1871, 1872 и 1877). В Вене в 1871 году было опубликовано военно-географическое исследование майора австро-венгерского Генерального штаба Петера Кукуля, который для Старой Сербии использует понятие Турецкая Сербия («*Türkisch Serbien*»), а также Старая Сербия («*Stara-Srbia, Alt-Serbien*»)¹.

То, что не все шло легко и быстро при открытии и изучении сербских старых земель, можно заключить и на основании работы «Кнежевина Србија» Милана Дж. Миличевича, опубликованной в Белграде в 1876 году, то есть в самом начале Восточного кризиса, в момент сербско-турецкой войны. Миличевич в предисловии говорит о том, что Сербия находится на «северной стороне Динарских Альп, пролегающих через Герцеговину на восток, в Старую Сербию». Однако, касаясь проблемы арбанасов, он пишет, что земля, на которой они проживают, «называется Арнаутлук, или Арнаут-вилайет, некоторые говорят и Арнаутская». «Эта земля, находящаяся рядом с Сербией, — пишет Миличевич, — начиная от Сенницы и Нови Пазара и далее вглубь до Скадра. Хотя в этих районах во многих местах проживают только сербы, опять-таки, арнауты считают, что это их земля, потому что между сербами есть и деревни арнаутов, населенные или исключительно арнаутами, или смешанно — арнаутами и сербами»². Имея в виду факт, что границы Старой Сербии ни в сербском обществе, ни в науке не были достаточно ясно определены, в течение 1878 года были предприняты меры для проведения «подробного исследования территории Старой Сербии»³. После оккупации Боснии и Герцеговины совокупная политика была сосредоточена на южных областях. Эта работа была доверена многолетнему редактору газеты «Даница» Джорджу Поповичу-Даничару, который «в течение двух месяцев, с утра до ночи, просматривал документы, отчеты и записки» и составил краткое исследование под названием «Стара Србија». Сначала эта работа из нескольких частей была опубликована в «Српским новинама», а затем издана как отдельная брошюра большим тиражом, но без подписи⁴. Эта работа написана немного архаичным язы-

¹ Das Fürstenthum Serbien und Türkisch-Serbien (Stara-Srbia, Alt-Serbien). Einemilitarisch-geographische Skizze von Peter Kukulj, major imk.k.Generalstabe (Im, Manuskriptgedruckt). Wien, 1871.

² Милан Ђ. Милићевич. Београд, 1876.

³ Михаило Војводић. Србија и албанско питање крајем XIX века, Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Београд, 1990. С. 65.

⁴ Ђорђе Поповић-Даничар. Стара Србија. Београд, 1878.

ком и возвращается во время переселения сербов и славян на Балканы. «Вопрос Старой Сербии, — пишет Попович, — это сегодня «горящий вопрос» — и будем надеяться, что он таковым останется лишь на бумаге. Он вызывает интерес не только у сербского народа, но и у остального славянства, а касается в большой мере русского народа и его чести, а также его будущего отношения к остальной части славянства, а можно сказать, и к Европе»¹. Попович справедливо указывает на то, что Старая Сербия «также, как и большинство народных географических понятий, не имеет точно обозначенных политических и административных границ относительно стран соседей», но ее территория может быть определена следующим образом: «На севере она граничит с Княжеством Сербия, пока не дойдете до горы Старого Влаха, которая между Нова Варошью и Сенницей простирается на запад до реки Лим. На востоке Старая Сербия граничит с Болгарией и далее, на юге вдоль реки Струмы, на западе охватывает без определенной границы часть Албании, включая районы Дукаджин с Пулатами и Дубру. На юге Старая Сербия простирается до Охридского озера и реки Бистрицы (Индже Карасу)»². Видение Поповичем Старой Сербии в какой-то степени совпадает со взглядами Йована Ристича. Известный британский археолог сэр Артур Эванс в одном из своих отчетов в июле 1883 года, направленном Эдмонду Фицморрису, заместителю секретаря по иностранным делам в британском правительстве и британскому послу в Царьграде Джорджу Виндхему, говорит о «турецкой Сербии», охватывающей Косовский и часть Битольского вилайета. Отчет содержит наблюдения Эванса о, как это можно увидеть из названия, «сегодняшней ситуации в Дардании, или Турецкой Сербии»³.

Основателем и вдохновителем первой долгосрочной программы просветительской, культурной и политической работы в Турции был Стоян Новакович. Новакович вместе с Владимиром Каричем требовал «точного определения границы самых южных сербских земель» и предоставления сербской национальной стратегии, опирающейся на мнения специалистов. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX века был сделан решительный поворот в новом исследовании и освещении старых центров сербской государственной и духовной жизни. Уже на карте Королевства Сербии Карича, опубликованной в Белграде в 1888 году, ясно обозначена Старая Сербия на территории от Плевля и Тары до Скопья, а именно в границах тогдашнего Косовского вилайета⁴. В книге Михаила Войводица «Стојан Новакович и Владимир Карич», содержащей объемное исследование об

¹ Ђорђе Поповић-Даничар. Стара Србија. Београд, 1878. С. 5–6.

² Там же. С. 3.

³ Јагодић. Два извештаја Артура Еванса о Старој Србији из 1883. године, зборник *Miscellanea*. Књ. XXX. Београд, 2009. С. 77–95. Милош Јагодић заметио, што у књизи «English document on the Albanian League at Prizren II», објављеној у Приштини у 1996 г. под редакцијом Скендера Ризаја, из оригинала пропуштени слова Турецка Сербия («от *Turkisch Serbie*»), а слово *Kossovo* заменено на *Kossova*.

⁴ Србија и суседне земље на старим географским картама. С. 165.

отношениях этих двух великих национальных тружеников и их переписку 1888—1891 годов, содержится и много важных фактов о Старой Сербии¹.

В конце XIX — начале XX века увеличилось число брошюр, исследований и путевых записок о Старой Сербии и Македонии, в которых постепенно формировалось восприятие сербской наукой Старой Сербии. Это были работы Стояна Новаковича, Светислава Симича, Михаила Ристича, Бранислава Нушича, Владимира Карича, Йована Цвийича, Ничифора Дучича, Александра Белича, Йована Радонича, Станоя Станоевича, Ефта Дедиера и прочих². Как Милош Милоевич говорит о Старой Сербии как о «настоящей Сербии», так Михаило Ристич в частной переписке со Светиславом Симичем, подобно сэру Артуру Эвансу, часто пишет о «турецкой Сербии»³.

После Стояна Новаковича, который в своих историко-географических, филологических и историко-политических исследованиях, позже изданных в сборнике его работ «Балканско полуострво и мање историјско-политичке белешке», указал на проблему «забытых» старых сербских земель, Йован Цвийич дальше всех продвинулся в фундаментальном изучении Старой Сербии. Он первый начал систематические исследования на местности, посещая пешком и верхом на лошади многие труднодоступные районы Старой Сербии и Балкан. Такой тип исследования представлял необычную основу для определения территории Старой Сербии: Цвийич пришел к выводу, что эта земля представляет костяк сербской истории, а Старая Рашка как одна из ее областей — «этнографический центр» сербского народа⁴. Результаты своих исследований он опубликовал сначала в работах «Географски проблеми Балканског полуострва» и «Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије», а чуть позже в известном двухтомнике «Балканско полуострво и јужнословенске земље»⁵. В работе «Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије»

¹ Михаило Војводић. Стојан Новаковић и Владимир Карић. Београд, 2003.

² Нићифор Дучић. Рашко-призренска митрополија и национално-културна мисија Краљевине Србије у Старој Србији и Македонији. Београд, 1896; Павле Орловић (Светислав Симич). Питање о Старој Србији. Београд, 1901; Исти, Стара Србија и Арбанаси. Београд, 1904; Јован Радонић. Прошлост Старе Србије (из «Срп. Књиж. гласника») Београд, 1912; Александар Белић. Стара Србија са историјско-језичке тачке гледишта (из «Срп. Књиж. гласника»). Београд, 1912; Јован Цвијић. Балкански рат и Србија. Београд, 1912; Михаило Војводић. Научници Србије и Први балкански рат. Први балкански рат (круглы стол, приурочен к 75-летию 1912—1987). Београд, 1991. С. 33—51.

³ Государственный архив Македонии — Скопье, Фонд: министерство иностранных дел Королевства Сербии, Михаило Ристич к Светиславу Симичу, Царьград, 9 ноября 1893 года. Речь идет о частной переписке между Ристичем и Симичем, происходившей, в основном, осенью 1893 года. Ристич использует понятия и «Старая Сербия», и «Турецкая Сербия».

⁴ Иван Косанчић. Новопазарски санџак и његов етнички проблем. Београд. С. 2—3.

⁵ Јован Цвијић. Антропогеографски проблеми Балканског полуострва // Етнографски зборник СКА 4. Београд, 1902; Там же. Географски положај и општегеографске особине Македоније и Старе Србије // Српски књижевни гласник. Књ. XI. 1904. св. 2. С. 115—153, књ. XI, св. 3. С. 205—228; Там же. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Књ. 1—3. Београд, 1906—1911; Там же. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропографије. Књ. 1—2. Београд, 1922—1931.

сербский ученый замечает, что южные границы Старой Сербии в направлении к Македонии в основном пролегают в границах тогдашнего Косовского вилайета. Наряду с Рашкой, Косово и Метохией, Цвийич считал, что если иметь в виду исторические традиции и этнографические и языковые особенности населения, то к границам Старой Сербии относятся и Скопская, Кратовская и Тетовская области. Исследования Цвийича совпадают с результатами исследований маститых славистов Нидерле и Флоринского, чьи этнографические карты опубликованы в 1909 и 1911 годах¹.

На духовную, политическую и культурную ситуацию в Старой Сербии в международной общественной мысли первым обратил особое внимание Александр Фёдорович Гильфердинг в своих путевых записках с научным уклоном «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (опубликовано в Санкт-Петербурге в 1859 году). Гильфердинг весьма критично оценил решение патриарха Арсения III Черноевича возглавить переселение сербов в 1690 году. После Косовского боя не было большей катастрофы, чем то переселение, пишет Гильфердинг. Патриарх «принял практически неслышанное решение в новейшей истории»; он «должен был предусмотреть, что произойдет со страной, которую он покинул. Старая Сербия опустела», подчеркивает Гильфердинг, и «всю эту дивную местность, сердце Старой Сербии, заняли албанцы, спустившиеся с бесплодных и студеной гор Дукаджина и Малесии в тёплые и плодородные равнины, покинутые славянами»². Однако этническая ситуация в Старой Сербии всё ещё не изменилась настолько, насколько это представлялось Александру Гильфердингу. По словам майора австро-венгерского генерального штаба Питера Кукуля, в Призренском мутесарифлуке (то есть в Косово и Метохии) по этническому составу в 1871 году было 318 000 сербов, албанцев (арнаутов) 161 000, чуть меньше османов, влахов, цыган и черкесов. По вероисповеданию православных (сербы и геги) было 250 000, а мусульман (арбанасы, сербы, цыгане, черкесы, османы) 239 000. Католиков (арбанасов и сербов) было 11 000.³

Англичанки Джорджина Маккензи и Паулина Ирби, находясь в Старой Сербии спустя шесть лет после Гильфердинга, поделились схожими впечатлениями в книге «Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe» («Путешествие по славянским землям Турции в Европе»). По примеру Гильфердинга, они объясняют причины изменений этнической ситуации в Старой Сербии: «Землю, оставшуюся пустой, заняли люди, сошедшие с соседних гор, шкипетары или албанесы, или, как их называют турки, — арнауты»⁴.

¹ Војводић. Србија и Македонско питање // Историјски гласник. 1–2 (1990–1992). Београд, 1992. С. 44–45.

² Александар Гилфердинг. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији. Сараево, 1972. С. 163.

³ Das Fürstenthum Serbien und Türkisch-Serbien (Stara-Serbia, Alt Serbien). Einemilitarisch-geographische Skizze von Petr Kukulj, Majorink. k. Generalstabe. Wien, 1871. S. 148–149.

⁴ Мјур Мекензи и А.П. Ирби. Путовање по словенским земљама Турске у Европи. Белград, 1868. С. 181.

Но, в отличие от арбанасов — мусульман, потерявших свою свободу и старую веру и пришедших на чужую территорию, христиане во время своих праздников собираются «под стенами своих старых великих церквей, у них существуют старые предания о старых королевствах и цивилизация, выделявшая Старую Сербию до тех пор, пока она была частью христианской Европы. А раз уж прошлое было их, они должны постараться, чтобы и будущее было их, чтобы рано или поздно они вновь стали частью христианской Европы»¹. Огромный объем исторического материала о Старой Сербии оставил русский консул в Призрене Иван Степанович Ястребов в своих работах «Данные по истории сербской церкви», «Обычаи и песни турецких сербов» и «Старая Сербия и Албания»².

Наряду с другими иностранцами проблему Старой Сербии отлично объяснил французский антрополог Гастон Гравье в работе «Старая Сербия и албанцы», опубликованной в Париже в 1911 году, после его путешествий и исследований в течение 1910—1911 годов³. Яков Слишкович, многолетний «наблюдатель обычаев и ситуации в Албании», как он себя сам называл, опубликовал в 1904 году книгу «Albanija i Macedonija», посвятив ее австро-венгерскому консулу в Скопье Бохумилу Пари. Слишкович неизменно использует название Старая Сербия, говоря о Косовском вилайете, подчеркивая, среди прочего, что «население косовского вилайета, или Старой Сербии, в основном составляют сербы»⁴.

Тенденцию распространения понятия Албания на территории Старой Сербии впервые находим в книге Теодора Ипена «Нови Пазар и Косово (Старая Рашка)», опубликованной в Вене в 1892 году⁵.

В Берлине в 1896 году опубликована работа Генриха Ренера «Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer» («Через Боснию и Герцеговину вдоль и поперек»), к которой прилагалась и обзорная карта этих областей с прилегающими землями. Пространство от Плевля и практически до самой Скопской Черной горы обозначено как Рашка («Rascien»)»⁶.

Большая часть Метохии, особенно около Джаковицы, включена в понятие Албании. В Вене в 1899 году опубликовано исследование военной разведки «Подробное описание Плевальского санджака и Косовского вилайета», в соответствии с которым на территории сегодняшних Косово и Метохии соотношение сербов (православных и мусульман) и арбанасов (мусульман и католиков) составляло приблизительно 50 на 50 %. До освобождения в 1912 году ситуация менялась в ущерб сербам. Религиозный

¹ Мјур Мекензи и А.П. Ирби. Путовање по словенским земљама Турске у Европи. Белград, 1868. С. 189.

² И.С. Ястребов. Стара Сербія и Албанија // Путевыя записки. Споменик СКА, ХLI. Београд, 1904. С. 2—20.

³ Гастон Гравје. Стара Србија и Албанија. Приштина, 1995.

⁴ Jakov Slišković. Albanija i Macedonija. Sarajevo, 1904. С. 25.

⁵ Novibazar und Kossovo (Das Alte Rascien). Wien, 1892.

⁶ Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer. Wanderungen von Heinrich Renner. Berlin, 1896.

состав населения менялся в Старой Рашке в связи с заселением мусульман из Боснии и Герцеговины после оккупации, а затем и присоединения этих областей, а также освобожденных территорий Старой Герцеговины, Никшича, Колашина и прочих, присоединённых к Черногории.

Одновременно вместо настоящего исторического названия области навязывается название «Санджак». В Османской империи так называли любую административную область. Всё-таки у албанцев в момент освобождения не было большинства во всей Старой Сербии, то есть в Косовском вилайете. В Вене в 1912 году появилось четвертое издание большой карты профессора Карла Пойкера под названием «Македония, Старая Сербия и Албания». Вся территория, начиная от Мокрой горы севернее Печа, включая Джаковицу, Призрен, и доходя до Скопья и Овчеполя, обозначена термином «Старая Сербия». Профессор Пойкер отмечает славянское большинство в тогдашнем Косовском вилайете, то есть в Старой Сербии («сербы и болгары»)¹.

Двадцатый век был судьбоносным для Старой Сербии. После освобождения в 1912 году название Южная Сербия, обозначавшее и освобожденную часть Северной Македонии, постепенно вытесняло термин Старая Сербия, а для Старой Рашки и далее достаточно часто использовалось название Санджак. Часть Метохии вдоль реки Белый Дрин принадлежала Черногории, а Плевля, с момента освобождения в октябре 1912 года до ноября 1913 года принадлежащая Сербии, также была отдана Черногории. Понятие Старая Сербия, однако, не исчезло, оно и далее использовалось не только в научной литературе, но и в дипломатической переписке. Так, например, британский генерал Уолтер Оксли, руководитель британской секции в Контрольной комиссии союзников, уведомляя министерство иностранных дел в Лондоне в ноябре 1944 года о действиях болгарской армии в Югославии и в этой связи касаясь темы Косово и Метохии, говорил о Старой Сербии².

Победа Коммунистической партии Югославии (КПЮ) в гражданской войне 1941—1945 годов заставила Старую Сербию пройти через новые тяжелые испытания. Накануне Второй мировой войны были сформированы областные комитеты КПЮ по Косово и Метохии и так называемому Санджаку, из которых в течение войны возникли автономные области. Сначала 20 ноября 1943 года был сформирован *Антифашистский совет народного освобождения Санджака*, в котором абсолютное большинство составляли православные сербы. Сербы также были и учредителями, и членами Областного комитета КПЮ по Косово и Метохии. На заседании Президиума Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) 24 февраля 1945 года было принято решение об отмене автономной области Санджак и возвращении старой границы между Сербией и Черногори-

¹ Karte von Makedonien. Altserbien und Albanien 1:804 000. Bearbeitet von Dr. Karl Peucker. IV. Auflage. Wein, 1912.

² България непризнатият противник на Третия Райх. Министерство на отбраната. Национален център по военна история. София, 1995. С. 151.

ей, но только в этой области. Член Президиума Марко Вуячич требовал, чтобы «весь Санджак был присоединен к Черногории, а также оба Дукаджина». На это отреагировал Эдвард Кардель, подчеркивая, что вопрос о территориях Косово и Метохии «сейчас не рассматривается, так как еще не время, и этот вопрос не стоит в повестке дня». На первом внеочередном заседании Антифашистского вече народного освобождения Сербии 7 апреля 1945 года было утверждено решение *Антифашистского вече Санджака* с Общего собрания в Нови Пазаре 29 марта 1945 года о том, что уезды Прибойский, Милешевский, Златарский, Сенницкий, Дежевский и Штавичский будут принадлежать Федеральной Сербии, а Плевальский и Белопольский — Черногории. На том же заседании Антифашистского вече народного освобождения Сербии было утверждено заявление делегации Областного народно-освободительного комитета Косово и Метохии о том, что эта область будет в составе Сербии в качестве ее автономной части. Президиум Народной скупщины Сербии принял 3 сентября 1945 года *Закон о формировании Автономной Косовско-Метохийской области в Сербии*. По переписи населения 1948 года албанцы в Сербии составляли 8,1 % населения, в Республике Македонии — 17,1 %, а сербы в Хорватии после чудовищного геноцида всё еще составляли 14,5—15 %, притом что в некоторых регионах (Лика, Бания, Кордун) они составляли свыше 90 % населения.

В 1958 году части Копаноникского и Студеничского уезда из центральной Сербии были переданы автономной Косовско-Метохийской области. До того северная граница административной области была ниже Лепосавича, на Ибре, у деревни Доброва, над Сочаницей. Южные части Старой Сербии, а точнее, Кумановская и Скопско-Тетовская области были присоединены к новообразованной Республике Македонии. Таким образом, был начат процесс систематического отсека сербов от их корней, культуры в этой республике и уничтожения их национального и духовного наследия.

Масштабная этническая чистка сербов в старой исторической сербской области Старой Сербии происходила на глазах сербской, югославской и мировой общественности от 1945 года до начала 90-х годов XX века. Французский демограф Мишель Ру в книге *«Les Albanais en Yougoslavie: minorité nationale, territoire et développement»* («Албанцы в Югославии: национальное меньшинство, территория и развитие», Париж, 1992) отмечает, что в 1939 году в Косово и Метохии проживало приблизительно 58 % албанцев и 42 % сербов и незначительное число турок. В ходе Второй мировой войны, во время фашистской «Великой Албании» из центра Старой Сербии было изгнано около 100 000 сербов и заселено минимум столько же, если не больше, албанцев из Албании. В соответствии с исследованиями демографа Милована Радовановича, из Косово и Метохии в центральную Сербию с 1945 по 1999 год было выселено 250 000 сербов, большей частью вследствие насилия, террора и фанатизма идеологии «Великой Албании».

РАШКА И ЕЁ ОСМАНСКОЕ
АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Областное историческое название Рашко, или Старая Рашка (как это было принято у некоторых авторов в конце XIX — начале XX века), разделяло судьбу названия Старая Сербия. Османское наследие, а именно административное деление империи, ставило на второй план исторические названия сербских областей. Этот процесс парадоксальным образом имел особое отражение в XX веке в навязывании для этих земель названия «Санджак». При толковании исторических процессов часто игнорируется ключевой вопрос — соотношение исторического названия области и её административного деления под османской властью. В Средние века, до османских завоеваний, Рашка была областным названием части Сербской земли, одной провинции, как пишет Радониц, простирающейся «между Кома, Дурмитора и Нови Пазара»¹. Об этом писали, в том числе, Станое Станоевич и Михаило Динич, а позднее Йованка Калич и Милош Благович. Ещё в середине X века, как пишет Благович, Босния на западе, а Рашка, или Раса, на востоке, кроме прочих областей, представляют неотъемлемую часть Сербии, причем Рашка с конца XI века «становится самой мощной сербской областью, и с ней всё больше связывается понятие Сербия»². Из сербских королей сыновья Стефана Первовенчанного, пишет Михаило Динич, использовали при титулировании понятие «рашская земля»: например, Радослав — «король всех рашских земель и травунских» или Владислав — «король всех рашских земель Диоклитии и Травунии, и Далматии и Захолмья». У Владислава была печать с надписью: «Стефан Владислав — король всех рашских земель»³. С расширением Сербии во время правления Неманичей Рашка остается областным названием одной части земли, хотя у дубровчан, венецианцев, венгров, в канцелярии Папы и других правителей оно употреблялось в качестве второго названия для Сербии.

С османскими завоеваниями сербских земель во второй половине XV века было связано административное разделение на вилайеты, санджаки, казы и нахии. Это разделение, с небольшими изменениями в названиях, осталось в силе до самого освобождения в 1912 году, и было действительно для всех областей Средней и Юго-Восточной Европы. Но сегодня никому не приходит в голову, например, говорить о Будимском санджаке в Венгрии, Осиецком в Хорватии или Тимишоарском в Румынии.

Наряду с османскими административными названиями, в среде завоеванного сербского и прочего христианского населения использовались старые областные исторические названия, записанные многими местными и западноевропейскими исследователями и путешественниками. В записи

¹ Јован Радонић. Прошлост Старе Србије (одштампано из «Српског књижевног гласника»). Београд, 1912. С. 4.

² Милош Благојевић. Србија у доба Немањића — од кнежевине до царства 1168–1371. Београд, 1989. С. 17–27.

³ Михаило Динић. О називима средњовековне српске државе — Славонија, Србија, Рашка(у) Српске земље у средњем веку — историјско-географске студије. Београд, 1978. С. 39.

1504 года по поводу одной известной книги говорится, что она написана «въ земли зовъмеи Рашка»¹. Австро-венгерский дипломат и исследователь Густав фон Темел использует понятие Рашка в качестве исторического названия для Новопазарского санджака: «Вилайет Босния с Краиной (Турецкая Хорватия), затем Герцеговина и пашалык Нови Пазар (Рашка), охватываемый на севере царско-королевской хорватско-славонской военной границей, на востоке Княжеством Сербией, на юге частью пашалыка Призрена (Старая Сербия) и Шкодером (Албания)»². В Османском царстве в начале XIX века в 25 эялетах было 290 санджаков, но в прошлом никогда не было османской административной единицы под названием «Санджак» в значении, какое ему желают придать. Рашка и Рашская область, как ее в последнее время всё чаще называют, принадлежала к разным санджакам. Только во время одного короткого периода с 1865 по 1880 год ее центральная часть входила в состав Новопазарского санджака, точное время возникновения которого не определено. Хазим Шабанович утверждает, что новопазарская область отделена «где-то после 1790 года от боснийского санджака и превращена в обособленный Новопазарский санджак»³. Она существовала до 1817 года, когда была упразднена и охватывала «кадилук Нови Пазар, Стари Влах или Нова Варош с Сенницей, Косовскую Митровицу и Трговиште».

Эта территория в данных границах во время турецкого владычества была составляющей частью Боснийского санджака. Другая часть Рашской области — сегодняшняя община Плевля, большая часть Приполя, большая часть общины Биело Поле и часть общины Прибой — входили в состав Герцеговинского санджака, центр которого с 1572 по 1833 год находился в городе Плевля. Плевальский каймакамлук, включая мударлуки Плевля, Колашин и Приполе, впервые в 1865 году был отделен от Герцеговинского санджака и присоединен к новооснованному Новопазарскому санджаку с центром в Сеннице.

В начале 1877 года Новопазарский санджак был отделен от Боснийского и присоединен к Косовскому вилайету. Однако в 1880 году был сформирован Плевальский санджак (Плевальская и Припольская казы и Прибойский мударлук), а в 1901 году вместо Новопазарского образован Сенницкий санджак⁴. Таким образом, Рашская область встретила освобождение от турецкой власти, разделенная на четыре санджака: Плевальский, в границах, которые мы упомянули, Сенницкий (Сенницкая, Биелопольская, Нова-Варошская и Колашинская казы — речь идет о Нижнем Калашине), Печский (Беранская каза, а также казы Трговиште и Гусинье) и Приштинский (Новопазарская каза)⁵. В повседневной речи и в языке дипломатии часто использовалось название Новопазарский санджак (хотя он больше не существовал) в качестве более раннего, объединяющего понятия для территории четырех

¹ М. Динић. Указ. соч. С. 40.

² Gustav von Thömmel. Geschichtliche, politische und topografisch-statistische.

³ Hazim Šabanović. Bosanski pašaluk — postanaki upravna podjela. Sarajevo, 1982. С. 94.

⁴ Andreas Birken. Die Provinzen des Osmanischen Reiches. Wiesbaden, 1976. С. 47, 70.

⁵ Там же. С. 71.

санджаков под османским владычеством, или кратко «Санджак» как синоним турецкой власти, то есть территории, находящейся под турецкой властью между Сербией и Черногорией. И всё-таки, вопреки таким понятным и общеизвестным фактам, некоторые авторы, в первую очередь мусульманские, конструируют историческую идентичность «санджака». «В мире, — пишет Мустафа Имамович, — остался только один Санджак, название которого пишется с заглавной буквы, относящийся к самым значимым историческим и геополитическим территориям бошняков»¹. Использование этого понятия после 1912 года, однако, означало или легкомысленную инерцию, или косвенное стремление к реосманизации Рашки.

Многие зарубежные авторы до 1912 года чаще, чем сами сербы, называли «Рашкой» территорию бывшего Новопазарского санджака. Австро-венгерских дипломатов и исследователей нельзя упрекнуть в предвзятости в пользу сербов. Австро-венгерский майор и консул в Сараево Карл Сакс в работе «*Skizzen über die Bewohner Bosniens*» («Наброски о населении в Боснии»), опубликованной в Вене в 1864 году, говорит о том, что узкая полоска земли, связывающая Боснию и Герцеговину с другими турецкими провинциями, «ни в коем случае не является историческими рамками страны, но это та самая область, когда-то принадлежавшая сербской области Рашка и Старому Влаху, и лишь в качестве турецкого пашалыка Нови-Пазар была объединена с эялетом Босния»². Другой офицер австрийского Генерального штаба, служащий в консульстве в Сараево, Йоханн Роскевич к своей книге «Исследования о Боснии и Герцеговине» (Лейпциг, Вена, 1868 год) приложил карту с названием «Босния, Герцеговина и Рашка» («*Bosnien, die Herzegovina und Rascien*») со статистическими данными о населении: из 125 000 населения Рашки в 1863–1864 годах («*Kreis Novibazar*») православных — 100 000, мусульман 23 000, евреев 200 и цыган 1800³. Рашка, по Роскевичу, состоит из уездов — каз: Нови Пазар, Митровица, Нова Варош, Бихор, Трговиште, Таслиджа, Приполе, Колашин, Гусинье, Васоевичи.

Густав фон Теммел, также офицер и служащий консульства в Сараево, а позже посланник в Цетине, пишет работу «Историческое, политическое и топографическое описание Боснийского вилайета, а именно Боснии и Хорватии, Герцеговины и Рашки» (Вена, 1867) и сообщает следующие данные о населении Рашки: из 142 000 человек православных («греко-восточные христиане») 79 948, мусульман 61 150, цыган 807, «израильтян» 95⁴. Ещё один отличный знаток области Рашка из Вены: Теодор Ипен, родоначальник албанографии в Вене, гражданский комиссар в Командовании дис-

¹ Mustafa Imamović. Iz «Historije Bošnjaka». Savez izmedju mrtvih, živih, još nerodjenih. MAK-časopis za književnost i kulturu, br. 23, 28. jun 1998. Novi Pazar, 38.

² K. Sax. Skizzen über die Bewohner Bosniens. Wien, 1864. S. 2.

³ Johann Roskiewicz. Studien über Bosnien und die Herzegovina. Leipzig, Wien, 1868. S. 424. Приложение: карта «Bosnien, die Herzegovina und Rascien».

⁴ Gustav von Thömmel. Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien, das ist das eigentliche Bosnien nebst türkisch Croatien, der Herzegovina und Rascien. Wien, 1867. S. 46, 76–77.

лоцированных войск в городе Плевля с 1888 по 1891 год, консул в Шкодере и многих других провинциях, член австро-венгерской делегации на конференции послов в Лондоне в 1912–1913 годах, автор книги «Novibazar und Kossovo (Das Alte Rascien)» («Нови Пазар и Косово (Старая Рашка)»). В статье Рашка, опубликованной сначала в Сараево в 1891 году, а затем на немецком языке в Вене в 1892 году, Ипен пишет, что «узкая, длинная полоска земли» между Сербией и Черногорией представляет собой область, у которой было своё имя, «всегда и везде узнаваемое, но постепенно вышедшее из обычаев, но при этом самое подходящее и заслуживающее того, чтобы быть принятым: Рашка»¹. В тексте, кроме прочего, говорится о «мусульманском населении Рашки». В австро-венгерском докладе военной разведки «Подробное описание Плевальского санджака и Косовского вилайета», составленного для нужд Генерального штаба в 1899 году, написано, что «перешеек между Сербией и Черногорией, известный под названием Рашка», на севере «простирается до границ Боснии»².

Профессор Университета в городе Грац Эдуард Рихтер, географ, в своём исследовании «Приложения к географии Боснии и Герцеговины» использует термин «Старая Рашка» или даже «Старая Рашка санджак»³. На одной из карт французского географического атласа, опубликованного в Париже в 1907 году, территория между Сербией и Черногорией обозначена как Рашка («Rascie»)». В энциклопедии Станоевича климатолог Павле Вуевич в определении Македония (и Старая Сербия) говорит о Скопской и Косовской Старой Сербии, «а на северо-западе находится высокая область Рашка, ошибочно называемая Новопазарский санджак»⁴.

СКОПСКО-ТЕТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В сербской и большей части зарубежной литературы, как уже было сказано, Скопско-Тетовская область веками считалась неотъемлемой частью Сербии под османским владычеством, а в течение XIX – начале XX века – неотъемлемой частью Старой Сербии. Она охватывала территорию Куманово, Скопье, Кратово и Тетово с прилегающими областями. Однако между двумя мировыми войнами политическое название *Южная Сербия* вытесняет название *Старая Сербия*, а затем, в 1945 году, политическое название новой югославской федеральной единицы *Македония* совсем вытеснило название *Сербия* (то есть *Старая Сербия*) с этой территории. Таким образом, название Македония методами государственного принуждения распространялось

¹ Рашка. Црта од конзула Теодора Ипена, Гласник Земальског музеја у Босни и Херцеговини, књ. II (1891). Сарајево, 1891. С. 148–149.

² Detailbeschreibung des Sandžaks Plevlje und des Vilajets Kosovo. Wien, 1899. S. I.

³ Eduard Richter. Prilozimljopisu Bosnei Hercegovine, Glasnik Zemaljskogmuzeja Bosnei Hercegovine, knj. XV (1905). P. 315–317.

⁴ P. Foncin. Geographie – deuxième année. Paris, 1907.

⁵ Ст. Станојевић. Народна енциклопедија, српско-хрватско-словенска. II. Загреб, 1929. С. 633.

значительно шире своих классических географическо-исторических границ. Бывшая Югославская Республика Македония, которая после развала Югославского государства в 1991 году существует как независимое государство, была создана в конце Второй мировой войны — в части на территории Королевства Сербии, с которым она в 1918 году вошла в состав югославского государства *Королевства сербов, хорватов и словенцев*. Историко-географическое понятие *Македония* намного шире с точки зрения цивилизации и намного глубже, чем современное государственное-политическое и культурное понятие «Бывшая югославская Республика (БЮР) Македония» (Республика Македония). С точки зрения географии на западе Македонии находятся горы Ябланица, Мокраньска, Войнова и Пинд, на севере и северо-востоке ее границы доходят до Осогова и Родопа, а на юге и юго-востоке до Олимпа в Фессалии и Эгейского моря. Из этой обширной территории после Балканских войн 1912–1913 годов, завершенных Бухарестским мирным договором в 1913 году, в состав Сербии вошла меньшая — северо-западная часть Македонии: Джевджелийский, Дойранский, Радовишский и Струмичский края (примерно треть территории). Греции отошло более половины, кроме того, небольшая часть македонской территории вошла в состав Болгарии.

С исторической точки зрения понятие Македония не имело ясных этнических предпосылок (речь идет о тысячелетнем смешивании разных племен и народов), хотя известно, что в античные времена Македония считалась греческим государством, а македонцы — греками, живущими в Македонии. Ситуация изменилась после расселения многочисленных славянских племен, в том числе и сербских, по всей территории Македонии, кроме Салоник, с конца VI и до середины VII века. С тех пор на протяжении веков понятие македонские славяне обозначало славянское население Македонии. Кроме античных греков, а затем Рима, и конечно же, многовекового Византийского царства, на территории Македонии еще с IX века более или менее глубокие исторические и цивилизационные следы оставили и два славянских государства — Болгарское и Сербское. Болгарское влияние было преимущественно политическим, а влияние сербов во время их владычества 1282–1413 годов было не только политическим, но и культурным, о чем свидетельствуют многие сербские памятники культуры, сохранные до сегодняшних дней¹. Продолжительное османское вла-

¹ Смотреть карту: Српске цркве и манастири у СР Македонији (авторы: Бранка Кнежевич, Гордана Томович, Любиша Гвоич — графическая обработка). Исторический институт Сербской академии наук и искусств. Белград, 1991; Гордана Томовић. Српске цркве и манастири у СР Македонији // Политика, 2. февраль 1992; На глубокие следы присутствия в Республике Македонии и тесные связи македонских сербов с Княжеством, а затем и Королевством Сербии обратила внимание и выставка «сербы в Македонии» 1804–1912, организованная в Сремских Карловцах в октябре 1996 года, Мировое сербское сообщество. Архив Сербии «Срби у Македонији 1804–1912». По следам документов. Сремские Карловцы, октябрь 1996. С. 3–28. Вопреки недвусмысленности источников о градителях монастырей, в македонской литературе отрицается сербское культурное наследие и сербские народ, в течение веков собиравшийся вокруг своих святынь, и все эти монастыри просто называют «македонскими монастырями»: Димитар Корнаков. Македонски манастири. Скопје, 1995. С. 247; Dimitar Kornakov. A guide to the Macedonian monasteries. Skopje, 2005. P. 158.

дычество с конца XIV века до 1912 года привело не только к большим этническим сдвигам и слияниям, но и сделало из Македонии своеобразную площадку распрей и столкновений разных культур, религий и цивилизаций. Эти процессы превратили Македонию в настоящую мозаику народов и традиций, так как кроме греков и славян на территории Македонии проживали и арумыны, позже турки, арбанасы, евреи (Салоники были крупным центром сефардских евреев) и некоторые более мелкие этнические группы. Этнографическое разнообразие и этнические слияния в течение XIX–XX веков стали причиной больших проблем, так как во время борьбы за освобождение этой части Балкан и окончательного конституирования сербского, болгарского и греческого национальных государств, открылся вопрос о невозможности утверждения ясных этнических границ.

На южную и юго-восточную части Старой Сербии, в отличие от других частей, повлияли процессы и проблемы, характерные для Македонии и близлежащих областей европейской Турции. Борьба греков, болгар и сербов за более сильные позиции в Македонии, к которой в конце XIX века подключаются и румыны, в начале XX века переросла, наряду с церковно-просветительским, политическим и культурным конфликтом, в жестокие столкновения комитских отрядов. Греки в этой национальной борьбе имели преимущество, так как их поддерживала Константинопольская Православная Церковь, которая, хотя и была вселенской, прежде всего, состояла на службе греческих национальных интересов в Турции. После упразднения Печской патриархии (1766) и Охридской архиепископии (1767) все церковно-учительские и другие вопросы, представляющие автономию христиан в Османском царстве, находились исключительно в компетенции Цареградской патриархии. Борьба за введение церковнославянского языка в областях, населенных славянским населением, и сопротивление попыткам тихой эллинизации части славянского мира в течение XIX века превратились в церковный раскол с отличительными политическими и национальными чертами. Сербы упустили шанс в начале 30-х годов XIX века потребовать восстановления Печской патриархии, чем позже мастерски воспользовались болгарские национальные вожди, чтобы с помощью России при полной поддержке Турции, получить указ об основании болгарского экзархата (1870). Великая схизма, наряду с греческой непримиримостью, несомненно, была последствием болгарских национальных стремлений, так как экзархия со службой на славянском языке привлекла к себе часть сербов в Старой Сербии и Македонии и часть славянского населения Македонии, представляя их присоединение к экзархии в качестве принадлежности болгарскому народу. Однако славянский мир вплоть до 1912 года разделялся на «экзархистов» и «патриархистов», причем в конце XIX – начале XX века число патриархистов постоянно возрастало. Это разделение охватило и православных сербов, которые также разделяются на «экзархистов» и «патриархистов».

В исторической географии и картографии существуют ясные отличия и границы между понятиями Старая Сербия и Македония. В новое время,

после Второй мировой войны, некоторую путаницу внесло распространение названия Македония на территорию к северу от Прилепа и Велеса — с помощью названия Югославской федеральной единицы Македонии, охватывающей северные части классической Македонии и южные части Старой Сербии. Абсолютно понятно, что сербы являются автохтонным (коренным) населением этой территории. Путаница началась в первой половине XIX века, когда многовековое и известное на всех европейских картах, более широкое название Сербия, постепенно начало сужаться до автономной территории Княжества Сербия¹. Южные границы Старой Сербии охватывали, в основном, южные границы обновленной Печской патриархии (1557). Безусловно, и в XIX веке в рамках Старой Сербии находились наряду с Кумановской и Скопская, Тетовская, и Кратовская области².

На основании Положения об устройстве освобожденных областей, министр внутренних дел Сербии принял решение об административном разделении освобожденных областей на 11 округов. Семь округов принадлежало в основном территории БЮР Македония: Битольский, Дебарский, Кавадарский, Кумановский, Скопский, Тетовский и Штипский округа. Новая власть незамедлительно провела перепись населения. Ситуация по округам была следующая: Битольский — 345 479, Дебарский — 82 476, Кавадарский — 97 763, Кумановский — 166 936, Скопский — 153 293, Тетовский — 157 248 жителей (в Штипском округе перепись не проводилась, потому что некоторое время после освобождения он находился под болгарской властью, но, согласно оценкам, там проживало свыше 100 000 жителей)³. Осталось неизвестно, каким образом были определены северные границы этой новосформированной югославской республики. За основу могли быть взяты только предвоенная федеральная организация Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и стремление югославского коммунистического руководства к ослаблению сербского фактора в новом федеральном государственном сообществе.

Административные границы между федеральными единицами не были утверждены ни в одном юридическом акте, включая Конституцию Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) 1946 года. В период с 1945 по 1947 год после принятия закона о территориальной организации каждой из республик косвенно признаны границы между ними, но без юридического основания. В ряде международных договоров, начиная с Лондонского и Бухарестского (1913), Версальского (1919), Нейиского договора между державами Антанты и пораженной Болгарией (1919), затем во многих других международных соглашениях, включая и Парижскую мировую конференцию (1946), территория сегодняшней БЮР Македонии (Республики Македонии) утверждена сначала в качестве части территории Королевства Сербия, затем Королевства сербов, хорватов и

¹ Стојан Новаковић. Вакрс државе српске. Београд, 1954. С. 118.

² Атанасије Урошевић. Косово. Београд, 1965. С. 74–83.

³ Балкански рат 1912–1913 у слици и речи. Београд, 1922. С. 479.

словенцев (Югославия) и, наконец, Федеративной Народной Республики Югославии (то есть СФРЮ). Внутренние административные границы между республиками не имели ни исторических, ни этнических, ни географических оснований, народу не была дана возможность свободно выразить свою демократическую волю — в каких границах он желает жить. Их утверждало несколько ведущих югославских коммунистов во главе с Тито, с ясной политической целью навязать с помощью этих границ концепцию маргинализации сербского фактора в новом государстве — оправдываясь борьбой против «великосербской гегемонии»¹. В телеграмме болгарского коммунистического руководителя Трайча Костова, направленной из Софии Георгию Димитрову 23 ноября 1944 года, написано, что «по македонскому вопросу мы поддерживаем прямую связь с маршалом»². Первое заседание Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии (АСНОМ) было проведено именно на территории Старой Сербии. В состав Народной Республики Македонии вошли и территории, считающиеся неотъемлемой частью Старой Сербии, которые находились в границах обновленной Печской патриархии (1557–1776) до ее упразднения³.

Некоторые македонские историки, а особенно политические публицисты, не только отрицали существование Старой Сербии и ее южные границы, но даже выражали претензии на южные части сегодняшней Сербии, ссылаясь на административные границы Вардарской бановины. На карте известного итальянского картографа Джакомо Кантелли да Виньоле Королевство Сербия называемое Рашка, опубликованной в Риме в 1689 году (посвящена кардиналу Альфонсу Литию), о которой уже шла речь, южная граница Сербии пролегает от Плавского озера, через Проклетие, Черный Дрин, к югу от Шар-горы и Скопья до Старой горы (охватывая Кратово и Куманово)⁴. На карте известного географа Коронелли в *Corso geographico* (1692) Сербия простирается к югу от Шар-горы и Скопьянской Черной горы. Скопье, как уже говорилось, очень часто обозначается как *Metropolidella Servia*⁵. Территорию Старой Сербии, самое позднее в начале XX века, обозначил австрийский картограф профессор Карл Пойкер на карте Македония, Старая Сербия и Албания (на немецком языке)⁶.

¹ Miodrag Zečević-Bogdan Lekić. *Državne granice I unutrašnja teritorijalna podela Jugoslavije*. Beograd, 1991.

² България непризнатият противник на Третия Райх. София, 1995. С. 152.

³ Радмила Тричковић. Српска црква средином XVII века. Глас САНУ. Одељење историјских наука. Књ. 2. Београд, 1980. С. 61–85.

⁴ Србија и суседне земље на старим географским картама. Београд, 1991. С. 72–73.

⁵ Јован Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Књ. I. Београд, 1906. С. 43.

⁶ *Makedonien, Altserbien und Albanien*. 1:864 000. Bearbeitet von Dr. Karl Peucker. IV Auflage. Wien, 1912.

Глава II

КОСОВСКАЯ ИДЕЯ В СЕРБСКОМ ОБЩЕСТВЕ И В СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Старая Сербия – важная тема сербской и балканской истории

В поисках исторической правды ученый, изучающий Старую Сербию и вообще территорию Балкан, встречается с тенденциями конструирования «новой истории» этого региона, преимущественно построенной на противопоставлении предыдущим результатам критической научной историографии. Традиционные, принятые в европейской науке знания по истории, культуре и цивилизации отдельных народов и территорий, которые можно пересматривать в свете новых исторических источников, оспариваются в новых интерпретациях, под углом современных, в первую очередь западных политических планов государственного и культурно-религиозного преобразования сербского и южнославянского пространства. Что приводит к фальсификации исторических фактов, призванной предоставить историческую легитимность новым образованиям, например, «независимому Косово», появившемуся на территории Старой Сербии. Поэтому и *косовский вопрос* как стержень старо-сербского вопроса в европейской и мировой общественной и научной мысли начинает рассматриваться как часть «албанского вопроса», а не как культурно-духовный костяк сербской истории и сербского вопроса на Балканах, или, с точки зрения последних десятилетий – как стремление албанского меньшинства в Сербии насильственным путем провести сецессию части территории Сербии. Косовские темы и косовские мотивы в качестве ядра старо-сербского наследия представляют основу сербской литературы и искусства, основу национальной идентичности. Маститый французский интеллектуал Андре Мальро в 1975 году в одной весьма содержательной беседе с Живорадом Стойковичем, литературным критиком и историком литературы, для *«Revue des etudes slaves»* (XV–XVI), практически в нескольких словах выразил суть этой сербско-косовской вертикали: «Косово – это ваш Орлеан. Если бы Косово имело отношение лишь к пространству вашей истории, это не было бы столь значимым, как то, что

оно — в сердце вашей культуры, а культура — если это самое ценное, что у тебя есть — никогда не является прошлым!»¹

Существует научная необходимость вернуться к историческим фактам и, основываясь на них, вновь осветить прошлое территории Старой Сербии, дать ей полную научную легитимность как крупной и важной теме сербской и балканской истории. В этом деле мы встречаемся с многочисленными идеологическими конструкциями, затуманивающими суть исторических процессов в Старой Рашке, Косово и Метохии и Скопско-Тетовской области. У каждой из этих областей свои особенности, но у них также и много общих исторических, характерных черт. Косово и Метохия в наибольшей степени олицетворяют драму Старой Сербии. Современную ситуацию в южном сербском крае и полное господство албанского меньшинства над оставшимися сербами — ситуацию, возникшую в результате десятилетних этнических чисток сербов на этой территории, и, наконец, агрессию НАТО и оккупацию этой части Сербии, желают представить как ситуацию, продолжающуюся веками. Косовский вопрос, однако, всего лишь составляющая, но важная часть многовековой драмы сербского народа под османской властью. За последние два века этой власти, со всеми войнами европейских государств против Османской империи, местные восстания и войны балканских христианских государств с османами, привели к далекоидущим демографическим сдвигам и культурным изменениям в этой и остальных частях Старой Сербии. Этнические и демографические изменения в течение последних трех веков, сначала под османским игом, а затем под эгидой и с поддержкой некоторых западных сил (прежде всего Австро-Венгрии, затем фашистской Италии и нацистской Германии, а в новое время — НАТО и США), а также Турции, Болгарии и политических деятелей СФРЮ периода Иосипа Броза Тито, привели к драме сербской цивилизации в Старой Сербии.

Старая Сербия — это очень важная и весьма интересная тема с точки зрения цивилизационных исследований: редко на таком малом географическом пространстве встречаются три крупнейшие мировые религии — восточное и западное христианство и ислам со всеми внутренними разделениями, а также элементы иудаизма и еще некоторых более мелких религиозных общин. Религиозное разнообразие сопровождается и этническим многообразием с вкраплением разных этнических и культурных симбиозов. На старо-балканские и средневековые основы османы своими завоеваниями принесли совсем иной мир, значительно изменивший цивилизационный образ как Старой Сербии, так и Балкан в целом.

Излишне доказывать, что сербское наследие Старой Сербии является неотъемлемой частью европейской христианской цивилизации, особенно если под этим мы подразумеваем традиции и западного, и восточного христианства. Вопрос всего лишь в том, признает ли западно-христианская

¹ Цит. по: Милован Радвановић. Этнички и демографски процеси на Косову и Метохији. Београд, 2004. С. 554.

Европа равноправие двух христианских традиций? Отношение к драме в Старой Сербии и к практически полному подавлению сербского наследия в Косово и Метохии свидетельствует о том, что Европа продолжает рассматривать сербскую традицию со всеми предрассудками и стереотипами, которые веками взращивались по отношению к византийско-славянской цивилизации. Слияние и конфликт системы ценностей сербской христианской цивилизации с ценностями и особенностями ориентально-исламской цивилизации были особенно драматичными в Старой Сербии, так как значительная часть сербского народа, принимая ислам на свои христианские основы, продолжала жить под знаком своеобразной двойной идентичности. В европейских кругах славистов, балканологов и представителей других наук, а также в кругах широко образованной публики никогда не оспаривалось, что наследие Косово и Метохии является связующей нитью сербской идентичности, основой коллективного народного сознания и совокупного народного творчества. За последние несколько десятилетий, а особенно за последние двадцать лет, наряду с радикальной перекомпоновкой государственных границ в юго-восточной Европе появилось множество книг, в основной своей массе публицистического толка, в которых вопреки всем общеизвестным историческим фактам и здравому смыслу конструируется новая историческая, политическая и культурная идентичность. Вероятно, нигде этот феномен не достиг таких размеров, как в случае южного сербского края — Косово и Метохии. В последние пару десятилетий стали навязываться модные понятия: «косовский народ», «косовская культура», «косовское культурное наследие» и даже, в одной школе вблизи Лондона и «косовский язык» (а в последнее время и «санджакско-боснийская идентичность»). Причем имеется в виду албанское меньшинство. Идеологическая основа такого подхода скрывается в тезисе о якобы исторической и этнической «иллирийско-албанской идентичности» Косово еще со времен античной Дардании. «Обновление Дардании» является конечной целью зачистки всех сербских следов в Косово и Метохии. Сербь здесь, если верить писателям «новой истории» Балкан, появляются в качестве временных «оккупантов албанских земель». Эти утверждения иллюстрируют, наряду с прочими, и книги Ноэля Малкольма «Косово. Краткая история» (Лондон 1998), Вольфганга Петрича, Карла Кайзера и Роберта Пихлера «Косово — Косова» (Клагенфурт-Вена-Любляна-Тузла-Сараево, 1999), а в известной мере и книга пятнадцати авторов «Косовский конфликт» (Мюнхен, 2000), под редакцией Конрада Клевинга и Йенса Ройтера¹. В Вене, с начала девяностых годов XX века выходит журнал «Дарданија», в котором обновляются теории периода накануне и во время Первой мировой войны, представленные в двух томах «Ilirisch-Albanische Forschungen», изданных в 1916 году в Мюнхене и Лейп-

¹ Noel Malcolm. Kosovo. A short history. London, 1998; Response to Noel Malcolm's book Kosovo. A short history. Belgrade, 2000; Wolfgang Petrisch, Karl Kaser, Robert Pichler. Kosovo-Kosova, Mythen, Daten, Fakten, Klagenfurt-Wien-Ljubljana-Tuzla-Sarajevo, 1999; Konrad Clewing-Jens Reuter (Koordination). Der Kosovo-Konflikt / Ursachen- Akteure-Verlauf. München, 2000.

циге¹. Недавно появилась «История Сербии», написанная немецким историком Холмом Зундхаусеном, профессором истории юго-восточной Европы в Институте восточноевропейских исследований Свободного университета Берлина, который место Косово и Метохии в сербской истории и косовские мотивы в сербской культуре сводит к «националистической мифологеме»². Мысленная вертикаль его интерпретации истории сербов, а особенно Косово и Метохии движется от «косовского мифа и политической теологии» к сербской «апартеид-системе в Косово»³. На таком совершенно искаженном представлении об истории и культуре этой территории ведущие западные силы, их дипломатия и военная сила, при логистической поддержке определенных научных кругов, сегодня пытаются насильно и, с любой точки зрения, безосновательно не только прибрать к рукам южный сербский край, но и навязать иную идентичность всей земле Старой Сербии. Мы много раз слышали утверждение, что у Сербии «нет морального права управлять Косово». Хотя многочисленные европейские свидетельства на протяжении прошедших веков говорят о Косово и Метохии как о многовековой части Сербии, ядре сербской культуры, исторической памяти, основе сербской государственной, духовной и культурной вертикали.

Плодородные и благоприятные равнины Косово, а особенно Метохии, с умеренным климатом и обилием воды, отгороженные от Албании высокими горными массивами Шар, Кораба, Паштрика и Проклетия, являлись Богом данной естественной средой, что обеспечило развитие высоких творческих возможностей сербов в Средние века. Культурную и демографическую мощь сербов иллюстрирует существование приблизительно 1300 подтвержденных памятников сербской культуры этого периода. Милан Иванович в своей работе «Црквени споменици XIII–XX вв.» представляет данные о 1090 населенных местах в Косово и Метохии. В соответствии с переписью населения в Косово и Метохии, проводимой за 40 лет до того, их было 1445. Однако по 250 населенным местам данных нет, собраны данные по «приблизительно 1300 монастырям, церквям и местам, где ранее находились церкви, а также другим сербским памятникам»⁴. Обзор монументального наследия в Косово и Метохии представлен в сборнике работ «Проблеми заштите и egzistencije spomenika kulture na Kosovu i Metohiji»⁵. Искусствовед Гойко Суботич сделал блестящее научное обобщение культурного

¹ Illyrisch-albanische Forschungen. I-II. Zusammengestellt von Dr Ludwig von Thaloczky. München und Leipzig, 1916.

² Holm Sundhausen. Geschichte Serbiens 19–21. Jahrhundert. Wien-Köln-Weimar, 2007; српско издање: Холм Зундхаусен Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008.

³ Holm Sundhausen. Kosovo: Eine Konfliktgeschichte, Der Kosovo-Konflikt. München, 2000. S. 69–85.

⁴ Милан Иванович. Црквени споменици XIII–XX века, Задужбине Косова. Призрен-Београд, 1987. С. 388. Списак објеката и локалитета донеоје на странама 389–547.

⁵ Problemi zaštite i egzistencije spomenika kulture na Kosovu i Metohiji, VII savetovanje konzervatora Jugoslavije (Peć-Prizren-Priština, 23–28.X.1967) // Zbornik radova i saopštenja. Priština — Beograd, 1968. С. 216.

наследия Косово и Метохии¹. В этих областях жили многие известные сербские аристократические семьи: Бранковичи, Хребеляновичи, Мусичи, Войновичи и другие, основавшие сербские династии.

В Косово находился целый комплекс дворцовых резиденций, в которых протекала дворцовая жизнь, собирались аристократы и совершались важные государственные дела, принимались иностранные послы и гости правителя. Упомянем лишь некоторые известные средневековые дворцы: Сврчин, Пауни, Неродимля, Штимле и другие. В Сврчине, например, в 1331 году был коронован царь Душан, а в Пауне, известном своими красотами, с радостью проводил время король Милутин. В Пауне в 1342 году Душан принял Иоанна VI Кантакузина, в то время — претендента на византийский трон. Во дворце Неродимля, на берегу реки Неродимка, с крепостью Петрич, возвышающейся над дворцом, проживал король Стефан Дечански. Во дворце в Штимле царь Урош подписывал свои Хартии. В Рибнике, вблизи Призрена, дворцы были и у царя Душана, и у царя Уроша².

Сербская элита построила в этих двух областях несколько сотен небольших церквей и несколько десятков монументальных храмов. До сих пор сохранились или были восстановлены в XX веке некоторые из них, такие как Печская патриархия (с 1346 года здесь была резиденция сербского патриарха), Дечаны, Грачаница, Богородица Левишка, Баньска, но некоторые все еще не восстановлены, к примеру, монастырь Святых Архангелов под Призреном. Монастырь Святых Архангелов под Призреном в ущелье реки Бистрица в период между 1343 и 1352 годами построил царь Душан и завещал мавзолей, в котором и был похоронен. Радослав Груич в 1927 году откопал из холма на развалинах остатки двух церквей: Святых Архангелов и Св. Николая. Кроме прочего была открыта и известная мозаика, украшавшая пол церкви монастыря Святых Архангелов. Большая часть скульптур была перенесена в Скопье. Считается, что церковь монастыря Святых Архангелов по величине была равна дечанской церкви, а «по своим каменным скульптурам и превзошла её»³.

¹ Gojko Subotic. *Terra sacra. L'artedel Cossovo*, Milano, 1997. С. 256. Суботич в конце книги привел список монументального наследия, включающий свыше 1000 памятников сербской культуры и искусств. С. 241—251.

² Војислав С. Јовановић. Археолошка истраживања средњовековних споменика и налазишта на Косову // Зборник округлог стола о научном истраживању Косова, одржаног 26. и 27. фебруара 1985. године. Београд, 1988. С. 17—60; Исти. Косовски градови и дворци XI—XV век. Задужбине Косова. С. 365—384. Предполагается, что в местечке Нашец вблизи Призрена на левом берегу Дрина находился летний дворец царя Душана. На этом месте в 1968 году построен мотель «Нашец». Некоторые авторы считают, что летний дворец находился при впадении реки Ковачевец в Бистрицу. Автор этих строк 19 мая 1997 года, вместе с коллегами из Исторического института САНИ находился в Нашце. См.: «Белешка историјско-географских истраживања Призрена и околине од 18. до 24. маја 1987». С. 363—391. Исторический институт САНИ вместе с Призренским округом и общиной Призрен с 1996 года проводит ежегодную научно-культурную конференцию «Призренски симпозијум». Первый сборник работ посвящен Ивану Степановичу Ястребову, российскому консулу в Призрене.

³ Slobodan Nenadović. *Ostaci manastira Svetih arhandjela kod Prizrena. Problemi zaštite i egzistencije spomenika kulture na Kosovu i Metohiji*. С. 123—125.

Сербские церкви и монастыри в течение веков были собственниками крупных комплексов плодородной земли, отсюда и название всей области — Метохия, от греческого слова «Метох» (церковная собственность). Составляющей частью высокого цивилизационного уровня сербского средневековья была развитая экономическая жизнь. Призрен, например, был известным торговым и промышленным центром с развитым производством шелковых тканей, изящными ремеслами, колониями купцов из городов Котор и Дубровник. В XIV веке здесь располагалась и резиденция консула из Дубровника в Сербском княжестве. Многие другие города, такие как Приштина, Печ, Хоча, Вучитрн, подтверждают мощь экономической жизни в этих областях. Известными горнодобывающими центрами были Трепча, Ново-Брдо и Янево, из которых Ново-Брдо в первой половине XV века стал крупнейшим балканским горнодобывающим центром. Большие объемы серебра и золота экспортировались на отдаленные европейские рынки. Сербское общество в Средние века шло в ногу с европейскими экономическими, социальными и культурными тенденциями и было интегрировано в европейскую жизнь в большей степени, чем это может показаться сейчас¹. С конца XI века Рашка становится самой мощной сербской областью, а в течение XII и XIII веков центр передвигается к Косово, Метохию и Скопье. Название «Рашка» и «информация о государстве Рашка поступала даже в самые удаленные уголки Европы. В мире часто отождествляли Сербию и Рашку». Не случайно, что и известный поэт Данте использовал название «Рашка» в своей «Божественной комедии»². Это старое историческое название Рашской земли, используемое непрерывно вплоть до XX века, стремились заменить османским административным названием «санджак».

Судьбоносный исторический разворот наступил, судя по всему, когда началось турецкое завоевание сербских земель в начале второй половины XV века. Конечно, процесс турецкого продвижения в юго-восточной Европе протекал постепенно. Сербская знать, под предводительством сербского князя Лазаря Хребеляновича, попыталась остановить турецкий военный прорыв в юго-восточную Европу историческим боем на Косовом поле в 1389 году. Это было столкновение не только двух войск под предводительством их суверенов, князя Лазаря и султана Мурата (оба погибли на Косовом поле), но и символическое столкновение двух цивилизаций, одной европейской, христианской и другой — азиатской, исламской. Позже, в сербском народном сознании, Битва на Косовом поле получила зна-

¹ Сима Тирковић. Косово и Метохија у Средњем веку // Косово и метохија у српској историји. Београд, 1989. С. 21–45; Там же. Срби у Средњем веку. Београд, 1995. С. 271; Момчило Спремић. Деспот Ђурађ Бранковић и његово доба. Београд, 1994. С. 859; Јованка Калић. Европа и Срби. Средњи век. Београд, 2006. С. 711.

² Милош Благојевић. Србија у доба Немањинића — од кнежевине до царства 1168–1371. Београд, 1989. С. 17–27; Јованка Калић. Назив «Рашка» у старијој српској историји (IX–XII век) // Зборник Филозофског факултета. Књ. XIV–I. Споменица Фрање Баришића. Београд, 1979. С. 79–91.

чение переломного исторического события, обрела практически мифологическое измерение, стала символом жертвы народа за свободу и спасение отечества. Косовский цикл сербских народных песен стал жемчужиной и без того богатого сербского эпического наследия и моральной и психологической опорой народа в тяжелые века рабства под турецкой властью до XIX века, а когда речь идет о Косово и Метохии — до 1912 года. Поэтому в сербской народной поэзии часто встречаются представители сербской знати из Косово и Метохии, упоминаются сербские дворцы и величавые сербские храмы. Призрен, например, в народной песне называется «сербским Царьградом». Косовские мотивы и косовские сюжеты являются обобщенным выражением цивилизационного подъема сербского средневекового общества и культуры, их аристократического блеска и роскоши, и в то же время драматическим выражением заката этой цивилизации под мощным и неудержимым натиском османских завоевателей.

Турецкое завоевание юго-восточной Европы и сербских земель в этом смысле привели не только к краху христианских государств, разрушению общественных структур, элиты и самых значимых культурных достижений, но и к многовековому отгораживанию и изоляции от главных достижений европейской цивилизации. Часть сербской знати была уничтожена, часть изгнана вглубь Азии, часть обращена в ислам, а часть вынуждена была бежать на север или на запад, через Адриатическое море в итальянские земли. Обезглавленный народ возвращался к ценностям традиционного патриархального общества, но благодаря Сербской православной церкви, возобновившей свою работу в 1557 году (обновление Печской патриархии), в течение последующих веков удавалось сохранить память об исчезнувшем государстве, о величии и блеске цивилизации. Многие средневековые дворцы и города были разрушены, многие церкви исчезли, а некоторые из них были превращены в мечети. В начале XVII века был разрушен монументальный мавзолей царя Душана, монастырь Святых Архангелов под Призреном, а красивый, тесаный камень двух церквей был использован при строительстве мечети Синан-паши, возвышающейся сегодня в центре Призрена. Монументальное наследие короля Милутина, храм Богородицы Левишской в 1756 году был превращен в мечеть, и лишь после Первой мировой войны был вновь возвращен Сербской Церкви. Часть прекрасного храма монастыря Баньска, со своеобразным мавзолеем короля Милутина, также превращена в мечеть. Турецкие завоевания и последствия турецких войн с христианской Европой, особенно со времен осады Вены в 1683 году, изменили в большой мере этническое и культурное состояние этой части Сербии. До самого конца XVII века, до великого переселения сербов в 1690 году, наступившего вследствие поражения христианской Европы в войне с Турцией и массового участия сербов в рядах христианской коалиции, православные сербы в Косово и Метохии составляли абсолютное большинство населения. В городских махалах только появляются турки, а на периферии Метохии в небольших поселениях и албанское население.

До XVIII века в Косово и Метохии в крупных этнических поселениях не было албанцев. Они заселяют эту территорию в XVIII–XIX веках в своем большинстве из северной Албании (Малесии), в основном они были мусульманами или вскоре после прибытия принимали ислам. Наряду с албанской колонизацией, большие изменения в культурной картине этой территории принесла исламизация сербов, усилившаяся особенно в XVIII веке. В начале второй половины XIX века Турция колонизировала и черкесов, проживавших на Балканах. До освобождения Старой Сербии от турецкой власти в 1912 году сербы (православные и мусульмане) составляли практически половину населения Косово и Метохии, но в любом случае являлись большинством на территории всей Старой Сербии. Во второй половине XIX – начале XX века сербское население в Призрене, Пече, Приштине, Плевле и других городах обеспечивало экономическое развитие этой области, в том числе развитие городов¹. Газета «Призрен» в это время выходит на сербском и турецком языках, в Призрене в 1871 году основана Богословия (семинария). В 80-х – 90-х годах открывается большое число школ, хоровых обществ («Св. Урош» в Призрене, «Братство» в Плевле), финансовых учреждений. Самые крупные изменения в этнической структуре населения этой области произошли во время Второй мировой войны в результате изгнания сербов во время фашистской оккупации и переселения на их место нескольких десятков тысяч албанцев из Албании. После Второй мировой войны, вместо взращивания веротерпимости, взаимопонимания и мультикультурного подхода, агрессивный национализм албанского национального меньшинства привел к этнической чистке нескольких сот тысяч сербов в этих областях. Это радикально изменило многовековой, узнаваемый культурный характер этих областей – одного из крупнейших центров сербской и европейской христианской цивилизации.

Чтобы понять и объяснить проблему Старой Сербии и проблему Косово и Метохии, прежде всего, но и соседних областей, нужно рассматривать её в историческом контексте сербско-албанских отношений, в более широких рамках балканской истории и, конечно, в контексте главных течений европейской истории, особенно последних веков. Эта проблема, сама по себе весьма сложная, требует глубокого и междисциплинарного научного исследования (не только с точки зрения исторической науки, но и с точки зрения этнологии, лингвистики, антропологии, особенно культурной антропологии, истории менталитета или социальной психологии). Настоящая книга, конечно же, принадлежит к ряду исторических исследований, ее задача в том, чтобы осветить суть проблемы и избежать банального упрощения, часто встречающегося в наши дни.

¹ Привреда Јужне Србије. Градска радиност // Споменница двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937. Скопље, 1937. С. 669–701; Ђорђе Микић. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 339.

КОСОВСКИЕ ТЕМЫ И МОТИВЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ
СОЗНАНИИ СЕРБОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Вопрос Косово и Метохии — один из ключевых вопросов Старой Сербии и всей новейшей сербской истории, особенно за последние 150 лет. Никто, наверное, так сжато не представил общественное мнение целой исторической эпохи, как Светислав Симич, дипломат и ученый, специалист по национальному вопросу на рубеже XIX–XX веков и отличный знаток Старой Сербии. В момент, когда после сербско-турецких войн (1876–1878), Берлинского конгресса (1878) и греко-турецкой войны (1897) казалось, что под тяжестью масштабных албанских погромов и преступлений, сербы совсем исчезнут из этой части Старой Сербии, Симич обоснованно предупреждал: «Для нас Косово не может быть дорогое, только из-за исторических воспоминаний, которые нас с ним связывают, но в большей степени из-за последствий, с которыми бы мы столкнулись, если бы, к сожалению, сербы исчезли с этой территории. Для нас было огромным несчастьем, когда патриарх Чарноевич вывел из этих классических для нас краев лучшую часть нашего народа; окончательная потеря Косово стала бы для нас роковой. В Косово исчезла не только наша слава — слава проходит, но и более того — народное единство. Без Косово сербство не может объединиться, так как Косово — его природная почва, на которой проросла сама мысль о нем. Эту аксиому мы не должны никогда терять из вида, и она должна, особенно сегодня, быть руководящим принципом всей нашей внешней политики»¹. Множество событий и множество исторических балканских и европейских проблем переплелось в этом запутанном клубке. Проблему можно глубже всего осветить с точки зрения европейской цивилизации, так как в Косово и Метохии зримо, до настоящих дней, преломляется многовековой конфликт европейских культурных и моральных ценностей, с одной стороны, и ценностей азийско-ориентальной цивилизации, пришедшей на эту территорию с османами, с другой стороны.

У каждого народа, в культурной топографии каждой нации есть места глубочайшего уважения и восхищения — места, имеющие особое внутреннее значение. Для сербов таким местом является *Косово*, как костяк широкого круга содержания культурной и духовной вертикали сербского мира. *Косово* в качестве слова-символа представляет главную черту исторической культуры сербской нации. В Европе и других уголках мира очевидно стремление навязать ложное представление о нашей истории, особенно истории Косова и Метохии, вплоть до карикатурных, абсурдных форм. Навязывание ложной идентичности началось не вчера, у него свои понятные и долгосрочные цели. Более века, со времени Берлинского конгресса (1878) продолжается борьба за «новую идентичность» этих областей. Лайош Талоци, например, пишет в рецензии к работе Теодора Ипена «*Novibazar und Kossovo*» (1892), что Ипен ставит под вопрос «великосербскую ложь» о

¹ Павле Орловић (Светислав Симић). Питање о Старој Србији. Београд, 1911. С. 4.

том, что Косово и Нови Пазар всегда были сербскими, следовательно, они и сейчас должны быть сербскими. Нозль Малкольм, соглашаясь с тезисом албанской пропаганды, говорит о том, что сербы всегда с помощью военной силы присваивают Косово и используют там «колониальную модель правления».

Если исходить из западной модели национальной идентичности и нации «в понимании культурного сообщества, члены которого объединили и гомогенизировали общие исторические воспоминания, мифы, символы и традицию»¹, в этом случае, бесспорно, *Косово* является центральной скрепой сербской идентичности. Как неиссякаемая сокровищница исторических мемуаров и ассоциаций, оно находится в основе коллективного народного сознания и совокупного народного творчества.

Речь идет не только о сербском мифе, как часто говорится в мире и у нас — речь идет о реальной, живой сербской истории. Косовская легенда и косовский миф произошли из сознания о великом страдании целой цивилизации, развитого сербского средневекового общества. Косово и Метохия традиционно являются самыми густонаселенными частями сербских земель. Это области не только с самой сильной демографической, но и с самой сильной культурной мощью. Чуть более века назад сербы в Косово составляли около 50 % населения этой части Сербии, находившейся тогда в рамках оттоманского Косовского вилайета. Для Старой Сербии, да и для всего сербского мира, косовские темы и косовские мотивы представляли суть национального и общественного сознания. Без понимания этого факта невозможно понять сербскую историю — со времени попадания под оттоманское владычество и по сей день. Придавать этому историческому, продолжительному факту манипуляционное измерение, как поступают некоторые авторы, — значит уходить от элементарного понимания и научного объяснения истории сербского народа под османским владычеством в юго-восточной Европе. Мотивы Видовдана и Косова особенно ясно присутствуют в движении сербского освобождения и объединения в XIX — начале XX века, и шире, в сербском культурном и социальном преображении этого периода. При этом речь идет не только о политической мысли и национальной идеологии, но и о косовских мотивах и символах в литературе, науке и искусстве того времени. Конечно же, фундамент косовской вертикали лежит в богатом эпическом наследии, величавом косовском цикле народной поэзии, многочисленных народных сказаниях, великой косовской легенде, почивающей, как сказал один писатель, «на таинственной косовской загадке»², но это отдельная тема. Это была культура, опиравшаяся на свой старый цивилизационный код, послуживший духовной защитой и собственной, и христианской цивилизации в целом в рамках чуждой османско-ориентальной цивилизации. Косовская леген-

¹ Antoni D. Smit. *Nacionalni identitet*. Beograd, 1998. P. 25.

² Григорије Божовић. Пет стотина педесет година од Косовске битке // Политика, 28. јуни 1939.

да «всегда содержала в себе определенную политическую, религиозную, а затем и национальную символику»¹. «В притче, — пишет Войислав Джурич, — косовские герои живут во всей сербской земле, от востока до запада и от севера до юга», а главные герои — это всегда князь Лазарь и Милош Обилич. Пространства, горы, реки, многие поселения в сербских землях прочными нитями связаны с косовскими героями, и это, между прочим, открывает «размеры заворуженности сербского народа Косовом, которую в мировой истории можно сравнить с разве что еврейской заворуженностью потерянной родиной»².

Сербский народ вошел в XIX век и начал борьбу за освобождение, ясно осознавая фундамент и судьбу своего старого государства, а также границы своего распространения. Они знали, что борются за обновление государства, которое было у них отнято силой. И сербским героям, и их ученым предкам в течение XVIII века, особенно в Южной Венгрии, и обычному, необразованному люду сербского края была известна судьбоносная важность Косова в сербской истории. Совокупное народное творчество свидетельствовало о падении государства, причинах этого падения и светлых образах защитников. Это можно увидеть, например, у Захария Орфелина в его поэме «Плач Србије», а также у великого сербского просветителя рационалистической ориентации Доситея Обрадовича, который в 1803 году писал:

«Какие чувства и сегодня в сербском сердце вызывают эти слова: «Если б кто послушал князя, как сердито закликает: Ничего от рук тех не родится, Кто на бой на Косово не выйдет». Сие Гомер особо отмечает»³.

Осознание важности Косова в сербском освободительном движении недвусмысленно выражает и сам вождь сербской революции Карагеоргий Петрович. По запискам Проты Матии Ненадовича, Карагеоргий проповедовал, что оружие «поднял и позвал всех вас и каждого серба взять в руки оружие, чтобы отомстить туркам, как за князя Алекса, так и за всех князей наших и братьев, которых турки зарезали и казнили, и сбросим во имя Бога ярмо, которое серб еще с Косова тянет»⁴. Архимандрит монастыря Дечаны Серафим Ристич записал, что сразу после восстания в Шумадине, в Дечаны к игумену Хаджи Даниле с войском подоспел печский паша, расспрашивая «есть ли письма из Сербии»⁵. Отчет боснийского визиря в Травнике марта 1806 года в приложении содержит письменное заявление валевского наиба Осман-эфендии, прошедшего полтора года в сербском плену. Повстанцы, по словам Осман-эфендии, намереваются «тянуть до Юрьева дня», а после этого, как некогда король Лазарь вышел на Косово поле, все

¹ Ненад Љубинковић. Косовска битка у своје време и у виђењу потомака или логика развоја еписких легенди о Косовском боју // Косово у памћењу и стваралаштву. Београд, 1989. С. 127.

² Войислав Ђурић. Косовски бој у српској књижевности. Београд, 1990. С. 53.

³ Цит. по: В. Ђурић. Указ. соч. С. 315.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Серафим Ристић. Дечански споменици. Београд, 1864. С. 50.

выйдут на Косово. Они постоянно в руках держат книги по истории упомянутого короля, и он главный подстрекатель в их головах»¹. Это осознает и Лукиян Мушицки в стихах «На Видовдан» (1817), а особенно Вук Караджич, который своей огромной собирательной работой многое сделал для сохранения народной эпики и народного творчества в сербской культуре и литературе. Караджич, хотя иногда этого и не осознавал, провел большую работу по духовному объединению всех сербских областей.

С 1804 года до окончательного освобождения Косово и Метохии и всей Сербии в 1912 году не было ни одного сербского государственного деятеля, ни одного политического лидера и ни одной политической партии, в чьих политических мыслях или политических программах не содержалась бы мысль о Косово и его освобождении. Разумеется, у кого-то это было более, а у кого-то менее выражено, в зависимости от личности и программной ориентации, а также от политической и общественной ситуации в целом. Косово упоминалось как указание на трагическую судьбу народа, иногда — как пример народных несчастий, из-за раздоров знати, но в том, что Косово является главным смыслом сербской освободительной борьбы, никто не сомневался. Это, кроме всего прочего, прослеживается и во всех вариантах национальных программ, в которых освобождение Старой Сербии представляет одну из главных целей. Эту цель за Сербией в качестве законной признают и другие балканские, то есть европейские государства, в XIX — начале XX в. кроме, разумеется, Турции и Австро-Венгрии после Берлинского конгресса.

Нет ни одного значимого писателя, который не испробовал бы свои силы в косовских темах — драме, эпосе, стихе, историческом романе или схожем жанре. От драм «Милош Обилић» (1828) Йована Стери и Поповича и «Трагедија Обилића» (1827/28, опубликована в 1837) Симы Милутиновича Сарайлии, через работы Негоша, такие как «Слободијада» (1835), «Луча Микрокозма» (1845), «Горски вијенац» (1847), «Лажни цар Шћепан Мали» (1851), затем Матия Бане и его работы, такие как «Цар Лазар» или «Пропаст на Косову», до романа Якова Игњатовича «Бурађ Бранковић» (1859) и другие его работы, Любомира Ненадовича, драмы Джуре Якшича «Сеоба србаља», Марка Милянова, Стевана Сремца с работами «Заборављени Обилићи» (1902) и «Смрт Цара Лазара» (1905), до «Смрти мајке Југовића» (1912) Иво Войновича и путевых записок Иво Чипика «На Косову» (1912). Нет ни одного значимого сербского поэта XIX и начала XX века, который не воспевал бы Косово: от Лукияна Мушицкого, Петра Прерадовича с поэмой «Косово Поље», Стери и его «Даворја на пољу Косову» (1854), Бранко Радичевича, Любомира Ненадовича, Джуре Якшича и его поэмы «Косово» (1857), Йована Йовановича Змая со стихами «На Задужнице» и «Косовска порука», Лазе Костица, Войислава Илича с его стихами «Косовски

¹ Радмила Тричковић. Писмо гравничкогвезира из 1806. године // Политика, 21. фебруар 1965. године; Задужбине Косова. Споменици и знамења српског народа. Призрен-Београд, 1987. С. 611.

соколови» (1889) и «Муратово турбе» (1893), Драгутина Илича с «Косовска химна», Алексы Шантича со стихами «Призрене стари» (1912) и «Јутро на Косову» (1913) до стихов Йована Дучича, таких как «Паж» и особенно стихов Милана Ракича «Божур», «Симонида», «На Газиместану» и прочих, затем Симы Пандуровича «Обилич» и других¹.

Исторические мотивы, косовская драма и Битва на Косовом поле, пропозитивают и разные виды сербского изобразительного искусства. От великой художественной композиции «Косовска битка» (1776) в трапезной монастыря Раваница работы Амвросия Янковича (которую усташи уничтожили во время Второй мировой войны), включая разные художественные композиции, такие как «Смрт Цара Уроша» в монастыре Яско, «Косовски бој» (1853) на стене церкви в Товаришево (Бачка), затем «Милош Обилић убија Мурата» (1871) на своде церкви в Остойичево, «Смрт Кнеза Лазара» (1885) в Соборном храме в Нише, а затем того же автора «Обретеніе главе Кнеза Лазара» (1905). Косовские мотивы присутствуют на полотнах Джорджа Крстича, Моши Глишича, Надежды Петровић, Драгослава Васильевича Фиги, Михаила Миловановича и других сербских художников. Этот цикл заканчивается графикой Драгутина Инкиострия «Освећено Косово» (1912). Тему Косово развивают, хотя и в меньшей мере, сербские скульпторы. Йован Йованович Змай оставил эскиз проекта памятника в Косово, а Джордже Йованович изваял известный Памятник косовским героям, открытый в Крушевце в 1904 году. О силе косовских мотивов говорит и тот факт, что ими занимались и другие славянские художники, в первую очередь хорваты и чехи, а самым ярким образом это выразилось у Ивана Мештровича в его работе «Видовдански храм». Здесь можно вспомнить и более мелкие скульптуры, такие как «Медаль Обилича» за храбрость (1847), а также многие другие медали. Косовские мотивы и косовские герои представлены на многих литографиях и гравюрах XIX века².

Сербский народ до XIX века сохранил сознание о высоких достижениях общества в Средние века. Во всех политических программах, в литературе, поэзии, город Призрен, старая столица времен Неманичей, представлена чаще всего как будущая сербская столица. Впрочем, во время турецкого рабства из многочисленных столиц Неманичей непрерывно воспеваются практически только Призрен, причем часто как «сербский Цареград». Владыка черногорский и великий поэт Петр II Петровић Негош, «трагический герой косовской мысли», как называл его Иво Андрич, в письме к князю Александру Карагеоргиевичу подчеркивает, что единственным его желанием является увидеть объединенное Сербство, и тогда он удалится в Печ как сербскую духовную столицу, а князь сербский в Призрен — сербскую мирскую столицу.

Мысль о Призрене как о будущей столице живет и в мыслях многих молодых людей, особенно в 60-е годы XIX века. В Призрене в то время

¹ Војислав Ђурић. Указ. соч. С. 319–447.

² Дејан Медаковић. Косовски бој у ликовним уметностима. Београд, 1990. С. 17–43.

существует сильное сербское гражданское общество, выходит газета «Косово» на сербском и турецком языках. Одно молодое белградское литературное общество того времени «Српска нада» посылает приветственное послание законодательному собранию «Уједињене омладине српске» со словами: «Дай Бог вскоре встретиться в Призрене», а молодежь из Неготина отвечает: «Не забывайте Сараево и Призрен, чтобы нам там однажды в гармонии братской встретиться»¹. Правитель Черногории, князь, а затем и король, Николай I Петрович Негош, чья работа идет по стопам косовской заветной мысли, подчеркивает в одном из писем князю Михаилу Обреновичу по поводу празднования 50-летия Второго сербского восстания, что это событие «дорогой Сербии освобождение принесло и за крепкую косовскую обиду хоть немного отомстило»². Почти 50 лет спустя, накануне освобождения Косова и Метохии, на просьбу митрополита Митрофана Бана быть похороненным в монастыре на Цетине, король Никола, между прочим, отвечает: «...разве ты, витязь колачинский, хочешь предать наши подвиги, хочешь быть похороненным под Орловым камнем?! Ты забыл о Дечанах, Патриархии, Призрене? Там надо быть похороненным, Преосвященный, или в черной земле, или в недрах Шар-Горы и Качаника!»³ В программе Народно-либеральной партии 1881 года, партии Йована Ристича, подчеркивается, что на пути сербского освобождения во время Восточного кризиса 1875–1878 годов могли «вновь развиваться святые косовские, мишарские и таковские флаги», которые затрепетали на крепостных стенах Ниша и «у Грачаницы на Косово»⁴.

Также как и у других европейских народов, например, у итальянцев или у немцев, патриотизм был выражен и у сербской молодежи, особенно в середине XIX века. Все было под знаком Косово, косовских тем и косовских героев. На заседании «Дружине младежи српске» в 1849 году молодой лицеист Стеван Чирич озаглавил свою беседу в форме вопроса: «Хотим ли мы, можем ли мы и смеем ли мы на Косово?»⁵

Все поэты, пишет Скерлић, «вторили Якшичу: Косово ровное! Рана кровавая!»⁶ Все молодые поэты, между ними был и Бранко Радичевич, мечтали написать великий эпос о Косово. И новые сербские народные песни, вдохновленные сербской борьбой за освобождение в течение XIX века, особенно в 1875–1878 годах, в своей основе содержат косовскую идею, о чем свидетельствует сборник стихов Максима Шобаича «Освета косовска», опубликованный в Нови Саде в 1879 году⁷. Постоянное возвращение

¹ Јован Скерлић. Омладина и њена књижевност (1848–1871). Београд, 1925. С. 129.

² Никола I Петровић Његош. Писма. Цетинье, 1969. С. 49–50.

³ Там же. С. 378.

⁴ Василије Крстић-Радош Љушић. Програми и статuti српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 122.

⁵ Јован Скерлић. Нав. дело. С. 25.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Освета косовска. Јуначке пјесме српске, сјџвао и написао Максим М. Шобајић. Нови Сад, 1879.

к теме Косово было не только частью европейского национального романтизма, одержимости прошлым и культом Средневековья. Это было и прямое последствие великого страдания сербов в Старой Сербии, особенно в Косово и Метохии в течение всего XIX века, и это еще больше побуждало и подогревало осознание роли Косово в сербской истории и его несчастной судьбе. Злонамеренные писатели, чтобы прикрыть драму Старой Сербии, объясняют все якобы сербской склонностью к мифам и мифическим воззрением, «политической теологией». Первые великие страдания сербов в современной истории и первые масштабные этнические чистки сербов происходят именно в Старой Сербии, в Косово и Метохии. Таким образом, Косово было воплощением не только огромной национальной катастрофы в конце XIX века, но и воплощением трагедии одной части христианского мира перед лицом и с соучастием другой большей части христианской Европы. Оно стало синонимом недостатка христианской солидарности, как в XIV, так и в XIX—XX веках.

Архимандрит монастыря Дечаны Хаджи-Серафим Ристич опубликовал в Земуне в 1864 году известную брошюру «Плач Старе Србије». Архимандрит в предисловии к книге подчеркивает, что ожидает христианскую солидарность, вынося на свет «состояние несчастного Христианства в Турции». Кроме прочего он пишет: «По призыву моему и должности, чтобы улучшить состояние несчастного Христианства в Турции, которое со дня падения славы сербской на поле боя Косово до сегодняшних дней находится под кнутом тиранического насилия, я все мои усилия приложил; но мало успеха, по крайней мере, до сих пор, при всем огромном вложенном труде и средствах видел»¹. Свою книгу Архимандрит Серафим посвятил англиканскому священнику Уильяму Дентону, «великодушному приятелю и защитнику народа сербского». Книга Дентона «Христиане в Турции» (Лондон, 1863)², представляющая собой документальное свидетельство турецкого и албанского насилия, ознакомила Англию и Европу со страданиями христиан. Тридцать лет спустя появился еще один документальный сборник материалов о зверствах арбанасов над сербами в Старой Сербии, под заголовком «Из најцрње Европе» («Из самой мрачной Европы»)³. Автор работы, Иван Иванич (псевдоним Србин Србинович), сравнивая преступления в Косово и Метохии с преступлениями в других частях мира, говорит: «То, что в последние годы происходит в Арнаутлуке и в Старой Сербии, превосходит все ужасы средних веков, резню в Армении, современную ситуацию на Крите. Это настоящие угнетения и зверства, каких сегодня нет между людоедами в Патагонии и Австралии, нет между дикарями в самой черной Африке. Поэтому мы этим строчкам в черной рамке дали

¹ Плач Старе Србије, написао и издао Архимандрит Високих Дечана Хаџи Серафим Ристић. Земун, 1864.

² Denton W. The Christians in Turkey. London: Bell and Daldy, 1863.

³ Србин Србиновић (Иван Иванић). Из најцрње Европе. Убиства, пљачке, отимачине и злочици у Старој Србији, Арнаутлуку, Дебру и Македонији. Београд, 1896.

заголовок «Из најцрње Европе». Через три года после выхода книги Иванича появилась на сербском и французском языках книга Министерства иностранных дел Сербии, подготовленная для конференции в Гааге, — «Переписка о насилиях арбанасов в Старой Сербии 1898—1899 годов»¹. Сербские источники подтверждали и многочисленные зарубежные исследователи, такие как А.Ф. Гильфердинг, И.С. Ястребов, Виктор Берар, Мери Дарам, Гастон Гравье и прочие.

Осознание важности Косово сохранилось и в других сербских областях, везде, где проживал сербский народ, даже на периферии сербского этнического и культурного мира. Первый драматический текст на тему косовской легенды о «бое князя Лазаря» возник в XVIII веке в Боке-Которской, «скорее всего, в Перасте»². Известный сербский писатель Яков Игњатович записал, что в детстве его опекуном и воспитателем был его двоюродный брат Сима Игњатович, главный писарь города Буды, который, умирая, «завещал, чтобы кости его перевезли в Призрен»³. Иво Войнович в 1906 году составляет драматический эпос «Смрт мајке Југовича». Его брат, Луи Войнович записал, что он, возвращаясь к народной поэзии, по следам традиционных отношений Сербского Царства с Дубровником, хотел «создать, хотя бы на мгновение, волшебный город с убежищем для последнего косовского витязя...»⁴.

ПРАЗДНОВАНИЕ 500-ЛЕТИЯ БИТВЫ НА КОСОВОМ ПОЛЕ

Мощь косовской идеи особенно проявилась в 1889 году, во время празднования 500-летия Косовской битвы. Уже в конце 1888 года в Руме сформирован Центральный комитет по празднованию 500-летия Косовской битвы, конечно же, из-за близости Раваницы, Врдника, в котором почивал гроб с мошами князя Лазаря. Торжественная церемония состоялась тогда в Далматинском Косово, в Книнской краине. Сербь из местных шести сел (Рамляны, Звиеринац, Уздолье, Риджаны, Марковац и Орлич) и двух деревушек (Раджи и Шаровац) сохранили предание о том, что их предки пришли с Косова поля. В деревне Марковац находится церковь Святого Ильи, сооруженная в 1589 году. Постаревший владыка Стефан Кнежевич позвал в 1889 году сербов собраться на Видовдан на освящение новой церкви Лазарицы в далматинском Косово, где в тот

¹ Documents diplomatiques. Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille Serbie (Vilayet de Kosovo) 1898—1899, Ministère des affaires étrangères. Belgrade, MDCCCXCIX. P. 1—145.

² Марта Фрајнд. Прве драмске обраде легенде о Косовском боју, Косово у памћењу и стваралаштву. Приредио Ненад Љубинковић. Београд, 1989. С. 222.

³ Ј. Скерлић. Нав. дело. С. 162.

⁴ Цит. по: Рашко В. Јовановић. Народна песма Смрт мајке Југовића у виђењу и у драмској обради Ива Војиновића, Косовоу памћењу и стваралаштву. С. 233—234.

день собрались тысячи сербов из северной Далмации, южной Лики, Боснийской краины, Буковицы, Равних Котара, Книнской и Цетиньской краин¹.

Власти Королевства Сербии из политической осмотрительности по отношению к Турции, а также Австро-Венгрии достаточно сдержанно отмечали эту историческую годовщину. В разговоре с депутатом в Цареграде Стояном Новаковицем 2 июля 1889 года, Великий визирь заметил, что «празднества прошли мирно», на что Новакович «повысил голос и констатировал, что все могли убедиться в том, что набожные исторические поминки одного давнишнего события, важного в нашей истории, действительно не направлены против наших добрых соседей, с которыми мы искренне желаем оставаться не только в хороших отношениях, но и лелеять общие, схожие, связывающие нас интересы»². На праздновании 500-летия Косовской битвы в Сербии присутствовал и Лайош Талоци, официально в качестве члена венгерской академии наук, о чем после своего возвращения написал обширный отчет — настоящую научную работу³. Султан Абдул Хамид 21 июля устроил обед в Иылдызе в честь, в то время уже бывшего, короля Милана Обреновича, о чем Новакович, там присутствовавший, составил подробный отчет, подчеркивая, что Милан в своем обращении к султану глаголил «с известным элегантным красноречием, которое так блестяще развивает в таких ситуациях»⁴. В самой Сербии и среди сербов возвращение к косовским темам в течение XIX–XX веков, наряду с национальной объединительной ролью и напоминанием о моральных ценностях великого косовского наследия, было возможностью и для критического разбора причин гибели сербского государства и сербского общества. Председателем Сербской королевской академии в период празднования 500-летия Косовской битвы был Чедомиль Миятович. Миятович 23 июня 1889 года произнес длинную, одухотворенную и звучавшую весьма современно речь под названием «Косово». Талантливо и вдумчиво, рассматривая историю как драму, Миятович начал свою речь следующими словами: «Со страхом и трепетом я напрягаю мой голос, чтобы призвать вас выйти на великое кладбище косовское. Еще четыре дня и весь сербский народ духом посетит это кладбище, зальет его слезами, украсит цветами, вздохами своими окутает, подойдет к нему с сердцем, наполненным любовью, и уйдет с него с сердцем, наполненным гордостью. Впервые в истории христианства народ устраивает поминки на пятисотлетие. Через четыре дня вся сербская земля превратится в один великий храм Божий, в котором весь народ с миллионами благодарных сердец и миллионами потрясенных душ

¹ Мирко Лежаић. Прослава Видовдана на далматинском Косову // Политика, 20. јун 1939.

² Архив Србије, ф. ПО, Б/8, пов. 633, Стојан Новаковић предсенику министарског савета и министру иностраних дела генералу Сави Грујићу. Цариград 3. јула 1889. године. Датуми су по новом календару.

³ Harold Heppner. Serbien im Jahre 1889 nach einem Bericht Ludwig von Thallózy's, Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs, Sonderdruck 41 (1990). S. 156–193.

⁴ АС, ПО, И/11, пов. 715, С. Новаковић – С. Грујићу, Цариград, 26. јули 1889. године.

прославит и восхвалит Бога за то, что дал ему косовских героев. И пусть сегодняшнее празднество будет одной подготовительной службой к той великой народной Литургии! Пусть эта наша служба будет общей тихой вечерней молитвой великой святыне косовской!»¹

Миятович проанализировал причины и последствия косовского бедствия. Идея государственного единства, говорил он, «была слишком нова и требовала серьезных жертв», которые всемогущая аристократия не была готова положить на алтарь. В границах чисто сербских земель «идея государственного единства еще не преодолела остроту и силу провинциальных стремлений». Для большинства балканских народов «внешняя опасность не была так ясна и очевидна». Увидев дезинтеграцию сербского народа, князь Лазарь «систематически и последовательно начал работу по примирению, сближению и объединению сербских земель и по упрочению союзничества сербских народов с другими христианскими народами». Погибнув на поле брани за эту идею, он эту мысль о «народном объединении» окружил святительским частоколом². С Косово, говорит Миятович, «начинается новая история Сербии, история больших искушений, долгих страданий, непрерывной борьбы и нетлеющей славы».

Более острую, по сравнению с председателем Сербской королевской академии, речь произнес начальник генерального штаба полковник Йован Мишкович на Видов день 1889 года. Это было на поминках в Белградском офицерском клубе, речь получила название «Косовская битва». Начал он следующим предложением: «В этот день, пятьсот лет назад, тысячи сербов, наших славных предков, испустили свой геройский дух на печальном поле Косовском, борясь за свою национальность, веру и отечество». После подробного анализа военной тактики битвы и ее отражения в народных песнях и традициях, Мишкович в конце беседы ясно обозначил некоторые уроки Косовской битвы. «Недостаточно только лишь знать, что и как произошло, но нужно нашим славным предкам светлыми делами подражать, а от темных дел — уклоняться», — говорит Мишкович. Итог Косовской битвы представляет собой результат многих предыдущих политических событий и факторов — в первую очередь характера государственного устройства и военной организации. «Мы были свидетелями нашего государственного раскола; разногласий и зависти между старейшинами. Народ, действительно, имел и честь, и храбрость, но государственная и военная организация были слабы», — сказал Мишкович. У турок была лучшая военная организация, более быстрая мобилизация и концентрация, лучшая дисциплина и тактика. «Все это вместе должно было привести к таким результатам. Косовский бой является плодом всех наших государственных, общественных и военных ошибок и достоинств. Так как первые перетянули на судьбоносных весах исто-

¹ Чedomил Миятович, Косово. Беседа у Свечаној седници Краљевске академије 11-ог јуна 1889; «Отаџбина — књижевност, наука, друштвени живот», власник и уредник Владан Ђорђевић. Књ. 22. Београд, 1889. I.

² Там же. II—III, XIII—XIV.

рии — решение не заставило себя ждать. Это неумолимое течение исторических событий. Сейчас, когда мы знаем, из-за чего мы гибли и в чем мы ошибались, мы обязаны не повторять ошибок.

Самая лучшая награда для косовских героев за их подлинный патриотизм и жертвенность наступит тогда, когда их потомки на деле докажут, что они способны осуществить идею, за которую на Косово боролись.

Поэтому мы должны лелеять согласие и любовь между нами, развивать добродетель, поднимать порядочную, надежную и дисциплинированную армию, чтобы мы смогли, когда придет время, осуществить нашу национальную идею: объединение сербов»¹.

ЭТИКА ВИДОВА ДНЯ: ЗАВЕЩАНИЯ КОСОВСКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИКИ

Косово как тема продолжает жить в сербской культуре, в сербском обществе, во всех его сегментах и во всех сербских областях и в то время, когда и Косово, и Метохия, и Старая Сербия находились вне границ современного сербского государства. Это и понятно. Косово с точки зрения государства, в политическом, духовном и культурном смысле является фундаментом сербской идентичности, лейтмотивом освободительной мысли, вдохновением многих литературных и художественных работ. Ни у одного другого топонима нет силы топонима «Косово». Известный сербский эллинист и философ Милош Джурич посвятил косовской идее две свои ранние работы — «Видовданска етика» (1914) и «Смрт мајке Југовича» (1918). Работу «Видовданска етика», пронизанную в значительной степени югославизмом, опубликовало Сербское академическое общество «Негош» в Загребе. Значимость нации, пишет Милош Джурич, нужно измерять «по тому, какую победу завоевало в ней небесное начало над земным. Эта победа, её важность, видны в её культуре»².

Величие народа не измеряется его численностью, но высокими достижениями его духа — «разве приветливая Эллада, насчитывающая всего три с половиной миллиона душ, разве она, пока существовала, не олицетворяла собой всю Европу и Ойкумену?»³ Джурич особенно подчеркивает гениальность сербской народной поэтики как выражения коллективного народного сознания, одаренности известных и неизвестных ее творцов, создавших «такое великое искусство», с величественными стихами «о нашем Отечестве, в героических десятилетиях, где без позы и фраз оплакивали болезненное страдание и распятие векового Косовского Прометея и помянули бессмертных борцов за национальные святыни». Народная поэзия, говорит Джурич, создала «грандиозные, практически неземные фигуры,

¹ Јован Мишковић. Косовска битка (15. Јуна 1389. године). На петстогодишњем помену у Београдској официрској касини 15. јуна 1889. године. «Отаџбина». Књ. 22. С. XVI—XXXVIII.

² Милош Ђурић. Видовданска етика. Ниш, 1988 (репринт). С. 9.

³ Там же. С. 19.

которые ни одному из последующих поэтов не удалось создать», она дала нам «необыкновенные примеры утонченного анализа человеческих душ» и воспевала «великие истины и славные жизненные мудрости»¹.

«Видовданска етика» Милоша Джурича написана в годы глубокой веры и надежды на светлое будущее сербского народа и Южных Славян, выросших, между прочим, и из освобождения Косова и Метохии и Старой Сербии в 1912 году. В своеобразной оде народной поэзии Джурич подчеркивает, что сербский народ дал человечеству «царскую мудрость», дал «из своей жизни после Косово – Видовданскую философию национализма», чью основную «фундаментальную мысль видовданской идеологии» нашел в словах Васы Стаича, которые цитирует: «И когда завоеватели овладевают телом какого-то народа, душу пусть он бережет, лишь ее нельзя терять. Царство живо до тех пор, пока народ хранит его в своей душе, пока от него не отрекается. Наш народ сделал и больше того: он свою мысль не только высказал (так красиво высказал, что этой красотой питается сербское искусство), но и доказал ее, отменив и раскаявшись за Косово. Так и сегодня все мы благословляем благородного князя, не примирившегося с рабством, не поверившего в вечность турецкого царства, но верим в победу Видовданской мысли над ним»². Все тленно, пишет Джурич, королевства и царства, башни, дворцы, города, «вечно лишь национальное искусство народа. А его не может быть, если нет национальной жизни». Наши лучшие художники «всех родов вдохновляются самым дорогим воспоминанием, называемым «Видовдан, Косово»³. Философию, произошедшего на Видов день («плодородность жертвы и осмысление страданий ради роз, которые будут цвести для следующих поколений»), Милош Джурич находит и в размышлениях Стояна Новаковича об уроках Косовской битвы: «Косовскую битву сербы, в материальном смысле, проиграли, но в духовной жизни сербского народа Косовская битва представляет моральную победу, более сильную, прочную и близкую, чем многие настоящие, материальные победы. Духовная жизнь того события – драгоценный камень в духовной жизни народа сербского»⁴.

Молодой Милош Джурич свое литературно-философическое воодушевление косовской идеей и видовданской этикой черпал из сербской народной поэзии. Книга «Смрт мајке Југовича», опубликованная в Загребе в 1918 году, является свидетельством высоких достижений его духовного и философского понимания заветов народной поэзии в качестве выражения коллективного народного сознания⁵. Из этого морального и духовного наследия, считает Джурич, выросли стихи Милана Ракича, а из цикла «На Косову» стихи Марко Королии, многие беседы Николая Велимировича и,

¹ Милош Ђурић. Видовданска етика. С. 26.

² Там же. С. 35–36.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Miloš Đurić, Smrt majke Jugovića. Književno-filozofska studija. Zagreb, 1918. Репринт са предговором Радослава Раденковића објављен је у Нишу 1988. године.

наконец, «Видовдански храм» Ивана Мештровича. Джурич весьма ценит толкование косовской мысли и косовской легенды и «наших царских рапсодий» Йована Дучича, его обобщение совокупного наследия, записанное в нескольких предложениях в одном кратком очерке о Петре Кочиче: «Косовская катастрофа является настолько неизмеримым преданием, что она и сегодня, пять веков спустя, вызывает у нашего человека слезы на глазах и кипение крови, будто только вчера появились глашатаи, чтобы объявить, что все сербские воины погибли, что погиб благородный князь и что река Ситница унесла коней и героев». Эти предания переходят в видения. Три четверти всех наших душ созданы из этих темных и ужасающих традиций. Они создали то трагическое чувство в нашем народе, которое выделяет нас среди других соседних народов и делает нас великими в великих стремлениях, более сильными в великом подъеме, отражается, возможно, в наших величайших художественных замыслах, как это ранее было у других народов. Для меня самой величественной фигурой в нашей истории является князь Лазарь, который на Косовом поле был нашим Агамемноном, а Обилич был Ахиллом»¹. Философия Косово, пишет Джурич, это «философия о птице-Феникс, философия о Голгофе, которая из специфической ценности одного народа может стать ценностью общечеловеческой». Она человеческая в той же мере, как и национальная. В таких поэмах, как «Смрт мајке Југовића», находится то «ясно этическое, то, что означает и с помощью гроба побеждать, то, что философии в этой поэзии дает характер монументальности и в чем лежит тайна неувыдаемой их ценности»².

СТАРАЯ СЕРБИЯ И СВЯТОСАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Святосавская традиция была важным фактором старо-сербской культурной идентичности. Косовская идея и косовское наследие опираются на глубокие святосавские корни в Старой Сербии. Святосавская традиция является важной частью духовной, культурной и вообще общественной жизни сербов в Старой Сербии, особенно в период до освобождения в 1912 году. «Савин день» был главным духовным и культурным событием, как в городах, так и в селах Старой Сербии. Делая записи об идее государственности у сербов от XVI до XVIII веков, Деян Медакович заметил, что знатоков истории всегда «удивляла скорость, с которой во время Первого и Второго восстания сформировалась идея об обновлении сербского государства»³. Главную заслугу в сохранении старых духовных традиций и сербской государствообразующей мысли он по праву приписывал Печской патриархии, которая после обновления в 1557 году стала центром объединения сербского народа, находящегося под чужеземной властью. Из Печ-

¹ Цит. по: М. Ђурић. Указ. соч. С. 53.

² Там же. С. 145.

³ Милош Благојевић-Дејан Медаковић. Историја српске државности. Књига I. Од настанка првих држава до почетка српске националне револуције. Нови Сад, 2000. С. 319.

ской патриархии вплоть до ее упразднения в 1766 году «слышалось эхо поучений о единстве, опирающемся на авторитет и место, которые сербская церковь занимала в сербском средневековом государстве». На первом месте находятся культы сербов-святителей, таких как Св. Симеон, Св. Савва и Св. Арсений. В монастыре Милешево, как известно, с начала XIII до конца XVI века находились мощи Святого Саввы, а мощи Святого Арсения после перенесения из Печи находились в монастыре Доволья в каньоне реки Тары, вблизи Плевли. Сербская церковь после исчезновения сербских государств была единственным институтом, который вопреки всем трудностям продолжил существовать и хранить старые государственные и духовные традиции, в чем «все более проглядывается, — подчеркивает Медакович, — роль Старой Герцеговины, на территории которой находился и монастырь Милешево, главный питомник святосавского культа». Именно поэтому, с его слов, область Старой Герцеговины в конце XVI — начале XVII века была «самой зрелой с политической точки зрения», и, естественно, что с этой территории вели начало все попытки подключить сербский народ к планам западных сил о создании сильной антитурецкой европейской коалиции¹. Из культов сербов-святителей, являющихся носителями государствообразующего сознания в то время, культ Св. Саввы, конечно, был самым мощным. «В области Старой Герцеговины, — пишет между прочим Деян Медакович, — с полного согласия сербской церкви, рождается впервые четко воспринимаемая мысль об обновлении Сербского государства»². Впрочем, хорошо известно, что молодой принц Растко Неманич (Св. Савва Сербский) от своего отца в управление получил Герцеговину как свое княжество, которое вплоть до XVIII века упоминается и как «Воеводство Св. Саввы».

Когда речь идет о культе Св. Саввы и сакральном наследии, сложно отличить мифическое от реального в этой традиции. Впрочем, так везде, где на сербских землях и в областях жил и живет сербский народ, и с этой точки зрения неважно, идет ли речь о восточной части Старой Герцеговины, в первую очередь о Пиве, Дробняку, Среднем Потарье и Полимле или о Старой Сербии. И здесь мы часто находим топонимы, связанные с именем Саввы Неманича, то есть Св. Саввы, такие как «Савин Лакат» (локоть Саввы) (между Плевлем и Приеполем), «Савина испосница» (скит Саввы — наподобие пещеры в вымытой части скалы) в каньоне реки Милешевки, Скала Святого Саввы у монастыря Св. Троицы в Плевли, «Савина вода» и «Савин кук» (бедро Саввы) на Дурмиторе и прочие. В народе говорят, что на «Савином лакту» однажды «отдыхал Св. Савва и локтем к скале прислонился, под святым человеком камень углубился и след от локтя остался, поэтому это место и называется Савин Лакат»³. Похожие легенды и у топонимов на Дурмиторе, объясняющие происхождение «Савине воде» на

¹ Милош Благојевић-Дејан Медаковић. Историја српске државности... С. 320—321.

² Там же. С. 322.

³ Петар Мркоњић (Танасије Пејатовић). Средње Полимље и Потарје у Новопазарском саниаку, етнографски зборник СКА, IV. С. 346.

«Савином куку», связывая происхождение этих топонимов с пребыванием Саввы Неманича в этих краях. А именно, рассказывают, что Св. Савва на верху горы, «чтобы напоить дьякона, сопровождающего его, движением посоха и его скрещением с верхом «Савинога кука» сотворил источник, никогда не пересыхающий, ни летом, ни зимой»¹. В народной поэзии, собранной Вуком Караджичем, Неманичи упоминаются как ктитории монастырей и в восточной части Старой Герцеговины. Так, говорится, что «Савва Неманич» рассказывает, как «его тятя богатство потратил, строя многие задужбины», среди которых упоминает и «Милешевку в Герцеговине, и Доволью вблизи Черногории, и Троицу недалеко от Таслиджи, около воды вблизи Чиотины»². Образ Св. Саввы изображен практически во всех церквях на этой территории, от известной фрески в монастыре Милешево, якобы созданной во время жизни Св. Саввы, до фрески Св. Саввы в алтаре церкви Успения Пресвятой Богородицы, монастыря Пивы, на которой святитель изображен в облачении архиепископа с тонзурой на голове. Монастырь Святой Троицы в Плевле — это богатейшая сокровищница савской традиции, как, впрочем, и вся плевальская область.

В монастыре Святой Троицы Плевальской хранится посох Святого Саввы Сербского. Уже в начале XVII века, в 1608 году укоренилась традиция отождествления этого посоха с первым сербским архиепископом, когда монахи из Троицы решили оковать этот посох. Неизвестный ювелир на серебряных полосках посоха выгравировал декоративными буквами стихи восхваляющие Святого Савву³. Посох и до того был окован и частично покрыт этой оковкой 1608 года. Посох Св. Саввы, по преданию, прибыл в монастырь Святой Троицы из Милешево. Историк-искусствовед Сретен Петкович считает, что «у этой традиции есть свои основания», так как источники показывают, что в Милешево, до сожжения монастыря, хранился посох святого «с кристалльным яблоком на наконечнике, которое есть и у посоха из Святой Троицы». Слуга английского посла Х. Кевендиша, Фокс, сделал записи об этом посохе в 1589 году в своих описаниях Милешево, дополняя, что, согласно поверию, кристалльное яблоко благоприятно действует на зрение и что с ним протерли свои глаза три купца из Дубровника, которые по дороге присоединились к Кавендишу и его свите»⁴. Народное предание гласит, что в Святой Троице Плевальской находится левая рука Св. Саввы и деревянный гроб рядом с иконостасом, в котором, якобы, какое-то время покоились мощи святого. Предание также гласит, что деревянный гроб после перенесения мощей из Милешево унесли местные мусульмане, исламизированные сербы, и что позже его от них получили (в другом источнике говорится, что выкупили) монахи монастыря Святой

¹ Стојан Караџић. Дурмиторски летопис. Београд, 1998. С. 101.

² Српске народне пјесме. Скупио их и на свијет издао Вук Ст. Караџић, књига друга. Београд, 1977. С. 68.

³ Сретен Петковић. Манастир Света Троица у Плевљима, друго допуњено издање. Плевља, 2008. С. 41.

⁴ Там же. С. 42.

Троицы¹. Сретен Петкович считает, что это «очень простой гроб в форме саркофага, не очень старый». Для истории святосавской традиции, конечно же, весьма интересны стихи известного монаха Симьяна о Св. Савве, которые включены в одно рукописное собрание сокровищницы монастыря Св. Троицы, и предполагается, что они возникли в первой половине XV века². Считается также, что книга со стихами, которая находится в сокровищнице монастыря Св. Троицы, была туда привезена. «О художественной ценности стихов Симьяна, — пишет Джуверович, — лучше всего говорит тот факт, что Роман Якобсон, один из основателей современной лингвистики, провел самый полный анализ стихов Симьяна и подчеркнул их художественную виртуозность»³.

В науке широко известно, что мощи Св. Саввы из монастыря Милешево, по приказу турецкого Синан-паши, перенесены в Белград, на Врачар и сожжены. Считается, что это произошло в 1594 году, хотя некоторые писатели упоминают и 1595 год⁴. Однако в начале XIX века появляются известия о том, что в монастыре Доволье хранятся мощи Св. Саввы, хотя считалось и считается, что речь идет о мощах Св. Арсения. Историк Станое Станоевич в своей работе об архиепископе Арсении, опубликованной в 1932 году, в одном из примечаний пишет: «Интересна одна запись из 1834 года, в которой говорится, что иеромонах Пахомий Джурич принес одну книгу в Доволье, «где почивает святой Савва» /.../ Из этой записи некоторые писатели без оправданных причин выплетали разные комбинации, например, что Св. Савва не сожжен и что мощи, принадлежавшие, как считалось Св. Арсению, на самом деле — мощи Св. Саввы и т.д.»⁵ Однако за три десятилетия до этой записи митрополит Карловацкий Стефан Стратимирович записал схожее высказывание архимандрита из Пивы Арсения Гаговича. Димитрий Руварац в 1903 году опубликовал работу «Географске белешке о Турској» митрополита Стефана Стратимировича 1803—1804 годов, в которые он, кроме прочего, внес и «Опис Херцеговине», услышанную им в 1803—1804 годах от архимандрита Пивы в Герцеговине и проигумена Хиландарского Арсения⁶. Стратимирович записал сказание Гагича о том, что в монастыре Доволье находится «Храм Успения св. Богородицы и мощи Св. Саввы»⁷. Также, записаны его слова о том, что на Дурмиторе «самой высокой горе в Герцеговине» находится «источник Св. Сав-

¹ Сретен Петковић. Манастир Света Тројица у Пљевљима, друго допуњено издање. Пљевља, 2008. Сава Косановић. Српске старине у Босни // Гласник СУД. Књига XII. Београд, 1871. С. 177—178.

² Радисав Џуверовић. Симјанови стихови о Светом Сави, Брезнички записи 2. Пљевља, 1990. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Епископ Николај. Сабрана дела. Књ. XII. Химелстир, 1984. С. 782.

⁵ Станоје Станојевић. Архиепископ Арсеније (1233—1263; +28 октобра 1266) // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. Књ. V. Сремски Карловци, 1932. С. 341.

⁶ Димитрије Руварац. Географске белешке о Турској митрополита Стефана Стратимировића из године 1803. и 1804 // Споменик СКА, XXXIX. Београд, 1903. С. 107—116.

⁷ Там же. С. 109.

вы Сербского». Конечно, сложно воспринимать без исчерпывающих доказательств эти известия как веродостоинные, но, во всяком случае, такие известия являются свидетельством силы святосавской традиции и силы культа сербского святого в Старой Герцеговине и Старой Сербии. Поэтому монастырь Милешево иногда называют монастырем Св. Саввы сербского.

Во второй половине XIX – начале XX века по всей Старой Сербии, во всех более крупных поселениях и городах существовали общества и клубы «Святой Савва». Петр Костиц упоминает призренское общество «Святой Савва» в 1880 году¹.

КОСОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЫ

Веками косовское наследие, в качестве центральной части старосербского наследия, воспринималось как основная черта сербской идентичности, а как таковая и в качестве неотъемлемой части европейской христианской цивилизации. На протяжении веков никто не связывал косовское наследие с албанцами. Исламское наследие, возникшее вследствие оттоманских завоеваний сербских и других балканских христианских стран, является частью османского наследия. Сербское косовское наследие вдохновляло европейских писателей и художников. Чешский историк, поэт и путешественник Зигфрид Каппер написал эпическое произведение «Князь Лазарь», опубликованное на немецком языке в Вене и Лейпциге в 1852–1853 годах². Чешский композитор Роберт Толингер в честь пятисотлетия Косовского боя в 1889 году написал великую кантату «Косовка»³. По поводу празднования пяти веков с момента Косовской битвы газета «Русское дело», орган славянофилов Аксакова, назвал Косово «сербской Троей» и призвал русских также отмечать это событие: «Не отпраздновать воспоминание о Косовском бое в России означало бы нанести оскорбление сербским и общеславянским чувствам»⁴.

Видов день, также как и Косовский день, отмечался в Великобритании во время Первой мировой войны, а в 1918 году – и в США. Косовский день впервые отмечался в Великобритании в 1916 году, в организации «Комитета Косовского дня», во главе которого стояла профессор Элси Инглис, основательница Больницы шотландских женщин для службы за рубежом и главный хирург больницы в Эдинбурге⁵. Членами комитета, среди про-

¹ Петар Костић. Црквени живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца). Београд, 1928. С. 21.

² Josip Matl. Dvanjemačka časopisaiž šezdesetih godina 19. vijeka, preštampano iz «Nastavnojvjesnika». Knj. XXXVI, sv. 5–6. Zagreb, 1928. С. 28.

³ Вељко Петровић. Петстогодишњица Косова пре педесет година // Политика, среда, 28. јун 1939.

⁴ Там же.

⁵ Kosovo Day (1389–1916). Published by The Kosovo Day Committee. London, 1917; Ubavka Ostojić-Fejić. Obeležavanje Kosovskog dana u Velikoj Britaniji tokom Prvog svetskog rata. Istorija 20. veka, br. 2. Beograd, 1994. С. 21.

ГЛАВА II

чих, были и леди Каудрей, леди Гроган, леди Педжет (супруга британского посланника в Белграде во время балканских войн Ральфа Педжета), а также британский историк Роберт Уильям Сетон-Уотсон и другие известные люди. Британское правительство относилось к этому осторожно. И когда члены Комитета Косовского дня предложили провести на Видов день в соборе Св. Павла в Лондоне литургию, Форин офис воспротивился, объясняя, что «28 июня является также второй годовщиной убийства Франца Фердинанда, и просербская демонстрация может быть неправильно воспринята»¹.

Известный археолог сэр Артур Эванс в газете «Таймс» писал о косовском эпосе как «о всеобщем наследии, сохранившем традиции национального единства». Крупный британский писатель того времени Честертон прославлял народы, которые «потерпели поражение в бою, но продолжают жить и развиваться, потому что являются нацией, а нация близка к религии. Сербы намереваются воздвигнуть величественный памятник в Косово. Как и чехи, и поляки, они отсчитывают свое время не от победы, а от поражения, не как язычники — от основания города, а от его завоевания»². Рассмотрев все факты, кажется совершенно естественным, что бывший американский государственный секретарь Генри Киссинджер на международном форуме по Косово 12 октября 1998 года в Праге подчеркнул следующее обстоятельство: слишком долго в истории Косово считалось неотъемлемой частью Сербии.

¹ Kosovo Day (1389—1916). Published by The Kosovo Day Committee... С. 21—22.

² Там же. С. 24.

Глава III

РАШКА В XIX–XX ВЕКАХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Историческое развитие Старой Сербии представляет собой весьма важную и крупную проблему в сербской национальной истории. Это, несомненно, — часть истории Балкан. Однако с историко-политической точки зрения до 1912 года история Старой Сербии неразрывно связана с Восточным вопросом. Чтобы понять и объяснить внутренний мир Балкан, сложное переплетение политических, социальных и религиозных обстоятельств, историю менталитета и культуры балканских народов в широком смысле этого понятия, нужно начать с исторических документов, множества разных свидетельств о прошлом этого региона, так как без опоры на документы и исторические источники дискуссия о Старой Сербии будет сводиться к доказательству заранее определенных политических тезисов или к повторению отдельных предассудков и стереотипов.

Старая Сербия как одно целое, как ядро исторической Сербии имеет ряд общих черт — политических, экономических, общественных, культурных, обусловленных, прежде всего, исторической жизнью в XIX — начале XX века. Речь идет о неразвитом обществе традиционного типа с выраженными ориентальными характеристиками, консервативном по своему характеру, которое в сербском и югославском государстве проходит через крупные политические, социальные, экономические и культурные преобразования и переживает прогресс исторической значимости. Всё-таки прошлое отдельных областей в Старой Сербии имеет и свои особые признаки, позволяющие рассматривать их как обособленные единицы.

Рашка и Османское наследие: попытки повторного введения османизма в XX веке

Историко-географические и этнографические исследования Йована Цвийича, Танасия Паятовича, Гастона Гравье, Симона Йовановича, Андрие Йовичевича, Сретена Вукосавлевича, Милисава Лутовца, Петра Влаховича, затем Жарка Шчепановича, Эюпа Мушовича и прочих, а в новое время и исследования, в которых участвовал и автор этих строк, показали, что в

районах Верхнего и Среднего Полимля, и Потарья, и Верхнего Ибра или плоскогорья Сенницы и Пештера (которые разделяет гора Гильева) прослеживаются данные о высокой плотности населения: встречаются «греческие кладбища» (иногда и «латинские», и «римские»), «греческие нивы», места, где ранее находились монастыри, церкви, села, города, а нередко и географические объекты, обозначавшиеся топонимом «молитва». Очевидно, что эта область была когда-то густонаселенной, а в конце XVII – первой половине XVIII века произошли резкие перемены в составе населения. Демографический разрыв, который виден не только в материальных следах на самой местности, но и в исторической памяти нынешнего – пришлого населения. Французский антропогеограф Гастон Гравье (1886–1915), посетивший эти края в июне–июле 1912 года, заметил, что «редки семьи, живущие на одном месте в течение трех или четырех поколений»¹. Причины такого «непрерывного движения» нужно искать не только в крупных политических событиях и войнах, но и в масштабных эпидемиях (чума 1813, 1815, 1836 годов), голодных годах, кровной мести, болезнях скота и схожих бедствиях.

Османское наследие по ряду цивилизационных характеристик оставило глубокий и узнаваемый след в истории Старой Сербии вплоть до сегодняшних дней. Он особенно очевиден в политической, экономической и культурной жизни, этнических и демографических процессах. События XVIII–XIX веков вытеснили зримый и узнаваемый до тех пор этнический и культурный образ прежнего центра сербской общественной и духовной жизни. Османское наследие на территории Рашки и Косово и Метохии проявляется наряду с прочим и в манипуляциях традиционными османскими административно-территориальными единицами: санджаками и вилайетами («исторический Санджак», «историческое Косово»). Речь идет о территории и проблемах, малоизвестных как нашим специалистам, так и широкой общественности, особенно в столице, склонной с первого взгляда судить поверхностно и локально о важных национальных вопросах, обращая внимание, когда речь идет, например, о Старой Рашке, в первую очередь на экзотические черты ориентального окружения.

В отличие от старших поколений сербских ученых, которые всё-таки осознавали и историческое, и современное значение этой области как части Старой Сербии, молодые поколения (честь – исключениям!) с большим рвением готовы заниматься так называемыми «крупными европейскими темами», предоставляя исследователям из других центров Европы и мира формирование представления об исторической и культурной индивидуальности этой части сербских земель. В последнее время наблюдается радикальная ревизия научных знаний по истории сербов и истории Балкан, а тем самым и Рашской области, подделка неоспоримых истори-

¹ Гастон Гравье. Новопазарски санџак. Нови Пазар, 1977. С. 12–13. В конце ноября 2011 года мы находились на Сенничко-Пештерском плоскогорье в рамках программы историко-географических исследований, в организации музея из Припеполя во главе с коллегой Славолубом Пушицей, директором музея. Речь идет о продолжении многолетних успешных исследований Верхнего и Среднего Полимля, Верхнего Ибра, Бихора и Сенничко-Пештерского плоскогорья.

ческих фактов ради современных политических нужд с целью конструирования во всех областях нового политического и квазигосударственного «образования», названного «Санджак».

Речь на самом деле идет о политическом использовании османского наследия на территории Старой Сербии.

Ревизия научных знаний о Рашской области распространилась с появлением исторического реваншизма по отношению к Сербии и сербам в последние десятилетия XX века, приведшего не только к развалу югославского государства, но и к стремлению свести сербское государственное и этническое пространство к землям Шумадии, Белградского пашалыка, в любом случае к границам Сербии до 1912 года. Американский коллега Русинов писал о факторе османского наследия в процессах дезинтеграции югославского государства¹. В еще большей мере можно говорить о роли австро-венгерского наследия. Многие мусульманские авторы последних десятилетий конструируют тезис о том, что так называемый «Санджак» от Берлинского конгресса в 1878 году до освобождения в 1912 году был практически независимым территориальным и политическим целым, что он представлял неотъемлемую часть «исторической Боснии» и что как таковой был «оккупирован» или «захвачен» Сербией и Черногорией в 1912 году. В самом факте освобождения области Рашки от османской власти в 1912 году они видят корень так называемого «вопроса Санджака». В опубликованной в 1991 году в серии «Босна и босански Муслимани» брошюре «Муслимани у Санџаку», авторов Пелидии, Маглайлича и Махмутчехаича, изданной впоследствии дважды, переведенной на английский язык и представленной на Конференции исламских стран, проблема вырисовывается следующим образом: «Санджак — название территории, простирающейся на части земель современных республик Сербии и Черногории. Эта территория представляет собой геополитическое и культурно-историческое целое. Территория Санджака на северо-западе граничит с территорией Сербии и Боснии и Герцеговины, на юго-западе — с Черногорией, на юге — с Албанией, а на юго-востоке — с Косово. Вплоть до Балканских войн 1912 года Санджак представлял единое административно-территориальное целое с управляющим и культурным центром в Нови Пазаре. У Санджака исторические и международно признанные границы; они подтверждены решением Берлинского конгресса (1878) и Константинопольским договором (1879). Культурно-историческую целостность Санджака сегодня определяют многочисленные случаи симбиоза исламской и православной сакральных традиций»².

Схожий тезис отстаивает и турецкий автор Мурат Йылмаз (Yılmaz) в книге под названием «Санджак», опубликованной в Стамбуле в 2004 году (второе издание), а также немецкий историк Холм Зундхауссен, который в

¹ Dennison Rusinow. The Ottoman Legacy in Yugoslavia's Disintegration and Civil War, in: *Imperia (Legacy: The Ottoman Imprint on the Balkans and the Middle East*. New York, 1996. P. 78–99.

² Цит. по: E. Pelidija, M. Maglajić, R. Mahmutćehajić. *Bosna i Bosanski Muslimani — Muslimani u Sandžaku*. Sarajevo, 1992.

работе «Geschichte Serbiens: 19–21. Jahrhundert» («История Сербии: XIX–XXI вв.») говорит об «аннексии Косово, Санджака и Македонии», так как, кроме прочего, «в Санджаке большинство составляли мусульмане (говорящие на турецком и южнославянском языках)»¹. Недавно Анна Ранитович написала магистерскую работу под названием «Зашто је зову Рашка ако мисле Санджак?» («Почему они называют её Рашка, если имеют в виду Санджак?»). Работу она защищала в Институте социальной и культурной антропологии в Оксфорде под руководством Роберта Паркина².

Ахмет Алиич в своем исследовании административно-территориальной организации и устройства Боснийского эялета приходит к следующему выводу о возникновении и статусе санджака Нови Пазар: «В соответствии с существующей литературой достаточно неясен статус Новопазарского санджака. А именно, эта область, охватывающая территорию, которая нам сегодня известна под названием Санджак, на основании административного разделения принадлежала санджакам Боснии и Герцеговины. Можно говорить, что вплоть до 1851 года эта область не была постоянно обособленным районом, как санджак»³.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ «САНДЖАКСКОГО КОРИДОРА» В РАШКЕ

Так называемая «проблема Санджака» представляет собой искусственную конструкцию, мотивированную, прежде всего, нуждами австро-венгерской балканской политики, затем нуждами оккупационных режимов в годы Первой и Второй мировых войн, политикой КПЮ по фрагментации сербской национальной территории и продолжением такой политики со стороны США, ЕС и НАТО в конце XX – начале XXI века. Ветер в паруса идеологам сепаратизма в области Рашка добавляет Турция с ее неоосманской политикой (в последние годы она в первых рядах), но и другие вдохновители панисламизма (Иран, Саудовская Аравия). С другой стороны, западные силы, в первую очередь США, манипулируют исламским фактором с целью осуществления своих глобальных империалистических интересов. Так, на этом, на первый взгляд, мелком региональном вопросе, сходятся более широкие геополитические, военно-стратегические и культурно-религиозные проекты.

Вопрос о судьбе области Рашки за последние 120–130 лет четырежды поднимали в качестве политико-территориальной проблемы: Австро-Венгрия в период Берлинского конгресса (1878) до освобождения в 1912 году;

¹ Холм Зундхаусен. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд: Clio, 2008. С. 236–237; Murat Yilmaz. Sancak. Istanbul, 2004 (2-е издание).

² Why do they call it Raška when they mean Sandžak?, On the synchrony and diachrony of identities in South-West Serbia, By Ana Ranitović, Supervisor: Dr. Robert Parkin, Institute of social and cultural anthropology, Oxford University.

³ Ahmed Aličić. Uredjenje bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983. С. 23.

во время Первой мировой войны и австро-венгерской оккупации Сербии и сербских земель; во время Второй мировой войны после нацистско-фашистской оккупации, и, наконец, в силу процессов по расколу югославского государства и серии гражданских войн в течение 90-х годов XX века и до сегодняшнего дня.

В своем мощном прорыве на Балканы, особенно после оккупации Боснии и Герцеговины и введения своих частей в Плевлю, Прибой и Приеполе, Австро-Венгрия стремится превратить область Рашку, то есть территорию старого Плевальского и Новопазарского (позже) Сеницкого санджака, в своеобразный *corpus separatum*, коридор, который должен помешать соединению и возможному объединению Сербии и Черногории. В то же время через область Рашку шла территориальная связь с албанской территорией, с одной стороны, а, с другой стороны, через Косово и Метохию и Вардарскую Македонию проходила свободная дорога до Салоников. С помощью широкого спектра мер — от разведывательных до политических и культурно-пропагандистских — Австро-Венгрия, так же как и в Боснии и Герцеговине, пытается сформировать новую идентичность территории Рашки, ставя на неё при каждом удобном случае боснийскую, «санджакскую» печать, полностью противоположную сербской ориентации. Наряду с проектом автономии Албании под австро-венгерским протекторатом, который был важнейшим проектом албанской политики, граф Дьюла Андраши обозначил территорию тогдашнего Новопазарского санджака как «дверь на Восток» монархии — область, через которую будет проходить трассировка торгового направления до Салоников и далее — «открытие Ближнего Востока для австро-венгерской экономики». Уже после оккупации Боснии и Герцеговины возникла задумка строительства железной дороги до Митровицы, имея в виду политические и экономические амбиции монархии на Балканах, и шире — на целом Востоке. Босния и Герцеговина без Новопазарского санджака, пишет Андраши воеводе Виртемберга 6 августа 1879 года, «стала бы тупиком. Мы бы были окружены в военном смысле недружелюбно настроенными соседями, а с торгово-политической точки зрения — лишены гибкости, так как любая железная дорога, любая обычная дорога, по которой шла бы наша торговля к морю, зависела от доброй воли Сербии и Черногории»¹.

Австро-венгерский оккупационный режим в Боснии и Герцеговине, как известно, провозглашает идею боснийской нации, намереваясь, прежде всего нейтрализовать сербское национальное движение. В то же время он пытается расширить идею боснийской нации на области Рашку и Косово и Метохию, оспаривая историческое и этническое право Сербии и сербов на эти территории. Упомянутый выше Теодор Ипен в 1892 году передал в министерство иностранных дел рукопись книги «Нови Пазар и Косово (Стара Рашка)», которое, в свою очередь, переправило ее в бос-

¹ Цит. по: Tomislav Kraljičić. *Kašajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903)*. Sarajevo, 1987. С. 33–37.

нийско-герцеговинское правление. Рецензию написал один из ведущих балканологов и албанологов Лайош Талоци. Работа Ипена была представлена в качестве примера того, как нужно бороться против основ сербских претензий на территорию «области, имеющей для Австро-Венгрии такое значение». Австро-венгерский оккупационный режим утверждает тезис о праве Боснии на область Рашку, так называемый «Санджак». Фран Миллобар в работе «Дукљанска краљевина», опубликованной в нескольких частях в вестнике Земальского музея в Сараево за 1899 год, преследуя очевидные политические цели, защищает тезис, что «и сегодня входит в обычай», наряду с другими областями, «считать Рашку и Боснию областями королевства Хорватии»¹. Этот тезис возобновляется движением усташей накануне и в ходе Второй мировой войны, а ненавязчиво и во время раскола югославского государства в конце XX века. Талоци подчеркивает в своей рецензии, что особое политическое значение имеет утверждение Ипена, что «большинство населения в Рашке можно считать боснийским племенем», и делает вывод: «До сих пор всё, приходящее с сербской стороны, ошибочно воспринималось как исконное, а то, что Нови Пазар и Косово были сербскими, являются сербскими и, естественно, должны оставаться сербскими, превратилось в догму». Молодой писатель, пишет Талоци, подтверждает «старое убеждение балканских исследователей о том, что так называемая старосербская часть южного северо-западного угла Балканского полуострова принадлежит к этнографическо-политической сфере власти нашей монархии»².

Область долины Лима имела важное стратегическое значение для Австро-Венгрии, и поэтому в начале 1896 года в Вене на самом высоком уровне, под председательством царя, во дворце Хофбург рассматривался доклад начальника генерального штаба генерала Бека о возможностях и обстоятельствах оккупации верхнего Полимля³. Интересно отметить, что австро-венгерская администрация и в своем отчете наряду с тезисом о «боснийском племени», и в упомянутом отчете 1899 года, и в переписи населения во время оккупации в годы Первой мировой войны записывает мусульманское население в этой области исключительно как «mohammedanische Serben» («мусульманские сербы») и совсем незначительно как «mohammedanische Albanesen» («мусульманские албанцы»). В отчете генерала Бека, например, говорится: «Нови-Пазар, главный город области Тара-Ибар, 2000 домов. Смешанное население, состоящее из мусульманских и прогrecчески ориентированных сербов. Один оккупационный батальон» («Novi Pazar, Hauptort des Tara-Ibar Gebietes, 2000 Häuser, moh. Serben und Griechorient. Serbengemischt; 1 Batallion Besatzung»)⁴. Бри-

¹ F. M. Dukljanska kraljevina, Glasnik Zemaljskog muzejau Bosnii Hercegovini, XI (1899). Sarajevo, 1899. С. 240.

² Там же. С. 271–272.

³ Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog Sandžaka, Radovi FF u Sarajevu VI. Sarajevo, 1971. С. 415–422.

⁴ Там же. С. 421–422.

танские источники также говорят о «мусульманских сербах» («Moslem Serbs»)¹. Схожее определение о «мусульманских сербах» находим и на этнографической карте Балкан немецкого генерального штаба 1940 года².

После аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 году Австро-Венгрия отвела назад войска из Плевальского санджака, а в Первой балканской войне в 1912 году совместными усилиями Сербии и Черногории была освобождена вся Старая Сербия — вместе с областью Рашка. Была установлена общая граница двух сербских государств. Уже этого было достаточно, чтобы Австро-Венгрия в общей границе Сербии и Черногории увидела большой шаг вперед к созданию так называемой Великой Сербии и чтобы она начала готовиться к окончательной расправе с сербским движением.

Новое время было обременено тяжелым многовековым историческим наследием, которое было нелегко преодолеть в короткий срок. Большинство сербских церквей и монастырей было разрушено, культурное наследие в основном было уничтожено. Опустели и зарастали сорняками Сопочани, Джурджеви Ступови, Куманица, Давидовица, Доволья, Житин, Мили, Милешево. Православные сербы веками, а особенно в последние десятилетия османской власти были жертвами анархии и всех видов насилия. Наряду со многими другими случаями приведем в пример, произошедшее в Сеннице непосредственно накануне Балканской войны, суровое убийство каймакама в Беране Ильи Поповича — пленом посреди двора, где его и оставили полураздетого. Мусульманское население, состоявшее в регулярных низамских войсках, или в башибузуке, до последнего момента боролось за сохранение Османской империи, поэтому витал обоснованный страх победоносного наступления Ибарской армии и Яворской бригады в направлении Королевства Сербии и Восточного отряда в направлении Черногории. Всё-таки за исключением отдельных инцидентов, поджогов и попыток черногорской армии осуществить насильственное возвращение в «веру прадедов» в области Плава и Гусиня, не было ни крупных преступлений, ни мести мусульманам. Историк Эюп Мушович приводит пример командующего Ибарской армией генерала Михаила Живковича во время освобождения Нови Пазара 23 октября 1912 года: генерал выпустил на свободу весь взятый в плен башибузуку «и отправил их к Рогозне возвратить мусульманское население», убежавшее из города. «Идите и скажите им, чтобы возвращались в свои дома; чтобы их жены и дети не мерзли и не голодали. Скажите им, что их не будут беспокоить и что они будут спокойно и свободно жить». Рядом с покинутыми мусульманскими домами были поставлены сербские караулы, чтобы ничего не своровали /.../ Никто не был убит, никто не был обворован.»³ В Плевле, находящей-

¹ A. H. E. Taylor. *The Future of the Southern Slavs*, T. UNWIN LTD. London (без годины издања). С. 252.

² Die Völker des Donauraumes und der Balkanhalbinsel. Nur für den Dienstgebrauch! Generalstab des Heeres, Abteilung für Kriegskarten u. Vermessungswesen. Berlin, Ausgabe vom 16.3.40.

³ Ејуп Мушовић. Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара Београд, 1979. С. 105—106.

ся до конца 1913 года в составе Сербии, на место председателя города был сразу назначен Мурат-бег Селманович. И всё равно часть населения выселялась в Турцию: частично потому, что не соглашались жить под властью христиан из-за идентификации с османской государственной идеей, а частично из-за страха мести за ранее совершенные преступления или просто из чувства неуверенности. Это более всего было выражено во вновь освобожденных областях, принадлежащих Черногории — Шаховича, Мойковца и Равне Риеке, Бихора, Беранского края.

Уже в течение XIX века, с укреплением национальных движений, а особенно после оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 году возник вопрос о самоидентификации местных мусульман. Кто они — мусульмане, турки, бошняки, — на чем особенно настаивала Австро-Венгрия, или сербы исламского вероисповедания. Эта проблема обострилась после освобождения в 1912 году. Вплоть до 1912 года мусульмане в области Рашка не имели ни школ, ни культурных учреждений на своем, сербском языке. Образование проходило исключительно на турецком языке. Вера везде, по словам Чоровича, была главным фактором культурной жизни. Мусульманский писатель Осман Нури-бег Фирдус считал, что «быть одновременно мусульманином и определять себя национально, принципиально невозможно»¹. Однако большинство мусульман из Рашки, за исключением небольшого числа переселенных турецких офицеров, чиновников и ремесленников, были этническими сербами, перешедшими в ислам в основном в XVII—XVIII веках. Лишь в одной группе деревень на Пештеру (Бороштица, Угао, Градац, Деврече и прочие) живут потомки переселенных католических климентистов, вскоре перешедших в ислам. Были и примеры более поздней исламизации даже в начале XX века, о чем ярко свидетельствует известная фотография 1919 года Ружицы Пейович из окрестностей Приполя с двумя сыновьями, из которых один — православный, с шайкачей, а другой — мусульманин с чулавой на голове. Многие мусульмане и сегодня знают, кто их родственники в среде православных сербов, как, например, Гояковичи и Ровчани в окрестностях Приполя, Бошковици и другие в окрестностях Плевли, Курпейовичи вблизи Рожая, Радончици вблизи Гусинья и сотни других братств.

Вряд ли кто-нибудь так мудро и трезво сумел указать на проблему религиозного разделения одного народа, как это сделал архимандрит Ничифор Дучич в журнале «Братство» в 1888 году (его девиз был: «Брат мне мил любой веры был») в статье «Колашин. Земля и племя у Херцеговины»: «Что означает единство веры в едином по происхождению и языку народе, который не находится на должной высоте культурного развития, вот красноречивый пример и подтверждение в Колашине, в этом сербском “*par excellence*” геройском племени, которое верой разделено надвое! — У его двух половин в силу разницы вероисповеданий не было ни

¹ Osman Nuri-beg Firdus. O nacionalnom opredeljenju bosansko-hercegovačkih muslimana. Nova Evropa, knj. XI, br. 10, 1. april 1925. С. 299—300.

одной общей цели, ни объединенной борьбы за свое освобождение от чужеземцев, давивших на них /.../ Как было бы хорошо, если бы только этого не было в сербском народе! — Но раз уж злой рок давно так устроил, нужно желать, чтобы пришли в себя сыновья одного народа, какого бы закона они ни были, уважая свободу совести и веры друг друга, привыкая к настоящей веротерпимости, дружно стали бы работать за свободу своего отечества, выживание народа своего, просвещение и на благо его»¹. Идея сербов мусульманской религии, представленная группой интеллектуалов, в большинстве своем поэтов из Боснии и Герцеговины, таких как Омер-бег Сулейманпашич-Деспотович, Осман Джикич, Авдо Карабегович-Србин, Авдо Карабегович Хасанбегов, Мехед-бег Капетанович, Салих Казазович и другие — не вызвала сильного отклика в области Рашка². Исключение составлял плевалский Омер-бег Байрович и узкий круг его единомышленников в городках Рашки. Байрович во время первого прорыва австро-венгерских войск в 1914 году был арестован и интернирован в Сараево, где вскоре умер. Главной целью австро-венгерской политики после 1878 года было отдаление мусульман от православных сербов и приближение к римско-католическим хорватам, в случае если не удастся с помощью архиепископа Штадлера Калаева осуществить идею обращения в католичество боснийских мусульман³.

ОБЛАСТЬ РАШКА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ВЕНЫ, АНКАРЫ, ТИРАНЫ И САРАЕВО

Первая мировая война и оккупация Сербии и Черногории раскрыли явно политические намерения лидеров рашских мусульман. Оккупанты сместили всех православных сербов — председателей общин и заменили их исключительно мусульманами, поощряя убийства сербов, вернули феодальные обязательства части крестьян, бывшим зависимыми в феодальной Турции, отменили кириллицу, интернировали всех видных сербов в концентрационные лагеря — такие как Добой, Наджмеджер, Арад, Болдогасон и другие. Многие добровольцы «джурумлии» из этой области боролись в Галиции против России. Агитацией, при поддержке Хасана Приштины, руководил гражданский комиссар оккупированной Сербии. По данным от июня 1917 года, в турецкий 15-й корпус, боровшийся в Галиции против России, «из оккупированных Австро-Венгрией областей (области Сербии, Черногории и северной Албании) отправлено 4500 «мусульман-славян»». Кроме того, мусульмане, также как и албанцы, использовались оккупантами в качестве «добровольческой жандармерии, дополнительных

¹ Нићифор Дучић. Колашин, приједјел и племе у Херцеговини, Књижевни радови архимандрита Нићифора Дучића. Књига 3: Београд, 1893. С. 342.

² Омер-бег Сулејманпашич-Деспотовић. Српству, приредио и предговор написао Јово Бајић. Београд, 2001. С. 197.

³ Васиљ Поповић. Калајева идеја о покатоличењу у босанских муслимана // Правда. Београд, 1940.

жандармов, вооруженных гражданских полицейских, вооруженных разведчиков и проводников, членов отрядов-погоны»¹. В фонде «Војно генерални гувернман Србија» («Военное генерал-губернаторство Сербия») Архива Сербии находится обширная и ценная документация, кроме прочего касающаяся и трех «южных округов» — Митровицы, Нови Пазара и Приепоя. Оккупационное правление составило подробные отчеты о политической и религиозной ситуации, экономике, торговле, горнорудных богатствах, культуре, просвещении, состоянии здоровья, а также по другим вопросам. Оккупационное австро-венгерское командование из Нови Пазара и Сенницы организовало в Сеннице 13–14 августа 1917 года конференцию всех градоначальников области Рашки, как записано в протоколе «Новопазарского санджака»². От имени уездного командования из Нови Пазара присутствовали подполковник Себастиан в качестве представителя командования и офицер разведки подполковник Чанич. Вести о возможном «мире без аннексии», в соответствии с австро-венгерским отчетом, вызвали страх у мусульманского населения, которое опасалось, что вновь окажется под «черногорско-сербской властью». Протокол устанавливает желание градоначальников присоединить эту область к Боснии и Герцеговине, а тем самым и к Австро-Венгрии. В случае если это будет невозможно и если в Сербии и Черногории вернется сербская власть, «автономия Санджака» была бы меньшим злом. Далее они просят, если невозможно пойти навстречу их желаниям, разрешения австро-венгерского правительства переселяться в Турцию. Резолюцию подписало 12 градоначальников — Плевли «его превосходительство Мехмед Иззет-паша Байрович», Нови Пазара — Ризабег Муратбегович, Приепоя — Мурат-бег Хашимбегович, Нова Вароши — эфенди Сулейман Шечерагич, Биелого Поля — Хилми-бег Каябегович, Берана — Дулько-ага Рамхусович, Рожая — эфенди Ильяз Чатович, Прибоя — эфенди Хуссейн Хасанбегович, Тутина — Юсуф-ага Хамзагич, Сенницы — эфенди Рушид Спахович, Шаховича — Осман-ага Диздаревич и Берана — эфенди Хуссейн Шахман³.

Австро-венгерские оккупационные власти все же с подозрительностью относились к отдельным мусульманским лидерам, полагая, что они находятся в сговоре с «Салоникским фронтом». Об этом свидетельствуют документы, касающиеся эфенди Рушида Спаховича. А именно в начале августа 1917 года из неопределенного источника поступило предложение сместить Спаховича с поста градоначальника Сенницы и интернировать его в лагерь. Известное число мусульман уже было интернировано в австро-венгерские лагеря, не только те, которые считали себя сербами, исповедующими ислам, но и те, у которых просто были нормальные отношения

¹ А. Митровић. Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији, Срби и Албанци у XX веку. Београд, 1991. С. 100–101.

² Архив Србије, Војногенерални гуверман у Србији. Нови Пазар, 20. август 1917.

³ Архив Србије, Војногенерални гуверман, 1917, XVIII/738, Сјеница, 14. август 1917, превод са српског: Sitzungs-Protokoll, aufgenommen am 13. August 1917 in Sjenicain Vertretung der Bürgermeister aller Bezirke Sandžak Novi Pazar.

с сербами. На сцену выступила разведывательная агентура, собравшая о Спаховиче разную информацию. В отчете из Нови Пазара разведывательному отделу Военного генерал-губернаторства Сербии в Белграде написано, что «вопреки нашим тщательным расследованиям» нам не удалось найти против Рушида Спаховича что-либо, что позволило бы сместить его с поста градоначальника и интернировать в лагерь. Мы будем и далее втайне, написано в отчете, заниматься этим случаем. То, что Спахович благосклонно относится к сербам — это с первого взгляда очевидно, но то же самое можно было бы сказать и «об остальных видных турках». Основных причин здесь две: во-первых, их политическое будущее всё ещё неизвестно, и они не желают портить с сербами отношения; во-вторых, потому что сербы их основные арендаторы. Мы будем и далее, говорится в отчете, изучать пропаганду Рушида, касающуюся «чурумлия». На совещании градоначальников, состоявшемся 13 августа 1917 года, он «самым решительным образом выступал за присоединение Санджака к Боснии и Герцеговине»¹. После освобождения в 1918 году участники Сенницкой конференции во главе с Мехмед-пашой Байровичем в мае 1920 года были взяты под стражу и обвинены в этом деле, но до судебного заседания королевским указом от 17 февраля 1921 года они были прощены, выпущены на свободу, а дело закрыто².

В приложении к отчету от 21 октября находится документ, описывающий агитацию Спаховича против отправления добровольцев в австро-венгерскую армию, где они в качестве вспомогательных единиц выполняли разные задачи, а также его отношение к сербам. Хотя он вел себя лояльно, на самом деле, он подстрекал тех, кто хотел идти в добровольцы, утверждая, «на основании весьма конфиденциального отчета», что он мусульман охотнее послал бы в ад, чем «служить у ненавистных фрицев». Он утверждал, что вступление в австро-венгерскую армию противоречит базовым исламским постулатам, так как мусульманин, прежде всего, должен служить калифу. Всё-таки мусульмане Сенницкого края с большей охотой идут в австро-венгерскую, чем в турецкую армию. Нам не удалось установить, написано далее, что он состоит в переписке с Салоникским фронтом, но факт в том, что он предоставляет помощь сербам. Мусульмане этого округа видят в Рушиде Спаховиче, говорится в конфиденциальном письме, «ни много ни мало, серба, и с радостью приветствовали предложение сменить его на посту градоначальника Сенницы». В этом обвинительном документе говорится, что Спахович проворный и хитрый сербский агитатор, но его увольнение со службы плохо бы отозвалось на оккупированной территории, так как «он в период нашей оккупации приобрел значительное имущество и таким образом многих людей поставил в зависимость». Следить за ним сложно, так как он окружил себя преданными людьми, он хи-

¹ Архив Србије, XVII/315, Нови Пазар, 21. октобар 1917, Извештај Обавештајном одељењу.

² Душан С. Станић. Недовршени процес као историјски документ о плановима бивше Аустрије у погледу Санџака // Правда, 27–30. априла 1940.

тер и пронырлив, предпринял все меры предосторожности. В заключении написано, что его надо интернировать «из-за радикальной сербофильской агитации»¹.

Примерно двадцать дней спустя «агент Фердинанд Шаб», ссылаясь на предписание от 22 октября, доставляет австро-венгерскому офицеру разведки в Нови Пазаре новую информацию о Рушиде Спаховиче. Рушид эфенди вот уже длительное время поддерживает тайные связи с вождем коммитов Васой Карамарковичем. Это правда, что сербы сменили Рушида с места градоначальника в 1915 году и что на его место назначен Васа Карамаркович, но это продолжалось всего два месяца и Спахович вновь назначен на место градоначальника. Рушид, как говорят, встал на защиту «радикальных сербов» и воспротивился интернированию попа Радоя, Миленка Бойовича, Милана Тодоровича (в документе написано «*Dodogović*») и Васы Карамарковича. Поп Радое всё-таки был интернирован и умер в мае 1917 года в лагере Нежидер, хотя Бойович, «радикальный сербский пропагандист», и далее работает в Сеннице в качестве муниципального писаря. Мы не смогли подтвердить, пишет агент Шаб, что он подстрекал добровольцев эмигрировать из Сенницы (вероятно, в Турцию). Также нам не удалось подтвердить, состоит ли он в контакте с Салоникским фронтом, но он, во всяком случае, состоял в переписке с известным Ничифором Бивляковичем, находящимся в настоящее время во Франции, а до того бывшим служащим в сербской финансовой службе. Так как он не любит работать, Спахович все дела доверил своему заместителю Али-аге Призренцу и писарям Бойовичу и Шучрии, а «все они сербофилы». Выносятся и следующие аргументы сербофильной ориентации Спаховича («сербофильных чувств»): «когда сербы оккупировали Санджак, с Рушидом ничего плохого не случилось», он и далее остался, хотя он и мусульманин, на своем месте; во время турецкой власти больше всего дел он вел с сербами и был вхож в сербские дома, а в 1914 году был одним из учредителей «Общества Святого Джорджа для помощи инвалидам» вместе с сербским подполковником Лазарем Максимовичем, Лукой Петричевичем, Ничифором Бивляковичем и Павичевичем, который по сей день работает в Сеннице в качестве гражданского врача. Из мусульман только Рушид был одним из учредителей. В обществе состояло 40 членов, и «оно упразднено после вхождения наших войск»².

Королевство Сербия, а затем Королевство сербов, хорватов и словенцев, то есть Югославия, стремились как можно быстрее интегрировать вновь освобожденные области в сербское и югославское общество. Эта работа могла быть проведена и точнее, и лучше, но государство находилось под гнетом многочисленных внутренних проблем. Упомянутые коммиты, находящиеся на той территории, — Юсуф Мехонич, Фериз Салкович, Хус-

¹ Душан С. приложение без даты.

² Там же. Нови Пазар, 10. ноябрь 1917 (Agent Ferdinand Schab — Anden K.u.k. Nachrichten Offizierer in Novipazar). Другой, упоминаемый в документах агент, подписывается «Михалиц».

сейн Бошкович и другие своими преступлениями и грабежами усложняли нормализацию ситуации, особенно потому что они находились в связи с албанскими качаками, а Албания представляла для них убежище от преследований государственных органов. Преступление, а именно погром мусульман во Вранеше в ноябре 1924 года после убийства Бошка Бошковича, усилило чувство неуверенности в среде мусульманского населения, хотя государство с помощью армии и воспрепятствовало дальнейшему продвижению восставших. Список точно утвержденных жертв составляет свыше 80 имен. Утверждения о нескольких сотнях убитых произвольны и основываются на предположениях, так как не имеют подтверждений в архивных источниках того времени. Историк Эюп Мушович утверждает, что убийство Бошка Бошковича неоправданно «приписано коммиту Юсуфу Мехоничу, что и послужило причиной окончательного выселения колашинско-вранешских мусульман. Большая их часть пошла в Турцию, часть из них задержалась и в новопазарском крае»¹. Часть из них переселилась в Боснию. Осталось неизвестно, кто именно убил Бошка Бошковича. Были обоснованные сомнения, что это совершил Мехонич, так как он со своей группой с 1918 по 1924 год убил несколько десятков видных людей из областей Дони Колашин и Биело Поле. С другой стороны, верили, что убийца мог быть и из рядов черногорских коммитов — сепаратистов, так как Бошкович был воодушевленным сторонником объединения Черногории и Сербии. Жарко Шчепанович приходит к следующему выводу о преступлении во Вранеше: «Данные о жертвах достаточно противоречивы и в силу этого достаточно ненадежны. В связи с этим «Политика» писала, что число жертв небольшое, так как мусульмане были уведомлены о вторжении, что и подтверждают современники, и они вовремя покинули свои села, таким образом новости в «Правде» ложные — упоминается слишком большое число жертв. Но их, конечно же, было много. Проведенные исследования показывают, что убито свыше 100 лиц»². В отличие от Мушовича, некоторые мусульманские авторы в новое время пишут о «геноциде над мусульманами в Шаховичах и Павином поле»³. Жертвами этого преступления, особенно преувеличивая их число, сильно манипулируют некоторые мусульманские авторы.

В ходе Второй мировой войны большая часть политического руководства мусульман из Рашки решение так называемого Санджакского вопроса видела или в присоединении к нацистской НГХ (Независимое государство Хорватия), или к фашистской Великой Албании. В мае, июне и июле 1941 года Гитлеру и Анте Павеличу направляются письма с требованием присоединить так называемый Санджак к НГХ. Требуется присоединение «девяти районов»: Беране, Биело Поле, Сенница, Нови Пазар, Тутин, Нова Варош, Приеполе, Плевля и Прибой. Говорят о «сербской оккупации 1912 года», о преступлениях и массовых убийствах. Торговец из Биело Поля

¹ Ејуп Мушовић. Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара. Београд, 1979. С. 107.

² Бијело Поље, група аутора, изд. Скупштина општине Бијело Поље. Београд, 1987. С. 255.

³ Hakija Avdić. Položaj Muslimana u Sandžaku 1912–1941. Sarajevo, 1991. С. 124–140.

Илияс Добарджич обращается к Гитлеру 17 мая 1941 года со словами «Великий, Богом посланный, фюрер» и говорит, как и авторы других писем, только о «хорватах мусульманского вероисповедания в Санджаке», которые являются «самой чистой составляющей хорватского существа»¹. В обращении говорится, что после сербской оккупации в 1912 году начались «наши страдания», «наше население преследуют, как животных, и истребляют», в Первой мировой войне «пять тысяч наших отцов и братьев из Санджака встретили общую героическую смерть вместе с немецкими солдатами». В письме к заместителю председателя усташского правительства в начале мая, которое подписало сорок мусульман из Плевли, Приполя, Прибоя, Биело Поля, Сенницы и Нова Вароши, говорится, что «Санджак населен боснийцами. Мы, из Санджака, считаем себя боснийцами, мы говорим на боснийском языке /.../ Никто больше нас, мусульман из Санджака, не вытерпел горя и несправедливости за прошедшие 22 года, мы остались без земли, без платья и ремесла», «нас обворовывали и на каждом шагу унижали»². В письме к шефу главного штаба Турции маршалу Февзе Чакмаку от 9 июля 1941 года, который ранее был мутесарифом Плевальского санджака и военным комендантом, подписавшие требуют воспрепятствовать разделению их родного края — Новопазарского санджака, а также возвращения всей его территории Боснии и Герцеговине, то есть НГХ³. Отряды усташей прибыли в Плевлю, Прибой, Приполе, Нова Варош и Сенницу.

В восточной части области Рашки преобладала великоалбанская пропаганда, чьим вдохновителем был Ачиф Хаджихахметович из Нови Пазара, председатель Албанского комитета и один из главных немецких агентов, затем Ахмет Дацич и прочие. Ачиф Хаджихахметович родился в 1894 году в Нови Пазаре, в албанской семье Ахмети, переехавшей сюда из Джаковицы. Начальную школу он окончил в Нови Пазаре, турецкую гимназию (ружди) в Скопье, а военную академию (Султанию) в Константинополе. Так как он был богатым торговцем, то в период между двумя войнами он непрерывно занимал пост председателя Торгового общества в Нови Пазаре и входил в руководство Вакуфско-меарифского собора в Скопье. В качестве одного из вождей мусульманской партии «Джемиета», вместе с Ферхад-бегом Драгу, был дважды избран депутатом, а позже вступил в Югославское радикальное общество Милана Стоядиновича, стал членом главного комитета и был депутатом этой партии⁴. По некоторым данным, он был активным турецким офицером во время Первой мировой войны, и был награжден немецким железным крестом второй степени⁵. В числе участ-

¹ Војни архив Београд, бр. 45/1—7, к. 236. Загреб, 17. мај 1941.

² Sarajevski hrvatski list, 6. svibnja 1941.

³ Zločinaj ugoslovenskim prostorima u Prvom Drugom svetskom ratu // Zbornik dokumenata, t. I, Zločini NDH 1941—1945. Beograd, 1993. S. 293—294.

⁴ Биографски лексикон. Народно-представништво: Сенати Народнакупштина. Београд, 1939. С. 92.

⁵ Бранислав Божовић-Милорад Вавић. Сурова времена на Косову и Метохији. Квислинзи и колаборација у Другом светском рату. Београд, 1991. С. 123.

ников совещания «албанских народных вождей», которое открыл Джафер Дева, с немецким генералом Фридрихом Георгом Эберхардом, командующим 60-й мотострелковой дивизией в Косовской Митровице, 21 апреля 1941 года был и Ачиф Хаджихамети (Блюта). Ачиф Блюта играл важную роль в работе Албанского народного союза, сформированного в Митровице в августе 1942 года. Первым председателем этого союза был Реджеп Митровица, а заместителем — Бедри-бег Пеяни, но вскоре и председателем и главной фигурой становится Али-бег Драга, сын Ферхат-бега Драги. Али-бег Драга выступал за безусловное присоединение Косовско-Митровицкого округа, находящегося в составе Сербии периода власти Недича, к Великой Албании. Ачиф Блюта был одним из его самых близких соратников и представителем в Нови Пазаре. Они хлопотали за присоединение Сенницы к Албании с целью «реализовать старую идею об общей границе между Великой Албанией и Независимым Государством Хорватии»¹. Определенный круг мусульман в июне 1941 года в Загребе требовал от Павелича, чтобы так называемый Санджак был присоединен к НГХ. Павелич это потребовал от Гитлера несколько дней спустя. В письме к Муссолини он был против присоединения этих областей к Черногории и даже предложил часть мусульман из Рашки («хорватского происхождения») обменять на сербов из Боснии. Главный сотрудник немецкой разведывательной службы Абвера (организации разведки и контрразведки немецких вооруженных сил) на этой территории был Джафер Дева, организовавший собственную разведывательную сеть наряду с Косово и Метохией в Андриевице, Плаве, Гусинье, Скопье, Куманове, Гостиваре и других местах. Дева был образованным человеком, обучался в Митровице и Салониках, затем в американском Роберт-колледже, Константинополе и в Торговой академии в Вене. Его близким соратником был Хассан Звиздич из Сенницы, один из главных немецких агентов в тех местах, поддерживающий регулярные связи с профессором славистики из Граца Йозефом Матлом, капитаном СС, и этническим немцем инженером Карлом фон Кремплером, полковником СС, который считался представителем Германа Нойбахера в этом регионе. По прибытии в Сенницу в 1943 году, в качестве главы СС полиции, Кремплер сформировал мусульманский легион СС (мощностью в один полк с четырьмя батальонами) под названием Полицейский полк самообороны Санджак. Он установил близкое сотрудничество с Чамилем Прашчевичем, комендантом мусульманской милиции в Сеннице, и молодым Митхадом Чатовичем. Активно участвовал в отправлении добровольцев в 13-ю СС боснийско-герцеговинскую так называемую Ханджар дивизию.

Известный славист, капитан СС Йозеф Матл из Белграда, кроме Косово и Метохии, следил и за ситуацией в Албании (считается, что до конца 1942 года главной личностью Абвера в Албании был инженер Виктор Пан, постоянно там проживавший и работавший на строительстве дорог, сра-

¹ Бранислав Божовић-Милорад Вавић. Сурова времена на Косову и Метохији... С. 121.

зу после вхождения немецких войск в Албанию он сформировал важный центр своей службы в Тиране). Матл «обрабатывал» не только албанскую территорию, но часто «и Санджак, выезжая туда с разными заданиями». В составе дивизии «Бранденбург», специального подразделения германских вооружённых сил, находилась и 9-я рота, состоящая из албанцев косовско-митровицкого округа и мусульман из области Рашка. Решение о ее формировании было принято в марте 1943 года в Сеннице на совещании, на котором присутствовали «сотрудники Абвера Йозеф Матл и Рихтер с группой соратников из АСТ-Белград, Хассан Звиздич, богатый торговец из Сенницы, с группой местных мусульман и Джафер Дева»¹. Сотрудник Девы — Чазо Ферович задействовал людей из Плава, Гусинья и из Руговы. Девятая рота вошла в состав 4-го легкого полка дивизии особого назначения «Бранденбург». Там проводились суровые разведывательно-диверсантские учения, бойцы носили немецкую форму, иногда гражданскую одежду или национальные костюмы, когда они действовали вблизи Ужиц, Иваницы, Арилья и Чачака. Они представлялись как партизаны или четники, в зависимости от ситуации, а в декабре 1943 года им удалось войти в Приеполе, что привело к большому числу жертв среди членов Первой шумадийской партизанской бригады².

Сразу после оккупации в Дежевском и Штавичском уездах, как и в Первую мировую войну, были возвращены феодальные права аг и бегов над арендаторами (чифчиями) сербами, которые были обязаны отдавать четвертину. Была введена и десятина, право собирать которую оккупационные власти в мае и июне 1942 года дали на формальном аукционе Ачифу Хаджихахметовичу и Арифу Торбичу (Штавица, Драга, Мойстир и Ибарская долина), Авдулу Чосовичу (Горни Пештер) и Бику Дрешевичу (Дони Пештер). Ачиф Хаджихахметович командовал массовой атакой вулнетариев (албанских добровольческих отрядов) на Ибарский Колашин 30 сентября 1941 года, когда были сожжены многие села и убиты многие сербы. Немцы эту резню над сербами называли «кровавая волна». Летом 1942 года Хаджихахметович пригласил из Тираны советника из марионеточного фашистского правительства, профессора Авни Зайи, присутствующего на заседаниях Албанского комитета, восхваляя Албанию и финансовую помощь албанского правительства. В августе 1942 года в Нови Пазаре был подготовлен торжественный прием с похвалами Ферхат-бег Драгу, присутствовавшему на заседании Албанского комитета. На митинге в его честь он обещал, что «после войны Нови Пазар будет принадлежать Албании»³. В 1943 году Ачиф Блюта был весьма активен в отправлении добровольцев в 28-й горный полк СС, так называемый Албанский полк в 13-й дивизии СС (Ханджар дивизии), в котором было 600–700 мусульман из Нови Пазара и окрестностей и примерно 1000 албанцев⁴. По возвращении с учений во

¹ Бранислав Божовић-Милорад Вавић. Сурова времена на Косову и Метохији... С. 164.

² Там же. С. 165.

³ М. Ђуковић. Указ. соч. С. 364–365.

⁴ Там же. С. 316–317.

Франции в феврале 1944 года дивизия начала с убийств и резни сербского населения в Среме, в которых участвовал 1-й батальон 28-го полка СС: в начале марта в деревне Гук 15 девушек изнасиловано, а затем зарезано; в деревне Ватровце убито 26 человек, в том числе и 3-х летний ребенок; в Босуте ночью жестоко убито 160 человек, а многие женщины до убийства изнасилованы; в деревне Ямена убито 60 человек, почти все были безоружны. После перехода в Боснию они продолжили свой кровавый пир: в деревне Урожичи убито 29 человек, в деревне Забрдже – 260, в деревне Вршани – 100, в Тутуевце – 30 человек. Командир 28-го албанского полка полковник Франц Матхаус после того, как его взяли в плен, на следствии сказал: «Во время марша эти люди резали всех, кто попадался им навстречу и кто не носил на голове феску. Бывали случаи, когда офицер, шедший во главе колонны, видел людей, работающих в поле. Если бы он чуть позже оглянулся, то увидел бы, что люди, которые несколько секунд назад спокойно работали в поле, уже мертвы. Шиптары, как только их замечали, просто выходили из колонны и убивали их»¹.

В апреле 1944 года 28-й полк СС был возвращен в Приштину, и таким образом началась вербовка и сбор людей для формирования 21-й дивизии СС «Скендерберг». В единицу поступил 6491 человек, а командиром дивизии был генерал Аугуст Шмидтхубер. Несколько сотен молодых людей из Тутина, Бихора и прилегающих мест были в ее рядах. Наряду с прочими акциями, вместе с частями немецких войск она участвовала и в операции «Драуфгенгер» под командованием генерала Артура Флепса. Во время этой операции за один лишь день, 28 июля 1944 года, в деревне Велика было жестоко убито 428 человек, среди них 120 детей. Сожжено 300 домов. Число убитых в Велице и в других деревнях в подножии горы Чакор (зарезанные, брошенные в огонь и убитые другими варварскими способами) составляло в общей сложности 700 детей, женщин и стариков. Кроме албанцев из дивизии «Скендерберг» и «Принц Евгений» в резне участвовали и мусульмане из Плавска и Гусинья². Схожие зверства совершались и в соседних сожженных деревнях этой части Черногории³.

Во время Второй мировой войны на территории Старой Рашки одновременно с гражданской войной между четниками и партизанами совершалась серия убийств, мести и резни между мусульманской и сербской сторонами. Сразу после оккупации некоторые мусульманские вожди из Плевли, Прибоя, Приполя, Нова Вароши, Сенницы, Биело Поля, Нови Пазара требовали от Анте Павелича присоединения к усташескому НГХ, где уже начался геноцид православных сербов. Другие просили о присоединении к Великой Албании, в которой сразу после оккупации и присоединения большей части Косова и Метохии и частей Верхнего Ибра и Верхнего Полимля (Плавская, Рожайская и Тутинская префектуры) начались массовые преступления и

¹ М. Ђуковић. Указ. соч. С. 319.

² Велько Мијовић. Црни вјетар. Роман. Беране – Бијело Поље, 2001. С. 320.

³ М. Ђуковић. Указ. соч. С. 328–329.

массовое изгнание сербов. Оценки, подкрепленные документами, показывают, что только из Косова и Метохии в течение Второй мировой войны изгнано около 100 000, а убито около 10 000 сербов¹. В западную часть области Рашки (Плевля, Прибой с Увцем, Приеполе с Бродарево, Нова Варош, Сенница с Кладницей) вошли войска усташей, которые в первой половине июля 1941 года начали организовывать «усташескую мусульманскую милицию» (как ее называли) в этих областях. 10 мая группа мусульман из Нова Вароши направила письмо Хакки Хаджичу, доверенному лицу усташей в Боснии и Герцеговине, в Сараево, требуя, чтобы они были присоединены к «свободному и независимому НГХ»². Командующий «Фланговой командой по Санджаку» с центром в Приеполе, подполковник Стиепан Яковлевич (который в период между войнами в качестве офицера жандармерии одно время находился в Андриевице) 2 мая 1941 года уведомляет командующего 4-м полицейским полком в Сараево о том, «что многие делегации из Нови Пазара и Сенницы вновь ушли в Сараево и Загреб требовать присоединения и этих частей к Независимому Государству Хорватия»³. Яковлевич поставил Тайиба Пашича на место «главы района» в Прибое, а на место исполняющего обязанности заместителя главы района в Нова Вароши — Хайрудина Хаджибрахимовича. Он приказал за каждого «хорвата, включая мусульман и католиков, расстреливать 50 других самых видных граждан». В июне 1941 года усташская мусульманская полиция взяла власть в свои руки в муниципалитете города Бар, сенницком уезде, и вместе с усташами начала серию нападений на сербские деревни в муниципалитете Бар. Из направления Пештера и Тутина албанская жандармерия и мусульманская полиция атаковали Корита. Яковлевич вооружал усташскую мусульманскую милицию. Командование Военной Краины из Сараево (полковник полицейского полка Мате Рупчич) уведомило командование наземными войсками в Загребе 26 июля 1941 года: «мы держим крепко в наших руках доминирующую линию Бар, Буджево и Дуга Поляна». Приказано подполковнику Яковлевичу «все православные деревни, находящиеся южнее от упомянутой линии, — сжечь. Таким образом, на склоне нашего Санджака будет создан гласис. Перед полицейской станцией в Баре лежат примерно 50 непохороненных еще четников, далее, к югу от Буджева — ещё около 120. В самом здании полицейской станции в Баре, взорванной одной нашей бомбой, осталось около 20 мятежников»⁴. Выдано распоряжение о конфискации скота у сербских крестьян. Тремя днями позже то же командование уведомляет Загреб: «В Санджаке ситуация благоприятная. Наши позиции Дуга Поляна и

¹ Ненад Антонијевић. Албански злочини над Србима на Косову и Метохији у Другом светском рату. Докуметна, друго, измењено и допуњено издање. Београд, 2009. С. 26–29; Венцеслав Глишић. Албанизација Косова и Метохије 1941–1945, Срби и Албанци у XX веку. С. 285.

² Zločini na jugoslovenskim prostorima. Prvom i Drugom svetskom ratu / Zbornik dokumenata. Tom I. Zločini Nezavisne Države Hrvatske 1941–1945, Vojno istorijski institut (Vojni arhiv). Beograd, 1993. С. 36–37.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 394.

Бар нетронуты, нет никаких боевых действий. Убитых мятежников хоронят сербские жители. Сербские деревни к югу от упомянутой линии сожжены. Говорят, что известный албанский патриот Шериф Салкович на территории Рожая собирает вооруженных арнаутов и намеревается через Бело Поле вступить в связь с нашими силами в Санджаке. Мы с этой целью заняли Бродарево на дороге Приеполе — Бело Поле»¹.

В июле 1941 года в Приеполе, Прибое, Нова Вароши, Сеннице и Бродаре, по некоторым источникам, находилось 1240 усташей и домобранцев². В нападениях на сербов на правом берегу Лима особенно активной была мусульманская милиция из Пештера и Корита, а на левом берегу усташско-мусульманская милиция из Бродарева и Комарана. Под командованием усташского старшего сержанта Джерима Курпейовича они сожгли в Добрине 18 сербских домов, наступая в направлении Миоча, Милова и Каняма. Сербское население бежало к Вранешу. Только 17 августа было зарезано 17 сербов из Слатины, а убийства продолжались и в последующие дни.

В конце 1941 года происходит организация четнического движения на территории области Рашка. В стратегических планах всех участников событий: и четнического движения, и усташской мусульманской милиции, и сил НГХ, и Великой Албании, очень важным был контроль над «рашским коридором» между Боснией и Черногорией, с одной, и так называемой недичевской Сербией и Великой Албанией, с другой стороны. Мусульманским планам по уничтожению и изгнанию сербов из Биелопольского, Сенницкого и Прибойского уездов с помощью оккупантов и их союзников, т.е. с территории на правом берегу Лима, а также Плевальского, Чайничского и Фочанского уездов (идеологами были ходжа Растодер, Чазим Сиярич, Хуссейн Ровчанин, Сулейман ходжа Пачариз и прочие), четническое движение противопоставляет суровую месть мусульманской милиции и гражданскому мусульманскому населению на этих территориях. В начале января 1943 года, с 5-го по 10-е число, силами четников, по партизанским источникам, сожжено 33 мусульманские деревни на правом берегу Лима, и, как написано в монографии о Биело Поле — было убито «примерно 400 вооруженных мусульман и примерно 1000 женщин и детей»³. В начале февраля того же года последовала жестокая резня мусульманского населения Плевальского, Чайничского и Фочанского уездов. О размерах этого массового преступления, совершенного отрядами под командованием Павла Джуришича, свидетельствуют данные о том, что в селах Плевальского уезда (ближе к Чайничу и Фоче) убито 1048 лиц, сожжено домов и хозяйственных построек в 613 хозяйствах. Большую часть жертв составляли дети, женщины и старики⁴. Спираль преступлений и взаимных расправ продолжала раскручиваться. В деревне Буджево на Пештеру 2 мая

¹ Zločini na jugoslovenskim prostorima. Prvom i Drugom svetskom ratu. Zbornik dokumenata... С. 405–406.

² Биело Поле, группа авторов. С. 378.

³ Там же. С. 488.

⁴ Историја Плевља, группа авторов. Плевља, 2009. С. 422.

1943 года было убито несколько десятков сербов, среди которых и мать с двумя годовалыми близнецами. В деревне Дуйке вблизи Сенницы в один день было убито семь сербских юношей Речевичей. И так далее. Многие сербские семьи с территории Старой Рашки во время Второй мировой войны переселились в Центральную Сербию.

В Нови Пазаре Ачиф Хаджихметович говорил, что сербы должны примириться с тем, что «это территория Великой Албании». В октябре 1941 года в Нови Пазар прибыло около 500 албанцев во главе с Шабаном Полужей. Хаджихметович стремился к албанизации этой части Рашки: распространял карты Великой Албании, изменял названия улиц, открыл албанскую школу и учредил общество «Скендербег» (упразднил мусульманское общество «Тарик»), приказал обязательное ношение кече. Название одной из лекций, организуемых обществом раз в неделю, которую прочитал председатель общества Сулейман Даца, гласило: «Славяне — исторический мусор»¹. Он помогал при немецкой депортации всех евреев из Нови Пазара на Саймиште, всего 220 человек, включая 108 детей и молодежи до 20 лет². Во время визита в Тирану, в сопровождении Эюпа Ляйича и Рамиза Палевца, он встретился с Ферхат-бег Драго и вместе с ним посетил практически всех министров албанского фашистского правительства. Его убеждали, что «после войны большая часть Санджака будет в составе Великой Албании. Но пока война продолжается, немцы не желают ссориться с сербами»³.

Хаджихметович был расстрелян в 1945 году на Хаджете в Нови Пазаре по приговору военного суда. На том же месте были расстреляны и многие сербы по приговору того же суда. Интересно, что СДА (Партия демократического действия) на заседании весной 1991 года в Нови Пазаре приняла решение о «реабилитации великого мусульманского человека Ачиф-эфенди» и об установке мемориальной доски⁴.

ПАРТИЗАНСКАЯ АВТОНОМИЯ (1943–1945) КАК ЧАСТЬ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В областном комитете КПЮ (Коммунистической партии Югославии) в связи с Санджаком в 1943 году зародилась так называемая «партизанская автономия Санджака», то есть Земельное антифашистское вече народного освобождения Санджака, основанное 20–21 ноября 1943 года в Плевли. Двадцатое ноября празднуется и в наши дни, вот уже несколько лет, как так называемый «День Санджака», хотя ЗАВНОС (Земельное антифашистское вече народного освобождения Санджака) не очень похоже

¹ Б. Божовић—М. Вавић. Указ. соч. С. 438.

² Мирко Ђуковић. Санџак. Београд, 1964. С. 292–293.

³ М. Ђуковић. Указ. соч. С. 304.

⁴ Борба, 29. мај 1991. Навијачи на утакмицама у Новом Пазару редовно истичу транспарент «Стадион Аџиф Ефендије».

на сегодняшнюю политическую программу мусульманских партий в области Рашка. В Резолюции об основании ЗАВНО Санджака в основном подчеркивается «братство сербов и мусульман», а в качестве первой и основной задачи «создание боевого единства сербов и мусульман». Территория охватывает восемь общин — шесть в Сербии и две в Черногории (Плевля и Биело Поле), в отличие от сегодняшних амбиций идеологов этого проекта, охватывающих еще и Беране, Плав и Рожае. В Инициативном комитете по созыву Собрания ЗАВНОСа из семи членов, во главе со Сретеном Вукосавлевицем, только один — мусульманин — эфенди Мурат Шечерагич, остальные — сербы. Сербы составляют абсолютное большинство и в парламенте. Из 62 членов ЗАВНОСа лишь девять — мусульмане, а из 11 членов Президиума и Исполнительного комитета двое — мусульмане, а именно Мурат Шечерагич и Эдиб Хасанагич¹. Другими словами, невозможно говорить о какой-либо мусульманской автономии.

Решение о формировании ЗАВНОСа было принято в верхах коммунистического руководства, и решение о его расформировании поступило из той же инстанции. На заседании Президиума АВНОЮ, состоявшемся 24 февраля 1945 года, во втором пункте повестки дня стоял вопрос о статусе Санджака. На заседании председательствовал Иван Рибар, а в числе присутствующих были Моша Пияде, Эдвард Кардель, Сретен Жуевич, Спасения Бабович, Мома Маркович, Владо Зечевич, Раде Прибичевич, Благое Нешкович, Сретен Вукосавлевич, Димитар Влахов, Никола Петрович, Владислав Рибникар, Андрия Хебранг, Йосип Смодлака, Анте Мандич, Михаило Апостолоски и другие. Протокол вел секретарь Президиума Миле Перуничич. Вступительное слово по этому вопросу произнес Моша Пияде. Он сказал, что «пришло время решить этот вопрос» и «принять предложение именно в таком виде». Очевидно, что было предусмотрено возвращение на этой части территории старых границ между Сербией и Черногорией, установленных Бухарестским мирным договором в 1913 году. Марко Вуячич не согласился с предложением Моши Пияде, требуя, чтобы «весь Санджак был присоединен к Черногории, также как и оба Дукаджина». Он считал, что «нет политического смысла раскалывать сейчас Санджак», подчеркивая важность одобрения решения населением на этой территории. Сретен Жуевич критиковал выступление Вуячича, а Родолюб Чолакович поставил вопрос о том, каково настроение народа в связи с предложением, о котором идет речь. Кардель объяснил Вуячичу, почему его предложение нельзя принять. В протоколе аргументы Карделя записаны следующим образом: «говорит о Косове и Метохии и требует, чтобы эти территории сейчас не обсуждались, потому что ещё не время, и этот вопрос не стоит в повестке дня». Сретен Вукосавлевич считал, что «Санджак как самостоятельная единица не должен существовать и что это неоспоримо». Он полагал, что нужно «зондировать местность», при-

¹ Zoran Lakić. Partizanska autonomija Sandžaka 1943–1945 (ZAVNO Sandžaka-dokumenta). Beograd-Nikšić-Bijelo Polje, 1992. С. 99–102.

влечь народ на свою сторону. По его мнению, «Санджак не нужно разделять, а следует как одно целое присоединить к той или иной федеральной единице: Сербии или Черногории». В обсуждении этой темы принимали участие Моша Пияде, Раде Прибичевич, Марко Вуячич, Андрия Хебранг и Эдвард Кардель. Кардель предложил «не отправлять письмо в АВНОС, но определить лица из президиума АВНОЮ, которые проведут ликвидацию сегодняшнего положения Санджака в соответствии с позицией, которую мы сегодня здесь занимаем». Иван Рибникар поставил на голосование предложение Карделя, которое было «принято единогласно». Президиум поручил Моше Пияде, Раде Прибичевичу и Миле Перуничичу «выехать в Санджак на заседание тамошнего веча»¹. На пятом заседании Президиума АВНОЮ 29 февраля 1945 года Моша Пияде сказал, что обособленная единица Санджак была сформирована «по особым политическим и военным причинам», но что сегодня нет ни политической, ни экономической потребности в этом. Решающим было мнение Эдварда Карделя, заместителя председателя правительства новой Югославии: «Санджак как область не может сохранять свой статус, так как для этого больше не существует политических, экономических или этнических причин. Это совершенно ясно»². Решение было формально принято на заседании ЗАВНОСа в Нови Пазаре 29 марта 1945 года (председательствовал заместитель председателя Мурат Шечерагич), на котором пришли к выводу о необходимости восстановления границы 1913 года между Сербией и Черногорией. В пункте 2 обоснования сказано, «что на учредительном собрании этого веча, состоявшемся 20 ноября 1943 года в Плевле, ранее не выдвигалось требование об особом положении Санджака в будущем государстве»³.

Рашка и неоосманизм: между «Великой Боснией» и «Великой Албанией»

Попытки поднять так называемый вопрос Санджака и придать ему международное значение обострились параллельно с процессами раскола югославского государства. Нехватка архивной документации, в особенности документации разведывательных служб великих сил и Турции, препятствовали полному представлению о том, кто и за какие нитки тянул в течение последних десятилетий. Однако множество книг, воспоминаний, ежедневных и ежемесячных печатных изданий и других источников позволяют реконструировать контур стратегии в области Рашка, так называемому «Санджаку», как она называется в этих источниках. Кроме ли-

¹ Архив Југославије, Президијум АВНОЈ-а, фасц. 7, Записник са седнице Председништва Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије одржане 24. фебруара 1945. године.

² Miodrag Zečević–Bogdan Lekić. Državne granice i unutrašnja teritorijalna podela Jugoslavije. Beograd, 1991. С. 86–87.

³ Архив Југославије, Президијум АВНОЈ-а, фасц. бр. 7; Z. Lekić. Указ. соч. С. 302.

дерства СДА в Сараево в качестве главного фактора, свою роль играют и другие югославские центры, такие как Загреб и Приштина, затем Турция и ее симпатизеры на Балканах, исламские страны, такие как Иран и Саудовская Аравия и, конечно же, ведущие западные страны, которые приложили руку к краху Югославии. Предводитель и главный идеолог Партии демократической акции Алия Изетбегович, начав еще в молодости, в течение десятилетий систематически развивал свою идеологию, которую представил в *Исламской декларации*. Ислам для него не только религия, но и общественный строй. Предшественником движения «*Молодые мусульмане*» в канун Второй мировой войны было нелегальное общество «Мирза Сафет» в Сараево, которое в марте 1941 года изменило название на «*Молодые мусульмане*». Изетбегович, находясь в средней школе в рамках молодежной секции общества «*Трезвеност*» («Умеренность») в Сараево, принимает панисламистские идеи Тарика Муфтича, — вождя младомусульманской организации, вдохновленной подобным примером в Египте. В начале мая 1943 года «*Молодые мусульмане*» становятся молодежной секцией «Эль-Хидае», в которой Изетбегович выполняет функцию заместителя члена комитета. Активны они и в *Мерхамете*, и в *Хуриете*. Основаны и женские филиалы «*Молодых мусульманок*». Изетбегович был весьма активен летом 1943 года при создании «мусульманской армии», в акции под предводительством Хафиза Мухамеда Панджа. Изетбегович считал, что нужно создать ядро, около которого собирались бы члены *Ханджар дивизии*, когда вернутся с фронта и после того, как «выйдут из подчинения немцам». Изетбегович вместе с Неджибом Шачирбеговичем поприветствовал от имени «*Молодых мусульман*» муфтию Иерусалима Мухаммада Амина аль-Хусейни во время его визита в Сараево. Он был весьма активен и после освобождения Сараево 6 апреля 1945 года, особенно при основании подпольной газеты «Муджахид». На учредительном собрании культурно-просветительского общества «*Препород*» («Возрождение») он выступил с речью «в духе ислама». Изетбегович был арестован уже в начале марта 1946 года и осужден на три года тюремного заключения. Органы новой власти в 1949 году обнаружили 806 членов организации «*Молодые мусульмане*» в уездах Боснии и Герцеговины. Изетбегович был самым упорным.

Получив уведомления о международной и внутренней подготовке к расколу Югославского государства, Алия Изетбегович посчитал, что настал момент любыми средствами сформировать исламское государство Боснии и Герцеговины. В верхах СДА в Сараево, в военных и полицейских структурах, имелось большое число мусульман из области Рашка, и координация действий в канун раскола Югославии проводилась практически ежедневно. Уже в течение 1990 — 1991 годов подготовка к войне, которую ведет СДА, охватывает и область Рашку. В 1990 году в Нови Пазаре сформирована Партия демократической акции. Хасан Эфендиич пишет в своей книге «Ко је бранио Босну», что во время собрания СДА в Доме милиции в Сараево 10 июня 1991 года, на котором присутствовало 380 человек из всей Югославии, было сформировано «Вече национальной обороны му-

сультманского народа». Во главе Вече, или Совета по национальной обороне, был Алиа Изетбегович, а в числе членов состояли Эюп Ганич, Русмир Махмутчеаич, Харис Силайджич, Мухамед Ченгич, Салем Шабич и Сулейман Угљанин¹. Принято было и решение о формировании партийных военизированных единиц под названием «Патриотическая лига народов». Политическим штабом Лиги руководили Эюп Ганич и Омер Бехмен, а военным — Сефер Халилович. Некоторые другие авторы утверждают, что формирование Лиги началось в апреле 1991 года, а в мае она получила название «Патриотическая лига», главными организаторами были Сефер Халилович и Русмир Махмутчеаич. Сефер Халилович в книге «Лукава стратегија» пишет, что только в Сараевском регионе до конца 1991 года было примерно 60–70 тысяч вооруженных членов Патриотической лиги. В системе военной организации наверху был главный штаб (в Сараево), десять региональных штабов, из которых девять на территории Боснии и Герцеговины, 103 муниципальных штаба большого числа разных единиц — от взводов до бригад. Десятый региональный штаб Патриотической лиги покрывал так называемый «Санджак», его центр находился в Нови Пазаре и охватывал общины: Нови Пазар, Тутин, Сеница, Приеполе, Нова Варош, Прибой, Плевля, Биело Поле и Рожае. В штабе был свой комендант².

В течение 1990 года, как уже было сказано, была создана и «СДА Санджака». Адил Зулфикарпашич присутствовал на учреждении партии в Нови Пазаре и в связи с этим записал свои впечатления и комментарии. В книге Милована Джиласа и Надежды Гаче «Бошняк, Адил Зулфикарпашич» он говорит, что власть и милиция вели себя корректно, но собрание «проводилось профашистски», о чем он и уведомил Алию Изетбеговича. Во время пребывания в Рожае по аналогичному поводу один из лидеров этой партии сказал ему, что организовал закупку оружия в Загребе и что должны прибыть два-три грузовика. Он спросил Зулфикарпашича, возможно ли отправить некоторых людей на обучение за границу. Он также сообщил, что «сто летчиков-санджаклий в Турции лишь ждут случая, чтобы начать бомбить Сербию»³.

С 25 по 27 октября 1991 года СДА организовала референдум о политической и территориальной автономии «Санджака». Вскоре формируется «Мусульманское национальное вече Санджака», целью которого является «духовное и территориальное объединение народа в этнических границах Санджака» и проводится в жизнь воля мусульманского народа, высказанная на октябрьском референдуме⁴. Во время учредительного собрания Мусульманского национального вече Санджака 11 января 1991 года требовалось «опре-

¹ Девети извештај Савезне владе о ратним злочинима на подручју претходне Југославије. Београд, 1998. С. 13.

² Sefer Halilović. Lukavastrategija, Sarajevo, 1997. С. 12–121; Бошко Тодоровић — Душан Вилић. Зашто су оптужени, 2. Београд, 2002. С. 288–299.

³ Milovan Đilas — Nadežda Gaće. Bošnjak Adil Zulfikarpašić. Bošnjački institut Cinih — «Globus», 1994. С. 166.

⁴ Bitkaza Sandžak, intervju Sulejmana Ugljanina. «Sandžak» br. 1–2, januar–april 1992. С. 14–19.

деление специального статуса Санджака». Председатель Вече Сулейман Угљанин сообщает о «будущем Санджака (...) в абсолютной самостоятельности и полной независимости от Сербии и Черногории». Эта территория, говорит он, «никогда им не принадлежала, она была лишь оккупирована».

Весной 1992 года председатель СДА Угљанин и секретарь Расим Ляич (которого упоминают в качестве мандатала «санджакского правительства») прибывают с визитом в Лондон, где председателю Мирной конференции по Югославии лорду Каррингтону предоставляют аргументы по своему проекту. Во второй половине апреля того же года делегация СДА во главе с Угљанином прибывает в Турцию, где, по словам турецкого издания на английском языке «Дейли ньюз», разговаривает с премьер-министром Турции Демирелом, его заместителем Эрдалом Инением и министром иностранных дел Хикметом Четином. Делегация требовала, чтобы Турция не признавала новую Югославию, чтобы ЮНА (Югославская народная армия) была провозглашена «оккупационной силой, уничтожающей все несербское». Турецкий политический верх получил сведения о «сербском геноциде над мусульманами в Боснии и Герцеговине и Санджаке». Делегация просила Угљанина, чтобы в случае, если не остановится кровопролитие в Боснии и Герцеговине, «Турция вмешалась военным путем и предоставила оружие и финансовую помощь Боснии и Герцеговине»¹. В те дни в Турции с визитом находилась и делегация косовских албанцев во главе с Ибрагимом Руговой, неоднократно утверждавшим, что «Косово только албанское»².

Во время пребывания СДА в Турции, в Нови Пазаре была обнародована Резолюция мусульманских интеллектуалов Санджака, Черногории и Сербии, принятая 18 апреля 1992 года из девяти пунктов («подписи 333 интеллектуалов»). В Резолюции требуется остановить «ужасающий геноцид ЮНА, сербских террористов, а также других военизированных формирований над мусульманским народом», оттянуть «все оккупационные силы»; говорится о том, что мусульмане в так называемом Санджаке находятся под угрозой и требуется, чтобы эта территория стала «демилитаризированной зоной мира»; не принимаются результаты референдума о формировании совместного государства Сербии и Черногории — СР Югославии и требуется отмена международного суверенитета Югославии; поддерживаются *Мусульманское национальное вече Санджака* и его усилия в «интернационализации статуса мусульман в Санджаке», а также выраженная на референдуме воля «территориальной и политической свободы Санджака»; имея в виду что, как указано в резолюции, «политическое руководство Сербии является генератором всех потрясений на балканских территориях», и поэтому от соответствующих международных институтов (особенно от Мирной конференции по Югославии и Совета министров Европейского сообщества) требуется «как можно быстрее организовать конференцию по Сербии».

¹ Bitkaza Sandžak, intervju Sulejmana Ugljanina. «Sandžak» br. 1–2, januar–april 1992. C. 17.

² Kosovo je albansko, intervju Ibrahima Rugove. «Sandžak», br. 1–2, 1992. S. 20–22.

В течение 1992 года в Нови Пазар прибыла миссия ОБСЕ по так называемому Санджаку, под руководством австрийского дипломата Валентина Инска. Широкая местная и международная деятельность ведущих мусульманских политических деятелей области Рашки всегда находилась в тесной связи с албанскими сепаратистско-террористическими движениями в Косово и Метохии (совместными усилиями организуются между прочим поэтические встречи «Хивзи Сулеймани» в Рибариче, спортивные игры «Республики Косово и Санджак» в Плаве и пр.). Эта деятельность достигла своего пика с принятием Меморандума о специальном статусе по Санджаку в рамках остатка Югославии (Сербии и Черногории). Меморандум был принят 6 июня 1993 года на Скупшине Мусульманского национального вече Санджака в Нови Пазаре. В пяти главах Меморандума затрагиваются следующие вопросы: общие принципы, «границы Санджака», содержание специального статуса (человеческие и национальные права, полномочия органов власти «Санджака», структура власти), международные гарантии и заключительные положения. Специальный статус должен охватывать территории муниципалитетов Нови Пазар, Сенница, Тутин, Приеполе, Нова Варош, Прибой, Плевля, Биело Поле, Беране, Плав и Рожая. «Территория Санджака представляет собой историческую, этническую, экономическую, транспортную и социально-культурную среду, в которой будут соблюдаться права и обязательства, обоснованные в этом меморандуме, Конституции Санджака и Конституции Югославии».

Не вдаваясь в подробности, касающиеся органов власти, предусмотренных в меморандуме, среди которых полиция и правосудие, обратим внимание на структуру власти: Скупщина Санджака в качестве законодательного органа, Председатель (гувернер) и Правительство в качестве органа исполнительной власти, а также суды первой и второй инстанций и Верховный суд Санджака в качестве органов судебной власти. Председатель (гувернер) представляет «Санджак», предлагает кандидатов на место председателя правительства, координирует работу правительства и органов государственного управления. «Полиция будет под контролем исполнительной власти Санджака». Международная конференция по бывшей Югославии, то есть ее правопреемники, предоставят международные гарантии специального статуса. Конференция формирует Специальный комитет по «Санджаку», в который, кроме представителей Конференции, составляющих большинство, входят и представитель Югославии, Боснии и Герцеговины и Мусульманского национального вече Санджака. Акт о специальном статусе подпишут два сопредседателя Конференции и представители Югославии, Боснии и Герцеговины и Мусульманского национального вече Санджака¹.

Интенсивная международная деятельность продолжалась и в последующие годы, одновременно с оживленной внутривнутриполитической активностью – особенно при формировании образовательной, издательской и ме-

¹ Memorandum o uspostavljanju specijalnog statusa Sandžak, Novi Pazar, jun 1993.

дийной инфраструктуры. По прошествии почти двух десятилетий после принятия Меморандума по специальному статусу, ситуация изменилась. Исчезла СР Югославия, НАТО распространилась на все соседние страны и на южный сербский край. Тем временем Мусульманское национальное вече переименовалось в Бошняцкое национальное вече Санджака. Так называемое международное сообщество продолжило «обустраивать Сербию», а в действительности — дробить ее. В соответствии с новой ситуацией Бошняцкое национальное вече Санджака 19 июля 1999 года приняло Меморандум об автономии Санджака и специальных отношениях с Боснией и Герцеговиной¹.

В начале сентября 2003 года прекратило свою работу Бошняцкое национальное вече Санджака и конституировалось Бошняцкое национальное вече, которое в Уставе утверждено «как представительный орган боснийского национального общества в Сербии». Вече в течение 2004 — 2005 годов, наряду с другими мероприятиями, установило и «национальные праздники»: День боснийского национального флага, День Санджака и День памяти. День боснийского национального флага — «самый важный национальный праздник боснийцев из Санджака», отмечается 11 мая, когда в 1999 году основано Мусульманское национальное вече Санджака. День Санджака отмечается 20 ноября, когда в 1943 году основан ЗАВНОС в Плевли. День памяти — 11 июля, «посвящен памяти о геноциде над боснийцами в Сребренице в 1995 году», но он отмечается и как день памяти Сиеверина, Буковиц, Штрпце и «всех других боснийских жертв в истории»². Национальные праздники «боснийцев утверждены Решением Совета Республики Сербии по национальным меньшинствам от 23 декабря 2005 года»³. Самые большие награды и признательность рашских мусульман («боснийцев из Санджака»): Повелья бана Кулина, Дукат Иса-бега Исхаковича, Медаль Рифат Бурджович Тршо и Перо Чамила Сиярича. В Плевле существует манифестация «Дни Хуссейн-паши Боляничча». Медалью «Рифат Бурджович Тршо», присуждаемой 20 ноября, были награждены, в числе прочих, Наташа Кандич, Петар Ладжевич и Горан Башич.

Вопрос об области Рашка, в рамках более объемной стратегии сведения Сербии к границам до 1912 года, постепенно развивается в направлении формирования «Санджака как европейского региона». В Сараево 2 июля 2011 проводился, как говорилось, научный симпозиум «Санджачки вопрос», организованный Интернациональным университетом в Нови Пазаре. Кроме ректора Мевлуда Дудича, выступали и Мухамед Филипович, Нияз Дуракович, Муамер Зукорлич, Эюп Ганич, Мехмед Слезович, Рифат Реджович, Хазбия Калач, Харун Хаджич, Шефкет Крчич и другие. «Санджак как европейский регион» должен охватывать, по мнению участников этой конференции, и территории Сербии, и территории Черногории: «трансгра-

¹ Esad Džudžević, Sandžak multietnička regija. Zbirka međunarodnih i domaći dokumenata o regionalizmu. Tutin, 2010. С. 64.

² Там же. С. 66.

³ Там же.

ничность региона в соответствии с европейской ориентацией децентрализации власти и административной реорганизации территории». Эюп Ганич по этому поводу изложил «концепцию сути Санджака»: парламент европейского региона Санджак, исполнительный комитет с секретариатами, для начала — по международному сотрудничеству, по диаспоре Санджака, по образованию и культуре и «предпринимательству»; учреждение институтов и предприятий, таких как: Архив Санджака, Народный театр в Нови Пазаре, государственное предприятие «Леса и воды Санджака» и пр. Работу секретариата финансово поддерживают правительства Сербии и Черногории. Секретариат по международному сотрудничеству, по словам Ганича, должен открыть представительства в Брюсселе, Вашингтоне и Стамбуле. И прочие участники на этой конференции подробно представили все аспекты трансграничной территории, включая, например, и свободные таможенные зоны в Приеполе, Сеннице, Тутине, Биело Поле, Беране и Рожае¹.

Новый мощный стимул этому политическому проекту дает Турция своим возвращением на Балканы и нескрываемыми неоосманскими амбициями. Она уже вмешивается, как известно, в некоторые внутренние вопросы Сербии. Первостепенный интерес Турции на Балканах, как об этом пишет ее министр иностранных дел Ахмет Давутоглу в книге «*Стратегијска дубина*» — **сильная Албания и сильная Босния** и полный контроль над старой «боснийской джадой (дорогой. — *Прим. перев.*)» от Боснии к Константинополю. «Дуга, находящаяся на юго-западе и пролегающая от Бихача, — пишет Давутоглу, — через Среднюю и Восточную Боснию, Санджак, Косово, Албанию, Македонию, Кирджалию до Восточной Фракии, для Турции является балканской геополитической и геокультурной «дорогой жизни»².

Сербское общество, прежде всего власть в Белграде, недооценило международную помощь сепаратистскому движению в этой части Сербии. Она упустила шанс поддержать разумных людей среди мусульман Рашки, которые свое будущее видят в Сербии и не отрекаются от общих с православными сербами корней. При этом никто не увидел сербскую проблему в Рашской области, о которой в основном и сейчас говорится так, как будто там никогда не было и нет сербов, которые, надо признаться, оставлены один на один с исламским экспансионизмом. «Наша среда недостаточно сформирована для национального образа мышления и работы, — пишет Йован Цвийич в 1907 году. — Неправда, что мы должны уступать более сильным только потому, что мы маленькое государство. Народ этого маленького государства имеет свои великие национальные чувства, и интеллектуальные силы Сербии истинно представляют их в мире»³.

¹ Sandžač o pitanje. «Sandžak» br. 155, 1. avgust 2011. С. 14–23.

² Цит. по: Дарко Танасковић. Неоосманизм. Повратак Турске на Балкан. Београд, 2010. С. 93.

³ Јован Цвијић. О националном раду. Цвијићева књига. Београд, 1927. С. 61.

Глава IV

АЛБАНЦЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ: ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ АЛБАНСКОЙ ЛИГИ

Сербско-албанские отношения — это одна из «горячих» тем новой балканской истории. В последние годы представители международной научной мысли много говорили и писали об «албанском вопросе» в Сербии, то есть о сербско-албанских отношениях в Косово и Метохии — средоточии Старой Сербии. Это делалось в значительной мере без знания дела, вследствие толкования истории этой части Сербии исключительно с современной политизированной точки зрения, с очевидным желанием подчинить видение прошлого требованиям политической конъюнктуры. Примером такого тенденциозного и искаженного толкования балканской истории и сербско-албанских отношений является *Меморандум форума албанских интеллектуалов Косова*, направленный 26 октября 1995 года международной общественности с подписью Реджепа Чосье, председателя форума. В этом тексте, искажающем историческую истину и затуманивающим суть сербско-албанских отношений в Косово и Метохии, упорно повторяется ряд старых клише и стереотипов с расчетом, что они будут приемлемы в западноевропейской политической и общественной среде. В нескольких местах подчеркивается историческая и этническая «иллиро-албанская идентичность» ещё со времен античной Дардании и делаются ссылки на утверждения албанского писателя Исмаила Кадареа о том, что «Косово — это земля, где натиск славян был остановлен в раннем Средневековье. Это прервало панславянскую мечту: освоение и славянизацию значимого европейского полуострова». Подчеркивается, что албанцы трех конфессий боролись с многовековым владычеством Османской империи, «что албанские этнические территории», в которые входит Косово, Метохия и «албанские края в южной Сербии и Черногории», оккупированы южными славянами и что эти территории «сегодня могут рассматриваться как последние колонии в Европе». Настойчиво доказывается тезис о систематической и постоянной сербской «гегемонии» и «экспансионизме». Наряду с прочим утверждается, что «сербский государственный террор над албанцами представляет собой особую главу сербской многовековой политики под русским покровительством еще со времен первых завоеваний албанских территорий. Перманентная стратегия сербских чудовищных проектов со второй половины прошлого и в течение всего нашего столетия — это этнические чистки албанских территорий и их славянизация». Далее в меморанду-

ме упоминается, что Сербия «и сегодня разрушает албанские исторические и культурные памятники и возводит свои сербские церковные исторические памятники, наводняя Косово надписями на кириллице, также, как и в средние века, с целью подтверждения своего сербского присутствия»¹. Это лишь один из многих примеров подобных деклараций, с помощью которых албанцы обращаются к европейской общественности.

Понятно, что речь идет о политической пропаганде, причем расчет идет, с одной стороны, на неосведомленность западной публики, а с другой стороны, на стереотипы и предубеждения по отношению к сербам и славянам вообще. Один из вопросов, привлекающих внимание современных исследователей, который должен обеспечить легитимность современным политическим стремлениям албанцев, это вопрос об их происхождении и их метрополиях в ранний период албанской истории.

Существуют две основные идеи, на которых основывалось и основывается албанское движение на Балканах. Это паниллиризм и панславизм. В европейской науке существуют разные мнения о происхождении сегодняшних албанцев. Некоторые из них представил немецкий ученый Георг Штадтмюллер в своей книге «Forschungen zur albanischen Frühgeschichte» («Исследования по ранней албанской истории»), опубликованной в Висбадене в 1966 году (первое издание вышло в Будапеште в 1942 году)². Французский консул в Янине Пуквиль, например, считал, что албанцы в раннем Средневековье пришли на Балканы из кавказской Албании, и поэтому они не являются автохтонным населением³. Всё-таки в науке преобладает мнение, которое отстаивал и сербский археолог Милутин Гарашанин о том, что албанцы, по сути, новая этническая формация, возникшая в первые столетия Средневековья на старобалканских основах, путем смешения разных элементов старых палеобалканских субстратов — иллирийских, дако-мёзийских и фракийских. Поэтому нельзя говорить об албанцах как о прямых и непосредственных потомках иллирийцев или дарданцев⁴.

Вопрос о происхождении и метрополии албанцев привлекает внимание албанских ученых и публицистов. Немецкий исследователь Петер Бартл справедливо заметил, что албанские исследователи некритически относятся к этой проблеме и конструируют разные теории: «Картина, которую албанская наука создает о собственной ранней истории, упрощена, некритична и сконструирована. Языковых доказательств иллиро-албанского родства практически нет»⁵. Выдающийся албанский лингвист Э. Ча-

¹ Bujku, 28.X.1995.

² Georg Stadtmüller. Forschungen zur albanischen Frühgeschichte, zweite erweiterte Auflage. Albanische Forschungen 2. Wiesbaden, 1966.

³ F.C.H.L. Pouqueville, Voyagedansla Grece. II, Paris, 1820. P. 505.

⁴ Илири и Албанци, Зборник радова, Српска академија наука и уметности — Одељење историјских наука. Београд, 1988. См.: Milutin Garasanin, Considerations finales. S. 369–375.

⁵ Peter Bartl. Albanien, Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Regensburg-München, 1995. S. 21. Перевод на сербский: Петер Бартл, Албанци — од средњег века до данас. пер. с нем. — Любинка Миленкович. Београд, 2001. С. 17.

бей утверждает, что «было бы ненаучно и даже наивно проецировать современную ситуацию на прошлое по одному прямолинейному пути»¹.

Науке определенно известно, что косовско-метохийские края Сербии, которые сегодня, наряду с другими народами, в большом числе населяют албанцы, не являются метрополиями албанского народа. Первое упоминание албанцев в истории ведет начало из XI века, у историков Михаила Атталиата и Анны Комнин, которые говорят об «Арберии» (хотя ведутся споры, по поводу того, идет ли речь об Арберии как об этническом понятии), которая находится в горной местности в центральной части сегодняшней Албании².

Штадтмюллер, основываясь на источниках, утверждает, что Арберия охватывала долину реки Шкумбе, оба берега реки Мат, Крою и еще некоторые прилегающие области³. Он в нескольких местах подчеркивает, что область реки Мат из-за своей природной закрытости является «реликтовой областью» албанцев («Reliktgebiet»). Старые албанцы для него представляют одно «из многочисленных племен фракийцев или иллирийцев». Божидар Ферьянич делает вывод, что в науке существует убеждение в том, что область Арванон простиралась «от Дебра на запад до крепости Петрела, находившейся в восточном направлении от Драча на реке Эрзен. С севера на юг область Арванон, предположительно, пролегла между реками Мат и Шкумба»⁴. Сима Чиркович пишет, что до половины XIII века Арберия «простиралась от Пилюта, то есть от середины северного берега Скадарского озера до области, через которую протекает река Девоп (сегодня — Семени), определяющая положение девольской области»⁵. Штадтмюллер прямо заявляет, что в областях Старой Сербии («Altserbien») не нужно искать реликтовые области албанцев: «Широкие пространства, представляющие территорию Старой Сербии (Косово поле, Метохия, Новопазарский санджак) из-за своего географического положения являются не летними, а зимними пастбищами. (...) Значит, у этих областей нет географической закрытости, являющейся важной характеристикой реликтовой области. Со всех сторон доступные территории играли когда-то большую роль в качестве средоточия старого сербского государства (Рашка). (...) Посему пра-албанскую реликтовую область не нужно искать в Старой Сербии»⁶.

Оценивая сербско-албанские отношения в Старой Сербии, часто опираются на современную демографическую ситуацию, которую затем албанцы проецируют на самые ранние эпохи⁷. Области Косово и Метохии

¹ E. Cabej. Le probleme du territoire de formation de la langue Albanaise, «Iliria» V.1976.7.

² Божидар Ферьянич. Албанија у византијским изворима, Илири и Албанија, САНУ. Београд, 1988. С. 285–302.

³ G. Stadtmüller. Указ. соч. С. 167, 173.

⁴ Б. Ферьянич. Указ. соч. С. 289.

⁵ Сима Чирковић. Албанци у огледалу јужнословенских извора, Илири и Албанија. Београд, 1988. С. 330.

⁶ G. Stadtmüller. Указ. соч. С. 87.

⁷ Miranda Vickers. The Albanians. A modern history. London—New York, 1995.

никогда в прошлом не входили в состав какого-либо албанского государства. Албанцы также, вплоть до недавнего времени, не представляли большинство населения в этой части Старой Сербии. Известно, что в течение XIII — первых десятилетий XIV века южная граница сербского средневекового государства пролегла по реке Мат в сегодняшней Албании, вплоть до великих завоеваний царя Душана, после которых в рамках Сербского царства находилась вся Албания, за исключением Драча. Однако из этого исторического факта сербы не могут сегодня делать вывод о своих особых правах на земли, входящие в состав сегодняшней Албании.

Само название «*Косово*», которое сегодня широко употребляется в европейской общественной мысли, никогда не имело того значения, которое ему сегодня стремятся придать. Его представляют как некое особое историческое и этническое целое и пытаются выделить его из всего сербского этнического пространства под названием «*Сербия*». Название «*Косово*» прежде всего связано со старым географическим понятием «*Косово-Поле*» — так называется низменность вдоль рек Ситница и Лаб, огражденная со всех сторон горами. Лишь в новое время, в конце XIX века, это понятие начинает распространяться посредством названия турецкой административно-территориальной единицы — Косовского вилайета, который, кстати, охватывал всю Старую Сербию. После освобождения от турецкой власти в 1912 году, Косово и Метохия становятся областями Королевства Сербии, а затем — Югославского государства. Особый статус территориально-политической единицы эти части Сербии получают лишь после Второй мировой войны. Этот статус опирался на программные положения Коммунистической партии Югославии и Коммунистического интернационала в связи с решением национального вопроса в югославском государстве. Двусложное название области «Косово и Метохия», как одной из нескольких областей Старой Сербии, существовало вплоть до 1968 года, когда югославское руководство и коммунистические лидеры албанского меньшинства в Сербии в административном порядке сократили его до названия «Косово», убирая Метохию, что мотивировалось политическими причинами албанского наступательного национализма в этих областях.

АЛБАНСКАЯ ЛИГА В ПРИЗРЕНЕ КАК ЧАСТЬ ПАНИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Вопрос о возникновении Албанской «Призренской лиги» (1878) и в особенности о характере Лиги относится к одному из неизбежных во всех исследованиях, касающихся Косово и Метохии и новейшей албанской истории. При этом, как правило, подчеркивается освободительный характер этой организации, а панисламский характер, представляющий главное направление политической и религиозной деятельности Лиги, игнорируется. Не принимается во внимание и экспансионизм Лиги по отношению к соседним христианским народам, а также преступления над христиана-

ми в ходе событий 1878–1881 годов. При анализе характера «Призренской лиги» часто упускаются из вида общие политические и религиозные обстоятельства, при которых она возникла, и главное направление ее деятельности. Лига возникает в конце Великого восточного кризиса (1875–1878) и в тот момент, когда готовилась международная конференция по установлению новой политической конфигурации на Балканах. Лига — это большая игра Турции и великих сил, таких как Великобритания и Австро-Венгрия, а не автохтонного освободительного движения. Сербско-турецкие войны 1876 и 1877–1878 годов, болгарские восстания, а также восстания греков являлись неотъемлемой частью усилий балканских христианских народов по освобождению от многовекового османского владычества и формированию своего независимого национального государства. Усилия этих народов не встретили понимания соседних албанских мусульман.

Албанское национальное возрождение запаздывало по сравнению с другими балканскими народами, а его главными носителями были православные албанцы и католики, находящиеся на более высоком уровне социального и культурного развития. Албанцы-мусульмане, составлявшие подавляющее большинство совокупного албанского населения, особенно в Старой Сербии, были на протяжении Великого восточного кризиса (1875–1878) однозначно на стороне Османской империи, являясь самыми пылкими защитниками теократического характера османского общества и противниками любого вида его европеизации. Более образованная и состоятельная часть албанцев-мусульман, проживающая в Константинополе и некоторых других местах, была интегрирована в османские государственные и социальные структуры и не отделяла интересы албанцев от интересов всей Османской империи на Балканах. Религиозная идентификация и исламский характер османского общества являлись главными мотивами такого поведения албанцев-мусульман.

Хорватский историк Бернард Стулли (Bernard Stulli) в 1959 году в Загребе опубликовал работу под названием «Албанский вопрос (1875–1882)», основывающуюся на первоклассных исторических источниках¹. Он подчеркивает, что албанские роты в турецкой армии «были главной ударной силой, традиционно используемой против других народов Турецкого царства» и что эти «нерегулярные» роты, «состоящие в основном из албанцев, особенно часто чинили насилия и грабежи»². Стулли в нескольких местах ссылается на австро-венгерские отчеты, появившиеся в основном вследствие наблюдения с близкого расстояния, раскрывающие подлинную программную основу «Призренской лиги» и ее Устава (заседания Союза-Лиги проводились в призренской мечети). Стулли следующим образом толкует суть австро-венгерского отчета: «Ни в одной из 16 статей Устава нигде прямо не упоминаются албанцы и Албания; политическим субъектом Союза

¹ Bernard Stulli. Albansko pitanje (1875–1882), Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 318. Zagreb, 1959. С. 287–391.

² Там же. С. 316.

являются просто мусульмане; они заявляют в статье 4, что *согласно высшему религиозному закону (Шариату) будут защищать жизнь, имущество и честь местных немусульманских жителей*; в статье 7 говорится о необходимости союза с «нашими страдальческими соотечественниками одной с нами веры на Балканах»; а в последней, 16-й статье квалифицируют выход из Союза как отступничество «от ислама»! Всегда в довольно общих чертах говорят о «нации и родине», «стране», «нашей стороне», «балканской земле», «на Балканах» и тому подобном¹. Б. Стулли в программе Союза (Лиги) наряду с сомнительным панисламским характером, на службе османского государства и религиозной идеи замечает и «албанский экспансионизм» по отношению к их соседям². И другие авторы рассматривают деятельность Албанской лиги в Призрене в контексте панисламистского движения на Балканах и в мире³.

Албанцы, как и другие балканские народы, имели право на своё государство, но албанская великодержавная концепция возникла не как подлинное выражение албанского национального движения. В отличие от других балканских народов — сербов, греков, болгар, румын, выступивших до начала Великого восточного кризиса (1875—1878), у албанцев не было попыток создания современной политической организации с целью построения национального государства. Между ними преобладала региональная и религиозная идентичность. Стихийные всплески неповиновения центральной власти были выражением консервативного сопротивления мусульманских феодалов реформам, которые Османская империя под давлением великих европейских сил стремилась осуществить в течение XIX века. Известно, что боснийские и албанские феодалы были самыми яростными защитниками исламского теократического общества и что они дольше и упорнее всех сопротивлялись константинопольской центральной власти, пытавшейся ввести хоть небольшой порядок в функционирование государства.

Такая ситуация была выражением не только экономической, социальной и культурной неразвитости албанского общества или нехватки хоть сколько-нибудь современной албанской политической элиты. Главной силой экспансионистского албанского движения выступали албанцы-мусульмане. Если не учитывать отдельные примеры культурных усилий албанцев, проявившихся, в основном, в диаспоре (Константинополь, Египет, Южная Италия), албанцы-мусульмане были надёжным орудием Османской империи в деле вытеснения христианского мира из Юго-Восточной Европы. Со своим патриархально-ориентальным обществом азиатского типа они представляли главное препятствие модернизации этой части Европы в течение XIX—XX веков. Исключение составляло незначи-

¹ Bernard Stulli. Albansko pitanje (1875—1882), Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 318, Zagreb, 1959. С. 323.

² Там же. С. 329.

³ Милорад Екмечић. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492—1992). Треће, допуњено издање. Београд, 2010. С. 297—299.

тельное римско-католическое меньшинство на севере Албании, в основном в Шкодерском крае, и более многочисленная православная община на юге Албании, которая находилась под сильным влиянием греческих культурных кругов.

Все попытки балканских христиан склонить на свою сторону албанцев в национальной борьбе против Османской империи ради национального освобождения и модернизации своих общин в основном оставались без результатов. Албанцы в начале Великого восточного кризиса самым активным образом участвовали в зверствах турецких регулярных и особенно нерегулярных войск (башибузуков) в борьбе с христианскими повстанцами. Во время кризиса албанцы никоим образом не поддерживали освободительные движения христиан на Балканах.

Очевидно, что возникновение Албанской лиги в 1878 году и ее политическая программа не были выражением подлинных освободительных усилий албанцев, которые вообще запаздывали в национально-освободительном движении. Лига являлась инструментом, прежде всего в руках турок, а затем и других сил, целью которых было сохранение Османской империи. В Константинополе в апреле 1878 года был создан Албанский центральный революционный комитет (Абдул Фрашери, Пашко Васо, Сами Фрашери, Зия Приштина, Яни Врето и другие), работающий над организацией сопротивления албанского населения освободительным акциям Черногории, Сербии и Греции. Абдул Фрашери в зарубежной печати публиковал мнимые протесты албанского населения против акций упомянутых христианских государств. По отчетам французского консула в Салониках Крижевского, турецкие власти раздавали оружие албанскому населению, в мечетях проводились тайные собрания, на которых наряду с албанскими лидерами присутствовали и эмиссары из Константинополя¹. Это была всего лишь одна из форм манипулирования интересами албанского народа, ведь Турция ликвидировала Лигу, как только она начала выступать с требованиями более широкой автономии для албанцев по отношению к центральной власти.

Не случайно формирование Албанской лиги совпадает с подготовкой Берлинского конгресса, в повестке дня которого был Восточный вопрос. Попытки России, как одной из великих сил, самостоятельно решить Восточный вопрос и обеспечить свои интересы созданием крупного славянского государства Великой Болгарии, Сан-Стефанским мирным договором (1878), встретили энергичное сопротивление других влиятельных европейских сил. Хотя проект Великой Болгарии охватывал значительную часть территории, населенной, с одной стороны, сербами, а с другой стороны, — греками. Турки, поддерживаемые английской дипломатией, делали ставку на албанцев, считая, что они будут лучшим средством для сдерживания славянской и вообще христианской «угрозы». С тех пор по сей

¹ Славко Димевски. «Призренска лига» според извештаите на странските конзули. Гласник Института за национална историја, 3. Скопје, 1975. С. 107.

день албанцы представляются западноевропейской общественности как шит мнимому прорыву панславизма в Юго-Восточной Европе и как мнимый фактор «подлинной» европеизации этого региона. По сути, проект «Великой Албании» как часть балканской политики великих сил противопоставлен освободительным движениям большинства балканских христиан, которые действительно (с некоторыми отклонениями) выступали под знаком модернизации Юго-Восточной Европы, основываясь на либеральных и демократических европейских традициях.

Один мегаломанский и антиславянский проект в руках Турции и остальных сил противопоставлен другому, также мегаломанскому проекту России. Это тоже доказывало, что и Россия подвержена геополитическим проектам, переместив акцент своей балканской политики на Болгарию.

Великоалбанская политическая концепция в своей исходной, первоначальной программе носила на себе, как мы могли видеть, знак панисламизма и радикального политического ислама. Албанская политическая элита пыталась время от времени, когда ей было необходимо обеспечение поддержки какой-либо из западных сил, в глазах европейского мира скрыть очевидный исламский исток столпов этой идеологии. В Старой Сербии, в первую очередь в Косово и Метохии, а также в областях сегодняшней западной Македонии преобладал воинствующий вид ислама, который с собой принесло горное албанское население Северной Албании в их прорыве в эти благоприятные и плодородные края. Парадоксальным образом, историческую стихию, сопровождаемую многовековым мусульманским насилием над соседними христианами, желают представить как мнимое угнетение албанцев соседними христианами.

Глава V

СЕРБСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СТАРОЙ СЕРБИИ

После сербско-турецких войн (1876—1878) и Берлинского конгресса казалось, что у Сербии нет иного будущего, кроме как стать практически полуколониальным маленьким государством в тени мощного соседа — Австро-Венгрии. В общественной мысли страны чувствовалось «общее разочарование» и уязвимость, а светлые национальные надежды заменила суровая реальность и неизвестное будущее. Позже, однако, стало понятно, что восьмидесятые и девяностые годы XIX века были годами сосредоточения и общего национального возрождения. В те годы стало понятно, что экономически, культурно и политически окрепшая и преобразованная Сербия может стать привлекательной силой и собрать вокруг себя весь сербский народ на здоровых основах современной национальной жизни.

Однако следует отметить, что насколько внутренняя политическая борьба и партийные склоки помогли демократизации политической жизни в стране, настолько же они эту партийную озабоченность внесли и во все формы общественной и государственной жизни, и в сферу внешней политики, которая также долгое время не могла освободиться от партийного пристрастия. Таким образом, большая часть национальной энергии вместо того, чтобы быть направленной на политическую и культурную работу в сербских землях, тратилась на партийную агитацию, партийную борьбу и сведение счетов с политическими противниками. Особенно радикалы, наряду с демократическими идеями и проектами, внесли достаточно демагогии в политическую и общественную жизнь.

Главной внешнеполитической задачей было установление сносных отношений с соседней Австро-Венгрией, учитывая новую ситуацию на Балканах. Монархия в рамках своей балканской политики желала быть «господином» Сербии и «укрепиться» в ней. Сербия должна была принять на себя тяжелые обязательства, которые бы привели ее к полной экономической и политической зависимости от мощного соседа. Но и в этом вопросе существовали разногласия между ведущими сербскими государственными деятелями: в то время как, например, Йован Ристич такие обязательства принимал в силу политической необходимости, князь Милан Обренович, в соответствии со своим пониманием политического реализма, выстроил концепцию об Австро-Венгрии как о сербском союзнике.

Новую ситуацию в отношениях с Сербией лидеры венской политики старались укрепить и соответствующим секретным договором, о котором Хаймерле и Каллаи договорились с князем Миланом. Ещё когда Ристич находился у власти, во время переговоров с Австро-Венгрией, князь Милан считал, что не нужно «зря ломать копья» с великим соседом, имея в виду, что эта сила «в данный момент, единственная сможет нам помочь в осуществлении, по крайней мере, части наших народных стремлений. Мне это в Вене ясно дали знать», пишет князь Милан Ристичу «с оговоркой, что на Боснию и Герцеговину мы не смеем никогда целиться. А *propos* этих провинций должен вам сказать, что Хаймерле очень жаловался — нужно заметить — на митрополита»¹. Речь идет о митрополите Михаиле, которого в Вене считали главным проводником панславянской активности среди сербов. Сербские государственные деятели Чedomиль Миятович, Милан Пирочанац и Милутин Гарашанин во время переговоров с австрийцами ожидали, что Австро-Венгрия для нейтрализации русского влияния поможет Сербии заполучить Салоники и Албанию, но им сразу дали знать, что на это они не могут рассчитывать².

Секретный договор от 16 июня 1881 года, известный как Тайная конвенция, означал полное подчинение Сербии австро-венгерской политике на Балканах. Эта конвенция предавала ожидания сербского народа, а во 2-й статье возлагала на сербов обязательство, «не строить политические, религиозные или иные козни, исходящие с ее территории и направленные против Австро-Венгерской монархии, включая Боснию с Герцеговиной и Новопазарский санджак». Ещё хуже для самостоятельности Сербии было обязательство без предварительного соглашения с Австро-Венгрией «не вести переговоров, не подписывать политические договоры с каким-либо другим правительством», не пускать на свою территорию какие-либо иностранные войска «даже под именем добровольцев». Все эти обязательства были приняты ради австро-венгерской поддержки провозглашения Сербии королевством и поддержки ее экспансии «в направлении южных границ (за исключением Новопазарского санджака)»¹. Опасный дух этого договора, представляющего самую низкую точку в осуществлении сербской национальной идеи, изгнал сербскую мысль из большей части неосвобожденных сербских земель и подталкивал саму страну к жестоким столкновениям с соседними народами – болгарами, албанцами и греками. Австро-Венгрия обещала Сербии поддержку в направлении юга, но в то же время она подталкивала албанцев в Старую Сербию, а болгар – в Македонию. В такой ситуации Сербии не оставалось ничего другого, как направить всю свою политическую деятельность и всю просветительскую и церковную работу в Ста-

¹ АСАНУ, фонд Ј. Ристић, инв. 13/30, сигн. XIV/2, Кнез Милан Јовану Ристићу, Емс, 4. јула 1879. године.

² Пргур Јакшић. Тајна конвенција (1881—1889). Из новије српске историје. Београд, 1953. С. 75—77.

³ Там же. С. 79–80.

рую Сербию и Македонию. Это было, по сути, возвращение к старому центру сербской народной жизни.

Области, где сербский народ жил в непосредственном контакте с арбанасами, болгарами, македонскими славянами, арумынами, греками и прочими, находились известное время на втором плане сербской политической и культурно-просветительской деятельности. В Сербии в течение XIX века даже ведущие государственные деятели не уделяли должного внимания знаниям об исконных землях сербского народа, так как слишком верили в силу старых государственных и народных традиций и в непосредственность национального сознания. В то же время сербский народ на юге был подвержен насильной денационализации и, таким образом, постепенно забывал о своей этнической и культурной принадлежности. Сербия, надо сказать, уже в тридцатые годы основывала школы и посылала учителей, предоставляла помощь церквям и монастырям, давала образование детям, проживавшим даже на территории сегодняшней Болгарии. Но этого было недостаточно. Иван Иванович дал подробный обзор сербской общественной и культурной жизни в Турции от XV до XX века¹.

Более оживленная деятельность, которую внесло наместничество, появилась не только с опозданием, но и проводилась без продуманной системы и более близкого знакомства с этнографической и культурной ситуацией в упомянутых областях. Только этим можно объяснить невероятные колебания в понимании термина «Старая Сербия» и вообще представлений об областях распространения сербского народа: начиная с того, что, например, в Белграде публикуют «Песни македонских болгар», что о Мораве пишут как о «Болгарской Мораве», и до более позднего понимания того, что Старая Сербия (как в 1877–1878 годах считал Йован Ристич) охватывает территории глубоко на юг, до самых Салоников, включая широкий пояс побережья рядом с ним².

Лишь после опыта, приобретенного во время событий семидесятых годов (учреждение Болгарского экзархата в 1870 году и прочее), сербские политики и литераторы начинают серьезнее интересоваться Старой Сербией и Македонией, начинают писать брошюры, исторические исследования, больше путешествовать по этим территориям, поддерживать связи с людьми из этих областей и оживлять сербские традиции в этих краях. Более активную работу по изучению этих земель начало либеральное правительство Йована Ристича, а затем эта работа была поставлена на более широкие и серьезные основы, в основном с середины восьмидесятых и в течение девяностых годов XIX века.

¹ Иван Иванович. Српске манастирске, сеоске и варошке школе у Турској. Култура српска у Старој Србији Македонији — од XV до XX века, Годишњица Николе Чупића. Књ. XXXII. С. 194–301; Књ. XXXIII. С. 305–400.

² Стефан Ј. Верковић. Народне песме македонских Бугара. Књига I: епске песме. Београд, 1860. С. 373; Јован Ристич. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878. Књ. II. Београд, 1896–1898. С. 112–113.

В Белграде в 1878 году, о чем мы уже упоминали, была опубликована книга под заголовком «*Старая Сербия*», которую написал Джордже Попович-Даничар. Представляя краткий обзор исторических событий, писатель открыто и без обычного для случаев, когда речь идет о болгарях, жеманства полемизирует с болгарской точкой зрения, приводя мнение русского историка Майкова о том, что сербско-болгарская граница, если обратиться к истории, проходит «от Видина через Софию до Серре». Писатель все-таки великодушно оставляет Софию болгарам, оправдывая это тем, что требует «только то, что, несомненно, наше»¹. Книга, очевидно, написана как ответ на сан-стефанские претензии болгар и с намерением представить отечественной и зарубежной общественности сербскую точку зрения. В том же году Милойко Веселинович написал пропагандистскую брошюру «*Серб и Македония*», не имеющую научной ценности, достаточно запутанную и практически непригодную для какой-либо серьезной работы. Здесь мы ее упоминаем, чтобы проиллюстрировать настроения, господствовавшие в Сербии после Восточного кризиса, в сущности — полную растерянность в новой ситуации. Брошюра полна произвольностей и домыслов, а такой подход лучше всего иллюстрирует утверждение о том, что часть сербов в Македонии испытала «славу и величие за четыре века до Христа со своими королями Александром Великим, Филиппом и другими еще в античную эпоху»².

Параллельно с публицистикой и пропагандой возникает ряд предложений об улучшении сербской культурно-просветительской и церковной работы в Турции. Митрополит белградский Михаил лишь в середине 1878 года обращается к патриарху Константинопольскому с просьбой поставить на место епископов сербов в Призрене, Скопье, Велесе, Серре, Кичеве и Шкодере, чтобы в границах Турции в новой ситуации сохранить единство православия³.

Чуть позже, осенью 1878 года, Деспот Баджович подал предложение об учреждении *Старосербского комитета*, который бы способствовал распространению сербского просвещения в Старой Сербии и Македонии. Он считал, что это удобный момент, так как болгары получили границы своего государства и турецкая власть будет следить за работой болгарских учителей, а не только сербских, и что больше нет болгарских епископов, которые являлись столпами болгарской пропаганды⁴. В Белграде в это же время «на наречии сербско-македонском» был отпечатан календарь «*Вардар*».

Главный соратник Ристича в этих делах Матия Бан подал в 1879 году предложение об учреждении в Белграде Главного комитета, состоящего

¹ Стара Србија, 39.

² Милојко Веселиновић. Србин и Македонија — историјска студија. Београд, 1880. С. 32.

³ Климент Цамбазовски. Културно-општествените врски на Македонците со Србија во текот на XIX век. Скопје, 1960. С. 142.

⁴ АСАНУ, фонд Ј. Ристић, инв. 12/614, сигн. XII/10. Деспот Бацовић Јовану Ристићу, Врање, 18. новембра 1879. године.

из восьми членов, который бы поддерживал связь с подкомитетами во всех городах Старой Сербии и Македонии — «до самой реки Струмы». Непосредственным организатором этой деятельности был уже упомянутый Деспот Баджович, родом из Крушева, где он работал сельским учителем с 1872 по 1876 год, а затем после сербско-турецких войн находился на месте писаря Пчинского уезда. С согласия Матии Бана в конце 1879 года он написал *«Букварь для сербско-македонской начальной школы»* на «сербско-македонском» диалекте, так как считал, что для культурно-просветительской работы в Македонии книги нужно писать на местном диалекте. Старо-сербский или сербско-македонский говор, как пишет Баджович, показывает, что сербский народ проживает на территории до реки Струмы и городка Костура¹. Кажется, однако, что идея с букварем тогда не была осуществлена, но она осуществится в конце восьмидесятых годов, когда Стоян Новакович прибудет в качестве посланника в Константинополь².

Первые годы после Восточного кризиса были весьма тяжелыми для сербов в Турции. Воцарилась атмосфера всеобщей неуверенности и большой подозрительности к сербскому имени и любой сербской деятельности, сербские школы были закрыты, а школьные книги с большим трудом переправлялись через границу, так как турки, как это написано в одном письме, пытались обнаружить книги и письма, обыскивали людей «до кожи, и даже выючные седла резали». Сербия тайно и весьма осторожно поддерживала деятельность христиан в Турции (восстание в Порече и Кичево /Брсјачка буна/), но после вмешательства правительства эта помощь в конце 1881 года прекратилась³.

В середине 1880 года сербское правительство было обеспокоено отчетами своего посланника в Константинополе Еврема Груича о том, что европейская комиссия по реформам подготовит разделение Косовского вилайета таким образом, что одна его часть будет принадлежать «Великой Албании», а вторая «Великой Македонии». Возникли опасения, что это разделение может угрожать сербскому населению в Старой Сербии. В Сербии посчитали, что нужно сделать все возможное, чтобы Косовский вилайет «остался самостоятельной цельной провинцией». Косовский вилайет охватывал Приштинский, Новопазарский и Скопский санджак, а Призренский санджак был присоединен к Битольскому вилайету. Еврем Груич убеждал Хитрово, российского представителя в европейской комиссии, что «Косовская провинция» должна охватывать «всё, вплоть до Битоля, или, по крайней мере, до Прилепа», а Хитрово считал, что нужно

¹ АСАНУ, ЈР, инв. 12/561, сигн. XII/3, Д. Бацовић Ј. Ристићу, Врање 1. септембар 1879. године.

² Славенко Терзић. Србија и Грчка (1856–1903). Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 221–222.

³ Јован Хаџи-Васиљевић. Покрет Срба и Бугара у Турској после српско-турских ратова 1876. и 1878. године и његове последице. Београд, 1908. С. 7–15.

вернуть Призренский санджак, сомневаясь, что Косовский вилайет может простираться до самого Прилепа¹.

Правительство Сербии, сформированное Прогрессивной партией (Напредњачка) после известного затишья в этих делах, стремилось разработать целостную программу политических и культурно-просветительских мероприятий в Старой Сербии и Македонии, но это осуществлялось с трудом — и в силу объективных затруднений в Турции и из-за собственной растерянности. Министр иностранных дел Чedomиль Миятович поручил посланнику в Константинополе в начале 1881 года требовать от Константинопольской патриархии, чтобы «по крайней мере, в Скопье, а может быть и в Призрене» назначать сербов на место епископа. Миятович считал, что назначение сербов на место епископа в Призрене, Скопье, Битоле, Приштине, Нови Пазаре и других местах было бы основой для успешной сербской деятельности — особенно по подавлению болгарской пропаганды, «несущей для нас особую опасность». Патриарх Иоаким III ответил, что будущее «в Божьих руках», что «мы» с сербами «всегда в дружбе» и что у нас общие нужды, но «сейчас мы не можем менять митрополитов в этих епархиях». Патриарх был готов определить несколько викариев к существующим греческим митрополитам².

Весной 1883 года сербское правительство предприняло шаги для разработки «одного общего, но понятного и краткого плана работы», на основании которого в будущем можно было бы действовать организованно и систематически. Нужно было сформировать комитет из двух-трех лиц в Белграде, который бы напрямую подчинялся Министерству иностранных дел и который бы свою работу направил «на территорию Старой Сербии между Нови Пазаром, Битолью и Салониками и с другой стороны нашей восточной границы с Болгарией»³. С целью сохранения преемственности в работе правительство потребовало отчеты по этой проблеме от всех, кто ранее был включен в эту работу, в том числе от Милоша С. Милоевича, архимандрита Ничифора Дучича, архимандрита Саввы Дечанца, Джорджа С. Камперелича, профессора Призренской семинарии других личностей, с просьбой, чтобы они давали предложения для работы в будущем.

Милош С. Милоевич подал министру просвещения и церковных дел Стояну Новаковичу отчет о предыдущей работе и девять предложений на будущее: основать сербские книжные лавки в Турции, обновить общество «Сербское коло», открыть средние школы и семинарии, обновить второе отделение Белградской семинарии (в котором обучались ученики в основном из Старой Сербии и Македонии), открыть в Константинополе типографию и издавать сербские газеты и прочее⁴.

¹ Грађа за историју македонског народа из Архива Србије. Том IV. Књ. I (1879–1885), приредно др. Климент Цамбазовски. Београд, 1985. С. 89–90, 98–99, 101.

² Там же. С. 121–125.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 182–201.

Архимандрит Ничифор Дучич представил план под названием «*Как укрепить и сохранить сербскую народность и добиться политического единства сербского народа в Старой Сербии и славян в Македонии с Сербией*» (1883), в котором освобождение и объединение сербского народа он видел «на территории в прежних границах Душанова царства», но он не забыл и работу «в соответствии с улаженной политической ситуацией» в Боснии, Герцеговине и Далмации. Дучич, кроме прочего, предлагал открытие школ в упомянутых землях, обучение большего числа учеников из этих областей в разных школах Сербии, открытие консульского отдела в Призрене, Скопье и Салониках и поставление сербов на место епископов в Старой Сербии и Македонии. В этих делах Дучич рекомендовал взвешенную и «осмотрительную» работу без ненужных вызовов турецким властям.

По мере усиления болгарской и греческой деятельности в Македонии, политические деятели и в Сербии обратились к поискам подходящего способа расширения сербского влияния. В этом деле были задействованы и сербские посольства за рубежом, в Европе, но кроме редких исключений в очень скромных размерах. Так, например, посол в Лондоне Чедомиль Миятович, реагируя на публикации в английских изданиях о Македонии как о болгарской земле, опубликовал статью «*Сербский взгляд на македонский вопрос*» под псевдонимом Дж. Б. (Джурадж Бранкович). Основной идеей его статьи была необходимость сотрудничества сербов, болгар, греков и румын. Важным шагом к укреплению сербской национальной работы в Турции было получение через управителя Призренской семинарии Петра Костица разрешения на свободное распространение книг на территории Османского царства, при условии, что их предварительно одобрит к печати турецкая государственная цензура. Правительство также подумывало и об издании книг в Константинополе вместо Белграда, или о хранении книг в Константинополе, которые бы оттуда, через книжные лавки в Скопье и Салониках, открытие которых ожидалось вскоре, распространялись в Македонии и Старой Сербии¹.

В начале 1885 года посол Сербии в Константинополе Еврем Груич попытался достичь соглашения с Константинопольской патриархией о том, чтобы в сербских епархиях в Турции на место епископов определялись сербы. Упразднение в 1766 году греками Печской патриархии представляло большую потерю для культурного развития сербов и их церковного единства, так как именно Патриархия в Пече была законной основой для лучшей культурно-просветительской работы. И сербская дипломатия, и Патриархия были заинтересованы в отсрочке выдачи бератов (разрешительных декретов) болгарским епископам. Экзарх поначалу требовал бераты по Шкодеру и Скопью, а затем и для Дебара и Битоли. Поговаривали, что он потребует берат и для Призрена. Сербские аргументы перед Патриархией были такие: «Будет намного целесо-

¹ Грађа за историју македонског народа из Архива Србије. Том IV. С. 274–277, 278–280, 297–298, 311–313.

образнее и надежнее, если епископами будут назначены сербы, и в этом случае у славянских жителей отпала бы необходимость в других — болгарских епископах; если бы, всё-таки, пришли болгарские епископы, их бы только сербские епископы могли вытеснить из сербских мест»¹. Груич в то же время пытался вернуть доверие Порты к сербским намерениям и преодолеть сложное наследие недавних сербско-турецких войн. Через посредника сербский посол предложил конфиденциальное соглашение между Константинопольской патриархией и сербским правительством. С другой стороны, болгарский экзарх Иосиф, совершив визит к Груичу в начале апреля 1885 года в связи с митингами в Сербии, предложил, чтобы сербы и болгары составили соглашение о том, чтобы «территории к северу от Шар-горы считались сербскими, а к югу — болгарскими». Ответ Груича экзарху Иосифу можно свести к следующему: нужно принять идею сербской образованной молодежи о том, чтобы этнографический вопрос, где проживают сербы, а где болгары, «был решен в соответствии с данными науки о языках, сербском и болгарском, используемых в Македонии». Хотя, по его собственным словам, он не занимается этим вопросом, Груич сказал, что «ни в школе, ни дома, ни в народе никогда иначе не слышал, но только то, что сербские и Старая Сербия, и Скопье, а значит, и территории южнее от Шар-горы»². В письме к Гарашанину Груич отмечал, что присутствие владыки в Скопье очень важно для будущего местных сербов. Вообще в упомянутом предложении *Проекта секретного соглашения* кроме Скопья, говорилось и о епископах в Призрене, Дебре, Велесе, Шкодере и Битоле. Подразумевалась «денежная помощь Патриархии». Груич предполагал, что, если будут определены епископы, Патриарху в год будут передавать «2000 динаров или 100 наполеонов, или свыше 9000 грошей» и что будет выплачена вся разница за прошлые годы — от провозглашения автокефальной церкви в Сербии³. Необходимо, пишет Груич, отправлять людей из Старой Сербии в константинопольские греческие школы и предоставлять им финансовую помощь от имени фонда Игумена.

Председатель правительства Милутин Гарашанин (в середине 1885 года) подал королю Милану программу работы в Старой Сербии и Македонии, в которой подчеркивал, что «до сих пор не было у нас ни систематического плана, ни организованной работы по поддержанию и распространению сербской идеи вне границ сегодняшней Сербии». Поэтому правительство посчитало необходимым принять план по «сохранению и продвижению сербских государственных, церковных и народных интересов в Турции»⁴.

¹ Државни архив Македоније—Скопје, Фонд Министерство иностраних дела Кнежевине Србије, збирка Јована Јовановића Пижона, к. 1, 1885, арх. јед. 1, 1.30, Јеврем Груић председник у Министарског савета Милутину Гарашанину. Цариград, 10. априла 1885.

² Там же.

³ Там же, арх. јед. 3, 1.18, Груић Гарашанину, Бујукдере, 5. јун 1885.

⁴ Михаило Војводић. Стојан Новаковић у служби националних и државних интереса. Београд, 2012. С. 28–29.

Гарашанин подчеркнул необходимость возрождения всего того, что «из-за прежнего бездействия Сербии замерло», потому что иначе сербство попадет под влияние «одновременно болгарской, римской и греческой пропаганды и необузданного насилия арнаутов». В программе председателя сербского правительства главными были следующие пункты: подписание консульской конвенции с Турцией и открытие консульского отдела, которые будут главной опорой политической деятельности в Турции; переговоры с Константинопольской патриархией с целью назначения сербов на место епископов в епархиях, где сербы составляют большинство населения, в первое время в Призрене и Скопье, а затем и с целью добиться старейшинства в Хиландаре, так как победа в этом вопросе означала бы «победу сербскую над русскими и болгарями на Афоне»; типографии и распространение сербских школьных книг через призренскую семинарию с разрешения турецкой цензуры и открытие в будущем книжных лавок в Скопье, Призрене, Салониках и на Хиландаре (предусмотрено и открытие типографии на Хиландаре для печатания школьных и других книг)¹.

Кроме этих основных вопросов, Гарашанин уведомил короля Милана о том, что в конце 1884 года в Белграде был отпечатан календарь Вардар и что в Константинополь выезжает Дмитрий Алексеевич, директор гимназии в Пироте — сам он родом из Македонии, — чтобы в качестве редактора работать над публикацией издания, представляющего сербские интересы в Македонии. Председатель правительства также уведомил короля о связях, которые установлены с отдельными влиятельными людьми в Турции, а особенно о соглашении, достигнутом с арнаутами. При этом он отмечает «капитальную важность» предотвращения черногорского расширения на восток и юго-восток, в этом, пишет Гарашанин, «могут пособить Сербии и арнауты, и недовольные элементы в самой Черногории»².

В августе 1885 года Стоян Новакович в рамках общего плана правительства Гарашанина разработал программную концепцию константинопольского издания, которое должен был редактировать Дмитрий Алексеевич, и дал ему название «*Вардар*, лист за народне и просветне интересе Македонских Срба»³.

СТОЯН НОВАКОВИЧ И СЕРБСКИЙ ВОПРОС В СТАРОЙ СЕРБИИ И МАКЕДОНИИ

В 1886 году начинается крупный поворот в концепции сербской церковно-просветительской и культурной работы в Османской империи. Этот поворот произошел с приходом выдающегося ученого Стояна Новаковича (1842–1915) на место посла Сербии в Константинополе (1886–

¹ Михаило Војводић. Стојан Новаковић у служби националних и државних интереса. С. 326–327.

² Там же. С. 322–329.

³ «Вардар, народная газета для просвещения македонских сербов».

1891), старом центре не только балканской, но и европейской политики. Основные направления сербской политической, церковно-просветительской и культурной работы в Турции, которые определил Стоян Новакович в период его пребывания в турецкой столице, остались в силе вплоть до окончательного освобождения Старой Сербии и Македонии от турецкой власти.

В чрезвычайно сложных условиях, в которых оказалась после поражения в войне против Болгарии (1885) Сербия, после назначения Стояна Новаковича послом в Константинополе, всего за несколько лет достигла значительных результатов в осуществлении впервые ясно определенного плана политической и культурно-просветительской работы в Османской империи. Политический опыт и научные познания о прошлом балканских земель являлись основой успешной дипломатической работы Новаковича в Константинополе. Основываясь на Временной консульской конвенции с Турцией, были открыты сербские консульские отделы в Скопье и Салониках (1887), а два года спустя в Битоли и Приштине (1889); установлена железнодорожная связь с Турцией (1888) через Скопье в направлении Салоников, а подписание торговой конвенции с Турцией (1888) облегчило проток сербских товаров и передвижение сербских торговцев по территории Турции. Забота Сербии о южных частях сербского народа в Турции больше не была лишь патриотическим желанием без хорошо организованной работы, как это было десятилетиями до того, но стала основным направлением и сутью сербской внешней политики¹.

Основной линией политической активности в Турции была работа по исправлению нехватки сербских церковных организаций в Турции. Имея это в виду, понятно, что Стоян Новакович посвятил большое внимание Константинопольской патриархии и ее церковно-политической роли в Турции — как в своих многочисленных дипломатических отчетах, так и в историко-политических научных работах². В любом случае размышления о Патриархии были неотделимы от изучения греческой национальной идеи и греческой политики на Балканах, также как и болгарской. Они рассматриваются Новаковичем как единое историко-политическое целое. В Константинополе, этом центре балканской политики, Новакович работает как дипломат, обладающий широким спектром знаний и интересов. Он внимательно следил за работой сербских соседей и соперников — болгар и греков, получая информацию из первых рук. Отсюда, из Константинополя для Новаковича открывались новые перспективы погружения в историю сербского народа; он отсюда как-будто лучше видел заблуждения и ошибки сербской политики в прошлом³. Наряду с ди-

¹ С. Терзић. Србија и Грчка. С. 273—274; Михаило Војводић. Стојан Новаковић у служби националних и државних интереса. С. 28—38.

² Костадин /Стојан Новаковић/. Цариградска патријаршија и православље. Разматрања у прилог расправи црквено-просветног питања у Европској Турској. Београд, 1895.

³ Јован М. Јовановић. Новаковић у дипломатији, Споменица Стојана Новаковића. Београд, 1921. С. 165—182.

пломатической работой, Новакович в Константинополе строит серьезные научные планы и пишет значимые исторические и историко-политические научные труды.

Текущие политические и другие вопросы, которыми он занимался в Константинополе, Новакович изучал, широко привлекая различные материалы, прослеживал глубокий генезис каждой проблемы, включая смелые исторические рефлексии, и все это в контексте глубокого исторического анализа политического и культурного развития сербского и остальных народов на Балканах. Новакович считал, что Балканский полуостров «нельзя разделить, основываясь исключительно на данных истории или этнографии», так как «чистая этнография» никогда не была и не может быть взята за основу государства, так как должны учитываться и другие моменты, такие как естественные границы, форма государственных границ и связи с другими государствами. Поэтому, считал Новакович, границы между балканскими государствами (Сербией, Болгарией и Грецией) должны основываться больше «на принципах взаимного равновесия сил, чем на основании этнографии»¹.

Сербия с середины восьмидесятых годов стремилась создать правовую основу для своей политической и культурно-просветительской работы в Старой Сербии и Македонии². Так как было задумано, что большая часть деятельности может развиваться через общество Святого Саввы, основанного в 1886 году, и через Министерство просвещения и церковных дел, то при Министерстве в марте 1887 года был открыт специальный Отдел сербских школ и церквей вне границ Сербии. Однако благодаря чрезвычайной энергии и предприимчивости Стояна Новаковича, практически вся работа по геополитической пропаганде и национальной работе пала на посольство в Константинополе и консульский отдел в Турции. По этой причине упомянутый отдел в июне 1889 года был перемещен из Министерства просвещения в Министерство иностранных дел в качестве Просветительно-политического отдела (ППО).

Основная деятельность сербских консульских отделов в Турции развивалась в культурно-просветительском плане, причем в следующих направлениях: 1) открытие школ, привлечение учителей к работе в сербских национальных интересах; 2) учреждение церковно-школьных общин; 3) открытие сербских книжных лавок и распространение сербских книг, журналов и газет; 4) обучение македонцев, то есть македонских сербов, в Сербии (наряду с учениками из Старой Сербии) для работы в Македонии и вообще для работы по распространению сербской национальной идеи среди македонцев.

Тот факт, что у сербов не было своей самостоятельной церкви в Турции, значительно усложнял работу по церковно-школьным вопросам

¹ Стојан Новаковић. Балканска питања и мање историјско-политичке белешке о Балканском полуострву 1886—1905. Београд, 1906. С. 398—399.

² Михајло Војводић. Конзуларна конвенција између Србије и Турске (1879—1896). Вардарски зборник 3. Београд, 2004. С. 9—38

и по сравнению с болгарской и греческой активностью ставил сербов в весьма незавидное положение. Для сербской дипломатии существовало две дороги, по которым можно было идти при открытии сербских школ в Македонии: так как турецкие власти отказывались выдавать разрешения на работу сербских школ в Македонии, объясняя это тем, что там якобы нет сербов, единственным законным путем было открытие школ на основании привилегий и под защитой Константинопольской патриархии. Главным препятствием не только для сербской, но и для греческой политико-культурной деятельности была хорошо организованная болгарская пропаганда в Македонии. Болгария после восьмидесятых годов XIX века оказалась в центре внимания европейской политики. Во-первых, успешное объединение Княжества Болгарии с Восточной Румелией, а затем крупная победа в войне с Сербией — улучшили репутацию Болгарии в Европе и укрепили болгарские позиции на Балканском полуострове. Европейская публицистика и европейское общественное мнение все больше интересовались болгарскими — их историей, культурой и современными устремлениями.

Как мы уже ранее подчеркивали, Экзархат был главным инструментом болгарской политики в Турции, организатором и носителем «тихих, неслышимых, но очень плодотворных действий болгарских», как писал Стоян Новакович. С разрешения Порты в 1872 году были определены болгарские епископы в Скопье и Шкодере, которые в 1876 году были отозваны и вновь вернулись в 1891 году. Часть заслуг в большом успехе болгарской пропаганды имел и экзарх Иосиф, весьма способный и искусный человек. О встрече с экзархом Стоян Новакович записал следующее впечатление: «Я удивился, когда вместо оборванного монаха, которых я привык видеть, я встретил человека, учившегося в Париже с 1864 по 1870 год, закончившего там юридический институт. С того времени он сохранил знакомство со всеми молодыми сербами, обучавшимися там, в том числе и с господином М. Гарашаниным и М. Куянджичем, обоими братьями Богичевичами и т.д. Экзарх Иосиф (в миру Лазар Йовчев) по природе тихий, консервативный, со своеобразным мышлением, так что он и в этом смысле обеспечивает уверенность при осуществлении вышеупомянутых болгарских стремлений, а в то же время представляет устойчивую опасность для сербов»¹.

Новакович считал, что огромный успех болгарской политики заключается в том, что ей в свое время удалось основать болгарский церковно-просветительский центр в Турции, и что под защитой турецких законов она работает над осуществлением своей политической программы. Помогая учреждению Болгарского экзархата, писал он, сербская политика показала «весьма мало предвидения и предусмотрительности» и таким образом нанесла «самый большой ущерб распространению сербской мысли

¹ Архив Србије, Политичко одељење, пов. 109, Стојан Новаковић Драгутину Франасовићу. Цариград, 19. јануара 1887. године.

и сербской народности». «Нужно было еще тогда, — пишет Новакович, — отойти от русских установок и действовать в более тесных отношениях с греками»¹.

Новакович позже изменит свое мышление в связи с российской ролью и придет к выводу, что без российской поддержки в Константинополе сложно достичь успеха в церковно-просветительских вопросах сербов в Турции. Осторожно, но настойчиво он взращивал идею обновления Печской патриархии. В разговоре с Митром Бакичем, черногорским послом в Константинополе, в 1890 году он заявил, что два сербских государства должны вместе действовать в Турции: в первую очередь нужно настаивать на назначении серба на место митрополита Рашко-Призренского в Призрене, а также на восстановлении Сербской патриархии в Пече с целью сохранения и продвижения сербского народа в Старой Сербии и Македонии².

Насколько серьезно и систематично Новакович подходит к сербской работе в Турции, говорят и его частые предложения начать более широкое всестороннее изучение сербских областей на юге. В начале 1888 года он отправляет в Белград два экземпляра книги *«Македония с этнографической, исторической и филологической точки зрения»* (на французском языке), которую под псевдонимом Офейков написал секретарь Экзархата Шопов, иначе говоря, один из главных писателей текстов в европейских изданиях о болгарских этнографических правах в Македонии. Все иностранные посольства в Константинополе получили эту книгу. Новакович пишет министру, что один экземпляр книги отправил Светомиру Николаевичу и что нужно что-то предпринять, чтобы как можно быстрее получить ответ на эту книгу: «Ответ или схожую объективную книгу о наших этнографических правах нужно бы составить на французском. Тому, кто бы стал заниматься французским изданием, нужно, чтобы несколько человек дали материал и мысли, каждый из своей области, так как доказательства в нашу пользу должны быть собраны из разных областей, таких как язык, история, этнография, традиция, географическое положение областей в землях сербских»³.

После падения князя Александра Батенберга и прихода на место болгарского князя Фердинанда Кобургского (1887) Болгария потеряла энергичную поддержку России, но зато получила поддержку среднеевропейских держав и Англии. Имея в виду то, что эти силы имели большое влияние на политику Порты, особенно Германия, а болгарская политика сближения с Портой была весьма успешной (болгарский представитель в Константинополе Вулкович имел приятельские отношения с великим визирем Чамил-пашой) — у сербов и греков был сильный противник в Македонии.

¹ Архив Србије, Политичко одељење, пов. 109, Стојан Новаковић Драгутину Франасовићу. Цариград, 19. јануара 1887. године.

² Државни архив Црне Горе—Цетиње, Фонд Министарства иностраних дјела, бр. 1078, Митар Бакић министру Гавру Вуковићу. Цариград, 27. август 1890. године.

³ АС, ПО, пов. 69, С. Новаковић Д. Франасовићу. Цариград, 30. јануара 1888. године.

Основная мысль Новаковича при работе с греками с самого начала была такова, что сербское правительство желает согласовывать с Патриархией и греческим правительством действия по сдерживанию Экзархата в Македонии и Старой Сербии. Он убеждал греков в том, что, прежде всего, нужно устранить причины, приведшие к основанию Экзархата, а этого можно достичь лишь более терпимым отношением к славянам и славянскому языку в Церкви, причем в союзе с Сербией. Новакович также предлагал грекам действовать в Порте в направлении реинтеграции Вселенской Церкви.

После того как он подробно изучил проблему отношений с греками и приобрел драгоценный опыт в работе с ними, Стоян Новакович изложил правительству в Белграде три основных вопроса, по которым нужно было прийти к соглашению с греками: вопрос о сферах интересов в Македонии, вопрос о назначении сербов на место епископов южнее от Шар-горы и Качаника и вопрос о сербских церковно-школьных общинах в Македонии.

Насколько фундаментально Стоян Новакович изучал балканский вопрос, говорят и его многочисленные историко-политические научные сочинения. В работе *«Цариградска патријаршија и православље у европској Турској»* (*«Цареградская патриархия и православие в европейской части Турции»*, 1895), опубликованной под псевдонимом «Костадин», а затем, в том же году, отпечатанной в Париже на французском языке и в следующем году на русском языке в Петрограде, Новакович предоставил всесторонний исторический обзор политической и церковной роли Константинопольской патриархии. Признавая большое значение Церкви для политической, культурной и вообще духовной жизни христиан в Османской империи, Новакович обратил внимание на крупные последствия упразднения Печской патриархии (1766) и Охридской архиепископии (1767), отразившихся на судьбе славянских народов. Греки, таким образом, установили церковное единство в Османской империи, но действуя в духе «греческой исключительности» ничего не сделали для просвещения и культуры славянских народов на Балканах. В греческом народе, пишет Новакович, «были великолепные сыны, которые благородным духом и без себялюбия понимали стремления нового времени», но поведение греческих епископов привело к «общему недоверию к грекам»¹.

Централизация турецкой государственной администрации в середине XIX века соответствовала старым церковным правам Патриархии, но, вместо того чтобы работать во «вселенском» духе, Патриархия вскоре после учреждения греческого национального государства встала на службу греческой национальной идеи. В борьбе за обновление византийского царства греческие политики в Патриархии видели «блестящее оружие для эллинизации».

¹ Стојан Новаковић. Цариградска патријаршија и православље. Разматрања у прилог расправи црквено-просветног питања у Европској Турској. Балканска питања... С. 438.

Учреждение Болгарского экзархата показало, насколько ошибочна такая политика, но греки, считает Новакович, не извлекли из этого урока и в дальнейшем оставались неуступчивыми в вопросе о введении славянского языка в Церкви, об обучении сербов и других славян в греческих школах и их назначении на более высокие должности в церковной администрации. Патриархия — это не только Греческая Церковь, пишет Новакович, она должна в одинаковой мере заботиться обо всех верующих, несмотря на национальность, и «не являться разменной монетой в политических планах»¹.

Учитывая приобретенный опыт и познания, Новакович сделал вывод, что Королевство Греция является настоящим центром совокупной национальной жизни всех греков и что Патриаршие комитеты и общины на всей территории Османской империи совокупно работают на «великую идею». Такая организация греческой национальной жизни явилась результатом более успешного просвещения и более высокого уровня патриотизма греческого народа — и деятельности не только Патриархии, но и греческих торговцев от Смирны до Пловдива.

Изучая греческий и болгарский вопрос, Новакович неизбежно проводил параллели о сходствах и отличиях с сербскими народными стремлениями. Следя за отношением Греции как государства к греческому народу в Турции, Новакович писал и о проблеме отношений Сербии к сербскому народу в Турции. Главной проблемой сербского народа в Турции, по мнению Новаковича, было отсутствие самостоятельной церковной организации. Учреждением Автокефальной Церкви в автономном сербском княжестве под властью князя Милоша сербский церковный вопрос был «решен в ущерб остальным представителям сербского народа», так как вместо прежней Печской патриархии получена только Автокефальная Церковь Княжества Сербии, а огромная часть сербского народа оставлена на произвол и пренебрежение греческих епископов. «Эта принципиальная ошибка, — писал Новакович, — как и все принципиальные ошибки, имела для дальнейшей этнической сербской политики роковое значение, и никогда уже не могла быть исправлена». Новакович считал, что после 1830 года была возможность восстановить Печскую патриархию. То, что сербские политики после князя Милоша «совсем забыли», ловко использовали болгарские политики, и это для Новаковича была самая большая победа болгарской политики в XIX веке. «Если бы восстановили Печскую патриархию, — пишет Новакович, — никто бы не смог, даже с поддержкой России», после 1856 года и думать об основании Экзархата, а если бы он и был основан, в него бы вошли «только земли старой Тырновской патриархии».

В отличие от многих историков и других исследователей, писавших о политике Сербии в XIX веке как во времена Новаковича, так и после, сам Новакович весьма критически и реалистично наблюдал за отношением

¹ Стојан Новаковић. Цариградска патријаршија и православље. С. 450—455.

Сербии к сербам в Турции. По его словам, на территории «старого сербского культурного наследия» ничего не делалось в направлении просвещения и сербской духовной жизни, и поэтому южные и юго-восточные территории, населенные сербами, «выглядели» «покинутыми и всеми забытыми». А то, что делалось, делалось без настоящего плана и организации¹. Наша сила, пишет Новакович, «надеялась на политику, но пренебрегала этой тихой и скромной, но плодотворной работой в пользу будущего». В качестве объяснения такого отношения, Новакович привел несколько основных причин: работа по созданию внутренней общественной и культурной жизни; стремление к «лучшей жизни»; изменение направлений старых балканских дорожных коммуникаций; внутренняя борьба за власть и личные интересы и прочее. Все это, по словам Новаковича, вывело Сербию из «балканского круга», и этот «выход» он объясняет следующими словами: «Мы в этом никогда не признавались, мы об этом часто даже не знали, но это было именно так — мы вошли в сферу Парижа и Вены; а о балканских вопросах мы говорили с пафосом, но мы о них ничего не знали и в глубине своей души не чувствовали так, как это чувствовали наши предки»².

И спустя многие десятилетия после Новаковича сербской историографии не удалось реализовать основные ориентиры, намеченные в размышлениях Стояна Новаковича, также как не удалось дать убедительные ответы на вопросы, которые были поставлены. Так, например, по сей день остались неизученными многие весьма крупные и важные вопросы сербской истории XIX века, особенно истории сербского народа на его южных территориях, касающиеся отношений с соседними народами — болгарями, греками, албанцами и другими. Чтобы понять и объяснить судьбу сербских народных стремлений в тот период, нужно изучить все политические, общественные, экономические, культурные, религиозные, духовные, интеллектуальные и другие факторы, повлиявшие, с одной стороны, на объединение, а с другой стороны, на разделение сербского народа в XIX веке. Кроме внутренних факторов, таких как непримиримые партийные стычки, исключительно большую роль в формировании и осуществлении сербской национальной программы имели внешние факторы, в первую очередь политика Австро-Венгрии и России на Балканах.

СЕРБСКАЯ НАУКА И ПУБЛИЦИСТИКА О СТАРОЙ СЕРБИИ

Уже в конце восьмидесятых годов XIX века, с приходом радикалов к власти, а особенно в течение девяностых годов, со становлением и формированием более сильного слоя сербской интеллигенции, начал-

¹ Стојан Новаковић. Непозната нишка књига. Коло бр. 39, 1. мај 1890. С. 235.

² Стојан Новаковић. Балканско полуострво и етнографски спорови — српски, грчки и бугарски. Балканска питања. С. 390.

ся процесс критического пересмотра сербской национальной политики в течение XIX века, в первую очередь, политики наместничества после смерти князя Михаила. Хотя эта ревизия часто была похожа на сведение счетов с либералами и Йованом Ристичем, а также с политикой короля Милана, она, по сути, играла вполне плодотворную роль, так как в значительной мере внесла вклад в формирование новой, более глубокой и наступательной внешнеполитической стратегии страны¹. Самые большие заслуги в формировании новой современной концепции сербской национальной программы в течение девяностых годов XIX и в самом начале XX века, кроме Стояна Новаковича, принадлежат Владимиру Каричу, Миловану Миловановичу, Светиславу Симичу, Йовану Цвийичу и другим.

До начала девяностых годов в Сербии, в отличие, например, от греков и болгар, было опубликовано мало исследований и научных работ, посвященных сербскому и другим балканским вопросам, которые бы не только направляли сербскую общественность, но и, прежде всего, информировали бы зарубежную публику о сербах и их национальных стремлениях на Балканах. Похоже, что в Сербии недооценивали важную роль общественного мнения в формировании позиций по международным политическим вопросам, а тем самым и по вопросам, касающимся событий на Балканах. В середине восьмидесятых годов были изданы две научные работы, предназначенные, очевидно, для зарубежной публики. Сначала Матия Бан опубликовал исследование «*Solution de la question d'Orient par l'Europe ou par la Porte?*» («Решение восточного вопроса: европейское или османское?», 1885), а затем Стоян Бошкович публикует более объемную работу под заголовком «*La mission de peuple Serbedans la question d'Orient*» («Миссия сербского народа в решении восточного вопроса», 1886), в которой заостряет внимание на исторической роли сербского народа на Балканском полуострове — от Средневековья, со времен царя Душана, и вплоть до XIX столетия. Бошкович обращает особое внимание на судьбу Боснии и Герцеговины, после оккупации которой во имя «высших» европейских интересов нанесен большой ущерб интересам сербского народа.

Наряду с упомянутыми работами Стояна Новаковича о Македонии и других балканских вопросах, более серьезный характер имела и научная работа Стояна М. Протича «*О Македонији и Македонцима*» (1888), в которой на приблизительно ста страницах обсуждаются этнографические, лингвистические и исторические аспекты македонского вопроса. Суть научной работы Протича сводится к тому, что македонские славянские племена «и языком, и существованием своим настолько близки сербскому языку и сербской жизни, что от сербов их обоснованно нельзя отличить ни лингвистически, ни этнографически»². Известный деятель Владимир Карич, обращавшийся к национальному вопросу, добросовестный и

¹ Incognitus. Српска народna мисао и М. Пироћанац. Београд, 1895.

² Стојан М. Протић. О Македонији и Македонцима. Београд, 1928. С. 106.

всесторонний исследователь, публикует под псевдонимом «В. Црноевич» весьма интересные и ценные исторические путевые заметки *«Цариград, Света Гора, Солун»* (1889). Кроме подробного и живописного описания восточной жизни, нравов и обычаев населения, торговли и культуры, Карич очень профессионально и с глубоким знанием темы писал, например, о болгарской культурной и политической деятельности в Константинополе, о византинизме (отношении Церкви и государства в Византии в более поздний период) и схожих исторических корнях современных национальных стремлений, гармонично рассматривая современные процессы в историческом контексте. Между прочим, Карич пишет и о равнодушии сербского государства, особенно Церкви, к Хиландару, и в качестве одной из крупных проблем новейшей сербской истории отмечает проблему сербской церковной политики¹.

В начале девяностых годов открылась продолжительная и острая полемика между Милутином Гарашаниным и Миланом Пирочанцем, с одной стороны, и Йованом Ристичем, с другой, к которой подключились и другие. Главной темой полемики между Гарашаниным и Ристичем был вопрос: была ли национальная политика князя Михаила после его смерти забыта или лишь отложена на определенное время. В своих двух работах – *«Два намесништва»* (1892) и *«Једно намесниковање»* (1894) – Милутин Гарашанин выступал за возвращение к широкой национальной и балканской политике времен князя Михаила. Вообще говоря, девяностые годы проходили под знаком требований возвращения к политике князя Михаила.

С точки зрения общественной и исследовательской деятельности, Сербия всегда запаздывала по сравнению со своими соседями болгарами и греками, которые намного больше и чаще публиковали исследования и работы на иностранных языках.

И Милан Пирочанац в своей работе *«Међународни положај Србије»* (1892) отмечает, что со «смертью князя Михаила внешняя политика Сербии начала ослабевать во всех отношениях». Однако ни Гарашанин, ни Пирочанац не были полностью правы и судили пристрастно и без достаточных аргументов, подвергая критике прежде всего Ристича и либералов за измену «заветной мысли» князя Михаила. Что касается современных стремлений в конце столетия, Милан Пирочанац, как и Новакович, считал, что балканский вопрос нельзя решить, опираясь только на этнографический принцип, но он советовал сербам, грекам и болгарам «просто взять линейку в руки и без промедления одним движением определить общие сферы интересов, стремясь, чтобы политические и экономические условия для каждого народа при этом были одинаково представлены»². Пирочанац выступал за установление федерации на Балканах, считая, что федеральное сообщество стало исторически и географически необходимо, так

¹ В. Црнојевић (Владимир Карич). Цариград, Света Гора, Солун. Београд, 1889. С. 141–143.

² М.С. Пироћанац. Међународни положај Србије. Београд, 1893. С. 33.

как на Востоке невозможно организовать мощное государство, а федерация — адекватная форма «отображения географического целого». В качестве примера он приводит Швейцарию и США, подчеркивая, что таким образом Востоку удастся возродиться и открыться для достижений европейской цивилизации¹. Схожие идеи Пирочанац представил и в своей работе «*Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа*» (1895), выступая за обновление политики князя Михаила и создание союза балканских народов; эту идею он еще больше подчеркивает в научной работе «*Наша завршна реч*» (1896).

В течение девяностых годов XIX века и в сербской политической мысли, и в политической практике все больше доминирует идея о необходимости договора с болгарями и другими славянскими народами. Эта идея о возвращении к политике солидарности балканских славян возникла в основном под влиянием политики России, так как каждый раз, когда возрастало русское влияние в Сербии, укреплялась и политическая ориентация на сотрудничество с Болгарией и Черногорией. Эта политика не означала отклонение от политики балканского союза, но фундамент этого союза покоился на предварительном договоре между славянскими народами, в первую очередь между сербами и болгарями. В рамках такой политической и идейной ориентации греческая национальная и религиозная политика были предметом частой критики в сербской публицистической и научной мысли.

В своем небольшом, но значимом исследовании «*Србија и Балкански савез*» (1893) Владимир Карич выступает за союз балканских народов, а ядро этого союза он видит в политическом и культурном сближении сербов и болгар. Он представил краткий, но весьма критический анализ греческой политики на Балканах от времен Византии до его дней; он оспаривал тезис об «эллинском гении», полагая, что он «не погиб», но давно переехал из Греции на Запад. В большей части исследования Карич опирается на ранее представленные Новаковичем исследования греческой идеологии, хотя напоминает, что и на личном опыте «с греками хорошо познакомился». Карич сделал вывод, что греки и славяне «ненавидят друг друга» и что эта ненависть, «формируясь в течение веков, пустила глубокие корни». И поэтому невозможно, пишет он, «не то чтобы Сербия и Греция были в Балканском союзе, но чтобы они хотя бы образовали какое-то крепкое ядро, вокруг которого бы другие балканские народы могли собраться». Вероятность соглашения с Грецией, по словам Карича, была бы больше, если бы «ядро» балканского союза составила другая группа народов, а греки боялись бы остаться одинокими².

На создание новой концепции сербской внешней политики в конце XIX века, в значительной степени своими идейными и теоретическими

¹ М.С. Пирочанац. Међународни положај Србије. С. 40—48.

² Владимир Карич. Србија и Балкански савез. Београд, 1893. С. 41—405. О Каричу као конзулу видети: Михаило Војводић, Владимир Карич, српски конзул у Скопљу (1889—1892). Вардарски зборник 1. Београд, 1999. С. 3—24.

мировоззрениями, повлиял Милован Милованович, весьма образованный и одаренный интеллектуал. Наделенный исключительными способностями прочувствовать и представить главные идеи времени и основные черты личностей и их дел, Милованович критически рассматривал сербскую национальную мысль и внешнюю политику вплоть до девяностых годов XIX века. Он это делал в ряде своих работ: *«Источно питање»* (1894), *«Срби и Хвати»* (1895), *«Наши трговински уговори»* (1895), *«Срби и Бугари»* (1898) и *«Гроф Андраши и погодба између Угарске и Аустрије од године 1867»* (1898). Милованович главную поддержку сербским национальным устремлениям находит в политике России, а затем Франции, а в Австро-Венгрии, как и многие другие, видит главного противника сербских устремлений. Ключ к решению балканского вопроса, по его словам, находится в понимании между сербами и болгарами и в разграничении интересов этих двух стран в Македонии. В работе *«Наша спољна политика»* Милованович подчеркивает, что Австро-Венгрия со своей «венгерской внешней политикой» является главной противницей сербства и что свое влияние и власть на Балканах распространяет «всеми средствами и любыми способами». Он выступает за политическую солидарность балканских славян, считая, что будущее балканских народов зависит, прежде всего, от деятельности двух славянских государств — Сербии и Болгарии¹. Милованович подверг достаточно острой критике *«Дипломатске историје»* Ристича, ища в политике, проводимой Ристичем виновных за «безрассудное стремление» к войне 1876 года, из которой больше всего пользы извлекла Австро-Венгрия².

Значительную роль в информировании сербских политиков и общественности о ситуации в Турции и самом сербском народе на юге играли путевые записки, опубликованные в девяностых годах прошлого и в начале этого века, в основном, из-под пера сербских дипломатов в Турции. В качестве примера можно упомянуть путевые записки и исторические работы Бранислава Нушича: *«Крај обала Охридског језера»*, *«Белешке из 1892»* (1894), *«С Косова на Сиње Море»*, *«Пут кроз Арбанасе»* (1902), *«Косово, опис земље и народа»* (1902).

Под псевдонимом «Балканский» Михаило Ристич опубликовал исторические путевые заметки *«Кроз Гробље»* (1894), в которых представлен критический анализ сербской политики по отношению к Турции, с упоминанием близорукости сербских государственных деятелей в связи с болгарским церковным вопросом. Исследование стало результатом его путешествия по Старой Сербии и Македонии в 1892 году. В качестве секретаря Министерства иностранных дел он хотел ближе познакомиться с ситуацией в этих странах. Первой остановкой на его пути было Скопье, где находился Владимир Карич, в качестве генерального консула. Из Скопья он вместе с Каричем выехал в Приштину, Вучитрн, Янево и Митровицу. Ви-

¹ М.Т. Миловановић. *Наша спољашња политика* (из «Дела»). Београд, 1894. С. 10.

² Дело. Књ. 10 (1896). С. 296—305.

зит вызвал «грустные мысли», особенно когда он услышал слова, произнесенные во время одной из встреч: «Если так будет продолжаться, в Косово через 10 лет не будет ни одного серба»¹.

Ристич справедливо заметил, что греческое правительство и Патриархия, а также греческие консулы в Турции слаженно работают над «великой идеей». В связи с греческими претензиями Ристич подчеркивает, что Экзархат в значительной мере оттеснил греческую идею «так, что она «осела» намного южнее линии, которая когда-то была границей»². Критически пересматривая сербскую политику в Турции, Ристич считал, что политика с опорой на Патриархию «неестественна» и что она носит «на себе знак замешательства» и более того — что политика с опорой на Патриархию «посредством договора с Грецией», по сути, «пагубна». Он считал, что союз Сербии и Греции нанес бы ущерб и сербам и грекам. Разделение сферы интересов с Грецией принесло бы пользу только Болгарии, пишет он, так как в греческой сфере влияния осталась бы значительная часть славян, которые бы повернулись к Экзархату. Сербия должна быть готовой вести свою политику, без «дружбы и соглашений», ее деятельность должна развиваться «царскими джадами», а не объездными дорогами. Она должна освободиться от предрассудков и действовать в Турции и «без Патриархии и без Греции»³. Кроме этой работы Ристич опубликовал и работу «*Српски народ у скопској епархији и његове школе 1896/7*» (1898—1899). Между прочими работами замечена была и работа Ничифора Дучича «*Рашко-призренска митрополија и национална културна мисија Краљевине Србије у Старој Србији и Македонији*» (1896).

В начале 1897 года, в канун греко-турецкой войны, уже постаревший Йован Ристич передал письмо королю Александру Обреновичу, в котором предлагал потребовать учреждения сербского Экзархата в Турции. Предстоящий кризис, пишет он, может принести нам некоторую пользу только на поле культуры, так как мы не можем получить признание нашей народности без признания «самостоятельной церковной администрации». И хотя обновление Печской патриархии больше всего пришлось бы по душе «народному чувству», в существующей ситуации «мы должны отойти от исторической основы, то есть Печской патриархии, и сделать шаг к Экзархату». Он считал, что бывший король Милан мог бы быть подходящей личностью для этой миссии⁴.

Уже несколько раз упомянутый нами Владимир Карич не мог найти лучшего последователя своих мыслей, чем одаренный ученик, ставший позже известным ученым — Йован Цвийич. В своем значимом исследо-

¹ Михаило Војводић. Путовање Михаила Г. Ристића по Старој Србији и Македонији 1892. године. Вардарски зборник 2. Београд, 2003. С. 24.

² П. Балкански (Михаило Ристић), Кроз Гробље. Опажања и белешке приликом путовање кроз Српску земљу под Турском 1892. године. Београд, 1894. С. 49.

³ Там же. С. 55.

⁴ АСАНУ, Ф. Јован Ристић, инв. 25/206, сигн. XXV/7, Мемоар Јована Ристића предат 10. марта 1897. Његовом Величанству Краљу о кораку који је требало учинити пред заплет турско-грчки о оснивању српског екзархата у Турској.

вании «Антропогеографски проблеми Балканског полуострва» (1902). Энергичная научная мысль Цвийича открыла настоящее значение и более глубокий исторический смысл проблемы Старой Сербии и Македонии. Нерешительная дипломатия годами перебирала мелкие темы, не видя целое и даже основные признаки проблемы. Он обратил внимание на этнографические процессы в Македонии, подчеркивая, что эта территория принадлежит к вардарско-арумынскому культурному поясу. После Новаковича Цвийич был тем, кто больше всех доработал концепцию южных территорий, открывая и освещая с научной точки зрения старые фундаменты сербского народа. До этих двух великих людей в сербской науке эта тема терялась или в романтических фразах, или в несущественных подробностях. Цвийич подчеркивал то, что и Австро-Венгрия хорошо видела, а позже забыли сербские государственные деятели. Он отмечал, что Старая Сербия — это костяк сербской истории, а Новопазарский санджак — этнографический центр сербского народа¹.

Значительный вклад в понимание Старой Сербии и Македонии, наряду с Новаковичем и Цвийичем, внес и одаренный Светислав Симич рядом своих отличных научных работ: «Српске школе у Скопљанској епархији (подаци за годину 1895/6)» (1897), «*Les ecoles serbes dans le vilayet Kossovo*» (1897), «Питање о Старој Србији» (1901), «Србија, Бугарска и Арбанашко питање» (1902). В своих полемических сочинениях Симич обоснованно и аргументированно опроверг в течение многих лет представляемую европейской общественности ложь в оценках этнографической ситуации в Македонии: «Једно бугарско мишљење о македонском питању» (1901), «Македонија и Македонско питање» (1902), «Македонско питање и туркофилство» (1902). В научной работе «Скопљанско владичанско питање» (1902), опубликованной под псевдонимом «Павле Орлович», Симич представил исторический очерк этого чрезвычайно важного для сербской политики вопроса в Старой Сербии и Македонии. Он до тонкостей раскрыл греческую политику в связи с этим вопросом и все сложности установления любых, более близких отношений с греками. В связи с выбором Фирмилиана Дражича на место скопского митрополита, растянувшегося на пять лет, правительство Джорджа Симича, считал Светислав Симич, проводило политику компромисса — желая удовлетворить справедливые требования соотечественников в Скопской епархии, но в то же время желая избежать отмены «привилегий Великой Церкви». Он писал, что в скопском епископском вопросе и в Константинополе, и в Скопье ради «интересов эллинизма пожертвовали и истиной, и правилами канона, и предписаниями церковными»².

Сербские радикалы в девяностых годах с упорством выступали за договор с болгарями в связи с Македонией. В венском еженедельнике *Die Zeit* от 21 сентября (3 октября) 1896 года Милован Милованович опублико-

¹ Иван Косанчић. Новопазарски санджак и његов етнички проблем, са предговором др Јована Цвијича. Београд, 1912. С. 2–3.

² Павле Орловић (Светислав Симић). Скопљанско владичанско питање 1897–1902. Београд, 1902. С. 66.

вал статью «Die macedonische Frage» («Македонский вопрос»), в которой в первую очередь отметил неоспоримый, по его мнению, факт, что Македония — славянская страна и что турецкая власть, также как и греческая и любое иное неславянское влияние, сохраняются в ней лишь вследствие несогласия между двумя славянскими народами — сербами и болгарами. Милованович рекомендует сербам и болгарам прекратить борьбу вокруг Македонии и искренне прийти к соглашению. В этом соглашении, считал он, лежит единственно продолжительное и справедливое решение македонского вопроса. Однако болгары стремились всеми средствами, в первую очередь с помощью отрядов коммитов, вызвать вмешательство великих сил в Македонии и получить автономию Македонии, которая была бы переходным этапом на пути к присоединению ее к Болгарии. Отряды коммитов проводили суровый террор над соперничающими сторонами, уничтожая, между прочим, сербские памятники культуры — сербские книги, фрески в церквах, монастыри и все прочие следы сербской культурной традиции. С появлением отрядов коммитов, особенно в период после 1903 года, началась жестокая и кровавая борьба за Македонию.

Глава VI

СЕРБИЯ И АЛБАНЦЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Чтобы вникнуть в проблему Старой Сербии в XIX – XX веках, нужно, в первую очередь, рассмотреть вопрос отношений между сербами и албанцами (или арбанасами, как их обычно называли в более ранних научных работах). Конечно, отношения между двумя народами выходят за рамки территории Старой Сербии, так как проникновение и контакты присутствуют и в сербских населенных пунктах в северной и северо-восточной Албании, и на территории западной Македонии и Дебарской Малесии, а также в восточных и северо-восточных частях Черногории. Среди многочисленных примеров исламизации, а затем и албанизации сербов на территории Албании, многие авторы приводят пример Люмы. Католический монах Ловро Михачевич, перемещенный в конце XIX века из Крешева в Боснии на место коадьютора (помощника епископа) в Шкодерскую епархию, в 1907 году проехал через Албанию, Эпир, Македонию и часть Старой Сербии. Среди множества интересных подробностей он отмечает, например, что население Люмы (рядом с рекой Люмой) «до XVIII века говорило на сербско-болгарском; сегодня все они мусульмане, а говорят на языке арбанасов»¹. Более подробные исследования сербского и славянского населения и его наследия в Албании проводил на рубеже двух мировых войн русский славист Афанасий Матвеевич Селищев². Потоки сербских переселенцев из этих областей и Старой Сербии, прибывающие в Княжество Сербию в первой половине XIX века, а особенно позже, с 1875 по 1912 год, когда они бежали от насилия и террора, приносили свой опыт жизни с албанцами и свои знания о них. Представления, сформированные о них на уровне коллективного народного сознания, основывались, в первую очередь, на разного вида насилии над православными сербами на территории Старой Сербии, хотя были и положительные впечатления. Игумен монастыря Дечаны Серафим Ристич в своей книге «Дечански споменици» упоминает, между прочим, и отношение «арнаутского вождя» Рамосича к монастырю Дечаны и его игумену Хаджи Данилу во время Первого сербского восстания. Игумен, дабы спастись от возможного разорения, заложил не-

¹ Fra Lovro Mihačević. Po Albaniji – dojmovi is puta, Izd. Matica hrvatska, Zagreb, 1911. С. 64.

² А.М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931. Вопросами славяно-албанского этнического разграничения занимался и Йордан Иванов в работе, опубликованной в журнале «Македонски преглед». Т. 1 (1925). Кн. 4. С. 36–49.

которые драгоценности. Рамосич был готов дать игумену деньги и без залога, но всё-таки взял один драгоценный крест, а игумену, когда тот, выезжая собирать пожертвования и завещая хранить братию монастыря от бедствий, от имени всех албанских вождей сказал: «Сохраним, и пока голова наша на плечах, ничего не случится ни с одним твоим монахом»¹. В тот же год, когда он опубликовал *«Дечанске споменице»*, в которых приведены эти примеры, Ристич выпустил и упомянутую брошюру *«Плач Старе Србије»*.

В сербских газетах и журналах XIX века не так много текстов об албанцах и Албании. Интерес к этому народу возрос в середине XIX века, причем в рамках политическо-революционной работы Ильи Гарашанина по подготовке к общему восстанию балканских христиан против турок. Наиболее полный обзор сербско-албанских отношений дает Джоко Слипчевич в работе *«Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртима на новије време»* (первое издание вышло в 1974 году, а второе, дополненное — в 1983 году). Известно, что князь Милош Обренович поддерживал хорошие отношения со шкодерским визирем Мустафа-пашой Бушатлией, но и с некоторыми другими албанскими лидерами. Он внимательно следил за событиями в Старой Сербии и Албании. Князь осторожно поддерживал отступничество Бушатлии от центральной власти. По свидетельствам Боа ле Конта 1834 года, князь Милош не оспаривал право на политическую самостоятельность албанцев, сказав, между прочим, следующее: «Пусть сербам, грекам, арбанасам и болгарам дадут самим управлять на своих землях, и пусть, если уж это необходимо, в Константинополе сделают большой торговый город, под гарантию всех сил, которых никто не будет чуждаться и которые будут творить добро во всем мире. Зачем одному народу покорять другой?»²

Илья Гарашанин в своих планах политического освобождения сербов и других балканских народов имел в виду и участие албанцев. В *«Начертанији»* (1844) он упоминает «Северную Албанию» и торговый путь, который бы дал Сербии возможность через Скадар выйти к морю в Ульцине («Дульцин»). Он упоминает и учреждение «сербского торгового агентства», которое бы внесло вклад в экономическое развитие и промышленную эмансипацию Сербии. Гарашанин рассчитывал, прежде всего, на деятельность миридитов как христиан и именно с ними он находился на связи. Судя по всему, уже в 1846 году был установлен контакт с Красником, который в 1849 году находился в Белграде и уведомил Гарашанина о ситуа-

¹ Дечански споменици. Собрал и опубликовал архимандрит дечанский Серафим Ристич. Белград, 1864. С. 50–52. Серафим Ристич записал интересный рассказ о судьбе креста, который в качестве залога взял Рамосич. Когда игумен Данило вернулся с дороги, Рамосич привел его в свой дом и показал, «как он хорошо устроил святой крест и разжег над ним кадило». Когда игумен хотел вернуть ему деньги и взять крест назад, Рамосич сказал: «Не забирай, брат мой, креста, оставь его у меня еще на год, буду беречь его и кадило над ним будет гореть; с тех пор как взял я у тебя этот крест, большая удача у меня в доме: жена родила мне два сына и во всем дела идут лучше». Игумен забрал крест лишь два года спустя.

² Цит. по: Ђоко Слипчевич. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време, друго допуњено издање. Химелстир, 1983. С. 166.

ции в северной Албании, особенно в рядах миридитов¹. Краснику удалось войти в доверие к Биб Доду, племенному лидеру миридитов, пообещав, что миридиты под сербской властью будут иметь свою автономию и свободу вероисповедания. В контактах с албанцами, которые в основном шли через Шкодер, участвовали и Стефан Веркович и Йован Илич.

Первый журнал в Княжестве «Подунавка» в начале 1848 года опубликовал текст «Поглед на Албанију», написанный Александром Васоевичем. Представления об албанцах, Албании и о территории Старой Сербии черпались, в основном, из путевых записок Ами Буе, Анри Пуквиля, Йозефа Миллера, Йохана Георга Хана и других, преимущественно западноевропейских авторов. «Свободолюбивый и храбрый народ», как говорит писатель, живет в стране, разделенной на три края: нижнюю, среднюю и верхнюю Албанию. Васоевич описывает религиозную ситуацию в этих областях и их границы. Нижние и некоторые части средней Албании называются «Тоскария или Тоска». Верхняя Албания, или Малесия, начинается от «реки Мат и простирается далее на север до границы Брдске и Боснийской и делится на следующие племена: Мат, Дибри, Кори, Миридиты, Дукаджины, Шоша, Шаме, Скриела (Шкреля), Пилаты, Кастраты (из этого племени ведет свое начало семья Скендербега, поэтому его и зовут Кастриот), Хоты, Клименты, Краснич и еще два небольших племени, одно на приморье, которое называется Задры, а второе граничит с горным племенем и называется Кучима Груда»². Васович пишет, что некоторые албанские племена, такие как Краснич и Хоты, имеют общее происхождение с Васоевичами и Пиперами. Население Верхней Албании в большей своей части — католики, но в нескольких племенах есть и мусульмане («турки»), некоторые из них приняли ислам 30—50 лет назад и таким образом стали агами и бегами, а некоторые из них поселились в Шкодере, Леши и соседних городах. Отдельные их представители продолжают придерживаться двоеверия, и у них даже два имени, как например: Хаш Ника, то есть Хассан Никола, Хуссейн Мартин и прочее³.

Сотрудничество с албанцами с целью поднятия общего восстания балканских народов против турок было более оживленным во время второго правления князя Михаила. Идее балканского сотрудничества уже в середине века противится Австрия, стремясь усилить свое влияние среди албанцев и использовать их в своих интересах, что особенно было выражено в период 1878—1918 годов. В 1856 году при денежной поддержке из Вены началось строительство новой римско-католической церкви в Шкодере. Илья Гарашанин в 1860 году обратил внимание князя Михаила на важность политической работы в среде албанцев, с фисами и лидерами, и это будет сделать нелегко, «так как придется иметь дело с народом, не умеющим писать, не имеющим своего государства или политического цен-

¹ Драгослав Страњковић. Арбанија и Србија у XIX веку (сепарат из Српског књижевно гласника, бр. 8, НС, 16. Децембар 1937). С. 7.

² Александар Васоевић. Поглед на Албанију. Подунавка бр. 2, 9. јануар 1848. С. 6—8.

³ Там же. С. 7.

тра и очень недоверчивым»¹. Албанским вопросом в шестидесятые годы XIX века в рамках политики балканского союза занимались, прежде всего, Илья Гарашанин и Йован Ристич. На установлении связи с албанцами настаивала и русская дипломатия, особенно посол в Константинополе генерал Игнатьев, предлагая сербам обратить внимание на роль албанского фактора в будущем. Несколько раз в течение 1866–1876 годов он отмечал «важность албанского племени в событиях на Балканском полуострове»². Нужно, однако, отметить, что албанцы, и прежде всего албанцы-мусульмане, были тесно интегрированы в османское общество, весьма связаны с Портой, занимая важные и влиятельные должности в османской администрации. Это было особенно выражено в Старой Сербии.

Илья Гарашанин в 1864 году отправил в северную Албанию капитана Любомира Ивановича с заданием работать среди миридитов. Он работал вместе с Гаспаром Красником, а так как обстоятельства для работы были не очень благоприятные, в Белград был отправлен римско-католический священник Франц Маури, по происхождению словенец. Письменный отчет, поданный им по приезде в Белград в 1866 году, рисовал непростую перспективу сербской деятельности в северной Албании, но любой успех зависел от вложенных средств.

Доверенное лицо генерала Игнатьева, православный албанец Наум Сило, состоявший в близких отношениях с Йованом Ристичем, прибыл в 1866 году в Белград с предложением к Гарашанину об установлении связей с Джелал-пашой, проживавшим в Константинополе албанцем из области Мата в северной Албании. Джелал-паша просил у генерала Игнатьева денежной помощи, чтобы можно было организовать восстание в Албании и начать освободительное движение. Игнатьев связал его с сербами и Йованом Ристичем. Все утверждали, что деньги — это самое лучшее средство для заполучения албанцев. Это была политическая игра с неизвестным результатом, а сам Джелал-паша вел себя лицемерно. Вскоре его назначили на место командующего турецкими силами в Герцеговине с центром в Мостаре. Для своей деятельности в Албании он просил о займе в 1000 турецких лир. Вся деятельность побуждалась восстанием на Крите в 1866–1869 годах, которое могло вызвать более широкий кризис на Балканах. Йован Ристич пишет Гарашанину в апреле 1866 года: «Мы ошибаемся, что пренебрегаем племенем арнаутов, которое Порте по сей день не удалось одолеть. Такое воинственное, насчитывающее полтора миллиона душ племя заслуживает нашего внимания»³. Ристич отмечает самое начало формирования албанского национального движения, констатируя, что наряду со стихийными волнениями появляются и отдельные личности «с более высокими целями».

¹ Цит. по: Гргур Јакшић и Војислав Вучковић. Спољашња политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963. С. 137.

² И. Г. Сенкевич. Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970. С. 113.

³ Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса (1856–1878). Књ. I (1856–1866). Приредили Василије Крстић и Радош Љушић. Београд, 1983. С. 401–402.

В конце 1868 года Джелал-паша прибыл в Белград и, судя по всему, находился в Сербии до начала марта 1869 года. Принимающей стороной был Миливое Блазнавац, военный министр, в тот момент один из трёх наместников. Блазнавац и до того, наряду с Ристичем и Гарашаниным, проявлял интерес к ситуации в Албании, о чем оставил записки¹. Он пишет, что в начале января 1867 года отправил бывшего австро-венгерского старшего лейтенанта личанского полка Стевана Биничкого осмотреть Клек и Суторину, который затем должен был отправиться в Албанию и «осмотреть всю долину реки Берат», затем ему надлежало съездить в Битоль, осмотреть всю долину реки Вардар до Салоников, а затем отправиться в Константинополь и представиться послу (капучехаи) Йовану Ристичу. Осенью 1867 года Блазнавац отправил в Албанию известного Й. Баича, также бывшего австрийского офицера, которого принял в Министерство строительства на место практиканта. Его задачей было выехать в Албанию под именем Стояна Везенковича, «переодетым в арумунский костюм, и оттуда послать десяток лидеров арнаутов для заключения договора, а он, по специальному наставлению, должен был осмотреть Албанию, описать ее с военной точки зрения и вернуться в феврале». Блазнавац оставил записи обо всех албанцах, приходивших к нему в 1868 году, о достигнутых договорах, деньгах и подарках, которые он передавал им во время встреч: есть записи о старом Леке, его брате и сыне Преке из Подгорицы, приезжавших неоднократно в Белград, затем Куртали из Маты (который умер на третий день по прибытии в Белград и похоронен на турецком кладбище), Ахмете Четане из деревни Бодерьян из Маты, зир-Суфии из Мацуку, Мерколецкии из Селита и Асан-беге из Горне Дибры. Все они присягнули на общую борьбу.

Более подробные записи Блазнавац оставил о визитах Джелал-паши в конце 1868 — начале 1869 года. Паша по возвращении из Крагуевца на Рождество 1869 года приехал в деревню Блазнава в дом Миливое Блазнавца. Блазнавац записал, что он и Джелал-паша поклялись участвовать в войне против турок, «чтобы христиан и арнаутов освободить от османлийцев». Паша в марте 1869 года выехал в Цюрих, через Байзаш и Вену под именем Станко Иванов, вместе с молодым спутником, получившим имя Аврам. С сербской стороны его под настоящим именем сопровождал Джордже Димитриевич, родом из Сараево. Договорились и о конспиративной переписке. Джелал-паше в качестве оплаты была определена сумма в 120 дукатов, которая будет выплачиваться с начала марта. При выезде он получил за март и апрель всего 240 дукатов.

Эта работа с албанцами не принесла результатов. После смены Гарашанина и смерти князя Михаила, изменилась ситуация в Сербии, изменилась также и международная ситуация. Наместничество, однако, не совсем отказалось от связей и контактов с албанцами и мусульманами в Старой Сербии. В 1871 году Илья Маркович отправился в Старую Сербию, чтобы

¹ Архив Србије, ПО, к. 26, бр. 122. Преписи у Архиву САНУ (фонд бившег Архива Историјског института Поклони и откупи), Сигн. Ф. I, инв. 162/6.

Али-аге Ганичу в Рожае и Ибрагиму Заиму в Пече передать по 50 царских дукатов и по одному револьверу. Он получил задание узнать, предоставили ли бы они помощь, если бы сербская армия перешла в Старую Сербию, и на какое количество людей можно было бы рассчитывать, чтобы подготовить для них оружие и деньги. Он изложил точку зрения наместничества, согласно которой Ганич и Заим могли «командовать» своим войском и никто не стал бы им мешать. Али-ага Ганич обещал 3000, а Заим 2000 людей, с которыми они смогут встретить сербскую армию на границе¹.

Вплоть до Восточного кризиса (1875—1878), а именно до формирования Албанской лиги в Призрене в 1878 году в политических планах и политической деятельности Сербии просматриваются стремления склонить албанцев на свою сторону для образования общего фронта против турок. Этот кризис, а особенно Албанская лига, показали обратное: албанцы, вместо сотрудничества с соседями, преимущественно заигрывают с великими силами, участвуя в их политике инструментализации албанского вопроса для осуществления своих имперских интересов. В 1876 году в Белграде опубликована работа Йохана Георга Хана, австрийского консула в восточной Греции, под заголовком «*Reisedurch die Gebiete des Drin und Vardar*» («Путешествие по регионам Дрин и Вардар»). Переводчик этой работы с немецкого языка, капитан генералштаба Михаил Ник. Илич написал краткое, но интересное предисловие, в котором изложил ряд разумных суждений. Он исходил из того факта, что балканские народы очень плохо знают друг друга или не знают вовсе. «Племя арнаутов, — пишет Илич, — которое простирается от Арты до Косово, когда-то состояло в особых связях с нашей землей, и только непонимание общих интересов двух народов, нашего и албанского, помогло чужеземному и разбойничьему турецкому племени разделить нас и в какой-то мере сделать нас врагами»². Илич подчеркивает необходимость «взаимной и единогодушной работы» балканских народов. Албанцы заинтересованы с сербами «единогодушно и героически бороться против несправедливой магометанской власти». Австрийская пропаганда в среде миридитов и «магометанский фанатизм дибран, которых турки всегда ввязывали в свои дела — всего лишь опасные неверные дороги, на которые бездушные люди толкают целое племя арнаутов». У албанцев нет иного «отечества, но только это, нет иного естественного союза для своего будущего, кроме союза с народами Балканского полуострова, а прежде всего с нами, сербами». Такие идеи не находили понимания у албанцев. Свое будущее национальное государство, границы которого опирались бы на открытый экспансионизм по отношению к соседним народам, албанцы представляли как «крепость против славянского вторжения»³.

¹ АС, ПО, 1874, П75, бр. 377. Извештај Илије Марковића министру иностраних дела Милану Пироланцу о свом тринаестогодишњем раду у Босни, Херцеговини и Старој Србији. Ужице, 5/17. децембар 1874.

² Ј. Г. Хан. Путовање кроз поречину Дрина и Вардар. По препоруци краљевске Академије наука путовао је у эти крај у 1865 году. С немачког превел Михаил Ник. Илич. Београд, 1876. S. V—VI.

³ Ђ. Слијепчевић. Указ. соч. С. 205.

Период с 1878 по 1912 год отмечен в истории отношений между сербами и албанцами в Старой Сербии анархией, насилием, многочисленными бесчинствами по отношению к сербам, самыми разными видами дискриминации и, как кульминация, — массовым переселением сербов в Королевство Сербия. Об этом будет идти речь далее, в главе об этнических и демографических процессах и разрушении старосербского ареала. В канун Балканских войн существовало определенное сотрудничество между сербскими властями и косовско-метохийскими албанцами. В апреле 1912 года были установлены контакты с албанским лидером Исой Болетини, которому Сербия помогала оружием и деньгами в деятельности против режима младотурков. Сербия, с одной стороны, интересовало ослабление волны насилия и преступлений над сербами, насколько это возможно, а с другой стороны, ослабление влияния Австро-Венгрии среди албанцев¹. В конце апреля 1912 года с Исой Болетини в местечке Болетин встретился капитан пехоты первого класса Божин Симич. Эти связи развивались и позже, особенно во время албанского восстания летом 1912 года. В итоге оказалось, что албанские обращения к Сербии в 1912 году были сделаны в русле их борьбы против режима младотурков, они не привели к политическому сближению сербов и албанцев в Старой Сербии. Примером эффективного сотрудничества двух народов можно считать отношения Николы Пашича и почитаемого албанского лидера Эсад-паши Топтани, командующего обороной Шкодера. В соглашении из 15 пунктов от 17 сентября 1914 года предусмотрено создание совместных политических и военных институтов, затем военный союз, строительство железной дороги до Драча и поддержка выбора Эсад-паши албанским правителем². В Тиране 28 июня 1915 года министр внутренних дел Любомир Йованович подписал с Эсад-пашой договор о настоящем союзе между Сербией и Албанией, в котором, кроме перемещения границ в пользу Сербии, были предусмотрены совместные учреждения — армия, таможенный союз, народный банк и представительства в других странах³.

Королевство Сербия, кроме того что внимательно следило за жизнью сербов в Старой Сербии, следило и за политическими настроениями среди албанцев и мусульман. В конце XIX века, а точнее, в ноябре 1898 года, когда бывший король Милан Обренович находился на посту командующего армией, началось более внимательное изучение ситуации к югу и юго-западу от границ Королевства Сербии, особенное внимание уделялось выдающимся людям, имеющим влияние на народ своих областей. Военные власти, опираясь на сообщения с мест, составили *Список выдающихся лиц и старшин племен в Новопазарском санджаке и Печской нахии*, которые считались дружески расположенными к Сербии или Черногории. Рядом

¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига V, св. 1, 1/14. јануар–14/27. јули 1912. Приредио Михаило Војводић. Београд, 1984. С. 472–473, 514–515, 812–813.

² Душан Т. Батаковић. Српска влада и Есад-паша Топтани, Срби и Албанци у XX веку. Београд, 1991. С. 42.

³ Там же. С. 46.

с именами людей по городам и областям стояли графы, в которых было написано, *откуда они, из какого фис-племени*, и в конце, в графе «*примечания*», были даны краткие оценки личностей и их влияния. В Сеннице в качестве важных личностей были упомянуты Зейнил-ага Чесович («выдающийся турок, имеющий влияние на окружающих») и Хаджи Ахмет-ага Чатович. В Плевле — Махмут-ага Байрович (в документе по ошибке написано — Байирович). В Пече и соседних населенных пунктах упоминается 19 влиятельных личностей, из которых в самом Пече — 7, а остальные из близлежащих мест. Упомянуты Эмин-бег Махмудбегович, Зейнил-бег Махмудбегович, Шае Ханум вдова Мехмет Али-паши Гусиньца, Хаджи Зейнил Эфендия — Мула Зека, Мехмед Зайин, Суля Куртулич, Ибрахим Мехмед Реджич, Редж Хаджия, Хаджи-Челя, Кадри Байир, Рустем Адем, Хайдин Раца, Дем Алия, Байрам Алия, братья Джемаил и Весил, Рамо Лютен, Реджо Хусеинович, Иса Адемович и Люля Джоич Муслиович. Разные оценки были даны рядом с именами упомянутых личностей. Так, например, о Эмине-беге Махмудбеговиче из Печи говорится, что он из племени Васоевича, «дворянин арнаутский, но склоняется к Черногории». О Зейниле-беге Махмудбеговиче говорится, что он «изменчив в симпатиях, но всё-таки больше склонен к Черногории». О вдове Али-паши Гусиньского Шае Ханум записано, что она «настоящая «Амазонка», уважаемая в этой среде и имеет сильное влияние [...] и с друзьями симпатизирует Сербии». Об известном албанском лидере Муле Зеке из Печи написано, что он «изменчив, но имеет большое влияние на окружающих. Склонялся к Черногории, но сейчас заигрывает с Австрией». Из Нови Пазара упоминаются четыре личности: Юсуф Аса, Даут-бег Чорович Биорац, Шечер-ага и Муя-ага Ковраичи, из Нова Вароши Авди-ага и Амзи-ага Долмагич, из деревни Кратово вблизи Прибоя — Шачир-ага Кратовац, из Прибоя Хуссейн Зилдич, из Рожая — Мурат-ага Ганич, из Биело Поля — Осма-ага Кучевич и Алил-ага Кайович. Об албанском лидере из Митровицы — Али-аге Драге говорится, что он «изменчивого характера без постоянности. Был сербским приятелем, а сейчас самый большой австрофил. Они ему купили имения, и теперь он агитирует за них в нижнем Косово. Имеет большое влияние на окружающих. Арнауты ненавидят его за непостоянство». В качестве влиятельного лидера из Вучитрна упоминается Мехмет-ага Агушевич, из Гнилана — эфенди Бимбаша Хайрадин, уроженец Дебра, а из Печской патриархии — Жуя Руговац и Глигорие Шотич. Король Милан, основываясь на сообщениях консула Тодора Станковича, добавил в этот список еще несколько личностей, таких как Байрам Цур в Джаковице, майор жандармерии, муфтий эфенди Мустафа из Приштины, Сулейман-ага, паша из Приштины, Сулейман-ага из Вучитрна и эфенди Шериф из Призрена¹.

¹ Војни архив — Београд, Пописник 1, кут. 3, фасц. 5, док. 61/1—3.

Глава VII

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРБОВ В СТАРОЙ СЕРБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Общество в Старой Сербии в течение XIX века менялось весьма медленно. Конкретные перемены произошли лишь после освобождения в 1912 году, на рубеже двух мировых войн и после Второй мировой войны. Самые крупные трансформации в сфере экономики, транспорта, торговли, в развитии просвещения, культуры и духа, произошли во второй половине XX века. И всё-таки Старая Сербия, даже несмотря на кардинальные перемены в XX веке в составе Югославии, осталась самой традиционной частью сербского и югославского общества.

Девятнадцатый век несколько ускорил ритм истории на территории Старой Сербии. Все перемены на Балканах, не только политические, но и общественные и культурные, нашли свой отклик и на этой территории, несмотря на то, что старые формы народной жизни остались здесь консервированы и менялись очень медленно. Речь идет, прежде всего, о жизни на селе, но в значительной мере и в городской среде. Под давлением великих сил в 1839 и 1856 годах были осуществлены реформы – Танзимат, – призванные приравнять вероисповедания в Османской империи, ввести равноправие граждан, независимость от вероисповедания. Однако Порта до самого конца в своей основе осталась исламским теократическим государством. Танзимат и другие реформы или медленно, или практически совсем не проникали в отдаленные османские провинции, какой и являлась территория Старой Сербии, а особенно Старой Рашки, Косово и Метохии. С экономической и социальной точек зрения мусульмане, как известно, были абсолютно привилегированными, господствующими слоями населения. Всё-таки в конце XIX века многие сербские торговцы в таких городах, как Плевля, Приеполе, Нови Пазар, Печ, Призрен и Скопье, начинали постепенно обогащаться и становились носителями общественных и культурных перемен в городах Старой Сербии¹. Большинство сербских крестьян были зависимыми на земле аги или бега, и их положение

¹ Смолри: Ђорђе Микић. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века (од чифчијства до банкарства). Београд, 1988. С. 339.

ние было неустойчиво, так как ага в любой момент мог прогнать крестьянина с имения или выгнать его из дома, несмотря на Саферский указ, по которому ага мог прогнать крестьянина, только если в суде будет доказано, что он не обрабатывает землю как нужно. В период между 1908 и 1912 годами, после младотурецкой революции, изгнание чифтликов приобрело большие размеры, а защиты от турецкого произвола практически не существовало. Так, например, в 1910 году, по неполным данным, в Плевальском крае с имения было изгнано 82 семьи, в Сенницком крае — 19, а в Новопазарском — 13 семей. В такой обстановке и в существующей нищете не было условий для более развитой общественной и культурной жизни сербов, а особенно сербов в сельской среде. Многовековое турецкое владычество оставляло за собой пустошь, и чем больше слабело османское государство, нетерпимость и враждебность к сербской культурной деятельности крепились. О состоянии сербских церквей в 1899 году Стоян Новакович опубликовал имеющиеся у него в распоряжении данные: в Рашко-Призренской епархии было в том году 87 церквей, в которых проводились молебны и 294 разрушенных церквей; монастырей, в которых проводились церковные службы, было 14, а монастырей в развалинах — 40¹. Однако эти данные даже отдаленно не были полными, так как Стоян Новакович получил их от администрации Рашко-Призренской епархии, а там их составили на основании данных, предоставляемых священниками. Число разрушенных церквей и монастырей было намного больше упомянутого числа.

Культурная и духовная жизнь сербов в Старой Сербии развивалась под покровительством церковно-школьных общин, имеющих религиозную и школьную автономию в соответствии с привилегиями Константинопольской православной церкви в Османской империи². Недостаток самостоятельной церковной организации сербов в Турции представлял самое большое препятствие их культурному, духовному и общественному развитию в рамках Османского государства. После упразднения Печской патриархии в 1766 году Константинопольская Православная Церковь являлась ключевым фактором с точки зрения духовной и культурной жизни сербов и их работы в церковно-школьных общинах. Уже в середине XIX века Константин Николаевич инициировал идею восстановления Печской патриархии, которое дало бы мощный импульс сербам в Османской империи. Однако обстановка для такой инициативы была неблагоприятной. Стоян Новакович считал, что для Княжества Сербии был пропущен исторический шанс после 1830 года потребовать обновления Печской патриархии, вместо автономии Церкви в Княжестве. Международная ситуация действительно подтверждала правоту Новаковича. Россия после Русско-турецкой войны 1828—1829 годов и Адрианопольского мирного договора (1829) была на пике своего влияния на Ос-

¹ Стоян Новакович. Балканска питања и мање историјско-политичке белешке о Балканском полуострву 1886—1905. Београд, 1906. С. 520—527.

² Опште одредбе о управи црквених и народних послова православних хришћана поданика Њ. Ц. Величанства султана под управом васељенскога престола, 1888. године, превео архимандрит Нићифор Перих. Београд, 1900.

манскую империю. Формально-юридически это влияние выступило на первый план и в Ункяр-Искелесийском договоре между Россией и Турцией в 1833 году, и именно тогда появилась возможность постановки вопроса о восстановлении Печской патриархии. Этого не сделали, когда это было возможно, международная обстановка быстро менялась, и влияние России на ситуацию в Османской империи постепенно слабело под влиянием западных сил, прежде всего Франции и Англии. Крупное поражение России в Крымской войне 1853—1856 годов актуализировало не только проблему русского влияния в Османской империи, но и церковный вопрос, то есть вопрос единства Вселенского Патриархата с центром в Константинополе.

Болгары уже в 1860 году инициировали тему самостоятельной Болгарской Церкви, а это в самом начале встречало сопротивление в кругах российской дипломатии, так как данная инициатива представляла опасность для единства православия на Балканах и Ближнем Востоке. Постепенно, понимая обстоятельства, при которых недруги России, прежде всего, западные силы и Римская курия были готовы поддерживать болгарские требования, российская дипломатия начала принимать болгарскую идею, предоставив, наконец, дипломатическую помощь для получения фирмана о Болгарском экзархате в 1870 году. Это было чувствительным ударом по единству православия в Османской империи, и в то же время подогревало болгарские национальные амбиции. Границы Болгарского экзархата поняли как границы будущего болгарского национального государства. Ситуация на местах, однако, была намного сложнее. Часть сербов и македонских славян приняли Болгарскую Церковь, то есть церковную службу на славянском языке, так как она была им, в любом случае, ближе, чем служба на греческом языке, а это болгарским политическим руководством было интерпретировано как выражение воли народа. Согласно этому толкованию, все, кто принимает Болгарский экзархат — по национальности болгары. Митрополит Сербии Михаил и сербская дипломатия оказались в деликатном положении. С одной стороны, они желали сохранить единство Православной Церкви в Турции в рамках Константинопольской Православной Церкви, а с другой стороны, особенно в самом начале, они поддерживали болгарские стремления, видя в них путь к эмансипации близкого славянского народа¹.

Однако когда в Белграде стало ясно, что сербские территории, вошедшие в границы Болгарского экзархата, должны стать составляющей частью и болгарских национальных претензий, произошло определенное отрезвление, и начались поиски путей решения сербского церковного вопроса в Османской империи. Единственным способом было обращение к Константинопольской Православной Церкви и выработка соглашения, которое удовлетворяло бы сербские притязания не только в Старой Сербии, но и на близлежащих территориях. В конце XIX века в сербской общественной мысли вновь встал вопрос об обновлении Печской патриархии. В 1896 году

¹ Ђоко Слијепчевић. Михаил, архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 459—475.

умер скопский митрополит Мефодий, и Вселенская патриархия вместо того, чтобы удовлетворить сербские требования в связи с освободившимся местом скопского митрополита, назначила на это место охридского митрополита Амвросия. В парламент подана интерпелляция 72 депутатов с вопросом к председателю правительства Стояну Новаковичу — существует ли возможность обновления Печской патриархии. Новакович подробно изложил суть конфликта в Скопье между сербами и «переселенцами греками в компании с кучкой македонских румын или арумын». Стычка началась в 1889—1890 годах, когда греки отобрали церковь Святого Спаса у сербской православной общины в Скопье, пользовавшейся, по словам Новаковича, «своим старым правом: проводить службу на славянском языке и полностью располагать имением церкви Святого Спаса в Скопье». Сербская община в то время пыталась открыть и сербскую школу для своих детей. Согласно Новаковичу, «Скопская епархия насчитывает 15000 домов сербской народности, которые и после отделения не подчиняются Болгарскому экзархату и которые сегодня покоряются Вселенской патриархии»¹.

Излагая весь церковный спор в Скопье, Новакович осознавал, что на пути восстановления Печской патриархии стоят непреодолимые препятствия. Его ответ был следующим: «Может или не может Печская патриархия быть восстановлена — это вопрос, на который мне с этого места очень сложно дать ответ. Существует основной принцип, который мы должны соблюдать, он гласит: единство православия. Единство православия должно быть олицетворено во Вселенской Церкви. Все православные люди на Балканском полуострове должны желать, чтобы Православная Церковь составляла одно целое»². Тот же вопрос был задан 8 (20) декабря 1896 года на митинге македонцев и старосербов в Белграде. В начале митинга на место председателя собрания был избран Миленко Веснич, на место заместителя председателя — Голуб Янич и Коста Шуменкович, а на место секретаря Коста Вукович, Зария Попович и Цветко Фртунич. Поблагодарив за доверие, Веснич сказал следующее: «И хотя я уже давно, еще в детстве, оставил после жестокого убийства моего отца наши родные места, я не перестал любить их всем сердцем, и эта любовь росла и все еще растет во мне изо дня в день». Веснич родился в 1863 году в Дунишичах вблизи Сенницы. Когда ему было 4 года, турки убили его отца Радоню и он с матерью и братом бежал в Княжество Сербию. На митинге в качестве гостя выступал профессор Любомир Йованович. Единодушное мнение всех выступавших из разных краев Старой Сербии и Македонии гласило: если Вселенская патриархия не хочет именовать сербов на место епископа, тогда нам не остается ничего иного, как требовать от Султана отмены акта о присоединении Печской патриархии к Константинопольской из 1766 года и восстановления нашей Печской патриархии»³.

¹ Питанье о обновљању српске Пећке патријаршије и Охридске архиепископије пред српском Народном Скупштином и на митингу Македонаца и Старосрбијанаца. Београд, 1896. С. 13—16.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 34—95.

Сербские городские жители были главными носителями национальной культуры и двигателем национальной экономики в Старой Сербии. И хотя оно во всех отношениях на протяжении веков было подавляемо, Танзимат в XIX веке создал более благоприятные условия для их, прежде всего, экономического развития. Среди городов доминировали Скопье и Призрен, но важную роль играли и Приштина, Печ, Нови Пазар и Плевля, в меньшей мере Биело Поле, Бераны и Плав. Призрен, конечно же, был и остался одним из самых красивых городов Старой Сербии, еще со времен Средневековья. Хотя в течение нескольких столетий турецкой власти город изменил свой архитектурный вид и социальную среду, он и далее оставался важным сербским культурным и общественным центром¹. В народных песнях и в сербской среде его по справедливости называли *сербским Константинополем*. Бранислав Нушич в своей книге «С Косова на синье море», опубликованной в 1902 году в Белграде, отмечает, что Призрен — «самая сильная сербская община в Старой Сербии, так как на сегодняшний день насчитывает свыше 400 домов»². Население Призрена, пишет Нушич, — это красивые, расторопные и сообразительные люди, весьма настойчивые и «умеющие постоять за высшие интересы». Он особенно подчеркнул влияние Призренской семинарии, основанной в 1871 году, большинство преподавателей которой было родом из Призрена. Призрен был и консульским городом, в нем находились российский и австро-венгерский консульские отделы. Призрен воплощал в себе переплетение разных культурных влияний. Наряду с православными сербами и, конечно же, мусульманами, в нем жили и призренские римокатолики, а также православные призренские арумыны. Сюда в конце XIX века прибыли и католические сестры милосердия. Однако большинство населения составляли албанцы, поселившиеся здесь в течение XVIII—XIX веков и позже. Основным занятием населения в XIX веке была торговля, находившаяся по преимуществу в руках православных. Известна была и Призренская торговая часть города, охватывающая «несколько крытых улиц». Георг Хан в 1863 году упоминает, что в призренском торговом квартале существует 1200 лавок. Широко были известны и призренские ремесленники, особенно оружейники, портные и многие другие. Призренскую узорную кожу экспортировали в Венгрию и другие страны. У Призрена ранее были тесные торговые отношения со Шкодером, но во второй половине XIX века он начал ориентироваться на Салоники. Открытие железной дороги Салоники—Митровица уменьшило важность Призрена как торгового города. В Призрене с 1885 года работало церковное хоровое общество «Св. Урош». В 1889 году при Сербской православной семинарии в Призрене начала работу литературная дружина «Растко». Ученики Призренской семинарии имели и свое издание «Пастир»³. Драгоценный вклад в историю При-

¹ См.: Серафим С. Николић. Призрен од средњег века до савременог доба. Урбанистичко-архитектонски развој. Призрен, 1998. С. 480.

² Призрен царски град (хрестоматија). Приштина, 2005. С. 43.

³ Споменица педесетогодишњег верско-националног и културно-просветног рада Богословско-литерарне дружине «Растко» у Призрену 1889—1939. Скопље, 1940.

зрена внес известный призронец Петар Костич, особенно своими книгами *«Црквени живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку»* (1928) и *«Просветно-културни живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века»* (1933)¹.

НАРОДНАЯ СКУПЩИНА СЕРБОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В СКОПЬЕ (2–11 февраля 1909 года)

Младотурецкая революция 1908 года подала христианам в Османской империи большие надежды, надежды на новую и более свободную политическую жизнь. Движение «Молодой Турции» появилось еще в 60-е годы XIX века и в основном состояло из образованных людей, тяготевших к конституционному строю, вдохновленных идеями французской революции — свободой, равенством, братством (на турецком языке — *хуриет, адальет, мусафет*). Центр движения с конца 70-х годов XIX века находился в Париже и Женеве, а в начале XX века главным центром становятся Салоники. Движение младотурков под названием *«Комитет за единение и прогресс»*, во главе которого находились Энвер-бей, Талаат-бей и Джавид-бей, быстро распространялось в армии, что привело к мятежу младотурков в Ресене. Султану Абдул-Хамиду отказалась повиноваться целая Третья армия. В Салониках 23 июля 1908 года было провозглашено восстановление конституции Мидхата-паши 1876 года. Таким образом, была проложена дорога новому младотурецкому правительству, которое в конце 1908 года открыло заседание турецкого парламента в Константинополе.

Сразу после начала Младотурецкой революции возникла и первая политическая организация сербов в Старой Сербии и Османской империи. До этого основная деятельность сербов развивалась в церковных школьных общинах, являвшихся центром культурно-просветительской и духовной жизни. На конференции в Скопье с 10 по 13 августа 1908 года 26 знатных сербов из всех областей Косовского, Битольского и Салоникского вилайетов сформировали *«Сербскую народную организацию в Османской империи (Српска демократска лига)»*. Конференция в Скопье была созвана с согласия Скопского и Рашко-призренского митрополитов. Заседания этого первого политического парламента сербов проходило в помещении Сербского клуба на Вардаре, в здании, чьим владельцем был Миле Манчич. Сербский клуб это здание взял в аренду, и в нем кроме сербской организации находилась и редакция нового сербского издания *«Вардар»*. На учредительной конференции Сербской демократической лиги присутствовали следующие сербы из Старой Сербии и Македонии: Архимандрит Савва из Тетова, Прота Коста Попович из Гнилана, Петар Костич из Призрена, Йован Чиркович из Битоли, Богдан Раденкович из

¹ Владимир Бован, Петар Костић. Приштина, 1997. С. 89.

Митровицы, Милан Чемерикий из Призрена, Глиша Элезович из Вучит-рна, Лазар Янкулович из Плевли, Григорие Божович из Битоли, Стоян Зафирович из Приштины, Йован Шантрич из Печи, Савва Стоянович из Приштины, Йован М. Сарич из Нови Пазара, Арсение Чирич из Митровицы, Милутин Стерджевич из Митровицы, Живко Раевич из Печи, Давид Димитриевич из Гнилана, Джордже хаджи-Костич из Скопья, Стеван Самарджич из Плевли, Сретен Вукосавлевич из Приполя, Василие Йованович из Скопья, Велимир Прелич из Сенницы, Милан Борисавлевич из Нова Вароши, Гига Х. Якич из Салоников, Живко Фртунич из Вучит-рна и Йосип Попович из Гнилана.

На Скупшине в Скопье утверждено *«Руководство по временной организации сербского народа в Османской империи»*, регулирующее работу и обязательства центрального комитета, комитетов и подкомитетов в вилайетах, округах и уездах. Утверждены и *«Правила избрания депутатов в Скупшину сербов османлийцев»*. В них говорится, что в Скопье вскоре будет созвана Сербская народная скупщина, в которой будет два типа депутатов — депутаты по должности и депутаты, избранные народом. Депутаты по должности — это сербский Рашко-Призренский и Скопский митрополиты Ничифор и Вичентий, сербские архимандриты — старейшины монастырей в Османской империи, представитель братства монастыря Хиландара, три воеводы, «которых выберут все воеводы», пять преподавателей, которых выберут коллективы сербских школ — гимназии в Салониках, учительской школы в Скопье, семинарии в Призрене и нижней гимназии в Битоле и Плевле, затем пять учителей, которых выберут начальные школы и все члены временного центрального комитета. В руководстве определяется, что выборы будут проводиться открытым и непосредственным голосованием и что право на выбор будет у сербов османлийцев, достигших 21 года. Подробно предусмотрен способ выбора и техника голосования.

Сербы сразу поддержали парламентскую жизнь в Османской империи. В начале первого заседания в Скопье к участникам с кратким вступительным словом обратился митрополит Скопский Вичентий. Был избран центральный комитет организации в составе Богдана Раденковича, Джордже Хаджи-Костича, Саввы Стояновича, Давида Димитриевича, Йована Шантрича, Милана Чемерикий, Велимира Прелича, Васы Йовановича и Глиши Элезовича. В комитете председательствовал Богдан Раденкович¹. Главный комитет находился в Скопье, а на периферии были сформированы местные, уездные (по казам) и главные комитеты вилайетов. На учредительном собрании был утвержден манифест, в котором подчеркивается, что сербы в Османской империи отказываются от прежней революционной деятельности и переносят свою борьбу на площадку конституции, соблюдая целостность царства и выражают свою готовность подписать «соглашение

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. Скопье, 1910. С. 1–2. После заседания все участники собрались на ужине в гостинице «Белград» в Скопье.

с остальными элементами в Османской империи» и работать с ними над укреплением настоящей конституционной и парламентской жизни. Также было договорено о скорейшем созыве скупщины сербов в Скопье, на которой на Сретение 1909 года были избраны следующие депутаты: Биело Поле — Риста Попович, священник, представитель Биело Поля и окрестностей; Бераны — Милан Цемович и Милич Дабетич, учителя, представители Беран и окрестностей; Битоль — Йован Чиркович, секретарь Митрополии, представитель Битоли и окрестностей; Риста Цветкович — учитель, представитель Битоли и окрестностей; Григорие Божович — преподаватель, представитель преподавательской коллегии Битольской гимназии; Риста Ставрич — учитель, представитель учителей, Велес — Джордже Стаменкович, торговец, представитель Велеса и окрестностей; Воден — Стоян Маркович, торговец, представитель Водена и окрестностей; Вучитрн — Живко Фртунич, торговец, представитель Вучитрна и окрестностей; Гостивар — Сима Димитриевич, управитель школ, представитель Гостивара и окрестностей; Дебар — Исаило Хаджиевски, лекарь, представитель Дебара и окрестностей; Дримкол — Матия Шуменкович, священник, представитель Дримкола и окрестностей; Дойран — Йован К. Грошевич, учитель, представитель Дойрана и окрестностей; Джевджелия — Стоян Ристич, священник, представитель Джевджелии и окрестностей; Кичево — Яничие Джурич, пекарь, представитель Кичево и окрестностей; Йованче Томич — земледелец, представитель Кичево и окрестностей; Кратово — Йован Попович, управитель школ, представитель Кратово и окрестностей; Крушево — Блажа Пашич, земледелец, представитель Крушево и окрестностей; Кочани — Тодор Йованович, управитель школ, представитель Кочани и окрестностей; Куманово — Йован Алексич, преподаватель, представитель Куманово и окрестностей; Йован Цакич — учитель, представитель Куманово и окрестностей; Мала-Река — Тома Огнянович, торговец, представитель Мала Реки и окрестностей; Малеш — Савва Ергич, священник, представитель Малеша и окрестностей; Митровица — Йован Данилович, торговец, представитель Митровицы и окрестностей; Милутин Стерджевич — торговец, представитель Митровицы и окрестностей; Нова Варош — Стеван Самарджич, учитель, представитель Нова Вароши и окрестностей; Владислав Протич — священник, представитель Нова Вароши и окрестностей; Нови Пазар — Тома Протич, священник, представитель Нови Пазара и окрестностей; Охрид — Серафим Крстич, священник, представитель Охрида и окрестностей; Паланка — Антоние Тодорович, управитель школ, представитель Паланки и окрестностей; Печ — Живко Раевац, торговец, представитель Печи и окрестностей; Плевля — Данило Шиляк, священник, представитель Плевли и окрестностей; Михайло Куртович — учитель, представитель Плевли и окрестностей; Стеван Йовашевич — трактирщик, представитель Плевли и окрестностей; Стоян Зафирович — преподаватель, представитель коллектива гимназии в Плевлях; Пореч — Крста Джорджевич, священник, представитель Поречи и окрестности; Йован Стоянович — земледелец, представитель Поречи и окрестностей; Пре-

шево — Ачим Йелич, управитель школ, представитель Прешево и окрестностей; Призрен — Петар Костич, секретарь Митрополии, представитель Призрена и окрестностей; Андрея Грозданович — учитель, представитель Призрена и окрестностей; Радомир Шабич — священник, представитель Призрена и окрестностей; Риста Скакалевич — профессор, представитель коллегии Призренской богословии; Приполе — Сретен Вукосавлевич, учитель, представитель Приполя и окрестностей; Димитрие Зиндович — торговец, представитель Приполя и окрестностей; Прилеп — Глигор Соколович, воевода, представитель Прилепа и окрестностей; Петар Димитриевич — торговец, представитель Прилепа и окрестностей; Приштина — Стоян Капетанович, учитель, представитель Приштины и окрестностей; Апостол Попович — священник, представитель Приштины и окрестностей; Йосиф Попович — учитель, представитель учителей; Ресен — Глигорие Джамбасович, преподаватель, представитель Ресена и окрестностей; Рожай — Никола Веселинович, священник, представитель Рожая и окрестностей; Сенница — Йован Янкович — торговец, представитель Сенницы и окрестностей; Вук Тубич — трактирщик, представитель Сиеницы и окрестностей; Скопье — Алекса Станишич, преподаватель, представитель коллегии гимназии в Скопье; Митар Шешлия — учитель, представитель учителей; Александар Илич — чиновник, представитель Скопья и окрестностей; Димитрие Попович — учитель, представитель Скопья и окрестностей; Лазар Райчич — земледелец, представитель Скопья и окрестностей; Салоники — Риста Огнянович, преподаватель, представитель коллегии гимназии в Салониках; Никола Голубович — учитель, представитель учителей; Джордже Денкович — чиновник, представитель Салоников и окрестностей; Тетово — Любомир Ачимович — учитель, представитель Тетово и окрестностей; Теофило Апостолович — земледелец, представитель Тетово и окрестностей; Феризовичи — Дамьян Прлинчевич — управитель школ, представитель Феризовичей и окрестностей. В качестве членов временного центрального комитета избраны: Богдан Раденкович, Давид Димитриевич, Велимир Прелич, Глиша Элезович, Йован Шантрич, Савва Стоянович, Александар Буквич, Джордже Хаджи-Костич, Васа Йованович, а из воевод — Джордже Скоплянче, Мицко Крстич и Йован Стойкович.

Избранные представители сербского народа собрались в Скопье и начали свою работу на первом очередном заседании 2/15 февраля 1909 года. В начале работы Скупшину благословил скопский митрополит Вичентий. На место временного председателя Народной скупщины был избран Петар Костич как самый пожилой депутат, а на место секретарей — Глиша Элезович и Александар Илич, и вскоре после этого приступили к голосованию и избрали постоянный комитет Скупщины. На место председателя вновь избран Петар Костич (72 голоса), на место первого зампреда — Алекса Станишич (37 голосов), а на место второго зампреда — Риста Огнянович (45 голосов). На должности секретарей Скупщины избраны Исаило Хаджиевски (который не принял должность и на его место был избран Милан Цемович), Стеван Самарджич и Александар Илич.

В самом начале работы Скупщины было принято решение направить телеграмму в парламент в Константинополе и Младотурецкому комитету. Во время дальнейшей работы председатель центрального комитета Богдан Раденкович представил отчет о политической ситуации, Савва Стоянович — о ситуации в Церкви и образовании, а Велимир Прелич об экономической ситуации. Затем велась оживленная дискуссия по отчетам, в которой участвовали практически все депутаты.

На Скупщине были представлены разные предложения и идеи: начиная с того, что большое внимание надо уделять экономическому укреплению народа, особенно процветанию земледелия и села, включая и обучение священников и учителей в этой области, до разных вопросов церковно-школьной автономии, обустройства монастырей, открытия новых гимназий, организации экономики сербов, а особенно о необходимости учреждения сильного банка и ремесленных ассоциаций. Подчеркивалось, что нужно работать над созданием сельскохозяйственных кооперативов и настаивать на том, чтобы крестьяне покупали землю у аг. В частности, указывалось на необходимость расширения экономических возможностей народа и на необходимость учреждения сильного центрального банка¹.

В отчете о политической ситуации выражалась надежда на лучшую жизнь, которую принесет конституционный порядок и вера, что наступит конец анархии и насилию, прежде всего, со стороны албанцев над сербским народом. В отчете, между прочим, говорится, что посланники Центрального комитета установили более тесные отношения с Младотурецким комитетом *«Единение и прогресс»* и в разговоре с ними подчеркнули, что не будут выдвигать никакие «специальные национальные требования», но потребуют «строгого применения провозглашенной Конституции и выполнения обещаний, данных комитетом *«Единение и прогресс»* в своих манифестах и выдвигаемых в их программах». Была принята программа младотурков из двадцати пунктов, «охватывающих все требования обустройства современного государства». Сербские представители дали рекомендации только по пунктам семь и пятнадцать младотурецкой программы, где требовали, наряду с государственными средними школами, в которых будет вестись преподавание на турецком языке, возможности свободно открывать и частные средние школы, в которых язык преподавания будет определяться по желанию учредителя школы. Второе предложение касалось седьмого пункта, где наряду с законоположением, предусматривающим в общении народа с низшими уровнями власти использование турецкого государственного языка, было внесено и положение о том, что может использоваться и «язык, на котором народ того края говорит». Сербские представители требовали от младотурков две важные темы: «1. Определить комиссию, которая рассмотрит незаконный захват арнаутами сербских имений, причинивший ущерб населению: 2. В Народной скупщине в Константинополе поднять вопрос о применении патриарших

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 26–33.

привилегий для нас, сербов». Младотурецкий комитет «Единение и прогресс» дал формальное обещание, что будет действовать в соответствии с этими предложениями.

В отчете о политической ситуации, представленном Богданом Раденковичем, подчеркивалось, что в соглашении с младотурками исправлены ошибки и несправедливость выборной системы, а также нарушения, которые могли иметь для сербов опасные последствия. «В интересах этого соглашения мы отrekliсь от мандата в Плевле, так как мы находили гарантии в личности Васфи-бея, который, по правде говоря, был турецким кандидатом, но которого и Центральный комитет Сербской организации знал как правильного человека и убежденного представителя нового режима, что интересы нашего населения будут искренне представлены». Речь идет о депутатах в Народную скупшину в Константинополе. Кроме депутатов, которые избраны в общих, согласованных списках, младотурки обещали сербам и место одного сенатора, чтобы и в этом смысле приравнять их к болгарам и грекам. Его должны были выбрать из сербов и ожидалось его скорое назначение. Центральный комитет требовал, чтобы в переписи населения, в которой нигде не говорилось о сербах, но о «рум-миллету», ясно употреблялось название «серб», особенно в нуфузах — в книге переписи населения. Власти, однако, и далее использовали наряду с названием «серб» и старое название «рум». В прениях по политическому отчету депутаты критиковали и поддерживали позицию Центрального комитета. Депутат Григорие Божович поддержал протест Центрального комитета против аннексии Боснии и Герцеговины и против способа провозглашения болгарской самостоятельности. Божович предложил направить в парламент Константинополя резолюцию сербского парламента из Скопья со следующим содержанием: «Сербская Народная скупщина в качестве представителя всего народа в Османской империи, собравшись в Скопье, весьма сожалеет, что правительство решилось на переговоры с Австрией о продаже Боснии и Герцеговины. Сербский народ во всех областях нашего государства, везде, где он есть, никогда ни на одну секунду не согласится с таким актом правительства, если он будет иметь место. Сербский народ из всех областей нашего отечества, желая лишь, чтобы его держава, то есть Османская империя, не распалась, заявляет протест против аннексии Боснии и Герцеговины и продажи этих земель и готов жизни свои отдать за защиту народных прав и своего государства»¹. Предложенная Божовичем резолюция принята с бурным воодушевлением. Димитрие Зиндович из Приепольской казы передал протесты сербов против воззвания к сербским доверенным лицам голосовать за Васфи-бея, так как, сказал он, наш народ считал, «что будет голосовать только за серба»². Политический торг тогда еще не был распространен в политической жизни. Депутат Риста М. Скакалевич в принципе поддержал идею о совместном с младотурка-

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 54—55.

² Там же. С. 55—56.

ми участия в борьбе за сербские национальные интересы, но в то же время подчеркнул, что у сербов есть и свои особенные интересы, за которые нужно бороться, и что в этих вопросах «нужно нам быть весьма осмотрительными, так как вполне вероятно, что младотурки в один прекрасный день захотят стать великими турками». Сам факт, сказал он, что государственные власти всё еще используют название «Рум» вместо правильного названия «серб», достаточно говорит о тенденциях великотурецкой идеи.

В отчете о ситуации в Церкви и образовании говорилось о непреодолимых препятствиях для сербского народа, происходящих из-за нерешенных церковно-школьных проблем. «Со всех сторон нас вытесняют и прижимают, отнимают у нас и национальное имя наше, и право на наши школы и церкви, а другим народам дают это право. Наши церковные права никак не определены, а тем более не защищены». Среди вопросов, которые нужно срочно решать, находился и вопрос подтверждения свидетельств для учителей в Рашко-Призренской епархии. А именно, великий визирь в 1891 году особым актом подтвердил привилегии митрополитам, представившим Сербский Патриархат, на основании которых для открытия школ в своих епархиях они не обязаны получать никакого разрешение у турецких властей. Обязанностью митрополита было в начале каждого учебного года предъявить властям вилайета список учителей в своей епархии. Турецкие власти могли лишь контролировать, есть ли у учителей соответствующие свидетельства, выданные уполномоченным митрополитом. Проблема возникла из-за того, что турецкие власти эти привилегии признавали только за митрополитами греческого происхождения, отказывая в этом праве митрополитам-сербам. Они требовали, чтобы свидетельства сербских учителей отправлялись для подтверждения в просветительский отдел вилайета, и наказывали учителей и закрывали школы, если это требование не выполнялось¹. Центральный комитет Сербской организации требовал, чтобы патриархии привилегии были в равной степени применимы для всех, будь то греки или сербы. Центральный комитет поднял перед турецкими властями и так называемый велешско-дебарский вопрос, то есть вопрос о назначении сербов на место Велешско-Дебарского епископа или митрополита после смерти митрополита Поликарпа. Патриархия на эту должность вновь назначила грека Парфения, ранее епископа в Дорьянах. Младотурецкий комитет принял во внимание оправданность сербских требований и обещал поставить этот вопрос на повестку дня, когда начнется дискуссия о патриарших привилегиях.

Депутаты в прениях по отчету о ситуации в делах Церкви и образования критиковали Вселенскую Патриархию, ее бездушие. «В вопросе Кичевской церкви, — сказал Йован Чирков, — Патриархия показала, сколько любви она проявляет, насколько ей важно оставаться Вселенской. Церковь Кичевскую построили сербы из Кичева, что подтверждает, кроме того, что это и суд и дети в Кичево знают — и надписи на самих церковных стенах,

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 63, 64.

из которых ясно видно, кто и когда эту церковь строил»¹. Похожей была ситуация и с параклисом в Прилепе. В Шкодере и Крушеве, сказал Чиркович, сербы живут без молельни, как и в Битоле. При открытии сербской школы в Ресне самое большое сопротивление исходило от митрополита Пелагонийского Иоакима. В *Резолюции о ситуации в Церкви и образовании* сербская Народная скупщина в Скопье в пяти пунктах требовала, чтобы патриархии привилегии, признаваемые за греческими митрополитами, в той же мере признавались и за сербскими митрополитами и чтобы в Народной скупщине в Константинополе был открыт вопрос о распространении патриарших привилегий и по отношению к сербам и в епархиях, где нет митрополита-серб, чтобы в Рашко-Призренской епархии прекратили преследование учителей из-за свидетельств, так как это требование противоречит патриаршим привилегиям, чтобы в Велешко-Дебарской епархии на место митрополита был назначен серб, «так как православное население в той области — исключительно сербское», и чтобы распоряжение от 1903 года было отменено и деревням была оставлена свобода выбора сербского или болгарского учителя или священника. Это последнее требование было важным, поскольку распоряжением от 1903 года был запрещен переход деревень «патриарших» в «экзархические» и обратно. На территории южных областей Старой Сербии и в Македонии частым был случай, когда села принимали одних или других учителей или священников, и поэтому сербам было важно, чтобы им разрешили свободный выбор, так как, например, многие деревни Кумановской и Паланской казы выбирали сербских священников и учителей, а турецкие власти требовали, чтобы церкви и школы были вновь закрыты и чтобы в них работали болгарские священники и учителя².

В отчете об экономической ситуации настаивали на улучшении общей экономической и транспортной ситуации в областях, населенных сербами. Повышение налогов в Турции, подчеркивается, — «общее зло». Сбор налогов привел к еще большей анархии и бедности, особенно в тех областях, населенных сербами, где «арендаторы, в основном, арнауты». Власти просто были не в состоянии взять под защиту сербское население. Младотурецкий комитет «*Единение и прогресс*» принял эти предложения и пообещал, что изменит действующую систему сбора налогов, то есть за основу десятины, которая и далее будет взиматься, «в каждой деревне будут принимать средний объем урожая за последние пять лет». Самое большое внимание в разговорах представителей сербского центрального комитета с младотурецким комитетом уделялось насилию и зулуму (преступлениям) со стороны албанцев по отношению к сербам. В отчете, между прочим, говорится: «Самыми крупными неприятностями, от которых страдало сельское население в этих областях, были, без сомнения, незаконные захваты имений, осуществляемые арнаутами в течение многих лет, которые были

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 72–73.

² Там же. С. 66–68, 79.

причиной того, что сотни и тысячи сербских семей покидали свои очаги и переезжали в соседние земли. Разными угрозами и принуждениями, часто избиением и даже убийством отдельные необузданные арнауты заставляли наших крестьян или убегать и отдать им все свое имущество, или продать им его за копейки»¹.

Центральный комитет «Единение и прогресс» потребовал образования смешанной комиссии, которая подтвердит факты незаконного захвата и вернет землю настоящим владельцам. Центральный комитет указал на то, что некоторые агрессивные арнауты, наделившие себя исключительным правом эксплуатации некоторых лесов и взимания крупных сборов за выпас скота, постоянно «беспокоят сербские деревни». Комитет в отчете установил, что у большей части сербского народа нет своих имений, но они живут как чифчии на имениях аг и бегов. Учитывая своеволие последних десятилетий, требовалось урегулирование этих отношений, но конечной целью сербских стремлений был выкуп земель у турецких собственников. Младотурецкий комитет принял и внес в свою программу требование «дать крестьянам возможность как можно быстрее стать собственниками имения». Разговаривали и о возможности дать крестьянам деньги под небольшие проценты для выкупа земли или, что считалось более быстрым и надежным решением, «чтобы государство дало заем и сразу выкупило все важные чифлики и дало их крестьянам в собственность».

В прениях в связи с резолюцией об экономической ситуации, в качестве примера брали Королевство Сербию, где, как говорилось, земельный вопрос решен, так как там «крестьянин сегодня хозяин имения, которое обрабатывает». Посол Стеван Самарджич, а также другие послы говорили о создании земледельческого банка, который будет давать крестьянам денежные займы для решения аграрного вопроса. Отмечалась и необходимость учреждения земледельческих кооперативов, которые считались весьма полезными учреждениями. Все были практически единодушны в том, что нужно учредить сильный сербский банк, у которого будут свои филиалы от Салоники до Плевли. Депутаты считали, что для экономического развития сербского народа весьма важны хорошие дороги и железнодорожная связь. Самарджич отмечал, что много лет строится дорога от Плевли к черногорской границе и от Нова Вароши до Сенницы и что работы медленно продвигаются, хотя народных денег на эти цели выделяется много. Сретен Вукосавлевич утверждал, что сербская организация лежит на сербском крестьянине и большинство работ проводится за счет крестьянина — «мы, называемые интеллигенцией, будем лишь агитаторами и лидерами». Программа, касающаяся будущего крестьян проста: она состоит в том, что «крестьянин получает свою землю, отменяется десятина, он может мирно жить и работать, никто не вмешивается в его веру и национальные символы, закон распространяется и на него»². Весьма важно,

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 82.

² Там же. С. 92.

сказал Вукосавлевич, чтобы чифчии были оседлыми, чтобы ага по своему нахождению не мог прогнать их с чифтлика, потому что в этом случае крестьянин не должен принудительно работать на агу. Сретен Вукосавлевич особенно настаивал на правильном устройстве аграрных отношений. Он считал, что программа должна быть скромной и практичной, что нужно участвовать «в делах, где мы можем надеяться на успех». Для более высокой политики, говорил Вукосавлевич, «я считаю, что у нас нет ни сил, ни людей, у которых бы не было других дел. Оставим более сильным, чтобы они заинтересовались судьбой конституционной жизни и нашими свободами. Мы должны заботиться о том, чтобы остаться в живых [...], мы свой национальный долг выполним, если останемся живы и сохраним крест тремя перстами и сохраним сербские символы в нашем родном крае»¹.

На Скупшине утвердили *Конституцию сербской народной организации в Османской империи*, которая содержала 51 статью. В конце работы Скупщины был избран Главный комитет, в который вошли из Скопской епархии: Богдан Раденкович, Алекса Станишич и Исаило Хаджиевски, из Рашко-Призренской епархии: Милан Цемович, Стоян Капетанович и Стеван Самарджич, из Салоникской области: Никола Голубович, Джордже Денкович и Милан Чемеркич, а из Битольской области: Йован Чиркович, Яничие Димитриевич и Риста Ставрич².

¹ Рад Народне скупштине отоманских Срба, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год. С. 93.

² Там же. С. 36, 37.

Глава VIII

ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ, 1912–1913 ГОДЫ

Освобождение Старой Сербии и Вардарской Македонии в 1912–1913 годах было результатом продолжительного исторического процесса. Успех зависел не только от собственных сил и сил балканских союзников, но и от международной ситуации в целом. Сербия к освобождению своих соотечественников в Старой Сербии и Македонии в течение нескольких десятилетий готовилась и в военном, и в экономическом, и в дипломатическом смысле. По мере того как Турция слабела, балканские христианские народы все больше стремились к осуществлению своих национальных программ. Противостояние этих программ, однако, вело к взаимным конфликтам, препятствовавшим формированию балканского союза с целью вытеснения Османской империи с Балкан.

Панисламизм и католическая акция

Отчеты сербских консулов из Старой Сербии в начале XX века становились все более тревожными. В середине 1905 года приштинский консул Мирослав Спалайкович отправил несколько аналитических и глубоко продуманных отчетов министру иностранных дел Йовану М. Жуйовичу. В результате он пришел к выводу, что эскалация насилия над сербами является последствием турецкой политики и международной ситуации в целом, а не просто анархии, продолжающейся здесь веками. Он это связывал и с ситуацией в России – ее занятостью в войне с Японией и внутренней революцией: «Год 1905-й во многом похож на 1813-й. Параллель точна. В обоих случаях Россия была вынуждена использовать свою энергию и активность исключительно для собственных государственных дел». Проблемы, имеющие место в России и запутанная политическая ситуация в Европе открыли взору султана Абдула Хамида «новые перспективы для будущего исламизма». Происходил подъем панисламизма: с 1878 года «турецкие иерархические государственные структуры начинают и сами систематически управлять» насилием арнаутов. Султан, пишет Спалайкович, распространял идеологию панисламизма через софтов, «особенно во время Рамадана». За его счет тысячи софтов отправлялись «в каждый уго-

лок царства, в каждую деревню, и там они своими проповедями фанатизировали массы — особенно арнаутов»¹. Опираясь на свои религиозно-политические идеи, султан преследует цель «совсем истребить или обратить в ислам» сербов из этих краев с целью создания прочной мусульманской крепости против сербских национальных стремлений и против политического прорыва Австро-Венгрии. Главное было сломить «и последний аванпост сербства на пути арбанасов — Печский и Призренский округа». Если это удастся, то Косово, «начиная с Митровицы и вплоть до Качаника, будет открыто для прорыва арбанасов». Несмотря на то, что турецкие власти предпринимают определенные меры (арестовывают разбойников и отправляют их в ссылку), главными движениями «между арнаутами и арбанасами» управляют всё-таки из Константинополя, «где поддерживается единство программ и целей».

Наряду с консолидацией панисламизма в Старой Сербии, усиливается, пишет Спалайкович, и католическая активность, особенно в Печском санджаке, и ее главными носителями являются «арнауы-католики и фанды», не отстававшие в убийствах и преступлениях от арбанасов-мусульман. Хотя совершались преступления, не являвшиеся частью какой-либо политической программы, большинство фандов придерживалось инструкций, полученных от австро-венгерских чиновников. Главным фактором католической деятельности в Старой Сербии, по Спалайковичу, является «католический владыка в Призрене, а самый важный центр католических арнаутов в Печской нахии — деревня Злокучани вблизи Печи»². С национальной точки зрения, пишет Спалайкович, Австро-Венгрия имеет тождественные интересы с Турцией — «содействовать полному уничтожению сербского элемента в Метохии, а в Косово как можно больше этот элемент «разбавить»». Для Австро-Венгрии очень важно, чтобы притязания Сербии с этнографической точки зрения свелись к минимуму, и в этом деле она нашла союзника в лице албанцев и в султанской политике попустительства, с одной стороны, а в болгарях, с другой. «Австрии ее собственные интересы повелевают не допускать расширения Сербии ни в одном направлении»³. Спалайкович отличает *арбанасов от арнаутов* в Старой Сербии. О вторых он говорит, что они все «без исключения нашего происхождения, и наш язык еще не забыли»⁴. Тяжело сосчитать насилия и преступления, совершавшиеся над сербами, о которых Спалайкович уведомляет свое правительство: известный Садик из деревни Грабовца в Дренице убил 70 человек, а Ибиш Бошняк и Садик Добранец в Печской нахии убили 18 сербов и украли 1800 коней и волов; практически ежедневно насилуют сербских женщин и девушек, часто происходит насильственная выдача

¹ Цит. по: Branko Peruničić. Svedočanstvo o Kosovu 1901—1903. godine. Beograd, 1988. С. 16—17.

² Там же. С. 18.

³ Там же. О односу Аустро-Угарске према албанским пубунама уочи Првог балканског рата видети: Милорад Екмечић, Албански фактор у избијању Првог балканског рата, Први балкански рат 1912. године и крај Османског царства на Балкану. Зборник радова. Београд, 2007. С. 9—17.

⁴ Branko Peruničić. Svedočanstvo o Kosovu 1901—1903. godine. Beograd, 1988. С. 16.

замуж сербских девушек и взимание денег за «сватовство», насильственное обращение в ислам, кражи и поджоги пшеницы, сена и конопли. По данным Спалайковича, в Пече, например, в 1907 году все еще было приблизительно 500 домов и около 4000 православных сербов, в Печеской нахии — около 1200 домов, а вместе с Джаковицей и окрестностями, по некоторым оценкам, было приблизительно 20 000 сербов¹.

Нестабильная в течение десятилетий ситуация на Балканах привела, особенно после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 году, к ускоренному развитию событий, предвещавших крупный кризис. Многочисленные албанские мятежи в 1911 году переросли в более крупные повстанческие движения, приведшие к полной анархии в балканских провинциях. Зулум (насилие) и преступления над сербским населением в Старой Сербии чередовались изо дня в день. В конце марта 1912 года писали о выселении сербов из Турции «в больших масштабах»². Отряды католиков и мухаджиров, состоящие иногда из пяти-шести, а порой до 50–60 человек, атаковали сербские деревни в Печеском крае. Был ограблен даже Огнян Раденкович, побратим Исы Болетинца. Приштинский консул Милоевич телеграфировал 9 апреля 1912 года: «Зулуми не выносимы [...]. Существует большая опасность, что народ будет массово выселяться»³. Власть была не в состоянии остановить грабежи и убийства, поэтому сербские консулы требовали вооружить местных сербов. Селим Байгора угрожал, что разрушит российский консулат в Митровице. В Штавле, вблизи Сенницы, в начале мая 1912 года убит брат попа Радоя, Еремия. В середине июля албанцы ворвались в Сенницу. Военные власти вооружили мусульманское население Сенницкого санджака в возрасте от 18 до 60 лет.

Насилие и полный беспорядок приняли такие размеры, что в Сеннице перед судом 23 августа 1912 года был убит беранский каймакам Илья Попович, один из редких, если не единственный серб на такой должности. Исполнитель должности управителя Яворской таможни Вулович уведомил, что Попович «растерзан перед сенницким судом», что мятеж «самый большой» и что «похоже, будет резня», что вызвало бегство выдающихся людей и священников. Илья Попович в свое время окончил сербскую гимназию в Скопье и турецкий юридический институт. Был политически активен в младотурецком движении. В день убийства в Сеннице был ярмарочный день, и большая толпа пештерцев ворвалась на военный склад и разворовала оружие. Когда Попович вышел из суда вместе с Васой Карамарковичем, сенницкий Тиш-ага Люмич воскликнул, показывая пальцем: «Смотрите, турки, вот он, беранский каймакам-валах». Последовала расправа над каймаком Поповичем: первым его ударил поленом Айредин Челич из Угла, а затем его били все подряд так, что, как пишет один хронист, «сняли с него все платье, кроме исподнего». Вонзали ножи в мертвое

¹ Branko Peruničić. Svedočanstvo o Kosovu 1901–1903. godine. С. 289.

² Документи о спольној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 5, св. 1, приредило Михаило Војводић. Београд, 1984. С. 414–415.

³ Там же. С. 455.

тело и, волоча по улице за ноги, бросили его перед домом сенницкого попа Йосифа Балшича крича: «Поп [...] выходи, забирай этого валаха»¹. Многие сербы бежали через границу. В письме генералу Боже Янковичу, председателю *Комитета помощи беженцам из Старой Сербии и Новопазарского сан-джака*, от 10 сентября 1912 года протоиерей Милан Джурич отмечает, что ситуация такова, что «когда серб идет почивать, не уверен, что проснется живым»².

Объявление 28 сентября 1911 года Италией войны Турции вновь открыло Восточный вопрос и возвестило крупный кризис. Итальянские бомбежки Дарданелл 18 апреля 1912 года и захват Родоса и Додеканесских островов в мае того же года ускорили соглашения между балканскими государствами. После долгих и сложных переговоров между Сербией и Болгарией в течение всего 1911 года, прежде всего из-за спора в связи с Македонией, договор о союзнничестве (со специальным секретным приложением) был подписан 13 февраля 1912 года.

Утверждены были «бесспорные зоны» для обеих сторон, а для центральной области Македонии была предусмотрена или автономия, или раздел с арбитражем русского царя, причем в случае раздела линия разграничения шла бы по диагонали от Крива Паланки до Охрида. Болгария подписала договор о союзнничестве с Грецией 29 мая 1912 года. Договор о политическом и военном союзе между Сербией и Черногорией был подписан в Люцерне 27 сентября 1912 года. Объединенные силы балканских государств были достаточны для успешной расправы с османской властью на Балканах. Долго и сложно подготавливаемые совместные акции балканских христианских государств начались осенью 1912 года.

В ранние послеполуденные часы 24 октября 1912 года затихла артиллерийская, ружейная и пулеметная пальба на территории между Скопской Черной Горой и южными отрогами горы Козьяк. Сломано и последнее жестокое сопротивление турецкого шестого стрелкового полка в районе Зебрняка. Известный двухдневный Кумановский бой, который был решающим в окончании Первой балканской войны, между сербской Первой армией под командованием регента Александра Карагеоргиевича и турецкой вардарской армией, под командованием Зека-паши, окончился поражением турецкой армии, которая врасыпную отходила к Скопью и далее, вглубь Македонии. Это был исторический перелом в долго подготавливаемой войне за освобождение Старой Сербии и Македонии.

Первая балканская война 1912–1913 годов относится к тем историческим событиям, на которые незаслуженно упала тень забвения. В этом сыграла свою роль и бурная история последующих десятилетий XX века, а также определенное обесценивание завоеваний в этой войне. Исключение составляют несколько работ, к числу которых относится сборник научных

¹ Балкански рат у слици и речи, бр. 16, 5. мај 1913. године. С. 245.

² Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. 5, св. II, приредио Михаило Војводић. Београд, 1984. С. 573.

докладов «*Први балкански рат*», приуроченный к 75-летию освобождения¹. Освобождение Старой Сербии и Македонии, а также прочих отторгнутых балканских областей представляло исторический и цивилизационный перелом не только в истории сербского и остальных балканских народов, но и, несомненно, в истории Европы. Это было окончание продолжительной борьбы за освобождение Средней и Юго-Восточной Европы от османского владычества, которое началось после поражения великого визиря Кара Мустафы под Веной в 1683 году, а закончилось Первой балканской войной 1912–1913 года. Сербь в этой великой борьбе под руководством «Священной лиги» всегда были на стороне европейской коалиции, заплатив за это многочисленными жертвами и упадком своего культурного наследия, в первую очередь церковей и монастырей, а также большими переселениями из старосербских областей в конце XVII – начале XVIII века под эгидой патриархов Арсения III Чарноевича и Арсения IV Йовановича. Союзники тем временем менялись, и бывшие предводители антиосманского фронта, такие как Габсбургская монархия, с начала XIX века стали союзниками Османской империи в борьбе против освободительного движения сербского народа. Это своеобразный парадокс сербской и балканской истории – усилия по освобождению и стремление к реинтеграции в европейские общественные и культурные течения встречали сопротивление именно в Европе, прежде всего в Средней Европе во главе с Австро-Венгрией. При этом сербская национальная мысль и стремление к освобождению и объединению побуждались, в большей мере, европейским национализмом, прежде всего, национальными движениями немцев и итальянцев.

Первая балканская война 1912–1913 годов и освобождение Старой Сербии и Вардарской Македонии не произошли внезапно, это было не только стечение обстоятельств, но и долгое время взращиваемое стремление во всех слоях сербского общества. Турецкие завоевания XIV–XV веков подорвали сербское и другие балканские христианские общества, насильно были прерваны на многие века культурные, экономические, общественные и все другие связи и взаимоотношения этой части Европы с остальными частями континента. Сербия вошла в Первую балканскую войну с целью освобождения сербского народа в Старой Сербии и Македонии от турецкой власти и в то же время освобождения остальных балканских христиан. Она возвращалась к старым центрам сербской государственной и духовной жизни. Сербская армия в 1912 году не шла, как тогда говорили, на целину или чужую землю. Сербский народ в Старой Сербии веками собирался около своих церковей, монастырей и монастырских школ. Всё-таки Йован Цвиийич был прав, когда писал, что «нигде на Балканском полуострове турецкое правление не принесло такого опустошения, как здесь»². В руинах были практически все самые важные сербские монасты-

¹ Први балкански рат. Округли сто поводом 75. годишњице 1912–1987. 28. и 29. октобар 1987, САНУ. Београд, 1991. С. 148.

² Јован Цвијић. Балкански рат и Србија. Београд, 1912. С. 15.

ри — Святых Архангелов, Сопочаны, Джурджевы Ступови, Куманица, Давидовица и многие другие. Монастырь Баньска в начале XVII века и Бого-рицы Левишской в середине XVIII века были превращены в мечети.

Осознание исторической миссии освобождения своих соотечественников в Старой Сербии и Македонии, осознание возвращения к старым государственным и духовным основам пропитывало все слои сербского общества в начале XX века. Может быть, эта мысль нигде так сильно и сжато не высказана, как в слове митрополита Сербии Димитрия 18 октября 1912 года после молебна в белградской Соборной церкви об удаче союзнического оружия: «Мы не идем к чужестранцам, но к своим братьям — сказал, между прочим, митрополит Димитрий. Идем туда, где наша колыбель, где враг растоптал очаг наш /.../ Мы идем, чтобы в этом погасшем очаге вновь зажечь огонь свободы /.../ Мы идем в свой дом, в который безбожник вселился, переступив через реки мученической крови и слез печальных наших предков. Мы идем на некогда цветущую нашу родину, которую неприятель превратил в опустошенную землю, в землю печали и плача, крови и ужаса /.../ Мы идем, чтобы из рабов сделать витязей, чтобы вернуть им гордость героев времен царя Душана, идем, чтобы живой водой из святого источника смыть с дорог и просторных полей страдальческую кровь наших предков. Идем, чтобы униженных людей поднять из праха и вернуть им человеческое достоинство. Ещё мы идем на славное Косово, чтобы поклониться героическим теням благородного князя Лазаря, Милоша Обилича и других храбрых витязей, погибших с ними за вечную жизнь /.../».

В соответствии с военным планом Королевства Сербии военные силы были сгруппированы в пять отдельных формирований в пяти различных направлениях. Верховным командующим был король Петр I Карагеоргиевич, начальником Штаба главного командования был генерал, а позже воевода Радомир Путник, а его помощником — генерал, позже также воевода — Живоин Мишич. Был подробно подготовлен план концентрации и стратегического развития боевых группировок. Главную ударную силу составляла *Первая армия* под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича, в составе 126 000 солдат, из которых 90 000 бойцов. Поскольку Моравско-Вардарский театр военных действий считался главным, силы Первой армии были сконцентрированы на территории враньского Поморавья, имея задачу наступать между Скопской Черной горой и Козьяком в направлении Овчиего Поля и в координации с фланговыми войсками бить по главным вражеским силам именно на Овчьем Поле, где сербское верховное командование ожидало главный бой с турецкой вардарской армией. *Вторая армия* под командованием генерала Степе Степановича, состоявшая из 61 000 солдат, из которых 45 000 бойцов, имела в своем составе Тимокскую дивизию первого призыва и болгарскую Седьмую Рильскую дивизию (сербов было 28 650, а болгар — 32 350), а также армейскую артиллерию. Она была сконцентрирована на территории Чустендил-Дупница и имела задачу вести наступление в направлении

Криве Реке и Брегалници и в качестве сербского левого фланга действовать против турецкого правого фланга главной группы войск. *Третья армия* под командованием генерала Божидара Янковича, состоящая из 67 000 военных, из которых 50 000 бойцов, была организована из двух групп: Топлицкой (45 000 солдат) и Медведжской (22 000 солдат). Её задачей было, наступая из долины рек Топлицы и Медведжи, занять Приштину, разбить вражеские силы в области Косово, обеспечивая таким образом фланг и тыл главной Первой армии и предполагая, что решающий бой произойдет на Овчьем Поле, наступая из Косово в направлении к Скопью, представлять правый фланг сербских главных сил. *Ибарская армия* под командованием генерала Михаила Живковича, состоящая из 22 000 солдат, из которых 17 500 бойцов, собравшаяся в районе Рашки, получила задание вести наступление в направлении Ибра, занять Нови Пазар, а затем через Косовскую Митровицу вести наступление в направлении Метохии и, сотрудничая с черногорской армией, освобождать области в районе Печи и Джаковицы. *Яворская бригада* под командованием подполковника Миливоя Анджелковича в своем составе имела 12 000 солдат, из которых — 8500 борцов. Собравшись в районе деревни Кушичи над Иваницей, она должна была держать оборону, контролируя поведение Австро-Венгрии, а затем с Явора вести наступление в направлении Сенницы, Припеполя и Плевли. Главной военно-стратегической задачей Ибарской армии и Яворской бригады было расщепить вражеские силы в области Старой Рашки, устранить коридор, десятилетиями разделявший Сербию и Черногорию, обеспечивая таким образом тыл главным сербским силам, особенно фланг и тыл Третьей армии¹.

Основные турецкие силы на Балканском театре военных действий, Восточные войска, были направлены на Фракию; в то же время в западной части фронта были сконцентрированы силы меньшей мощности в составе турецкой западной армии. На обоих фронтах предусматривались наступательные операции. Командующим турецкой западной армией был Али Риза-паша, а командующим вардарской армией, наступающей в направлении сербской Первой армии, был Зеки-паша. Командующий вардарской армией получил приказ начать наступление на первую Сербскую армию и, атакуя врага на линии Овчье Поля — Куманово, воспрепятствовать наступлению сербской армии на Куманово, и в любом случае стойко защищать Скопье и Штип².

Король Петр I Карагеоргиевич 18 октября 1912 года в Нише объявил Турции войну, обращаясь с прокламацией к сербскому народу. «Последние события вновь вынесли на повестку дня вопрос о судьбе Балканского полуострова, — говорится в прокламации, — а тем самым и о судьбе Старой Сербии, той славной, но печальной матери нашего Королевства, где

¹ (Группа авторов) Први балкански рат 1912—1913 (Операције српске војске). Прва књига. Београд, 1959. С. 333—835.

² Там же. С. 357—386.

находится ядро сербского государства, старых королей и царей, где находятся славные столицы времен Неманичей: новопазарский Рас, Приштина, Скопье, Призрен, где живут наши братья по крови, по языку, по обычаям, по народному сознанию, желаниям и стремлениям. Завоевательное и враждебное оттоманское правительство веками истребляет наших братьев». Далее речь идет об убийствах сербов, уводах в Азию и «до последних дней» насильственном выселении, обращении в мусульманскую веру «и женщин, и мужчин», отрицании веры, языка и имени сербского; говорится о «разорении Старой Сербии» и при новом «конституционном правительстве», имея в виду младотурецкий режим, которое старалось и «экономически уничтожить сербов». Это невыносимое состояние, написано далее в Королевской прокламации, «в течение нескольких сотен лет составляло сербов выселяться из Старой Сербии, а после нашей последней войны с турками каждый год в наше Королевство переходят тысячи отчаявшихся и обобранных беженцев. Ими сегодня полна Сербия». Кроме прочих проблем отмечается и отказ Порты дать одобрение на строительство железной дороги от границы Сербии до Адриатического моря. «Мое войско в Старой Сербии – отмечает король Пётр – кроме христиан застанет и сербов-мусульман, которые нам также дороги, а с ними и арбанасов, христиан и мусульман, с которыми наш народ вместе живет уже тысячу и триста лет, разделяя с ними и счастье, и горе. Мы всем им несем свободу, братство, равенство во всем с сербами»¹. Сразу после объявления войны король переехал в Вранье и оттуда следил за операциями армии, а позже – в Скопье – после его освобождения.

Чуть раньше, еще до объявления Сербией войны, то же самое на Цетинье сделал и черногорский король Никола, в прокламации которого, кроме прочего, говорится: «Черногорцы! Прискорбный призыв, доносящийся из Старой Сербии от угнетенных наших братьев, невозможно более вынести. Там вырезают не только мужчин, но и женщин, и беззащитных детей сербских. Голодные и несчастные сербские невольники бродят по горам и вокрут пожарищ домов своих, призывая вас защитить их и избавить. Долг и любовь рода возлагают на нас обязанность торопиться на помощь братьям нашим». Свое объявление войны Турции король Никола заканчивает следующими словами: «Пусть с Божьим и Святого Петра благословением осуществляются мечтания моей молодости, когда я стихами возвещал об этом знаменитом дне и подогревал груди сербские верой, что с оружием должны пойти мы: «Туда! Туда!.. За этими горами / Гроб Милоша-героя мы найдем...»²

Сербия и Черногория вступили в войну за освобождение Старой Сербии с большим энтузиазмом, с верой в то, что настал час осуществления

¹ Балкански рат 1912–1913. у слици и речи, уредио Душан Мил. Шијачки, друго издање. Београд, 1922. С. 236–237.

² Там же. С. 237. (Цитата из стихотворения Николая Петровича Негоша «Туда! Туда!»: «(...) Туда! туда!.. За этими горами / Гроб Милоша-героя мы найдем... / Там мир душевный обретется нами / И серб не будет более рабом».)

великой национальной миссии. Все общество пришло в движение, все слои, практически вся интеллигенция. Многочисленны примеры такого участия. Известный сербский ученый, академик Йован М. Жуйович, бывший министр, одно время и председатель Сербской королевской академии, в начале войны направил письмо председателю правительства Николе Пашичу. Письмо представляет собой убедительную иллюстрацию настроений в общественной и патриотической мысли того времени, характерной для сербской интеллигенции в начале XX века. Представляем здесь это письмо:

«Дорогой Председатель,

В первый день мобилизации я прибыл в Белград, а на второй явился окружному командованию, где мне сказали, что из-за моего возраста у меня нет и не будет никаких личных военных обязательств. Я дал армии обоз лошадей и волов. Помог шестерым-семерым военнообязанным крестьянам собраться на поле боя. На поле брани проводил брата и пятерых племянников, в двух-трех местах дал пожертвования для солдат и раненых.

Но наряду с радостью за наши военные удачи, меня всё равно мучает один вопрос: так как я не очень полезен, чувствую необходимость моим именем, которое я сохранил, помочь нашему Отечеству.

Прошу тебя, в нашу военную кассу принять пожертвование в 12 тысяч динаров, находящихся в Правлении фондов. Пусть Военное министерство использует их по своему усмотрению.

Также чувствую необходимость заявить следующее: если государству в этой войне будет нужно, я даю в распоряжение свое имущество, движимое и недвижимое, и наследство мое от отца и сбережения.

Твой Йован М. Жуйович»¹.

Другой маститый сербский ученый, филолог, академик Любомир Люба Стоянович, бывший председатель правительства, ушел на войну с Ибарской армией и прошел с ней все области². На войну ушли и многие другие молодые сербские интеллектуалы — поэты, писатели, ученые. Косовская идея представляла фундамент национального чувства и мышления сербских поколений в XIX — начале XX века. Полковник Милутин Д. Лазаревич, написавший многотомную работу *«Наши ратови за ослобођење и уједињење»*, справедливо указал на это состояние духа: «Косово! Это слово, которое в то время оказывало волшебное влияние на народные массы, вряд ли смогут понять следующие поколения»³.

Сербская армия в этой войне показала явное военное превосходство по сравнению с противником и мотивацию к победе. Недостаточная эффективность была замечена в работе разведывательной службы. Представляем здесь в кратких чертах развитие военных операций. Ибарская армия перешла границу 19 октября, а Первая, Вторая и Третья армии сделали это

¹ Балкански рат 1912–1913. у слици и речи, уредио Душан Мил. С. 294.

² Там же. С. 285.

³ Милутин Д. Лазаревић. Наши ратови за ослобођење и уједињење. Српско-турски рат 1912. године. Књига II. Београд, 1929. С. 45.

20 октября 1912 года. Решающие бои велись в направлении действий Первой армии, причем сначала, 23–24 октября, состоялся Кумановский бой, а позже, в ноябре – Битольский бой. Нападение турецкой Вардарской армии в направлении наступления Первой армии было для сербского верховного командования неожиданностью, так как считалось, что главный бой будет проходить на территории Овчье Поля. Хотя с сербской стороны в боях 23 октября участвовало лишь две дивизии, турецкая атака закончилась полной неудачей. На второй день боев, 24 октября, Первая армия сражалась и отбросила назад Вардарскую армию. Таким образом был решен Кумановский бой. Командующий Первой армией вошел в освобожденное Скопье 25 октября во второй половине дня.

После того как сербское верховное командование утвердило, что турецкая Вардарская армия отходит к Битоле, было принято решение о том, что главные силы будут сконцентрированы в этом направлении. Хотя сама по себе Битольская операция продолжалась 24 дня, и на первом этапе сербские войска разгромили Вардарскую армию на гребне Бабуны и в боях у Кичева и Алинца, захватив на другой стороне долину Вардара до Джевджелии, сам Битольский бой продолжался несколько дней, с 17 по 19 ноября 1912 года.

Битоль был окончательно освобожден 19 ноября. После освобождения Ресена и вхождения во Флорину, где произошла встреча с греческой армией, часть Первой армии продолжила продвижение в бассейне реки Черный Дрин и долине реки Шкумбини в Албании. В начале декабря был захвачен Эльбасан. Должность командующего Первой армией в те дни от наследника престола Александра перенял на себя генерал Павле Юришич Штурм.

Вторая армия в своем наступлении овладела районом Крива Паланка, вошла в Страцин, и, продолжая наступление в долине Брегалницы, освободила Кочаны, а затем начала бои с неприятелем в долине Струмы. В духе приказов своего верховного командования генерал Степа Степанович с Тимокской дивизией первого призыва и Дунайской дивизией второго призыва прибыл в распоряжение болгарского верховного командования и участвовал в продолжительной и изнуряющей осаде Адрианополя и окончательной сдаче Адрианопольской крепости 26 марта 1913 года.

Третьей армии в наступлении к Косово из направления Медведжи и Куршумлии 22 октября 1912 года удалось освободить Приштину. Освобождение Приштины дало большой моральный стимул как сербской армии, так и сербскому народу в Старой Сербии. В то же время оно уничтожающе подействовало на арбанасов и на турецкое командование. Командующий турецкой западной армией Али Риза-паша после падения Приштины направил Исе Болетини следующую депешу: «Вы на военных складах получили 63 000 ружей, но ничего не сделали. Приштина захвачена, и это поражение представляет позор для государства и народа, это оскорбление для славного османского оружия. Где теперь ваши обещания? По крайней мере, сейчас поторопитесь организовать роты и припугните неприятеля,

раз уж вы не способны к войне»¹. По приказу командующего Третьей армией генерала Янковича, на месте гибели князя Лазаря рядом с тюрбе Мурада прошли поминки по погибшим в Косовской битве в 1389 году. Третья армия после освобождения Приштины и Косово вышла в долину Вардара 28 октября и согласно военному плану объединилась с Первой армией. Однако уже 30 октября 1912 года главная команда приняла решение направить в Метохию реорганизованную Третью армию, чтобы создать базу для прорыва в Албанию и выхода в Адриатическое море. Тем временем одному конному дивизиону Дринской дивизии второго призыва под командованием майора Остойича, с дополнительными двумя стрелковыми ротами, взводом пулеметов и одной пушкой удалось войти в Призрен 30 октября. Майор Остойич держал Призрен до прихода 3 ноября Шумадийской дивизии первого призыва, сдерживая возможный натиск оставшихся турецких регулярных войск и албанских башибузуков применением военных хитростей.

Два дня спустя в Призрен прибыл и командующий армией генерал Янкович со своим штабом и оставался там до мая 1913 года.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ: АФЕРА «ПРОХАЗКА» В ПРИЗРЕНЕ

Поздней осенью 1912 года, пока еще продолжались военные действия, европейскую общественность потрясла так называемая «афера «Прохазка»», касающаяся австро-венгерского консула в Призрене Оскара Прохазка, чеха по происхождению. У монархии в Старой Сербии было три консульских отдела — в Призрене, Скопье и Косовской Митровице и так называемый «гражданский комиссар» в Плевле при командовании всеми войсками в Плевальском санджаке (1879—1908). Афера «Прохазка» не заслуживала бы столько внимания, если бы не была убедительной иллюстрацией преемственности пропагандистского арсенала за последние два века в стремлении дискредитировать сербское освободительное движение. Особенно во время развала югославского государства в конце XX века. Сербское правительство 8 ноября 1912 года передало правительству в Вене протест из-за вмешательства в боевые действия — прежде всего подстреканием турок и арбанасов к вооруженному сопротивлению, но, как уже упоминалось, к стрельбе с крыши австро-венгерского консульского отдела на сербские отряды. В ноте посланника Симича требовался отзыв консула². Прохазка родился в Брно, окончил Ориентальную академию в Вене, а до приезда в Призрен служил в Скопье. Вскоре после сербской ноты в венской, пештской и всей европейской печати последовал шквал статей

¹ Први балкански рат 1912—1913 (Операције српске војске). Прва књига. Београд, 1959. С. 496—497.

² Димитрије Ђорђевић. Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону. Београд, 1956. С. 92—93.

Джакомо Кантели да Виньола, Королевство Сербия,
называемое Рашка, Рим, 1689

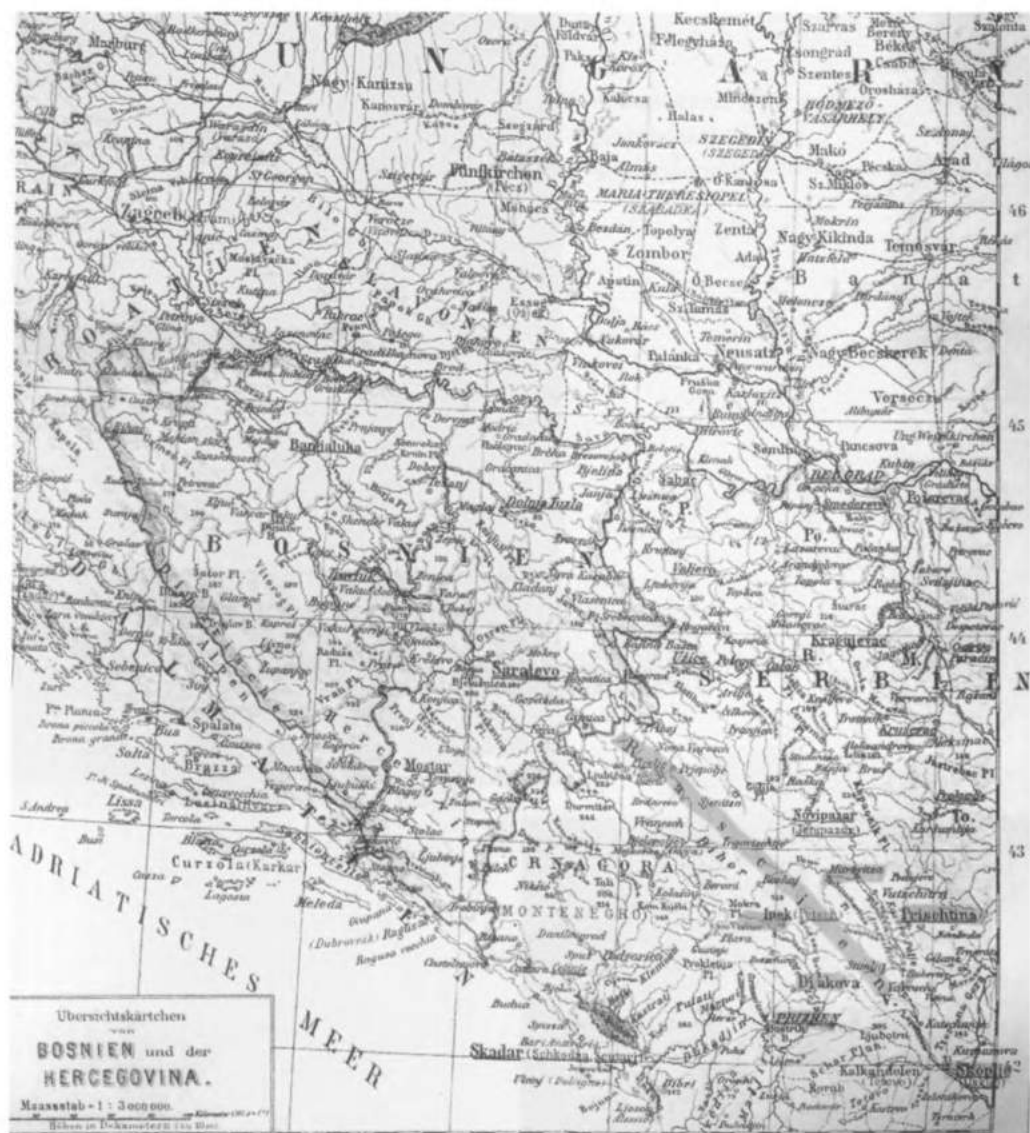
Северная часть Княжества Албания с районом Черногории, 1791

*Европейские территории Османской империи, согласно новым исследованиям, исполнены Иоахимом Валком, Вена, 1797
(Печ, Джаковица и Призрен обозначены как составная часть Сербии)*

*Карта Сербии,
издание
Imprimerie
g n rale de
C. Lahure,
Париж, конец
XIX в.*

Генрих Реннер, карта Боснии и Герцеговины, Берлин, 1896
(Старая Сербия обозначена как Рашка)

*Надпись на памятнике
на Газиместане,
Косово поле*

*Святой Савва Сербский.
Фреска из монастыря
Милешева*

*Сулейман-Хаки-паша,
мутесариф Плеваля
на рубеже XIX–XX веков*

*Омер-бег Байрович
из Плеваля*

Панорама города Призрен в межвоенный период

*Вид на городок Печ в межвоенный период
(Исторический музей Сербии)*

*Сербское консульство в городе Скопье, 1898 г.
(Альбом М. Ристича, Исторический музей Сербии)*

Стоян Новакович

Торговая улица Приштины (Исторический музей Сербии)

Три богатых сербских торговца (слева направо): Лазо Шечерович, Васо Стевович-Прибой, Глиша Веселичич. Город Приеполе, начало XX в.

*Митрополит Варнава
(Росич)*

*Икона Святой Параскевы
Пятницы из Печской
Патриархии
(Исторический музей Сербии)*

Храм во имя Св. Апостола Петра в Расе (Петровская церковь под Нови Пазаром)

*Монастырь Джурджеви Ступови под г. Нови Пазар
в ходе восстановительных работ*

*Сердар Янко Вукотич,
командующий
Восточным отрядом
черногорской армии*

*Воевода Путник
в Куманово
(Военный музей)*

*Никола Пашич
и князь Арсен
Карагеоргиевич
в Скопье. 1912 г.
(Военный музей)*

*Король Петр Карагеоргиевич и воевода Радомир Путник в Скопье
в 1912 г. (Военный музей)*

*Престољонаследник Александр Карагеоргиевич в Скопје
(Исторический музей Сербии)*

Церковь Св.Троицы в Куманово (Исторический музей Сербии)

Храм в Старо Нагоричино (1313 г.) под Куманово

*Манастиръ Матка на реке Треске (конец XIV в.)
в окрестностях Скопье*

*Королева Симонида.
Фреска монастыря Грачаница
(Исторический музей Сербии)*

*Икона Святого Георгия
из Печской Патриархии
(Исторический музей Сербии)*

Никола Пашич, 1916 г. (Военный музей)

*Приштина, здание управления Косовской дивизионной области
(Исторический музей Сербии)*

о его мучениях, о том, что он якобы оскроплен, и даже убит. Посольство из Лондона объявило 20 ноября: «Вся печать критически настроена против Сербии в связи с австро-венгерским консулом в Призрене»¹. В пештских и венских газетах даже писали, что сербы убили его жену и детей, хотя у него не было ни жены, ни детей, что с ним совершили «ужасное варварство», что унизили австрийский флаг и проявляли насилие над католическими священниками. Все это сопровождалось очерками о мнимых злодеяниях сербской армии над населением освобожденных областей и над австрийскими консулами. В Министерстве иностранных дел в Вене даже утверждали, что кроме Прохазки убит и консул в Митровице, фон Тахи².

Пропагандистская лексика того времени вошла в историографию и была обновлена в некоторых работах нового времени. Немецкий историк Холм Зундхаусен, не упоминая, что в 1912 году речь шла о войне между сербской армией и турецкими регулярными войсками, а также турецкими военизированными отрядами (состоявшими в основном из албанцев), утверждает, что события 1912–1913 годов «в Косово и некоторых областях Македонии сопровождалась жестокими стычками между сербами и албанцами, грубыми выходками сербской армии и военизированных отрядов против албанского и другого несербского населения, массовым бегством, чистками и насильственным обращением в православие»³. Замечено, пишет Зундхаусен, что в Первой балканской войне было «убито 20 000 албанцев», во время Балканских войн, по его словам, произошла этническая чистка большего масштаба. Утверждение о числе убитых албанцев не подкреплено ни одним соответствующим доказательством. То, что целая афера «Прохазка» была сконструирована, показывают, кроме сербских и прочих источников, и отчеты российского консула в Призрене Емельянова.

Консул Емельянов 1 ноября 1912 года известил российского посла в Белграде Гартвига о «случае Прохазка». Австрийский консул не одобрял решение турецких городских властей по передаче Призрена без борьбы. Мутесариф письменно уведомил Емельянова и Прохазку о том, что он сдает город, попросив их представлять мусульманское население перед сербской армией. Прохазка пришел к российскому консулу и кроме прочего сказал ему, что встречался с полковником турецких запасников, которого убеждал отступать в Люму и там оказывать сопротивление. Пока сербские войска приближались к Призрену, а призренские мусульмане остановили стрельбу в городе, чтобы не давать повода сербской артиллерии бить по городу, «с чердака австрийского консульства было выпущено несколько

¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. V, св. 3. С. 358.

² Тетрадь 3, пятой книги Документи о спољној политици Србије (подготовил Михайло Войводић) содержит множество документов по так называемой «афере Прохазка» (см. с. 61–696).

³ Холм Зундхаусен. Историја Србије од 19. до 21. века. Превео с немачког Томислав Бекић. Београд – Нови Сад, 2008. С. 237–238; Исти. Kosovo: Eine Konfliktgeschichte, Der Kosovo-Konflikt. München, 2000. S. 67; видети: Wolfgang Petritsch – Karl Kaser – Robert Pichler. Kosovo – Kosova. Mythen – Daten – Fakten. Klagenfurt – Wien – Ljubljana – Tuzla – Sarajevo, 1999. S. 91–93.

залпов»¹. Ни один мусульманин из Призрена, пишет Емельянов, не отреагировал на эту стрельбу. Тогда секретарь австрийского консульства отправился в заброшенную городскую крепость и выстрелил оттуда несколько раз из револьвера. Его сразу же арестовали встревоженные мусульмане, и чуть его из-за этого не линчевали. Мэр Призрена об этом уведомил Емельянова, который ему ответил, что, если бы мусульмане убили христианина, это могло бы быть сигналом к погрому над всеми христианами в городе, и сербская армия бы на это могла ответить расправой над мусульманами. Ослабленные силы сербской армии, которые вошли в Призрен 30 октября, были потенциальной мишенью для нападений в городе. Емельянов уведомил Гартвига, что на следующий день, 1 ноября, бывший жандарм Фрок Сакица, албанец-католик, по наущению Прохазки агитировал среди призренских мусульман атаковать малочисленный отряд сербской армии. Агитация оказалось неудачной, но он был арестован и военным судом осужден на смерть. Его жена 12 ноября отправилась в австро-венгерский консульский отдел, пишет Емельянов, и начала скандалить, обвиняя Прохазку в том, что он все организовал, «а ее муж сейчас мертв».

Российский консул Емельянов нанес визит генералу Божидару Янковичу, как только тот приехал в Призрен, а генерал уже на следующий день сделал ответный визит в консульский отдел. Обычную дипломатическую учтивость отказался проявить австро-венгерский консул Прохазка даже после визита в консульский отдел адъютанта генерала. Генерал заявил Емельянову, что из-за этого не расположен признать консульское звание Прохазки. Действительно, новая сербская власть в городе отказалась принять драгомана Прохазки, пришедшего по каким-то делам в окружной отдел. Емельянов считал, что Янковичу было известно об антисербских интригах Прохазки из двух его писем, конфискованных в Урошевце². Прохазка всё-таки на третий день нанес визит генералу Янковичу, сказав ему, что он просто ждал приглашения. Емельянов во многих своих отчетах подчеркивал, что австро-венгерский консул подстрекал люмлян атаковать небольшие сербские отряды, разоружавшие население по дороге из Призрена. По наущению Прохазки люмляне прибыли в Призрен 30 октября, чтобы противостоять мирной сдаче города прибывающей сербской армии. Они требовали от сербского командования через российского консула четырехдневного перемирия, в чем консул отказал, пообещав только, что он возьмет их под защиту, если они сдадут оружие и не будут нападать на сербскую армию³. Прохазка покинул Призрен и отправился в Скопье 24 ноября 1912 года, сопровождаемый протестами населения. Он не попрощался не только с генералом Янковичем, но и с консулом Емельяно-

¹ Архив внешней политики Российской империи — Москва, Фонд Миссия в Белграде, Оп. 508/1, 1912, д. 139, р. 2, 1.898 об — 899 об, Емельянов—Хартвигу, 29. октября 1912. Русский коллега Максим Анисимов из Института истории Российской академии наук любезно предоставил мне отчеты консула Емельянова из Призрена. Пользуясь случаем, хочу его за это поблагодарить.

² Там же, л. 800—801 об, Емельянов Хартвигу, 13. ноября 1912.

³ Там же, л. 919—920, Емельянов Хартвигу, 21. ноября 1912.

вым, который с ним поддерживал корректные отношения. С Прохазкой в Скопье встретился австро-венгерский дипломат Эдл в сопровождении Милана Ракича, которые затем прибыли в Призрен 6 декабря 1912 года, чтобы проверить обоснованность протестов и жалоб Прохазки¹.

В соответствии с военным планом и приказом верховного командования от 3 ноября, а также с политикой правительства — как можно быстрее двинуться через Албанию и выйти на Адриатическое море у Леша и Драча, в начале ноября 1912 года из состава Третьей армии были сформированы дринско-албанский и шумадийско-албанский отряды. Командующий армией Божидар Янкович требовал от верховного командования, чтобы повременили с движением в этом направлении, «так как нет ни хлеба, ни корма для лошадей, ни опанков», но он получил ответ, что в путь нужно двигаться как можно раньше, чтобы быстрым прорывом через Албанию и выходом на Адриатическое море воспрепятствовать вмешательству великих сил и поставить их перед фактом². В тяжелых боевых действиях в Албании с 8 по 29 ноября сербским силам удалось овладеть средней и северной частью албанского приморья, заняв Леш, Крою, Тирану и Драч³. Верховное командование послало Черногории 12 пушек «Круп» и одобрило участие части Приморских войск в наступлении на Шкодер.

На другой стороне, в то же время протекал процесс освобождения оставшихся частей Македонии. Единицы дринской дивизии второго призыва в сотрудничестве с авангардом черногорских сил под командованием бригадира Радомира Вешовича 4 ноября освободили Джаковицу. Силами Ибарской армии 23 октября был освобожден Нови Пазар, и таким образом были созданы условия для взаимодействия с черногорской армией и выступления в направлении Метохии. Так называемый Митровицкий отряд Ибарской армии вышел из Нови Пазара и через Рогозну 27 октября прибыл в Косовскую Митровицу. В соответствии с приказом верховного командования Ибарская армия 2 ноября продолжила наступление в направлении Печи и вечером 3 ноября прибыла в город.

Печ, однако, 30 октября уже освободил Восточный отряд черногорской армии под командованием бригадира Янка Вукотича. Ибарская армия из Печи продолжила наступление в направлении Джаковицы, но так как в то же время, узнала, что Джаковица освобождена, собралась в этом городке и вернулась в Косовскую Митровицу, где 25 февраля 1913 была расформирована. Яворская бригада в соответствии с военным планом, наступая с Явора сначала 25 октября освободила Сенницу, а затем 27 октября — Приеполе. В Плевлю она вошла 28 октября, в которую сразу после Яворской вошли единицы черногорского Прекотарского отряда, но по взаимному соглашению отступили к левому берегу реки Чотины, представлявшей до

¹ Архив внешней политики Российской империи — Москва, Фонд Миссия в Белграде, л. 1198 а, Емельянов Хартвигу, 9. декабря 1912.

² Борислав Ратковић. Први балкански рат (Операције српске војске), друга књига. Београд, 1975. С. 260.

³ Там же, 7—238; Милић Милићевић. Рат за море. Београд, 2012.

конца 1913 года границу между двумя сербскими государствами. Яворская бригада немного опаздывала с наступлением с Явора из-за неизвестности, какова будет позиция Австро-Венгрии и будет ли она вмешиваться в военные действия.

Бои на территории Албании с турецкими войсками и албанскими военными формированиями, до недавнего времени турецкими верными союзниками, продолжались и в течение первых месяцев 1913 года. В ноябре 1912 года сербская армия в Албании действует на территории, которая по-прежнему является турецкой. Падением Янины 6 марта, Адрианополя 26 марта и Шкодера 23 апреля 1913 года практически окончены военные операции Первой балканской войны. В Валоне 28 ноября 1912 года, в тот же день, когда сербские войска вошли в Тирану и Драч, провозглашена автономная Албания, что в значительной мере изменило военно-политическую ситуацию. После вмешательства великих сил, в первую очередь Австро-Венгрии, в апреле 1913 года началось отступление сербских Приморских войск из Албании, по морю до Салоников, а оттуда по железной дороге. Речь шла в любом случае об ошибочной оценке международной ситуации ведущими политическими личностями Сербии и ненужными боевыми действиями на территории Албании. Не обращая внимания на предостережения Австро-Венгрии, пишет историк Димитрие Джорджевич, «сербское командование, а также дипломатия спешили свершившимся фактом достичь военных целей Сербии». Сербия решилась на выход к морю через Албанию по экономико-стратегическим причинам, особенно после опыта таможенной войны с Австро-Венгрией. План выхода к морю, то есть строительства железной дороги, был представлен уже в 1843—1844 годах, а затем несколько раз поднимался в Порте — в 1897, 1907, 1908 годах. Порта в 1909 году разрешила прокладку маршрута Адриатической железной дороги по направлению Мердары—Медова, в 1911 подписала договор на прокладку маршрута. В апреле 1912 года в Приштину прибыли инженеры, которые должны были выполнять эту работу. Однако албанские мятежи на протяжении последних нескольких лет турецкой власти, особенно летом 1912 года, помешали реализации этого проекта. Главное препятствие появилось в лице Австро-Венгрии, выступившей со своим проектом дороги Увац—Митровица, который в январе 1908 года представил граф Эренталь¹. Направление Увац—Митровица, как заявил Эренталь, «будет, безусловно, состоятельным в качестве транспортно-политической идеи, так как оно связывает боснийскую железнодорожную сеть не только с транспортными путями соседних стран, но и открывает новые транспортно-политические перспективы». Существовали разногласия и в рядах ведущих политиков в Сербии в связи с вопросом Адриатической железной дороги. Милован Милованович видел возможность выхода к Адриатиче-

¹ Димитрије Ђорђевић. Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 6—8; Владимир Ђоровић. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 118—141.

скому морю в качестве важного предварительного условия для заключения союза с Болгарией и соглашения с ней по вопросу Македонии. Никола Пашич больше склонялся к вардарской Македонии, к югу, моравско-вардарскому направлению как географическому и стратегическому хребту Балкан¹. Австро-Венгрия слишком долго финансировала албанское движение: строила больницы, семинарии, школы (только в 1912 году ее бюджет для албанских школ составлял 148 000 крон). Димитрие Джорджевич по праву делает вывод: «Выход Сербии на Адриатическое море через северную Албанию разрушал венский план создания Великой Албании, в которой Австрия рассчитывала найти союзника в борьбе против Сербии и прорыва к Салоникам»².

У албанцев было право на свое государство в границах бесспорных албанских этнических территорий. Это право нельзя приравнивать к великоалбанским проектам и претензиям на чужие территории, которые имели сильную поддержку, прежде всего, в венских кругах. Было великое множество аргументов, доказывающих, что любая акция по сербскому выходу на Адриатику через Албанию встретит жесткое сопротивление великих сил, особенно Австро-Венгрии. Лондонский договор от 30 мая 1913 года окончил войну между Турцией и балканскими государствами, а мирным договором в Бухаресте от 10 августа 1913 года, после Второй балканской войны, было проведено разграничение между балканскими государствами. На первом заседании конференции послов в Лондоне 17 декабря 1912 года, которой руководил британский государственный секретарь по международным делам сэр Эдвард Грей, было принято решение о формировании автономной Албании. Делегацию Сербии возглавлял Стоян Новакович, а Черногории — Лазарь Миошкович. Также было принято решение о коммерческом выходе Сербии на море через албанский порт, по железной дороге, который бы находился под контролем великих сил. Вопрос о границе Сербии и Черногории с автономной Албанией вызвал серьезные споры между участниками конференции послов в Лондоне. После рассмотрения трех предложений (Сербии и Черногории, Австро-Венгрии и России) было принято решение, которое можно было считать компромиссным для Австро-Венгрии и России. Австро-Венгрия требовала, чтобы Печ, Джаковица и Призрен, а также Дебар и Охрид отошли Албании. Особенно Австро-Венгрия была неуступчива в вопросе Шкодера. Она во всем имела поддержку Германии и Италии, с тем, что, по мнению Италии, Шкодер должен отойти Черногории³. В российском проекте предусматривалось, что северная граница Албании будет проходить (от моря) вдоль реки Дрин до устья Белого Дрина, а на востоке — вдоль течения Черного Дрина до Охридского озера. Сербский проект предусматривал, что северную грани-

¹ Димитрије Ђорђевић. На почетку раздобља ратова. Историја српског народа, шеста књига, први том. Београд, 1983. С. 186.

² Д. Ђорђевић. Излазак Србије на Јадранско море. С. 9.

³ Михаило Војводић. Разграничење Србије и Црне Горе с Албанијом 1912–1913. године. Историјски часопис, књ XXXVI (1989). Београд, 1990. С. 151.

цу Албании будет представлять река Мати, и только «в крайнем случае», как пишет Михаило Войводић, «мы бы уступили до Дрина». Граница на востоке, в соответствии с этим предложением, должна идти вдоль горного хребта, разделяющего «воды Дрина и македонских озер с одной стороны и Адриатики с другой стороны». Сербии должны были отойти окрестности Охридского озера и сербские и албанские поселения в долине Дрина. Суровая борьба велась не только за Шкодер, но и за Джаковицу. Никола Пашич считал, что Джаковица находится в колыбели Сербии, что здесь «метох» Дечан и сербские церковь и школа, что сербы здесь когда-то представляли большинство, а сейчас они изгнаны или убиты. Дать Джаковицу албанцам значило бы, считал он, отдать ей все Косово¹. В рядах экспертов австро-венгерского посла Мейнсдорфа находились Теодор Ипен, начальник отдела в австро-венгерском Министерстве иностранных дел, опытный дипломат и опытный албаниолог, и посол в Цетине – Гизл, а с российским послом Бенкендорфом консулом в Битоли был Александр Петряев². Решено, что Плав, Гусинье, Печ, Дечаны, Джаковица, Призрен, Дебар и Охрид отойдут Сербии и Черногории. Уже в начале июня 1913 года сделаны записи о первых изгнаниях сербов из областей, вошедших в состав автономной Албании, из некоторых областей Подкожана, вблизи Битоли³.

Война Сербии против Турции и освобождение Старой Сербии и Вардарской Македонии нашли горячий отклик в сербском обществе, среди всех сербов, а частично и среди других славянских народов. Много молодых людей осталось на поле брани, среди них было немало представителей интеллигенции – на заре их научной, дипломатической или литературной карьеры. В Куманово, например, наряду с другими храбрыми солдатами и офицерами – каким был подполковник Александр Глишич, погиб и сержант запаса кавалерии Владета Ковачевич, секретарь Министерства иностранных дел, обучавшийся в Париже, единственный сын историка академика Любомира Ковачевича. В те дни на линии от Медведжи к Приштине, погиб как доброволец студент Александр Живанович-Саня, единственный сын Живана Живановича, государственного советника, бывшего министра, автора известной *«Политичке историје Србије друге половине 19. века»*. Среди добровольцев в наступлении на Косово находился также дипломат и поэт Милан Ракич. Он только что вернулся из Приштины, с консульской должности и стал шефом политического отдела Министерства, затем отправился назад с ротой коммитов Войина Поповича, в числе первых вошел в Приштину⁴. В порту Сан-Джованни погиб молодой талантливый поэт Савва Радованович – во время атаки турецкого корабля «Хамидия» на суда с сербским войском, находившихся в порту. Он публиковался в *«Дело»* и других журналах. Одно из его последних стихотворений называется *«Ноћ уочи борбе»* (*«Ночь накануне боя»*), написанное в Девджели во время войны.

¹ Михаило Войводић. Разграничење Србије... С. 156.

² Там же. С. 152.

³ B. Peruničić. Svedočanstvo o Kosovu. С. 516.

⁴ Милан Турчин. Ракић на Косову. Задужбине Косова. С. 760.

В Балканских войнах 1912–1913 годов активно участвовало и сербское священство. Хотя закон о воинской обязанности и военной службе указывает на то, что священники не являются военнообязанными, многие священники добровольно являлись в военные органы. Военных священников было всего двадцать четыре, распределенных по полкам и другим военным единицам. Многие священники работали в военных станциях и госпиталях в том числе и в качестве казначеев, собирали пожертвования для Красного Креста, были членами комитетов помощи бедным военнослужащим, заботились о нуждах солдат и раненых. Большинство священников умерло от холеры. Кроме военного протоиерея Саввы Кезича, умершего от изнурения при военном марше, на поле боя от холеры умерли военные священники: Михайло Еврич, приходской священник в Звездане (Тимокский округ), Милош Терзич, приходской священник в Валево, Боголюб Ковачевич, священник в Оровице (Подриныйский округ), Любомир Радивоевич, приходской священник в Кушилеве, Милутин Момирович, приходской священник в Попоце, Драголюб Попович, капеллан в Мозгове (Алексинский уезд), священник Милета Стоянович... В самый канун войны от рук албанцев и турок пострадали священники Данило Попович (родом из Сочаницы, окончил Призренскую богословию) и Петар Бачанин и Филип Крسمанович в Рашской области. На поле боя, погибли богословы семинарии «Святой Савва» Божидар Максимович, Секула Васильевич и Вукашин Бекчич. Владыка в Нише Доментиан заразился тифом и умер, ежедневно посещая больных и раненых в нишских госпиталях¹.

Многие маститые интеллектуалы находились в первых боевых рядах или сразу за первыми боевыми линиями. В освобожденное Приеполе первым вошел пехотный поручик в запасе Драгиша М. Джурич, философ, профессор Белградского университета, Бранислав Нушич — сначала был помощником начальника Скопского, а затем и первым начальником Битольского округа. Художница Надежда Петрович стала сестрой милосердия в Призрене. Освобождение Старой Сербии и Вардарской Македонии вдохновило многих поэтов и вообще пишущих людей. К таким работам относятся, кроме прочих, стихи Йована Йовановича Змая «*Турчину*», Алексы Шантича «*Пјесма са Вардара*», «*На обали Драча*», «*Јутро на Косову*», «*Призрене стари*», «*Битол*», «*На мртвој стражи*», Симы Пандуровича «*Црква Св. Спаса у Скопљу*», «*Војнички растанак*», Войслава Илича младшего «*Скадарским херојима*», «*Отац*», Андре Гавриловича «*Покајање Мусића Стеве*», «*Богдан од Дојрана*», «*Сватови Милоша Војиновића*», «*Дојчин*», Владислава Петковича Диса «*По гробовима*», «*Нашим херојима*», Йована Дучича «*Брегалница*» и другие. Известный политик, журналист и писатель Яша Томич оставил после себя драгоценные свидетельства в трех томах о Первой балканской войне 1912–1913 годов, в числе которых «*Рат на Косову и Старој Србији 1912. године*», опубликованные в Нови Сале в 1913 году.

¹ Свештеници у ратовима, Балкански рат 1912–1913 у слици и речи, уредио Душан Мил. Шијачки, друго издање. Београд, 1922. С. 581–583.

Гуляя по освобожденному Призрену и окрестностям («Везде одни лишь следы прежнего блеска и руины»), Томич с ностальгией вспоминает стихи своего земляка Стерии:

Там, где старый Призрен град,
Там, где слава сербская,
Там где дворы были встарь,
Все травой покрыто...

Писатель из Далмации Иво Чипико опубликовал в 1914 году в Сараево брошюру *«Утисци из рата 1912»*. Здесь собраны сербские и зарубежные свидетельства.

Освобождением Старой Сербии и Македонии началась новая историческая эпоха, от которой многого ожидали. Сербь в 1912 году освободили свои земли от турок и, как пишет Цвийич, «очистили от страшного насилия области, с которыми самыми крепкими узами связаны сербская мысль и сербские чувства»¹. События XX–XXI вв. обесмыслили общественное и цивилизационное стремление национально-государственного чувства сербов по возвращению к историческим истокам, повернув «колесо истории» во времена, предшествующие этому великому историческому событию. Об этом убедительно свидетельствует судьба Косово и Метохии как средоточия Старой Сербии.

¹ J. Цвијић. Указ. соч. С. 18.

Глава IX

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОСВОБОЖДЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ И ПОПЫТКИ РЕВИЗИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ

После победы над турками балканские союзники не могли договориться о разделении Македонии. Болгары претендовали на Салоники и Кавалу и на часть Македонии до линии Крива Паланка — Охридское озеро. «Греки и сербы не отдавали занятые области. Сербия требовала ревизии договора, компенсации за потерянную Албанию, за работу, которую, исполняя обязательства, выполнила, и за непредусмотренное расширение Болгарии на востоке, которое та смогла осуществить благодаря действиям Сербии, выходящим за рамки обязательств по договору»¹. Как уже было сказано, Сербия предлагала арбитраж русского царя по вопросу сербско-болгарской границы в Македонии, как это было предусмотрено договором о союзнничестве. Сербия и Греция договорились о разграничении Македонии, заключив 1 апреля 1913 года союз для обороны захваченных областей. Болгария не согласилась с ревизией и арбитражем договора и внезапно, вероломно напав на Сербию, вызвала Вторую балканскую войну (июнь—август 1913 года). Сербы победили болгар на Брегалнице. Греки захватили Фракию до реки Марицы, турки — Адрианополь, румыны — северную Болгарию.

Драматическое окончание многовекового балканского вопроса было санкционировано несколькими международными договорами в течение 1913–1914 годов. Договором о мире между Турцией и балканскими союзниками, подписанным в Лондоне 30 мая 1913 года, Султан «уступил союзникам все области царства на европейском континенте, находящиеся в западном направлении от железной дороги от Энеза на берегу Эгейского моря до Мидии на Черном море, исключая Арбанию» (2-я статья)². В 3-й статье этого договора Султан и союзники договорились о том, что немецкий, австрийский и русский цари, короли Великобритании и Италии и президент Франции «определят границы Албании и уладят все остальные вопросы, касающиеся Албании». В договоре о мире, подпи-

¹ Василь Поповић. Македонско питање (у) Ст. Станојевић Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ. 2 И-М. Загреб. С. 650.

² Уговор о миру од 1/14. марта 1914.; Уговор о миру од 17/30 мая 1913 года, Министерство иностранных дел. Белград, 1914. С. 17.

санном в Бухаресте 10 августа 1913 года Румынией, Грецией, Черногорией, Сербией и Болгарией, делегации которых возглавляли Т. Майореско, Е.К. Венизелос, Й. Вукотич, Н. Пашич и Д. Тончев, были утверждены границы между балканскими государствами. В протоколе № 7 от 6 августа 1913 болгары согласились со вторым из двух предложений, выдвинутых сербской делегацией, в соответствии с которым Болгарии оставлен город Струмица. В приложении D к протоколу № 9 от 7 августа приняты «отдельные описания новой сербско-болгарской границы», а такое же описание содержится и в протоколе, добавленном к 3-й статье Бухарестского мирного договора¹.

Греция и Сербия обозначили общую границу в Македонии, согласно которой Сербии отошли Битоль с окрестностями и долина Вардарана на юг от Джевджелии, а Греции — Драма, Серрез и Кавала. Сербия 14 марта 1914 года в Константинополе подписала с Турцией особый договор о мире, регулирующий вопросы общей амнистии, гражданства, религиозные вопросы мусульман в Сербии, вопрос мусульманских школ и учреждений и другие вопросы. В 11 статье этого Договора утверждено, что правительство Сербии «берет на себя права, бремя и обязательства царского османского правительства касательно Ассоциации восточных железных дорог и Сообщества Салоники — Битоль в связи с частью железной дороги, проходящей по областям, отданным Сербии».

Границы, утвержденные Бухарестским мирным договором, являлись международно-признанными границами Королевства Сербии, с которыми оно в 1918 году вошло в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Однако сразу после освобождения, а затем и после международного разграничения на территории Королевства Сербии началось внедрение хорошо организованных качакских отрядов из Албании, вкупе с местными группами качаков, а также отрядов «верховистов» из Болгарии. Мощную логистическую, да и прямую поддержку этой подрывной террористической деятельности против Сербии, кроме Албании и Болгарии предоставляли Турция и Австро-Венгрия. В сентябре 1913 года произошел великий албанский мятеж в Дебаре, поддержанный деньгами и боеприпасами правительства во Влэре. В октябре 1914 года сербские правоохранительные органы столкнулись с двумя турецкими коммитскими отрядами у местечка Байрам-Цури в Дорьянском уезде. В начале 1915 года была развернута подрывная деятельность болгаро-турецких коммитских отрядов. Мощные силы болгар, турок и австрийцев, состоящие из 3000–3500 коммитов 20 марта 1915 года ворвались с территории Болгарии на территорию Сербии. Был убит 281, а ранено 67 человек — солдат сербской армии и полиции, представителей власти и гражданского населения. Это событие стало известно как «резня в Валандово»².

¹ Букурешки уговор, од 28. јула/10. августа 1913. С. 30, 78, 87–88.

² Драгиша И. Кецојевић. Валандовски покољ 20. марта 1915. године. Скопље, 2005. С. 113–122. Упоминају се подаци о 261 убитих и 87 рањених.

В конце 1936 года вблизи Удова была построена мемориальная часовня, которую уже в 1941 году осквернили и разрушили болгарские оккупационные войска. После Второй мировой войны совершались попытки восстановления мемориальной часовни, но и далее имели место случаи осквернения «в течение 40 и более лет существования второй Югославии и после этого [...] Время от времени неизвестные лица взламывали замки и задвижки, ломали входную дверь, разбрасывали останки»¹. По словам Драгиши Кецовича, члены церковного комитета в Йосифове заботились о мавзолее сколько могли, особенно старался Владо Попович, который вплоть до своей смерти в 1983 году «настойчиво чинил замки, задвижки и двери и собирал разбросанные кости по мавзолею». Болгария в ходе Первой мировой войны совместно с Австро-Венгрией и Германией оккупировала македонские области Сербии и части Старой Сербии, но после победы Сербии и сил Антанты была вытеснена из этих областей и даже потеряла власть в Струмице, принадлежавшей ей по Бухарестскому мировому соглашению. Также она была вытеснена и с берегов Эгейского моря. Ней-иский договор 27 ноября 1919 года в соответствии с международным правом санкционировал эти изменения.

Ключевую роль в ревизии результатов Первой балканской войны и обесмысливании освободительных усилий Сербии играли македонские, проболгарски настроенные коммунисты, естественно с благословения руководства КПЮ и одобрения сербских коммунистов. Об идеологическом профиле большей части руководства македонских коммунистов накануне и в начале Второй мировой войны, а также позднее, говорит факт, что уже в 1941 году секретарь КК КПЮ (Краевого комитета Коммунистической партии Югославии) по Македонии Мефодий Шаторов Шарло высказался за Болгарскую коммунистическую партию и занял шовинистскую позицию по отношению к сербам в Македонии. Шаторов родился в Прилепе, с 1920 года был членом БКП (Болгарская коммунистическая партия), был членом ВМОРО (Внутренняя македонско-одринская революционная организация) и ее пиринского руководства, с 1928 года — член ЦК БКП. С 1930 года он состоял в Коминтерне в качестве представителя ЦК БКП («ответственный за революционные движения на Балканах»)², затем в ЦК КПБ был главным ответственным лицом, курирующим участников Гражданской войны в Испании. В апреле 1940 года был выбран на место секретаря ПК КПЮ по Македонии, а на Пятой земельной конференции в октябре 1940 года на место члена ЦК КПЮ. Наверное, не случайно, что Димитар Влахов, один из учредителей ВМОРО — после Второй мировой войны — стал председателем НОФ Македонии (Славяно-македонский народно-освободительный фронт), а также заместителем председателя ФНРЮ (Федеративной народной республики Югославии). Вскоре, в 1941 году,

¹ Указ. соч. S. 129.

² Сто македонски години 1903–2003, Редактор Јован Павловски. Скопје, 2004. С. 265–266.

Шаторова сменили, и был сформирован новый КК во главе с Лазарем Колишевским, чтобы ранней весной 1943 года, после прибытия делегатов ЦК КПЮ и верховного штаба Светозара Вукмановича Темпа был сформирован и ЦК КПМ (Центральный комитет Коммунистической партии Македонии). Интересно, что генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров в 1941 году говорил о *Сербской Македонии*. В телеграмме Димитрова, направленной из Москвы Антону Иванову 23 августа 1941 года, подчеркивается необходимость сотрудничества БКП и КПЮ в *Сербской Македонии*, которая должна стать одной из баз партизанского движения. Руководство в Сербской Македонии должно находиться в руках КПЮ, а две партии должны защищать право македонского народа на самоопределение¹.

В соответствии с решениями второго заседания АВНОЮ (1943) и постепенного перехода власти в конце Второй мировой войны к Коммунистической партии Югославии, ЦК КПМ 2 августа 1944 года организует Первое заседание АСНОМ (Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии). На Первом заседании АВНОЮ 26 и 27 ноября 1942 года не присутствует македонская делегация. Участвуют «члены совета из Словении, Хорватии, Сербии, «Санджака», Боснии и Герцеговины, Черногории и Воеводины». В докладе Тито и в докладе Ивы Лолы Рибара наряду с другими народами упоминаются и «македонцы». В начале Второго заседания АВНОЮ 29 ноября 1943 года утверждено, что на «наше заседание не смогли приехать делегации из Македонии и Санджака». Говорится, что «Македония должна делегировать 42 члена совета. Мы, однако, по радио, приняли сообщение, что в АВНОЮ избраны Димитар Влахов, Апостолоски (Митич) Михаило, Нацева Мара, Андреев — Ронката Бане, Поп — Томов Владо, Андонов — Ченто Мефодие, Колишевски Лазарь, но сообщение не принято в целости»². АВНОЮ, вопреки такому странному способу коммуникации, утвердил семь членов совета из бывшей сербской, то есть югославской части Македонии. В докладе Тито, кроме прочего, говорится: «Партизанское движение в Македонии тесно связано с партизанским движением в Албании и Греции и в то же время представляет серьезную поддержку развитию партизанского движения и в самой Болгарии»³. Димитар Влахов избран на место заместителя председателя АВНОЮ, хотя не присутствовал на заседании. Македонские власти всё время после Второй мировой войны утверждали, что заседание АСНОМа проводилось на юге Сербии в монастыре Св. Прохора Пчинского, в крыле для паломников. На этом собрании АВНОЮ было учреждено в качестве верховного законодательного и исполнительного органа, и таким образом в южной части территории бывшего Королевства Югославии,

¹ България своенравният съюзник на Третия Райх. София, 1992. С. 49.

² Прво и Друго заседание Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије. По топографским белешкама и другим изворима. Београд, 1953. С. 176–177.

³ Там же. С. 184.

вошедшей как часть Королевства Сербии в югославское государство, провозглашена одна из шести югославских федеральных единиц — Народная республика Македония, а позже Социалистическая Республика Македония. В декларации АСНОМ упоминается «македонский народ, братья арнауты, турки и влахи»¹. Сербы как народ не упоминаются, хотя веками живут на этих территориях рядом с другими упомянутыми народами. В начале сентября 1944 года Иван Ванчо Михайлов по распоряжению немцев прибыл из Софии в Скопье с намерением провозгласить независимую Македонию — но в этот раз этого не произошло².

¹ Антон Прванов, Маријана Николова Стамова. Албанскиот фактор во Македонија (1944–1991). Македонија во двадесетиот век... С. 253.

² Миле Михайлов. Прашањето на обединувањето на Македонија во Втората светска војна и интересите на големите сили. Македонија во двадесетиот век... С. 128–129.

Глава X

СТАРАЯ СЕРБИЯ В ВОДОВОРОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Геополитическое и военно-стратегическое значение Старой Сербии в балансе влияния великих сил на Балканах придавало этому региону особое международное измерение. Старая Сербия и Босния и Герцеговина с самого начала сербской борьбы за освобождение и объединение являлись приоритетным направлением сербской национальной стратегии. Направления национальной политики определил еще Карагеоргий, военной акцией в направлении города Ниш, Рашки и реки Дрины, а также политические планы его преемников, в первую очередь князя Михаила Обреновича. В конце 1808 года в рапорте о Сербии, который командующему русской Дунайской армией князю Прозоровскому подал посол в Сербии Константин Родофинкин, подчеркивается, что южные границы обновленного сербского государства должны, кроме прочего, охватывать Скопье и Нови Пазар¹. Территория, занимаемая Старой Сербией, также находилась в сфере балканской стратегии великих сил. Для Османской империи она была весьма важной, так как через эту территорию в XIX веке проходили главные военно-стратегические и торговые пути между Боснией и Герцеговиной и остальными областями империи. Поэтому Турция, с одной стороны, была весьма заинтересована сохранить ее в своих границах, а с другой стороны, этнически и демографически укрепить на ее территории мусульманскую доминацию, в первую очередь албанскую. Со второй половины XIX века, со времен Крымской войны Старая Сербия стала важна как для среднеевропейских, так и для западноевропейских сил, основной целью которых было предотвращение усиления русского влияния на Балканах, а тем самым и сербского влияния, которое в их упрощенных стереотипах всегда выглядело как продолжение российской политики. После битвы у Садовой (1866) и выбывания Австрии из борьбы за немецкое объединение Старая Сербия стала одной из важнейших точек в балканской стратегии Австро-Венгрии.

Восстания в Боснии и Герцеговине и западных частях Старой Сербии в 1875 году и сербско-турецкая война в 1876 году подняли не только серб-

¹ Славенко Терзић. Русија и српско питање 1804–1815. Нови Сад, 2012. С. 132.

ский вопрос, но и разожгли крупный международный кризис, известный как Восточный кризис (1875—1878)¹. В историографии не до конца освещена роль внешнего фактора, в первую очередь Австро-Венгрии, в тайном поощрении сербского повстанческого движения, вызвавшего кризис и давшего Вене предлог для оккупации Боснии и Герцеговины и прорыва на Балканы. Пока в Белграде в мае 1876 года велась дискуссия о главных стратегических направлениях войны против Турции, было понятно, что основные наступления произойдут в направлении Старой Сербии. Группа офицеров (генерал Ранко Алимпич, полковник Любомир Иванович и Майор Савва Груйич) считала, что главный удар нужно нанести по Нишу, а другая группа (полковник Коста Протич, полковник Каленич, подполковник Бекер и майор Димитрий Джурич) считали первоочередными военные операции в направлении Сеницы и Пештера с целью отделения Боснии и Герцеговины от Османской империи, установления связи с Черногорией и создания базы для дальнейших операций в Старой Сербии и Боснии и Герцеговине².

Из четырех военных группировок (Моравская, Тимокская, Дринская и Ибарская армии) две были направлены к Старой Сербии: самая многочисленная Моравская — к Нишу и менее значительная Яворская — к Сенице. Вскоре оказалось, что Сербия в военном смысле не была готова к войне. Хотя уже тогда было ясно, что исход войны будет зависеть от великих сил, в данном случае от Рейхштадтского соглашения (1876) и Будапештской конвенции (1877), подписанных между Россией и Австро-Венгрией, а не от военных действий. Сербии удалось во время Второй сербско-турецкой войны 1877—1878 годов освободить четыре своих будущих округа, но всё-таки она должна была отступить из занятых ею областей в Косово. А именно, 23—24 января по старому, или 4—5 февраля по новому стилю 1878 года отряды Второй шумадийской дивизии под командованием майора Радомира Путника освободили Гнилане и приблизительно сто деревень в округе и оказались на пути к Приштине, в то же время добровольцы, во главе с лейтенантом (поручником) Милошем Сандичем и небольшие части регулярной армии на заре 24 января (5 февраля) вошли в деревню и монастырь Грачаницу³. На следующий день в прославленном монастыре отслужили праздничную литургию на славу сербского князя, сербского войска и косовских героев 1389 года. В те дни была освобождена долина реки Лаба и город Подуево. На основании русско-турецкого перемирия в Адрианополе 31 января 1878 года сербская армия должна была отойти к границам Нишского и Приштинского санджака. Повстанческое движение на местах не успокаивалось: накануне Берлинского конгресса произошло восстание в Кумановской и

¹ О устаничком покрету у Потарју и Полимљу см: Вукоман Шалипуровић, Устанаку западном делу Старе Србије 1875—1878. Титово Ужице, 1968.

² Слободан Јовановић. Влада Милоша Обреновића, књига друга. Београд, 1934. С. 28—31.

³ Владимир Стојанчевић. Прво ослобођење Косова од стране српске војске у рату 1877—1878, Срби и Арбанаси 1804—1912. Нови Сад, 1994. С. 164—165.

Кривопаланской казах, а после неблагоприятного для сербов исхода этого крупного международного кризиса в 1880 году произошло восстание в Кичевско-поречском крае («Брсьячка буна»).

Прежде чем было подписано перемирие в Адрианополе 31 января 1878 года, сербское правительство и князь обратились к русскому царю с просьбой внести в пункты перемирия, наряду с независимостью Сербии, и «присоединение к Сербии Старой Сербии или сегодняшнего Косовского вилайета, включая Видин»¹. Министр военных дел в российский консульский отдел в Белграде доставил две карты: на одной были обозначены границы Старой Сербии, а на другой — границы Косовского вилайета. А министр финансов доставил статистические данные по Косовскому вилайету. Было обозначено, что Косовский вилайет охватывает территорию «от современной сербской границы вдоль Дрины до слияния рек Тары и Пивы, оттуда на Любишну, на Стожер, включая Бело Поле, далее вдоль Лима к Берану, правым водоразделом лимского бассейна, затем водоразделом лимского и дринского бассейнов, затем между Пулата и Крастенича на Дрин, затем вдоль Дрина до города Дибар, от Дибара через гору Станче, Бабун, Преслон до слияния Црвене Реки и Вардара, затем вдоль Вардара на юг до горы Благуша, затем через гору Малеша до реки Струма, потом севернее вдоль Струмы до Радомира, Драгомана, Гинского ущелья, оттуда вдоль горы Стара планина на Белоградчик»².

Косовский вилайет, в соответствии с этим документом, делился на четыре санджака: Нишский, Призренский, Скопский и Новопазарский. Границы Старой Сербии, обозначенные на упомянутой карте, были лишены реальной основы и охватывали на юге Салоники с побережьем между впадением реки Бистрицы в Эгейское море на правой и Струмы на левой стороне. Две недели спустя, 15 февраля 1878 года Йован Ристич в письме Милойку Лешьянину уточнил, что «хотя границы Старой Сербии нигде положительно не определены», правительство считает, что Косовский вилайет «охватывает большую часть сербского народа в Старой Сербии» и что «для Сербии было бы компенсацией» его присоединение к Княжеству³. Британский главный консул в Белграде Уильям Уайт в письме государственному секретарю лорду Дерби 22 февраля 1878 года подчеркивает, что «в прошлом, кроме Боснии и Герцеговины и Черногории, хотя это и было за пятьсот лет до этого, Королевство Сербия охватывало пашалыки Ниш и Косово, и здесь лежат большие надежды, что в следующем договоре о мире эти области будут отданы Сербии, так как в них живет в основном сербское население, говорящее на одном языке»⁴.

¹ Србија 1878. Документи, подготовили Михаило Войводић, Драгољуб Живойинович, Андрей Митровић, Радован Самарджић. Белград, 1978. С. 20.

² Там же. С. 20—21.

³ Там же. С. 58—59.

⁴ Там же. С. 44—45.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАЛКАН

Австро-Венгрия с самого начала Восточного кризиса и ранее была решительно против присоединения к Сербии большей части Старой Сербии, частично исключая юго-восточное направление. Она бы не согласилась ни с каким расширением в областях Нови Пазара и Митровицы. Новая ситуация на Балканах, возникшая после Берлинского конгресса, являлась крахом сербских национальных стремлений предыдущих десятилетий. Австро-венгерская дипломатия желала упрочить эту ситуацию с помощью секретного договора, каким была Тайная конвенция от 28 июня 1881 года. Взятые тогда обязательства ставили под вопрос самостоятельность молодого княжества, а Монархия в обмен на это обещала князю Милану поддержку при провозглашении королевства и приращении «в направлении своих южных границ (исключая Новопазарский санджак)»¹. Поддержка была неискренней, так как Австро-Венгрия в то же время всеми силами поддерживала прорывы албанцев в Старую Сербию и болгар в Македонию. Сербская королева Наталия в конце 1882 года, по отчетам русского посла в Сербии Александра Персиани, чтобы утихомирить оппозицию политике правительства Пирочанца, сказала Ристичу в частном разговоре: «Благодаря австрийской поддержке мы получим Приштину»².

Андраши в письме британскому правительству от 3 мая 1878 года подчеркивал, что главная идея долгосрочной совместной политики — воспрепятствование расширению русского влияния и славянизации Балкан. Албанский фактор представляется как подходящее средство в противостоянии «славянизации». Андраши решительно заявляет, что «вклинивание» Монархии между Сербией и Черногорией дает возможность «албанскому племени, стремящемуся сохранить свою национальную особенность, защититься от панславистской ассимиляции»³. Для Вены было очень важно вытеснить сербское влияние (Сербии и Черногории) в Старой Сербии, с одной стороны, и обеспечить сухопутную связь с албанскими племенами, Вардарской долиной и Салониками, восточным Средиземноморьем и Ближним Востоком, с другой стороны. Сам граф Андраши часто подчеркивал, что территория Новопазарского санджака представляет собой «дверь на Восток» и «кратчайшую сухопутную дорогу, переходящую в Вардарскую долину»⁴. Австро-Венгрия накануне Бер-

¹ Гргур Јакшић. Тајна конвенција (1881—1889), из новије српске историје. Београд, 1953. С. 75—80.

² АВПРи — Москва, ф. Политархив V-A2, 1885, д. 258, л. 116—120, Персијани-Гирсу. Београд, 18. јуни 1885.

³ Там же. С. 288.

⁴ Kasim Isović. Austrougarsko zaposjedanje Novopazarskog Sandžaka 1879. godine, Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine, god. IX (1957). Sarajevo, 1958. С. 109; Hamdija Kapiđić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog sandžaka, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. VI. Sarajevo, 1971. С. 415—418.

линского конгресса требовала распространения оккупации и на эту территорию, но удовлетворилась размещением своих гарнизонов в одной ее части («чтобы, с одной стороны, обеспечить стабильность новой политической ситуации, а с другой — свободу и безопасность транспортных путей»). В особой конвенции, подписанной между Австро-Венгрией и Турцией, регулировался вопрос военного присутствия Габсбургской монархии в Плевальском санджаке, входящего до 1880 года в состав Новопазарского санджака. В приложении к конвенции утверждено, что австрийские гарнизоны будут размещены в Прибое, Приполе и Биелом Поле (позже вместо Биело Поля гарнизон с командованием всеми группами был размещен в Плевли). Контроль над долиной реки Лим имел особое политическое и стратегическое значение. Военные позиции в этой области, говорил Андраши, «выглядят как крепостная стена для обороны Боснии и Герцеговины. Новопазарский санджак для Боснии означает то же самое, что и обладание Босфором для Черного моря»¹.

Албанский фактор имел первостепенную важность при осуществлении австро-венгерских политических целей в Старой Сербии и на Балканах². Изучение этих вопросов важно потому, что австро-венгерская политическая стратегия лежит в основе долгосрочного политического проекта вплоть до наших дней. Историк Фердо Хауптман по праву сделал вывод о том, что форсированием албанского национализма и экспансионизма австро-венгерская дипломатия ещё до фактического краха Турции создала барьер для того, «чтобы отдельные национальные государства на Балканах не смогли переступить самые узкие рамки и нарушить равновесие сил»³. Во время консультаций в королевской резиденции Хофбург, в Вене в 1896 году политические лидеры монархии были согласны с идеей о формировании самостоятельной Албании, которая бы опиралась на Австро-Венгрию и была бы полностью от нее зависима.

После Берлинского конгресса Австро-Венгрия стала играть ключевую роль в решении восточного вопроса. В соответствии с политической и военно-стратегической перспективой основной целью монархии было вытеснение России из центральной и восточной части юго-восточной Европы. Это было возможно осуществить путем восстановления ее собственного доминирующего влияния, с одной стороны, в средней и нижней части Дуная как главного судоходного пути к Черному морю и, с другой стороны, установлением полного контроля над дорогами, ведущими из средней Европы к Салоникам и Эгейскому морю, и на восток — к Босфору и Дарданеллам. Теодор фон Сосноски был категоричен в своих заявлениях

¹ K. Isović. Указ. соч. С. 111.

² Anna Hedwig Benna. Studien zum Kulturschutz Österreich-Ungarns in Albanien im Zeitalter des Imperialismus (1888–1918), Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs, 7. Band. Wien, 1954. S. 13–46.

³ Ferdo Hauptmann. Uloga Zajednickog ministarstva financija u formiranju austrougarske politike prema Albaniji uoci kretske krize, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knjiga IV (1966–1967). С. 39, 35–44.

ях: «Если монархия не преуспееет на Балканах, то где же тогда она сможет это сделать?»¹ В более широком стратегическом смысле Австро-Венгрия стремилась обезопасить выходы к Адриатическому и Эгейскому морям. «Программа для будущего» Андраши находилась в основе австро-венгерской балканской политики в течение нескольких десятилетий после Берлинского конгресса. Главными пунктами «восточной политики» этой программы были: а) сохранение турецкого владычества в юго-восточной Европе, насколько это будет возможно, и недопущение каких-либо перемен, которые могут представлять опасность для интересов Австро-Венгрии (Андраши и Хаймерле видели в Османской империи часового балканского «status quo» и преграду от усиления русского влияния среди христиан на Балканах); б) препятствование, даже ценой войны, созданию компактного и обширного славянского государства из территорий, находящихся под турецким владычеством; в) установление равновесия сил между «балканскими народами» и балканскими государствами, которые могут возникнуть после освобождения от турецкого господства, с поддержкой и защитой «греческого, албанского и румынского элементов» (натравливая не-славянские народы против славянских)².

Военное завоевание самых важных точек в Старой Рашке в 1879 году препятствовало, кроме прочего, объединению двух сербских государств и мешало выходу Сербии к Адриатическому морю. Контроль над центральными балканскими областями давал монархии возможность политически и культурно переустроить эту территорию в соответствии со своими долгосрочными интересами: давал возможность более эффективно использовать «греческие, албанские и мусульманские элементы» в борьбе с «южнославянскими», а также контролировать центральные области Старой Сербии, а тем самым и непосредственно влиять на «северных албанезов-католиков и враждебно настроенных по отношению к славянам арнаутов»³. Уже в июне 1880 года было замечено, что албанцев можно использовать в качестве «разрушительной силы» на южно-славянском пространстве, где они должны играть роль «румынов юго-запада» Балкан⁴.

В отчете Беньямина фон Каллая 1877 года о целях Австро-Венгрии говорится о неизбежности развала Османской империи, место которой на Балканах должна занять Австро-Венгрия; чтобы достичь этой цели, Монархия должна установить доминирующее влияние в Подунавье и на Адриатике, а это будет возможно, если ей удастся построить два ключевых столпа своей стратегии:

¹ Цит. по: Милчо Лалков. България в балканската политика на Австро-Унгария 1878–1903. София, 1993. С. 6.

² Tomislav Kraljačić. Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo, 1987. С. 23–24; Ferdo Hauptmann. Andrassyjeva politička baština i bosanska politika Austro-Ugarske nakon okupacije, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu. Knj. VI (1970–1971). Sarajevo, 1971. С. 445–459.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Hans Dieter Schanderl. Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und Italiens 1877–1908. Wiesbaden, 1971. S. 55.

1) Создание системы небольших и между собой неприятельски настроенных государств, лишенных возможности противостоять Дунайской монархии, и 2) ограничение всеми средствами сферы русского влияния в юго-восточной Европе, с параллельным усилением австро-венгерского прорыва в этих областях. Концепция создания системы государств, постоянно находящихся на грани войны на европейском юго-востоке, должно было послужить поддержкой «балканского равновесия», прервать русскую экспансию и в то же время создать предпосылки для политического и экономического прорыва в восточной части Балкан, к Босфору, Дарданеллам и Константинополю¹.

Из широкого спектра политических и идеологических проектов выделяются самые долгосрочные:

проект создания «боснийской нации» и идеологии «бошнячества», то есть «боснийского патриотизма»;

коалиция мусульман и римо-католиков в Боснии и Герцеговине против православных сербов с целью вытеснения сербского национального движения;

подтверждение римского наследия в Боснии и Герцеговине и на Балканах и представление якобы исключительной цивилизационной роли Австро-Венгрии в этих краях, устанавливающей преемственность с римским духом;

непрерывное «подогревание» в глазах европейской общественности «опасности» панславизма, особенно русского панславизма, и опасности возникновения «великосербского революционного гнезда» как продленной руки панславизма;

поддержка прозелитизма Римской курии в Боснии и Герцеговине и на Балканах, особенно унии в славянском мире в разных областях Македонии;

создание помех сербским стремлениям выйти к Адриатическому морю, Боснии и Герцеговине и большей части Старой Сербии и воспрепятствование созданию весьма опасного для монархии балканского союза;

усиление недоверия между славянскими и неславянскими народами на Балканах;

поощрение соперничества и вражды между Сербией и Болгарией;

углубление соперничества между Сербией и Черногорией, чтобы минимизировать возможность их объединения;

подогревание «традиционной вражды между албанцами и славянами».

Что касается прозелитизма, то Калай выступал за идею постепенного обращения в католицизм мусульман в Боснии и Герцеговине, поощряя их если уж не служебным, то, по крайней мере, действительным протектированием католиков при каждом удобном случае, чтобы «всегда чувствовалась большая польза от принадлежности к Католической Церкви»². В ме-

¹ Милчо Лалков. Указ. соч. С. 128–129.

² Василь Поповић. Калајева идеја о пократоличену босанских муслимана // «Правда» — Београд, 6, 7, 8 и 9. јануар 1940.

морандуме, посвященном Нови Пазару и утвержденному на заседании Совместного совета министров, который в августе 1908 года написал барон Мусулин, представлена желательная политическая конфигурация на Балканах: «Албания, ставшая под нашей защитой независимой, Черногория, с которой у нас дружеские отношения, и Великая Болгария, которая обязана нас благодарить»¹.

Наряду с политическими, не менее важными были и австро-венгерские культурно-научные проекты. Сараево должно было стать духовным центром, а также центром балканских исследований, конкурирующим с Белградом, основываясь на том, что монархия, обладая Боснией и Герцеговиной, стала «самым крупным балканским государством» (Оскар Поттиорек)². С этой целью в 1904 году был основан Боснийско-Герцеговинский институт балканских исследований в Сараево (Bosnisch-Hercegowinische Institut für Balkanforschung) с тремя главными направлениями: 1) путешествия и наблюдения, 2) источники и исследования, 3) инвентарь и библиография, с центром, богатым документами (коллекция географических карт, коллекция славянских, греческих, арабских, персидских и турецких рукописей; историческая архивная коллекция, эпиграфический архив и архив фотографий).

Австро-венгерские политики и военные стратеги уже в начале семидесятых годов XIX века заметили, что албанский фактор, как уже было сказано, может занимать важное место в их стремлении к установлению доминирующего влияния на Балканах, особенно нейтрализацией сербского движения в Старой Сербии и Македонии. Монархия стремилась с помощью комбинации политических, военных и культурных средств придать форму албанскому национальному движению на Балканах. Она поддерживала и поощряла прорывы албанцев в Старую Сербию, насилие и преступления по отношению к сербам. Важен вклад австро-венгерской дипломатии в организацию так называемой *Албанской лиги* в 1878 году. Многолетний российский консул в Призрене Иван Степанович Ястребов передал Николаю Карловичу Гирсу 18 июля 1879 года целое исследование об албанском факторе на Балканах, с подробным обзором возникновения и деятельности лиги. По словам Ястребова, создателем лиги была Австро-Венгрия, которая после подписания Сан-Стефанского мира рекомендовала турецкому правительству сформировать Албанскую лигу для запутывания Европы перспективой «возможного нового усложнения ситуации на Балканском полуострове».

Порта организовала Лигу с помощью австрийских агентов на местах. Призренский паша лично составил программу Скупщины в Призрене, хотя Турция не была готова поддержать какую-либо идею албанской независимости. В телеграмме Лиги, направленной Берлинскому конгрессу,

¹ Цит. по: Andrej Mitrović. *Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918*. Beograd, 1981. С. 75.

² Hamdija Kapidžić. *Institut za istraživanje Balkana u Sarajevu 1904–1918. (Namjena i planovi.) Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu*. Knj. II (1964). Sarajevo, 1964. С. 7–51.

кроме прочего, было написано, что албанцы не желают уступить ни сажень земли княжествам Сербскому и Черногорскому. Телеграмма была «составлена в австрийском консульском отделе в Призрене, а затем показана паше и английскому консулу»¹. Известно, что председательствующий на конгрессе в Берлине князь Бисмарк на упомянутые албанские меморандумы, петиции и ноты реагировал следующими словами: «Es gibt keine albanische Nation» («Албанской нации не существует»)². Некоторые историки, такие как Х.Д. Шандерл, считают, что ведущую роль в организации албанского национального движения играла Великобритания. Лорд Эдмонд Фицморис при международной комиссии по реализации решений Берлинского конгресса в Константинополе убеждал в апреле 1880 года лорда Биконсфильда, что в интересах Европы создать «сильную Албанию», включающую Шкодарский, Адрианопольский, Косовский и Битольский вилайеты, под владычеством султана³.

Косово и Метохия имели важное военно-стратегическое и геополитическое значение в австро-венгерском прорыве к центральным областям Балкан. Это отметил и начальник австро-венгерского генерального штаба генерал Бек в одном из своих докладов в декабре 1895 года. Косово и Метохия, — отмечает генерал Бек, — а не Константинополь, являются стратегическим ключом к Балканам; обеспечивая доминирующее влияние в этих областях, а с военно-политической точки зрения и превосходство на Балканах в целом. Используя исторические примеры эпохи Древнего Рима, Бек особо подчеркивает факт, что Балканы попали под турецкое владычество после битвы на Косовом поле, а не после захвата Константинополя. Поэтому территория Косово и Метохии должна оставаться в сфере интересов Австро-Венгрии, даже ценой великой войны⁴. Впрочем, пути австро-венгерского влияния в Албании преимущественно шли через Рашку и Косово и Метохию, которые в Вене считали, также как и весь Косовский вилайет, исключительно собственной сферой интересов. Посол Австро-Венгрии в Берлине Готфрид Гогенлоэ одним из «краеугольных камней» внешней политики Габсбургской монархии считал и поддержку «развитию и укреплению албанского народа в качестве противовеса сла-

¹ Цит. по: А.М. Селишев, Славянское население в Албании. София, 1931. С. 114–125; *Balkanicus* Албански проблем и Србија и Аустро-Угарска. Београд, 1913. С. 111; Јов. Хаджи-Василевић, Арбанаска лига — Арнаутска конгра — и Српски народ у Турском царству (1878–1882). Београд, 1909. С. 127; Peter Bartl. Die albanischen Muslime zur Zeit der nationalen Unabhängigkeitsbewegung (1878–1912). Albanische Forschungen 8. Wiesbaden, 1968. S. 115–129.

² Цит. по: Hans Dieter Schanderl. Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und Italien 1877–1908. Wiesbaden, 1971. S. 46.

³ Там же. С. 47–48; Об Албанской лиге и албанском национальном движении в конце XIX — начале XX века подробно писал ученый Богумил Храбак в его многочисленных работах: Идеје о арбанашкој аутономији 1876–1878. године, ИЧ. Књ. XXV (1980). С. 159–192; Italijanski konzul V. Berio o arbanaskom pitanju 1876–1878. godine, Časopis za suvremenu povijest III (1978). С. 25–37; Новопазарски санџак између Аустро-Угарске и косовских Арбанаса 1881–1890 / Ужички зборник 21 (1992). С. 35–54; Призренска арбанашка лига 1878–1881. Београд, 1998. С. 338.

⁴ Т. Kraljačić. Указ. соч.

вянам на Балканском полуострове»¹. Сербский историк Андрей Митрович отмечает, что Австро-Венгрия албанцев «считает хорошим инструментом» и поэтому «вкладывает много сил, чтобы привлечь их на свою сторону». Известный албанский лидер из Старой Сербии Хасан Приштина уже «по крайней мере, в 1910 году находился в контакте с австро-венгерскими секретными службами»².

По мере приближения конца турецкого владычества албанский фактор становился все более важным для Австро-Венгрии. Приход младотурков к власти в 1908 году на какое-то время нарушил австро-венгерские планы на Балканах³. Из-за невозможности непосредственно оккупировать албанскую территорию, Австро-Венгрия выступала за самостоятельность Албании, естественно под ее протекторатом. Таким образом, идея государственного оформления Албании становится средством австро-венгерской внешней политики в первую очередь с целью создания помех сербскому национальному движению в Старой Сербии, а особенно в Косово и Метохии. В Министерстве иностранных дел в Вене формируется албанский отдел, граф Агеон Голуховски планирует создание эффективной консульской сети и ищет союзников для подавления неалбанского влияния на территориях, представляющих важнейший стратегический интерес для монархии. Австро-Венгрия стремилась к установлению практически абсолютного политического и культурного протектората над албанцами⁴.

Такая Албания должна была послужить не только препятствием к расширению территорий Сербии, Черногории, Болгарии, а также Италии, но и помехой для формирования вокруг монархии «железного кольца» балканских государств, управляемых Россией⁵. Военные гарнизоны в западной части Старой Сербии были драгоценны и из-за связи с будущей самостоятельной Албанией.

Во время консультаций в связи с Албанией в 1896 году Каллаи предупредил, что местности, где албанцы составляют меньшинство, могут отойти Сербии или Болгарии, и с этой целью австро-венгерская деятельность по формированию самостоятельной Албании должна концентрироваться на северной и средней Албании. Препятствием становлению самостоятельного государства являлись племенной сепаратизм и разные вероисповедания албанцев. Еще во время Албанской лиги в 1878 году в Вене наблюдалась выраженная исламская идентичность албанского движения. Считалось, что нужно также на свою сторону привлечь «мусульманские элементы» сербского происхождения в Рашке и в Косово и Метохии.

¹ Цит. по: Андреј Митровић. Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914—1918. Зборник радова «Срби и Албанци у XX веку». Београд, 1991. С. 81.

² А. Митровић. Указ. соч. С. 87.

³ Об этом в объемной и подкрепленной документацией научной работе Джорджа Микича. Аустро-Угарска и младотурци 1908—1912. Банялука, 1983. С. 364.

⁴ H. Schanderl. Указ. соч. С. 43.

⁵ Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog Sandžaka, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu. Knj. VII (1970—1971). С. 415—429.

Предупреждая, что присоединение албанцев-мусульман к Австро-Венгрии не пройдет легко и просто, Каллаи предлагал очень осмотрительный и мирный подход¹.

Среди многочисленных исследований албанского фактора и его стратегической значимости на Балканах работы Бенямина Каллаи выделялись глубокими познаниями автора и его умением предвидеть события. Общеимперское министерство финансов, которым он руководил, концептуально и содержательно оформило австро-венгерскую балканскую политику, а особенно политику по отношению к албанцам, так называемое «албанское действие». Благодаря этому уже в ноябре-декабре 1896 года в Министерстве иностранных дел в Вене была сформирована «подробная программа по укреплению собственной позиции в Албании, поощрения албанского национализма и формирования самостоятельной Албании», но, в отличие от министра Голуховского, который был осмотрителен и колебался между идеями об автономии и независимости, Каллаи выступал «за быструю и энергичную акцию, и в соответствии с этим предлагал, по мере необходимости, пересылать деньги и оружие»². На упомянутой конференции в конце 1896 года Каллаи настаивал на подготовке к оккупации Верхнего Полимля, включая Беран, где чувствовалось определенное присутствие албанского фактора. Каллаи, как и его политический учитель Андраши, считал, что захваченная Босния и Герцеговина может быть безопасна, только если влияние монархии в Рашке (в то время Плевальском и Новопазарском санджаках) укрепитя и если будет обеспечено влияние Австро-Венгрии в Албании. Настаивание на том, чтобы Сербия и Черногория были разделены без какой-либо возможности объединения для Каллаи имело огромное значение. Связь между Сербией и Черногорией при этом была возможна исключительно через Верхнее Полимле, так как территория Среднего и Нижнего Полимля уже была завоевана. Голуховский также считал, что за областью Рашка нужно особо следить с целью эффективного разделения Сербии и Черногории³.

Идея так называемой «Новопазарской железной дороги», всерьез появившаяся приблизительно в 1900 году, имела целью обеспечение не только экономико-транспортного, но и политического и военно-стратегического прорыва. Как мы ранее отметили, австро-венгерский министр иностранных дел Алоиз фон Эренталь опубликовал в начале 1908 года план железной дороги, а его посол в Константинополе Палавичини в марте того же года писал: «Когда будут проложены рельсы от боснийской границы до Митровицы, последует, само по себе, освоение этой земли мирным путем. Наша культура потихоньку, но уверенно, прорвется вместе с железной

¹ F. Hauptmann. Указ. соч. S. 41–42.

² F. Hauptmann. Указ. соч. S. 44; H.D. Schanderl. Указ. соч. S. 60.

³ Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog sandžaka, Radovi FF u Sarajevu. Knj. VI (1970–1971). Sarajevo, 1971. C. 415–429; H.D. Schanderl. Указ. соч. CS. 59–63.

дорогой, до Салоников, которые станут австро-венгерским портом»¹. Австро-Венгрия была весьма чувствительна к любым шагам других сторон, которые могли бы поставить под угрозу ее превосходство в Старой Сербии. Поэтому она была против открытия российского консульского отдела в Митровице в 1902 году².

Граф Леопольд Берхтольд, министр иностранных дел, озабоченный крупными политическими и экономическими интересами монархии на Балканах из-за перемен, произошедших после событий 1912 года, в конце октября писал, что необходимо создание «автономной и способной к жизни Албании» в качестве «противовеса двум сербским родственным странам»³. В те дни для австро-венгерской дипломатии было самым важным, «чтобы албанские границы как можно больше были расширены на восток за счет сербов» и что нужно вызвать соперничество между Сербией и Болгарией. Граф Берхтольд в послании 30 октября 1912 года между прочими ключевыми пунктами политики по отношению к Сербии подчеркнул, что «Австрия считает своим жизненным интересом создание обширной, свободной Албании»⁴.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АЛБАНИСТИКЕ

Разумеется, что австро-венгерским политическим и военно-стратегическим планам сопутствовала и научно-исследовательская стратегия и научная пропаганда. «Специалисты в Министерстве иностранных дел стараются придать форму общему научному представлению об албанском народе»⁵. И Беньямин Каллаи и его преемник в балканских делах Лайош Таллоци, были членами венгерской Академии наук. Их работа опиралась на убеждение, что научная пропаганда не менее важна, чем политическая. Один из пионеров исследований по албанистике Теодор Ипен опубликовал в 1892 году в Вене объемное исследование «*Нови Пазар и Косово (Стара Рашка)*»⁶. Книга возникла в результате его исследований, пока он находился в должности гражданского комиссара при командовании оккупационными отрядами в Плевле в 1888–1891 годах. Позже он станет ав-

¹ Цит. по: Димитрије Ђорђевић. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911. Београд, 1962. С. 521–528, 522.

² Владимир Ђоровић. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 22. Чоровић подробно обработал австро-венгерскую политику по отношению к Старой Сербии. О политике Сербии в этих областях и обстановке в Старой Сербии см.: Владимир Стојанчевић. Срби и Арбанаси 1804–1912. Нови Сад, 1994. С. 177–311; Михаило Војводић. Прилике на Косову и Метохији и политика Србије 1881–1912, историјски часопис XXXVIII (1991). С. 163–190.

³ А. Mitrović. Указ. соч. С. 122.

⁴ В. Ђоровић. Указ. соч. С. 413–415.

⁵ Милорад Екмечић. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. Београд, 1989. С. 451.

⁶ Novi Bazar und Kosovo (das Alte Rascien), Eine Studie. Wien, 1892.

стро-венгерским консулом в Константинополе, Иерусалиме и Шкодере, затем одним из ведущих специалистов в посольстве в Лондоне во время проведения Лондонской конференции в 1912 году, а во время Первой мировой войны начальником отдела в Министерстве иностранных дел Австро-Венгрии¹. Глава Земельного правительства в Сараево Каллаи кроме прочего был задействован и в делах по разработке уникального албанского алфавита, с помощью Ловра Михачевича и скопского консула Юлиуса Писка². Австро-венгерская дипломатия втайне работала над стандартизацией албанского литературного языка и составлением уникального алфавита. До этого консул в Янине Юлиус Писко изучает пространство и народ на территории Албании и публикует грамматику «арбанасского языка» (1896), в то же время Л. Глюк (Glück) публикует исследовательскую работу «*Прилог физичкој антропологији Албанеза*»³. Лайош Таллоци в 1897 году, по заданию Министерства иностранных дел написал «*Populäre Geschichte der Albanesen*» («Популярная история албанцев») и букварь, написанный по примеру букварей для начальных школ в Боснии и Герцеговине, которые также составляла оккупационная власть. История албанцев имела цель «представлением великого прошлого взбудоражить чувства нации и общей принадлежности албанцев, без различий в языке и вероисповедании»⁴. В 1899 году в Вене была опубликована подробная и объемная военно-разведывательная работа под названием «*Detailbeschreibung des Sandzaks Plevljeund des Vilajets Kosovo*» («Подробное описание Плевальского санджака и Косовского вилайета»). В том же году Т. Иппен в качестве консула в Шкодере (1897–1904) публикует в «Гласник Земаљског музеја» три работы об Албании: «*Старе црквене рушевинe у Албанији*», «*Старе цркве по сјеверној Албанији*» и «*Прехисторијска и римска налазишта у околици Скадра у Албанији*». Позже он опубликовал еще 20 работ об Албании на сербском и немецком языках, из которых две последние были опубликованы на рубеже мировых войн — 1927 и 1932 годах⁵.

Боснийско-Герцеговинский институт балканских исследований под руководством Карла Пача значительную часть своей деятельности посвятил изучению именно Албании⁶. Уже в апреле — мае 1900 года Карл Пач «по приказу венской королевской академии наук изучал римские древно-

¹ Anneliese Wernicke, Theodor Anton Ippen, Ein österreichischer Diplomat und Albanienforscher, Albanische Forschungen, 7. Wiesbaden, 1967. S. 147.

² М. Екмечић. Указ. соч. С. 451.

³ Dr. L. Glück. Prilog fizičkoј antropologiji Albaneza, Glasnik Zemaljskog muzeja u BiH. Knj. VIII (1896). S. 467–496.

⁴ Цит. по: М. Екмечић. Стварање Југославије, 2. С. 453.

⁵ A. Wernicke. Указ. соч. С. 132–133.

⁶ Naučne ustanove u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave, Sabrao i uredio Dr. Hamdija Kapidžić, Sarajevo, 1973. С. 474–540; Ђурђе Јеленић. Новопазарски санджак и политичка равнотежа на Балкану. Београд, 1910. С. 26. Еленич пише: «Австро-венгерска печат безапелляционно писала, што ње монархија не дозволић Србији и Црногорији протјанућ друг другу руке через Новопазарски санджак, чтобы между ней и Турцией возникло третье государство, которое бы представляло препятствие на прямом транспортном сообщении с Турцией и торговом пути к Салонику». Эти намерения вполне понятны и не новы, и, хотя они и нарушены по причине высоких требований, но всё-таки мы находимся на пороге их осуществления».

сти в Албании»¹. В течение 1909 — 1911 годов австро-венгерские исследователи путешествуют по Албании, собирают примеры народной поэзии, лексический материал, обычаи, мифологию, склоняют на свою сторону местное население. Так возникли исследования о Шкодере и северо-албанском искусстве, албанских горах, Берате, домах и строительстве в северной Албании, народной поэзии гегов и прочее². В конце 1905 года северную Албанию посетил барон Франц Нопча (Franz Nopcsa) в сопровождении австро-венгерских консулов в Шкодере и Драче Августа Краля и Джулы Борнемисча и их вице-консулов Крауса и Эдла, и вскоре опубликовал работу «*Католическая северная Албания*»³. В Сараево в 1910 году была опубликована другая его работа «*Из Шала и Климента*» с многочисленными фотографиями и подробной картой территории между Гусиньем и Шале⁴. Историк Йован Томич в 1913 году объявил, что во время обыска в доме одного из видных бегов в Дебре, во время акции по конфискации оружия, найдена переписка барона Нопче, который путешествовал по Албании «под видом научных геологических исследований», а на самом деле занимался своим основным делом — политической пропагандой среди албанцев. «Из этой его переписки ясно видно, — пишет Томич, — что он особо обрабатывал мусульманских и католических албанских лидеров, чтобы они требовали автономию Албании под защитой Австрии!»⁵

Материальную поддержку институту предоставляли австрийские и венгерские министерства, в первую очередь Министерство иностранных дел в Вене. То, что Пач непрерывно интересовался албанскими темами, доказывает факт, что и после Первой мировой войны по его инициативе албанское правительство в 1923 году начало печатать серию научно-популярных произведений об албанцах. Яков Слишкович, в течение многих лет «наблюдавший за обычаями и ситуацией в Албании», опубликовал в 1904 году книгу «*Albanija i Macedonija*», посвятив ее австро-венгерскому консулу в Скопье Бохумию Пари. Слишкович неизменно использует название «Старая Сербия», обозначая Косовский вилайет, отмечая, что «популярность косовского вилайета, или Старой Сербии, в основном составляют сербы...»⁶ Схожие данные мы находим и в работах Карла Пача. Католический фратер Ловро Михачевич, перемещенный в конце прошлого века из Крешево на место коадьютора в Архиепархию Шкодера — Пулта, о своей миссии написал две брошюры: «*По Албании*» и «*Наброски из албанской истории*»⁷.

¹ Glasnik Zemaljskog muzeja... Knj. XIV (1902). S. 275.

² H. Kapidžić. Указ. соч. С. 17—29; C. Patsch. Das Sandschak Berat in Albanien, Schriften der Balkankommission, AntiquarAbteilung. Wien, 1904; Ć. Truhelka. Arnautskepriče. Sarajevo, 1905.

³ Franz Baron Nopcsa. Das katolische Nordalbanien. Eine Skizze. Wien. S. 56 (год публикации не упоминается).

⁴ Franz Baron Nopcsa. Aus Šalaund Klementi. Albanische Wanderungen, Sarajevo, 1910. S. 115.

⁵ Јов. Н. Томић. Аустро-Бугарска и арбанаско питање. Београд, 1913. S 38.

⁶ Јаков Слишковић. Албанија и Македонија. Сарајево, 1904. С. 25.

⁷ Fra Lovro Mihačević. Po Albaniji — dojmovi s puta, Izd. Matica hrvatska. Zabreb, 1911; исти, Crteze iz albanske povijesti. Sarajevo, 1912.

Историк Милорад Экмечич абсолютно прав, когда делает вывод, что главной задачей габсбургской политики в Албании было «развитие национального сознания в соответствии с интересами дунайской монархии»¹. В 1906 году в Вене по инициативе Лайоша Таллоци начинается работа по подготовке к публикации источников по истории албанцев в Средневековье. По этой теме работают известный историк Константин Иречек, вместе с Таллоци и хорватским историком Миланом Шуфляем. Сам Таллоци еще раньше изучал албанский язык, а в 1912 году получил высокое звание «первого тайного советника Его Величества». Первая книга источников, под названием «*Acta Albaniae*» была напечатана в Вене в 1913 году под редакцией Милана Шуфляя, а вторая — в 1918 году также под его редакцией (планировалось объявление четырех томов)². Иречек в начале 1913 года прочел лекцию «*Албания в прошлом*» (на немецком языке) в историческом обществе Венского университета (позже эта лекция была опубликована в сборнике «Иллирийско-албанские исследования»).

В Мюнхене и Лейпциге в 1916 году под редакцией Лайоша Таллоци, в то время «гражданского комиссара» в оккупированной Сербии, было опубликовано упомянутое двухтомное издание «*Illyrisch-albanische Forschungen*» («Иллирийско-албанские исследования»), уже своим названием предвещающее историко-идеологический подход к изучению албанского фактора. В первом томе содержится историческая и этнографическая части, с многими приложениями Хана, Таллоци, Иречека, Ипена, Шуфляя, Йозефа Иванича и прочих. Второй том также состоит из двух частей: первая часть о национальной экономике, и вторая — приложение Таллоци о происхождении Албании, ее актах и общей административной и правовой организации, а также исследование Карла Топпа о княжестве Албания³. За время Первой мировой войны в Лейпцигском университете был учрежден новый Балканский институт (*Südosteuropa und Islaminstitut*), чьим руководителем был профессор Фердинанд Шмидт⁴.

Эта политическая, научная и исследовательская работа имела большой отклик в Европе того времени. Ее результаты сказывались на протяже-

¹ М. Экмечич. Указ. соч. С. 454.

² Dr. Milan Šufflay. *Acta Albaniae. Kako da se nastavi njihovo izdanje?* Архив за арбанаску старину, језик, етнологију. Књ. III, св. I–2 (1926). С. 209–212; Georg Stadtmüller. *Geschichte Südosteuropas*. München, 1950. S. 409–411.

³ *Illyrisch-albanische Forschungen*, unter Mitwirkung von Professor Dr. Konstantin Jireček, Professor Dr. Milan von Šufflay, Sektionschef Theodor Ippen, Professor E.G. Sedlmayr, Archivar Dr. Josef Ivanič, Weiland Emmerich von Karacson, K. ung. Sektionsrat Bela Pech und Karl Thopia, *Zusammengestellt von Dr. Ludwig von Thallóczy*. München und Leipzig, 1916. Интересна ещё одна миссия Лайоша Таллоци и Карла Пача. В конце 1915 года Таллоци становится гражданским комиссаром Военного правления в оккупированной Сербии («земельный гражданский попечитель»). Членом комиссии, которая из оккупированного Белграда вывозит архивные, музейные и библиотечные ценности, Таллоци сразу же назначает и Пача, прибывшего в сербскую столицу из Сараево (Таллоци 1 декабря 1916 года погибает в железнодорожной катастрофе, возвращаясь с походом царя Франца Иосифа).

⁴ После Первой мировой войны Густав Вайганд, автор известной работы «Арумыны», основал в Лейпциге Албанский институт, а в 1925 году в том же городе начал печатать «*Balkan-Archiv*».

нии всего XX века, так как ею, без сомнения, занимались опытные и ученые люди. Австро-Венгрии удалось вписать свое видение Старой Сербии, Албании и Балкан в европейскую политическую и общественную мысль. Таким образом, она свои предрассудки и стремления по отношению к Сербии навязывала и албанскому народу, и в этом нужно искать одно из крупных препятствий на пути естественного сотрудничества албанцев со своими славянскими и греческими соседями.

Такая политика делала невозможными попытки политического договора между сербами и албанцами с целью совместной борьбы против Турции. Накануне освобождения Старой Сербии в 1912 году, политические лидеры Королевства Сербии настаивали на установлении связей с представителями местных албанцев, с целью совместной борьбы против Османской империи. Сербское правительство в канун военной операции обратилось с призывом к албанцам, среди прочего говоря о том, что сербское войско движется на Турцию, чтобы освободить сербов и албанцев, что албанцам будет гарантирована мирная жизнь, их имения, старые обычаи и что они сами смогут управлять своими школами и церквями¹.

Однако отождествление с османской властью, а также сильное влияние Австро-Венгрии на политических лидеров албанцев были намного сильнее, чем идея балканской солидарности.

¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903—1914, V-2. Београд, 1985, док. бр. 555, 564, 646; Михаило Војводић. Прилике на Косову и Метохији и политика Србије 1881—1912. године. Историјски часопис XXXVIII (1991). С. 163—190.

Глава XI

СТАРАЯ СЕРБИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОККУПАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ И ОПУСТОШЕНИЕ СТАРОЙ СЕРБИИ

Первая мировая война (1914—1918) для Австро-Венгрии и ее союзников представляла исторический шанс для воплощения в жизнь их политики, подготавливаемой десятилетиями по отношению к сербам. Главные цели этой политики по отношению к Старой Сербии и освобожденным областям в канун Первой мировой войны очень точно обозначил Йован Томич в своей работе *«Аустро-Бугарска и арбанаско питање»*¹. Он отмечает, что Болгария, наравне с Австро-Венгрией, выступает за «автономную Великую Албанию», граница с которой пролегла бы от Скопья до Кичево и Охрида. «Австро-болгарский союз, — пишет Томич, — защищает свою ближайшую программу против Сербии: Сербии нельзя допустить, чтобы она окрепла, и нужно ее как можно плотнее окружить австро-болгарской цепью, сделать ее слабой и безобидной и с точки зрения народа, и с точки зрения экономики и политики. Это случится, когда у Сербии отнимут как можно больше земель»². За полтора года, прошедшие после освобождения Старой Сербии, не было еще возможности что-либо сделать в плане интеграции освобожденных территорий с обществами Сербии и Черногории. Стабилизация ситуации была невозможна из-за разных субверсивных действий из Болгарии и Албании. Исмаил Кемаль, возглавлявший правительство автономной Албании, провозглашенной 28 ноября 1912 года, был настроен проавстрийски. Его правительство выдвинуло политическую цель — создание Великой Албании, что подразумевало присоединение крупных областей Королевства Сербии и городов Приштина, Печ, Скопье и Битоль³.

Сторонниками такой политики были и влиятельные албанские лидеры из Старой Сербии, которые во время Первой балканской войны находились в рядах турецкой армии, после поражения которой эмигрировали в Албанию. Они получали финансовую помощь из Австро-Венгрии. Политической линии Исмаила Кемалья с опорой на Австро-Венгрию и в определенной мере на Италию воспротивился Эсад-паша Топтани, генерал из

¹ Јов. Н. Томић. *Аустро-Бугарска и арбанаско питање*. Београд, 1913. С. 153.

² Там же. С. 143.

³ Душан Т. Батаковић. *Косово и Метохија у српско-арбанашким односима*. Приштина — Горњи Милановац, 1991. С. 181.

уважаемой турецкой семьи, который выступал за сотрудничество с балканскими соседями, особенно с Сербией и Черногорией. В конце мая — начале июня 1915 года, когда внутренние стычки в Албании достигли кульминации, Сербия предоставила военную помощь Эсад-паши Топтани в размере 20 000 солдат. Его отряды, насколько это было возможно, ответили тем же сербской армии и народу во время отступления через Албанию в конце 1915 — начале 1916 года.

Объединенные мощные силы (800 000 солдат) центральных сил — Австро-Венгрии, Германии и Болгарии под командованием германского генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена в начале октября двинулись в мощное наступление на Сербию. Болгары с двумя армиями, Первой и Второй, 14 октября 1915 года нанесли удар с тыла по сербской обороне и очень быстро, уже 22 октября захватили Скопье, а 26 октября — Качаникское ущелье. Превосходящие силы противника вынудили сербскую армию отступать через албанские и черногорские горы в конце 1915 года и оккупировали всю территорию Сербии. Австро-Венгрия после капитуляции черногорцев в январе 1916 года заняла территорию Черногории. В ведущих кругах Австро-Венгрии считалось, что «Сербия должна быть уничтожена», да и германский монарх считал, что «Сербия должна исчезнуть с лица земли»¹. Австро-венгерское главное командование 1 января 1916 года образовало оккупационное Военное генерал-губернаторство (прежние сербские округа Белград, Шабац, Валево, Горни Милановац, Крагуевац и Чуприя), которое 11 февраля было дополнено округами Ужицы, Чачак и западными частями округа Крушевац. Лишь 22 марта 1916 года к генерал-губернаторству подключили округа Приеполье, Нови Пазар и Косовска Митровица. Историк Андрей Митрович считал, что нерешительность при присоединении к генерал-губернаторству этих трех округов, освобожденных в 1912 году, могла быть «последствием некоторых политических комбинаций (то есть подготовкой монархией их аннексии)»². Австро-венгерское руководство оспаривало территориальные завоевания Сербии и Черногории в Балканских войнах. Австро-венгерский министр иностранных дел барон Иштван Буриан в январе 1916 года сказал немецкому послу, что «Санджак должен принадлежать монархии». Существовали планы о присоединении всей области Рашка к Австро-Венгрии, включая и Косовску Митровицу, до которой в свое время доходили границы османского Боснийского вилайета и Новопазарского санджака, находящегося в его рамках, но от этого плана в начале 1916 года отказались до лучших времен. Генерал Конрад фон Хецендорф в конце ноября 1915 года считал, что «линия Нова Варош — Нови Пазар — Митровица — Качаник» должна оставаться под контролем Австро-Венгрии «в качестве будущей важной железнодорожной трассы со стандартной колеей».

¹ Андрей Митровић. У светском рату. Надрастање пораза и подела. Историја српског народа, шеста књига, други том. Београд, 1983. С. 139.

² Там же. С. 147.

Командование австро-венгерскими оккупационными силами в Черногории 1 марта 1916 года провозгласило Военное генерал-губернаторство Черногория, организованное по тому же принципу, как и генерал-губернаторство Сербия с генералом в качестве главнокомандующего. Во главе Губернаторства Сербия сначала находился генерал Йохан граф Салис-Севис, а затем, до окончания войны — генерал барон Адольф фон Ремен, а генерал-губернаторством Черногорией сначала управлял генерал Виктор барон фон Вебер, которого в июле 1917 года заменил генерал запаса граф Генрих Клам-Мартиниц. Оба Губернаторства были разделены на административные единицы (бывшие округа) которые возглавляли коменданты округов. Черногория была разделена на семь единиц — Цетине, Подгорица, Стари Бар, Никшич, Колашин, Печ и Плевля, к которым 1 июля 1917 года добавили и Бераны¹.

Болгарские оккупационные силы на захваченной территории Королевства Сербии организовали два генерал-губернаторства: *Военно-инспекторская область Моравы* с центром в Нише и *Военно-инспекторская область Македония* с центром в Скопье. Военно-инспекторская область Моравы разделена на шесть округов — Пожаревацкий, Неготинский, Заечарский, Чуприйский, Нишский и Враньский (охватывающий и Пиротский уезд), в которых бюрократический аппарат в основном состоял из болгар. Губернаторство Моравы охватывало всю территорию Сербии к востоку от Велика Моравы, а затем вдоль линии, охватывающей Рибарску Баню, Блажево, Куршумлию и Вранье. Оккупированная область под военным инспекторством Македония была разделена на девять округов — Приштина, Призрен, Куманово, Скопье, Тетово, Штип, Кавадарцы, Охрид и Битоли².

После оккупации двух сербских государств — Сербии и Черногории — ведущие австро-венгерские круги рассматривали разные варианты аннексии отдельных частей или даже всей территории этих государств, на чем осенью 1915 года особо настаивал начальник австро-венгерского генерального штаба генерал Конрад фон Хецендорф. В первую очередь выдвигается «автономная Албания под протекторатом Австро-Венгрии», к которой будут присоединены части территорий Сербии и Черногории. В любом варианте речь шла о присоединении к Албании черногорского побережья включая Бар и Ульцинь, с частью побережья к югу от Бушата, затем Плава, Гусинье, Рожае, Печи, Джаковицы и Призрена. Таким образом, граница протектората к северу на территории Косово и Метохии должна была проходить вдоль горы Црнолева. Считалось, что монархия должна граничить с протекторатом Албания, «чтобы посредством территориального континуитета было обеспечено непосредственное влияние»³. В любом случае мо-

¹ Андреј Митровић. У светском рату... С. 149—150.

² Научна експедиција в Македонија и Поморавието 1916. Составител Петър Хр. Петров. София, 1993. С. 240.

³ Андреј Митровић. Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914—1918. Срби и Албанци у XX веку, цикл лекциј 7—10 маја 1990. САНУ, Белград, 1991. С. 82—84.

нархия желала под своим контролем удерживать область Косовской Митровицы, то есть «пояс Нова Варош — Нови Пазар — Митровица — Качаник».

У австро-венгерского верховного командования были проблемы с союзницей Болгарией, чьи войска захватили большую часть территории, которую ей центральные державы обещали в Тайной конвенции от 6 сентября 1915 года. Командующим на местах было приказано иметь в виду, что Косовско-Митровицкая область для Австро-Венгрии представляет «очень важную территорию» и что нельзя допустить болгарский контроль над территорией «вдоль и к северу от линии Митровица — Печ — Шкодер»¹.

После проведения линии Керзона 1 апреля 1916 года под австро-венгерской оккупационной властью остались Митровица и Вучитрн, Джаковица, а под болгарской властью остались — Приштина и Призрен. Градоначальником Митровицы был Ферхат-бег Драга, а Вучитрна — эфенди Иззет. В Митровице кроме центра окружного командования было и Оккупационное групповое командование военными единицами Косовско-Митровицкого, Приепольского и Новопазарского округов, но по линии оккупационного управления каждый обособленно был в прямом подчинении Белграду.

Австро-венгерские оккупационные власти в политическом смысле полностью опирались на мусульманских и албанских аг и бегов на территории Старой Сербии. Им были возвращены феодальные права по отношению к сербам-чифчиям времен турецкого владычества до 1912 года. Окружной командующий из Нови Пазара сказал как-то, что на этой территории живут «последние политические приятели монархии на юго-востоке». Венские правящие круги непрерывно, ещё со времен Берлинского конгресса особенно ценили стратегическую важность Приепольского, Новопазарского и Косовско-Митровицкого округов. Для Таллоци, гражданского комиссара оккупированной Сербии, эти три округа были «юго-восточным продолжением Боснии на Балканском полуострове» и поэтому весьма важными «для обеспечения нашей сферы интересов на Балканах»². Появлялись идеи присоединения к существующим трем округам генерал-губернаторства Сербия еще двух округов генерал-губернаторства Черногории — Печи и Плевли. Андрей Митрович пишет, что, имея в виду настроения мусульманского населения в пользу Турции, некоторые влиятельные люди говорили гражданскому комиссару генерал-губернаторства Сербия, «что после победоносной войны эти области будут подарены султану».

С весны 1917 года мусульманские лидеры несколько раз требовали, чтобы эти области были присоединены к Боснии и Герцеговине. В то же время албанцы из Косовско-Митровицкого округа, такие как Хасан Приштина и Ферхати Неджиб Драга, выступали за присоединение к Албании,

¹ Андрей Митровић. Албанци у политици... С. 88—89.

² Там же. С. 96.

подчеркивая, что в Новопазарском округе на Пештерском плоскогорье существует 13 албанских деревень¹. Кроме Хасана Приштины важной опорой австро-венгерских оккупационных властей был Дервиш-бег, бывший турецкий майор жандармерии, который после 1912 года состоял на сербской службе. В соответствии с австро-венгерскими разведывательными данными Дервиш-бег был их выдающимся сотрудником в округах Нови Пазар, Приеполе и Плевля. Считалось, что Хасан Приштина «втайне является врагом Дервиш-бега»².

Сербское население округа Старой Сербии, принадлежавшее к генерал-губернаторствам Сербии и Черногории, как, впрочем, и весь сербский народ, было подвергнуто насилию и террору, наряду с массовыми высылками в лагеря Австро-Венгрии и остальных центральных держав. Масштаб преступлений по отношению к сербам в этих краях во время Первой мировой войны до сих пор не нашел адекватного отражения в литературе. По отчетам австро-венгерской разведки сербы просили о «защите от огромной ненависти албанцев». Даже Таллоци по возвращении из Вучитрна в ноябре 1916 года записал, что сербы «становятся жертвами преступлений со стороны мусульман». Власти считали некоторых албанцев противниками оккупационного правления, как, например, одного из Беголи, отправленного в лагерь, «когда у него нашли какой-то сербский флаг, вещи и хартии Короля Петра I, оставленные, скорее всего, во время отступления»³. Также предполагали, что Неджиб-бег Драга состоит в связях с сербами и Эсад-пашой, а также что он верен болгарам и поддерживает турецкую пропаганду в Косово.

В центре Моравской области, в Нише, выходило оккупационное издание «*Моравски гласник*». Болгарские оккупанты считали области восточной и южной Сербии в границах до 1912 года «болгарскими западными областями». Официальная Болгария считала, что Сербия как государство исчезла раз и навсегда, что население в оккупированных областях представляет собой «более или менее ассимилированных старых болгар» и что нужно самым жестоким образом убрать все, что в оккупированных областях напоминало о Сербии и сербах⁴.

Суть болгарской политики на оккупированной территории Королевства Сербии состояла в политике истребления и насильственной болгаризации сербов. Эту политику нагляднее всего иллюстрирует публичное заявление председателя болгарского правительства Василя Радославова: «Может быть Сербия и возродится, может быть Сербия и расширит свои границы после войны, но в Сербии не будет больше сербов!»⁵ Под ударом

¹ Андреј Митровић. Албанци у политици... С. 97.

² Там же. С. 92; А. Митровић. У светском рату. С. 160.

³ А. Митровић. Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914–1918. С. 93.

⁴ Владимир Стојанчевић. Србија и српски народ за време рати окупације 1914–1918. године. Лесковац, 1988. С. 57.

⁵ Петар Опачић. Србија из међу Антанте и Централних сила 1915–1917. Београд, 2009. С. 353–354.

политики истребления находились, в первую очередь, сербская церковь и сербское священство, интеллигенция и вообще выдающиеся люди, как в городах, так и в деревнях.

Под ударом болгарских оккупантов сразу оказались сербский язык и Сербская Церковь, книги, особенно по национальной истории, памятники национальной культуры. Сербские школы упразднялись и вместо них открывались болгарские школы с болгарскими учителями. Вывозились бесценный архив и библиотека Призренской семинарии и многие другие драгоценности из оккупированных областей. Оккупационная власть сразу же начала составлять списки сербских политиков, служащих, интеллигенции, учителей, священников — в первую очередь с целью физической ликвидации, а затем с целью интернирования в лагеря в Болгарии, такие как Сливен (самый крупный), Стара Загора, Джумурджана и прочие. Были сожжены судебные, административные и церковные архивы, кроме метрических книг, которые сохранили для целей возможной мобилизации. Чуть позже, в течение лета 1916 года Генеральный штаб болгарской армии организовал научно-разведывательную миссию, состоящую в основном из представителей Софийского университета, с целью изучения «вновь освобожденной болгарской земли», чтобы утвердить западную границу болгарского народа, его монументальное наследие и экономический потенциал оккупированных областей. Миссию представляли семь филологов, три экономиста, два географа, два геолога и один фотограф. Это были известные в болгарской науке того времени имена, такие как Михаил Арнаудов, Анастас Иширков, Васил Златарски, Стефан Младенов, Беню Цонев, Стефан Димитров и прочие. Кроме этих представителей при Первой и Второй болгарской армиях состояло и по одному этнографу — Стефан Костов и Антон Стоилов. Результаты посещения ими оккупированной территории Королевства Сербии можно было предугадать. Например, Стефан Младенов доказал болгарское происхождение славянского населения в Моравской области, а также их «постепенную сербизацию», а Беню Цонев писал о болгарской основе косовско-моравской разговорной речи и о болгарском характере области Гора¹.

Упомянутая научно-разведывательная миссия последовала за массовыми зверствами в конце 1915 года и в первые месяцы 1916 года. Больше всего данных о зверствах болгарских оккупантов собрал доктор Арчибалд Райс, уважаемый криминолог мирового уровня и профессор Лозаннского университета. Затем также была создана комиссия по расследованию нарушений болгарскими Гагской конвенции и международного права в 1915–1918 годах в оккупированной Сербии, и в конце концов, о зверствах сообщали современники этих событий, такие как Йован Хаджи Васильевич, Сретен Динич и другие. Первые свидетельства о болгарских преступлениях в Сербии вышли в свет уже в 1916 году, в опубликованной в Салони-

¹ Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916. Составитель Петър Хр. Петров. София, 1993.

ках брошюре «Зверства болгар, австрийцев и немцев»¹. Интернирование из Сербии в многочисленные австро-венгерские, немецкие и болгарские лагеря было массовым. По утверждению историка Владимира Стоянчевича, только в 1917 году из Моравской оккупационной области было отправлено в болгарские лагеря 60 000 – 65 000 человек, «из которых больше всего людей было интернировано в Сливен».

«В число интернированных людей, — пишет Стоянчевич, — входили и те восемь тысяч женщин и девушек, которых болгары (во время правления Радослава) за золото, как рабов, продали туркам! По утверждениям Райса, это в основном были девочки десяти, двенадцати, не старше пятнадцати лет»². Исидор Джукович в своей книге об австро-венгерском лагере для сербов Наджмеджер утверждает, что число лагерей и заключенных, а также число умерших в Болгарии сербов никогда не было точно известно. «Для сербов вся Болгария, как лагерь», — пишет он. В переписке упоминается 25 лагерей. Кроме Сливена и нескольких других, упоминаются Варна, Горне Пачарево, Горня Джумая, Добрич, Карлово, Немичерево, Пловдив, Плевен, Рушчук, София, Татар Пазарджик, Шумен и другие³.

Сурдулица была особенно подвержена массовым болгарским преступлениям. В качестве таких мест в Сурдулице упоминаются следующие топонимы: Врла Река, Дубрава, Стойкова Шума, Дубока Долина, Калифер, Радичева Бара и Влашки Дол. В соответствии с неполными исследованиями Райса число убитых в Сурдулице (из близлежащих районов, а также и из удаленных мест) составляет «2000 или 3000 лиц», а Владимир Стоянчевич на основании более поздних исследований утверждает, что жертвами резни в Сурдулице стали свыше 3000 человек⁴. В конце 1915 года и в январе – марте 1916 года сербов привозили большими группами из Враня, Скопья, Прилепа, Призрена, Прокупля, Куршумлии, Лебана, Приштины, Лесковаца, Ниша и других мест. Райс, кроме прочего, упоминает убийство сербского митрополита Вичентия в Сурдулице, добавляя, что в Скопье считают, что он убит в Качанике. Однако в отчете межсоюзнической комиссии говорится, что митрополит Вичентий «был арестован в Призрене, где хоронился от болгарской армии», откуда его «прогнали назад в Скопье, и он по дороге исчез». Считалось, что митрополита Вичентия сожгли в Урошевце.

Важные данные о болгарской оккупационной политике, особенно о ее идеологических и исторических основах, предоставил Йован Хаджи Васильевич в своей работе «Болгары и зверства в Сербии в 1915–1918 годах», которая в качестве лекции была прочитана в Нови Саде и Сремских Карловцах 16 и 23 марта 1919 года. Наряду со многими другими данными Хаджи Васильевич упоминает, что на оккупированных территориях убито две трети священников, практически все культурно-просветительские работ-

¹ Зверства Бугара и Аустро-Немаца, I Бугарска зверства у току рата. Солун, 1916.

² В. Стојанчевић. Србија и српски народ за време окупације. С. 54–55.

³ Исидор Ђуковић. Нађмеджер – аустроугарски логор за Србе. Београд, 2002. С. 4.

⁴ В. Стојанчевић. Србија и српски народ за време окупације. С. 70.

ники и вся торговая интеллигенция. Во Враньском округе, пишет он, было убито 69 священников, в Скопской Черной Горе — 11 (столько их и было), в Куманово — 7 и так далее. Сурдулицу, пишет Хаджи Васильевич, сами болгары «прозвали сербским склепом»¹.

На рубеже двух мировых войн часть албанцев, оставшихся жить в сербском, то есть с 1918 года в югославском государстве, проявляли сепаратистские устремления, их в канун Второй мировой войны открыто поддерживали мощные фашистские и нацистские силы в Европе, прежде всего Италии и Германии. В Риме в 1939 году было учреждено Бюро по организации албанского «ирредентистского» движения в Югославии, а уже в январе 1940 года лидер Албанской фашистской партии в Шкоudere Коль Биба заявил, что вскоре будут аннексированы некоторые области Югославии и Греции. В начале Второй мировой войны после нападения 6 апреля 1941 года фашистских сил на Югославию началось дробление югославского государства, а тем самым и присоединение большей части областей Косово и Метохии к фашистскому образованию Великой Албании. Местные албанцы, с помощью своих соотечественников из Албании, поддерживаемые фашистскими силами, совершили массовые злодеяния над сербами, а многие сербы были изгнаны со своих очагов. В соответствии с данными американских специальных служб (Office of Strategic Service), с апреля 1941 года по август 1942 года албанцы убили приблизительно 10 000 сербов². Нет более точных данных о числе сербов, изгнанных из Косово и Метохии во время фашистской оккупации, а также о числе переселенных на эти территории албанцев из Албании. По существующим исследованиям число изгнанных сербов во время оккупации составляет около 100 000 человек³. Число переселенных албанцев из Албании в Косово и Метохию в течение Второй мировой войны и непосредственно после войны колеблется от 80 000 до 100 000. После войны югославские органы власти заявляли, что число переселенцев составляло от 72 000 — 75 000. Известно, что итальянский Орган надзора за антигосударственными явлениями (ОВРА) имел план переселить сюда 100 000⁴. Переселение в послевоенные годы стало возможным в результате полного открытия границ между Албанией и Югославией. Нам еще предстоит кропотливые научные исследования этой важной проблемы в сербско-албанских отношениях.

¹ Др. Јован Хаџи Васиљевић. Бугари и њихова зверства у Србији (1915—1918). Нови Сад, 1919. С. 17—18.

² Serge Krizman. Maps of Yugoslavia at War, Massacre of the innocent serbian population, Committed in Yugoslavia by the Axis and its Satellite from April 1941 to August 1942. Washington, 1943.

³ Др. Коста Чавошки. Успостављање и потоњи развој косовске аутономије, Косово и Метохија у српској историји. С. 398.

⁴ Др. Веселин Ђуретић. Косово и Метохија у Југославији, Косово и Метохија у српској историји. С. 329.

Глава XII

РАЗРУШЕНИЕ СТАРОСЕРБСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРЕАЛА В XX СТОЛЕТИИ

Политические и национальные устремления сербов потерпели неудачу в XX веке, особенно в период с 1941 года до конца века. В это время были реализованы все политические проекты XIX века, направленные на деградацию сербского этнического и культурного ареала. Можно сказать, что имперская центрально европейская идея и ее мощные сторонники в западном мире добились триумфа над сербской национальной идеей. Серббы полностью или в большинстве своем были «этнически вычищены» из Славонии, Хорватии, Далмации, Дубровника, областей Боснии и Герцеговины, Югославской Республики Македонии и практически совсем исчезли из когда-то сильных промышленных и культурных центров вне этих территорий, таких как Триест, Сентедре, Буда, Тимишоара и другие. И всё-таки, если исключить геноцид и преступления во время Первой и Второй мировых войн, самая большая чистка православных сербов и подавление их культурного наследия происходили в «мирное время» в областях Старой Сербии. Упорная борьба за эту территорию указывает, кроме прочего, на ее геополитическое значение для всех Балкан.

Вытеснение сербов с их земель, на которых они веками проживали и составляли там этническое большинство, основывалось, как правило, на идеологическом новоязе — борьбе против «великосербской опасности», проекта «Великой Сербии», «великосербской оккупации» или «великосербской агрессии». Не нужно упускать из вида вклад самих сербов в реализацию этой стратегии, их участие было, как правило, обосновано карьеристскими мотивами. Нет ни одной серьезной историографической работы, которая бы предлагала убедительную фактографию и научное объяснение такого идеологического подхода. Изданы десятки публицистических работ, которые стремятся европейской и мировой общественности навязать убежденность в существовании «великосербской агрессивности», имеющей якобы глубокие цивилизационные основы, в первую очередь византийскую культурную и религиозную традицию. К числу таких новейших книг, подчеркивающих практически мистическую, заговорщическую мощь «великосербского проекта», обосновывая его материалами «Начертаний», лекций Васы Чубриловича в Сербском культурном клубе и так называемым «Меморандумом Сербской академии наук и ис-

кусств (САНУ)», относятся книги Пола Гарда «Жизнь и смерть Югославии» (на французском языке), Филиппа Козна (американского врача) «Тайная война Сербии» (на английском языке), Ноэля Малкольма «Босния. Краткая история», «Косово. Краткая история» (на английском языке), работа нескольких авторов «Косово — конфликт» (на немецком языке) под редакцией Конрада Клевинга и Йенса Ройтера, книга Вольфганга Петрича, Карла Казера и Роберта Пухлера «Косово-Косова», концепция Албанской академии наук по решению албанского национального вопроса (октябрь 1998 года), на русском языке была опубликована работа «О Косово» (исследования Нины Смирновой и Аллы Язьковой)¹. В книге семи авторов «Извори великосрпске агресije», изданной в 1991 году в Загребе, представлено обобщение старых и новых подходов к этой проблеме². В Загребе в 1994 году была опубликована работа хорватского историка Дамира Агичича «Тajна политика Србије у XIX столећу», в которой еще раз представлено старое идеологическое толкование сербской национальной политики, включая и освобождение Старой Сербии в 1912 году: «Политика, которую вел Илья Гарашанин, заложила начало сербского национализма, получившего полный подъем в двадцатом столетии, сначала во время балканских войн 1912–1913 годов, когда Сербия прирастила значительные территории вне ее этнического пространства, и после Первой мировой войны, когда Сербия выступала в качестве главного фактора при формировании Королевства сербов, хорватов и словенцев»³.

Положение сербского народа в Старой Сербии в течение XX столетия, а особенно после 1945 года невозможно понять без освещения глубинных слоев идеологической исторической матрицы, на которых обосновывалась политика по отношению к Сербии. В идеологических рамках такой стратегии, вне зависимости от того, была ли она «левой» или «правой», «решался» сербский вопрос на Балканах и в югославском государ-

¹ Paul Garde. Vie et mort de la Yougoslavie, Fayard, Paris, 1992; Philip J. Cohen, Serbians Secret War. Propaganda and the Deceit of History. Texas, 1996; Noel Malcolm. Bosnia. A Short History. Macmillan, London, 1994; Kosovo. A Short History. Macmillan, London, 1998. Институт истории САНУ дал подкрепленный научными аргументами ответ на книгу Малкольма о Косово проведением «круглого стола» 8 октября 1999 года: Ответ на книгу Ноэля Малкольма «Косово. Краткая история». Белград, 2000; Responcceto Noel Malcolm's book «Kosovo. A Short History». Belgrade, 2000. Организатор научной дискуссии пригласил и Ноэля Малкольма, но он отказался, обосновав это участием в дискуссии Милорада Экмечича и Алексы Джиласа. Джилас был приглашен, но не смог принять участие. В дискуссии участвовали Милорад Экмечич, Джордже Янкович, Эмма Миљкович-Боянич, Славенко Терзич, Миле Биелаяц, Джордже Борозан и Любодраг Димич; Косово. Международные аспекты кризиса. Под редакцией Дмитрия Тренина и Екатерины Степановой, Московский Центр Карнеги. М., 1999. С. 79–157.

² Miroslav Brandt — Božo Ćović — Slaven Letica — Radovan Pavić — Zdravko Tomac — Mirko Valentić — Stanko Žuljić. Izvori velikosrpske agresije — rasprave, dokumenti, kartografski prikazi, priredio Božo Ćović. Zagreb, 1991.

³ Damir Agičić. Tajna politika Srbije u XIX stoljeću. Zagreb, 1994. С. 113. Весьма убедительный научный ответ на такие и схожие точки зрения представлен в книге: Велика Србија — истине, заблуде, злоупотребе. Сборник работ с международной научной конференции, проведенной в Сербской академии наук и искусств в Белграде 24–26 октября 2002 года. Белград, 2003. С. 563.

стве. Фундамент мифа о «Великой Сербии» и в Юго-Восточной Европе, и в Европе в целом, заложила австро-венгерская политическая пропаганда. Более поздние толкования — на рубеже двух мировых войн и во второй половине XX века — практически полностью надстраиваются на политические разработки Австро-Венгрии. Стремление сербов к освобождению было главным препятствием к установлению австро-венгерского господства на Балканах, особенно когда монархия была вытеснена из борьбы за германское объединение и после потерь, понесенных в Италии. Потери, понесенные в Германии и Италии, должны были быть возмещены на Балканах, и сербское движение представляло главное препятствие на пути к этому. С тех пор, а особенно после оккупации Боснии и Герцеговины и полного поворота Австро-Венгрии к Салоникам и Эгейскому морю, началась систематическая разработка теории об агрессивных и захватнических стремлениях Сербии и о «великосербской опасности» на Балканах. Для периода до 90-х годов XIX столетия в первую очередь подчеркивается опасность панславизма, а затем «Великой Сербии», которая вновь представляется как продолжение «русского панславизма» и русского влияния на Балканах. Собственные завоевания габсбургов оправдывались мнимыми захватническими стремлениями Сербии и сербов в целом. После Балканских войн 1912–1913 годов в Вене расценили, что началось «формирование Великой Сербии» и что необходимо остановить этот процесс даже ценой великой войны.

Поэтому Австро-Венгрия и ее союзники никогда не признали результатов освободительных войн 1912–1913 годов. Такое отношение к истории Первой балканской войны вновь проявилось при крахе югославского государства в конце XX века и продолжается по сей день.

Политика Австро-Венгрии постепенно, под предлогом борьбы с «великосербской опасностью», стягивала кольцо вокруг Королевства Сербии. От упразднения Сербской Воеводины в 1860 году, роспуска «Объединенной сербской молодежи» в 1871 году, ареста Светозара Милетича в 1876 году, оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 году, Австрия тщательно выстраивала стратегию полного обезвреживания сербского фактора на Балканах. Ее дипломатия после Берлинского конгресса, а особенно в конце XIX столетия непрерывно повторяла, что «никогда не допустит создания Великой Сербии или Великой Черногории» (А. Голуховский), что никакой ценой она не может допустить формирование великого государства между Дунаем и Адриатическим морем и что балканский вопрос возможно решить, по словам министра иностранных дел Голуховского, формированием «одной великой Греции, великой Румынии, великой Болгарии, слабой Сербии, маленькой Черногории и свободной Албании»¹.

Австро-Венгрия была не удовлетворена ни оккупацией Боснии и Герцеговины, ни превосходством в Старой Сербии и Албании. Австро-

¹ Цит. по: В. Ћоровић. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 36.

венгерских стратегов вдохновлял путь принца Евгения Савойского — прорыв через Белград, вдоль моравского направления к Вардару. На формирование даже маленькой, но самостоятельной Сербии Австрия смотрела как на большое препятствие на своем главном стратегическом направлении к южным Балканам. Считалось, что Монархия должна укрепить свои позиции в Сербии, то есть что она должна быть «властелином» Сербии, чтобы было возможно дальнейшее продвижение в направлении Македонии¹. В письме генерала Конрада фон Хётцендорфа от 31 декабря 1907 года упоминается место Рашки в контексте более широких балканских планов: «Имея в распоряжении область Ниша, можно оказывать серьезное влияние на события на Балканах; тогда можно без опаски захватить Рашку, которая и без того должна принадлежать нам, ведь только тогда она становится по настоящему ценной»². В другой работе, написанной в том же году, отмечается необходимость создания надежных границ монархии в южном направлении, с акцентом, что «мы не получим эти надежные границы, если не решимся вырвать зло с корнем и если не поставим крест на великосербской мечте». Надежные границы означают становление самостоятельной и объединенной Албании под протекторатом Австро-Венгрии, поддержание добрососедских отношений с Черногорией и формирование Великой Болгарии, «которая обязана нас отблагодарить»³. Масштабы этой пропаганды, особенно когда речь шла о Боснии и Герцеговине, иногда доходили до того, что все сербское называли «великосербским», включая культурные учреждения и даже многие книги. Например, книга «*Пропаст Краљевства босанскога*», опубликованная в Загребе в 1894 году, была запрещена, так как «вела пропаганду великосербской идеи»⁴. В Австро-Венгрии слышались и трезвые голоса. В 1901 году у Карла Вольфа и австрийской делегации была иная точка зрения по сербскому вопросу: «Объединение сербов — естественная необходимость, точно так же объединились немцы в Германской империи и итальянцы в их итальянской державе. Иными словами, объединение сербов в одно великое балканское царство или союзное государство не остановить. Вопрос лишь в том, будет ли оно образовано под патронатом России. В этом случае Австрия проиграет. Или эта идея осуществится под патронатом Австрии с помощью мудрой восточной политики»⁵.

Национальные стремления Сербии столкнулись с большими предрассудками, особенно на территории Средней Европы, а также в англо-саксонском мире. Эти предрассудки в основном проистекали из нетерпимости к православному миру, а особенно к его славянской части. Политические притязания на сербские земли оправдывались мнимыми высокими

¹ Tomislav Kraljačić. *Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903)*. Sarajevo, 1987. С. 25

² В. Ђоровић. *Односи између Србије и Аустро-Угарске*. С. 208.

³ Там же. С. 143–144.

⁴ Т. Краљачић. *Указ. соч.* С. 140.

⁵ Цит. по: Т. Краљачић. *Указ. соч.* С. 138.

цивилизационными и культурными причинами, а в крайних проявлениях выступали в качестве защиты от мнимой сербской агрессии, исходящей, по некоторым толкованиям, из сути «византийской» духовной идентичности. Оккупационный управляющий в Боснии и Герцеговине Бенъямин фон Каллаи в своем исследовании *«Венгрия на границе между Востоком и Западом»* (1883) отстаивал тезис о «непримиримых противоположностях» между восточным и западным духом, то есть между византийской и римской традициями. Эти аргументы многократно повторялись вплоть до наших дней, включая и тезис о том, что река Дрина является «тысячелетней границей» между двумя цивилизациями. Похожие слова произносил Милан Кучан (непримиримость «латинской» и «православной» Европы как причина развала Югославии), а также Вилли Клас.

Совокупное идеологическое направление было оформлено как своеобразный корпус идей в объемной книге хорватского политика и публициста Иво Пилара (1874–1933) *«Die südslawische Frage und der Weltkrieg»* («Южнославянский вопрос и мировая война»), опубликованной под псевдонимом Л. фон Зюдланд (L. von Südland) в 1918 году в Вене, а затем в 1943 году в Загребе на хорватском языке¹. Пилар трактовал югославский и сербский вопросы, основываясь на практически фанатической нетерпимости ко всему, что он обозначает, как «византизм» и «православие». Пилар отмечает, что православие просачивается в Европу численно, экономически и политически «спокойно, неслышимо и невидимо [...] через все щели». Во время Первой мировой войны, по словам Пилара, главным являлся религиозный вопрос, он был «самым крепким и непосредственным мотивом» к войне, которая ведется от южного мыса Далмации до Балтики². Как и многие другие до и после него, и Пилар подчеркивает «византийскую опасность», то есть большую мощь «православно-византийской государственной и религиозной мысли», силу «внутренней логики Византии». Православие, пишет он, «было колыбелью русского народного империализма», и поэтому византийские государственная и религиозная идеи представляют «опасность для будущего Европы, грозящей ей с востока и юго-востока»³.

Делая выводы о значении понятия «великосербство», исходя из своего понимания византийского государства и религиозной мысли, Пилар считает, что «великосербская мысль является ядром южнославянской проблемы» и что, покоряясь «византийскому образу мышления, сербство стремится к освоению Константинополя, к завоеванию всех Балкан и к власти над всеми греко-восточными народами и всеми славянами на этом полуострове»⁴. Сила «византийской государственной и религиозной мыс-

¹ L. V. Südland. *Die südslawische Frage und der Weltkrieg*. Wien, 1918. На хорватском опубликовано в 1943 в период НГХ: L. V. Südland. *Južnoslavensko pitanje. Prikaz cjelokupnog pitanja*. Izdanje Matice hrvatske. Zagreb, 1943. S. 518. Предисловие написал переводчик Федор Пуцек.

² L. V. Südland (Ivo Pilar). *Južnoslavensko pitanje*. Zagreb, 1943. S. 157.

³ Там же. S. 158–159.

⁴ Там же. S. 167.

ли», — пишет Пилар, — «настолько велика, что действительно влияет на жизнь и смерть народов». Защищая полюбившийся за последние несколько десятилетий тезис некоторых писателей из Загреба и Сараево о том, что сербы к западу от Дрины в большинстве своем — это «православные валахи», которых Сербская Церковь обратила в свою веру, Пилар еще больше углубляется в историко-психологический и антропологический анализ сербского народа. Он утверждает, что «в народном сознании сербов до сих пор сохранился кочевнический и разбойнический образ жизни горных пастухов, и они себя так и ведут, и их легко узнать, особенно по их поведению в массе»¹. Везде, где сербы появляются как политическая масса, считает он, очевидны тенденции к «присвоению чужого добра», что, напоминает он, характерно и для румын, и в этом проглядывается «разбойнический инстинкт общего их прародителя, балканского пастуха-кочевника». Развивая далее эту «кочевническую вертикаль» сербского характера, Пилар цитирует Швикера, который считает, что из сербского кочевнического духа происходит и их склонность к постоянным переселениям, торговый дух и «сербский талант притворяться»². В завершении своего анализа Пилар отмечает, что благодаря «балкано-романской кочевнической крови» сербский народ приобрел «врожденную расовую прихоть присвоения, антисоциальные наклонности, манию уничтожения и разрушения» и все это вкуче делает сербов «главной опасностью для соседних народов и государств»³. Научными основателями «всесербского империализма» Пилар считает Павла Йозефа Шафарика и Вука Караджича. Особенно Вук, по его мнению, своим сербско-византийским представлением «истории» заложил фундамент современного сербского «националистического империализма», который, по его словам, состоит в стремлении завоевания всех земель, когда-то принадлежавших Печской патриархии. Всесербская мысль развивалась в Венгрии в период 1835—1860 годов, а после 1860 года становится направляющей мыслью сербской государственной политики в целом.

Книга Пилара вдохновила появление ряда схожих публицистических брошюр усташских идеологов, среди них и Савича Марковича Штедимли, последователя теории Пилара о черногорских сербах как о «красных хорватах». За этим направлением политического мышления следуют многие хорватские идеологи, особо в этом усердствует братер Доминик Мандич в своей книге «Красная Хорватия» (Чикаго, 1957 год), а также многочисленные идеологи и публицисты хорватской и других политических номенклатур в годы правления Тито. Один из авторов книги «Извори великосрпске агресије» Славен Летица считает, что великосербская идея является «трансисторическим феноменом», вдохновленным и укорененным в сербском православии, что великосербская идея на самом деле является ритуальной «гражданской религией», которая сводится к «предрассудкам и

¹ L. V. Südland (Ivo Pilar). Južnoslavensko pitanje. Zagreb, 1943. S. 184.

² Там же. S. 187—188.

³ Там же. S. 189.

нетерпимости, а затем ненависти, грубой силе и грабежам»¹. В дальнейшем развивается тезис о «сербском империалистическом сознании», являющемся последствием «патологической сербской посясиссивности», радикальный сербский «этноцентризм» перерастает «в расизм, шовинизм и фашизм», «великосербский гегемонизм» представляет собой комбинацию «идеологических, политических и насильственных средств». Во ввводном исследовании, озаглавленном «Политика обмана и насилия», Боже Чович представил тезис о том, что уже полтора столетия «на Балканах рождается, строится и осуществляется великосербская политика завоеваний», чьей главной движущей силой была «правлящая сербская олигархия», а эта политика осуществляется с помощью «системы распространения лжи» и «стратегии обмана». Для авторов этой книги так называемый Меморандум САНУ представляет собой «своеобразное обобщение завоевательной политики» Сербии конца XIX — начала XX века. Эти конструкции повторяет Филипп Коэн, а также многие другие.

* * *

Сторонники политического проекта так называемой Великой Албании, как правило, не вдаются в объяснение конкретных исторических обстоятельств. Из поля их зрения уходят две важнейшие исторические проблемы, поэтому затуманивается суть вопроса. Первая проблема заключается в том, что сербский национализм возник в XIX столетии под решительным влиянием европейского национализма, в первую очередь итальянского и немецкого. Вторая проблема — идея освобождения сербского народа от турецкого и габсбургского владычеств и создание сербского национального государства на территориях, на которых сербы в течение веков представляли этническое большинство, является лишь логическим воплощением европейской либеральной политической доктрины. Почему то, что рассматривается как европейская добродетель, скажем, на итальянском и немецком примере, по отношению к сербам считается недостатком, то есть антиевропейской идеей?

Сербский вопрос, конечно же, является одним из ключевых вопросов Юго-Восточной Европы. В XIX и XX веках можно заметить четыре этапа в процессе решения этого вопроса: *первый* — с начала XIX столетия до создания югославского государства в 1918 году с идеей создания единой сербской державы, с определенными взлетами и падениями; *второй* этап — период централизации югославского государства между двумя мировыми войнами с идеологией интегрального югославизма; *третий* этап — период, который условно можно назвать эпохой Титовской Югославии, которая в действительности была своего рода «габсбургской» или «австро-венгерской» Югославией, задуманной еще в начале XX века в рамках запланиро-

¹ Miroslav Brandt, Bože Čović, Slaven Letica, Radovan Pavić, Zdravko Tomac, Mirko Valentić, Stanko Žuljić. Izvori velikosrpske agresije. Rasprave. Dokumenti. Kartografski prikazi, priredio Bože Čović. Zagreb, 1991. С. 10—11.

ванной новой расстановки сил на Балканах, при этом в югославское государство в рамках Габсбургской монархии входили бы Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Герцеговина, Черногория, Старая Сербия и Сербия¹; и *четвертый* этап — этап дезинтеграции югославского государства, которая, по сути, началась намного раньше 1991 года, и практического возвращения сербского народа к ситуации, подобной периоду до 1912 года.

С 40-х по 60-е годы XIX столетия в сербском народе возникло ясное и узнаваемое культурное, духовное и политическое движение, получившее свое поэтическое отражение в популярном «Коло» Бранка Радичевича в 1847 году, а позже в движении Объединенной сербской молодежи (Уједињене омладине српске) в 1866 году. Главной идеей этого движения было стремление к объединению, как тогда говорили, «разбитого на куски сербства». Особенно большим было влияние итальянского «Рисорджименто» и движения во главе с Мадзини. Мадзини и Гарибальди в 1863 году стали почетными членами *Общества сербской словесности*. Мадзини задумал большое освободительное движение в целой Юго-Восточной Европе: «Балканский союз с центром в Константинополе представлял бы новую силу цивилизации и процветания в Европе»². Из открытого письма Мадзини полякам было видно, что представления о сербских землях в Европе были ясными. В этом письме Мадзини, между прочим, пишет: «Вы являетесь братьями людям, живущим в Боснии, Герцеговине, Черногории, на сербских землях [...] Пойдете ли вы против них? Будете ли вы бороться за полумесяц против креста, за фатализм против свободы, за безжизненность против процветания [...] за Азию против Европы»³. В рамках планов по переустройству Юго-Восточной Европы в это время преобладает идея о *Балканско-дунайской конфедерации*, но в рамках всех этих планов сербская государственная единица (включавшая не только Княжество Серию) всегда будет занимать центральное место.

Старая Сербия в межвоенное время в Королевстве Югославия оставалась территорией, проблемы которой заслонялись другими югославскими областями и краями. Одной из ключевых проблем Старой Сербии после освобождения в 1912 году, а особенно в период между двумя мировыми войнами, была проблема интеграции этих областей в Королевство СХС (Королевства Югославии). Следует иметь в виду, что международные отношения сразу после окончания Первой мировой войны усложнились, в то время как часть югославской интеллигенции (собравшаяся вокруг жур-

¹ Владимир Торовић. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992 (друго издање). С. 78. Чорович передает публикацию в *Altmee-Zeitung* от 8 июля 1905 года, в которой обосновывается идея «австрийской Югославии» и представляется план в случае великой войны осуществить новое распределение сил на Балканах, формированием самостоятельной и объединенной Албании, Великой Болгарии, которая бы получила «львиную часть» Македонии и упомянутой «австрийской Югославии», которая бы всегда была «в авангарде на пути мирового исторического развития, которое невозможно задержать, которое стремится объединить народы, говорящие на одном и том же языке».

² Јован Скерлић. Омладина и њена књижевност (1848—1871). Београд, 1906. С. 242.

³ Цит.по: Ј. Скерлић. Указ. соч. С. 243.

нала «*Новая Европа*»), а также европейская интеллигенция наивно верили в то, что строится абсолютно новый мир, мир «новой Европы». Идеи ревизионизма и реваншизма в обществах бывших центральных держав, прежде всего в Германии, и претензии соседних с Югославией стран к югославскому государству стали очевидными и не скрывались. Предчувствовалось, что на горизонте новый конфликт. Королевство Югославия пыталось на рубеже двух мировых войн в определенной мере исправить этническую ситуацию в своих южных областях, особенно в Косово и Метохии, где положение дел изменилось в силу массового изгнания православных сербов из этих областей в XIX столетии и особенно в период 1878–1912 годов. Благодаря Османской империи албанцы в течение XVIII–XIX веков ускоренными темпами расселялись на землях Старой Сербии, а особенно в Косово и Метохии и даже Топлицы. В этих процессах насильственного вытеснения сербов из их родных областей албанцы имели большую поддержку османской власти. Они на самом деле были «карающей десницей» империи в вытеснении христиан, в данном случае православных сербов с пространства Старой Сербии. Только если рассматривать процессы в продолжительных и широких исторических координатах, можно достаточно ясно увидеть причины и последствия демографических и этнических изменений.

Выселение мусульманского населения из областей, завоеванных Османской империей, после ее первого поражения под Веной в 1683 году, считалось нормальным и логическим, когда речь шла о территориях Хорватии, Венгрии и Румынии и территориях сегодняшней Воеводины, то есть Южной Венгрии. Резня при захвате Будима в 1686 году с участием Священной лиги, европейской христианской коалиции (Австрия, Польша, Венеция и союзники) под покровительством Папы Иннокентия XI превзошла многие злодеяния в истории Европы. Габсбургский генерал Карафа, прозвавший себя «бичем венгерским», рубил своим мечом, «не выбирая ни возраст, ни пол» и невзирая на слезы и заклинания о пощаде несчастных, стоящих на коленях¹. Армия под командованием Карла Лотарингского (приблизительно 40 000 человек) и баварский корпус Макса-Эммануила (22 000 бойцов) «подвергли Будим огню и мечу». Самыми рьяными оказались баварцы, грабя и убивая всех перед собой — «мусульман, христиан, евреев. Многие евреи пытались спастись на кораблях, пришвартованных на Дунае, но их схватили и убили, а имущество ограбили. Некоторых своих единоверцев большим выкупом спас банкир С. Опенхаймер»².

Европейский христианский мир считал вполне нормальным вытеснение османцев и мусульман во имя христианской цивилизации и европейских ценностей. Неотъемлемой частью этого процесса было выселение мусульманского населения из городов и поселков Княжества Сербии.

¹ В.Н. Виноградов. Двуглавый российский орел на Балканах. М., 2010. С. 15.

² Там же. С. 16–17.

Как продолжение этих процессов наблюдалось выселение албанского населения из области Топлицы в 1878 году. Албанцы населили эти места во второй половине XVIII — первые десятилетия XIX века. Переселенные албанцы, которых Турция населяла в косовских областях вблизи новых границ Княжества Сербии, принимали самое активное участие в гонениях на православных сербов из Косово и Метохии.

ВАСА ЧУБРИЛОВИЧ И ИВО АНДРИЧ ОБ АЛБАНЦАХ В ЮГОСЛАВИИ И АЛБАНСКОМ ВОПРОСЕ (1937–1939)

Новое югославское государство на рубеже двух мировых войн пыталось улучшить ситуацию, сложившуюся до 1912 года, с помощью переселения колонистов в свои южные области, прежде всего в Косово и Метохию и в те области Южной Сербии, которые затем стали называть югославской федеральной единицей Македонией. Большинство этих колонистов самостоятельно возделывало землю, которую они населяли, а меньшая их часть получила земли, конфискованные у албанцев, в основном в процессе аграрной реформы, проводимой на всей территории югославского государства. До конца 1935 года на территории Вардарской, Моравской и Зетской бановин было переселено в общей сложности 11 273 семей, из них в Вардарскую бановину — 5076, в Зетскую бановину — 4738 и Моравскую бановину — 1459¹. Поселенцы в основном самостоятельно строили дома, хотя в некоторых случаях дома строило государство. Так, например, в Вардарской бановине поселенцы до конца 1935 года самостоятельно построили 2981 дом, а государство — 1581, в Моравской бановине поселенцы построили 1513 домов, а государство — 137. Данные, которые представил Владан Йованович отличаются. Он указывает, что до 1940 года в трех упомянутых бановинах было поселено 17 607 семей, то есть 87 743 человека. Из этого числа 89,68 % были сербы, 10,04 % — хорваты и 0,27 % — словенцы².

Хотя колонизация проводилась «спустя рукава» и в основном неорганизованно и хаотично, в югославской послевоенной историографии и в зарубежной публицистике господствовало толкование, что у югославского государства был систематический план изгнания албанцев из южных областей. В качестве примера такой политики часто, особенно в последние тридцать лет, упоминается меморандум Васы Чубриловича о мнимом «изгнании албанцев», написанный им в 1937 году. При этом упускаются из вида несколько фактов. Название меморандума Васы Чубриловича, в то время доцента Белградского университета, звучит как «*Выселение арнау-*

¹ Др. Васа Чубриловић. Исељавање Арнаута, искушења српске елите. Документа о раду Српског културног клуба, Приредио Перо Симић. Београд, 2006. С. 100–101. Таблица № 3 в качестве приложения к лекции Васы Чубриловича Исељавање Арнаута, прочтенной в Сербском культурном клубе 7. марта 1937. године.

² Владан Јовановић. Вардарска бановина 1929–1941. Београд, 2011. С. 100–101.

тов». В некоторых зарубежных публикациях его часто пристрастно переводят как «Изгнание албанцев», а иногда и как «Чистка албанцев». В ранее упомянутой книге Вольфганга Петрича, Карла Казера и Роберта Пихлера «Kosovo-Kosova» опубликован полный текст меморандума Васы Чубриловича под заголовком «Изгнание албанцев» («Die Vertreibung der Albaner»), о котором в конце книги в примечаниях говорится, что меморандум «представлен в Парламенте в Белграде 7 марта 1937 года»¹. В объемном сборнике работ двадцати пяти авторов «Der Kosovo-Konflikt», вышедшем в Мюнхене в 2000 году, Холм Зундхаусен дает краткий обзор меморандума Чубриловича и переводит его название как «Изгнание арнаутов» («Vertreibung der Arnauten»). Автора меморандума упоминают, между прочим, как «члена Сербской Академии» (коим он в то время не был) и называют его «одной из культовых фигур» покушения в Сараево в 1914 году². На самом деле меморандум, написанный для института государственной обороны, был представлен 7 марта 1937 года в форме лекции в Сербском культурном клубе и представлял собой точку зрения одного историка в связи с проблемами и искушениями, которые ждут югославское государство. Иначе говоря, ключевая проблема интерпретации заключается в контексте времени, когда был написан меморандум. Были очевидны претензии Албании и Болгарии на территории, освобожденные Королевством Сербией в 1912 году и которые как таковые в 1918 году вошли в состав югославского государства. Эти претензии имели горячую поддержку фашистской Италии и нацистской Германии. Югославское государство пыталось предпринять оборонительные меры для защиты своей целостности в предстоящих европейских конфликтах. Одной из ключевых проблем было поведение самого албанского меньшинства в югославском государстве, и эта проблема возникла в силу нелояльности к югославскому государству этого меньшинства в межвоенный период. Васо Чубрилович, как он сам заявил в конце своей жизни, написал меморандум в 1937 году «по требованию института государственной обороны». Меморандум, говорит Чубрилович, написан «строго конфиденциально и передан директору института генералу Максимовичу. Я не думаю, что его вообще рассматривали». Упомянутый меморандум Чубрилович написал, как он сам говорит, имея в виду вопрос поведения албанского меньшинства в Югославии в случае начала Второй мировой войны³.

Нет никакого сомнения, что меморандуму Чубриловича придается значение, которого у него не было на момент написания, так как его не утверждал ни один государственный орган, и он не был составляющей частью официальной югославской политики. Меморандум является свое-

¹ Wolfgang Petritsch-Karl Kaser-Robert Pichler. Kosovo-Kosova. Mythen, Daten, Fakten. Klagenfurt – Wien – Ljubljana – Tuzla – Sarajevo, 1999. S. 114–127.

² Holm Sundhaussen. Kosovo: Eine Konfliktgeschichte. Der Kosovo-Konflikt. München, 2000. С. 76–77.

³ О раселовању Албанаца пред Други светски рат. Разговор новинара Теодора Анђелића са академиком Васом Чубриловићем. «Борба» 15. март 2002.

образным авторским историко-политическим анализом проблемы албанского меньшинства в Сербии до освобождения в 1912 году и на рубеже двух мировых войн с акцентом на процесс колонизации этих областей в 20–30-е годы. После краткого исторического предисловия в меморандуме указывается на несколько проблем колонизации Южных областей, международную проблему переселения, метод переселения, организацию переселения, население выселенных территорий, технику колонизации и финансовые средства. В предисловии Чубрилович указал на то, что «проблема арнаутов в нашей национальной и государственной жизни» присутствует уже давно, но что до конца XVII столетия она «имела роковое значение», «когда сербские массы выселялись на север из старых рашских земель, а на их места приходили албанские горцы». «Таким образом, к XIX веку образовался албанский треугольник, клин, — пишет Чубрилович, — который, опираясь основой Дебар-Рогозна на свой этнический тыл, глубоко вошел в наши земли, дошел до Ниша и отделил наши старые сербские земли от Македонии и долины Вардара»¹. «Албанский клин», возникший под эгидой османских завоеваний и служивший базой для османских прорывов в Среднюю Европу, по словам Чубриловича, в XIX веке представлял препятствие укреплению культурных, просветительских и экономических связей между северными и южными сербскими землями. Сербии, по его словам, в течение XIX столетия удавалось постепенно «стесывать» этот клин, но вопреки этому он и далее представлял проблему для югославского государства на рубеже двух войн. Постепенная колонизация не могла решить этот государственный вопрос, так как он не являлся частью определенного «государственного плана», над решением этой проблемы работали небрежно и неорганизованно, «случайными урывками», содержание аппарата было слишком дорого и громоздко, и в нем часто состояли не только некомпетентные люди, но и люди без моральных принципов. Чубрилович при анализе этой проблемы руководствовался доводами, которые не были антибалканскими по сути, но имели военно-стратегическую оборонительную природу. Часто в своих объяснениях он ссылался на государственные причины. Он указывал на факт, что естественный прирост албанцев на этих территориях был выше, чем совокупный прирост сербского населения и совокупно «по рождению и вместе с колонизацией». Он напоминает, что с 1921 по 1931 год прирост албанцев составлял 68 060 человек, а совокупный прирост сербов составлял 58 745 душ. Само по себе это сведение отрицает доводы о систематическом и постоянном терроре над югославскими албанцами².

¹ О раселовању Албанаца пред Други светски рат. Разговор новинара Теодора Анђелића са академиком Васом Чубриловићем. «Борба» 15. март 2002.

² В отличие от официальной статистики, предвзятые авторы делают иные акценты. Так, в упомянутой книге о Косово трех австрийских авторов, Роберт Пихлер, ссылаясь на албанские источники, представляет информацию о том, что в Косово и Метохии только в январе и феврале 1919 года было убито 6040 албанцев и разрушено 3873 домов. См.: Kosovo-Kosova. S. 106. Пихлер ссылается на третий том (страница 331) книги: Gjergj Gashi. Kosova. Altari Arbërisë 1910–1941. Vëll. I–III. Tirana, 1996.

Отмечая государственные и военно-стратегические аспекты, Васо Чубрилович в своем меморандуме особо подчеркивает важность области Косово и Метохия — подобно австро-венгерскому начальнику генерального штаба генералу Беку в конце XIX века, который заявлял, что тот, кто контролирует Косово и Метохию, доминирует на главных стратегических направлениях на Балканах. «Албанский блок вокруг Шар-горы, — пишет Чубрилович, — имеет громадное национально-государственное и стратегическое значение для нашего государства». Сербская преемственность в старых рашских землях и южных областях была прервана албанцами «и до тех пор, пока не будет возобновлена старая, непрерывная связь между Сербией, Черногорией и Македонией во всей своей широте от Дрина до Южной Моравы, мы не сможем с уверенностью владеть этой землей. С этнической точки зрения македонцы примкнут к нам только тогда, когда у них будет осязаемая этническая опора на колыбель сербских земель, которой до сих пор у них не было». Чубрилович часто подчеркивал военно-стратегические и государственные причины. Суть этих толкований сводится в основном к следующему: «С военно-стратегической позиции, албанский блок в нашем государстве занимает одно из важных положений, здесь находится главный водораздел балканских рек на их пути к Адриатическому, Черному и Эгейскому морям. Обладание этим стратегическим положением решает в большой мере судьбу Центральных Балкан, особенно судьбу главной линии балканской коммуникации — Морава—Вардар. Не случайно, именно здесь часто происходили решающие сражения, от которых зависела судьба Балкан (Неманя против греков, сербы и турки в 1389 году, Хуньяди против турок в 1446 году)». Чубрилович всегда на первый план выдвигает необходимость обеспечения стратегической безопасности государственной территории, отмечая, кроме прочего, что соседняя Албания превратилась в «базу итальянского империализма, с помощью которой планируется прорыв в сердце нашего государства»¹.

В своем политико-демографическом анализе Чубрилович много надежд возлагал на роль государства, имеющего в своем распоряжении целый ряд мер. Он не говорит об «изгнании», но о «массовом переселении», при этом имея в виду два государства, где бы переселенцы могли осесть, — Албанию и Турцию. При этом он категоричен: «Албания с низкой плотностью населения, со множеством неосушенных болот и не приведенных в порядок долин рек могла бы принять несколько сотен тысяч наших переселенцев-арнаутов. Современная Турция, с огромными пространствами в Малой Азии и Курдистане, все еще ненаселенными, необработанными, дает практически неограниченную возможность внутренней колонизации. Однако, вопреки всем усилиям Мустафы Кемалю Ататюрка, турки до сих пор не заполнили пустоту, возникшую после выселения греков из Малой Азии в Грецию и части курдов в Персию. Поэтому вполне возможно пере-

¹ В. Чубрилович. Указ. соч. С. 79.

селение именно туда наших переселенцев-арнаутов»¹. Чубрилович рассматривает возможность достижения дипломатических соглашений с Анкарой и Тираной, но считает, что в Тиране «не все будет легко» из-за Италии, которая будет мешать делу, «но деньги в Тиране играют весомую роль». Иными словами, как в случае с Турцией, так и в случае с Албанией он рекомендует подписание конвенций, в которых бы вопрос о выселении был решен по обоюдному договору между двумя государствами. Турция готова «для начала принять около двухсот тысяч наших переселенцев и даже сама обуславливает, чтобы это были арнауты, а это нам подходит». Пример для подписания он видит в предыдущих конвенциях, которые Турция подписывала с Грецией, Румынией и Болгарией. Чубрилович предлагает «создание соответствующего психологического воздействия», то есть применение ряда психологически-репрессивных мер, которые бы привели население к решению переселиться с этих территорий. В заключительной части меморандума Васо Чубрилович еще раз приводит свои политические мотивы и доводы при написании этого текста: «Европа в целом находится в болезненном состоянии. Мы не уверены в завтрашнем дне. Албанский национализм в наших краях растет. Оставить всё так, как есть, означало бы в случае всеобщего взрыва или социальной революции — а возможно и то, и другое — поставить под вопрос все наши владения на юге. Предотвращение такой ситуации и является целью этого текста»².

Лекции, прочитанной Васой Чубриловичем, придается значение, которого она вообще не имела. Переселение мусульманского населения из балканских государств в Турцию является неотъемлемой частью более масштабного и долгосрочного исторического процесса, продолжающегося в течение нескольких столетий. Бросается в глаза, что практически не рассматривают аналогичные процессы: переселение мусульман из Боснии и Герцеговины после австро-венгерской оккупации (1878) и аннексии (1908). Австро-Венгрия предлагала переселенцам и деньги, и другие льготы транспортировки через Славонию, Сербию и Старую Сербию. Турция размещала их на своих широких пространствах в Малой Азии: от Аданы, Эрзурума до Измира и Дамаска³. Этой проблеме должное внимание посвятил и Йован Цвийич в своей работе «*О исељавану босанских мухамеданаца*»⁴. Летом 1905 года Цвийич встречался с переселенными мухаджирами в Малой Азии. «Не только из гуманных соображений, — пишет Цвийич, — но из национальных, сербы должны настаивать, чтобы боснийские мусульмане не выселялись». Они являются, пишет он, «бывшими сербами, в основном из сербской знати», но «отошедшие от веры и народного сознания сербского, эти мусульмане, желая показать, что они достойны нового

¹ В. Чубрилович. С. 81.

² Там же. С. 96–97.

³ G. Gravier (Г. Гравје). Емиграција Муслимана из Босне и Херцеговине. Преглед, бр.7 и 8, 15. јануар 1911, Сарајево. С. 475–484.

⁴ Јован Цвијић. О исељавану босанских мухамеданаца. Српски књижевни гласник. Књ. XXIV. Београд, 1910. С. 906–917.

вероисповедания, все более враждовали со своими соотечественниками, оставшимися в старой вере»¹. Вопрос о переселении мусульман на рубеже двух мировых войн достаточно основательно исследовал Владан Йованович в своей книге *«Вардарска бановина 1929–1941»*. С 1930 по 1938 год продолжались переговоры с Турцией в связи с переселением мусульман. Югославо-турецкая конвенция, подписанная 11 июля 1938 года, была составлена по примеру схожей турецко-румынской конвенции, используя опыт, полученный при ее внедрении в жизнь. Речь шла о переселении людей «говорящих на турецком языке и имеющих турецкую культуру», при этом область Рашка и Босния и Герцеговина не были охвачены соглашением. Турция обязалась принять 40 000 семей в течение 6 лет, а Югославия — оплатить транспорт эмигрантов до Салоников и 20 миллионов турецких лир в счет половины «реальных затрат по переселению (за выкуп земли в Анатолии)»². В смешанной югославо-турецкой комиссии по переселению председательствовал турецкий делегат Хассан Сака. Конвенция не была ратифицирована, а Вторая мировая война сняла с повестки дня реализацию этого соглашения.

Дипломатия Королевства Югославия в канун Второй мировой войны занималась албанским вопросом не только из-за проблем с нелояльностью албанского меньшинства на её территории, но и потому, что Албания как государство могла послужить фашистским силам в качестве трамплина для угроз ее территориальной целостности. Эти причины, очевидно, побудили и Васу Чубриловича написать вышеупомянутый меморандум. В этом плане внимания заслуживает и работа об Албании 1939 года, написанная Иво Андричем, занимавшим в то время должность помощника министра иностранных дел Королевства Югославии. Работа написана по требованию председателя правительства и министра иностранных дел Милана Стоядиновича. В январе 1939 года во время визита министра иностранных дел Италии графа Джана Галеаццо Чиано в Югославию он говорил со Стоядиновичем и о возможностях разделения Албании, и о вероятной корректировке границ с Югославией³. В исследовании, проведенном для Стоядиновича, Иво Андрич дал краткий исторический очерк международного контекста албанского вопроса и отношения великих сил и балканских держав к Албании как государству. Во вступительной части он подчеркнул, что сербские войска в Первой балканской войне 15 ноября 1912 года вышли на Лежу и заняли всю северную Албанию вплоть до Тираны и Драча. Он ссылается на заявление, данное Пашичем лондонской «Таймс» 25 ноября 1912 года о том, что Сербия требует Драч с окрестностями⁴. Далее в тексте дан краткий обзор Конференции послов в Лондоне в 1912–1913 годах, секретного дополнения к Договору о союзе между Сербией и Грецией

¹ Јован Цвијић. О иселјавану босанских мухамеданаца. С. 913.

² В. Јовановић. Указ. соч. С. 116–117.

³ Bogdan Krizman. Elaborat dra Ive Andrićao Albanij iiz 1939. godine, Časopis za suvremenu povijest, br. 2. Zagreb, 1977. С. 79–80.

⁴ Там же. С. 81.

от 19 мая 1913 года, в котором разделены сферы интересов между двумя государствами в рамках недавно созданной автономной Албании. В сербскую сферу влияния попала территория, находящаяся «к северу от впадения реки Семени в море, затем вдоль течения этой реки до устья Деволи, затем вдоль течения реки Деволи до горы Камни». Южная часть Албании попадала в сферу греческого влияния. Также отмечено, что одно из положений Лондонского пакта от 26 апреля 1915 года между Францией, Великобританией, Россией и Италией, касающееся Албании, и в котором, кроме прочего, написано, что в нижней части Адриатики сербам (Сербии и Черногории) отойдет все побережье «от мыса Планка до реки Дрин с важнейшими пристанями — Сплит, Дубровник, Котор, Бар, Ульцин и Св. Иван Медовански»¹. Пристань Драч должна была отойти «независимому мусульманскому государству Албании».

Иво Андрич в своем исследовании обратил внимание на то, что на Парижской мирной конференции в 1919 году сербская и югославская позиции по вопросу границ с Албанией были противоположны позиции Италии, ратующей за независимость Албании с аргументами по исправлению границ и присоединения Шкодера и северной Албании. При этом он ссылается на слова председателя Парижской мирной конференции, главы французской делегации Жоржа Клемансо, адресованных Пашичу и Трумбичу 13 января 1920 года: «В соответствии с этим государство СХС достигнет апогея своей мощи, тем более когда в его состав войдут Шкодер, Дрин и Св. Йован Медовански»². Пашич считал, что от союзников нужно требовать как минимум, чтобы граница проходила «вдоль Черного Дрина до впадения в Белый Дрин, а оттуда вдоль Великого Дрина до моря», а максимальным требованием было бы — «река Мат до ее истока, а оттуда на восток до Черного Дрина. То есть Мат и Дрин были бы нашими границами с итальянским протекторатом»³. После Первой мировой войны итальянские войска на основании принятых союзниками решений оккупировали всю территорию Албании и даже северную ее часть, которая по Лондонскому договору 1915 года отошла сербам. Только Шкодер находился под общей оккупацией французских и итальянских войск. Итальянская оккупация Албании обострила отношения с Королевством СХС, так как югославское государство в Италии видело прямую угрозу, тем более что итальянцы помогали черногорским и македонским сепаратистам, а особенно поддерживали идею Великой Албании.

Итальянские войска в начале 1920 года отступили из центральной Албании, задержавшись только около Валоны, из которой также отошли в июне того же года. Наконец, в ноябре 1921 года на Конференции послов было принято решение о признании Албании независимым и суверенным государством, но таким образом были устранены и югославские претензии

¹ Bogdan Krizman. *Elaborat dra Ive Andrićao Albanij iiz 1939...* С. 82—83.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85.

на Шкодер и границу до Дрина. Несколько лет спустя, а точнее, в 1927 году (Тиранский пакт) Албания заключила военный союз с Италией сроком на двадцать лет и таким образом согласилась стать протекторатом Италии. Спустя десять лет был подписан итало-югославский договор «о дружбе». Югославия отреклась от своих претензий на албанское побережье, прежде всего на Влёру, а Италия отказалась от угрозы границам тогдашней Южной и Старой Сербии. Иво Андрич, в своем исследовании в начале 1939 года считал, что следует избегать открытого или скрытого конфликта с Италией, но «также не следует допускать, чтобы Италия оккупировала всю Албанию и угрожала нам в самых чувствительных местах, в направлении Боки Которской и Косово»¹. Разделение Албании для Сербии, пишет Андрич, могло бы быть достойным внимания, «только если это необходимо и неизбежно и если этому нельзя противостоять», из этих двух зол нужно выбрать меньшее. Если бы разговор зашел о «компенсациях», Андрич сослался на позиции времен Парижского мирного договора, когда югославское государство в качестве максимума требовало границу, «которая бы проходила вдоль реки Мат и Черного Дрина и которая бы нам стратегически обеспечила уверенность в Черногории и Косово». Андрич считал, что было бы очень важно обеспечить бассейны Охридского и Преспанского озер, путем присоединения к югославскому государству Подградца и славянской деревни Голо Брдо, а также деревень, находящихся между Преспы и Корчи. Обладание Шкодером в этом случае имело бы «большое моральное и экономическое значение», оно бы дало возможность проведения «крупных гидротехнических работ и приобретения плодородной земли для производства продуктов питания для Черногории». Если бы в этой ситуации Северная Албания отошла к Югославии, транспортные связи между Северной и Южной Сербией и Адриатикой стали бы намного проще. «С разделением Албании, — пишет Иво Андрич, — исчез бы привлекательный центр для албанского меньшинства в Косово, которое бы в новой обстановке легче ассимилировалось. Мы бы получили 200 000–300 000 арбанасов, в большинстве своем католиков, отношения которых с арбанасами-мусульманами никогда не были хорошими. Вопрос о переселении арбанасов-мусульман в Турцию также получил бы свое решение при новых обстоятельствах, так как не было бы потенциала для акции, которая бы могла этому помешать»².

¹ Bogdan Krizman. Elaborat dra Ive Andrićao Albanij iiz 1939... С. 88–89.

² Там же. С. 89.

Глава XIII

ЮГОСЛАВИЯ И РЕВАНШИСТСКО-РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Югославские коммунисты
и автономии в Старой Сербии:
автономия Косово и Метохии как «временное решение»

Коммунистическое движение на рубеже двух мировых войн под предводительством Коммунистического интернационала рассчитывало на деятельность албанских повстанцев в Югославии. Третий коммунистический интернационал (Коминтерн), основанный в 1919 году, сильно повлиял на точку зрения югославских коммунистов по национальному вопросу (некоторые авторы утверждают, что позиция Коминтерна была «решающей»), но не нужно забывать и австро-венгерское политическое наследие в формировании взглядов на национальный вопрос особенно в коммунистической среде на территориях бывшей Австро-Венгрии и ее союзников в Первой мировой войне, таких как Болгария. В 1923 году на Третьей конференции КПЮ (Коммунистической партии Югославии) было принято право народа на самоопределение и отделение как основное решение национального вопроса — то есть право на образование своих «обособленных государств» или «присоединение областей к своему национальному государству»¹. Более пятнадцати лет югославские коммунисты добивались раскола югославского государства — «версальского» и «великосербского» творения. Настоящие сложности югославского государства с самого начала исходили, по словам Милорада Экмечича, «от сепаратистских движений двух католических народов и национальных меньшинств»². Косовский комитет, сформированный в мае 1919 года (некоторые авторы упоминают 7 ноября 1918 года в качестве даты его основания) во главе с Хассаном Приштиной, был главным координатором масштабной международной деятельности, тесно связанной с сепаратистско-террористическими акциями так называемого Качакского движения в южных областях

¹ Димитрије Богдановић. Књига о Косову. Београд, 1990. С. 266–267.

² Милорад Екмечич. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у новом веку (1492–1992). Треће допуњено издање. Београд, 2010. С. 394.

югославского государства (их лидерами были Азем Бейта, Байрам Цури, Садик Рама и другие). Целый ряд мятежей и нападений на представителей югославского государства привели к тому, что в 1919–1920 годы югославская армия и полиция занялись разоружением населения. По отчету Министерства военных дел и морского флота от 1 июля 1920 года в акции по разоружению в июне того года в Косовском, Звечанском, Метохийском, Призренском и Рашском округах у албанцев было изъято 5650 ружей и 27 027 патронов. В этих акциях было убито 20 качаков, а армия понесла потери — пятеро убитых и два раненых солдата¹. Историки Любодраг Димич и Джордже Борозан опубликовали объемный материал в двух томах под заголовком «*Југословенска држава и Албанци*» с двумя вводными исследовательскими статьями. Эта научная работа отлично освещает политическую и общественную ситуацию в Старой Сербии и Албании после 1918 года². Югославская власть тогда столкнулась с произволом, вооруженным сопротивлением, анархией, террором и грабежами, убийствами местных сербов. Повторялись события, происходившие до 1912 года. Распространялась пропаганда о временном характере сербского правления. Вооруженные, небольшие, и многочисленные группы албанцев, практически препятствовали установлению новой власти, которая, с одной стороны, старалась не вызывать сопротивление или неудовольствие среди населения, соблюдая волю народа при выборе председателей общин, а с другой стороны, из-за невозможности мирного решения должна была прибегать к насильственному разоружению с 9 по 15 ноября 1918 года³. В январе и феврале 1919 года произошел большой мятеж в Плаве и Гусинье, связанный с соседними областями в Албании и Метохии. Возглавляли этот матеж Медо Ферович, Смако Никочевич, Шабан Реджепагич и Адем ага Омерагич. Мятеж являлся частью движения, возглавляемого Хассаном Приштиной, Байрамом Цури, Бедри-бегом Пеяни, Черим-бегом Махмутбеговичем, Исой Боletини и другими. Смысл этого движения был в еще одной попытке создания Великой Албании, в основном в границах Косовского, Шкодерского, Витольского и Янинского вилайетов. В Косовской Митровице на том же основании действовал *турецко-арнаутский комитет* с такими главными личностями как: Ферат-бег Драга, Ибрахим Дева, эфенди Риза и Тариф-бег⁴. О масштабах стычки армии и качакских террористических отрядов свидетельствуют данные о 100 убитых качаках вблизи Батуши в Джаковицком уезде, 100 — в столкновениях вблизи Ораховца и 655 в многократных стычках в регионе Подримля⁵. Качаки часто баррикадировались с семьями в башнях и стреляли

¹ Branislav Gligorijević. Fatalna jednostranost. Povodom knjige dr Branka Horvata «Kosovsko pitanje». Zagreb, 1988. Istorija XX veka, 1–2. Beograd, 1988. С. 186.

² Југословенска држава и Албанци. Том I, приредили Љубодраг Димић и Ђорђе Борозан. Београд, 1998. С. 785; то же, Југословенска држава и Албанци. Том II. Београд, 1999. С. 981.

³ Љ. Димић — Ђ. Борозан. Указ. соч. Т. I. С. 33–34.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 43.

по армии и жандармерии. Те, в свою очередь, открывали из пушек ответный огонь, при этом неминуемо были и невинные жертвы¹. В большей или меньшей степени в связях с албанскими качаками состояли и мусульманские бунтовщики на территории области Рашка. Отступничество было особо выражено в Новопазарском крае, но встречалось оно и в других областях. В западных областях Рашки особо активно действовали Юсуф Мехонич и Хуссейн Бошкович. Часто происходили грабежи, вымогательства и убийства православных сербов. Мехонич часто выезжал в Албанию, а в конце 1921 года они оба со своими группами перешли в Албанию, а оттуда некоторые из них — в Турцию².

Косовский комитет в 1920 году усилил свою работу по подготовке всеалбанского восстания. В его распоряжении находились крупные денежные суммы, поступавшие из разных стран. Наибольшую активность в этом деле проявляла Италия. Поступала информация о том, что 30 000 албанцев из окрестностей Смирны в Турции готовы присоединиться к всеалбанской акции³. Широкую международную деятельность развила и паналбанская федерация «Ватра» (Очаг) из Бостона и схожие албанские общества в Европе. В начале 1920 года Косовский комитет установил связь с Коминтерном, поговаривали, что он получает от него и денежную помощь. В декабре 1921 года Байрам Цури, один из лидеров Косовского комитета, нанес визит советскому послу в Вене и передал ему меморандум⁴. В период между двумя мировыми войнами, Италия в тесном сотрудничестве с движением усташей Анты Павелича и ВМРО Ивана-Ванчы Михайлова координировала действия албанской иммиграции, направленные против Югославии. Хассан Приштина от итальянского правительства для себя и своих друзей получал 50 000 лир в месяц. Позже эта сумма была увеличена до 200 000 лир, а с 1927 года превысила и эту сумму⁵. В Риме в 1931 году член Косовского комитета Мехмед Вокши опубликовал брошюру «Tuttal' Albaniadituttigll Albanesi», включающую карту Великой Албании, на которой албанская граница проходит от Адриатического побережья из бухты Шпиц, охватывает Скадарское озеро, Плав, Гусинье, идет до Митровицы, Куршумлии и Прокупья, оттуда — к Куманову, на Скопье, Битоль, Касторию (Костур), Арту и Превезу⁶.

¹ Б. Глигоријевић. Указ. соч. С. 187.

² Сегодня многих из этих бунтовщиков и безусловных преступников в работах некоторых мусульманских авторов восхваляют как героев: «Юсуф Мехонич среди мусульман был весьма уважаем и считался героем, в то же время сербы и черногорцы называли его преступником и бандитом [...] По сей день рассказывают о героических поступках Юсуфа Мехонича в борьбе с властями того времени, а особенно с жандармами, которые боялись его как зайцы». — Hakija Avdić, Položaj Muslimana u Sandžaku 1912–1941. Sarajevo, 1991. С. 101.

³ Југословенска држава и Албанија. Том II, приредили Љубодраг Димић и Ђорђе Борозан. С. 82.

⁴ Ђоко Слијепчевић. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време, друго допуњено издање. Химелстир, 1983. С. 312.

⁵ Там же. С. 298.

⁶ Ђорђе Борозан. Велика Албанија — поријекло, идеје, пракса. Београд, 1995. С. 121.

Правительство Милана Стоядиновича, заключив 25 марта 1937 года соглашение с Италией, носившее, как вскоре стало ясно, временный характер, пыталось нейтрализовать подрывную террористическую деятельность из Албании, направленную против Югославии, а также распространение албанского сепаратизма в Косово и Метохии. Итальянцы вступили в Албанию 7 апреля 1939 года, и вскоре на этой территории возникла широкая сеть, направленная против югославского государства. Ее главный разведывательно-подрывной центр находился в Куксе на севере Албании. В Риме было открыто Бюро по организации албанского движения в Югославии. В областях Косово и Метохии усилились разбойничьи и террористические акции. В Тиране был сформирован новый Косовский комитет во главе с Черим-бегом Махмутбеговичем из Печи. В Вене 21 мая 1939 года был подписан итало-германский пакт: итальянский министр иностранных дел Чиано записал в своем *Дневнике*, что он объяснял своему коллеге Риббентропу важность Албании для будущих стратегических прорывов в Средиземноморье и на Балканы. Чиано отмечает: «Он был воодушевлен нашими намерениями превратить ее в крепость, которая будет неумолимо править Балканами»¹. Во время визита в Тирану в августе 1939 года Чиано пообещал албанцам Великую Албанию, или, как тогда говорили в пропаганде, — «естественную» и «этническую Албанию».

Албанское меньшинство в югославском государстве на рубеже двух мировых войн принимало участие в политической жизни, поначалу в рамках *Джемиета* как политической партии мусульман в Старой Сербии и Вардарской Македонии, а также в соседних областях. Позже оно присоединялось и к другим политическим партиям. Джемиет основан в 1919 году. Вначале лидером партии был Неджиб Драга, а после его смерти — его брат Ферат Драга. На парламентских выборах в 1920 году партия получила восемь, а в 1923 году — 14 депутатских мест, на выборах в 1925 году партия не получила ни одного депутатского места. На выборах в югославский парламент в 1938 году были избраны из числа мусульман с территории Старой Сербии, наряду с прочими, Ильяз Агушевич из Приштины, Хаджи Ачиф Ахметович из Нови Пазара (он был депутатом Джемиета на выборах 1923 и 1925 годов, а позже — Югославского радикального союза), Мустафа Дургутович из Ораховца, Асим Люжа из Джаковицы, Адем Мармулакович из Душевича близ Истока, Кадри Салихович из Гостивара, Шефкия Селманович из Плевли, Юсуф Чорович из Лозны вблизи Биелог Поля и Мухамед Хашимбегович из Приеполя. Большинство из них избраны по списку Югославского радикального союза².

Албанские эмигранты в СССР в 1928 году основали Коммунистическую группу Албании. Как и в других областях Югославии, где после 1928 года имело место сотрудничество коммунистов с фашистскими фор-

¹ Цит. по: Ђ. Борозан. Указ. соч. С. 187.

² Биографски лексикон. Народно представителство: Сенат, Народна скупштина. Београд, 1939. С. 83—353.

мированиями, которые называли «национал-революционными группами», югославские коммунисты также рассчитывали на сотрудничество с албанскими радикальными националистами и сепаратистско-террористическими движениями албанского меньшинства. Так, например, на Четвертом конгрессе Коммунистической партии Югославии, проходившем в Дрездене в 1928 году, в резолюции отмечалось, что Партия заявляет о солидарности с революционерами и крестьянами «с албанским национал-революционным движением в лице Косовского комитета и призывает рабочий класс всецело поддержать борьбу разбитого и угнетенного народа в его борьбе за независимую и объединенную Албанию». В программе действий КПЮ в Любляне один из лозунгов гласил: «Да здравствуют рабочие и крестьянские правительства Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Косово, Черногории, Боснии и Воеводины!». Все вышеупомянутые территории будут конституированы как республики — федеральные единицы с двумя автономиями на территории Республики Сербии. Областной комитет КПЮ по Косово и Метохии в 1937 году представлял собой основу будущей автономной администрации этой области в коммунистической Югославии. А именно, устройство Югославии периода Тито базировалось практически полностью на предвоенной организационно-территориальной структуре Коммунистической партии. Изучая корни югославской федерации, Милорад Экмечич подчеркивает, что «никогда в научных исследованиях не были убедительно прослежены истоки федеративного югославского государства в его окончательном виде». Вероятно, пишет он, «первый набросок принадлежит Р. У. Сетону-Уотсону, который в 1932 году предложил разделение на югославские федеральные единицы: Словению, Хорватию (включая Славонию и Далмацию), Боснию и Герцеговину, Воеводину, Сербию, Черногорию и Старую Сербию»¹.

Целый ряд решений, принимаемых коммунистическим движением во главе с Тито, доказывает, что руководство югославских коммунистов было последовательно в своей стратегии ослабления сербского фактора в будущей Югославии и что албанский фактор был одним из средств этой стратегии. Это замечали и зарубежные наблюдатели за ситуацией в Югославии во время Второй мировой войны. Майор Джон Хеникен Мейджор, член британской военной миссии на юге Сербии, занимающий должность руководителя локальной миссии союзников в Главном штабе партизанских отрядов Сербии, записал в конце 1944 года среди прочего: «Я верю заявлению Тито, что его не интересует будущее Косово, которое он готов отдать албанцам, если они того пожелают»². Только если иметь в виду более широкую национальную стратегию Коммунистической партии Югославии, становится понятно, почему коммунистическое руководство ничего не сделало чтобы исправить последствия насильственного изменения

¹ М. Екмечич. Дуго кретање између клана и орања. С. 427.

² България непризнатият противник на Третия Райх. Министерството на отбраната — Национален център по военна история. София, 1995. С. 169.

этнической структуры в этой части Сербии, возникшего вследствие фашистской оккупации. Логично было ожидать, что изгнанные сербы после Второй мировой войны вернутся в свои имения в Косово и Метохии и в Вардарской Македонии и что таким образом будет восстановлена справедливость после фашистской агрессии на югославское государство. Вместо этого новая югославская власть во главе с Тито 6 марта 1945 года приняла решение о *Временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания* (хотя речь шла не только о колонистах, но и о старожилах сербах), в котором, между прочим, говорится: «В последнее время без разрешения народных властей замечено возвращение и переселение семей колонистов (переселенцев), которые ранее проживали в Македонии, Косово, Метохии, Среме и Воеводине», поэтому принимается решение, в котором между прочим написано: «Впредь воспрещается возвращение колонистов в места их прежнего проживания, и пусть все останутся на своих местах»¹. Вскоре после освобождения, 3 августа 1945 года принят *Закон о пересмотре предоставления земельных участков колонистам и заинтересованным крестьянам в Македонии и Косовско-Метохийской области*², а 2 ноября 1946 года *Закон о пересмотре предоставления земельных участков колонистам и заинтересованным крестьянам в Народной Республике Македонии и в Автономной Косовско-Метохийской области*³.

Таким образом, результаты оккупации фашистской Италии и нацистской Германии в течение Второй мировой войны и фактическое санкционирование этих результатов руководством югославских коммунистов, в действительности, объективно представляли первый этап осуществления великоалбанского политического проекта в Югославии. Всё, что произошло в Югославии периода Тито, означало укрепление великоалбанской политической идеологии, пронизанной духом фанатического шовинизма по отношению к сербам, которая в новой ситуации была умело замаскирована под лозунгом «братства и единства» и, по сути, ложным интернационализмом.

Коммунистическая концепция в связи с решением национального вопроса в югославском государстве покоилась на стремлении ослабить роль сербского фактора в государстве. Один из идеологов этого режима Милован Джилас в интервью *Le Monde* от 30 декабря 1971 года категорически утверждает, что образование пяти республик (из шести) с сербским населением имело целью «ослабление централизма и гегемонизма сербов, ко-

¹ Одлуке националног комитета ослобођења Југославије, Привремена забрана враћања колониста на њихова ранија места живљења. Службени лист Демократске Федеративне Југославије, број 13, 16. март 1945. године.

² Закон о ревизији додељивања земље колонистима и аграрним интересентима у Македонији у Косовско-Метохијској области. Службени лист Демократске Федеративне Југославије, број 56, 5. август 1945. године.

³ Закон о ревизији додељивања земље колонистима и аграрним интересентима у Народној Републици Македонији у Аутономној Косовско-Метохијској области. Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије, број 89, 5. новембар 1946. године.

торых считали самым серьезным препятствием коммунизму». Во время дискуссии Иосифа Виссарионовича Сталина с бывшим генеральным секретарем КПЮ Симой Марковичем в 1925 году Сталин в качестве цели Коминтерна выдвинул следующий тезис — исходной точкой национальной политики югославских коммунистов должно быть признание необходимости советской революции в Югославии. В национальную программу, считал Сталин, «безусловно, нужно внести специальный пункт о правах наций на самоопределение и отделение»¹.

Формирование косовско-метохийской автономии, с опорой на политическую стратегию ослабления Сербии и сербского фактора в югославском государстве, логически проистекает из организационно-политической структуры югославских коммунистов в целом и в частности на территории Старой Сербии. Как уже было сказано, в июле 1937 года в городе Печ сформирован Областной комитет КПЮ по Косово и Метохии. Из двадцати делегатов учредительной конференции только двое были албанцы — Рамиз Джемал и Рамиз Садику, все остальные были сербы (из которых некоторые происходили из Черногории). Сообщение центрального руководства о необходимости формирования партийного руководства области прочитал Мома Маркович. Реферат о национальном вопросе на учредительной конференции представил Видак Маркович, организатор конференции. Два года спустя Областной комитет КПЮ по Косово и Метохии установил сотрудничество с так называемой «Шкодерской группой» албанских коммунистов, главной личностью среди которых был Фадиль Ходжа, являющийся ключевой фигурой албанского меньшинства в Сербии и Югославии на все последующие пятьдесят лет. Фадиль Ходжа и Эмин Дураку прибыли в Джаковицу. Они возглавляли более внушительную группу албанцев, по происхождению из Косово и Метохии, прибывших в Югославию: Джевдет Дода, Джавид Нимани, Исмет Шачири, Хусни Займи, Ельхами Нимани, Джевдет Хамза, Мазлум Кпуска, во время оккупации сюда прибыли Вели Дева в качестве члена МК КП Тираны и Имер Пуля в качестве члена временного ЦК Коммунистической молодежи Албании. Изучение местных и зарубежных архивов в последующие годы открыло масштабы и формы тайных связей Фадилы Ходжи и его соратников с лидером албанских коммунистов Энвером Ходжей, а также позволило больше узнать о деятельности тайных подпольных организаций, задачей которых был раскол Сербии. А именно, шеф УГБ (Управление государственной безопасности) Косово и Метохии Спасо Джакевич в своей книге *«Сукоби на Косову»* подробно рассказал об этих связях. Во время его пребывания в Тиране у организационного секретаря ЦК КП Албании и министра внутренних дел Кочи Дзодзе в первой половине 1948 года он был оповещен о содержании некоторых телеграмм и писем, отправляемых из Приштины Энверу Ходже. Хотя это прямо не указано, судя по всему, речь идет о Фадиле Ходже. После воз-

¹ Radošin Rajović. Autonomija Kosova. Istorijsko-pravna studija. Beograd, 1985. С. 85.

вращения из Албании Джакович с определенной долей страха уведомил об этом ведущих представителей органов безопасности Сербии и Югославии — Слободана Пенезича и Александра Ранковича¹. Из всего вышесказанного можно предположить, что с этой информацией был ознакомлен и Иосип Броз Тито.

То, что у руководства югославских коммунистов во главе с Тито уже в канун войны был план отделить эту центральную часть Старой Сербии от Сербии, стало понятно, когда в 1940 году было принято решение о выделении Областного комитета по Косову и Метохии из *Краевого комитета по Черногории, Боке и Санджаку* и его прямом подчинении Центральному комитету КПЮ. Многочисленные аргументы указывают на то, что у высшего руководства югославских коммунистов во главе с Тито проявлялось амбивалентное отношение к идее отсоединения в будущем центральной части Старой Сербии. С одной стороны, руководство не желало выносить на публику свою точку зрения по этому вопросу, а с другой стороны, допускало развитие событий в направлении постепенного освоения этих территорий албанским меньшинством. Имея в виду, что албанское меньшинство в Сербии и Югославии поддерживало фашистскую и нацистскую оккупацию и идеологию оккупационных режимов, парадоксально, что такое поведение привело к получению в качестве вознаграждения политикотерриториальной автономии в рамках Сербии.

Тот факт, что Областной комитет КПЮ Косово и Метохии с осени 1940-го по март—апрель 1945 года был связан с ЦК КПЮ, достаточно говорит о политической стратегии высшего руководства югославских коммунистов. Именно во время консультаций Областного комитета КПЮ Косово и Метохии, проходивших на Шаре 3—5 ноября 1943 года, были приняты важные решения, возвестившие о стратегии коммунистического движения в связи с этой частью Сербии и Югославии. Областной комитет был переименован в *Краевой комитет КПЮ Косово и Дукаджин* (албанское название, распространенное на Метохию), в рамках которого были сформированы два областных комитета: *Областной комитет КПЮ Дукаджин* и *Областной комитет КПЮ Косово*². Очевидно, что было стерто название Метохия (это повторится и в 1968 году) и внесено название Дукаджин — название области на севере Албании, так никогда не называли Метохию — этого названия нет ни на многочисленных картах этих территорий, включая и австро-венгерские. Областной комитет КПЮ Дукаджин охватывал уезды городов: Печ, Исток, Джаковица, Ораховацкий, Сува Река, Призрен, Рожае и Тутин, а его политическим секретарем был Исмет Шачири, сыгравший в последующие десятилетия важную политическую роль. Менее чем че-

¹ Спасоје Баковић. Сукоби на Косову (друго допуњено издање). Београд, 1986. С. 250—252. Книга дает обзор великоалбанской деятельности в Косово и Метохии и содержит обилие документов и материалов. Джакович был свидетелем этих событий, и его толкования и анализ могут быть драгоценным путеводителем в дальнейших архивных исследованиях. В 1941 году он занимал должность политического секретаря Уездного комитета КПЮ по Джаковицкому уезду.

² С. Баковић. Указ. соч. С. 149.

рез два месяца после этих изменений в партийной организации последовала так называемая конференция в Буяне, то есть заседание *Областного народно-освободительного комитета (НОК) Косово и Дукаджин* 31 декабря 1943 года и 1–2 января 1944 года. Заседание проводилось в настоящем Дукаджине, в Буяне (уезд Трополя в Албании). Граждане Албании составляли пятую часть от 49 присутствующих, а этнических албанцев было 42 человека. На место председателя НОК Косово и Метохии был избран Мехмед Ходжа, бывший префект из Джаковицы. Комитет, пишет Спасое Джакович, «после критики, выслушанной от ЦК КПЮ в марте 1944 года, неофициально переименован в Областной народно-освободительный комитет Косово и Метохии»¹. В Резолюции, принятой на конференции в Буяне, между прочим, говорится: «Косово и Метохия — это область, населенная в основном шиптарским народом, который всегда желал и сегодня желает объединиться с Албанией. Поэтому мы считаем своим долгом указать на стоящую дорогу, по которой шиптарский народ должен идти к осуществлению своей мечты». С территории Сербии не было ни одного делегата от оперативных единиц, но участвовали делегаты НОВ Албании и делегаты из уезда Трополя².

Радошин Райович в своей книге *«Аутономија Косова»* в подробностях реконструировал процесс создания и постоянного укрепления автономии в этой части Сербии. В соответствии с исследованиями Райовича, первый разговор в связи со статусом этой части Сербии велся летом 1944 года на острове Вис, в самом узком кругу руководства партизанского движения во главе с Тито, Карделем, Ранковичем и Джиласом. При разговорах присутствовали и Моша Пияде, и Владимир Бакарич. Имея в виду упомянутую взаимосвязь между Областным комитетом КПЮ Косово и Метохии и ЦК КПЮ, было бы логично предположить, что это решение на самом деле принято ранее и что упомянутая группа заранее договорилась о правовом конституировании их политической воли. Райович ссылается на дачу свидетельских показаний Владимира Бакарича, записанных Владимиром Дедьером, по которым главными политическими творцами косовско-метохийской автономии, наряду с Тито, были Кардель и Бакарич. По словам Бакарича, Кардель тогда сказал следующее: «Всё еще нельзя принимать какое-либо решение по Косово, так как это помешало бы стратегическим планам нашей борьбы. Если бы было принято такое решение по Косово на основании абстрактного понимания принципов права на самоопределение и отделение, это бы очень ослабило нашу борьбу в Сербии, а сербской буржуазии и Драже Михайловичу дало бы в руки необыкновенно сильные аргументы. Они бы нас обвинили в разделении Югославии. В то время у нас еще не было Сербии, а без Сербии у нас не было бы и Югославии, и мы не смогли бы строить социализм»³.

¹ С. Ђаковић. С. 154.

² Там же. С. 153.

³ Р. Рајовић. Указ. соч. С. 230.

В феврале 1945 года на съезде ЦК КПЮ было принято официальное и окончательное решение о включении Косово и Метохии в состав федеральной Сербии. В том разговоре участвовали кроме Эдварда Карделя, Александра Ранковича и Милована Джиласа и Светозар Вукманович, Миладин Попович, Фадиль Ходжа и, судя по всему, Сретен Жуйович и Благое Нешкович. Райович в упомянутой книге опубликовал воспоминания Фадиль Ходжи об этом собрании: «Существовала альтернатива, как и в случае Санджака — чтобы одна часть была присоединена к Черногории, а другая отошла бы к Сербии и Македонии. Кардель сказал, что есть вариант присоединения к Албании, но внешние и внутренние обстоятельства говорят против этого. Поэтому эта область должна оставаться компактной в составе Сербии»¹.

По уже упрочившейся революционной практике и процедурам Областной комитет по Косово и Метохии на заседании в Призрене 8–10 июля 1945 года принял «решение о присоединении к федеральной Сербии». Президиум Народной скупщины Сербии 3 сентября 1945 года ратифицировал *Закон о создании и организации Автономной Косовско-Метохийской области*². Это правовое решение 17 января 1947 года было внесено в Конституцию Народной Республики Сербии. Автономия, по сути, имела характер административной децентрализации³. Народный комитет Автономной Косовско-Метохийской области на заседании 23–24 мая 1948 года принял первый устав, который Народная скупщина НР Сербии ратифицировала 30 октября 1948 года. Второй устав Области утвержден 20 февраля 1953 года. В кругах специалистов, а также в общественной мысли практически без внимания остался факт переноса границ Автономной Косовско-Метохийской области, определенных в 1945 году, в 1958–1959 годы в Центральную Сербию. Очевидно, в 1958–1959 годы был достигнут политический договор (некоторые исследователи отмечают роль Петра Стамболича) о включении в Автономную Косовско-Метохийскую область Копачинского и Студеницкого уездов. Из этих территорий была сформирована новая община — Лепосавич. До этих изменений северная административная граница проходила ниже Лепосавича, вдоль Ибра, у деревни Доброва над Сочаницей, а после 1958–1959 годов охватывала и деревню Бистрица на левом берегу Ибра. В *Законе о территориях округов и уездов в Народной Республике Сербии*, утвержденном 26 ноября 1959 года на заседании Республиканского вече Скупщины Сербии, это изменение административных границ становится официальным⁴.

¹ Р. Рајовић, С. 231.

² Службени гласник НР Србије бр. 28/1945, од 9. септембра 1945. године.

³ Успостављање и потоњи развој косовске аутономије, Косово и Метохија у српској историји, 381–383. Блестящий краткий анализ конституционного положения албанского меньшинства в Югославии дал академик Миодраг Йовичич в научной работе: Уставноправни положај припадника албанске националности у Југославији, зборник радова Срби и Албанци у XX веку, С. 137–154.

⁴ «Службени гласник НР Србије бр. 51», 12 децембра 1959 года. Добрица Чосич (в то время депутат от Копачинского уезда) 17 ноября 2004 года сказал автору, что избиратели его уезда воспротивились такому решению. Чосич встретился с тогдашним председателем ЦКСК Сербии

Потакание великоалбанскому шовинизму

Новые югославские власти во главе с КПЮ и Иосипом Броз Тито были более чем благосклонны к албанскому национальному меньшинству в Сербии. Во-первых, они не призвали к ответственности большинство албанцев, совершавших преступления над сербами в течение 1941–1945 годов и участвовавших в этнических чистках сербов во время фашистской оккупации. Во-вторых, новые власти санкционировали демографическую ситуацию в Косово и Метохии, возникшую во время фашистской оккупации, то есть они не вернули в Албанию албанцев, поселившихся здесь во время оккупации, и запретили возвращение в Косово и Метохию так называемым *сербам-колонистам*, а реально — практически всем сербам, изгнанным из Косово и Метохии во время оккупации. В-третьих, так как практически вся политическая, судебная и исполнительная власти находились в руках албанского национального меньшинства, особенно после 1966 года и Конституции 1974 года, албанцы эту высокую степень автономии использовали для продолжения этнических чисток сербов, ежедневной дискриминации сербских жителей и абсолютной фаворизации албанцев во всех сферах общественной жизни. Албанцы при проведении такой политики имели мощную поддержку государственного и партийного руководства Югославии во главе с Тито, так как это устраивало хорватско-словенское руководство в их стремлении установить «равновесие сил» в Федеральной Югославии. Хотя Косово и Метохия являлись автономным краем в составе Республики Сербии, у Косово и Метохии были более тесные связи с Республикой Албанией, чем с Республикой Сербией. Это было своеобразным абсурдом, но у этого абсурда была поддержка союзного государственного и партийного руководства, а руководящие сербские кадры не сопротивлялись этому в открытую, опасаясь за свои карьеры.

Албанская пропаганда на протяжении всего этого времени не только в Албании, но и во всем мире, выступала с тезисом о том, что албанское меньшинство в Косово и Метохии подвергается дискриминации. Таким образом, по сути, камуфлировалась великоалбанская политическая и антигосударственная деятельность, разумеется, при поддержке влиятельных личностей из союзного государственного и партийного руководства. Сразу после освобождения Косово и Метохии в ноябре 1944 года, хотя все еще продолжалась Вторая мировая война и албанское меньшинство в основной своей массе принимало участие в оккупационных органах власти и нацистских военизированных отрядах, албанцы заняли важные места в новых органах власти. Вот лишь несколько примеров: Фадиль Ходжа — командующий Оперативным штабом Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии (НОАЮ) Косово и Метохии; Мехмед

Иваном Веселиновым и передал ему реакцию населения, на это Веселинов ему ответил, что очень удивлен поведением Чосича, имея в виду, что он коммунист. Все мы живем в одной стране, сказал Веселинов, наш долг дать нашим товарищам в Космете дрова для обогрева.

Ходжа — председатель Областного народно-освободительного комитета Косово и Метохии; Рифат Бериша — председатель Областного народно-освободительного фронта Косово и Метохии; Джафер Вокши — председатель Областного комитета Объединенного союза антифашистской молодежи Косово и Метохии; Бие Вокши — председатель Областного комитета Антифашистского фронта женщин Косово и Метохии; в Бюро Областного комитета КПЮ Косово и Метохии находились Фадиль Ходжа, Джавид Нимани и Исмет Шачири. Из пяти окружных отделов органов безопасности (ОЗН — Отделение защиты народа) руководителями двух отделов были албанцы: Али Шукрия в Урошевце и Алюш Гаши в Пече¹. Так было сразу после прихода к власти коммунистов, а двадцать лет спустя сербов отстранили практически от всех административных постов в этом сербском крае.

Идеологом великоалбанского движения в Косово, как уже было сказано, и ведущей политической личностью косовско-метохийских коммунистов и албанского меньшинства в Косово и Метохии в Титовской Югославии был Фадиль Ходжа, который свыше десяти лет своей жизни, до оккупации 1941 года, провел в Албании. Ходжа одно время проживал в Шкодере, затем окончил педагогическое училище в Эльбанасе, где затем работал учителем. В апреле 1941 года, после фашистской оккупации Югославии он приезжает в Косово и Метохию и становится членом Областного комитета КПЮ Косово и Метохии и секретарем Местного комитета КПЮ в Джаковице². Во время войны ему удалось сделать головокружительную карьеру став сначала, в октябре 1942 года командующим Народно-освободительной армией и партизанских отрядов Югославии Косово и Метохии, а затем, в соответствии с решением Верховного штаба НОАЮ, в начале сентября 1944 года — командующим Оперативным штабом Косово и Метохии, он был повышен в звание полковника вопреки несению прямой ответственности за вооруженный мятеж 20 000 участников профашистской организации «Бали Комбтар», в декабре 1944 года, во главе со своими лидерами Шабаном Полужей и Мехмедом Градицом из Дреницы. Ходжа за это был лишь временно снят с должности командующего Оперативным штабом.

Принятие 7 апреля 1963 года Конституции СФРЮ укрепило степень косовско-метохийской автономии уже самим тем, что вместо Области был утвержден *Автономный край Косово и Метохия*. Новая конституция Сербии, принятая 9 апреля 1963 года, переняла это положение, которое затем было включено в Устав Автономного края Косово и Метохии 10 апреля 1963 года. Статья 11, пункт 3 Конституции Сербии 1963 года гласила: «В СР Сербии существуют автономный край Воеводина и Автономный край Косово и Метохия, основанные в 1945 году решением Народной скупщины Народной Республики Сербии на основании волеизъявления жителей этих областей». В 1962–1963 годах стычки между последовате-

¹ «Службени гласник НР Србије бр. 51». С. 221–222.

² Благоје К. Павловић. Албанизација Косова и Метохије. Београд, 1996. С. 85.

лями централизованной федерации и шаткой конфедерации, решались постепенным усилением процессов дезинтеграции в югославской федерации, что привело сначала к большим политическим потрясениям, а затем — к конституционному оформлению политической воли сил, победивших в этих стычках. Развязку этого конфликта наиболее ярко иллюстрирует смена в 1966 году Александра Ранковича с должности заместителя председателя СФРЮ и министра внутренних дел. Вскоре после смены Александра Ранковича начался процесс конституционного оформления фактической конфедерализации югославского государства. Уже 18 апреля 1967 года было внесено первых шесть поправок к Конституции СФРЮ 1963 года. В седьмой поправке к Конституции СФРЮ 1963 года, внесенной в 1968 году, установлен *Социалистический автономный край Косово*. Предвзято, с политической точки зрения, исключена вторая часть названия этого края — *Метохия* — так как это могло напоминать о земле, находящейся в церковной собственности, то есть об истории этой земли, отмеченной церковной жизнью православных сербов в течение предшествовавших веков, а также о Пече — центре Сербской православной церкви, то есть о Печской патриархии.

В поправках 7–19 к Конституции СФРЮ 1963 года, принятых Союзной скупщиной СФРЮ 16 и 18 декабря 1968 года, начинается радикальное и существенное преобразование югославской федерации в направлении конфедерации. Регионы и далее остаются в составе Сербии, но в то же время они становятся и конституционными элементами югославской федерации. Косово 24 февраля 1969 года ратифицировало конституционный закон: у этого региона теперь была судебная и финансовая автономия, он организовывал гражданскую оборону и государственную безопасность и имел свою, равноправную с остальными делегацию в Вече народов Союзной скупщины. То же самое было и у Воеводины. Наконец, 30 июня 1971 года поправками 20–42 к Конституции СФРЮ регионы получают элементы государственности, так как участвуют в принятии решений о делах конфедерации, основываясь на принципе согласия. Наконец, этот процесс дробления Сербии и СФР Югославии получил и свою конституционную форму в Конституции СФРЮ, принятой 21 февраля 1974 года, а затем Конституции Сербии, принятой 25 февраля и конституций Социалистических автономных краев Косово и Воеводины, принятых 28 февраля 1974 года. Эти регионы после конституционной реформы стали самостоятельно регулировать свои отношения, их парламенты принимают решения об изменениях в Конституции и дают согласие на изменения в Конституции СФРЮ и СРС. У регионов есть свои Президиумы (в президиуме Социалистического автономного края Косово — девять членов), исполнительное вече (Правительство), Конституционный и Верховный суд.

То, что с начала 60-х годов XX века речь, действительно, шла о демонтаже югославского государства, говорит тот факт, что в Конституции СФРЮ 1963 года все еще существовало положение о Югославии, как об объединенном экономическом пространстве, а также положение

о равных условиях ведения хозяйственной деятельности на территории всей страны (статьи 28, 113, 117). Этот принцип перестает существовать в Конституции 1974 года, и таким образом югославская федерация практически прекращает свое существование как единое государство. Отклонение от направления югославской политики, экономической и культурной интеграции в 1962—1963 годах (некоторые исследователи этот процесс связывают с конфликтом Кардель-Ранкович на Бледе) создало совсем новую политическую атмосферу, в которой югославизм уже не представлял идеологическое полотно режима Тито. Политическую ситуацию в 1966—1971 годах нагляднее всего иллюстрирует один эпизод, произошедший во время симпозиума «*Хрватски разговори о слободи*» (Второй симпозиум «*Хрватске ревије*» в Люцерне, Швейцария, лето 1971 года). «Один наш сотрудник» упомянул, что в борьбе против Ранковича треугольник Загреб-Любляна-Скопье вел активную работу, и добавил: «Хорватские коммунисты тем временем получили союзника в лице косовских албанцев, требующих свою республику, а в дальнейшей перспективе — и присоединение к Албании, но албанское государство само по себе слабое, а ее союзник Китай пока не показывал склонность к хорватским коммунистам и хорватскому народу вообще»¹.

Югославское политическое руководство, вдохновитель и предводитель всех перемен, сталкиваясь с радикальными выступлениями великоалбанского сепаратистского движения, отделялось в основном обобщенными «выводами», не предпринимая никаких конкретных долгосрочных шагов. Очевидно, что великоалбанский сепаратизм поддерживали самые узкие правительственные круги. После больших демонстраций в Косово и Метохии, а также в Македонии в 1968 году, югославское партийное руководство утвердило «*Постановления ЦК СКЮ в связи с актуальными вопросами осуществления равноправности народов*» от 4 февраля 1969 года. Бурная политическая дискуссия на этом заседании закончилась бледными выводами о «недавних акциях националистических групп в Косово и Тетово», сопровождаемыми заявлением, что демонстрации относятся «к ряду националистических и реакционных выпадов врагов социализма, братства и единства». Партийное и государственное руководство Сербии, столкнувшись с последствиями Конституции 1974 года и очевидным препятствованием нормальному функционированию Сербии как югославской республики, пыталось в период 1977—1985 годов изменить весьма неблагоприятное для будущего Сербии и сербского народа развитие событий. Президиум Сербии 11 марта 1977 года выступил с книгой («Плава књига») «*Союзная Республика Сербия и автономные края в ее составе — конституционное положение и практика*». ЦК СКС в том же году организовало дискуссию «*Некоторые из идейно-политических вопросов осуществления конституционного положения СР Сербии и социалистических автономных краев и реализация*

¹ Hrvatski razgovori o slobodi. Drugi simpozijum «Hrvatske revije» 1971, uredio Vinko Nikolić. München—Barcelone, 1972. S. 76.

политики СКЮ». В последующие годы одна за другой в руководстве Сербии проводились в основном бесплодные и неэффективные дискуссии о её конституционном положении.

Против попыток Сербии устранить или уменьшить эффекты пагубных обструкций в регионах был создан сильный фронт. Сербия сталкивалась с мощной, так называемой непринципиальной коалицией, как десятилетие спустя стали называть эту политическую группу. ЦК СК Сербии 13 января 1982 года утвердил постановления под заголовком *«О задачах СК Сербии в применении Конституции и дальнейшем развитии и укреплении единства и сплоченности в СР Сербии»*. Безличный бюрократический язык, используемый в названиях почти всех документов такого типа, скрывает суть проблемы сербского и югославского обществ. В этом документе, среди прочего, сказано, что «исходя из ответственности СР Сербии за общественно-экономическое развитие САК Косово», необходимо, чтобы Скупщина Сербии и Скупщина Автономного края как можно быстрее заключили договор о мерах совместной политики стимулирования развития Косово, а также чтобы как можно быстрее был принят закон о всенародной обороне, «отдельные положения которого будут применяться на всей территории республики в смысле статьи 300 Конституции»¹. Два года спустя 21 сентября 1984 года выступила и Скупщина Сербии с работой *«Анализ Комиссии Скупщины Сербии по конституционным вопросам: о реализации единства и конституционного положения Сербии при выполнении ее функций»*. И отечественной, а еще больше международной общественности было понятно, что югославское государство постепенно входит в процесс ускоренного раскола и что руководство Сербии в своих попытках остановить этот процесс, прежде всего на своей территории, натывается на непробиваемую стену. Решение проблемы откладывалось стерильными выводами республиканских и союзных органов. Президиум ЦК СКЮ 23 июля 1985 года утвердил документ *«Позиция Президиума ЦК СКЮ по актуальным вопросам установления отношений, на которых зиждется единство и общность в СР Сербии»*. Оценка проблемы была точной и принята благодаря настойчивости представителя Сербии. Она гласила: «Считается, что продолжение тенденций осуществления автономии, противопоставленное единству Республики, калечит СР Сербию, сводя ее к узкой территории, фактически превращая регионы в республики, а республики в федерацию, чем нарушается конституционная концепция». В реальности процессы ускоренно развивались и двигались другими путями, при поддержке мощных международных факторов, готовившихся к политическому формированию границ в Европе, установившихся после Второй мировой войны.

Не существует ни одного аргумента, подтверждающего принципиальную последовательность в национальной политике югославских коммунистов, кроме вышеупомянутых стремлений ослабить Сербию и сербский

¹ R. Rajović. Указ. соч. С. 477–515.

фактор в югославской федерации. Косово и Метохия никогда в прошлом не были обособленным историческим, географическим или этническим целым. С точки зрения географии Косово и Метохия это две отдельные географические единицы. У Косово и Метохии никогда не было территориально-политической автономии, особенно не в этих административных границах. Косовская область после Первой мировой войны была административно-территориальной единицей и охватывала территорию меньше, чем позже охватывала автономная область. Упоминание Косовского вилайета и его приравнивание к автономии лишено всякого смысла, так как вилайет был османской административной единицей, занимавшей территорию от реки Тары вблизи Плевли до Скопья. В рамках вилайета албанцы не представляли большинство населения. Название Косово изначально связывается со старым географическим названием Косово Поле, как называется равнина около рек Ситницы и Лаб с окрестностями. Косово и Метохия представляют собой две обособленные географические области, каждая из которых делится на свои более узкие географические территории. В рамках Косова существует деление на Мало Косово, Ситницу, Дреницу, Изморник (Моравица), Старый (Ибарски) Колашин, Средний Ибар, Сиринич, Лугови и другие. Также и Метохия делится на Печский Подгор, Прекрупле, Подримле, Хас, Призренский Подгор, Призренское Поле – к которым прилежат жупы Шар-горы – Средска, Гора и Ополе¹.

Югославское партийное и государственное руководство, а именно самая узкая группа, собравшаяся вокруг Тито, на своем примере показывала свою непоследовательность при ведении национальной политики. По югославской переписи населения после Второй мировой войны в 1948 году, после масштабной этнической чистки сербов и переселения албанцев из Албании во время оккупации 1941–1945 годов албанцы в Республике Сербия составляли всего 8,1 % населения. В НР Македонии их процент составлял 17,1 %, в Черногории – 5,1 %. Несмотря на то, что процент албанцев в НР Македонии был практически в два раза больше по сравнению с Сербией, там не была сформирована никакая автономная область или единица. Сербь в Хорватии, в соответствии с результатами этой переписи, составляли от 14,5 до 15 %, и в этом случае не было разговоров о каком-либо виде автономии, хотя сербы в некоторых регионах составляли 90 % населения, в таких как Лика, Бания, Кордун, вопреки чудовищному геноциду, которому сербы были подвержены под нацистским режимом Анте Павелича в рамках так называемого Независимого государства Хорватии².

¹ Милисав В. Лутовац. Географски и политичко-географски значај Косова у Србији. Задужбине Косова – споменици и знамења српског народа. Призрен–Београд, 1987. С. 582.

² Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije po nase llima i opštinama. Knj. 1. Stanovništvo prema nacionalnom sastavu, Savezni zavod za statistiku. Београд, 1991. С. 11–13.

Глава XIV

ПРИЗРЕНСКИЙ ПРОЦЕСС 1956 ГОДА: РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВЕЛИКОАЛБАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ

Одной из ключевых проблем югославского общества после Второй мировой войны было игнорирование новыми властями серьезного нацистского наследия на югославской территории, особенно в бывшей НГХ и на землях Косово и Метохии, в части Рашки и сегодняшней Республики Македонии. Как известно, на части территории Рашки, в Косово и Метохии и западных областях современной БЮР Македонии фашистско-нацистские силы создали Великую Албанию и установили на этой территории режим, опирающийся на нацистскую (фашистскую) символику и идеологию. То же произошло и на территории БЮР Македонии и некоторых областей Юго-Восточной Сербии, вошедших в состав фашистской Болгарии, которая вплоть до прихода Красной армии в конце 1944 года являлась союзником нацистской Германии. Новая власть не вдавалась в сложную проблему нацистского наследия на территории бывшего НГХ, а позже Республики Хорватии и Республики Боснии и Герцеговины и некоторых прилегающих областей, которые во время оккупации входили в состав НГХ, таких, например, как Срем и некоторые части Воеводины, а также западные части Рашки (на короткий период). Новая власть не желала встретиться лицом к лицу с мощным идеологическим наследием Великой Албании на территории упомянутых областей. В списке военных преступников, принятом военной комиссией по фактам преступлений оккупантов и их пособников во Второй мировой войне, находятся имена 297 албанцев. Документ озаглавлен «*Список албанцев военных преступников с территории Сербии, Черногории и Македонии, а также Албании, совершивших военные преступления на территории Югославии*»¹. Кроме нескольких судебных процессов по материалам военных преступлений и вооруженных расправ во время мятежа Шабана Поллужи, в последующие годы многие личности, находившиеся в составе *Косовского полка* или *21 СС дивизии Скандербег*, не только не понесли

¹ Dokumenti iz istorije Jugoslavije, II tom. Državna komisija za utvrđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača iz Drugog svetskog rata, priredili Miodrag Zečević i Jovan P. Popović. Beograd, 1998. С. 671–683. Шире о томе: Павле Целетовић Иванов. Балистички покрет 139–1952. масовност, сарадња са италијанским и немачким окупаторима и злочини над Србима. Београд, 2000. С. 409.

наказания, но и стали работать в новых органах власти, а со временем стали занимать важные посты при новом режиме.

Организация *Balli Kombetar* (Национальная уния) была сформирована в конце 1939 года и являлась проводником великоалбанской идеи¹. Матеж Шабана Поллузи в конце 1944 года представлял собой последнюю попытку фашистских и нацистских сил в Косово и Метохии, под руководством Центрального комитета Второй призренской лиги, сохранить концепцию Великой Албании и Косово и Метохии в ее составе. Эта концепция была реализована в апреле 1941 года во время фашистской оккупации Королевства Югославии и создания Великой Албании. Большая часть Косово и Метохии и большая часть западной Македонии были присоединены к этому формированию под эгидой фашистской Италии. Только Косовско-Митровицкий округ принадлежал к немецкой оккупационной зоне.

После капитуляции фашистской Италии 16 сентября 1943 года началось заседание «Второй албанской лиги» в Призрене, под эгидой Германского рейха. На этом заседании прозвучала Прокламация Лиги, в которой восхваляется гитлеровская Германия, а албанцы призываются «сплотиться» и требовать, чтобы Косово и Метохия оставались в составе Албании². Главным организатором Лиги был известный фашистский министр и пособник нацистов Джафер Дева, а председатели менялись: Реджеп Митровица, Бедри Пеяни и в конце — Джафер Дева. Бедри Пеяни в роли «Председателя Второй албанской лиги из Призрена по обороне Косово» 29 марта 1944 года обратился к вождю рейха Гитлеру с просьбой разрешить формирование одной дивизии, состоящей из 120 000–150 000 бойцов, которую бы немцы снабдили современным оружием. В письме, отправленном из Призрена, Пеяни уведомляет Гитлера о том, что Центральный комитет Второй албанской лиги «в полном согласии с правительством и народом» решил «провести милитаризацию Косово и всех территорий, населенных албанцами, которые, благодаря храбрости германской армии, в 1941 году были присоединены к Албании. Таким образом, в предстоящих боях было бы обеспечено окончательное освобождение албанского народа, выступающего на стороне Германского рейха». Чтобы хорошо обмундировать дивизию СС для осуществления поставленных военно-политических целей, Пеяни считал, что должны быть удовлетворены три условия: дивизия должна быть вооружена современным оружием и прочим оборудованием; от немцев требовалось «определенное число офицеров и унтер-офицеров в качестве организаторов, инструкторов и командующего состава в отдельных частях этой армии»; необходимо пересмотреть «в стратегическом плане предыдущие албанские границы с Черногорией и Сербией». Наряду с упоминанием, что в рядах дивизии СС кроме 120 000–150 000 человек бу-

¹ Др. Ђоко Слијепчевић. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време. Химелстип, 1983. С. 325; Julian Amery. Sons of the Eagle, A Study in guerrilla war. London, 1948. P. 57–58.

² Спасоје Баковић. Сукоби на Косову (друго допуњено издање). Београд, 1986. С. 181.

дет находиться и «определенное число» «приспособленных к борьбе людей из Косово», особо подчеркивается необходимость пересмотра границ Великой Албании: «Что касается временной границы с Черногорией и Сербией, определенной договором между Германским рейхом и Италией, она ставит Косово в неудобное положение не только с точки зрения стратегии, но и с национальной и исторической точки зрения. С действующими границами сложно защитить Косово и Албанию от сербско-черногорских атак, как в течение этой войны, так и после нее»¹.

Из переписки офицеров германского командования с подразделениями СС 4 мая 1944 года становится понятно, что 1-ая албанская дивизия находилась на этапе формирования, готовилось формирование 2-й дивизии, а затем и одного албанского корпуса². В июне 1944 года Адольф Гитлер в своей штаб-квартире принял Джафера Деву, идейного лидера Второй албанской лиги. Албанские единицы СС, дивизия «Скандербег» и другие, боролись вместе с немцами, обеспечивая прикрытие группы войск «Е», отходившей из Средиземноморья через Грецию, Македонию, Косово и Метохию, Рашку далее к Средней Европе. После освобождения Косово и Метохии в конце ноября 1944 года Народно-освободительной армией и партизанскими отрядами Югославии, вооруженные силы Второй албанской лиги продолжили действия в небольших и более крупных группах против югославских антифашистских сил. В соответствии с предыдущим «планом по обороне Косово», принятым в октябре 1944 года на совещании руководителей Второй албанской лиги во главе с Девой и немецких офицеров, вся территория Косово и Метохии разделена на четыре зоны. В соответствии с этим планом, в начале декабря 1944 года силы баллистов³ мощностью в 4000 человек атаковали Урошевац, к ним присоединилась и часть албанцев, мобилизованных в Народно-освободительную армию Югославии, во главе с командующим из Урошевца. Бои продолжались до 4 декабря, во время которых Косметская бригада Народно-освободительной армии Югославии понесла потери — около 30 убитых и 40—50 раненых. Двадцать дней спустя, 23 декабря, 800 баллистов атаковало Гнилан и захватило его. Произошла ужасная резня представителей 12-й македонской бригады. Заместитель командующего Третьим батальоном 5-й косовско-метохийской бригады Милан Чолакович описал представившуюся ему картину: «По долине было разбросано свыше 500 трупов, у которых были отрезаны головы и конечности, черепа испещрены пулями, а кости — сломаны»⁴.

Тяжелые бои баллистов с единицами НОАЮ продолжались с начала декабря 1944 до конца февраля 1945 года. Боевая группа Шабана Поллужи и Мемеда Градицы в Дренице насчитывала свыше 8000 баллистов, а группировка Адема Воци насчитывала приблизительно 1500—2000 человек.

¹ Спасоје Баковић. Сукоби на Косову (друго допуњено издање). С. 182.

² Там же. С. 184.

³ Имеется в виду Balli Kombëtar — организация албанских националистов, антикоммунистов, выступающая за создание Великой Албании.

⁴ Цит. по: С. Баковић. Указ. соч. С. 209.

В тех боях НОАЮ потеряла десятки убитыми. Баллистам Адема Воци удалось занять Стари Трг и шахту «Трепча». После многодневных боев, особенно 21–25 января 1945 года, силы Шабана Поллужи в начале февраля в Дренице насчитывали приблизительно 5000 солдат и вели жестокие бои с единицами НОАЮ. На область Косово и Метохии направили 39 000 бойцов НОАЮ и силы баллистов, а в это время на Сремском фронте и других частях Югославии велись ожесточенные бои с немцами. По этой причине верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией и партизанскими отрядами Югославии маршал Тито приказал 8 февраля 1945 года установить военное правление в Косово и Метохии в качестве органа военно-государственной власти. Последние стычки регулярных единиц и сил Шабана Поллужи произошли 21 февраля 1945 года в деревне Трстеник в Дренице. Бой продолжался 24 часа, в нем погиб Поллужа и 29 баллистов. «Бойцы 4-й косметской бригады конфисковали у баллистов два тяжелых пулемета, три ручных пулемета, 1 миномет. Тогда был тяжело ранен командир 52 дивизии Петар Брайович»¹. Из этой дивизии, сформированной 14 февраля 1945 года, до 15 мая 1945 года в боях с баллистами погибло 384 бойца, 300 было ранено, 32 умерло, 8 взято в плен и некоторые пропали без вести.

Военная структура великоалбанской сети продолжила работу в новой обстановке через институты социалистической системы. Нелегальный вид деятельности, прежде всего с применением разных видов насилия над оставшимся сербским населением, при поддержке мощной нелегальной сепаратистско-террористической великоалбанской организации, получил, в действительности, защиту ведущих людей в органах власти, а некоторым образом и в самых верхах Югославии во главе с Тито. Службы государственной безопасности Сербии и Югославии пытались в первые послевоенные годы и вплоть до 1966 года следить за работой сепаратистско-террористической части албанского меньшинства, а также за действиями Албании в Косово и Метохии и других областях, населенных албанцами. Эти тенденции иллюстрирует так называемый *Призренский процесс*, проходивший с 12 по 17 июля 1956 года в Окружном суде в Призрене по делу о шпионаже в пользу Албании. Этот процесс важен и потому, что им позже будут манипулировать, а судебный процесс над разведывательно-шпионской сетью девяти албанцев после 1966 года будут представлять как сведение счетов с албанским меньшинством. Судебный процесс в Призрене проходил тайно. Кроме обвиняемых, прокурора и адвоката, на тайном судебном заседании присутствовали и некоторые руководители Службы государственной безопасности и политические руководители из уезда и края. Судебному процессу предшествовал арест главного обвиняемого Нияза Малёку, зампредседателя Народного комитета Призренского уезда. Во время следствия, продолжавшегося шесть месяцев, появились и другие обвиняемые в этом шпионском деле. В обвинении против Нияза Малёку,

¹ Цит. по: С. Ђаковић. С. 220.

Седата Диде, Ходжи Шани, Демуша Цахани, Ибрахима Мони, Мухадри Реджепи, Байрама Хасана, Эмини Мухамеда и Сали Мехмеда написано, что они, будучи организованной и связанной между собой группой занимались враждебной деятельностью, поддерживали тайные связи с албанской разведывательной службой и в сотрудничестве с этой службой принимали письма и отправляли отчеты с важными и конфиденциальными уведомлениями. В обвинении также подчеркивалось, что упомянутые лица поддерживали тайные связи и получали распоряжения от Судки Ходжи, который в качестве капитана Народной милиции перебежал из Косово и Метохии в Албанию после 1950 года и нелегально проникал на территорию Косово и Метохии как диверсант. Во время судебного процесса практически все арестованные признали вину, кроме журналиста Седата Диды, отказавшегося в суде от своего признания, данного во время расследования и настойчиво отрицавшего какую-либо связь с этой разведывательно-шпионской деятельностью. Во время тайного судебного разбирательства некоторые обвиняемые и один свидетель назвали имена очень важных политиков из рядов албанского меньшинства, поддерживающих разными способами связи с албанской службой, «принимая от нее письма и золотые монеты». Среди пятидесяти важных руководителей упоминались и Фадиль Ходжа, Джевдет Хамза, Мехмед Ходжа, Исмет Шачири, Имер Пуля и Мазлум Нимани. Четверо из них в то время были членами областного комитета КП Косово и Метохии. Приговором Окружного суда в Призрене девять лиц приговорено к разным срокам заключения: Ниязи Малёку — 12 годам строгого режима, а Седат Диде — к пяти годам строгого режима; остальные шесть обвиняемых были земледельцами, а приговорены — Ходжа Шани к четырем годам строгого режима, Демуш Цахани — к пяти, Ибрахим Мони — к трем, Мухадри Реджеп — к двум, Байрам Хасани — к двум и Сали Мехмед — к девяти месяцам строгого режима. Эмини Мухамед — служащий, приговорен к двум годам строгого режима¹. Приговоренные, кроме Сали Мехмеда, подали жалобу в Верховный суд Сербии, который своим решением от 18 декабря 1956 года отклонил жалобу и оставил в силе упомянутый приговор Окружного суда.

Первый обвиняемый Миязи Малёку в жалобе в Верховный суд и в письме, направленном краевому секретарю внутренних дел Чедо Мийовичу, опроверг показания, данные им во время следствия и суда, утверждая, что ложно обвинил себя и других, находясь в состоянии депрессии.

Политическую и идеологическую обстановку в Косово и Метохии, а также в югославском обществе лучше всего иллюстрирует тот факт, что никто из упомянутых руководителей албанского меньшинства, упоминаемых во время процесса в качестве участников албанской разведывательно-шпионской деятельности в Косово и Метохии, не понес никакой уго-

¹ Архив Сербии (у дальем тексту АС), Ы-2, Савез комуниста — Централни комитет, кутија број 3, године 1956—1971. Фактографски подаци о тзв. Призренском процесу. Београд, 11. септембар 1985. године.

ловной и политической ответственности, а некоторые продолжили продвижение вверх по служебной лестнице в республиканских и федеральных органах СФР Югославии. Этот факт очень важен для понимания всего, что происходило в этом южном крае и в Югославии в целом в период с 1945 по 1991 год.

В рамках борьбы сербской и югославской служб безопасности с албанской разведывательной службой, началась акция по обнаружению и конфискации скрытого оружия на территории Автономной Косовско-Метохийской области, а также в соседних областях — уездах: Лесковац, Прокупле, Вранье, Крушевац и Нови Пазар. Конфискация оружия на территории Призренского уезда началась в первые месяцы 1956 года. Акцией было охвачено все население уезда, а не только представители албанского меньшинства. И всё-таки большая часть оружия была обнаружена у представителей албанского меньшинства. У сербов его было довольно мало. В отчете Службы государственной безопасности Призрена за 1956 год упоминается, что албанское население традиционно желает владеть оружием из-за «своих традиционных взглядов и общей отсталости», так как «между албанским населением всё ещё действует закон кровной мести, поэтому все держат у себя оружие, и традиция эта переходит из поколения в поколение. Но «может быть, главной причиной», по которой держат оружие, является то, что «многие албанцы враждебно настроены» и «берегут оружие, чтобы использовать его в борьбе против нашей власти с намерением присоединения Косово к Албании»¹. В качестве подтверждения этому в отчете упоминается, что на территории Призренского уезда с 1945 по 1956 год «обнаружено несколько враждебных организаций, которые многочисленны и конечной целью которых является подготовка албанского населения к поднятию восстания при удобном случае». По оценкам службы безопасности, в Косово и Метохии находится большое количество скрытого оружия. Совокупное вооружение бывшей Югославии, находившееся на складах после капитуляции, взяли албанцы. Они также разоружили практически все единицы бывшей югославской армии на территории Косово и Метохии. Итальянские и немецкие оккупационные силы также дали значительные объёмы оружия единицам, сформированным во время оккупации (вулнетарии — албанские профашистские добровольческие отряды, дивизии СС, полиция и т.д.), и сами албанцы разоружали приличное число итальянских единиц при капитуляции Италии 9 сентября 1943 года. Служба государственной безопасности в качестве иллюстрации большой массы скрытого оружия привела пример одной группы, состоящей из десяти лиц, которая в 1951 году перешла в Албанию. За одну ночь этой группе удалось вооружиться двумя ручными пулеметами, а также винтовками и пистолетами. На территории Призренского уезда во время этой акции было обнаружено и конфисковано: один гранатомет, два тяжёлых пулеме-

¹ АС, Б-2, ЦК СКС, к3. Извод из годишњег извештаја СУП — ДБ Призрен за 1956. годину о проналажењу и одузимању скривеног оружја (стр. 71—73).

та, шесть ручных пулеметов, восемь автоматов, 1265 винтовок, 673 разных пистолетов, 700 бомб и 39 640 патронов¹.

Акция конфискации оружия в Косово и Метохии и прилегающих областях продолжалась до 1 октября 1957 года. Только на территории Автономной Косовско-Метохийской области с конца 1956 года по 1 октября 1957 года было обнаружено и конфисковано 12 809 экземпляров разного оружия, среди которого: гранатометов – 4, пулеметов – 3, ручных пулеметов – 56, «шмайссер» – 84, винтовок – 8640, пистолетов – 3925, охотничьих винтовок – 97. Кроме оружия были обнаружены и конфискованы 1821 бомба и большие количества боеприпасов. Среди албанского меньшинства в Косово и Метохии, по оценкам службы безопасности, преобладало убеждение, что оружие конфискуют, так как власть боится, «что албанское национальное меньшинство может поднять вопрос Космета и его присоединения к Албании», то есть из-за «напряженной» обстановки в мире может произойти вооруженное восстание албанцев. На территории соседних уездов, вне Косово и Метохии обнаружено и конфисковано 1456 экземпляров разного оружия, в том числе одна пушка, обнаруженная на территории Лесковацкого уезда. Кроме этого оружия было конфисковано и 234 бомбы. Только на территории Новопазарского уезда было конфисковано: 1 автомат, 250 винтовок, 55 пистолетов и 555 боеприпасов².

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, к3. Извод из годишњег извештаја СУП – ДБ Призрен за 1956. годину о проналажењу и одузимању скривеног оружја (стр. 71–73).

² АС, Ы-2, ЦК СКС, Информација РСУП СРС упућена Одбору за унутрашњу политику Извршног већа НР Србије 7. децембра 1957. године (препис).

Глава XV

РУКОВОДСТВО СЕРБИИ О ПРОБЛЕМЕ АЛБАНСКОГО СЕПАРАТИСТСКО- ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ: ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЦК СК СЕРБИИ, 1962 ГОД

Вопреки мерам, предпринятым республиканской и союзной властью по подавлению сепаратистской деятельности албанского меньшинства, она принимала всё больший размах. Исполнительный комитет Центрального комитета Союза коммунистов Югославии в 1959 году обсуждал положение национальных меньшинств и пришел к выводу, что нужно предпринять «новые меры для достижения их равноправия и полной национальной аффирмации». Вопреки этому сепаратистская и подрывная деятельность в Косовско-Метохийской области усиливалась. Отчеты гражданских и военных служб безопасности, а также отчеты рашско-призренского епископа Павла свидетельствовали о том, что в 50-е годы сербское население всё чаще уходило с этих территорий, прежде всего из-за разного вида давлений. Официальная позиция политического руководства — публично не упоминать эти проблемы — практически значила создание свободного пространства для усиливающегося сепаратизма. Ситуация 1959–1962 годов обострилась до такой степени, что руководство Союза коммунистов Сербии было вынуждено вынести этот вопрос на повестку дня. Начался сбор информации с мест — как по партийной линии, так и по линии полиции. В то время как одна делегация руководства республики, возглавляемая Драгославом Марковичем, выехала в Косово и Метохию с целью сбора информации по проблемам расселения сербов и великоалбанского сепаратизма, руководство полиции во главе с республиканским секретарем внутренних дел Войном Лукичем подготовило объемную работу, настоящее исследование, под заголовком *«Извештај о непријатељском деловању и негативним poјавама на Космету 1961–1962»* («Отчет о враждебной деятельности и отрицательных явлениях на Космете 1961–1962»). Очевидно, что этот отчет был подготовлен к заседанию Исполнительного комитета ЦК СК Сербии. Это заседание важно и потому, что во время него, насколько нам известно, впервые обсуждалась проблема не только Сербии, но и югославского государства, сохраняющая свою актуальность с 1945 года.

Заседание, на котором председательствовал Йован Веселинов, председатель Центрального комитета Союза коммунистов Сербии Исполни-

тельного комитета ЦК СК Сербии, состоялось 9 июля 1962 года, а в его работе, кроме членов исполнительного комитета, участвовал и Войин Лукич, член Центрального комитета и республиканский секретарь внутренних дел. В протоколе заседания констатируется, что члены Исполнительного комитета «еще раньше получили информацию о некоторых идеологических и политических проблемах на Космете, подготовленную группой товарищей из ЦК»¹. Судя по всему, речь шла об информации, предоставленной группой, которой руководил Драгослав-Дража Маркович. Нет сомнений, что партийное руководство СК Сербии было ознакомлено и с отчетом, подготовленным Войином Лукичем, то есть его службой. Отчет выделяет несколько ключевых проблем в Косово и Метохии — деятельность албанской разведывательной службы и внедрение вооруженных диверсантских групп и отдельных лиц из центров в Куксе, Тропои и Тиране; деятельность нелегальных организаций в Косово и Метохии с целью присоединения этой области к Албании; разные виды давления на «сербов и черногорцев» с целью их переселения из этой области; деятельность эмигрантских албанских комитетов, направленная к Сербии и Югославии в Италии, Турции, Западной Германии, Франции и США. Великоалбанский национализм и ирредентизм, написано в отчете, «постоянно растут», его носители — интеллектуалы и преподаватели из разных городов. «Массово создаются нелегальные организации, основной целью которых является борьба за присоединение Космета к Албании». По этому отчету, с 1948 года непрерывно продолжается внедрение диверсантских групп. Только в течение 1961 года обнаружено пять вооруженных группировок. В деревнях находят оружие и взрывные средства, предназначенные для диверсий. Среди диверсантских упоминаются акции в «Трепче» и минирование железной дороги Звечан-Митровица². В 1960 году обнаружено пять нелегальных организаций, а в 1961 году — одиннадцать. Приштина, говорится в этом отчете, является центром организации, целью которой является «подготовка вооруженной борьбы за присоединение Космета к Албании». Ее задача — объединение работы всех групп и отдельных людей на территории Косовско-Метохийской области и других областей Югославии, на территориях проживания албанского меньшинства. В отчете упоминаются названия организаций и их лидеры. Среди акций, которые они планировали, упоминается покупка оружия с целью поднятия восстания. Неотъемлемой частью плана является и помощь из Албании — через внедрение групп в поддержку восстания. Одним из сегментов по подготовке базы для мятежа являлась организация студенческих митингов, акций «базарного дня», под девизом: «Хотим ли мы, чтобы Косово и Метохия были албанскими».

¹ Архив Югославии (в дальнейшем тексте: АЮ), 507, IVc — к. 2/14. Протокол заседания Исполнительного комитета ЦК СК Сербии от 9 июля 1962 года с началом в 9 часов с зале ЦК СКС.

² АС, Б-2, ЦК СКС, Извештај о непријатељском деловању и негативним појавама на Космету 1961—1962. В отчете содержится 87 страниц печатного текста. Извештај има укупно 87 страна куцаног текста.

Согласно отчету, подготовленному Войином Лукичем, нелегальные организации существовали в Приштине, Косовской Митровице, Призрене, Урошевце, Гнилане, Печи и даже в Джаковице и Подуево. Среди акций, направленных на привлечение внимания международного сообщества, было запланировано посещение Организации Объединённых Наций: «Рассматривали возможность отправления своей делегации во главе с упомянутым Кадри Халими в штаб-квартиру ООН. Главным требованием делегации было бы проведение референдума под покровительством ООН». Кадри Халими, хранитель музея в Приштине, упоминается как один из лидеров *Ревизионистского революционного комитета за освобождение Косово и Метохии*. На свадьбах и публичных собраниях, говорится далее в отчете, воспеваются героизм и патриотизм немецких пособников, таких как Шабан Полужа, Мула Идриз и Адем Главица. «Некоторые из преподавателей собирают такие стихи и песни, тиражируют и распространяют среди молодежи». В школах ведется пропаганда того, что «албанский народ в Косово поднимет восстание и присоединится к Албании». Среди многих других фактов упоминается и заявление известного Ельшана Мусли, директора начальной школы в Дренице, который сказал: «Мы, албанцы из Дреницы, должны быть довольны тем, что в наших краях нет сербов, теперь и девочки могут ходить в школу. Сейчас эта область чисто албанская, и мы ждем присоединения к Албании». Великоалбанской пропагандой пронизаны все слои общества и институты: органы власти, школы и культурные учреждения. Давление на «сербов и черногорцев», чтобы они выселялись из этих областей, представляло «серьезную политическую проблему». Самое сильное давление оказывалось в общинах Подуево, Дреница и Джаковица. Упоминается постоянное давление на школьников и преподавателей сербской национальности, а также приводятся примеры, когда учителя-албанцы избивали сербских детей или нападали на сербских преподавателей. Маленькие сербы, особенно на территории округа Подуево, не смеют сами ходить в школу по дорогам, проходящим вблизи домов албанцев. Меры, которые до сих пор предпринимались, не принесли результатов, поэтому большинство сербских семей вынуждено переезжать из этих областей: «Такие случаи замечены в деревнях Обранци, Велика Река, Верхняя Лапаштица, Нижняя Лапаштица, на периферии Подуево, Нижней Дубицы, Летену и других местах. В этих деревнях несовершеннолетние лица албанской национальности постоянно поджидают детей сербской национальности, возвращающихся из школы, нападают на них, бьют, отнимают книги, девочек пытаются насиловать и т.д. В Нижней Лапаштице группа подростков несколько раз поджидала девочек, возвращавшихся из школы, они говорили им вульгарные слова, раздевались догола и бегали за девочками. Из-за такого давления многие сербские семьи уже уехали из упомянутых деревень». Существует множество данных и о других формах насилия. Упоминаются конкретные примеры и число переселенных людей, имена и фамилии жертв и насильников. К тому же приводятся примеры слабого реагирования или полного игнорирования ситуации со стороны

судебных органов. К примеру, упоминается, что 29 августа 1961 года Исуф Селим попытался изнасиловать тринадцатилетнюю девочку Гашич Любинку и за это преступление был наказан тридцатью днями тюремного заключения. Шабан Караиман в тот же день избил Ристич Ягоду, выкрикивая при этом: «Мы вас всех, сербов, прогоним в Сербию. Здесь вам не место. Если не уйдете по-хорошему, тогда будем действовать по-плохому»¹. Архивные исследования в будущем должны обратить особое внимание на подоплеку этих событий и дать ответ на вопрос: в какой мере усиленная активность сепаратистской и подрывной деятельности в Косово и Метохии связана с учреждением Третьей призренской лиги, которую в США в 1962 году основал бывший нацистский министр времен Великой Албании Джафер Дева². До этого, в 1946 году он основал организацию «Косовары», основной целью которой было присоединение Косово и Метохии к Албании.

Отчет служб безопасности о враждебной деятельности в 1961–1962 годах в Косово и Метохии отмечает деятельность упомянутых нелегальных организаций и диверсантских групп и албанского меньшинства в целом. Упоминаются многочисленные случаи нападения на албанцев, лояльных сербскому и югославскому государству (убийство Рамиза Красничи в Приштине 14 февраля 1961 года), а также случаи, когда «некоторые граждане-албанцы» задают вопрос — почему проявляется терпимость к упомянутой враждебной деятельности и почему не предпринимаются меры против преподавателей, которые «отрицательно воспитывают молодежь в школах». Среди разных фактов мы упоминаем лишь те, которые иллюстрируют политическую и общественную атмосферу, в которой всё это происходило. Адем Демачи во время судебного процесса по делу формирования нелегальной организации заявляет, что, несмотря на судебное разбирательство, организованное властями, Космет будет присоединен к Албании. Идриз Аети, один из редакторов «Перпарими», в связи с вручением наград за самые лучшие работы в прошедшем году заявил: «Нужно вручить эти награды многим людям, так как нужно как можно больше доить эту корову». В Дечанах сменили судью, серба, а на его место назначили албанца, у которого был недостаточный уровень образования, и который к тому же во время войны состоял в подразделениях СС. Когда депутаты сербы в муниципалитете выразили протест, председатель Общины оправдывал это решение следующими словами: «У Тито тоже нет достаточного образования, но это не мешает ему быть председателем Республики».

Исполнительный комитет ЦК СК Сербии на упомянутом выше заседании 9 июля 1962 года был полностью ознакомлен с ситуацией в Автономной Косовско-Метохийской области. В дискуссии по поводу перво-

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Извештај о непријатељском деловању и негативним појавама на Космету 1961–1962. В отчете содержится 87 страниц печатного текста. Извештај има укупно 87 страна куцаног текста.

² Венцеслав Глишић. Албанизација Косова и Метохије 1941–1945. Срби и Албанци у XX веку. С. 287.

го пункта повестки дня «Некоторые из идеологическо-политических проблем на Космете» участвовали: Йован Веселинов, Душан Петрович Шане, Дража Маркович, Милош Минич, Воя Лекович, Войин Лукич, Риста Антунович, Джоко Пайкович, Слободан Пенезич и Душан Мугоша. На заседании приняты постановления, которые четко иллюстрируют позицию руководства Сербии по поводу очевидной деятельности великоалбанского сепаратистского движения. В первую очередь, подчеркивается «всестороннее экономическое, общественное и политическое развитие, особенно в последние годы» Косово и Метохии, но также и многие новые проблемы, такие как следствие «специфической ситуации в Области (высокий уровень неразвитости и многонациональный состав населения)». Подчеркивается необходимость культурно-просветительского развития, больших материальных вложений и настойчивости в преодолении наследственной культурно-образовательной отсталости. Этот процесс необходимо ускорить, подчеркивается в постановлениях: «В такой ситуации нельзя принять утвержденное в соответствующих органах Области решение о том, что лишь к 1980 году обязательным восьмилетним образованием будут охвачены все дети от 7 до 14 лет». В культурно-образовательном плане самое высокое руководство Сербии утверждало, что «на первый план вышла тенденция обособления от Республики и других частей Югославии, что является следствием положения Области в целом, ее экономической изоляции и нехватки организованных усилий по преодолению этой закрытости». Поэтому нужно усилить просветительскую и культурную деятельность и действовать в направлении укрепления связей между культурно-просветительскими учреждениями в Области. В просветительской жизни «одной из самых серьезных проблем» является нехватка учебников «прежде всего для обучения на албанском языке». Республиканские органы просвещения вместе с соответствующими органами Области должны, по крайней мере, составить временный учебник по отдельным предметам, чтобы «избежать теперешней ситуации, в которой всё ещё используются разные учебники или привезенные из Албании плохие и политически вредные учебники и прочая литература». Особое внимание нужно уделить молодежи и ее положению в обществе, а также эмансипации женщин албанской и турецкой национальностей. Нужно, написано далее в этих постановлениях, развивать средства массовой информации, в первую очередь Радио Приштины (в противовес эффективной работе Радио Тираны). Предлагалась и возможность создания института или комиссии при областном политическом руководстве, «которые бы постоянно и систематически следили и изучали ситуацию в Албании». Также подчеркивается проблема со специалистами в управлении и общественных службах и просвещении, отмечается необходимость обучения и стипендирования албанцев в средних школах и институтах, а также приводятся случаи выделения стипендий «лицам, судимым за враждебную деятельность или лицам, организованно действующим против нашего социалистического общества. Такие случаи использовались шовинистскими сербскими элементами и этим создавались определенные политические проблемы».

Исполнительный комитет Центрального комитета наряду с дискуссией о враждебных действиях албанского национального меньшинства, направляемых из Албании, обсуждал и проблему переселения, как это написано в документе «сербов и черногорцев». Эта синтагма десятилетиями была самой популярной. При этом очевидно, что политическое руководство Сербии использует бюрократический язык, релятивизирует опасность проблемы сепаратистской деятельности и в то же время создает ложную симметрию. Когда критикуется проблема албанской агрессивности, то слова выбираются осторожно, а оценки очень мягкие и сбалансированные. С одной стороны, «нельзя говорить о возрастании враждебного влияния в Области», а с другой стороны, утверждают, что враждебная пропаганда из Албании «из года в год возрастает», что «в последнее время» она заняла открыто враждебную позицию по отношению к Югославии с нескрываемым требованием «присоединения Космета к Албании». Указывается на деятельность эмигрантских групп из зарубежа, имеющих «известное влияние на часть албанского населения» путем организации нелегальных групп. В то время как, с одной стороны, утверждается, что «в политике областного руководства проблема межнациональных отношений постоянно присутствует» и ей «уделяется должное внимание», с другой стороны, говорится, что не хватает «вполне определенных политических акций в качестве ответа на отдельные враждебные выходы».

Исполнительный комитет ЦК Сербии оценил политику Областного комитета в межнациональных отношениях как «правильную», но всё-таки указал на «необходимость более решительной и ясной позиции по каждому конкретному вопросу, по каждой конкретной манифестации великосербского шовинизма, а также албанского ирредентизма». В дальнейшем обширном представлении рекомендаций более конкретно указывается на проблему выселения «сербов и черногорцев» из Косово и Метохии, которое может приобрести опасные масштабы и иметь серьезные политические последствия», если бы всегда энергично и своевременно не вмешаться в «планы националистов и ирредентистов». Подчеркивается: «Вполне понятно, что в существующей ситуации в Области многие с виду не такие сложные вопросы получают большое политическое значение, особенно если остаются без соответствующих ответных действий наших политических организаций. К таким явлениям в последнее время относится выселение сербов и черногорцев из Косово и Метохии, которое привело к политическим последствиям. Не вдаваясь во всесторонний анализ этого явления, исполнительный комитет считает нужным указать на необходимость скорого и эффективного вмешательства в каждом случае выселения под давлением и с применением насилия, чтобы эти случаи не вредили межнациональным отношениям»¹. В другой части постановления Исполнительный комитет указывает на замеченные процессы известной эко-

¹ АЮ, 507, IVs – к. 2/14, Протокол заседания Исполнительного комитета ЦК СК Сербии от 9 июля 1962 года с началом в 9.00 часов в зале ЦК СКС.

номической закрытости Автономной Косовско-Метохийской области по сравнению с другими областями Сербии и Югославии. При указании на необходимость ускоренного экономического развития, констатируется, что прежде экономика Области опиралась «на чрезмерную индустриализацию, основанную на природных богатствах». Очевидны явления «регионального автаркизма, развития области как экономического целого, ее закрытости». Выход из такого состояния партийное руководство Сербии видит в необходимой интеграции экономики и населения Области с другими областями Республики и страны в целом. Речь идет о необходимости развития взаимодополняющих мощностей для существующей промышленности в Сербии и Югославии, о необходимости более крепкой транспортной связи Области с другими областями Республики, особенно с экономически развитыми территориями юга Сербии. Обращается внимание и на проблему неподвижности албанского населения «из-за их всеобщей отсталости». В заключение Исполнительный комитет ЦК СК Сербии решил отправить информацию «о некоторых идейно-политических проблемах в Космете» в Областной комитет, с целью ознакомить с заключениями секретариат Областного комитета, а затем «соответствующим образом» и весь Областной комитет.

Глава XVI

БРИОНСКИЙ ПЛЕНУМ (1966) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. МОЩНАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВАЛА СЕРБИИ И ЮГОСЛАВИИ

В течение десяти лет после Второй мировой войны югославское правительство, по крайней мере, официально, не обсуждало национальный вопрос. Преобладало идеологическое клише, что этот вопрос решила югославская революция 1941–1945 гг.¹ Однако в период между Седьмым и Восьмым конгрессом СКЮ 1958–1964 гг. и на официальных форумах возникают дискуссии по этим вопросам, пусть и не столь бурные. После Седьмого конгресса СКЮ в 1958 – начале 1959 года Исполнительный комитет ЦК СКЮ принял постановления по вопросам национальных меньшинств². Через множество клише и общих фраз просматривается позиция, согласно которой национальные меньшинства в Югославии сделались «неотъемлемой частью социалистического общества». Подчеркивается политика национального равноправия во всех сферах жизни, необходимость назначения представителей меньшинств на ответственные должности, поощрение их национальных и культурных учреждений, развитие интеллигенции в рядах меньшинств, необходимость более широкого образования и улучшение качества учебников на языках национальных меньшинств. Подчеркивается необходимость развития издательской деятельности национальных меньшинств во всех областях страны, но также сохраняется возможность ввоза учебников из стран происхождения для нужд национальных меньшинств: «Большая часть требований просвещения и культурного развития национальных меньшинств может быть удовлетворена путем закупки книг и других изданий на нужных языках и вне границ страны при условии контроля отбора и качества»³.

¹ Branko Petranović. Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1980. С. 545–546.

² VIII kongres Saveza komunista Jugoslavije, Beograd, 7–13. decembra 1964; Стенограмма. Белград, 1965. В качестве приложения № 5 к Протоколу Центрального комитета и Центральной ревизионной комиссии СКЮ о его работе от VII до VIII конгресса СКЮ были опубликованы Постановления Исполнительного комитета ЦК СКЮ по вопросам национальных меньшинств от 24 марта 1959 года. Эти и другие постановления подписал Александр Ранкович.

³ Там же. С. 274–275.

Более чем за год до Восьмого конгресса СКЮ, на заседании Союзной народной скупщины 7 апреля 1963 года была принята новая Конституция СФРЮ. Было изменено название государства: вместо Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ) оно стало называться Социалистической федеративной республикой Югославия (СФРЮ). Как уже было сказано выше, Автономная Косовско-Метохийская область изменила название на *Социалистический автономный край Косово и Метохия*. Но речь шла не только о формально-правовых изменениях, но и о начале существенного преобразования формата федерации. Историк Бранко Петранович считает, что уже на расширенном заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ 14–16 марта 1962 года столкнулись разные концепции в руководстве государства с точки зрения направлений будущего развития Югославии. Это столкновение завершилось временным компромиссом¹. Четыре месяца спустя состоялось упомянутое заседание Исполнительного комитета ЦК СКЮ. На Восьмом конгрессе СКЮ 7–13 декабря 1964 года национальный вопрос возникает вновь в качестве важной темы для дискуссии и партийной стратегии в будущем развитии государства. В своем обширном реферате одну большую главу Тито посвятил национальному вопросу, озаглавив ее *«Међунационални односи у нашој Федерацији»* («Межнациональные отношения в нашей Федерации»). Так как Тито, опираясь на роль и авторитет лидера, всегда совместно с Эдвардом Карделем задавал программные направления для партии и страны, важным моментом было его обращение к национальному вопросу. Тито утверждал, что Восьмой конгресс «должен уделить внимание межнациональным отношениям», и, хотя национальный вопрос в принципе решен, необходима дальнейшая работа в этом направлении. Тито напоминает о дискуссии по национальному вопросу после Первой мировой войны до «окончательной победы марксистско-ленинской концепции, исходя из принципов равноправия всех народов в добровольном объединении с правом выхода». На Третьей партийной конференции КПЮ в декабре 1924 года национальный вопрос, по мнению Тито, обрел «свои контуры принципиальной марксистской формулировки»². Тито подверг критике тех коммунистов, которые считают, что «в нашем социалистическом общественном развитии национальности изжили себя и должны отмереть», осуждает националистические деформации, появляющиеся на фоне «этатистско-бюрократических тенденций, мешающих процессу межнациональной интеграции». В контексте этого вопроса он упомянул и «националистические явления в историографии».

В дальнейшем развитии межнациональных отношений в Сербии, и прежде всего в ее южном крае, важную роль сыграла позиция Тито, что в будущем нужно будет работать над развитием и возвращением «дружеского, добрососедского и всестороннего сотрудничества со странами, пограничные районы которых населены смешанным населением. Такое со-

¹ Б. Петрановић. Указ.соч. С. 542.

² VIII kongres Saveza komunista Jugoslavije. Stenografske beleške. С. 342.

трудничество содействовало бы более свободной и всесторонней коммуникации национальных меньшинств со своим родным народом, и таким образом они бы вместо фактора раздора стали фактором сближения и сотрудничества между народами и странами»¹. На том же совещании югославских коммунистов их идеолог Эдвард Кардель часть своего доклада посвятил «экономическим аспектам межнациональных отношений»². Некоторые авторы считают, что символическое выражение нового курса югославского государства, другими словами, отступление с пути общегославской политической, экономической и культурной интеграции выразалось и в том, что Тито, заявляя о своей национальности, назвал себя на Восьмом конгрессе хорватом, а не югославом. Югославянство, очевидно, перестало представлять идеологическую основу партийной политики.

Конфликт в рядах высшего руководства СФРЮ по вопросу дальнейшего развития государства, а в действительности конфликт между сторонниками подлинного федерализма, с одной, и сторонниками фактического конфедерализма, с другой стороны (или «федерализации федерации», как однажды высказался Владимир Бакарич), был разрешен на Четвертом пленуме ЦК СКЮ, проходившем на острове Бриони 1 июля 1966 года. На этом пленуме сняли с должности зампреда СФРЮ Александра Ранковича, а также его близкого сотрудника Светислава Стефановича Чечу, в то время союзного секретаря внутренних дел. Хотя в многочисленных источниках, описывающих это событие и время после него, говорится, что их сменили как «носителей бюрократически-централистских и унитарных сил и деформаций», наблюдая за событиями, происходившими в последующие десять лет, становится понятно, что Брионский пленум, на самом деле, являлся событием, ознаменовавшим конец послевоенного федерального государства и начало его быстрого демонтажа в последующие двадцать лет. Объемные архивные материалы проливают свет на этот процесс, особенно в период 1966—1968 годов, во время жесткого сведения счетов со Службой государственной безопасности, созданной и руководимой Александром Ранковичем, у которой, конечно же, были свои грехи и недостатки, особенно когда речь шла о сербах.

ОТКЛИКИ НА СМЕНУ РАНКОВИЧА И СТЕФАНОВИЧА

Сразу после смены Ранковича и Стефановича, наряду с публичным и в партийной структуре практически ежедневным их порицанием и «дифференциацией», наблюдалась реакция на эти процессы всех слоев общества, а также дипломатического корпуса и других иностранцев, находившихся в Белграде. В ЦК СК Сербии была сформирована особая группа с одной-

¹ VIII kongres Saveza komunista Jugoslavije. Stenografske beleške. С. 351.

² Там же. С. 411—418.

единственной задачей: следить за отчетами о реакции на смену Ранковича всех слоев населения. Конечно, самыми громогласными были политические представители албанского меньшинства в Сербии, по чьей практически единодушной оценке Ранкович и УГБ (Управление государственной безопасности) были главными виновниками в «угнетении и терроре албанского меньшинства и его дискриминации во всех формах». В соответствии с донесениями Службы безопасности большинство представителей сербского народа в смене Ранковича и Стефановича видело сведение счетов с сербами, хотя были и такие, которые обвиняли Ранковича за действия УГБ в послевоенные годы. «Мне не жаль Ранковича и его сотрудников в УГБ, так как меня арестовывали и судили, но мне жаль, что так поступают по отношению к нам, к сербам», — говорил один служащий из Рашки, который был осужден за сотрудничество с четниками. «Хорваты по отношению к нам применяют террор. В Хорватию уходят все инвестиции, там строят дороги, базы и порты, а в этой бедной и разоренной Сербии — ничего. Мы во время войны были разорены и обобраны, но это никто не ценит. Никто больше, чем мы, сербы, не вынес на своих плечах горя, а сейчас никто не живет хуже нас»¹.

Схожую позицию занимал и один из жителей Крагуевца, обвиняя в смене Ранковича некоторых хорватских руководителей и самого Тито. Он и на смену генерала Милоя Милоевича смотрел с этой же точки зрения («видел человек, что делается, что с хорватами никак нельзя вместе, и поэтому сейчас он отправлен на пенсию»). Интересной была реакция бывшего секретаря посольства бывшей Югославии в Париже Ильи Новаковича, который позже работал садовником в парке Американского посольства в Белграде. Он считал, что главной причиной смены была борьба за власть в руководстве Югославии: «С тех пор как существует Югославия, чувствуются претензии хорватов на доминирование. И когда у нас был король, хорваты делали, что им захочется [...] После войны, несмотря на то, что хорваты были усташами и убивали сербов, были попытки представить, что они выступают за братство и единство с югославскими народами, но они знали, что Тито их человек и что их положение намного лучше, чем положение других народов». УГБ Ранковича, по его мнению, верно служило Тито как вождю коммунизма, пока нужно было укреплять его позиции, тогда ему Ранкович подходил по всем статьям. Разговоры о плохой работе и деформациях в службе безопасности — «сказки для малых детей, так как УГБ не могла ничего делать без разрешения Тито». Один священник из Карана удивлялся, что студенты в Белграде не вышли на демонстрации. Один владыка и один священник из центральной части Сербии комментировали, что «здесь должно быть что-то крупное». Кардель Ранковичу «переломал ноги». Один мусульманин из Нови Пазара критиковал УГБ. Он сказал, что переезжает в Турцию, и заявил остальным мусульманам, не

¹ АС, Б-2, ЦК СКС, Секретаријат за унутрашње послове СР Србије, Управа државне безбедности, од 28. јула 1966. године (строга поверљиво).

желавшим последовать его примеру, что они будут раскаиваться, так как в Сербии неминуемо произойдет революция, она не вытерпит такого насилия над собой». Некоторые комментировали, что Ранкович и Стефанович были не одни, что им жаль Ранковича, но что он оказался «настоящим трусом», так как не защищал свою позицию и предыдущую свою работу. Один служащий из Страгара, «репатриант из Болгарии», подчеркивал, что не нужно бояться, что «это нам идет на руку», так как сейчас «есть шансы, что у нас приживется капитализм, так как до сих пор Ранкович до конца выступал против капиталистического обогащения».

Упомянутая информация даёт нам срез интересных данных о политической обстановке, менталитете, характерах, настроениях разных слоев общества по отношению к государству и руководству. В документе представлены и мнения зарубежных дипломатов и корреспондентов в Белграде. Корреспондент ТАСС Борис Тарасов считает, что «здесь скрывается что-то другое». Записаны слова итальянского посла Роберта Дучича и его сотрудников. Интересна позиция французских дипломатов в Белграде — советника по торговле, секретаря торговой секции и помощника военного атташе. Они считали, что опубликованные материалы Четвертого пленума ЦК СКЮ должны послужить «обману общественности и отвлечению внимания на второстепенные темы, в то время как на Пленуме, в действительности, Александра Ранковича устранили с должности на национальной основе. Карделю удалось привлечь на свою сторону Гошняка, то есть Бакарича, и они убедили Тито, что Ранковича и Стефановича нужно политически дисквалифицировать. Это утверждение они подкрепляют и тем, что кроме Тито никто не принял участие в дискуссии». Секретарь торговой секции французского посольства дословно сказал: «Железная дорога Белград—Бар и ее строительство готовится вот уже 15 лет. После смены Ранковича и Стефановича сербам понадобится еще 15 лет, чтобы закончить ее строительство. Словения до сих пор находилась в составе СФРЮ в качестве федерального государства, но сейчас она выйдет из ее состава. Она останется в составе СФРЮ по принципу конфедерации»¹. В одном из отчетов Службы государственной безопасности от 2 августа 1966 года констатируется, что в мае была разбита враждебная группа из окрестностей Приштины, были арестованы три члена этой группы — Шабан и Хасан Сопьяни и Рахим Гаши. Группа вела враждебную деятельность с 1964 года, а также работала над вовлечением новых лиц в свои ряды с целью борьбы за присоединение Космета к Албании»².

Как это обычно бывает в таких ситуациях, во время социалистической Югославии постановления самых высоких органов СКЮ «прорабатывались» и на их основании проводилась так называемая «дифференциация». После смены Ранковича и Стефановича начался процесс смены и чи-

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Секретаријат за унутрашње послове СР Србије (Союзной республики), Управа државне безбедности, од 28. јула 1966. године (строго поверљиво).

² АС, Ы-2, ЦК СКС, Секретаријат за унутрашње послове СРС (Союзной республики Сербии), Управа државне безбедности, Стр. пов. бр. 1/100 од 2. августа 1966. године.

сток» в рядах Службы государственной безопасности Республики, округов и общин. С 29 июля по 4 августа 1966 года был проведен ряд совещаний в секретариатах внутренних дел в Приштине, Нови Саде и Белграде. На совещаниях присутствовали Вели Дева, политический секретарь ПК СКС, Танкосава Симич, член Исполкома ЦК СКС, Коль Широка, член Республиканского Исполнительного вече, а из Нови Сада и Радован Влайкович, председатель Скупщины АК Воеводина. Согласно информации Республиканского секретариата по внутренним делам Сербии, предоставленной ЦК СКС, наблюдается оживленная деятельность албанской разведслужбы на территории Косово и Метохии в отношениях с албанским меньшинством. Речь идет о «шовинизме и ирредентизме» в Косово и Метохии и попытке установить связь с албанской службой безопасности «через переселенцев (репатриантов) из Турции и визиты наших граждан в эту страну», а также через албанскую эмиграцию в Италии и итальянскую разведслужбу. Упоминается деятельность восьми враждебно настроенных групп в Косово и Метохии. Албанская разведывательная служба внедряла в страну агентов «под видом репатриантов с заданием распространения пропаганды о присоединении Космета к Албании». В соответствии с отчетом в этом крае были слышны лозунги: «УГБ — дезорганизовано; его не нужно бояться, так как оно больше ничего не может сделать, кроме как через партийные организации; пришло время освободить Косово; уже подтверждаются прогнозы Радио Тираны»¹.

После Четвертого пленума ЦК СКЮ самая оживленная деятельность по «толкованию и реализации задач Пленума» велась в Косово и Метохии. Главной темой была «деформация в работе службы государственной безопасности на территории Косово и Метохии». В сентябре 1966 года из Приштины в ЦК СКЮ была направлена «Оценка Краевого комитета СКС по Косово и Метохии о деформациях в службе государственной безопасности». Этот документ был составлен на основании протокола совещания муниципальных комитетов и некоторых базовых организаций и совещания коммунистов в службах государственной безопасности на этой территории. Самая значительная «деформация», по оценке руководства коммунистов из Косово и Метохии, касалась недоверия государственной безопасности «по отношению к шиптарам, как к сомнительному элементу, представляющему опасность для социалистического общества». В качестве примера такого отношения упоминается и Призренский процесс, а также многочисленные досье, слежки за партийными и другими функционерами, прослушивание членов ПК СКС, закрытость СУПа (Союзного управления полиции) и служб государственной безопасности для кадров «албанской национальности». Документ содержит 31 страницу и представляет собой обобщение политических позиций, на которых позже будет

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Информација Републичког секретаријата за унутрашње послове Социјалистичке Републике Србије о даљем предузимању мера на спровођењу одлуке Четврте седнице СКС ради уклапања службе безбедности у савремени друштвени систем. Београд, 9. август 1966.

обосновываться стратегия сепаратистско-сепессионистской деятельности албанского меньшинства в Сербии и Югославии против собственного государства. В соответствии с этим документом, начиная с 1960 года до Четвертого пленума было открыто 900 досье на «общественно-политических деятелей в Косово и Метохии». Каждому из них, говорится далее в документе, приклеен один из ярлыков: «опасный националист», «агент албанской или иной разведывательной службы», «защитник националистических элементов» и прочее. Особое отношение, говорится там, проявлялось по отношению к интеллигенции албанской национальности, преимущественно по отношению к культурно-просветительским работникам, а прежде всего по отношению к преподавателям языка и истории, «так как они преподавали национальную культуру и историю шиптаров». За большей частью интеллигенции и культурно-просветительских работников «установлена слежка, их обрабатывали, а иногда и прослушивали». Это также затронуло и журналистов, литераторов и публицистов албанской национальности — их подозревали в нелояльности и поэтому следили за ними. Прослушивалась редакция газеты «Рилиндье».

Чередую примеры мнимой дискриминации албанского меньшинства как «сомнительного элемента», руководство коммунистов из Приштины сделало вывод, что Служба государственной безопасности стремилась показать, что Косово и Метохия находятся в опасности. Самой тяжелой «деформацией» была конфискация оружия «зимой 1956 года», инициированная и подготовленная в Крае и Республике с согласия Ранковича и Стефановича, говорится в этом отчете. Целью этого документа было представить албанский народ как враждебно настроенный к Югославии: «По существу, за этой нереальной оценкой скрывалось намерение расквитаться, в основном, с населением албанской национальности, за все, что совершала реакция». Акция Секретариата ПК СКС по Косово и Метохии по конфискации оружия оценивается как своеобразное давление на албанское население, чтобы заставить их выселяться. Упоминается переселение шиптаров в Албанию и турок в Турцию. Процесс был «таким массовым» из-за репрессивных мер органов безопасности. Из Печского уезда в Албанию перебежало приблизительно 50 человек. В этой Оценке не упоминаются данные о численности переселенных лиц, но подчеркивается, что наряду с репрессиями органов государственной безопасности, возможно, имело место и «межгосударственное соглашение о выселении», характер которого скрывался от широкой общественности. Очевидны попытки представить разветвленную сеть великоалбанского движения в Косово и Метохии и попытки сербских и югославских служб остановить эти тенденции как «расправу над албанским народом». «В соответствии с доступными материалами, — написано в Оценке Секретариата ПК СКС по Косово и Метохии, — органы государственной безопасности терпимо относились к проявлениям великосербского шовинизма и вообще великосербской реакции. По информации служб государственной безопасности, очень мало писалось о таких явлениях, хотя

Краевой комитет неоднократно фиксировал их существование и исходящую от них угрозу»¹.

В поисках ответа на вопрос: почему произошли такие «деформации» в службах государственной безопасности и каковы идейные корни такой деятельности, подчеркивается, что ГБ (Государственная безопасность) свою работу основывала на буржуазной точке зрения в связи с национальным вопросом и оценки роли полиции. По заявлениям Краевого комитета в 1953 году произошла смена руководства УГБ в Крае. Оно якобы находилось под сильным влиянием Краевого комитета. Стартовая основа всех деформаций в работе Государственной безопасности, по оценкам высшего руководства ПК СК по Косово и Метохии, в «великосербском шовинизме и недоверии к самоуправлению». Государственная безопасность считала, что «албанский шовинизм опаснее, чем сербский, так как сербский не опирается на какое-либо зарубежное государство и не представляет угрозу суверенитету Югославии, а албанский — опирается на албанскую, враждебную деятельность». В качестве «смягчающего обстоятельства» для формирования отрицательного отношения к шиптарам приводится «массовое участие албанцев во вражеских группировках, особенно в первые годы оккупации: неприятельское движение в Дренице, Гнилану, Урошевицу, непосредственно после освобождения, постоянная враждебная деятельность с территории Албании, провокации на границе, диверсии». Однако руководство Государственной безопасности «свои оценки об отношении албанского народа к социалистической Югославии основывало не на том, что албанский народ получил с победой социалистической революции, не на том, какие положительные сдвиги произошли в этом народе и его участии в социалистической революции во время и после войны, а на деятельности албанской реакции по отношению к социалистической революции и социалистическому развитию»². Самые тяжелые последствия работы Службы государственной безопасности отразились на «международных отношениях» и на работе Союза коммунистов в Крае. Решения Четвертого пленума ЦК СКЮ в Крае возвращают «доверие Союзу коммунистов, межнациональному единству, системе самоуправления». Главная акция косовско-метохийского коммунистического руководства, опиравшаяся на решение Четвертого пленума ЦК СКЮ, была направлена на деформации, «которые имеют большой политический вес». Призренский процесс, конфискация оружия и выселение в Турцию.

Политическое руководство Косово и Метохии вместо того, чтобы заниматься вопросами, угрожающими целостности страны, острее критики направило на Службу государственной безопасности и ее, якобы, необъективное отражение ситуации в этом сербском крае с целью мнимой компроматации албанского меньшинства и его политических представителей.

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Оценка Секретаријата Покрајинског комитета СКС за Косово и Метохију о деформацијама у СУП-у и ДБ, њиховим узроцима, идејним коренима и последицама и предлог мера за њихово разрешавање на Косову и Метохији. Приштина, септембар 1966. године.

² Там же.

Служба государственной безопасности, как считали политические лидеры из Приштины, «необоснованно предполагала», что территория Косово и Метохии «находится под угрозой влияния из-за рубежа» и поэтому применяла радикальные меры и методы.

В самой Оценке бросается в глаза релятивизация всего того, что происходило в то время в Косово и Метохии, и попытки обвинить Службу государственной безопасности в несоответствующем поведении. Язык политической мимикрии лучшим образом вырисовывает картину того времени, его лексику, умение шумными речами закамуфлировать суть проблемы. «В дискуссиях и упреках граждан упоминаются и примеры инсценировки враждебной деятельности отдельных лиц или групп, которые никак не были связаны с реальностью. Они были направлены против кадров на ответственных должностях, против культурно-просветительских работников и против определенного числа граждан». В Джаковице, говорится в этом документе, «сотрудники государственной безопасности распространяли пропагандистский материал, а в то же время начали появляться и албанские флаги. Судя по тому, что известно до сих пор, Управление государственной безопасности часто практиковало «подбрасывание» албанских флагов или иного компрометирующего материала.

В качестве примера «инсценировки» приводится Призренский процесс 1956 года, во время которого, как уже было сказано, была освещена роль ведущих политиков в Приштине в системе деятельности албанской разведывательной службы. Об этом процессе говорится: «В том разбирательстве на базе сфабрикованных фактов упоминаются некоторые политические кадры албанской национальности в качестве враждебно настроенных элементов или иностранных шпионов. После проверки информации по этим кадрам тогдашний Областной комитет, с согласия ЦК Сербии, осудил часть процесса, касающуюся этих кадров, но мотивы, послужившие возбуждению дела, а также его инициаторы и участники инсценировки не получили оценки. Поэтому необходимо дать процессу повторную политическую оценку»¹. Практически идентичные политические оценки дало Исполнительное вече АК Косово и Метохии 1 ноября 1966 года. В них повторяется, что на шиптаров смотрели как на ненадежный элемент, и при этом в качестве аргумента приводится оценка краевого секретариата внутренних дел 1965 года, согласно которой действия великоалбанского сепаратистского движения в Крае «опасны еще и потому, что достаточно долгое время проявляются в легальных формах», и потому что «в начальных школах, средних школах, гимназиях и педагогических училищах, молодежь совершенно легально воспитывается в духе национализма, студентам на занятиях проповедуют национализм и разжигают шовинизм по отношению к другим народам Югославии».

¹ АС, Б-2, ЦК СКС, Оцена Секретаријата Покрајинског комитета СКС за Косово и Метохију о деформацијама у СУП-у и ДБ, њиховим узроцима, идејним коренима и последицама и предлог мера за њихово разрешавање на Косову и Метохији. Приштина, септембар 1966. године.

Глава XVII

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕРБСКОЙ И ЮГОСЛАВСКОЙ СЛУЖБ БЕЗОПАСНОСТИ В КОСОВО И МЕТОХИИ

«Призренский случай – извлечь из архива и сжечь»

Сразу после смены Александра Ранковича и Светислава Стефановича последовало сосредоточение политических сил, которые под разными предложениями выступали за деградацию Югославии. Некоторые участвовали в этом во имя мнимой расправы с бюрократическим централизмом и унитаризмом, а некоторые, такие как ведущие политические представители албанского меньшинства в Косово и Метохии, под видом борьбы за полное правление до того якобы угнетаемого албанского меньшинства. Через тринадцать дней после Брионского пленума в Приштине проводилось заседание Краевого комитета СК Сербии, на котором наряду с членами Секретариата ПК СКС присутствовали ведущие в это время политические руководители Сербии и АК Косово и Метохии: Йован Веселинов, Джавид Нимани, Коль Широка и Драган Глигорич. О проблемах Края говорил Станое Аксич, председатель Скупщины Края, подчеркивая, что кроме Центрального комитета другие республиканские органы недостаточно занимались проблемами Края. Помимо прочего он отметил, что республиканские органы не были в достаточной мере включены в работу в связи с распределением средств, предназначенных для неразвитых областей. Затем был поднят вопрос Трепчи, вопрос режима вод в Крае, табачной промышленности, развития некоторых энергетических объектов и прочие проблемы. Наряду с этими вопросами, касающимися экономического развития (подчеркивалось, что Республика должна больше заботиться о развитии Края), речь, конечно же, шла и о Брионском пленуме, и о внедрении в жизнь принятых там постановлений о реорганизации службы безопасности и, в этом смысле, об отношениях с Албанией. Вели Дева был одним из самых значимых политических лидеров албанского меньшинства и инициатором многих событий, которые в последующие четверть века обозначили историю этой части Сербии. На этом совещании Дева поднял два важнейших вопроса: о смене кадров в Службе государственной безопасности и об экономиче-

ском сотрудничестве с Албанией. Йован Веселинов высказал, очевидно, официальную позицию политического руководства Сербии в отношении Албании. Несомненно, это подхлестнуло сепаратистов и шовинистов среди представителей албанского меньшинства в Сербии и Югославии. Веселинов в Приштине дословно сказал: «Мы считаем, что с Албанией нужно развивать сотрудничество, но мы в Республике не достаточно организованы. Мы будем к албанцам относиться принципиально. Нужно, чтобы в Исполнительном и Центральном комитетах было организовано систематическое слежение за развитием отношений с Албанией. То же самое нужно сделать и в Крае. Мы не можем идти с ними на идейно-политические уступки. Возможен обмен литературой, не имеющей пропагандистский характер»¹.

Это было своеобразное благословение продолжению антисербской и антигосударственной деятельности в Косово и Метохии и практическая легализация сепаратистского движения с опорой на Албанию и ее службы. В записках с совещания в Приштине, проведенного 13 июля 1966 года, одна из точек зрения убедительно иллюстрирует политический климат того времени, дух того времени, соотношение политических сил в Сербии. Речь идет о записке, касающейся объемного и весьма важного материала с тайного судебного процесса в Призрене в 1956 году, на котором было представлено множество доказательств глубоких и крепких связей политического руководства албанского меньшинства в южном сербском крае с разведывательной службой соседней Албании. В записке с упомянутого совещания Краевого комитета говорится буквально следующее: «Призренский случай — изъять из архива и сжечь»².

На Шестом заседании ЦК СКС, проведенном 14 и 15 сентября 1966 года, на котором разговаривали о деятельности СКС после Четвертого пленума и об Отчете Комиссии Исполнительного комитета ЦК СКС о политической ответственности отдельных руководителей Службы государственной безопасности, о Призренском процессе говорил Джавид Нимани, один из ведущих политиков албанского меньшинства. Нимани сказал, что Призренский процесс является попыткой «скомпрометировать руководящие кадры из числа косовских албанцев. Процесс для этого и был инсценирован». На совместном заседании Исполнительного комитета ЦК СКС и Секретариата ПК Косово и Метохии, состоявшемся 22 — 23 сентября 1966 года, обсуждались «актуальные политические проблемы в Крае, возникшие после злоупотреблений, имевших место в работе Службы государственной безопасности». Об отрицательных последствиях Призренского процесса говорили Фадиль Ходжа, Катарина Патрногич и Душан Мугоша. Мугоша кроме прочего сказал, что на заседании Областного комитета СК отброшены «клевета и обвинения, вы-

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Белешка са састанка Покрајинског комитета СК Србије за Косово и Метохију, одржаног 13 јула 1966, године у Приштини.

² Там же (на 5 странице Белешке).

сказанные в адрес отдельных кадров во время Призренского процесса. Пользуясь случаем, он заявил, что «тема, в договоре с Центральным комитетом, снята с повестки дня»¹.

Под ударом вследствие нового политического курса, возникшего на Брионском пленуме, оказалась в первую очередь Служба государственной безопасности из-за ее, якобы, суровых репрессивных мер и террора албанского меньшинства. Это был большой политический разворот, распутье югославского государства в целом. По сути, был открыт вопрос о югославской федерации и будущего Сербии.

Политические силы, никогда так и не смилившиеся с результатами Первой балканской войны 1912 года, вступили в скрытую борьбу за полную деградацию Сербии с целью сведения ее государственного, экономического и культурного ареала к так называемой «суженной Сербии», а именно Сербии в границах до битвы под Куманово. Все ведущие личности службы безопасности в Сербии, а особенно в Косово и Метохии, были допрошены и подали подробные рапорты о своей работе. Материалы партийно-политического допроса республиканского секретаря по внутренним делам Сербии Войина Лукича дают отличную возможность для освещения основных проблем этого исторического момента. Лукич был республиканским секретарем по внутренним делам с 1953 по 1966 год. В допрашивающей его комиссии находились Милойко Друлович, Мирко Попович и Симеон Затезало. Допрос основывался на объемном отчете, который доставили «товарищи из Косово» и который содержал в себе данные о «мучениях, драках и убийствах с 1956 по 1963 год на территории Космета». В начале допроса Друлович сказал, что эти данные «поражают». Лукич защищался и говорил, что не верит, что некий смертельный случай, произошедший в Крае, скрывался от него («но я не исключаю, что это имело место»). Также он упомянул случай, когда в Призрене «шиптар, офицер милиции, убил одного человека в тюрьме». Я настаивал, чтобы его судили, говорил Лукич, но все его защищали, особенно «те, из внутренних дел». Однако когда мы посетили Косово, там был и Чеча (Стефанович. — *Примеч. ред.*). Он сказал — не будем его судить, хороший он человек, шиптар. Я не знаю, был ли он в конце концов осужден или, может быть, получил лишь условное наказание². Были случаи, говорил Лукич, когда люди гибли во время бегства в Албанию, но «мне не известно ни об одном случае убийства, которое бы скрывали, а это, между прочим, и невозможно — нельзя спрятать человека, как будто его нет». Он не отрицал, что происходили драки, не только в Косово, но и в других местах. Он вспомнил, что один человек из Печи был из-за этого осужден. Показания Лукича перед этой комиссией цитируют документ, который мы здесь уже упоминали, а именно целое расследование

¹ Там же. Део саслушања Војина Лукића у вези Информације на седници ИК о стању у АП Косово и Метохија.

² Там же.

на 87 страницах, а также обстановку, в которой он возник. Войин Лукич утверждал, что Исполнительный совет Сербии, насколько ему известно, не обсуждал проблему ситуации в Косово и Метохии, а занимался этим только Исполнительный комитет ЦК СКС Сербии, о чем уже шла речь в этой работе. «Я лично уведомлял Крцуна, — говорит Лукич, — думаю, что он докладывал об этом в Исполнительный комитет. Состоялось совещание Исполнительного комитета, во время которого обсуждались проблемы Космета. Я лично подготовил отчет о том, какова там ситуация. Эта тема обсуждалась, были сделаны выводы, так что ситуация на Космете рассматривалась, причем по моему настоянию»¹. Интересно утверждение Лукича, что кроме него на заседании Исполнительного комитета «присутствовал еще кто-то из Космета, кто-то, кто не был членом Исполнительного комитета», но в протоколе этого заседания от 9 июля 1962 года говорится, что кроме членов Исполнительного комитета на заседании присутствовал только Войин Лукич.

Лукич подробно обосновал, почему в органах внутренних дел было много албанцев, а также разъяснил известное высказывание Новаковича о том, что до Четвертого пленума к каждому шиптару относились с подозрением. Лукич ответил, что это происходило из-за недоверия, рождающегося из «проявлений национализма, шовинизма и ирредентизма среди албанского меньшинства» и из всё еще свежих воспоминаний обо всем, что произошло во время Второй мировой войны. Однако это не значило, что существовало недоверие к каждому албанцу, «люди из УГБ отлично с ними сотрудничали. Мне рассказывали истории о чрезвычайном югославском патриотизме некоторых албанцев, которые сознательно рисковали, соглашаясь на сотрудничество с УГБ». Он лично не имел недоверия по отношению к албанцам, а в контакт с албанцами вступил лишь в 1953 году, когда стал республиканским секретарем. «Крцун, когда я вступал в должность, сказал, чтобы мы очень внимательно относились к нашим товарищам албанцам». Лукич подчеркивает, что к проявлениям ирредентизма, национализма и шовинизма среди шиптаров относился как к вещам, «которые естественны, законны и неизбежны».

Из этих показаний, а также и из многих других источников очевидно, что сербским коммунистам, особенно находящимся на руководящих позициях в Белграде, и сербам в целом были неизвестны ни идеология и характер албанского национализма, ни идеолого-исторические корни их политического проекта. Албанцы столетиями, а особенно в течение XVIII—XIX веков были надежным орудием Османской империи на Балканах. Их хозяева, паши, имеющие политическое влияние, были носителями анархии в балканских провинциях Османской империи. Австро-Венгрия с ее систематичной и хорошо оплаченной пропагандой много сделала для формирования национальной идеи и политической идентичности албанцев, но не нужно забывать и о поддержке со стороны их колоний в Констан-

¹ Там же.

тинополе, в городах южной Италии, в Египте и других областях Османской империи. Войин Лукич, однако, во время допроса говорит, что народ в Косово — это «народ, который сейчас впервые обучается грамоте, в котором пробуждается национальное сознание, народ, который должен пройти через все этапы национального романтизма, и мы не можем обойти это стороной». Он упоминает высказывания Милоша Минича о том, что главная причина появления ирредентизма, национализма и шовинизма находится в экономической неразвитости и «что мы преодолеем ее ускоренными инвестициями, увеличением числа рабочего класса, промышленной и экономической интеграцией Космета в государство». Лукич указывал на давление с Запада, на влияние албанской эмиграции, выступающей за Великую Албанию, информбюро из Албании, указывал на очень запутанную ситуацию, на «давление со всех сторон». «Были случаи, когда американцы забрасывали в Албанию парашютистов, и они перебежали к нам».

Войин Лукич подчеркивает, что был недоволен назначением Чеды Мийовича на должность краевого секретаря по внутренним делам, получившего это место по рекомендации Душана Мугоши. «Я не доверял его возможностям, хотя он и был юристом, но находясь на месте секретаря в Космете, нужно настаивать на установлении порядка и нормальных методов работы. Он же по характеру анархист, партизан». Однако главная причина недостаточной представленности албанцев в органах внутренних дел была их неспособность к службе. Мы могли задействовать учителей, говорит Лукич, однако «в Областном комитете этому энергично сопротивлялись, так как в этом случае они бы остались без албанцев среди культурно-просветительских работников, причем без албанцев — самых лучших коммунистов». Официальная позиция заключалась в том, чтобы принимать на работу в милицию албанцев по сниженным критериям по сравнению с остальными работниками.

Среди многочисленных заявлений бывших руководителей УГБ и служб внутренних дел выделяется заявление Йовы Баята, который в период 1949—1955 годов находился в Джаковице в качестве уполномоченного представителя УГБ в Джаковицком уезде. После этого он руководил службой внутренних дел в Косовской Митровице. Самое большое внимание он посвятил деятельности албанской разведслужбы на территории Джаковицкого уезда, граничащего с Албанией на протяжении 100 км. У албанского населения сохранились прочные родственные и дружеские связи с населением соседней Албании. Албанская разведслужба, по словам Баята, действовала через албанских граждан из пограничных деревень на территории Албании, в основном через группы диверсантов, внедряемых на территорию Югославии. Самую лучшую албанскую агентуру в Косово и Метохии, по словам Баята, составляли бывшие мятежники — баллисты, которые после 1948 года перешли на территорию Албании, а затем на территорию Югославии. Самыми известными из них были Азиз Зеливода и Шериф Трстена из Косовско-Митровицкого уезда. Зеливода убил одного из председателей округа в Вучитрнском уезде. По оценкам Йова Бая-

та, большинство представителей албанской агентуры составляли албанцы, которые эмигрировали в Албанию и оттуда вновь внедрялись в Югославию. С помощью этих эмигрантов «начинается более глубокое проникновение албанской службы на территорию Космета». Упоминаются и их имена: Шабан Хаджия, начальник милиции Косово и Метохии, Шабан Зенели из деревни Скивьяна вблизи Джаковицы, капитан милиции, находящийся на службе в Министерстве внутренних дел Сербии, Джафер Вокша из Джаковицы, член Областного комитета и руководитель молодежной организации на Космете, Сутки Ходжа, родом из Джаковицы, доверенное лицо по внутренним делам уезда Драгаш, Авдула Салия, председатель СРЗ Юник из Джаковицкого уезда, Исан Добра, бывший председатель округа Дечаны, и прочие. Группы диверсантов, состоящие из этих эмигрантов, «проникали вглубь территории Космета, вплоть до Санджака»¹.

Большинство среди политически активных эмигрантов старшего поколения составляли личности, эмигрировавшие в Албанию после Первой и между двумя мировыми войнами. Они вели активную работу в органах фашистско-нацистской власти во время Второй мировой войны, а теперь возглавляли группы, которые нелегально переходили на территорию Сербии, устанавливали связи и строили сети центров сепаратистско-подрывной деятельности. Во главе одной из таких групп, ликвидированных в Дренице, находился Скендер Косова. Кроме него были весьма активны Черим Ука из деревни Озрима вблизи Печи, дослужившийся в албанской армии до звания подполковника, затем майор албанской армии Халит Качандоли из Качандола вблизи Косовской Митровицы и Аьет Хаджия из Косовской Митровицы. Мощная деятельность Албании против Югославии на территории Косово и Метохии ставила сербские и югославские службы безопасности в сложное положение, так как кроме интенсивной контрразведывательной работы они должны были предпринимать и масштабные акции преследований, и более жесткие меры. Это было своеобразное повторение, в чуть меньших размерах, всего того, что здесь происходило в 1913—1914 годы, затем после Первой мировой войны 1919—1924 годов и практически в течение всего периода между двумя мировыми войнами. Одновременное вторжение нескольких групп диверсантов требовало от армии и милиции продолжительных и частых засад. «Случалось, — пишет в своем заявлении Йово Баят, — что мы одновременно должны были организовать до сотни таких засад рядом с домами пособников, в местах, где, по нашим разведанным, могли находиться диверсанты. Наши люди каждую вторую-третью ночь проводили в засаде, и это наряду с их регулярными заданиями»². У групп из Албании была мощная поддержка на местах. На территории Джаковицы самый сильный оплот у них был в деревне Юник, в которой находилась и главная база для связей с другими группами

¹ АС Б-2 ЦК СКС, Секретаријат за унутрашње послове СРС, Управа државне безбедности. Изјава Јова Баята републичком секретару за унутрашње послове СР Србије од 9. септембра 1966. године.

² Там же.

на местах. Кроме Юника в поддержке группам, проникавшим из Албании, активно участвовали деревни Вокша, Дреновац, Белег, Рзнич, Пожар, Гргоц, Ново Село, Скивьяны, Бец, Црмняни, Рогово и прочие. Военные и полицейские единицы вступали с группами диверсантов в стычки, часто сопровождаемые жертвами. В деревне Дреновац летом 1952 года погибли лейтенант пограничных войск, председатель сельскохозяйственного кооператива, а также капитан службы государственной безопасности Бранко Вуёвич. В деревнях Юник, Лочан, Радоници, Црмняни, Дева и Плочица стычки были особенно яростными. Начальником Отдела УГБ Косово и Метохии в то время был Никола Сикимич. В Джаковице была обнаружена большая группа в 15–20 человек, занимающаяся сепаратистской деятельностью, но арестовано было лишь семь человек.

На должности секретаря Областного комитета СКС в начале 50-х годов находился Джоко Пайкович, а его преемником стал Душан Мугоша. И Йово Баят, также как и другие представители службы безопасности, говорит о давлении и насилии над «сербам и черногорцами». Случалось, пишет Баят, что «серб или черногорец не мог продать свое имение кому хотел или тому, кто предлагал ему больше, бывали случаи насильственного отторжения имений или их части, нанесения вреда, а при попытках помешать этому сербов избивали и наносили им телесные повреждения, были и случаи изнасилования и разных других угроз с целью заставить сербов уехать. Имели место случаи поджога соломы и кормов для скота. Со всеми этими случаями были ознакомлены областные комитеты СК с целью принятия дальнейших мер». Службы внутренних дел регулярно подавали рапорты в компетентные органы, а так как эти явления имели чисто политический характер, подавались рапорты и в республиканский, и в краевые управления полиции. «На эту проблему обращали внимание в полицейских участках и территориальных оперативных отделах ГБ». Йово Баят далее упоминает, что во время его пребывания в Косовской Митровице со второй половины 1955 года было обнаружено пять нелегальных групп и организаций, «которые вели враждебную ирредентистскую деятельность, а также многие люди были арестованы и предстали перед судом. Некоторые из этих групп и организаций были самостоятельны, а некоторые являлись частями более крупных организаций, деятельность которых распространялась на всю территорию»¹.

Решения, принятые на так называемом Брионском пленуме 1 июля 1966 года, и все происходившее после этого, особенно в течение последующих нескольких месяцев, представляло собой, по сути, реабилитацию тех представителей албанского меньшинства, которые содействовали изгнанию сербского населения из Косово и Метохии и присоединению этой части территории Сербии и Югославии к Албании. Их деятельность пред-

¹ АС Ђ-2 ЦК СКС, Секретаријат за унутрашње послове СРС, Управа државне безбедности. Изјава Јова Бајата републичком секретару за унутрашње послове СР Србије од 9. септембра 1966. године.

ставлялась и толковалась как выражение «деформации» в рядах Службы государственной безопасности. В известной мере это было началом легализации великоалбанского сепаратистско-террористического движения в Косово и Метохии, которое с тех пор открыто занималось тем, чем раньше занималось втайне.

К большой партийной кампании по всей стране, а особенно в Косово и Метохии, подключилось Исполнительное вече Автономного края Косово и Метохии. Исполнительное вече сформировало комиссию по подготовке и реализации реорганизации в органах Служб государственной безопасности, которая после четырехмесячного расследования и якобы проведения опросов на местах составила объемный Отчет о работе Комиссии по вопросам утверждения деформаций и злоупотреблений и о принятых мерах по реорганизации в Службе государственной безопасности в АК Косово и Метохия, отчет датируется 1 ноября 1966 года¹. Отчет, по сути, являлся ревизией совокупной роли службы безопасности, начиная со Второй мировой войны и до 1966 года, хотя в одном месте подчеркивается, что особое внимание посвящалось работе органов безопасности начиная с 1952 года. В отчете упоминается, что Комиссия не рассматривала случаи и действия органов государственной безопасности, «связанные со сведением счетов с элементами контрреволюции — баллистами, четниками и их пособниками, представителями информбюро, разными шпионами и диверсантами, а также в связи с разными экономическими мерами (национализация, запрещение частной торговли, создание сельскохозяйственных кооперативов) и пр.». Комиссия в основном рассматривала период с 1956 по 1966 год, а с особым вниманием анализировала случаи, относящиеся к периоду до 1956 года. Из собранных материалов, говорится в этом отчете, можно сделать вывод, что злоупотребления некоторых представителей Службы государственной безопасности стали причиной нанесения вреда не только «гражданам албанской национальности, но и другим гражданам турецкой, сербской и черногорской национальностей». Центральным для этого объемного отчета — в разных редакциях — является утверждение, согласно которому «албанское население которое является национальным меньшинством, считается ненадежным». Это объяснялось и в учебниках для Училищ министерства внутренних дел. Это в своих дискуссиях подчеркивали и самые ответственные работники Службы государственной безопасности. «Подтверждено, что албанцы, — говорится в отчете, — являясь национальным меньшинством, более лояльны к их стране происхождения и поэтому легко склоняются к работе в зарубежных разведслужбах». Такая точка зрения создала атмосферу «разных мошенничеств и злоупотреблений во вред албанскому народу, были созданы условия для процветания националистических и шовинистских спекуля-

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Извештај о раду Комисије на утврђивању деформација и злоупотреба и о предузетим мерама на реорганизацији у служби Државне безбедности у АПКМ, Покрајинско Извршно вече — Комисија за припрему и спровођење реорганизације у органима Службе државне безбедности (за интерну употребу), Приштина, 1. новембра 1966. године.

ций». Понятно, что целая конструкция покоилась на искаженном толковании: албанское меньшинство представлено в качестве жертвы, а настоящие жертвы великоалбанского шовинизма нередко представлялись как носители «великосербского национализма и шовинизма».

В пользу официальной позиции государственного и партийного руководства Югославии и Края в отчете упоминалось множество точек зрения из прежних анализов Службы государственной безопасности и секретариата внутренних дел. Везде подчеркивалось мнимое недоверие «к представителям албанского народа». Упоминаем здесь лишь несколько отрывков, содержащихся в этом отчете в качестве подтверждения недоверия Службы государственной безопасности к албанскому народу. В отчете Союзного управления полиции в Приштине за 1963 год, кроме прочего, содержится и следующая оценка: «Большинство населения в Приштине составляет албанское национальное меньшинство, затем следуют сербы и другие народы. Сам по себе этот факт указывает на то, что эта территория пригодна для появления шовинизма. Такой вид враждебной деятельности принимает все больший масштаб вопреки нашим профилактическим мерам и энергичному вмешательству». В дальнейшем тексте годового отчета краевого СУП за 1965 год, доставленного республиканскому СУП, кроме прочего, содержится следующая оценка: «Мы считаем, что одно явление заслуживает особого внимания. Речь идет о появлении в Крае сепаратистских движений. Они вдвойне опасны, так как уже достаточно долго проявляются в легальных формах даже среди выдающихся общественных деятелей албанской национальности. Нередки случаи, когда ирредентистские мысли проникают в школы через образовательные планы и программы, научные работы, отношения между людьми. В политической практике зачастую осуждаются такие явления, но на местах чувствуется определенная толерантность»¹.

В соответствии с этим отчетом Служба государственной безопасности к большинству интеллектуалов албанской национальности относилась с недоверием, как ко «враждебно настроенным к нашему государству», и по этой причине держала под контролем газеты, журналы и радиостанции. Службы, говорится далее, вмешивались в учебные планы и программы, оценивали присутствие идеологии в образовании и литературе. В качестве подтверждения такой позиции упоминается часть анализа республиканского СУП, составленного на основании информации краевого СУП (дата анализа не упоминается), в котором среди прочего говорится: «В начальных школах, техникумах, гимназиях и педагогических училищах молодежь вполне законно воспитывают в духе национализма, с разжиганием шовинизма по отношению к другим югославским народам. Преподаватели албанской национальности просят друг друга, чтобы ученикам-албанцам

¹ АС, Ы-2, ЦК СКС, Извештај о раду Комисије на утврђивању деформација и злоупотреба и о предузетим мерама на реорганизацији у служби Државне безбедности у АПКМ, Покрајинско Извршно веће – Комисија за припрему и спровођење реорганизације у органима Службе државне безбедности (за интерну употребу), Приштина, 1. новембра 1966. године.

ставили удовлетворительные оценки, даже если они этого не заслуживают, оправдывая это необходимостью в кратчайшие сроки подготовить кадры среди албанцев, чтобы они могли занимать руководящие должности. Имеет место массовое явление получения учениками дипломов об образовании без необходимых квалификаций». Далее приводятся примеры того, что молодые литераторы в Косово и Метохии «подражают старым писателям, подстрекающим к националистическим и ирредентистским творениям» и что нередки случаи публикации заметок с сепаратистским содержанием, особенно в журнале «Jeta e re». Создателям этого отчета из краевой администрации в 1966 году особенно мешала оценка, содержащаяся в анализе республиканского СУП о враждебной деятельности в Косово и Метохии: «Враждебная активность возрастает. Таких акций в последнее время всё больше, они подстрекают разные националистические элементы, не включенные в работу нелегальных организаций, которые все вместе или по отдельности совершают несанкционированные действия (бойкот, физические нападения на сербское и черногорское население, запугивание с целью заставить их уехать с этих территорий, нескрываемые враждебные выступления в общественных местах, бойкотирование в школах занятий на сербском языке, бойкотирование и издевательства над учениками и преподавателями сербской и черногорской национальностей). Многие интеллектуалы, а также работники культуры и просвещения не просто молчаливо поддерживали враждебную деятельность, но и сами вели себя враждебно. Некоторые из самых образованных людей в своих выступлениях и публикуемых статьях открыто говорят, что они на их стороне». Комиссия краевой администрации в 1966 году указывает на позиции, представленные в предыдущих анализах республиканского СУП, в которых говорится, что органы власти, не вдаваясь в подробности анализа такого типа враждебной деятельности, поддерживают эти убеждения. К такой деятельности не только проявляется терпимость, но и эти лица зачастую назначаются на ответственные должности. «Затем эти лица в ведомствах окружают себя единомышленниками и ведут враждебную деятельность». Комиссия особенно придиралась к оценкам Службы государственной безопасности, касающимся отношения партийного руководства и представительных органов к очевидной сепаратистской и шовинистической деятельности, принимающей все большие размеры. Серьезным минусом считалась одна из оценок, по которой «в органах власти встречаются серьезные отрицательные явления, представляющие крупную политическую проблему. Они проявляются в фаворитизме, шовинизме, взяточничестве, шантаже служащих и рабочих, незаконном присвоении общественного имущества. Больше всего отрицательных явлений наблюдается в местных органах, которые в последнее время проводят выраженно националистическую политику». В качестве примера упоминается ситуация в Печи.

События, последовавшие после 1966 года, и всё, что происходило в Косово и Метохии в последующие десятилетия и происходит по сей день, еще раз подтверждают справедливость оценок органов безопасности. Однако

политическое направление союзного, республиканского и краевого руководств шло к разрушению всех прежних интегративных связей. В отчете Исполнительного вече подчеркивается, что самые серьезные и вопиющие злоупотребления по отношению к гражданам Края Службы государственной безопасности совершали при конфискации оружия, подготовленной и проведенной в конце 1955 — начале 1956 года. Акцию, говорится в отчете от 1 ноября 1966 года, инициировала и организовала Служба государственной безопасности Края с согласия республиканских и союзных органов.

Комиссия Исполнительного вече Края, отвечающая за реорганизацию Службы безопасности после Брионского пленума, в своем отчете цитировала отрывок из доклада краевого секретариата внутренних дел накануне конфискации оружия. Цитата гласит: «Большинство албанцев относится к государству как к социальной организации, проявляющей свою волю на благо всего общества, как к нужному и проходящему злу. История последнего времени, когда эта территория несколько раз меняла государственную принадлежность от Турции и до СФРЮ, сформировала у населения убеждение, что любое государство скоротечно и нужно поспешить обогатиться за его счет путем грабежей и разворовывания его имущества. В этой практике не было исключений. Если добавить к этому враждебное отношение некоторых представителей к СФРЮ как к социалистическому государству и распространение ирредентистских великоалбанских устремлений, становится ясно, что большинство имеет оружие для борьбы против нашего государства». Комиссия Исполнительного вече, анализируя эти материалы, пришла к выводу, что органы государственной безопасности расценивали настроения масс в Косово и Метохии «с точки зрения классовых взаимоотношений, существовавших и в предыдущих системах, а не с точки зрения возникших в последнее время общественных отношений». На этом основывалось недоверие к самой многочисленной части населения Косово и Метохии, «то есть отношение к представителям албанской национальности». В отчете упоминаются многие села, в которых якобы имели место злоупотребления по отношению к гражданам: Смира, Лоджа, Врела, Ракош, Сува Река, Србица, Круша, Клокот, Шаля. Особенно упоминается Войин Лукич, секретарь республиканского СУП, о котором говорится, что он своей депешей 22 февраля 1956 года приказал расширить акцию конфискации оружия и на соседние территории бывших уездов Вранье, Лесковац, Прокупье, Крушевац и Нови Пазар.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО СЕРБИИ И ВЕЛИКОАЛБАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОСОВО И МЕТОХИИ

В 1966–1968 годах крупные перемены произошли не только в рядах Службы государственной безопасности, но прежде всего в сербской общественной мысли. В условиях абсолютной политической монополии одной

партии, при отсутствии свободы слова эти потрясения не были очевидны. Часть политического руководства Сербии соглашалась с новым политическим курсом «посыпания головы пеплом» и практического развала Сербии с помощью изменений в Конституции и превращения краевых автономий в границы Сербии в конституционные элементы федерации. Политическое руководство Сербии не было готово противостоять ранее искусно скрываемой, а теперь открыто сепаратистской деятельности албанских коммунистических лидеров. Дорога к албанизации сербского южного края была свободна. Начался пересмотр работы отдельных сербских политиков, подозреваемых в участии в событиях в Косово и Метохии, таких как Призренский процесс и конфискация оружия. Катарина Патрногич, в то время член Исполнительного вече Сербии, в письме, направленном в ЦК СК Сербии 10 января 1967 года, оправдывалась за свое поведение во время Призренского процесса, и в связи с обвинениями в адрес Фадила Ходжи, Алюша Гаши, заместителя секретаря в Исполнительном вече Сербии, и Исмета Шачири, предъявленными на ИК СКС и ставивших под сомнение правильность ее позиций по поводу Призренского процесса.

Первый человек югославской партии и государства Иосип Броз Тито 23 февраля 1967 года встретился с делегацией Косово и Метохии. Согласно стенограмме этого разговора Вели Дева говорил о Призренском процессе. Он отстаивал недвусмысленную позицию о том, что Призренский процесс должен рассматриваться как начало ликвидации кадров албанской национальности в Косово¹.

В начале 1968 года албанцы из Косово высказали определенное недоверие по отношению к Петру Стамболичу во время консультаций по поводу выбора председателя ЦК СК Сербии. 5 марта того же года в самом узком кругу был организован разговор между Петром Стамболичем, Вели Девой, Фадилом Ходжей и Стеваном Дороньским. Из Приштины постоянно поступали замечания о том, что Стамболич возглавлял ЦК во время конфискации оружия и Призренского процесса в 1956 году и что он не был достаточно активен после Брионского пленума. Из служебной записки, составленной после этого разговора, становится ясно, что Стамболич заявил, что во время конфискации оружия был в Эфиопии вместе с Тито и что узнал об этом от Чеды Мийовича. Также записано заявление Стамболича, что у него была своя точка зрения о «седьмой республике» и что он высказал ее Алии Шукрии. Стамболич, согласно запискам, на этом заседании сказал: «Вполне нормально развивать самостоятельность, а в этих рамках и ответственность»². В тот же день, 5 марта, скорее всего после совещания в узком кругу, состоялось совещание важнейших республиканских и краевых руководителей. На этом совещании обсуждались «некоторые полити-

¹ АС, Б-2 ЦК СКС, Фактографски подаци о тзв. Призренском процесу. Београд, 11.09.1985.

² АС, Б-2 ЦК СКС, Призренски процес (материјал 1956–1969), Белешка о разговору Петра Стамболића, Вели Деве, Фадила Хоџе и Стевана Дороньског, 5. марта 1968.

ческие вопросы в связи с процессами в АК Косово и Метохия». На самом деле главной темой был Призренский процесс, а через его призму рассматривались более широкие и важные вопросы отношения к Сербии, ее целостности и политике албанского шовинизма в южном сербском крае. Это совещание, очевидно, было важным, так как после него были сделаны выводы, повлиявшие на развитие событий в Сербии в последующие двадцать лет. На совещании присутствовали: Петр Стамболич, Милош Минич, Добриное Радосавлевич, Стеван Дороньски, Коль Широка, Предраг Айтич, Мирко Попович, Вели Дева, Фадиль Ходжа, Блажо Радонич, Илия Бакич и Илияз Куртеши. Дороньски ознакомил присутствующих с выводами совещания, проведенного в Краевом комитете СКС в Приштине 12 февраля 1968 года. Из ЦК СКС на совещании присутствовали: Стеван Дороньски, Коль Широка и Станое Арсич, а из ПК СКС Вели Дева, Фадиль Ходжа, Блажо Радонич, Илия Бакич и Илияз Куртеши, некоторые члены Президиума и Исполнительного комитета ПК СКС и члены ПК СКС, занимающие позиции в судебных органах и СУП. На совещании заслушали отчет рабочей группы краевого Исполнительного комитета, рассматривающей все материалы, связанные с Призренским процессом.

Дороньски на совещании в Белграде озвучил выводы, сделанные на совещании в Приштине: не нужно начинать судебный процесс против организаторов Призренского процесса, по отношению к людям, упоминаемым в процессе, не следует применять никаких правовых или политических мер; Контрольная комиссия проведет политическую реабилитацию членов. Стеван Дороньски, пользуясь случаем уведомил высокое руководство Сербии, что на упомянутом совещании в Приштине пришли к выводу о том, что Исполнительное вече Края «объявит мирное сообщение об этом процессе, так как его еще раньше осудили». Сообщение опубликовано, и «в принципе оно в порядке». Главной темой дискуссии на совещании в Белграде был вопрос о формате пересмотра Призренского процесса, а также «как далеко» можно зайти, призывая организаторов процесса в Призрене к ответственности. Сначала обсуждали Чеду Мийовича, не только в связи с Призренским процессом, но и в связи с «другими ошибками» и договорились весь материал по Мийовичу отправить в Городской комитет СК Белграда. Тогда же было отмечено, что к материалам о его поведении в Косово и Метохии «нужно добавить и его поступки после Четвертого пленума ЦК СКЮ». Но темой дискуссии были не только Чед Мийович и Четвертый пленум, но и многие другие процессы, «на которых осуждались в основном албанцы, и эти случаи нужно вновь рассмотреть и реабилитировать людей»¹. При этом подчеркивались возможные политические последствия реабилитации и других аналогичных процессов в Косово и Метохии. Все это могло быть воспринято как своего рода «реваншизм».

¹ АС, Б-2 ЦК СКС, Белешка о састанку који је 5. марта 1968. године одржан у ЦК СКС о неким политичким питањима у вези са процесима у АП КМ.

Главное слово после доклада Дороньского взял Вели Дева. Он считал, что Призренский процесс «среди всех деформаций занимает особое место, так как предшествовал «чистке кадров». Началось с нижних и средних кадров, и этот процесс был прерван, когда должны были приступить к делам членов Областного комитета. На заднем плане находились Джавид Нимани и Фадиль Ходжа»¹. По толкованию Вели Девы Призренский процесс по задумке УГБ должен был объяснить убийство Миладина Поповича. На пленуме Краевого комитета по Косово и Метохии в 1956 году решили прервать процесс. Уведомления с того партийного собрания об остановке процесса дошли до уездных комитетов. «Это было судьбоносное событие для нашей партии», — сказал Дева, но и после этого осталось много вопросов. Кто был в этом заинтересован? Было ли об этом известно ЦК СКС и СК СКЮ? Лишь на Четвертом пленуме ЦК СКЮ на эти вопросы были даны ответы. Одновременно с Призренским процессом, по словам Вели Девы, готовили и Джаковицкий процесс по делу об убийстве коммунистами из Джаковицы Бору Вукмировича. Пришлось при этом пожертвовать и жизнью Садика Рамиза, которого не смогли изолировать от Вукмировича. Хотя это дело было предано забвению, но после Четвертого пленума эти вопросы вновь заняли свое место в политической жизни Косово и Метохии. Дева, с присущей ему политической хитростью, вел себя как человек, который не желает этим заниматься, но вынужден это делать, поскольку в Крае вопрос воспринимается как политическая проблема и вызывает большой интерес. Его главной заботой было политическое осуждение Призренского процесса. Эта проблема сама всплыла на поверхность, и пришлось решать, что с ней делать. Политическая ответственность в связи с Призренским процессом ясна, а роль Чедомира Мийовича в нем весьма заметна, и поэтому его нужно «привлечь к политической ответственности». Наш долг, говорит далее Дева, «исследовать это до конца. Это нам порекомендовал Исполнительный комитет ЦК СКС на заседании Областной скупщины после Четвертого пленума». Было бы лучше, сказал Дева, если бы «документы по всем этим случаям совершенных злодеяний были подготовлены к Четвертому пленуму и если бы мы их сразу рассмотрели и сняли с повестки дня», но реконструкция отдельных случаев требовала много времени, и поэтому сейчас актуальны несколько процессов, представляющих общественный интерес.

После продолжительного доклада Дороньского и Вели Девы в дискуссии участвовали практически все присутствующие — Илия Вакич, Фадиль Ходжа, Милош Минич, Блажо Радонич, Добривое Радосавлевич, Мирко Попович, Предраг Айтич, Коль Широка и Петар Стамболич. Конечно же в центре обсуждения находился Призренский процесс. Вывод по этому вопросу в форме согласия всех присутствующих имеет большое историческое значение, так как раскрывает не только политическую инструмента-

¹ АС, Б-2 ЦК СКС, Белешка о састанку који је 5. марта 1968. године одржан у ЦК СКС о неким политичким питањима у вези са процесима у АП КМ.

лизацию этого процесса двенадцатилетней давности, но и освещает весь механизм функционирования власти, прежде всего судебной системы и прокуратуры. В служебной записке по материалам совещания говорится следующее: «Нам сказали, что документы Призренского процесса переданы прокурору, с судьями достигнута договоренность провозгласить этот процесс ложным и показательным. Также будет принято решение о реабилитации, охватывающей девять осужденных лиц, из которых семь были членами СК, и на этом процесс будет окончен. После этого будет опубликовано сообщение»¹.

Политическое руководство Сербии в 1968 году «заняло позицию», согласно которой лица, обвиненные в качестве главных организаторов Призренского процесса, не призываются к судебной, но лишь к политической ответственности. В дальнейшей дискуссии говорили и об остальных процессах. До того поступали предложения представить перед судом 280 лиц, но из-за устаревших или ложных обвинений перед судом было представлено от 20 до 23 лиц. Дальше было сказано, что Печский процесс стал причиной неблагоприятных последствий в Косово и Метохии, так как суд был публичным, вопреки мнению Областного комитета, что судебный процесс должен быть закрытым. Суд вызвал большое число свидетелей, участников и соучастников УГБ. Среди прочих судили и Вую Войводица. Специальное место в судебном разбирательстве занимал Чедо Мийович, который использовал судебный процесс, «чтобы выступить против Четвертого пленума». Его вина состояла в том, что он с остальными встречал Вую Войводица после возвращения в Белград с судебного разбирательства в Пече. В записках специально не упоминается, о каких проблемах идет речь, но можно предположить, что имело место сопротивление судебной власти. Говорили, что речь идет о явно показательном политическом процессе. Сообщали о серьезных проблемах, «существующих в отношениях председателя Отдела Верховного суда Сербии, прокурора Области и политического руководства». Говорили и о помиловании лиц, осужденных до Четвертого пленума ЦК СКЮ. Было решено, чтобы суд и прокуратура подготовили предложения о помиловании. В конце этого совещания были утверждены заключения из 16 пунктов. В основном они сводятся к отголоскам Брионского пленума, Призренского процесса и его пересмотра, а также помилования лиц, осужденных до 1966 года. Из служебных записок с этого совещания очевидно, что в связи с Брионским пленумом стремились открыть как можно меньше процессов и вывести как можно меньше людей на суды, ускорить судебные процессы, приглашать только необходимых свидетелей («избегать ненужных дефиле большого числа свидетелей, чтобы процессы не подогревали разные националистические настроения»). Очевидно, по настоянию албанцев из Приштины требовалась политическая ответственность и возможная смена председателя Отдела Верховно-

¹ АС, Б-2 ЦК СКС, Белешка о састанку који је 5. марта 1968. године одржан у ЦК СКС о неким политичким питањима у вези са процесима у АП КМ.

го суда и прокурора из-за «неспособности принятия политических установок ПК». Говорится о пропусках, прежде всего Областного комитета, о том, что Чеда Мийович «все еще не призван к политической ответственности». С политической оценкой Призренского процесса, говорится далее в этой записке, Областной комитет должен в письменной форме ознакомить ЦК СК Сербии, ЦК СК Югославии и комитеты СК на местах. В то время как, с одной стороны, приходят к выводу о том, что «нужно более организованно и энергично начать рассмотрение» процессов, проведенных до Брионского пленума, а с другой стороны, в нескольких местах в этой записке говорится, что «нужно перейти в политическое наступление на военные националистические элементы». Под этими элементами, очевидно, подразумеваются сербы, выражающие неудовольствие развитием событий в Косово и Метохии и в Югославии.

Глава XVIII

БОРЬБА ЗА АЛБАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СЕРБИИ

Триумф «габсбургской» коалиции и великоалбанского проекта

Если правда то, что Тито был «последний Габсбург на Балканах», как недавно можно было услышать на одном форуме в Вене, в этом случае сербское политическое руководство капитулировало перед лицом «габсбургской коалиции» и ее последователями, осуждая даже личности, выступавшие за федеральное государство на основе интеграционных процессов на территории Югославии. На этой волне появились сербские политические группы, для которых борьба против «великосербского национализма» представляла суть политической программы. В рядах сербской интеллигенции возрастало недовольство ситуацией в Косово из-за гонений на сербов, политической маргинализации Сербии и сербов. На 14 заседании ЦК СК Сербии в конце мая 1968 года выступления писателя Добрицы Чосича и историка Йована Марьяновича были ясным напоминанием, что процессы в Косово и Метохии идут в направлении их постепенного отделения от Сербии. Добрица Чосич — важный свидетель и участник событий. Его доклад 29 мая 1968 года являлся острой критикой «бюрократического национализма», а также публичным представлением косовской истины. Он указывал на беспокоящие антисербские настроения особенно в Хорватии и Словении и на ряд других проблем в межнациональных отношениях. Он говорил о венгерском национализме и сепаратизме, о стремлении к автономии в Воеводине, о симпатиях к идее «национальных государств» и многих других явлениях партикулярного и регионального сознания. Ситуация в Косово и Метохии, отметил Чосич, обременена «сложными проблемами и некоторыми реакционными тенденциями». Чосич публично заострил внимание на проблемах, которые в течение двадцати лет присутствуют в Косово и Метохии и о которых было больше известно из частных бесед и из внутренних источников информации служб безопасности. Региональный комитет СКС Косово и Метохии не ведет борьбу против албанского шовинизма и сепаратизма. «Создается впечатление, — сказал Чосич, — что региональный комитет не придавал

нужного значения борьбе против албанского шовинизма и ирредентизма, и часто сводил её к политической фразеологии словесного сочувствия сербскому шовинизму»¹.

По словам Чосича, речь идет о стремлении «реализовать права национального албанского меньшинства в качестве прав на установление государственности и косовского суверенитета». Там возможна или югославская, или албанская государственность. Развитие их государственности и суверенитета «должно закончиться ирредентизмом, углублением политической бездны между народами Косово и Метохии и Албании и Югославии, при постоянных и открытых стычках»². Косово и Метохия — это «старая родина сербского народа», сказал Чосич. Если рассматривать вопрос о правах албанского национального меньшинства в контексте осуществления национального и государственного суверенитета, а не социальной афfirmации, это может привести к отделению Косово и Метохии от Сербии и Югославии, к тяжелым и трагическим стычкам «и к необозримым историческим бедствиям и осложнениям»³.

Это была первая публичная, острая критика внутри главных политических течений СКЮ, которые ускоренным темпом вели к развалу югославского государства.

Политические и конституционные изменения, произошедшие в период от Брионского пленума до принятия новой Конституции в 1974 году представляли собой поворот в развитии Сербии и Югославии. И хотя эти перемены, по сути, представляли собой всего лишь один, но решающий этап в стратегии постепенного развала югославского государства, они укрепили основу плана по окончательной деструкции югославского государства, когда для этого будут созданы благоприятные международные обстоятельства. Изменения в Конституции привели югославское государство к шаткой конфедерации, и таким образом было установлено иное распределение политических сил в формально всё ещё федеральном государстве. Закрытость республик — национальных государств (политическая, экономическая, культурная, информационная и т.д.) являлась частью системы политической, экономической и культурной дезинтеграции югославского государства. Некоторые авторы упоминают афfirmацию «национальной и этнической ограниченности интересов». Регионы превратились в «республики в республике», а Сербия реально не была ни республикой, ни регионом. Конституционные изменения дали одному национальному меньшинству, албанскому, возможность создания своего государства в Республике Сербии. Литературовед и критик Живорад Стойкович назвал подъем албанского сепаратистского движения в Сербии во всех его формах «третьей балканской войной за вто-

¹ Добрица Ћосић. Косово, приредила Ана Ћосић-Вукић. Београд, 2004. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 20.

рое албанское государство». Политические и конституционные изменения представляли собой крупную победу великоалбанской программы в Косово и Метохии, крупный шаг в направлении политической и этнической албанизации Косово и Метохии, и в то же время удар по албанцам, ориентирующимся на югославское государство, и по другим неалбанским меньшинствам.

Руководство югославских коммунистов неизменно следовало стратегии Коммунистического интернационала, способствуя тем самым распространению крайнего национализма среди «малых народов». На практике, изо дня в день, албанская политическая олигархия всеми силами государственной власти (полиция, просвещение, судебная власть, культурные учреждения), которая в этой части Сербии находилась в руках албанцев, осуществляла этнические чистки сербов в Косово и Метохии и готовила площадку для присоединения к будущей Великой Албании. Албанцы как национальное меньшинство в Сербии имели Академию наук Косово в Приштине (это, вероятно, единственный в мире пример), Университет с преподаванием на албанском языке, Радио и телевидение Приштина на албанском языке и другие ведомства. Они злоупотребили предоставленной им максимально широкой автономией, превышающей все европейские стандарты, и абсолютной властью, которой они воспользовались для индокринации албанского населения и особенно молодежи шовинизмом по отношению к сербам, великоалбанской национальной идеологией, покоящейся на чудовишной ненависти по отношению к сербам и всему сербскому и славянскому¹.

Самого большого подъема великоалбанская шовинистская пропаганда достигла в период с 1975 по 1980 год, после принятия союзной югославской Конституции 1974 года, согласно которой регионам в Сербии даются атрибуты государственности и федеральной конституционности. Граница между Югославией и Албанией практически не существовала. В «золотое время» сталинизма в Тиране, породившего невероятную фанатичную идеологию ненависти по отношению к сербам, практически ежедневно в Косово и Метохию прибывали делегации из албанской столицы. Недостаток какой-либо свободы и демократии в Албании возмещался ретроградной идеологией этнических чисток сербов в Старой Сербии и псевдонаучной продукцией. В период с 1975 по 1980 год (в соответствии с неполными данными) 237 профессоров и преподавателей из Албании читало лекции в Университете в Приштине и других образовательных учреждениях в Косово и Метохии (среди них был и председатель Албании Мейдани); 62 профессора и учителя из этого сербского края проживали в Албании; 183 научных исследователя из Университета в Приштине находились на повышении квалификации в Албании; а 62 исследователя из Албании — в

¹ Об этом подробнее см.: Спасоје Ђаковић. Сукоби на Косову (друго допуњено издање), Београд, 1986; Душан Т. Батаковић. Косово и Метохија — историја и идеологија. Београд—Ваљево—Србиње, 1998; Косово и Метохија — прошлост, садашњост, будућност, зборник радова. САНУ. Београд, 2007.

Приштине. Свыше 20 % всех учебников, особенно по гуманитарным наукам, используемых в школах в Косово и Метохии, были привезены из Албании¹.

Параллельно процессам подавления сербских и славянских анклавов в Албании то же самое происходило в Косово и Метохии. Институт албано-логии в Приштине в 70-е годы составил список названий населенных мест, которые должны были заменить существующие сербские и славянские топонимы, чтобы скрыть их этническое происхождение². До начала 80-х годов албанцы только в Косово и Метохии, наряду с такими журналами, как *Gjurmime Albanologjike*, имели 10 изданий на албанском языке: *Рилинджа* (ежедневная газета с тиражом в 1979 году свыше 100 000 экземпляров), *Зани и ринис*, *Јета е ре*, *Пионери*, *Перпарими*, *Схендети*, *Фјала*, *Бота е ре*, *Скендија*, *Бат*. Эти издания албанцы использовали для разжигания национальной ненависти, вместо духа толерантности, понимания и цивилизованного развития отношений с другими народами. Парадокс этой ситуации заключается в том, что албанцы в Косово и Метохии, утверждающие, что их веками систематически угнетают и преследуют, именно в Сербии, достигли такого уровня развития, что сегодня Приштина вместо Тираны претендует на роль главного создателя Великой Албании.

«Историческое Косово» в платформе Академии наук Албании по албанскому вопросу

Великодержавный проект *Великой Албании* под лозунгом «все албанцы в одном государстве», то есть в «естественной» и «этнической» Албании, ставит под вопрос существующие международно признанные границы, подрывает стабильность во всей Юго-Восточной Европе и грозит новой третьей балканской войной. Ещё больший анахронизм представляет собой стремление создать любой ценой этнически чистую Великую Албанию. В последнее время защищается «интеграция албанских регионов» в форме федерации, которая якобы не ставила бы под вопрос государственные границы, но функционировала бы как одно экономическое, культурное и транспортное целое.

К политическим проектам Великой Албании конца XIX — начала XX века присоединяется масштабное движение в Европе и мире в последние несколько десятилетий. Дробление югославского государства возродило многие устаревшие политические проекты. То, что раньше поддерживалось более или менее тайно, сейчас стало публичным в силу сложившейся международной ситуации. Об этом свидетельствует и Платформа

¹ Jens Reuter. Das Kosovo Problemim. Kontext der jugoslawischalbanischen Beziehungen, Albanienim Umbruch. München, 1990. S. 88.

² Богумил Храбак. Ширење арбанашких сточара по равницама и словенски ратари средњовековне Албаније: Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград, 1991. С. 115.

по решению албанского национального вопроса, утвержденная в Академии наук Албании в Тиране 20 октября 1998 года. Албанские академики в предисловии отталкиваются от неправдоподобных сказаний об албанцах как о «тысячелетнем населении [...] в Косово с территориальным целым, с рядом вековых городов, с древней культурой», и, конечно же, они делают необъективные и предвзятые с политической точки зрения выводы: «В последнее время мятежи в Косово приняли драматические масштабы из-за террора сербской полиции. Упорность, с которой Белград не признает за косовскими албанцами общие права, привела к риску возгорания конфликта вне ее границ — на Балканском полуострове, а может, и шире». Албанская академия не поддерживает предложения об автономии Косово и Метохии в границах Сербии или в границах СР Югославии, но выступает за «решение национального вопроса в целом». Албанцы стремятся свои территориальные претензии обосновать на паниллиризме, представляя себя в качестве «потомков древних иллиров», и таким образом прежние области, населенные иллирами, должны войти в состав Великой Албании. Другой великий обман касается конструирования исторического Косова и придания османскому Косовскому вилайету характера якобы албанского вилайета. Историческая правда в другом. Во-первых, этот вилайет был впервые основан в 1877 году во время крупных политических перемен — Великого восточного кризиса 1875—1878 годов и австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины. Это был один из десяти вилайетов — административных единиц Османской империи.

Албанцы утверждали, что столица призрачного «исторического Косово» должна находиться в Скопье. В Платформе Албанской академии наук говорится: «Географическое пространство Косовского вилайета было в основном населено албанскими жителями, и поэтому не должны удивлять совпадения с античной провинцией Дарданием, с центром в Скопье». Первоначально центр вилайета находился в Приштине, откуда в 1886 году был перенесен в Скопье. Однако даже австро-венгерские исследователи, как правило, занимающие пристрастные позиции в пользу албанцев, не находят в начале XX века в Косовском вилайете албанское большинство. Карл Пойкер на своей карте Македонии, Старой Сербии и Албании, впервые опубликованной в Вене в начале XX века, установил, что большинство населения в Косовском вилайете составляют славяне («сербь и болгарь»). Из 980 000 жителей, по словам Пойкера, 447 000 были славяне — православные и мусульмане, 430 000 — албанцы-мусульмане и небольшая часть — христиане, затем турки — 90 000, цыгане-мусульмане — 10 000, евреи — 2000 и прочие¹. Албанские академики даже говорят об «оккупации Косово» сербским государством в конце XII века, хотя в то время в Косово проживал сербский народ в рамках Византийской империи. Позже в тексте постоянно повторяется, что Белград «аннексировал» Косово в

¹ Makedonien, Altserbien und Albanien I : 864.000, Bearbeitet von Dr. Karl Peucker, IV Auflage. Wien, 1912.

1912 году и Сербия, «ведомая территориальными претензиями», обвиняется в разжигании Первой мировой войны.

Вопреки всем известным данным о демографическом взрыве албанского меньшинства в Сербии и постоянном сокращении численности сербского населения в Косово и Метохии, Албанская академия наук повторяет фразу о «политике этнической чистки» албанцев агрессивными сербскими националистами: «Настойчивое продолжение политики этнических чисток еще глубже толкает Сербию в безвыходную авантюру, в которую она втянулась в 1913 году. Короче говоря, Сербия может освободиться от гангрены, называемой Косово, только если с этой территории отзовет свои силы». Абсурд такого толкования демографических процессов и демографической экспансии албанцев в Косово и Метохии достиг кульминации в следующем предложении: «Вопреки массовому переселению под принуждением Белграда, их число постоянно росло»¹. Утверждая, что Республика Сербия «потеряла право, на основании которого она оправдывала свой суверенитет над Краем Косово», Албанская академия наук в октябре 1998 года делает вывод (более чем за пять месяцев до агрессии НАТО на Сербию и Югославию), что «единственным возможным решением [...] является быстрое вмешательство международных факторов с целью заставить Белград признать Республику Косово вне границ Сербии, оставляя ее народу право установить статус республики»².

Великоалбанские амбиции Албанской академии наук, представленные в этой Платформе, в разработке которой участвовали также албанцы из Косово и Метохии, нашли отражение в конструировании так называемого исторического Косово. Этот термин сам по себе нигде ранее не использовался ни в литературе, ни в каких-либо источниках, кроме как в пропагандистских публикациях в последние несколько лет. Косово — это, прежде всего, географическое понятие, столетиями обозначавшее низменность вдоль рек Ситница и Лаб. Это название начинает распространяться в конце XIX века посредством османского административного названия Косовского вилайета, хотя и тогда в каждой ситуации ясно разделялись две области: Косово и Метохия. Навязывание названия Косово для области Метохии введено в 1968 году, когда двучленное название Автономный край Косово и Метохия заменили названием Косово. Сербский ученый Сима Чиркович в середине 80-х годов XX столетия указал, что «на картах, отпечатанных в Албании в качестве пропагандистского материала, название Косово употребляется в более широком контексте и охватывает части территории Черногории и Македонии, на которых проживает албанское население»³. Конструирование исторического Косово выглядит следующим образом: наряду с так называемым «ядром Косово» (то есть современных Косово и Метохии) выдуманы и новые понятия — «восточное Косо-

¹ Platforme per gjidhien e ceshtjes kombetare shqiptare. Tirane, 1998. S. 41–42.

² Там же. С. 43.

³ Сима М. Ђирковић. Косово и Метохија у средњем веку. Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989. С. 23 (напомена 6).

во» (Буяновац, Прешево и Медведжа), «южное Косово» (область Скопья, Тетово, Гостивар, Кичево и Куманово в современной Республике Македонии, включая окрестности Дебра и Струги) и «северо-западное Косово» (Плав, Гусинье и Рожае в Черногории). Это действительно редкий пример бессовестных историографических подделок и манипуляций¹.

ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ВЕЛИКОАЛБАНСКОГО ШОВИНИЗМА: Старая Сербия глазами Ноэля Малкольма

Практически те же идеи в том же году представляет британский историк Ноэль Малкольм в книге «Косово. Краткая история». Ноэль Малкольм написал книгу для политических нужд, или, как он сам пишет: «для практических нужд английских читателей»².

В книге он хотел доказать, что Косово и Метохия являются албанской землей и что должны таковыми и остаться. Все приспособлено к нуждам сегодняшнего дня, даже в главах, касающихся раннего Средневековья или османского периода. Его методологический подход, исходные данные, использование географических или исторических названий или понятий, использование источников, и, наконец, сама интерпретация, имели целью доказать его заблаговременно заданный тезис³.

Главный просчет этой книги — в методе использования источников и толкования событий: из исторических архивов автор берет только то, что подтверждает его тезис. Например, он цитирует практически все работы Эдит Дарэм, но не цитирует ее первую серьезную работу «По сербским землям», в которой она описывает Метохию. Косово и Метохию Ноэль Малкольм не рассматривает в рамках истории Сербии или истории сер-

¹ *Platforme...* S. 23.

² Noel Malcolm. *Kosovo. A Short History*. Macmillan. London, 1998. P. XI.

³ Для широкой публики в книге содержится целый ряд формальных критериев якобы основательности и учености. Сноски весьма объемны и занимают 73 страницы. Рукописные документы он использовал, как это представлено в книге, из 15 архивов и научных центров, включая Архив министерства иностранных дел Франции в Париже, Архив Конгрегации пропаганды веры в Риме, Ватиканский секретный архив, Государственный и Военный архив в Вене, Национальный архив в Вашингтоне, архив в Лондоне (Public Record Office), а также рукописные фонды библиотек в Ватикане, Париже, Венеции, Оксфорде, Болонье вплоть до Школы ориентальных и африканских исследований в Лондоне. Библиография используемых работ составляет свыше 870 единиц, причем на английском, немецком, французском, итальянском, турецком, сербском, албанском, македонском, русском, болгарском и румынском языках. Много библиографических единиц на сербском и албанском языках. Совокупная концепция проиллюстрирована историческими картами, подтверждающими главную идею автора.

Для человека, который по образованию не является ни славистом, ни балканистом и который за 4–5 лет до того никогда не занимался темой Балкан, выглядит неубедительным, и даже физически сложно выполнимым то, что он за 2–3 года смог обработать такой объем разных архивных документов на многих языках и обратиться к литературе на 11 европейских языках, причем абсолютно разнородных.

бов, но в рамках истории «албанских земель». На протяжении всей книги «Косово» как термин, который он использует исключительно для области Косово и Метохии, он толкует как с незапамятных времен отдельную историческую, политическую, культурную и даже географическую идентичность, не связанную с Сербией и историей сербов. Малкольм в этом не одинок, этот тип фальсификации истории присутствует в работах многих авторов в последние двадцать лет. В Загребе в 2006 году был опубликован атлас «Повијесна географија Косова» («Историческая география Косово»), в котором проглядываются попытки сконструировать особую историко-географическую идентичность Косово¹. Ноэль Малкольм в своей работе использует тезисы «сербские националисты» и «сербские мифы», пытаясь представить эту область как «трагический захват сербских завоевателей». Уже во введении автор отвергает, как он сам говорит, «конфузное использование термина Косово и Метохия». По аналогии с уже привычными названиями «хорватские сербы», «боснийские сербы» Малкольм с удовольствием использует название «косовские сербы». Косовские албанцы для него «косовары» и являются частью албанского народа, а «косовские сербы» обозначены этим региональным названием и изолированы от Сербии.

Вступительная часть книги Малкольма, с одной стороны, раскрывает его недвусмысленно односторонний и, несомненно, ясный политический подход, а с другой стороны, его полное непонимание истории Балкан и его дилетантское упрощение сложных исторических процессов и проблем. Он пишет, что в истории этого региона никогда не было этнических войн, что Косово и Метохия — это области, в которых имеют место «самые страшные злоупотребления в области прав человека во всей Европе», и что за современные события в ответе прежде всего политические лидеры². В отличие от многих известных историков, говорящих о важной роли религиозного фактора в истории, Малкольм считает, что религия не имеет никакого значения для албанцев, но зато играет важную роль в формировании сербских позиций. Религия, пишет он, «не играет почти никакой роли в политической мобилизации албанцев», а также «не существует исламского политического движения среди албанцев». Достаточно лишь прочитать положения Устава 1878 года Албанской лиги в Призрене или отследить вплоть до нынешнего дня, пусть даже поверхностно, связи албанцев-мусульман с радикальными исламскими политическими движениями, включая обучение в известных религиозных центрах, чтобы прийти к выводу, что Малкольм или не знаком с ситуацией, или намеренно умалчивает факты. Хорватский историк Бернард Стули, как уже было сказано в этой книге, подчеркивает именно панисламистский характер Лиги: в каждой из 16 статей Устава политическими субъектами Лиги являются мусульмане; они опираются на «возвышенные религиозные законы (Шариат)», говоря о нужности Сою-

¹ Mirela Slukan Aličić. *Povijesna geografija Kosova*. Zagreb, 2006. С. 159. Рецензентами книги были: Ненад Моачанин, Драго Роксандич, Сима Чиркович и Зеф Мирдита.

² Там же. С. XXVII.

за с «представителями той же веры на Балканах», а в 16-й статье выход из Союза рассматривается как отступничество от ислама¹. То, что речь здесь идет о предвзятости, не видящей факты, показывает и его заявление, что в отличие от албанцев, православные сербы «постоянно используют религиозную риторику, оправдывая защиту «святых» сербских интересов», что, по его мнению, представляет пример манипулирования религией «в идеологических целях»². Албанцы, по его словам, не только проявляют терпимость, но и охраняют православные религиозные места.

Отношения между сербами и албанцами Малкольм в основном рассматривает в рамках Косово, стараясь через призму религии «оторвать» как можно больше сербов от какой-либо связи с остальными сербами. Малкольм, говоря о процессах, возникающих после начала массового переселения арбанасов в Старую Сербию с конца XVII века (Слава /празднование дня семейного святого/ у арбанасов, поход в лес за бадняком — рождественским деревом), Малкольм прибегает к общим социологическим определениям проблемы, таким как «этно-лингвистические ассимиляции в обоих направлениях» и «народный религиозный синкретизм на Балканах». «У Славы, — пишет он, — дохристианское происхождение, она была популярна среди католиков и мусульман в северной Албании и среди католиков в Далматии, Боснии и Славонии»³. Конечно же, ему не приходило в голову, что это могли быть сербы, обращенные в ислам или в католическую веру. Чтобы углубить региональное измерение сербской многовековой жизни в Старой Сербии и чтобы минимизировать размеры исламизации и обращения сербов в арнаулы, Малкольм даже утверждает, что в Косово и Метохии между сербами и албанцами «в течение многих веков» не было ясного этнического разграничения. Сербским колонистам в 20-х годах этого столетия, пишет он, «местные сербы» «казались чужими», также как казались «чужими» и албанцы»⁴.

Сербы и албанцы, пишет Малкольм, боролись «в качестве союзников» в битве на Косовом поле в 1389 году, и вместе в конце XVII столетия восстали («и даже албанцы мусульмане»), чтобы «свергнуть османское владычество»⁵. Прежде всего известно, что с конца XVII века до 1912 года развивается борьба между христианской Европой и Оттоманской Портой в качестве проводника исламского духа в Европе, причем духа воинственного ислама Османов. С момента осады Вены в 1683 году и до 1912 года эта борьба была продолжительной и кровавой, а главными ее жертвами были христианские народы Балкан — прежде всего сербы, греки и болгары. Нигде эти столкновения европейского христианского мира, с одной, и османско-исламского, с другой стороны, не проявлялись так остро, как в Старой Сербии, а особенно в Косово и Метохии. Среди авторов, которые

¹ Bernard Stulli. Albansko pitanje (1875–1878). Rad JAZU, knj. 318. Zagreb, 1959. S. 323.

² N. Malcolm. Указ. соч. С. XVIII.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. XXIX.

⁵ Там же. С. XIX.

занимались этой темой, нужно упомянуть и государственного секретаря США Генри Киссинджера, в 90-е годы многократно повторявшего, что на этом относительно небольшом пространстве самым ясным образом выражено столкновение двух упомянутых цивилизационных и общественных моделей. Вместо более-менее серьезного анализа Малкольм делает самоуверенный вывод: «То, что действительно толкнуло православных сербов и албанцев-мусульман в главный и систематический конфликт — это политизация данного вопроса в XIX веке, возникшая через рост и экспансию славянских христианских государств на Балканах». В действительности, с самого начала, пишет Малкольм, «завоеванием» Косово и Метохии в 1912 году Сербией и Черногорией были созданы недружелюбие и ненависть «в такой мере, в какой этот регион никогда до того не видел»¹.

Малкольм спорит с аргументами, представленными в меморандуме сербского Правительства начала 1913 года. Он пытается оспаривать цивилизационные, исторические и этнические аргументы, сделав при этом, наряду с ошибочной интерпретацией, и ряд фактографических ошибок: начиная с того, что у Сербской Патриархии не было непрерывной истории, и вплоть до принятия утверждения албанской историографии, что Великое переселение в большей своей части «сказочное», то есть «вымышленное». Особенно бросается в глаза утверждение Малкольма о том, что Косово в течение нескольких столетий не являлось частью Сербии, «потому что Сербия не существовала». Если бы он посмотрел любую европейскую карту XVII–XVIII веков, например карту итальянского гуманиста и картографа Джакомо Кантелли да Виньолы, опубликованную в 1689 году в Риме под названием *Il Regno della Serbia detta altrimenti Rascia*, он бы увидел, что Косово и Метохия находятся в самом центре Сербии и что южные границы Сербии обозначены на реке Дрин в современной Северной Албании². В отчетах римских миссионеров XVII века, как мы уже упоминали, о Призрене говорится как о «главном городе Сербии» и «самом красивом месте в Сербии». Петр Масарек в своем докладе 1633 года упоминает, что многие сербы проживают на территориях епархий Шкодер, Леши и Задрим в Албании³.

Говоря о гонениях на мусульман, Малкольм не упоминает ни Австрию, ни Венгрию, ни Венецию, ни польскую армию, но видит лишь сербскую армию и ее преступления. Известно, что Турция в первые десятилетия и в середине XIX века под давлением Великих сил приступила к внутренним реформам, которые должны были облегчить положение христиан. Самые упорные противники этих реформ были боснийские и албанские беги, в сопротивлении которых Малкольм видит выражение национальных осознанно освободительных и государствообразующих стремлений. Когда му-

¹ N. Malcolm. Указ. соч. С. XXIX–XXX.

² *Il Regno della Serbia detta altrimenti Rascia descritta da Giacomo Cantelli da Vignola.*—Roma, Gio. Giacomo de Rossi, 1689.

³ Цит. по: Задужбине Косова — споменици и знамења српског народа. Призрен-Београд, 1987. С. 607–609.

сультане, например, бегут из Боснии и Герцеговины после австрийской оккупации, в этом случае речь идет не об изгнании муджахиров, а о том, что «они сами переселяются, так как не могут более выносить правление неверников». А когда они убегают с территорий, освобожденных Сербией в 1878 году, речь идет исключительно об «этнической чистке», при этом «сербская государственная политика заключается в создании этнически чистой территории»¹. С другой стороны, изгнание сербов в Центральную Сербию и этническую чистку в Старой Сербии Малкольм объясняет с иных позиций. В этом случае он использует фразы «местная вражда», «общий застой» и «плохая администрация вилайета», а также «привлекательность жизни в освобожденной Сербии». Когда речь идет о судьбе сербов Малкольм говорит о «миграции». Когда речь идет об албанцах, он использует термин «искоренение». Приведем пример того, как он толкует этническую чистку в Старой Сербии: «Изгнание сербов не являлось частью государственной османской политики. И поэтому нельзя провести параллель между причинами миграции сербов и искоренения албанцев в Сербии»². Данные о том, что общее число изгнанных сербов с 1876 по 1912 год составляет 150 000, которые представляет Нико Жупанич и другие, Малкольм считает преувеличенными, но избегает упомянуть утверждение известного ученого Константина Иречека в Венском университете в 1913 году³. Хотя в используемой литературе он упоминает многочисленные совершенно маргинальные работы, следуя своей позиции: не упоминать ничего, что не подкрепляет его тезис, Малкольм не упоминает книгу «Плач Старе Србије», опубликованную в Земуне в 1864 году и посвященную английскому защитнику христиан Вильему Дентону. Так же не упоминаются дипломатические документы о преступлениях арбанасов в Старой Сербии в 1898–1899 годах, опубликованные Министерством иностранных дел Королевства Сербии⁴. Странно, что он не упоминает английскую дипломатическую документацию, опубликованную в Лондоне в 1904 году. В книге о Македонии, написанной Х.Н. Браислфордом в 1905 году, записано, что албанцы по отношению к славянскому миру «проявляют полуфеодалный терроризм»⁵. Это лишь некоторые из очевидных примеров обхода Малкольмом исторических фактов, не подтверждающих его тезис.

Представление Малкольмом этнической и религиозной структуры населения Косово и Метохии выглядит еще радикальнее. В одном месте он утверждает, что в 1830-х годах на территории «западного Косово», а именно в Метохии, соотношение мусульман и христиан составляло 58:42 %.

¹ N. Malcolm. Kosovo. A Short History. P. 229.

² Там же. С. 229–239.

³ Dr Konstantin Jirecek. Albanien in der Vergangenheit (in) Illirisch. Albanische Forschungen, Zusammenge stellt von Dr Ludwig von Thalloczy, I. Band. München und Leipzig, 1916.

⁴ Dokuments diplomatiques. Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille Serbie (Vilayet de Kosovo) 1898–1899, Ministère des affaires étrangères. Belgrade MDCCCXCIX, 1–145.

⁵ H. N. Brailsford. Macedonia. Its Races and their Future. New York, 1971. P. 90, 274–277.

Когда ему это удобно, он использует обобщенные данные и избегает приводить точные данные, взятые из исторических источников. Ещё более показателен пример того, как Малкольм использует источники из книги «Детальное описание Плевальского санджака и Косовского вилайета» («Подробное описание Плевальского санджака и Косовского вилайета»), опубликованной в Вене в 1899 году. Цитируя эту работу, он пишет, что в соответствии с австрийскими данными «область Косово» (с прилегающими областями, такими как Люма) в 90-е годы XIX столетия насчитывает 72 % мусульман и 28 % немусульман. «Можно предположить, — пишет он, — что большинство немусульман — это сербы»¹. Нужно обратиться к страницам 80–81 этой книги, чтобы увидеть то, что Малкольм не упомянул. Во первых, в австро-венгерской статистике содержатся очень точные графы: «сербы — православные, католики, мусульмане» и «албанцы — католики, мусульмане». Во вторых, если мы хотим увидеть структуру населения Косово и Метохии, не нужно суммировать данные по соседним казам — Гостивар, Тетово, Люма, Рожае и Беран. Если будем учитывать только область Косово и Метохию, то есть казы Приштинского, Печского и Призренского санджака, а это означает казы — Митровица, Вучитрн, Приштина, Гниланы, Прешево, Печ, Джаковица и Призрен, включая нахию Раховце, в этом случае статистические показатели выглядели бы следующим образом: сербов — православных, мусульман и католиков — 166 700 и албанцев — мусульман и католиков — 182 650 жителей. В процентах это выглядит следующим образом: 43,70 % сербы, 47,88 % албанцы, а оставшиеся 8,42 % — православные арумыны, османы, черкесы, цыгане и небольшое число евреев. Из этого можно сделать вывод, что книга Малкольма больше похожа на политический меморандум, почти совпадающий с куда более кратким меморандумом Албанской академии наук, или на реферат по албанскому вопросу для международной конференции, созванной ради решения так называемого «албанского вопроса», а в сущности, для обоснования справедливости создания Великой Албании.

¹ Noel Malcolm. С. 194.

Глава XIX

ЭТНИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ

В последние несколько десятилетий приобрела новый импульс дискуссия о происхождении населения Балкан. Обновляются некоторые старые теории, которые не основываются на надежных источниках. Старая Сербия в течение XIX–XX веков была площадкой крупных исторических, этнических и демографических перемен. Причины тому имеют преимущественно политическую природу (разные виды насилия на религиозной и этнической основе, отдельные или массовые преступления, военные события), но не нужно забывать экономические и социальные причины. Изменения наступили сразу после османских завоеваний во второй половине XV века, но самые крупные перемены в этнической и религиозной структуре населения пришлось на период великих турецко-австрийских войн в конце XVII века и в первые десятилетия XVIII века, то есть после двух масштабных переселений православных сербов в 1660 и 1737 годах под предводительством сербских патриархов Арсения III Чарноевича и Арсения IV Йовановича. В период Средневековья, а также в первые два столетия под османской властью, Старая Сербия обладала мощной демографической силой сербского народа. Османская перепись населения в области Бранковича в 1455 году (большая часть Косово, без Метохии, части территории Рашки, Топлицы и Южной Моравы) показывает «численное превосходство сербов в этническом составе населения» и очень небольшой процент других народов. Влахов было 0,28 %, албанцев – 0,21 %, болгар – 0,09 % и только 3 грека и один хорват¹. Национальная принадлежность не была определена в случае 16 811 человек.

В течение XVI – XVII веков сербы в Старой Сербии подвергались насилиям и террору турецких властей, особенно страдали их святыни (церкви и монастыри). Призрен в отчетах миссионеров Римской курии упоминается как «главный город Сербии» (епископ Бенлич, 1650 год) и «самое красивое место в Сербии» (архиепископ Бара Джордже Бьянки в 1637–1638 годах)². В Константинополе в 1614 году был убит Печский патриарх Йован из-за подготовки великого сербского и христианского восстания против ту-

¹ Мирослав Рашевић. Демографске прилике и становništvo. Насеља и становništvo области Бранковића 1455. године. САНУ, Београд, 2001. SC. 451–452.

² Ј. Радонић. Римска курија и јужнословенске земље. С. 99–100, 233.

рок. Боснийский беглербег Мустафа-паша Орлович в 1619 году превратил в крепость известный монастырь Баньска, наследие короля Милутина, а одну из королевских церквей — в мечеть, носившую в XVIII веке имя султана Османа II (1618—1622)¹. В середине XVIII века Богорица Левишская, восхитительное наследие короля Милутина в Призрене, была также превращена в мечеть (мечеть Джума). Строительство мечети на месте разрушенных церквей происходило еще чаще. После двухлетнего пребывания в России Печский патриарх был арестован и утоплен в Брусе в 1659 году. Но это не повлияло на перемещение населения Сербии, то есть Старой Сербии. Сербское население в Рожаче и Штавице (Тутине), к примеру, в XVII веке было в большинстве своем православным². Начиная с конца XVII века, с ослаблением мощи Османской империи и центральной власти, анархия и беззаконие обретали силу, особенно в Старой Сербии, в которой всё меньше и меньше чувствовалась власть Порты.

От этого безвластия больше всего пострадала Сербская Церковь, особенно имения, принадлежавшие Патриархии, и имущество других монастырей и церквей. Отмена Печской патриархии в 1766 году будет иметь далеко идущие последствия для будущего сербского народа в целом, а особенно в Старой Сербии. Во время войн христианских государств, прежде всего России в 1768—1774 годах, а затем Австрии и России в 1788—1791 годах против Турции, постоянно ухудшалось положение христианского населения в османских провинциях. Переселенные албанцы особо усердствовали в этих насилиях. После первого сербского восстания и формирования автономного Княжества Сербии, переселения, переходы через границу и исходы из Старой Сербии в Центральную Сербию становились более частыми и массовыми. Первая волна началась во время сербского восстания, затем продолжилась во время сербско-турецких войн в 1875—1878 годах. С 1878 по 1912 год насилия и преступления по отношению к сербам становятся ежедневными, прежде всего в Косово и Метохии, а организованную форму массовой этнической чистки православных сербов из средоточия Старой Сербии проблема обрела, начиная с 1941 года и по сей день.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ОБЛАСТИ РАШКА

О населении Рашки, то есть бывшего османского Новопазарского санджака за период XIX — начала XX века нет точных данных, как с точки зрения численности, так и с точки зрения религиозной и этнической структуры. Первая официальная перепись в Боснийском вилайете была проведена в 1851 году во время правления Омер-паши Латаса и фиксировала

¹ Косово и Метохија у српској историји. Група аутора. Београд, 1989. С. 119—120.

² Димитрије Богдановић. Књига о Косову. Београд, 1990. С. 118.

данные по числу домов и мужчин. В 60-е годы XIX века австро-венгерские офицеры для составления своих планов по Боснии и Герцеговине собирали сведения о населении Боснийского вилайета. Майор генерального штаба Йохан Роскиевич, служивший в австрийском консульстве в Сараево, опубликовал в 1865 году в Военно-географическом институте в Вене карту «Bosnien, die Herzegovina und Rascien» («Босния, Герцеговина и Рашка»), на которой он представил данные об административном разделении, численности и религиозной структуре населения. Рашка, то есть округ (санджак) Нови Пазар с центром в Сеннице «Rascien, Kreis Novibazar mit dem Amtssitze zu Sjenica» делится на казы — Нови Пазар, Митровица, Нова Варош, Бихор, Трговиште, Таслиджа, Приполе, Колашин, Гусинье и Васоевичи. Область населяло 125 000 жителей, из которых православных было 100 000, мусульман — 23 000, цыган — 1800 и евреев — 200¹. Эти данные являются результатом его исследований в течение 1863 и 1864 годов. Густав фон Темел, австрийский офицер и дипломат, опубликовал в 1867 году работу о Боснийском вилайете с данными о религиозной структуре населения по санджакам. В Новопазарском санджаке, то есть в Рашке, по словам Темела, проживало: 61 150 мусульман, 79 948 православных («эллино-ориентальных») христиан, 807 цыган и 95 евреев («израильтян»)². В соответствии с турецкой переписью населения, проведенной в 1865 году, религиозная структура Новопазарского санджака выглядела следующим образом³:

Казы	Православных		Мусульман	
	Домов или семей	мужчин	Домов или семей	мужчин
Нови Пазар	843	5614	1910	6124
Митровица	391	1410	372	1527
Гусинье	472	2219	295	897
Беране (Васојевићи)	694	3760	112	420
Трговиште	702	3972	1581	7118

¹ Johan Roskiewicz. Studien über Bosnien und die Herzegovina. Leipzig und Wien, 1868. S. 424. В приложении карта: Bosnien, die Herzegovina und Rascien са подацима о окрузима (санџацима), казама и верској структури становништва.

² Gustav von Thoenel. Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien, das ist das eigentliche Bosnien nebst türkisch Croatien, der Herzegovina und Rascien. Wien, 1867. S. 76–77.

³ Статистички подаци о Босни, Херцеговини и једном крају Старе Србије, позваницим турским изворима. Гласник Српског ученог друштва, књ. III. Београд, 1866. С. 225. Можно предположить, что в данных, приведенных в источнике, число мусульманских домов в Новопазарской казе увеличено на 1000, так как не соответствует численности мужчин, или допущена опечатка.

Окончание таблицы

Казы	Православных		Мусульман	
	Домов или семей	мужчин	Домов или семей	мужчин
Бихор	775	4018	1394	5713
Приполе	883	5590	514	1594
Таслиджа	1073	6713	792	2935
Колашин	634	2906	915	2663
Сенница	459	2895	495	2114
Нова Варош	1562	8906	341	1924
Итого	8487	48003	8721	33389

Со времени Берлинского конгресса до освобождения в 1912 году произошли большие перемены в религиозной структуре населения Рашки. Выселение сербов с территории Рашки в Княжество Сербию было особенно выражено с 1837 по 1844 год, затем с 1850 по 1870 год и во время восстания и сербско-турецких войн 1875–1878 годов. После Великого восточного кризиса произошло увеличение численности мусульман путем их переселения из Никшича, Колашина и соседних областей, а также из Боснии и Герцеговины после австро-венгерской оккупации. Однако на этот счет нет надежных статистических данных. Преобладают более или менее надежные оценки, представленные Теодором Ипенем в 1892 году, Гастоном Гравье и Иваном Косанчицем в 1912 году¹. Так, например, в соответствии с турецкой переписью населения в 1865 году, численность православных в Колашинской казе преобладала по отношению к численности мусульман. По данным Ипена, в 1892 году было 7732 мусульман и 4042 православных, а в соответствии с турецкой переписью населения 1911 года — 10 187 православных и 3724 мусульман. В Сенницкой казе в 1865 году было 2895 православных мужчин и 2114 мусульман, по информации Ипена в 1892 году — 13 158 мусульман и 7952 — православных, а в соответствии с турецкой переписью населения 1911 года — было 20 181 мусульман и 10 117 православных. В соответствии с турецкой переписью населения в 1911 году в Новопазарской казе было 25 826 мусульман и 18 967 православных². Косанчич представил только число православных сербских домов по санджакам и казам: в Плевальском санджаке было 3400 православных домов, в Сенницком — 2564, в Новопазарской казе Приштинского санджака 1536 православных домов, в Беранской казе было 1501, а в Рожайской — 194 православных домов. Обе эти казы принадлежали к Печскому санджаку³.

¹ [Theodor Ipsen]. Novibazar und Kosovo. Das Alte Rascien. Wien, 1892. S. 10–11; Гастон Гравье. Новопазарски санџак. Нови Пазар, 1977. С. 16–17; Иван Косанчић. Новопазарски санџак и његов етнички проблем. Београд, 1912. С. 16–18.

² Г. Гравје. Указ. соч. С. 16–17.

³ И. Косанчић. Указ. соч. С. 16–18.

Власти Сербии в 1913 году провели первую перепись населения во вновь освобожденных областях. Начальники округов были обязаны подавать подробные отчеты по своим округам верховному командованию в Скопье. В Плевальском округе (город Плевля с уездами Плевальский, Приепольский и Новаварошки) было 9578 домов и 62 549 человек, из них православных — 34 622 и мусульман 27 921¹. Новопазарский округ был разделен на три уезда: Новопазарский, Митровицкий и Сенницкий. В Новопазарском уезде было 19 227 мусульман и 15 917 православных жителей, в Сенницком — 20 024 мусульман и 10 060 православных, в Митровицком уезде — 12 866 мусульман и 10 613 православных. В Городе Нови Пазар было 12 028 мусульман и 1153 православных жителей. В Нови Пазаре проживало 252 еврея, а в Митровице — 56 евреев и 38 католиков². Конечно же, и правительство Черногории провело перепись населения своих освобожденных областей.

Австро-венгерские оккупационные власти в рамках Военного генерал-губернаторства Сербия провели перепись населения в 1916 и 1917 годах. К «южным округам», имевшим особую администрацию, причислялись Митровицкий, Новопазарский и Приепольский округа. Эти три округа, в соответствии с переписью 1916 года, всего имели 155 484, а в 1917 году — 162 909 жителей. Исследование под заголовком «Отчет о национальной и религиозной структуре сербского населения» («Bericht über nationale und konfessionelle Gliederung des serbischen Bevölkerung») содержит данные о населении всех округов Военного генерал-губернаторства Сербия, а также о религиозной структуре этих областей. Представляем из этого документа таблицу национальной структуры населения по переписи 1917 года по трем «южным округам»³.

Округ	сербы	албанцы	турки	прочие
	хришћ. мохамед.	мохамед. хришћ.	мохамед.	свих конф.
Митровица	27,15 0,12	68,35 0,16	3,85	0,37
Нови Пазар	42,19 54,85	1,19 0,02	1,42	0,33
Приеполе	55,68 44,26	— —	—	0,06
Итого	40,70 34,39	22,71 0,05	1,38	0,27

¹ Архив Србије, ф. Врховна команда, 1913, ПФХV, р. 41/913. Извештај начелника Плевальског округа Милорада Јовановића Штабу Врховне команде, Плевља, 30. април 1913.

² АС, ф. Врховна команда, ПФХV, р. 41/913, Извештај начелника Новопазарског округа Миливоја Ј. Петровића Врховној команди у Скопљу. Нови Пазар, 18. маја 1913. године.

³ АС, Војногенерални гувернман Србија, XX/102, Bericht über nationale und konfessionale Gliederung des serbischen Bevölkerung. На документу одсутствује дата, он отпечатан на машинке на немечком језику. Рядом с заголовком записано, што је прилозије к извештају документу № 51 от 14 јула 1918 года. В другом австро-венгерском документе говориться, што на Пештере существује 13 деревень, жители которых говорят на албанском языке.

Кажется вполне естественным, что австро-венгерские власти говорят только о сербах православного и мусульманского вероисповедания. Этнолог Петр Влахович в своей блестящей этнографической и антропогеографической работе «Бродарево и његова околина» (Бродарево и окрестности) представил ряд ценных данных. Среди населения Бродарево и его окрестностей, пишет он, «две трети — это сербы, принявшие ислам», перенявшие и многие ориентальные обычаи. Славу — празднование дня семейного святого — многие мусульманские семьи праздновали вплоть до Второй мировой войны. Влахович далее пишет: «Некоторые жители Ровчан и Гояца праздновали практически так же, как и их православные соседи, и однофамильцы, первые — день Святого Луки, а вторые — Святого Николы. У Мамута Ровчанина из Завинограджа была икона, он зажигал свечи и даже звал православных к нему в гости. Этот обычай он поддерживал до Второй мировой войны»¹. Многие мусульманские семьи до Второй мировой войны знали «славу» их предков, до того как они приняли ислам. Например, все переселенцы из Куча праздновали День святителя Николая, а из Дробняка — Юрьев день. Они соблюдали и праздновали вместе с православными великие христианские праздники: Благовещение, Пасху, Юрьев день, Петров день, День святого Прокопия, Равноапостольной Марии Магдалины, Успение Богородицы, Рождество Пресвятой Богородицы и другие праздники. Влахович пишет, что мусульмане заботились о старых сербских кладбищах, и приводит несколько примеров такого отношения. Бейто Крешторац из Слатины говорил, что его дед во время турецкого владычества каждый год посылал «литр» воска в церковь Николяц в Биело Поле; Мустафа Брдар из Единог Бора отправлял в Николяц вплоть до Второй мировой войны по одному сошнику, так как рядом с его домом находилось старое сербское кладбище, а «литр» воска в Николяц до Второй мировой войны посылал и Заир Юкович из Гостуна»².

Королевство сербов, хорватов и словенцев провело первую перепись населения 31 января 1921 года. Религиозная структура, в соответствии с этой переписью по округам, выглядела следующим образом: Плевля (округ Плевля, уезды Болянич и Плевля) — 17 572 православных, 9067 мусульман и 133 римо-католиков; Приполе (округ Приполе и уезды Милешево, Нова Варош и Прибой) — 24 804 православных, 17 456 мусульман и 25 римо-католиков; Биело Поле (округ Биело Поле, уезды Биело Поле и Лозна) — 12 228 православных, 13 919 мусульман и 18 римо-католиков; Бераны (округ Бераны, уезды Бераны, Будимля и Рожай) — 14 993 православных, 8796 мусульман и 70 римо-католиков; Рашка (округ Нови Пазар и уезды Дежева, Сенница, Штавица) — 29 335 православных, 42 930 мусульман и 48 римо-католиков³.

¹ Пеар Влаховић. Бродарево и његова околина. Београд, 1968. С. 154.

² Там же. С. 155–156.

³ Претходни резултати пописа становништва у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца, 31. Јануар 1921. године, II Јужна Србија. Сарајево, 1924. С. 12–19.

Об этнической и демографической ситуации на территории Старой Рашки, как в прошлом, так и сегодня, убедительно говорят многочисленны́е исторические источники и работы не только отечественных, но и маститых зарубежных ученых, а также народная традиция. Большая часть населения этой территории — несомненно, сербского этнического происхождения, но одна его часть в период османского владычества приняла ислам. В основном из этой части населения была конституирована мусульманская нация в коммунистической Югославии, а в новое время США и их союзники по примеру Бенямина Калаа создают «боснийскую нацию» и распространяют ее на территории Сербии, Черногории и БЮР Македонии. Только незначительную часть мусульманского населения на Верхнем Пештере составляют мусульмане албанского происхождения (переселение османами климентов в 1700 году). Лишь у некоторых семей в городах было турецкое или иное происхождение. Католический архиепископ Вичентие Змаевич, которого папа Климент XI в 1704 году назначил апостольским нунцием в Сербии и Албании, предложил в 1707 году Конгрегации пропаганды веры меры по распространению католичества среди арбанасов, особенно в новой миссии на Пештере. Змаевич предлагал, чтобы миссионеры на Пештере, францисканцы, получали зарплату в размере 30 талеров в год и необходимую церковную утварь¹. Согласно одному из отчетов 1708 года, 147 семей климентов в 1707 году вернулись в Верхний Пилот.

Религиозное разделение имело решающее значение для жизни на этой территории. Редкими были люди, которые ставили свою этническую принадлежность к сербской нации выше мусульманской религии². В отличие от европейских и соседних наций, состоявших из представителей одного народа с разной верой, на этом пространстве вероисповедание трагически разделило сербский народ.

О присутствии сербской мусульманской традиции среди мусульманского населения в Рашской области, кроме упомянутых, говорят и исследования Петра Влаховича и Хуссейна Дердемеза, особенно, касающиеся поверий, обычаев и религиозных праздников. Он приводит пример деревни Баре и окрестностей в Сенницком крае и подчеркивает, что «у мусульман существуют поверья, связанные с православными праздниками, такими как Рождество, Савин день, Петров день, День святого Ильи и другие»³. Весьма схожие поверья связаны и с другими религиозными праздниками. Например, в праздник Вознесения Господня «верят, что куст лещины за-

¹ Јован Радонић. Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950. С. 514–515.

² Шукрија Куртовић. О национализовању муслимана. Сарајево, 1914. С. 54; Хасан М. Ребац. Срби муслиманске вере у Босни и Херцеговини (политичка прошлост), Летопис Матице српске, књ. 306 – св. 2. Нови Сад, 1925. С. 109–118; Омер-бег Сулејманпашић-Деспотовић. Српству, природно Јово Бајић. Београд, 2001; Владимир Ћоровић. Муслимани у новијој српској књижевности, Преглед 009–12(1912). Сарајево, 1913; Срби муслиманске вере. Зборник радова, Београд, 1912.

³ Хусеин Дердемез. Веровања и обичаји везани за неке верске празнике у Барама и околини. Новопазарски зборник 8 (1984). С. 191.

щищает от грома. Когда гремит гром и молнии сверкают, кто спрячется под лещиной — находится в безопасности. В это верят и сербы и мусульмане». Также и празднование Дня Петра и Павла абсолютно одинаково среди сербов и мусульман в этих областях»¹. Кроме Мушовича и Дердемеза к схожим выводам пришел и Салих Селимович, а также другие исследователи, изучающие происхождение и обычаи мусульманского населения. Лишь некоторые мусульманские семьи в области Рашка не знают своих сербских корней, а многие знают и своих родственников среди православных сербов. Писатель и критик Исо Калач, родом из Калача вблизи Рожае, считал, что мусульманское население Старой Рашки (так называемого Санджака) практически полностью состоит из сербов исламского вероисповедания. Он приводит пример своей семьи: «Достоверно известно, что мои предки в 1769 году носили фамилию Милачичи, а затем Вук, Илья и Йован поселились в деревню Качале, где и я родился. Вук затем принял ислам и получил имя Салих, Илья стал Алия». Своим заявлением Калач подтверждает исследования Хуссейна Дердемеза, в связи с православными праздниками, подчеркивая, кроме прочего, и празднование Рождества: «В моем доме на Рождество вносили бадняк, толщиной с мою ногу. А мой дядя Шеко вводил оседланного вола через главный вход и выводил через черный. В этот самый важный христианский праздник варили зерна пшеницы»².

О сербском этническом происхождении мусульман говорят и многочисленные зарубежные источники. В объемном исследовании начальника австро-венгерского генерального штаба генерала Бека, составленном по приказу монарха в 1895 году, подробно описывается обстановка в областях Турции, «где Берлинским договором признано влияние Австро-Венгрии» (большая часть Косовского и части Шкодерского и Битольского вилайетов): Пештерево (вероятно Пештер), Приштина, Скопье, Печ, Призрен и Шкодер³. Дано описание всей территории с ее этнической и религиозной структурой. В Новопазарском санджаке кроме «греко-восточных» упоминаются только «сербы-мусульмане» («mohamed Serben»). Австро-Венгрия планировала оккупацию и Верхнего Полимля, рассчитывая на свое влияние на мусульманское и албанское население во всей долине реки Лим. Это могло быть хорошей опорой для дальнейшего продвижения вглубь албанского этнического пространства, а также для установления связей и влияния в Сербии и Черногории. Бенъямин Каллаи был самым видным сторонником этого прорыва. Автономная Албания, которую планировалось основать в ближайшем будущем, должна была быть «полностью зависимой от Австро-Венгрии». Исследование генерала Бека, кроме большей части территории Старой Сербии охватывало и территорию Северной Албании. По его оценке, религиозная и этническая структура населения,

¹ Хусейн Дердемез. Вєровања и обичаји вєзани... С. 196—198.

² Svet, br. 246, god. XII, od 18. IX do 2. X 1991.

³ Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog Sandžaka, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. VI (1970—1971). Sarajevo, 1971. С. 419.

состоящая из 598 000 жителей, выглядела следующим образом: католические албанцы — 69 300; мусульманские албанцы — 264 800; мусульманские сербы — 89 000, восточно-православные сербы — 134 000, болгары — 24 000, прочие (православные, католики, евреи и албанцы) — 15 814¹. Более крупными населенными местами на обозначенной территории были Приштина — 15 000 — 20 000 жителей, Печ — 15 000, Джаковица — 25 000, Шкодер — 29 000 и Призрен — 38 000 жителей. Генерал Бек пишет, что в Сеннице проживает две трети «сербов-мусульман» (остальные — православные) и находится 500 домов («Sjenica, 2/3 mohamed.Serben, 500 Häuser»), Нови Пазар — главный населенный пункт на территории Тара-Ибар и имеет 2000 домов, где «сербы-мусульмане» и православные живут вместе («NoviPazar, Hauptort des Tara-Ibar Gebietes, 2000 Häuser, moham. Serben und greich.orient. Serben gemischt»)².

Это мнение об этнической принадлежности большинства мусульманского населения на территории Рашки разделяет, кроме прочих, и австро-венгерский дипломат Симон Йованович, отличный знаток ситуации на территории Плевальского и Новопазарского, то есть Сенницкого санджака. Йованович сначала был вице-консулом в Белграде в 1885—1897 годах, а затем «гражданским комиссаром» в Плевле с 1901 года. В мемуарно-публицистических заметках «Новопазарски санџак — 1878—1900. године», написанных в Вене в 1907 году, Йованович упоминает, что в этой области проживает сербский народ, разделенный на две религии — христианскую и мусульманскую, число представителей которых «на всей территории прежнего Новопазарского санджака приблизительно одинаково». Австро-венгерский дипломат далее подчеркивает, что «в Санджаке совсем нет албанцев», как считали «во время оккупации, за исключением самых видных представителей албанского племени, поселившихся недавно» в одной из частей Пештерского плоскогорья. Об албанцах и «албанцах-полукровках» на этой территории Йованович пишет: «Это воры, сброд самого низкого пошиба, и Порты им протезирует, чтобы воспрепятствовать любому зарубежному влиянию в Сеннице и Нови Пазаре»³.

Маститый французский филолог и антропогеограф Гастон Гравье объехал всю территорию Новопазарского санджака и написал ценную научную работу «Новопазарский санджак» («Le Sandžak de Novi Pazar», Paris, 1913). Говоря о переселении мусульманского населения, особенно после 1878 года, Гравье делает вывод: «Санджак представлял из себя убежище для большинства мусульман сербской расы, покидавших динарские земли, которые перешли в руки разных христианских государств»⁴. Многие

¹ Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko... С. 420.

² Hamdija Kapidžić. Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje. С. 421—422.

³ Симон Јовановић. Новопазарски санџак 1878—1900. године, III, Новопазарски зборник 9 (1985). С. 127—133.

⁴ Gravier Gaston. Le Sandžak de Novi Pazar, Année Geogr., 22, Paris 1913. Српски превод: Гастон Гравје. Новопазарски санџак. Нови Пазар, 1977. С. 11.

известные слависты и филологи в конце прошлого и начале этого столетия разделяли научные взгляды Гравье и других этнографов и антропологов. Маститый славист Ватрослав Ягич, по происхождению хорват, в обзоре книги о мусульманской народной поэзии в Боснии и Герцеговине говорит, что эти жители «вопреки разной вере, представляют с остальными сербами этническую целостность»¹. Того же мнения был и известный филолог и историк Павел Шафарик², а схожую точку зрения поддерживал и филолог Франя Миклошич. Исследования ученых-мусульман, заявления маститых мусульманских интеллектуалов о том, насколько укоренилась сербская традиция среди мусульманского населения в Полимле, Верхнем Ибре, Бихоре и части Пештера, подтверждают объективность позиций европейских ученых и результаты их работы. В прошедшие два десятилетия ведется усиленная работа над радикальным расторжением всех связей с православными сербами. Мурат Шечерагич, первый зампреда ЗВНОС, в марте 1944 года написал текст «Муслимани некад и сад у Санцаку» («Мусульмане раньше и сегодня в Санджаке», 2 марта 1944 года, Биело Поле), где во вступительной части вкратце указывал на происхождение мусульман. Он пишет, что они в основном «славянской крови», некоторые переселились из Черногории, Албании, Сербии, Боснии и Герцеговины, а «некоторые семьи переехали сюда из Азии и были ремесленниками и государственными служащими». Шечерагич, кроме прочего, пишет: «Мусульмане из Санджака от сербов отличаются лишь по вере и религиозным обычаям, у них общий язык, общая кровь, общая традиция»³.

Объективные научные суждения европейских и отечественных исследователей подтверждают и новейшие исследования Эюпа Мушовича, ученого из Нови Пазара, представленные в книге «Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара» («Этнические процессы и этническая структура жителей Нови Пазара»)⁴. Среди многочисленных данных в качестве иллюстрации приводим происхождение нескольких мусульманских семей из Новопазарского края: Адровичи (Хадровичи), одна из самых многочисленных семей, принявших ислам, Джурашковици от воеводы Джурашковица; Аливодици — это принявшая ислам семья Баняни; Бабачичи в деревне Туцань ведут свое происхождение от сербов Обрадовичей, а в ислам они перешли в 1821 году; Беговичи — самая старая мусульманская семья в области Бихорь — это потомки сербского

¹ V. J. (Vatroslav Jagić). Narodne pjesme muhamedovaca u Bosni i Hercegovini, Sabrao Kosta Hörmann, Knjiga prva, Sarajevo, 1888. Archiv für slavische Philologie, Bd. XI. Berlin, 1888. S. 427.

² Paul Joseph Šafarik. Geschichte der slawischen. Sprache und Literatur. Prag, 1869. S. 23. О настоящем чувстве духовной и этнической принадлежности части мусульманских интеллектуалов, особенно в Герцеговине, красноречиво говорят их патриотические и другие стихи, посвященные, кроме прочего, сербству и сербскому народу. См: Побратимство. Стихи Омер-бега Сулейманпашича — Скопляка, Османа А. Джикича, С.А. Карабеговича. Белград, 1900. С. 135.

³ Архив Србије, Збирка народне власти 1941–1946, ЗВНОС, бр. 12496. Муслимани некад и сад у Санцаку, Бијело Поље 2. март 1944. године.

⁴ Ејуп Мушовић. Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара. Београд, 1979.

дворянина Йована, которого турки звали Йобан-бег; Деличи, Грбовичи и Црновршаны – это потомки трех братьев-сербов; Дураковичи – это принявшие ислам Букумиры из Братоножича; Джукичи – принявшие ислам Джукичи из деревни Полице вблизи Беран (Иванград). Или, к примеру, Бояджичи из окрестностей Биелого Поля до исламизации были Самарджичи и так далее¹. Обращение сербов в ислам, особенно было выражено в XVII веке, но продолжалось и в течение XIX, а в редких случаях и в начале XX века. Обращение в ислам было массовым в областях Потарья и Полимля. В Нижнем Колашине, в области между Лимом и Тарой, проживали сильные и старые сербские братства, принявшие ислам в основном в XVIII – начале XIX в., такие как: Каличи, Мацановичи, Мекичи, Мушовичи, Усовичи и другие. Эюп Мушович цитировал репортаж 1848 года, описывающий ситуацию на Пештере, красочно свидетельствующий о сложных процессах обращения в ислам: «На этих территориях есть и такие дома, где живут два брата, один верует в Христа, а другой – в Мухамеда, один кланяется, а другой крестится. В некоторых домах проживают и по три брата, и все считают себя турками, а отец их – серб, сыновья кланяются, а отец крестится, Байрам все празднуют, отец идет в церковь, а сыновья – в мечеть. В этих областях также можно встретить два брата-турка, в одном доме живут, у одного жена – мусульманка, а у другого – христианка, одну зовут Анна, а другую – Назия»². Австро-венгерский дипломат и албаниолог Теодор Ипен, гражданский комиссар и политический референт в Плевле в 1888–1891 годах, опубликовал в «Гласнику Земальского музея» за 1891 год краткое исследование под заголовком «Рашка», в котором, кроме прочего, описывает и Нижний Колашин. Жители Колашина, пишет он, «фанатичные мусульмане, но, похоже, их набожность не имеет глубоких корней, многие в молодости пьют ракию сверх всякой меры. Часто случается, что мусульмане из Колашина женятся на христианках и не требуют, чтобы они принимали ислам. Так и возникла эта поговорка «Отец мой кланяется, мать крестится, а я в камень превращаюсь»³. Беря пример с австро-венгерской дипломатии Ипен также пытался «боснийскую нацию» распространить по территории Старой Рашки, а кроме прочего и название «босанчица» стал применять для обозначения кириллицы. Однако Карл Пач, хранитель музея в Сараево и управитель австро-венгерского Института исследования Балкан, путешествуя в 1908 году по Боснии (Фоче и окрестностям), узнал, что большая родовая община Ченгичей это графическое письмо (которое он называет «босанчицей») называет Старая Сербия. Подчеркивается, что этим письмом писал и Дед-ага Ченгич, сын Самил-аги Ченгича, затем плевалские «семьи Байрович и Корьенич и несколько мусульманских священников», но также и то, что в Фоче из «оставшихся архивов»

¹ Ејуп Мушовић. Етнички процеси и етничка структура... С. 128–148.

² Цит. по: Э. Мушович. Указ. соч. С. 82.

³ Рашка. Црта од консула Теодора Ипена, Гласник Земальског музеја у Босни и Херцеговини. Књ. II. Сарајево, 1891. С. 153.

можно «понять, что сербы в Фоче и Гацку пользовались этим письмом в сороковых и пятидесятых годах XIX столетия»¹.

Демографическая ситуация в области Рашка менялась в 80-х годах XIX века. Вплоть до 1878 года православные сербы составляли большинство населения на этих территориях². В новопазарском санджаке в конце 1873 года «было 82 081 жителей, христиан 48 329, мусульман – 33 752». Ситуация в значительной мере изменилась после большого прилива мусульманского населения из Боснии и Герцеговины, после австро-венгерской оккупации этих областей и переселения многих выходцев из Никшича и Колашина, присоединения этих территорий к Черногории. Последовало расщепление компактных православных поселений и достаточно массовое переселение сербов в Королевство Сербия. Из-за террора и анархии, проводимых представителями оттоманской власти и местных аг и бегов, а также вследствие выраженного религиозного фанатизма, переселилось несколько десятков тысяч сербов. Вопреки этому в конце XIX века (1898) в Новопазарской казе из 33 079 жителей было 15 179 православных и 19 694 мусульман³. Об этом процессе вытеснения сербов с территории области Рашка и их уходе на территорию Королевства Сербии Эюп Мушович пишет: «Мухаджире больше всего переселялись в те деревни, где сербы представляли большинство, и таким образом эти целостные структуры разбивались, и в итоге стремились ослабить сербский и укрепить мусульманский этнический элемент»⁴.

Чтобы понять демографическую ситуацию в Старой Рашке после освобождения в 1912 году, нужно сказать об отношении сербской армии к мусульманскому населению во время Первой балканской войны. Впоследствии вокруг этого было немало политических спекуляций. Уже упомянутый выше первый зампреда ЗВНОСа Мурат Шечерагич в своей небольшой работе «Муслимани некад и сад у Сандаку» высоко оценивал поведение сербской армии в Первой балканской войне: «В то время сербская армия находилась на высоком уровне, как в военном смысле, так и с точки зрения морали, и была достойна всяческих похвал и восхищения (что сейчас можно сказать о Народно-освободительной армии). Это признала и противоположная сторона, так как турецкая печать высказала ей должное уважение, и, кроме прочего, турецкие газеты писали, что по Санджаку промаршировало 12 000 солдат, как будто прошло 12 000 девушек, и что нигде они не нанесли вреда людям или имуществу, не посягали на религиозные права и честь: напротив, сербская армия во многих областях Македонии и Фракии (в Велесе, Штипе, Кочанах, Царевом Селе, Радовишу, Струмице и Адрианополе) спасала от болгарских насилий и массовой резни». Мушович упоминает, что командующий освободительной арми-

¹ Карло Пач. Из Плевальског сандака, Гласник Земальског музеја у Босни и Херцеговини. Књ. XXI. Сарајево, 1909. С. 119.

² Ејуп Мушовић. Исламски споменици Новог Пазара. Новопазарски зборник 9 (1985, 96).

³ Вукоман Шалипуровић. Раоничка буна. Књ. II. Прибој, 1970, 8.

⁴ Ејуп Мушовић. Никшићани и Колашинци у Сандаку. Новопазарски зборник 7 (1983, 96).

ей, наступавшей в направлении Нови Пазара, генерал Михаило Живкович отпустил арестованных башибузуков (нерегулярная армия) на свободу и отправил их в Рогозну, вернуть убежавшее мусульманское население, сказав им: «Идите и скажите им, чтобы возвращались они в свои дома — чтобы дети их и жены не мерзли и не голодали. Скажите им, что никто их не тронет и что они смогут спокойно и свободно жить»¹. Далее Мушович пишет, что возле каждого мусульманского дома стояла сербская стража и что никто не был ни ограблен, ни убит. Эти факты свидетельствуют о цивилизованном отношении армии Королевства Сербии к мусульманскому населению (несмотря на то, что многие из мусульман состояли в турецких отрядах и вооруженных формированиях), считая его частью своего народа, пусть и исламского вероисповедания. Исключения составляли «возвращения в веру наших предков», проводимые черногорскими частями в Плавском крае.

Разумеется, такие переломные события, каким было сведение счетов между Европой и балканскими народами с Османской империей на территории Юго-Восточной Европы в XVIII—XIX веках и в 1912 году, оставляют свой след и наряду с политическими и территориальными изменениями приводят к переменам демографическим. Победа христианских народов в борьбе против османов среди мусульман воспринята как поражение ислама. Вопреки тому, что балканские государства были правовыми государствами, мусульманский мир не мог примириться с жизнью в христианских государствах. Это стало основной причиной выселения после Балканских войн мусульманского населения в Турцию, хотя они кроме как по вероисповеданию не имели ничего общего с этническими турками. Некоторые из них, совершавшие насилие во время турецкой власти, боялись мести, а некоторые уезжали по экономическим причинам². Были, конечно, примеры религиозной нетерпимости с сербской (черногорской) стороны, а также отдельных явлений некорректности новой власти. Нет документов, указывающих на существование каких-либо планов сербских государственных властей по проведению этнической чистки мусульман. Напротив, многие из них занимали важные должности и в новой власти, например, в Плевле Мурат-бег Селманович стал председателем муниципалитета сразу после освобождения от турок, такие случаи были и в других местах.

Во время турецкого владычества и в период после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины начался процесс постепенной албанизации мусульманского населения в этих областях Старой Рашки, которые находились в контакте с албанцами. Это являлось частью более широкой стратегии вытеснения сербского населения с этих территорий Балкан, прежде всего с целью дробления сербского этнического пространства. В этом направлении, наряду с Турцией, действовала и Австро-Венгрия,

¹ Е. Мушовић. Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара. С. 105–106.

² В. Јовановић. Вардарска бановина 1929–1941. С. 107.

используя для этого албанцев. Превращение в арнаутов части мусульманского населения в центре старой сербской земли проходило тихо и было облегчено тем, что население в Митровицкой, Новопазарской и Сenniцкой казах того времени из-за австро-венгерской оккупации было отрезано от мусульман, проживающих в Боснии и Герцеговине. Этот процесс также был облегчен из-за тождественности вероисповедания и проявлялся в принятии арбанасского национального костюма и арбанасского языка, хотя были и примеры, когда арнаутами становились и представители православного сербского населения. Из Косово этот процесс распространялся от Митровицы через Баньску и Рогозну к Нови Пазару и даже до Сenniцы, а из Метохии — из Печи через Рожайскую казу и Пештер к Сenniцкому полю¹. Процесс отхода от национальной идентичности среди мусульманского населения принял большие масштабы в 1941 году во время немецкой и итальянской оккупаций.

В период после Второй мировой войны произошли крупные общественные и демографические перемены, при этом определенную роль играла и политическая обстановка, особенно в период после 1970 года, когда волей партийного и государственного руководства Югославии на первый план вышел националистический сепаратизм, приведший не только к дезинтеграции страны, но и к дроблению сербского этнического пространства. В результате создания небольших национальных образований в соответствии с Конституцией 1974 года сербский народ везде, кроме «центральной Сербии», стал национальным меньшинством, хотя реально не был меньшинством ни юридически, ни численно. Усиление шовинизма и националистической исключительности, главный тон которым задавали союзные и местные коммунистические лидеры, сопровождаемое усилением процесса религиозной нетерпимости, представляло собой своеобразное замещение нехватки программы ясного будущего Югославии в качестве государства с равными правами и свободами для всех граждан. Как в системе сообщающихся сосудов, прилив национализма и архаического шовинизма охватывал и территорию Старой Рашки. Идеиные движения, возглавляемые коммунистическим руководством в Загребе и Сараево, находившиеся в самом тесном сотрудничестве с великоалбанским национализмом и шовинизмом Энвера Ходжи, находили благоприятную почву в определенных общественных и политических кругах в области Рашка. Особенно важной была роль исламской религиозной общины, в первую очередь старшинства в Приштине, но ей ни тогда, ни сейчас не уделяется должное внимание. Старшинство стремилось заложить фундамент тихой, но плодотворной политики постепенной албанизации мусульманского населения на территории Нови Пазара, Тутина и Сenniцы, а также Плава, Рожая и Гусинья.

В течение веков, вплоть до наших дней, мусульманское население традиционно проживало в городах Старой Рашки, а сербское население — в

¹ Иван Косанчић. Новопазарски санџак и његов етнички проблем. С. 21–24.

деревнях. Послевоенная стихийная индустриализация, а также ошибочная политика власти по отношению к деревне (то есть абсолютное пренебрежение деревней и сельским хозяйством), ухудшило позицию сербского населения.

В период между 1950 и 1970 годами вновь началось выселение мусульман в Турцию. Для этого не существовали какие-либо политические причины, и оно не имело размеров, о которых говорится в политической пропаганде. Основными были, по словам беспристрастных исследователей, «экономические причины», а затем «религиозный фанатизм, боязнь войны» и схожие причины¹. Переселялись и те, которые совершали преступления во время Второй мировой войны. Согласно исследованиям Эюпа Мушовича из Нови Пазара, с территории общин Нови Пазар, Сенница и Тутин в Турцию, в период 1950—1970 годов выехало 13 074 человека. О переезде в Турцию Мушович пишет: «В Турцию уезжали после получения подтверждения об отказе от гражданства СФРЮ и разрешения турецких властей на переселение. Чтобы получить это разрешение, а выдавало его посольство Турции в Белграде, нужно было доказать свою принадлежность к турецкому народу. Это доказывалось знанием десятка турецких слов». Переезжало в основном бедное и темное население, и редкими были примеры, когда переселялся кто-либо с высшим образованием.

Вопросом переселения мусульман занимался Исполнительный комитет ЦК СК Сербии в 1958 году. Джоко Пайкович, секретарь Областного комитета СКС Косово и Метохии в течение многих лет, должен был рассмотреть эту проблему и уведомить о результатах ИК ЦК СКС. Опираясь на ситуацию на местах и разговоры с местными руководителями, он подал рапорт под названием «*Информација о исељавању Муслимана из Санџака*». Он разговаривал с Ристо Йовановичем — секретарем СК Нови Пазар, Данилой Пуричем — «прежним секретарем СК Нови Пазар», Хилми Хасанигичем — депутатом Новопазарского уезда в Союзной народной скупщине и Велибором Люичем — председателем Уездного комитета Приеполе. Проблема в основном касалась Новопазарского уезда, в котором, согласно этим источникам, проживало примерно 10 000 мусульманских семей. «Во время последней переписи населения в 1953 году, — пишет Джоко Пайкович, — примерно 14 000 мусульман из Санджака, в основном из уезда Нови Пазар, записывались как «турки». В послевоенные годы появлялись отдельные заявки на переселение («речь в основном шла о стремлении восстановить разделенные части некоторых семей»), но с 1953 года, «когда началось переселение турок и других из НР Македонии, число заявлений на переселение мусульман из Санджака увеличилось». Так как Сербия вплоть до 1957 года не одобряла переселение, «мусульмане из Санджака в большом числе начали переселяться в Македонию, чтобы там осуществить свои намерения». Считается, что в Македонию переехало около 600 семей.

¹ Ејуп Мушовић. Тутин и околина. Београд, 1985. С. 120—121.

В 1957 году позиция Сербии в связи с вопросом о переселении турок изменилась. Из Новопазарского уезда на переселение подало заявление 650 мусульманских семей. В уезде Приполе, подчеркивает Пайкович, остались при старой позиции и разрешали переселение «только в исключительных случаях». В рапорте Пайковича особое внимание обращается на усиленную активность турецкого посольства в Белграде по этому вопросу. «Представители посольства в этом году несколько раз там появлялись. Их агенты активно работали. По требованию посольства они попытались провести опрос о численности турок в бывшем Сенницком уезде, организовать сбор заявлений на выселение и вести враждебную деятельность». Пайкович в своем рапорте обращает внимание на националистическую деятельность делегата Хилми Хасанагича. По словам Пайковича произошла стычка между СК Нови Пазар и Хилми Хасанагичем, «который выступал против переселения мусульман с этих территорий». Хасанагич обвинял СК Нови Пазар и органы внутренних дел в шовинизме. Хасанагич пытался «привязать к себе» руководящих мусульман и самостоятельно вести кадровую политику в уезде. Пайкович предложил Исполнительному комитету ЦК СКС «запретить выселение», исключая обособленные случаи. Мусульмане — это «не турки, и не могут и не должны требовать, чтобы к ним относились, как к национальному меньшинству»¹.

Переселение мусульман прекратилось в 1970 году, и с тех пор начинается заметное переселение сербов из этих территорий в центральные части Сербии. Кроме экономических причин присутствовали и политические причины, которые вследствие роста шовинизма и элементов неусташества в Хорватии и частично в Боснии и Герцеговине, прежде всего под влиянием великоалбанского мятежа в 1968 году, вызывали чувство неуверенности и неизвестности. Всё это напоминало климат и символику Второй мировой войны. Этому способствовало и поведение сербских коммунистов, которые по карьерным соображениям шли с сепаратистами на недопустимые компромиссы, а иногда с ними сотрудничали. За относительно короткое время, например, из деревни Суви Дол (община Тутин) было выселено свыше 80 % сербов. В соответствии с переписью населения, проведенной в 1981 году, в Суви Доле проживало 74 православных серба. Они переезжали в центральные части Сербии. В деревне Метикоши, например, вблизи Кралево, в середине 80-х годов было 60 домов переселенцев из Суви Дола². Заметив этот процесс, Эюп Мишович сделал следующие выводы: «В некоторых деревнях (Мелаи, Гучевичи, Еребице, Шароне, Долово, Гнила), в которых проживали сербы и мусульмане, сербов больше нет. Однако и из деревень, где проживали только сербы, уехало большинство населения: Добриня, Попе, Дулебе,

¹ Архив Србије, ЦК СКС, 1958, Материјал о Муслиманима, информација о исељавању Муслимана из Санџака, са потписом «Б. Пајковић».

² Е. Мушовић. Становништво МЗ Суви До. Новопазарски зборник 10 (1986). С. 205–206.

Мойстир. К примеру, из шестидесяти сербских семей, сколько их проживало в Суви Доле, осталось лишь девять»¹.

Процесс переселения сербов из этих территорий наглядно иллюстрирует и пример компактной сербской деревни Брница вблизи Дуге Поляне в округе Сенница. В 1961 году в этой деревне проживало 760 человек. Десять лет спустя — 630, а согласно переписи населения 1981 года — в деревне проживало лишь 315 сербов². Очевидно, что этот процесс переселения сербов находится в непосредственной связи с политической ситуацией в Югославии, в первую очередь с событиями, происходящими в Косово и Метохии. Эта тенденция наблюдается и в местной общине Кладница, также в округе Сенница. В соответствии с результатами переписи в округе Сенница, которые опубликовал Салих Селимович, доля переселенного мусульманского населения составляла 30,5 %, а доля переселенных сербов — 100 %³. Изучение демографической ситуации в одной части области Рашка (округа Нови Пазар, Тутин и Сенница) показывает большой прирост городского населения и спад численности жителей в сельской местности. Это было бы логическим последствием урбанизации и общественного расслоения, если не учитывать, что значительная часть сербского населения проживала в сельской местности. Это доказывает и пример территориального распространения, в частности, случай Нови Пазара, где значительно меньший процент сербского населения занимает большую часть территории именно потому, что проживает в сельской местности. В период с 1961 по 1981 год численность населения в городах увеличивалась в следующем соотношении: Нови Пазар — 97 %, Сенница — 102 %, Тутин — 250 %.

Описание демографических и социальных условий на территории Рашки невозможно без ознакомления с менталитетом населения этих областей, традициями народной жизни, влиянием ислама на духовную и культурную жизнь, жизнь в семье, отношение к представителям других религий, рождаемость и прочее. Влияние традиционного общества восточного типа особенно заметно, если сравнить уровень рождаемости и естественный прирост в областях с большинством мусульманского населения с областями в центральной части Республики Сербии, где доминирует православное сербское население. Так, например, рождаемость в центральной Сербии (без автономных краев) в расчете на тысячу жителей составляла: 1979—14,8 %, 1980—13,2 %, 1984—25,1 %⁴. Это явление можно отслеживать, анализируя возрастную структуру населения, показывающую, что в среде с большинством мусульманского населения именно из-за более высокого уровня рождаемости присутствует более высокий процент молодежи. Так,

¹ Е. Мушовић. Тутин и околина. С. 122—123.

² Е. Мушовић. Дуга Пољана. Становништво. Новопазарски зборник 12 (1988). С. 95; Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije po naseljima i opštinama, Knjiga I, Savezni zavod za statistiku. Beograd, 1991. С. 305.

³ Салих Селимовић. Кладница. Становништво. Новопазарски зборник 14 (1990). С. 129.

⁴ Радослав Д. Павловић. Укупно кретење становништва општина Новог Пазара, Тутина, Сјенице и Рашке у периоду од 1961. до 1981. Новопазарски зборник 5 (1981). С. 131—137.

например, процент жителей от 0–24 лет значительно выше в трех областях с большинством мусульманского населения (Нови Пазар, Сенница, Тутин), чем в общинах центральной части Сербии с преобладающим православным сербским населением:

Кралево	35,35 %
Чачак	34,50 %
Крушевац	33,82 %

Нови Пазар	51,02 %
Сенница	53,63 %
Тутин	59,32 %

Подобные выводы о чрезвычайно высокой рождаемости и приросте населения подтверждают статистические данные роддома в Нови Пазаре за период 1976–1985 годов. У женщин мусульманской веры процент родов намного больше (четыре и более родов) по сравнению с женщинами православной веры. Согласно переписи населения 1981 года (опубликованной в издании Союзного статистического ведомства в 1991 году), на территории восьми бывших уездов (сегодня это общины) «Санджака времен АВНОЮ» проживало 345 924 жителей, среди которых доля мусульманского населения составляла 163 167 человек, если считать в процентах – 47,17 %. Значит, из восьми общин бывшего «Санджака» мусульманское население составляет большинство в трех из них (Нови Пазар, Сенница, Тутин), а православные сербы и черногорцы представляют абсолютное большинство в пяти общинах (Прибой, Приеполе, Нова Варош, Биело Поле, Плевля). Если ко всему этому учесть и территорию, которая в период османского владычества охватывала Плевальский и Новопазарский (позже Сенницкий) санджаки («османский санджак»), в этом случае мусульманское население составляет большинство в пяти общинах (Нови Пазар, Сенница, Тутин, Рожае, Плав), а православные сербы и черногорцы в шести общинах (Прибой, Приеполе, Нова Варош, Биело Поле, Плевля, Бераны).

СЛЕДЫ СЕРБСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО НАСЛЕДИЯ В ВЕРХНЕМ ПОЛИМЛЕ, ВЕРХНЕМ ИБРЕ И НА ПЕШТЕРЕ

В конце XVII – начале XVIII века произошли великие переселения и демографические сдвиги сербского православного населения из Косово и Метохии, Скопья и окрестностей, а также из этой части Старой Сербии. К переселению, как известно, побуждали австро-венгерские, а затем русско-турецкие войны. Все исторические источники указывают на то,

что эти области были густо населенными. Во время историко-географических исследований Верхнего Полимля, Верхнего Ибра и Пештера в период с 2005 по 2011 год мы могли собственными глазами увидеть следы сербского православного наследия в этих областях, некоторые из которых записаны в работах священника Милоша Велимировича, географа, этнолога и антропогеографа Андрии Йовичевича и Милисава Лутовца, а в последнее время в работах Мустафы Мемича о прошлом Плава и Гусинья, в работах Бранислава Оташевича и других исследователей¹. Первые основательные и с любой точки зрения эпохальные исследования этих областей провел Йован Цвийич, самостоятельно путешествуя по местности или привлекая своих сотрудников — чаще всего местных священников и учителей. Описывая свои исследования он, например, упоминает, что Метохию и Призренскую область сложно исследовать из-за арбанасов и сербов, ставших арбанасами, с сомнением смотрящих на исследователей и относящихся к ним с недоверием². Мы в этом и самим убедились в деревне Мартинович (Трепча в период Средневековья), между Плавом и Гусиньем в 2005 году. В период между двумя мировыми войнами по следам Цвийича в 1933 году пошла одна группа признанных ученых. По инициативе Станоя Станоевича и за счет пожертвований Луки Человича-Требињца, в Полимле и Верхнем и Среднем Потарье в конце июля — начале августа 1933 года кроме Станоевича находились Владимир Чорович, Лазар Маркович, Александр Соловьев, Джурдже Бошкович, Миленко Филипович, Александр Дероко, Степа Димитриевич, Алойз Шмаус и другие исследователи³. Результаты этих исследований были опубликованы в разных изданиях, в том числе в «Гласнику Скопског научног друштва» (Вестник скопского научного общества). Тогда же была написана широко известная и часто цитируемая работа Александра Дерока «На светим водама Лима». Чорович и Станоевич, например, побывали и в Брсково, и в монастырях Добриловинэ и Доволье. Чорович тогда написал первую и до сих пор единственную работу о монастыре Довольи. Вместе с другими помощниками он посетил и описал город Бихор, жупу Будимлю, Джурджевы Ступови, церковь Святого Петра в Биело Поле, церковь в Никольце и другие. Эти исследования были последними исследованиями в свое время важных центров рашского государства. После Второй мировой войны проводились археологические и историко-географические съемки на местности, в основном в Среднем Полимле, на Пештере и в Новопазарском крае.

¹ Историко-географические исследования в 2005–2011 годах, в которых участвовал и автор этих строк, организовал Музей в Приполе, во главе с директором Славолубом Батой Пушицей. Проект «На святых водах Лима» охватывал и исследование и православного сербского и мусульманского наследия на этой территории. Многопрофильность команды исследователей способствовала успеху экспедиции. Должен сказать, что местное мусульманское население встречало нас с гостеприимством.

² Јован Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије, Сабрана дела. Књ. 12. Београд, 1996. С. 389.

³ Извештај о стању и раду Задужбине Луке Ђеловића Требињца, београдског трговца, у години 1933. Београд, 1934. С. 296.

Взгляд на состояние и степень сохранности этого наследия на местах (находки определенного числа исторических памятников, не указанных в упомянутых работах) вдохновляет на дальнейшие исследования исторических процессов и обстоятельств, приведших к тому, что сегодня у нас в основном немые свидетели прежней мощной демографической и духовной силы сербского народа на этих территориях. Во время исследования областей Среднего Полимля и Потарья, затем Метохии, Верхнего Полимля и Верхнего Ибра, а недавно и Пештера, мы все больше понимали насколько Стоян Новакович был прав, когда в 1890 году критиковал такое пренебрежение пространством «старого сербского державного наследия», как с точки зрения научных исследований, так и с точки зрения культурно-просветительской деятельности. На этих территориях, подчеркивает Новакович, ничего не делали для развития просветительской и духовной жизни сербского народа, и поэтому южные и юго-восточные части сербского народа казались «покинутыми и забытыми»¹. После вывода сербов из «балканского круга» и поворота к Европе практически были прерваны старые и глубокие связи с южными балканскими областями: «Мы в этом никогда не признавались, — пишет Новакович, — мы об этом часто даже не знали, но это было именно так — мы вошли в сферу Парижа и Вены; о балканских вопросах мы говорили с пафосом, но мы о них ничего не знали и в глубине своей души не чувствовали так, как это чувствовали наши предки»².

Все исследователи Верхнего Полимля и Верхнего Ибра в основном сходятся на том, что старое население, проживавшее в этих краях в период Средневековья и после этого, было, без сомнения, сербским и православным. Естественные условия давали возможность жить и работать в традиционных условиях. В своей работе о Плавско-Гусиньской области Андрија Йовичевич подчеркивает, что доказательством этому служат «многие сербские кладбища и церкви, особенно живо воспоминание, что вся левая часть котлована принадлежала Дечанам. К этой области относятся: Врмоша, Грнчар, Досуджи, Заградже, Мартиновичи, Плав, Велика и Верхняя Ржаница». Правая сторона, согласно Йовичевичу, не была густонаселенной и служила выгоном для скота для монастырских деревень, так как Дечанам, кроме Плава, принадлежали и Прнявор, Скич, Левый и Правый Метех и Коморача³. Современное население правой стороны котлована — это новые жители. Йовичевич в своих исследованиях пишет, что старые жители уехали из этих областей «из-за сильных морозов и снега» и из-за разорительных походов климентов в начале XVII века, и эти тенденции достигли кульминации в конце того же века, когда сербов активно вытесняли и изгоняли из областей Плава и Гусинья. Согласно преданию, прежние жители оставили эти области, переехав в основном в Срем. Остался

¹ Стоян Новакович. Непозната нишка књига, «Коло» бр. 39, 1. мај 1890.

² Стоян Новакович. Балканска питања и мање историјско-политичке белешке 1886—1905. Београд, 1906. С. 390.

³ Андрија Јовичевич. Плавскогусиньска област. Полимље, Велика и Шекулар, Насеља српских земаља. Књ.Х. Београд, 1921. С. 409—410.

неисследованным вопрос переселения сербов с территории современной Албании в Верхнее Полимле и далее, в глубь сербской территории, а также сербских общин, оставшихся в Албании. Часть сербского населения в Плавско-Гусиньской области поселилась здесь из Врмоша (современная Албания) и окрестностей. Андрия Йовичевич отмечает три старых кладбища и руины трех православных церквей того времени, когда Врмоша принадлежала Дечанам. Клименты, пишет Йовичевич, после освоения этой области, на месте старой церкви построили католическую часовню¹.

Йован Цвийич свои исследования областей Плав и Гусинье основывал и на данных, которые ему, особенно в период 1906–1908 годов, присылал Ефто Попович, учитель в сербской школе в Гусинье, местный уроженец. Цвийич выделяет три группы населения: сербы, принявшие ислам, — таковых было большинство, арбанасы и православные сербы. Согласно народной традиции, произошло «опустошение Плава», которое учитель Й. Попович связывает с Великим переселением сербов во главе с патриархом Чарноевичем. «До того времени, — пишет Цвийич, — Плав был сербским, а после того времени в нем поселились арбанасы, а обращение сербов в ислам происходило ускоренными темпами»². В начале XX века в Плаве и его окрестностях было 270 домов православных сербов. Согласно преданиям, первая волна обращения в ислам последовала относительно скоро после турецких завоеваний, и тогда в ислам перешло 12 знатных сербских семей из областей Плав и Гусинье, получивших имения. Это были семьи Омеражич, Башагич, Шабанагич, Муламекич, Куртагич, Муратагич, Шестович, Смакочевич, Садич (вымерли), Бумбаревич (всех их поубивали Реджепагичи) и Шеовичи. Нет записей о том, каким было двенадцатое братство. Многие исламизированные братства знали своих православных родственников. Суль-Чорович в Прняворе вблизи Плава — родственники Новичевичей. Карамарковичи из Плава находились в родстве с Чулафичима из деревни Васоевичи. Новичи из Аржаницы представляли собой одно братство с Букумирами. Известно, что Евричи-Башичи из Нижнего Метоха вблизи Плава праздновали Дмитриев день. Милутиновичи за 100 лет до того переехали в Плав из Брскута в Братоножичах, а ислам приняли 60 лет назад. Предка Мркулича звали Лука, он еще ребенком стал работать как поденщик в Гусинье и, приняв ислам, получил имя Тахир³. Если говорить об арбанасах в Плаве и Гусинье, пишет Цвийич, в основном о климентах, то первые из них появились здесь «220 лет назад», некоторые 200–150 лет назад, иными словами в начале XIX века.

Исследования края Рожая, проводимые Милисавом Лутовцем, также доказали, что сербское православное население проживало компактно вплоть до XVII века, существовала преемственность в сербских поселениях с периода Средневековья до недавнего времени, а демографическая

¹ Андрија Јовићевич. Плавскогусиньска област... С. 405.

² Ј. Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. С. 494.

³ Там же. С. 496.

компактность начинает меняться на рубеже XVII–XVIII веков, особенно в начале XVIII века, когда старожилов начинают вытеснять новые переселенцы, в основном из Куча, а затем и из Брда, Братоножича, а также из других областей. Сербские жители населяют в основном левый берег Ибра, а на правом берегу в начале XVIII века поселяются католические клименты и в меньшей мере хоты, которые относительно быстро начинают принимать ислам (Бач, Бесник, Ябланица, Плунац, Дачиче, Букель и Банджов). Согласно Лутовцу «практически все останки старых поселений связаны с сербским населением». В первую очередь речь идет о топонимах, а затем и о «старых селах», «местах, где располагались деревни», «греческих домах», «местах, где ранее находились дома», «местах, где ранее находились церкви», «монастыри», «парки», «кулины» и другие места. Руины церквей и кладбища, отмечает Лутовац, «есть практически в каждой деревне, в некоторых более крупных поселениях и по две-три», по одному в каждой удаленной деревне. «Греческие кладбища» с большими уложенными в направлении восток-запад плитами, представляют собой «следы присутствия старого сербского населения. На погостах обычно находились небольшая церковь или часовня, от которых сохранились каменный фундамент и столп святой трапезы в алтаре»¹.

Переход в ислам православных сербов из районов Гусинье, Плава и Рожае, а затем исламизация новых переселенцев-климентов в XVIII веке красочнее всего отражаются в исторических процессах последних нескольких веков. Мустафа Мемич в книге «Плав и Гусинье у прошлости» упоминает, что первая перепись населения в плавской нахии, проведенная в 1485 году, свидетельствует, что «приблизительно 97 % населения было сербского происхождения и что среди них в то время не было тех, кто тогда переходил в ислам. Сто лет спустя (1585 год) здесь был десяток мусульманских семей»². Процесс бросающейся в глаза исламизации протекал на этой территории с конца XVII и в течение всего XVIII века. В Плавско-Гусиньском и Рожайском крае проживают исламизированные братства, находящиеся в родстве с некоторыми православными сербами. Наряду с примерами Цвийича, упомянем еще несколько фамилий мусульман из Гусинья и Плава, отмеченных в канун Первой мировой войны, несомненно свидетельствующих об их происхождении: Гусинье – Голевичи, Гачевичи, Дамьяновичи, Джукановичи, Джуровичи, Жаричи, Кадичи, Лаличичи, Мандичи, Пашичи, Пепичи, Радон(ь)чичи, Петровичи, Пейичи, Милевичи, Шестовичи (Мемич говорит, что они родом из Анатолии, хотя в деревнях Крупиче в Плевальском крае и Стожер в Биелопольском крае проживает братство Шестовича – православных сербов), Никшичи, Коматины и другие; Плав, включая Прнявор и Скич – Башичи, Баловичи, Дучичи, Драшковичи, Джурашковичи, Койичи, Лаличи, Луковичи, Пуповичи, Пуришичи,

¹ Милисав В. Лутовац, Рожае и Штавица. Антропогеографска испитивања. Насеља и покрело становништво. Књ. 37. Београд, 1960. С. 342–345.

² Mustafa Memić. Plav i Gusinje u prošlosti. Beograd, 1989. С. 91.

Раденовичи, Райковичи, Срдановичи, Тошичи, Чулафичи, Киковичи, Гутичи, Ковачи, Баковичи, Пейчиновичи, Марковичи, Новичевичи, Пршичи, Чирковичи, Кандичи, Мргичи, Фатичи и другие¹. Среди многочисленных примеров упомянем еще несколько: Муртагичи в Гусинье — потомки Николы Никезича, выходцы из Куча (Никола — Мурат), праздновавшие день Святителя Николая; Радоньичи (сегодня они Радончичи) — большое братство в Гусиньском крае, потомки Радони Вуйошевича (Вуйашевича), переехавшего сюда из Орахова, вблизи Куча. Это нам засвидетельствовал и Рамо Радончич (1923), добавив, что его брат Халил в «родительский день» посещал гроб Радони, чтобы не зарос он травой. Приводим здесь и два примера из Рожайского края: Иван Гарович (96 лет) из Башчи вблизи Рожая, рассказывал нам 12 сентября 2005 года, что Гавровичи пришли сюда из Куча и что его прадеда звали Гаро (у него было восемь сыновей). Брат Гаро — Мият перешел в ислам, и его стали звать Мурат, а фамилия Куч, они и сегодня живут в деревне Чосовичи. Иван Гарович рассказал также, что его родственник, перешедший в ислам, Гано Куч говаривал: «Если не зажгу свечу в канун Дмитриева дня — большое несчастье с нами случится». В Качаре, вблизи деревни Буковица, Ибрахимовичи — происхождением от Белоицы². Старожилы Буковицы говорят, что Ибрахимовичи до 1920 года соблюдали все православные обычаи — срубали дерево в Рождество, вводили вола в дом, братья целовались, держа в руках бадняк, и соблюдали другие обычаи. Саня Хот в Саше (община Тутин), родом от Курпейовича из Рожайского края, свидетельствует, что дети в Юрьев день собирали распутившиеся почки, приносили родниковую воду и умывались под фруктовым деревом. В канун Рождества варили кукурузу, а на Рождество обычно сыпали соль в стойла домашнего скота. Православные сербы Магделиничи обычно шли в гости к Курпейовичам, так как Курпейовичи — это Магделиничи, относительно поздно перешедшие в ислам. Их предка звали Пейо, и поэтому они были Пейовичи до середины XX века.

Великие переселения в конце XVII — начале XVIII века и исламизация православных сербов в большой степени повлияли на прерывание исторической памяти и исторической традиции. У православного населения, не принявшего ислам, не было никакого чувства по отношению к местам, где ранее находились монастыри, церкви, города и старые кладбища, так как о них было мало известно. Ситуация в этих областях в течение XVIII — XIX веков не давала возможности обновления святынь или соблюдения традиций, связанных с прежними церквями и монастырями. Сербы, принявшие ислам, постепенно подавляли свои старые традиции и обычаи, хотя этот процесс в патриархальной среде протекал медленно и сложно. Процесс подавления старой христианской традиции обуславливался разными причинами: необходимостью показать себя в новой религиозной идентичности, а также отождествлением с османской имперской

¹ А. Јовићевић. Указ. соч. С. 459–460.

² Радован Љ. Белоица, Братство Белоица. Краљево, 2006. С. 28.

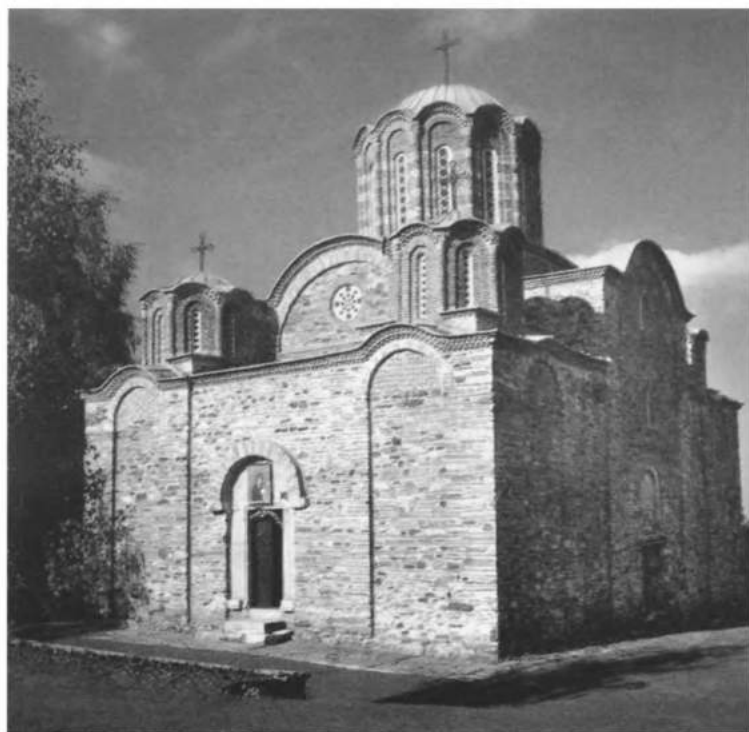
Монастырь Лесново (1341 г.) между Кратово и Злетово

Торговая улица в Скопье (Военный музей)

*Св. Симеон. Фреска из церкви Богородицы Левишка
(Исторический музей Сербии)*

*Монастырь
Матеич (середина
XIV в.) между
Куманово и Скопье*

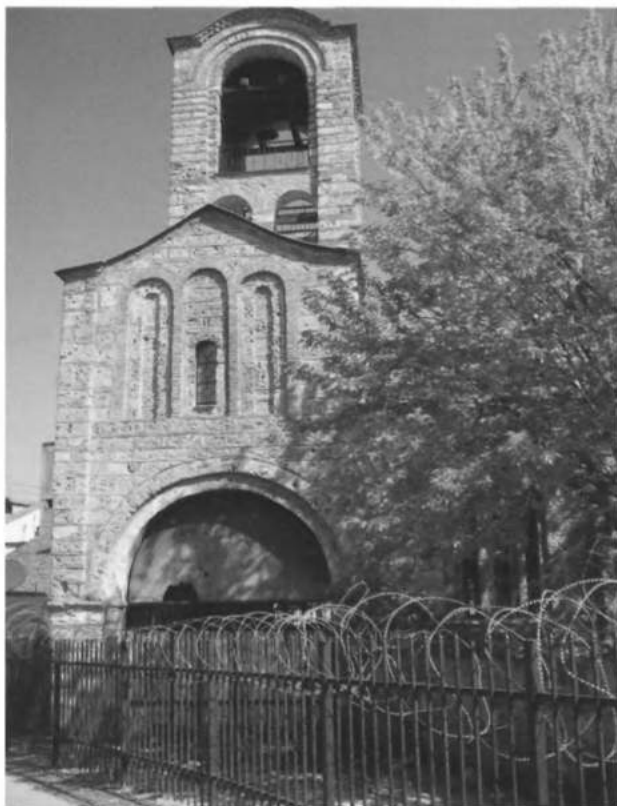
*Сербская национальная
одежда. Платье девушки
из Метохии*

*Царь Урош и король
Вукашин. Фреска
из храма в Псачи
(1365—1371)*

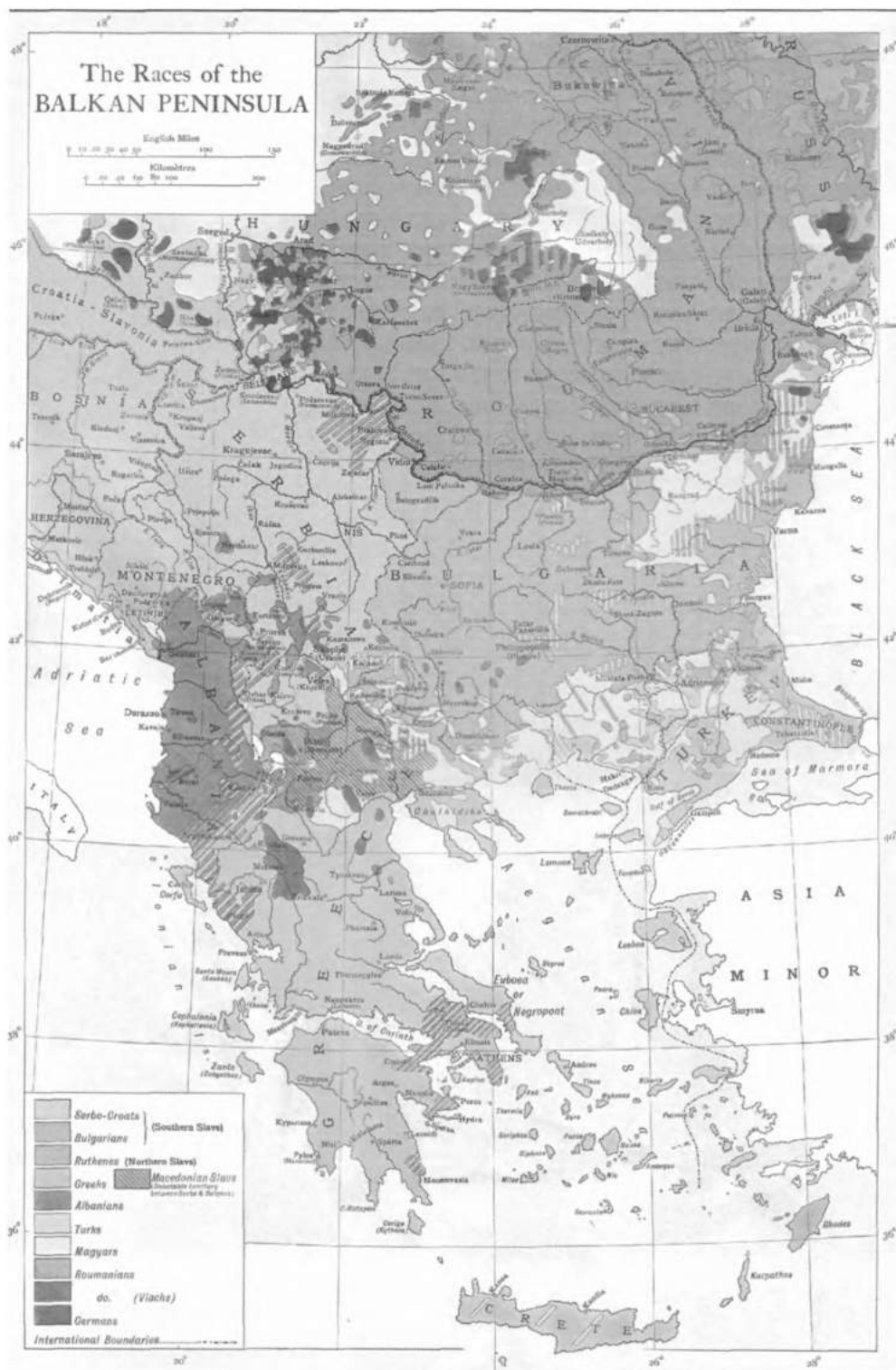
Панорама монастыря Дечаны

*Храм Богородицы Левшика
в Призрене, опоясанный
колючей проволокой, под
охраной германского
подразделения КФОР
(2004 г.)*

Монастырь Грачаница (1315 г.)

Карта «Народы Балканского полуострова» из книги
Р.У. Сетона-Уотсона «The Rise of Nationality in the Balkans», 1917, Лондон

На костюмированном балу Объединения сербских сестер в Плевле, 1930 г.

Офицеры сербской армии в г. Печь, 1912 г. (Исторический музей Сербии)

Церковь Св. Николая (1336—1337), Люботен, Скопье

Монастырь Св. Марка (1346—1347), Скопье

Св. Сава Сербский. Фреска из церкви Св. Никиты, с. Чучер, Скопье

*Епископ Рашко-Призренский,
позднее Патриарх Сербский
Павел*

Сербская свадебная одежда, Печь, 1925 г.

*Св. Димитрий и Св. Георгий (1388—1389).
Фреска из монастыря Андреаши в окрестностях Скопье*

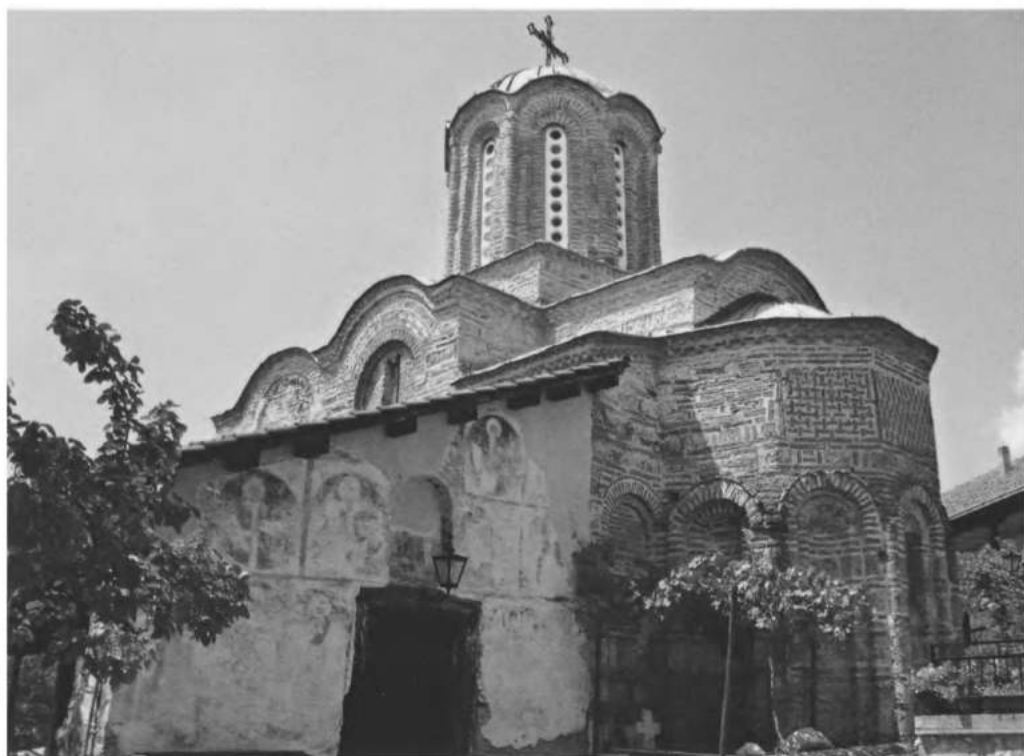
Панорама Печской Патриархии

Монастырь Баньска

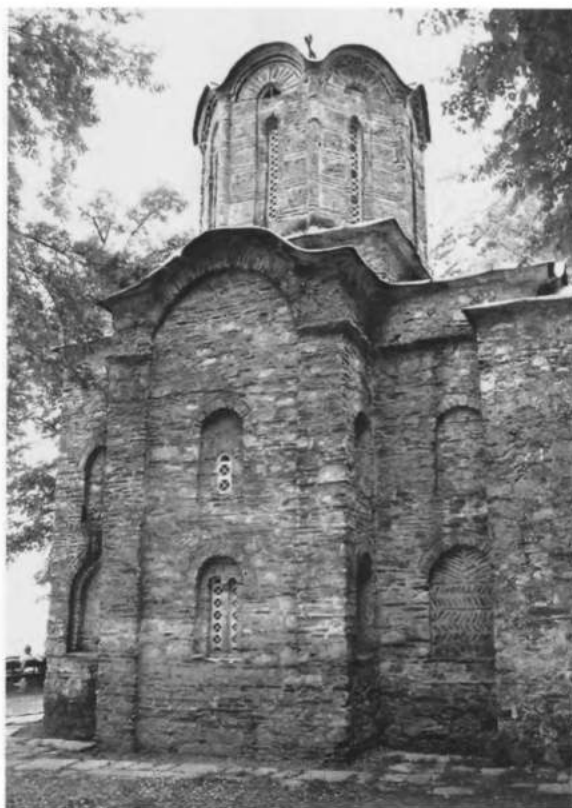
Манастиръ Баньска. Церковь Св. архидиакона Стефана

Храм Святого Спаса (Богородицы) (около 1330 г.), Кучевиште, Скопье

Храм в с. Псача

*Храм манастира
Андреаша, Скопје*

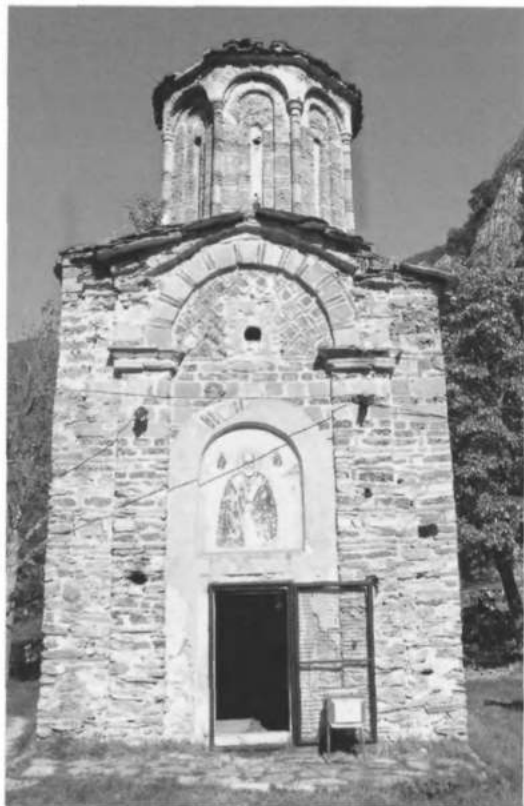

*Король Марко (1376—1377).
Фреска из монастыря
Св. Марка, Скопье*

*Младен Угаревич-Призрениц,
около 1890 г.
(Исторический музей Сербии)*

*Богородица Левишка со Христом.
Фреска (до албанского погрома
2004 года)*

*Храм Св. Николая
Шишевского,
(около 1380 г.), Скопье*

идеей. Парадоксально, но процесс подавления происхождения и традиции достиг своего пика во второй половине XX века, в период Югославского государства. Нередко в семьях, о происхождении которых известно, как, например, в семье Ибрахимович в Буковице, появляются теории о том, что они из Анатолии.

Для подробного обзора сербского наследия в областях Верхнего Полимля и Верхнего Ибра было бы необходимо провести более глубокие и всесторонние исследования. Мы приводим здесь данные об известных в литературе и дополненных во время наших исследований местах. С точки зрения исследования весьма интересен пример Гусинья с его большим православным кладбищем и остатками церкви, а также с близлежащими «греческими кладбищами», также интересны Плав и Рожае. Представляем здесь краткий обзор этих мест с основными данными, почерпнутыми из литературы или записанными на месте в сентябре — октябре 2005–2006 годов.

Гусинье — большое древнее православное кладбище. «На кладбище находится толстая колонна, опирающаяся на большие камни. Эта колонна до того старая, что никто не знает, кто и когда установил ее. На этом же месте была церковь, ее фундамент и сегодня можно увидеть»¹. На кладбище расположено множество могил с выгравированными крестами. Длина некрополя около 150 метров, ширина около 120 метров. Качаник, находящийся чуть выше Гусинья — большое древнее «греческое» кладбище, есть записи и о существовании церкви, которую народ считал «греческой». Старая главная улица — чаршия в Гусинье, говорят, находилась под Качаником, а именно между Качаником на севере, Драгией на юге и Доля на западе. На кладбище видны остатки стены размером около 10 X 6 м, высотой до половины метра. Развалины церкви в Грнчаре и два старых кладбища: место, где ранее находилась церковь Годима и чуть выше Лаза и старого кладбища. Место, где ранее находилась церковь в Попадии, чуть ниже Трояна, в направлении к Гребай. «Греческие кладбища» — у католической церкви в Гусинье, в Досудже у дома Доде Алиая, который построил дом из камней, принесенных с «греческого кладбища», дом Радоничей. Церковь — монастырь (Св. Троицы) в Брезоевице (старое монастырское кладбище на входе на территорию церкви). Существуют записи о том, что в скалах за брезоевицкой церковью есть скит, под Градацем. Монастырь с 1912 года и до сего дня горел пять раз. Джурджевица, старое кладбище 40×50 м, по направлению к Йовичевичу, здесь было кладбище поселения в Коритах. Милош Велимирович пишет, что «все еще очерчивается фундамент» церкви, «о которой говорят, что она была храмом Святого Георгия». Развалины церкви в Джуричхой Риеке, находящиеся на слиянии рек Ясеница и Вратница, откуда они вместе образуют реку Джуричка Риека («большое поле в 300 саженьей», по словам Велимировича). Йовичевич рассказывает о деревянных

¹ А. Јовановић. Указ. соч. С. 453.

церквях в Ясенице: развалины церкви в Мартиновиче (огражденный участок, развалины с высоким засыпанным холмом, размерами 10×5 м, высота стены 1,5–2 м, видно 20 могил, расположенных в направлении восток – запад, на левой стороне дороги к Гусинью, напротив развалин церкви, находится большое старое кладбище, говорят «греческое»); развалины церкви на Яниной Главице в Плаве – написано, что здесь была церковь и что «турки снесли её и на том же месте построили мечеть» (это сделал Асо Ферович)¹.

В некоторых источниках упоминается старое кладбище на Метеризу (на холме у города). На Метеризе в Плаве также была каменная церковь. Милош Велимирович написал в конце XIX века, что у сербов нет церкви в Плаве, но «место, на котором когда-то находилась церковь, можно найти; она была на месте под названием Метериз, которое и сейчас пустое, с обломками Св. Трапезы; это место находится над дорогой, на выезде из Плава к Гусинью². Говорят, что мечеть «Султанья», по преданию, построена из камня церкви с Метеризы. Сербь жаловались валии в Скопье из-за использования камня от церкви для строительства мечети, валия якобы решил, что она не может быть использована ни как церковь, ни как мечеть. Развалины церкви в Прняворе – по преданию, на холме, князь Илия Радак и его жена Стамена построили в этом месте церковь. «Греческие кладбища» в Плаве – рядом с домами Шабовича и в деревне Рибари («греческое» или «влашское» кладбище). Место, где ранее находилась церковь в Горня Ржаница, в поле на поместье Павла Нововича (Петар Новович рыхлил землю и нашел остатки фресок, здесь же находилась стена, но она выровнена). Велика – развалины церкви в Кршине. Старое кладбище – большой некрополь в Коштане в Горней Ржанице, длиной около 300 и шириной от 100 до 150 м. Сельская дорога разделила кладбище надвое, могилы располагаются в направлении восток–запад, множество могил, на одной из них четко виден крест.

Церковь Ружица в Сувом Поле, на левом берегу Ибра, в 70 метрах от реки. Сегодня четко видны остатки стен и штукатурки, с южной стороны стена уходит в землю на глубину в 1 м. Длина церкви была около 12 метров, а ширина 6–7 метров. Халил Гусиняц (76 лет), с которым мы разговаривали 12 сентября 2005 года во дворе его дома вблизи развалин церкви, свидетельствовал, что храм назывался «Ружина церковь» и «деревня Рожай получила свое название от него». Антропологеограф Милисав Лутовац, путешествуя по этому региону после Первой мировой войны, отметил, что развалины церкви в Сувом Поле – это свидетельство жизни старого сербского православного населения, которое уехало отсюда, так как, по преданию, в Сувом Поле «раньше располагалась центральная часть Рожая»³.

¹ А. Јовичевић. Указ. соч. С. 471.

² Милош Велимировић. Васојевићи, Полимље, Метохија, Белешке, Годишњица Николе Чупића. Књ. XVIII. Београд, 1898. С. 182.

³ Милисав В. Лутовац, Рожaje и Штавица. Антропологеографска истраживања. Насеља и порекло становништва. Књ. 37. Београд, 1960. С. 358.

Когда в 1925 году, пишет Лутовац, были проведены раскопки, под кучей камней появились стены церкви высотой полтора метра. Церковь построена из высеченного камня, 5×12 м, и состоит из трех частей: алтаря, средней части и паперти; когда-то церковные стены украшала живопись. Еще в 1926 году я видел фрески на стенах, пишет Лутовац, которые сейчас под влиянием времени в основном исчезли. При раскопках в развалинах были найдены маленькие церковные сосуды и различные монеты. Лутовац отмечает, что большой урон нанесли «раскопки, проводимые самовольной непрофессиональной рукой». Судя по тому, что тогда можно было увидеть, церковь, по мнению Лутоваца, «имела большое значение» и здесь собирались люди из «Рожае и окрестных деревень». Лутовац тогда же заметил и фундаменты «двух церковных домиков и большое кладбище», сейчас это полностью исчезло. Второе кладбище — «каурское кладбище» — находилось в Рожае, «где похоронен Илья — Алия, один из предков рода Кучей из Рожае»¹.

Развалины церкви-монастыря в Лучице находятся чуть ниже деревни Лучицы, на границе Лучицы и соседней деревни Грижицы, на правом берегу реки Лучица. Четко видны развалины церкви, с одним «кораблем», без параклиса и места для хора, вероятнее всего с одним куполом. Снесенные стены четко очерчены притвором и остатками стен и входных врат. В притворе порог *insito* с остатками стены на севере и юге, высотой до 1 м; четко видна преграда между притвором и главной частью храма — в фрагментах каменных блоков; северная стена храма сохранилась высотой до 1,8–2 м, видна и проскомидия; южная стена в полуразрушенном виде достигает высоты до 80 см. Стена на этой стороне обрушилась к реке, а часть материала бульдозер, прокладывая дорогу под самой церковью, сбросил в реку Лучицу. Паперть длиной 3 м и шириной 4–5 м, длина храма составляет 6 м в направлении восток–запад, а шириной 4–5 м в направлении север–юг, на участке находятся большие каменные квадраты, большие обломки каменных блоков из окон (транзены), подоконники, перемычки и большие обломки камней со сводов арочной формы. Церковь с внутренней стороны была оштукатурена штукатуркой с большим содержанием извести, но остатки живописи не сохранены. В наосе церкви, в алтаре сохранилась колонна с престола без трапезы; колонна, выточенная из твердого камня, красивой формы, возвышается на 1 м над землей, размером 50×50 см с четко вычерченным краем (на колонне мы нашли сухой венок из цветов, остатки свечей и металлические приложенные монеты — динары). Вокруг церкви обнаружены каменные остатки (фундаменты) двух объектов, размеры которых около 6×8 м, и 7–8×15–16 м, а также остатки стены, проходящей дугообразно, от севера к югу, ограждая церковь и объекты на северной стороне. К востоку от церкви, на отдаленности 5 м видно стену шириной до 2 м, на которой большие каменные блоки. Блоки хорошо обработанного камня разбросаны повсюду.

¹ Милисав В. Лутовац, Рожае и Штавица. Антропогеографска истраживања. Насеља и порекло становништва. Књ. 37. Београд, 1960. С. 358.

Биела Црква — церковный участок на деревенском кладбище. Видны остатки фундамента церкви, находящиеся под угрозой из-за раскопок новых гробниц. Видны остатки камня и осколки разных предметов. Лутовац писал, что он видел красиво отделанную крестильню из белого мрамора, которую жители Биеле Цркве перенесли сто лет назад из церкви в Лучице¹.

Госпожин Врх (к. 1559), Горне Бишево — развалины церкви, которая, скорее всего, была посвящена Успению Богородицы. В новые времена на ее фундаменте был построен передатчик теле- и радиосигнала. Старожилы рассказывают, что камень из церкви использовали для строительства передатчика. Под ним, у большого поля находятся археологические раскопки, заросшие кустарниками и деревьями, длиной 10–12 м, шириной около 6 м, направление восток–запад. Видны остатки разрушенной стены, от 0,5 до 2 м высотой. Археологические раскопки находятся в поместье Шемсо Омеровича. Шефто Мукович (1951) подтвердил, что здесь когда-то находилась церковь.

Доня Башча — развалины церкви в деревне Ясенац, в поместье Велько Гаровича (1964). Местное население свидетельствует о том, что церковь была посвящена Богоявлению. Иван Гарович (96 лет) рассказывает о том, что в день Богоявления здесь всегда собираются верующие. В Башче находятся два сербских кладбища.

Буковица — на широком пространстве расположено несколько участков, на которых находились церкви и монастыри. В Братовине вблизи Качари находятся остатки монастыря. Рядом с развалинами находится источник «Калуджерска вода» (вода монахов). Размеры остатков церкви 10–12×5–6 м, с большими блоками камней, красиво обработанными, с сохраненной стеной на восточной стороне. К северу и к югу от церкви видны остатки большого кладбища. Лутовац отметил, что это рядом с фундаментом церкви. На главном кладбище в деревне Буковица, под Молитвой, на периферии кладбища видны развалины старой церкви, где находится колонна престола, обработанная вручную. Видны остатки камня. Все это показывает, что здесь был большой средневековый некрополь. Кладбище находится над старой дорогой, по которой проходили караваны Сенница — Печ — Скадар. К юго-востоку от Молитвы в деревне Грабле находятся остатки церкви 10–12×5–6 метров. Северная стена полностью сохранена, с большими каменными блоками. Здесь находится престол из каменных блоков. Большое кладбище заросло высокой травой².

Саш (район Тугин) — развалины церкви, когда-то здесь находившейся — около 12–15×6–8 метров. К югу от дома Адема Чулевича. Заросшее мелкими густыми растениями, есть несколько буков. Северная часть ап-

¹ Милисав В. Лутовац, Рожаје и Штавица. Антропогеографска истраживања... С. 366.

² При осмотре локалитета в деревне Буковица большую помощь оказал местный житель Софроние Белойица.

сиды, высотой до 1 м, сохранена в земле (хорошо виден ряд уложенного камня). Внутренняя стена апсиды высотой 50 см полностью сохранена, а в полуметре от стены находится сломанная колонна престола, длиной около 1 м, красиво отделанная камнем; стена северной и южной стороны церкви, толщиной около 80 см возвышается над землей на 50 см. Внутренняя часть алтаря и наоса заполнена разрушенными блоками красиво обработанного камня и большими обломками, упавшими со свода. У церкви последним похоронен Радосав Вукадинович из Саша, с женой Великой и внучкой (по рассказам местного населения, около 1961–1962). Сания Хот, живущая там, рассказывает: «Вечером, когда я искала коров, заметила, что здесь как будто пламя появляется и исчезает». Церковь рухнула во внутреннюю сторону, так что почти полностью сохранен строительный материал. По исследованиям Милисав Лутоваца, до 1878 года Саш был населен православными сербами, которые тогда переселились в Топлицу и другие регионы Сербии. В период между двумя войнами Лутовац обнаружили остатки кладбищ с крестами и памятниками с надписями.

Бач — на месте Дубле, расположены остатки большого кладбища и рядом с ним церкви. Видна каменная лестница и квадры сиги, а также и большие каменные плиты могил, рустичные, длиной до 1,70 м, шириной около 70 см, толщиной около 15 см. Остатки входов на западной стороне в виде каменной лестницы и фрагменты каменных блоков показывают, что здесь находилась церковь. При строительстве сельских дорог экскаватор прошел через кладбище. По преданиям, здесь находился монастырь, в котором жило около 30 монахов. Место строительства церкви находится на красивой возвышенности над правым берегом Ибра.

Радетина — топоним церковного участка в Клече, на вершине Долова, на границе Бишево и Радетины.

Калаче — церковный участок в Крумчишту. Здесь обнаружены остатки «греческого кладбища». Юсуф Калач (1926) свидетельствует о том, что рядом с участком под церковь находилось и большое кладбище; церковный участок над Гусницей, между Гусницей и Хонсичи, расположившийся на красивом плато, на высоте почти 1500 метров над уровнем моря. Найдены красиво обработанные каменные блоки и остатки фундаментов церкви; участок расположен рядом с широкой дорогой, которая от Рожая через Нурковичи, Хонсичи, Влаховину, Дашча Реку, Савин бор и Петницу вела к Бихору. На мусульманском кладбище в Гуснице нишани (памятники) повернуты в направлении восток-запад. На вопрос, почему это так, один местный житель ответил: «Так похоронили первого, и все остальных за ним».

Колено — большое «греческое кладбище» рядом с мечетью.

Сеошница — остатки церкви на земле, принадлежавшей Ахмету Нурковичу. Немного ниже расположены и остатки старого кладбища.

Бачевац — существовала церковь, в которой, как говорят, служил батюшка Лазо.

Марин гроб — известный и как монастырь «Марина Дубрава», по преданию, здесь находился женский монастырь, окруженный прекрасным ландшафтом. Несколько десятилетий назад здесь построены бараки Жеграпа и археологические раскопки были почти полностью уничтожены. Но, под бетонным фундаментом видна старая стена, каменные блоки плитообразной формы с известняковой штукатуркой и песком.

Историко-демографические процессы на Сенницком и Пештерском плоскогорье

В каком бы направлении мы ни двинулись по плоскогорьям Сенницы и Пештера, которые разделяет гора Гильева, а зимы здесь могут быть очень суровыми (мы и сами в этом убедились в одну ноябрьскую ночь), мы встречаем «греческие кладбища» (иногда и «латинские» или «римские»), «греческие нивы», остатки церквей, приходов, сел, а нередко и топонимы «молитва». Очевидно, что и эта область, также как и верхние части берегов Лима и Ибара, были когда-то плотно заселены, в конце XVII — в первой половине XVIII века в течение полувека произошла большая смена населения. Это свидетельство выраженного демографического разрыва, видимого не только в материальных следах в данных областях, но и в исторической памяти населения, здесь проживающего. Французский антропогеограф Гастон Гравье (1886–1915), посетивший эти места в июне — июле 1912 года, заметил, что «мало семей, проживающих на одном месте больше трех или четырех поколений»¹.

Причины этого «постоянного движения» нужно искать не только в крупных политических событиях и войнах, но и в масштабных эпидемиях (чума 1813, 1815, 1836 годов), голодных годах, кровной мести, инфекционных заболеваниях скота и подобных бедах.

Доступные исторические источники не позволяют определить точные данные относительно численности и расселения жителей в предыдущие века, до тех пор, пока в начале XX века не начали проводить переписи населения. Известно, что Пештер представляет собой специфический природный регион, а естественная среда — это, как известно, важная составляющая исторических процессов: климат, местность, вид почвы, рельеф, гидрографическая среда и прочее влияют на плотность и формы заселения, а тем самым и на материальную жизнь, экономическую организацию, на духовную жизнь и даже на характер людей. Область Пештера и его окрестностей в данном аспекте не была предметом более глубоких систематических исследований². Короткую интересную антропогеографическую картину Пештера и Сенницы дал Боривое Милоевич в своей работе,

¹ Гастон Гравье. Новопазарски санцак. Нови Пазар, 1977. С. 12–13.

² Салих Селимовић. Сјеница. Настанак и развој до ослобођења 1912. Нова демографска кретања. Пожега, 2004. С. 138.

опубликованной в 1921 году, на основании проведенных им исследований летом 1914 и 1915 годов¹. Глубокий анализ находим и в работах вышеупомянутого французского антропогеографа Гастона Гравье². В новые времена об этом много раз писал Эюп Мушович, в том числе и в Журнале Этнографического музея за 1989 год, а также коллега Салих Селимович в своей очень хорошей книге о Сеннице и ее жителях³.

Опубликованные турецкие источники конца XV и в течение XVI века, и некоторые другие отечественные и зарубежные авторы упоминают плотную населенность Пештера, во всяком случае в период Средневековья и первых веков османского владычества. Окружающая среда была очень удачной для развития скотоводства и успешной хозяйственной деятельности в существующей в то время обстановке, а это влекло за собой и сильную концентрацию населения, какую требует такой способ ведения хозяйства. В XVI веке и позже Турция поддерживала скотоводство налогово-политикой. В XVI веке в области Трговиште в среднем было 140 овец на одно хозяйство (без ягнят и козлят), а во многих хозяйствах было от 300 до 1200 овец⁴. Общественная организация была основана на сильных семейных сообществах, братствах и на объединении племен. Имея в виду факт, что после османских завоеваний большинство сербского православного населения проживало вне городской среды, естественно, и церковная жизнь развивалась в рамках этих плотно населенных областей. На этом была основана и жесткая патриархальная мораль этих сообществ, то есть на сознании, что в таких природных условиях невозможно выжить без сообщества. Плотную населенность Пештера, следовательно, обеспечила «удачная налоговая система в Турции, особенно для жителей, занимающихся скотоводством, которые платили налог (харач) на дом»⁵. В такой обстановке население Пештера долгое время оставалось в своей старой православной вере и не было охвачено массовой исламизацией. Австрийский генерал Гайслер в письме монарху 7 февраля 1698 года, описывая Сербию, говорит, что в области Стари Влахи «живут только сербы»⁶.

Историко-географические исследования, которые мы проводили в 2011–2012 годах, являются продолжением исследований данного региона Сенницы и Пештера, которые проводили Душица Минич и Обрениа Вукадин, а затем Драгица Премович-Алексич, а также изучения территории района Тутин, неоднократно проводимого археологом Марко Поповичем. Все эти исследования говорят о том, что и сегодня имеются достаточно

¹ Боровоје Ж. Милојевић, Пештер и Сјеница. Антропогеографска скица, Гласник Географског друштва, св. 5. Београд, 1921. С. 80–93.

² Г. Гравје. Новопазарски санџак. Нови Пазар, 1977.

³ С. Селимович. Указ. соч.

⁴ Срби под туђинском влашћу 1537–1699. Написали Радован Самарџић, Рајко Л. Веселиновић, Тома Поповић. Историја српског народа, трећа књига, први том. Београд, 1993. С. 607; Ејуп Мушовић. Тутин и околина. Београд, 1985. С. 28–29.

⁵ Радован Самарџић. Сеобе у српској историји. Историја српског народа. Трећа књига. Први том. Београд, 1993. С. 118.

⁶ Милован Ристић. Стари Влахи до ослобођења од Турака. Београд, 1963. С. 17.

обоснованные материальные следы тогдашней плотной населенности и развитой церковной жизни¹. Почти в каждой деревне, православной или мусульманской, есть остатки церквей, и одно или несколько «греческих кладбищ», являющихся на самом деле кладбищами старого переселенного сербского православного населения. Здесь мы приводим данные только некоторых археологических раскопок: Доня Вапа, археологические раскопки Дивица, развалины церквей с кладбищем; Доне Сугубине, археологические раскопки Црквине, развалины церкви с кладбищем; Дивля Риека, археологические раскопки «Джинича кладбище», развалины церкви с кладбищем; Горне Гоне, археологические раскопки Црквина, развалины церкви с кладбищем; Гошево, археологические раскопки Црквина, развалины церкви на современном деревенском кладбище у самой скалы и так далее². Упомянем несколько археологических раскопок, которые мы посетили в ноябре 2011 года, и отметим следующие данные: Угао, остатки церкви на перекрестке Угланского Гая, «греческая церковь», Бачица, археологические раскопки Црквено Брдо («Кодркишс»), остатки церкви с кладбищем; Попово Брдо (к востоку от церкви – топоним Попово Брдо), а от Бачицы к с Крня Йела топоним Попова Ливада; Дуйке, церковь со старым кладбищем, на котором находится новое кладбище, затем «греческое» или «латинское» кладбище; Триебине: поселок Бошковици, топоним Брдо, «греческое кладбище»; «греческие» кладбища расположены вблизи катуна Косана Бошковица и на Чукулице, также в поселке Бошковица; «Греческое кладбище» на холме Горня Главица у поселка Бубане; топоним Црквине на православном кладбище, где хоронят Бошковицей, вокруг которого находится, по всей видимости, средневековое большое кладбище; на внутренней части участка находится большой саркофаг. В Триебине находятся и очень интересные археологические раскопки, остатки церкви в Грабовице; деревня Кнежевац, археологические раскопки Црквина, Молитва или «латинское кладбище», Греческие нивы («Греческое кладбище» здесь уничтожено оползнями), в селе Штаваль остатки церкви, вблизи которой находилось большое кладбище, пересеченное сельской дорогой; Градац, остатки церкви на кладбище под Градиной; Ступ, остатки церкви на кладбище; Тузине (по направлению к Бачице), остатки церкви с кладбищем, по левую сторону над дорогой, до въезда в Тузине.

Среди многочисленных остатков особенно сильное впечатление оставляют руины церкви Святого Георгия в селе Дуйке у Сенницы. Церковь находится на верху холма у самого кладбища. Предполагается, что кладбище со временем расширилось, пока не дошло до самых стен. Само

¹ Душица Минић – Обренија Вукадин. Резултати археолошког рекогносцирања околине Сјенице, Новопазарски зборник 6. Нови Пазар, 1902. С. 189–203; Драгица Премовић-Алексић. Резултати рекогносцирања терена на подручју Сјенице Тутина и Новог Пазара. Новопазарски зборник. Нови Пазар; Исти, Сондажно испитивање локалитета на подручју општине Сјеница у 1987. години, Новопазарски зборник 11. Нови Пазар, 1987. С. 227–229.

² Драгица Премовић-Алексић. Остаци црква на подручју општине Сјеница. Новопазарски зборник 20. Нови Пазар, 1996. С. 51–70.

месторасположение церкви выбрано удачно, так как с холма открывается необыкновенно красивый и широкий вид на плоскогорье Сенницы и Пештера. Размеры церкви приблизительно 10×5,5 м. Существующая церковь, скорее всего, построена на фундаменте более старой церкви. Следы качественного строительства церкви приводят к выводу о богатых ктиторах или людях, которые обновляли церковь. На западной стороне высота сохранных стен составляет 6–7 м, на северной — около 5 м, а южная часть стены имеет высоту около 2,5–4 м и сохранилась фрагментами. Толщина стен не больше одного метра. Стены церкви были оштукатурены и расписаны фресками, о чем свидетельствуют остатки штукатурки. Все это вместе создает удручающее впечатление и заставляет задуматься о трагической судьбе древнего сербского государственного и культурного наследия. Видно, что пилястры прекрасно выполнены, внутри церкви расположены крупные каменные блоки и остатки больших каменных колонн округлой формы, диаметром почти 50 см, разбитых на несколько частей. В остатках стен видно свыше десяти резонаторов — керамических сосудов, увеличивающих акустику храма. (Р. Станич четыре с половиной десятилетия назад отметил, что их было больше пятнадцати). На южной внутренней стороне стены выросла черешня, диаметром ствола около 70–80 см, и ее густая крона практически накрывает развалины храма. Множество молодых черешневых деревьев окружает церковь с западной, северной и восточной сторон. Во внутренней части церкви все еще стоит деревянная балка, скрепляющая северную и южную стену, в которой находится большой кованый гвоздь длиной 20–25 см. Вход в церковь — с южной стороны. Врата по какой-то причине на западе закрыты кладкой, а новый вход открыт на юге. Сохранена подставка с кованой металлической заслонкой, предназначенная для закрывания церковных ворот. Вокруг церкви расположены крупные фрагменты каменных скульптур, камни со сводов, которые кто-то (наверное, местные жители) собрал и уложил на южной стороне. Здесь сохранилась надпись с портала над вратами о возобновлении церкви. Сохранена и каменная балка — перемычка с выгравированным крестом (прекрасное исполнение креста!), ширина балки около 40 см и длина около 1,20 м.

Искусствовед Радомир Станич приводит самое полное описание остатков церкви Святого Георгия в Дуйке в своей работе «Две церкви в окрестностях Тутина и Сенницы»¹.

Станич предполагает, что церковь построена в Средние века, связывает ее с развалинами средневекового города в Граце, вблизи села Дуйке («город с дворцом, где жили сербские короли и цари, следы которого и сегодня видны») и упоминает, что по народной традиции церковь построил Стеван Мусич, родственник князя Лазаря. Церковь была восстановлена в начале XVIII века, «в 1711–1712 годы», отмечает Станич, о чем свиде-

¹ Радомир Станич. Две цркве у околини Тутина и Сјенице. Наша прошлост 1–2. Краљево, 1968. С. 35–46.

тельствует и часть надписи на плите, которая частично повреждена и все еще находится рядом с развалинами церкви. Церковь, согласно данной надписи, была восстановлена при Печском патриархе Атанасии I и Рашском епископе Григории средствами и стараниями священника Моисия Радишича и его прихожан, и с помощью Марьяна из Заечича, Веселина из Врсенице и Михаила из Крча. Надпись, скорее всего, выгравировал Йосиф («Йосив») из Добриловины, рядом с его именем упоминается и Чоликович, наверное, его помощник. Церковь монастыря Добриловине в каньоне реки Тара также посвящена Святому Георгию. Радомир Станич считает, что Йосиф может быть и автором живописи. Станич записывал свидетельства местных жителей о судьбе церкви, и эти записи в настоящее время представляют собой большую ценность, так как сделаны почти полвека назад. По преданию, церковь «перелетела» с Радишича Брдо из соседнего села Дубницы. На Радишича Брдо находятся остатки церкви с частично сохранившимся средневековым кладбищем. Станич записал свидетельство Милуна Раичевича (вероятно Речевича, которые живут поблизости) о том, что свод церкви рухнул в одну ночь в 1918 году. До этого момента в алтаре и на южной стене наоса фрески были полностью сохранены. Площадка под церковью очищена в 1922 году. Еще говорят и о землетрясении, случившемся «около ста лет назад», от которого пострадали многие сооружения. Для того чтобы церковь сохранить от разрушения, была поставлена «распорка в виде колонны», разломанные остатки которой и сегодня видны в церкви.

Как мы уже подчеркивали, науке известно, что на рубеже XVII–XVIII веков на этих территориях произошла смена населения, и что турки в 1700 году переселили на Пештер католическое население северной Албании, из области Пилот. В 1702 году говорится о католической миссии на Пештере и об албанской колонии, насчитывающей 251 дом и 1987 климентов. Турки подожгли здание католической миссии на Пештере и ограбили покинутые поселения климентов. В 1721 году католическая миссия на Пештере была возобновлена тремя или четырьмя священниками, и о ней говорится как о единственной католической миссии в Сербии. Позже число миссий увеличилось. О католической миссии на Пештере существуют и записи, сделанные в 1729 году. Согласно отчету католического миссионера Павле Шоганя-Брие, подготовленному в 1765 году, на Пештере была «только одна католическая семья и две пожилые женщины», в Рожаче было два католических дома, «один богатый в деревне Джуринович, а второй в деревне Драгуловац», в Плаве их было 12, а в Грачанице вблизи Гусинье – 8, в Меснице у Грачаницы находился 1 католический дом¹.

Интересно, что и сегодня на Пештере, спустя три столетия после принятия климентами ислама, можно услышать разные истории вокруг отказа от старой веры. Так, рассказывают о продаже свинины родственникам, которые все еще остались в старой вере. До нового времени пожилые люди

¹ J. Радонић. Указ. соч. С. 657.

в этих деревнях, наряду с сербским, говорили и на архаичном албанском языке, но данный вид двуязычности в настоящее время практически исчез. Топонимия в некоторых случаях переводилась на албанский, так, например, в деревне Угол местное население называет вершину холма «Мае Префт», а в деревне Бачица Попово поле называют «Ливад Попит». Здесь речь идет о простом переводе сербских топонимов на албанский, что нередко встречается в Косово и Метохии. Сенницко-Пештерское плоскогорье в течение веков обеспечивало великолепные условия для скотоводства, особенно в летний период выгона скота на пастбища в горах Гильева и Ниная. На Гильеве и сейчас видны катуны (временки). Местное население утверждает, что на Нинае трава очень хорошая и скотина дает более качественное молоко и мясо. В этих местах много долгожителей. В селе Угол нас хорошо принял потомок Смаила (Спахова) Хукича, жившего сто лет (1835–1935). Его потомки гордятся саблей, которую Смаил после Первой мировой войны получил в подарок от короля Александра Карагеоргиевича.

Среди множества археологических раскопок, которые мы посетили в 2011 году, очень интересными кажутся археологические раскопки Градина в деревне Градац над источником Вапы. Об этом мы писали выше, но стоит искать более ранние письменные источники, которые бы точнее определили судьбу этих археологических раскопок. Раскопки Градина находятся на естественном возвышении, подход к которому защищен рельефом, за исключением одной стороны, на которой расположены остатки стены шириной около одного метра. Размеры крепости составляют около 100×100 м. По преданию, на Градине находился и сакральный объект. Под Градиной, на небольшом ровном участке, где находится сельское кладбище, есть развалины церкви, о которой можно найти свидетельства в литературе. Вблизи источника Вапы, по словам местного населения, у мельницы, были найдены остатки пустых пород. Считается, что здесь добывали руду и что это может быть Шарски Крш под Голией. Главная дорога Дубровник — Константинополь, пролегавшая через Пештер, проходила здесь, рядом с родником Вапы. Около родника Вапы, под скалой Оштра Стиена, раньше находили остатки стен, фундаментов и проходов. Предполагается, что здесь могла быть шахта. По сообщениям местного жителя Вука Пантовича (51 год), анализы этих пустых пород показали, что он содержит следы серебра, марганца, меди. Вблизи Вапы находится и топоним Мачброд, связанный в данном регионе с князем Стево Васоевичем и его участием в битве при Косово. Его город, говорится, был в Дубнице вблизи Сенницы. Со Стево Васоевичем свое происхождение связывал и Никола Васоевич, офицер инженерных войск, одно время бывший английским вице-консулом в Нови Пазаре, необычная и авантюрная натура, он в 1840–1841 годах планировал создать на территории между Сербией и Черногорией сербское государство Холмия. Никола Васоевич пользовался поддержкой польской эмиграции в Париже. Князь Адам Чарторыйский в 1841 году достиг секретного устного согла-

шения с Васоевичем о создании сильной центральной власти, мира, порядка, образования, торговли и промышленности в Холмии. Желание Васоевича якобы заключалось в том, чтобы население Холмии «объединилось с Римской Церковью». Чарторийский обещал ему помощь французского и турецкого правительств. По приказу Негоша он был убит в 1844 году в деревне Дони Загарац, по дороге в Цетине¹.

В двух крупных военных столкновениях в 1688–1690 и 1737–1739 годах православные сербы в массовом порядке встали на сторону христианской Европы. Последствием поражения Европы были две крупные волны эмиграции сербов в 1690 и 1737 годах. Историк Радован Самарджич писал о роли эмиграции в сербской истории и обоснованно пришел к выводу о том, что «представление о постоянных миграциях как исторической судьбе сербы сохраняли в своем общем сознании как кровоточащую рану»². В течение веков область Сенницы принадлежала княжеству – кадылыку Стари Влах, где князья Рашковичи были управляющими, конечно, под турецкой властью, собирая налог от своих соотечественников и передавая его туркам. Их княжество простиралось на юге до Рожае и на западе до Лима. В качестве передовых православных сербов Рашковичи в 1689 году присоединились к австрийцам, то есть к немцам и венграм, воюя против турок у городов Сенница и Нови Пазар. Они еще раньше получили письмо австрийского монарха, в котором говорилось, что если они вместе с ним нападут на турок, он их возьмет под свою защиту, а если они это не сделают, он их будет «преследовать, брать в плен и убивать, также как турок, татар и других врагов кесаря»³. Главной целью австрийского прорыва по направлению к Старой Рашке было отделение Боснии от остальных частей Османской империи. Турецкая месть была суровой и массовой. Уже в течение 1688 года пострадали и были ограблены монастыри Милешева, Сопочани, Джурджеви Ступови и многие другие монастыри и церкви. Милешева была ограблена и сожжена. Часть братии из Милешевы во главе с архимандритом Доситеем убежала в Славонию и основала там монастырь Пакра, а большинство братии поселилось в Сентендре к северу от Буды. Протоколы сербской церковной общины в Буде с 1710 по 1720 год доказывают происхождение некоторых семей из Приеполья, Нови Пазара и окрестностей⁴. Из региона Пештера в Буде в 1720 году упомянут и «один суходолец».

В исторических источниках записано, что в 1690 году Махмудбегович с арбанасами, мусульманами и крымскими татарами опустошил страну и сжег церкви и монастыри. Один современник тогда записал следующее: «все бо сие земли опустел цркви божия попалил, монастыри ограблены и разорены конечно, люди исечени биша, жени и отрочата пороблены и

¹ Љубомир Дурковић-Јакшић. Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 28–56.

² Р. Самарджич. Указ. соч. С. 82.

³ Там же. С. 512.

⁴ Јован Скерлић. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909. С. 47.

горшее пленение и разорение было, не желиво время царем Мурата и Па-язитаи зверообразного Селима. Вишая тугии пагуби быле сербскому народу, никто би не остал разве ашче кто весми во глубину пустиною укрился или у ишел в немецкую землю»¹. Подобное повторилось и в 1737 году, во время, когда воевали Атанасие Рашкович, Станиша Маркович-Млатишума и Вук Исакович. Анонимная запись из этого времени говорит, что эта война никакой пользы никому не принесла, а «наш сербский род» «из-за злого управления своих герцогов» был подвергнут «посечению, рабству и конечном имении разграблению передали яко едва коя душа спасется от гибели»². В австрийских отчетах из 1742 года упоминаются, «сервиянцы, албанцы, клименты и их семьи», и говорят, что католические клименты перемешаны с «албанцами, которые принадлежат шизматической вере». Очевидно, здесь речь идет о православных сербах.

Из вышеупомянутых и других источников, можно сделать вывод, что большинство церквей, остатки которых находим сегодня, и так называемых «греческих кладбищ» представляют собой последствие данного массового опустошения и эмиграции православного сербского населения. Битвы были особо ожесточенными в 1737 году. В августе того года баварский майор Даун вместе с местными повстанцами занял Сенницу, изгнал 800 турецких солдат и разорил крепость. Но в сентябре 1737 года австрийский полковник Лентул покинул Нови Пазар, а с ним ушли Млатишума и Рашкович со своими людьми. Вскоре уехали Патриарх Печский Арсений IV Йованович. С Рашковичем отступили и две роты арбанасов-климентов со своими воеводами. Жестокие бои между жителями деревень Куч, Васойевичи, Брджаны и черногорцами, с одной стороны, и турками, с другой, велись в районе Бихора и между Бродарево и Приеполе³.

Турецкие грабежи и зверства в 1738—1739 годах радикально изменили образ старого сербского государственного и культурного наследия. С того времени начинается новая эпоха в их истории. В первой массовой волне эмиграции православные сербы в 1690 году и 1737 году переселялись в основном в Южную Венгрию, через Саву и Дунай, на территории современной Воеводины, Сентендре и Буды. Конечно, уехали не все. В селе Дуйке, в десяти километрах от Сенницы, и сегодня есть развалины очень красивой церкви Святого Георгия, о чем в данной работе уже говорилось. Эта церковь была восстановлена в 1711 или 1712 годах и, возможно, была опять разрушена в 1737 году.

В XVIII веке православные сербы переезжают из областей Васоевичи и Верхнее Полимле, Кучи, областей старой Черногории и старой Герцеговины на Сенницко-Пештерское плоскогорье. Со времен первого сербского восстания и практически по сей день, начиная с походов Карагеоргия в 1809 году, православные сербы переселяются в центральную Сербию,

¹ Мита Костић. Устанак Срба и Арбанаса у Старој Србији против Турака 1737—1739. И сеоба у Угарску. Гласник Скопског научног друштва, VII—VIII (1930). с. 207.

² М. Костић. Указ. соч. С. 231.

³ Там же. С. 220.

в основном в Шумадию¹. Вместе с Карагеоргием, на его пути назад, вернулись и многие семьи из региона Пештера. В Нижнее Драгачево переселено 40 семей. Этот процесс протекал более интенсивно в ходе Первого сербского восстания и в течение Большого восточного кризиса 1875–1878 годов. Он протекал и в первой половине XIX века, особенно во время правления князя Милоша, но был особо выражен в конце XIX и в начале XX века, в основном вследствие анархии и насилия. Одна часть населения Пештера и Сенницы переехала в Топлицу после освобождения в 1878 году. Йован Цвийич сделал вывод, что большая масса населения из Сенницы поселилась в Шумадию². Есть подтверждения, что в старой церкви в Прокупле хранятся мощи Святого Георгия, принесенные из церкви в Лопиже. Реликварий с мощами святого «в Топлицу принесла семья Пешич, когда в конце XIX века она переезжала из деревни Лопижа в Сенницу. Говорят, что Миле Пешич принес реликварий в село Пребреза под горой Ястребац, где он поселился и хранил «завешание предков» передать его первой уцелевшей церкви³. Православные сербы из данного региона уезжают также после Первой и Второй мировых войн (некоторые после войны возвращаются), а также и в семидесятые годы XX века.

На пустых пространствах Пештера Турция в 1700 году, как уже было сказано, поселяет арбанасов из северной Албании, в основном католических климентов, а также хотов, грудов и шкриелов. По отчетам римско-католической миссии, которая пребывала в Камешнице в 1718–1721 годах, в области Сенницы, Пештера и Нови Пазара всего было 277 католических домов, или 2174 человека⁴. Они сравнительно быстро приняли ислам, их потомки на этих территориях проживают и по сей день. В течение XVIII–XIX веков вплоть до освобождения данных областей в 1912 году люди интенсивно выезжают и приезжают, и это явление становится более массовым во время войн и крупных политических потрясений. Небольшая часть мусульманского населения данной области поселилась здесь в конце XVII – начале XVIII века, перебравшись из области, захваченной габсбургской монархией. Большую часть населения области составляют исламизированные сербы. Одна их часть прибывает на Сенницко-Пештерское плоскогорье из областей Куч, Старая Черногория и Старая Герцеговина, а другая часть сербского православного населения из областей Васоевичи и Верхнего Полимля поселилась здесь и после этого приняла ислам. Среди многочисленных примеров следует упомянуть семью Рахич в Трибине, о которой предание говорит, что два брата Джукичи в конце XVIII века поселились в Трибине из деревни Васоевичи, из Полицы в го-

¹ Историја српског народа, четврта књига, први том. Београд, 1994. С. 322.

² Јован Цвијић. Метанастасичка кретања њихови узроци и последице. Насеља и порекло становништва 12, СКА. Београд, 1922. С. 67–71.

³ Записки Раде Ракоњяца, преподавателя истории и директора начальной школы в Штавле, переданные автору 25 ноября 2011 года.

⁴ Богољуб Петковић. Један документ о броју католика у Пештеру крајем друге деценије XVIII века. Историјски часопис, књ. VII (1957). Београд, 1957. С. 393–396.

роде Беране. До недавнего времени мусульмане Джукичи считали своими родственниками православных Джукичей из Полицы¹. Это нам подтвердил и Хамдия Рахич из деревни Рахичи в Триебине, который говорит, что об этом ему рассказывал отец Ибро, а тому — его отец Адил. На кладбище Рахичей надпись на надгробном памятнике Адила и других надгробных памятниках в верхней части написана на османском турецком языке, а в нижней части на кириллице.

Выселение мусульманского населения также имеет свои ритмы: оно особенно наблюдается после освобождения в 1912 году, в 1913—1914 годах (но значительно меньше, чем из Черногории), затем между двумя мировыми войнами и в период после Второй мировой войны, с пятидесятых до конца шестидесятых годов. Многочисленные члены семьи Рахич переезжали в Турцию вплоть до 1958 года. Несмотря на множество работ, которые освещают проблему выселения мусульманского населения в Турцию, можно сказать, что все еще не представлен объективный анализ действительных причин переселения.

До 1912 года нет достаточно надежных данных о населении Сенницы и Пештера. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, опираются на турецкие источники или на записи зарубежных исследователей. Данные о православном населении поступали из церковно-школьных общин. В связи с Сенницей и ее окрестностями (Сенницкая нахия), например, по официальным турецким данным 1865 года, о которых мы уже сообщали, находим 2114 мусульман и 2895 немусульман². В 1892 году на тех же территориях проживало 13 158 мусульман и 7952 немусульмана. Согласно турецким источникам, в 1911 году Сенница и её окрестности были местом жительства 20 181 мусульман и 10 117 немусульман³. Сенница никогда не была особенно населенной в период турецкого владычества, но она была важна в качестве богатого района для выращивания скота и с точки зрения военной стратегии. Ами Буге в 1837 году пишет о «деревне Сенница» с 150 домами, в 1911 году численность ее населения составляла уже 3882 человек.

В работе Вукомана Шалипуровича *«Перепись населения сенницкого уезда 1912»* (Белград, 1971) содержатся ценные данные о православном сербском населении Сенницкого уезда, записанные в июне 1912 года. Перепись провели церковно-школьные общины по поручению правительства Сербии с целью определить все чивчийские семьи в Старой Сербии и Македонии и их экономическое состояние. Перепись проводилась в деревнях, она содержит имя и фамилию хозяина дома, число мужчин и женщин и число грамотных в селе. Имеются и данные о собственниках земли и их чивчиях (батраках), в некоторых случаях речь идет о сербах, которые имеют собственную землю, а подчас обрабатывают свободные земли, принад-

¹ Ејуп Мушовић. Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара. Београд, 1979. С. 241.

² Статистички подаци о Босни, Херцеговини и једном крају Старе Србије. По званичним изворима, Гласник Српског ученог друштва. Књ. III. Београд, 1866. С. 225.

³ Г. Гравье. Указ. соч. С. 16—17.

лежавшие опустевшим монастырям. Проведена перепись населения следующих сел Сенницкого уезда: Штаваль, Кокошиче, Врх Сенице (Врсенице), Градац и Драгојловиче, Ступ, Распоганче, Брница, Црчево, Козник, Лиева Река, Богути, Лопиже, Гоне, Горне и Доне Горачиче, Шиповик, Дружениче, Чедово, Страняни, Доне Страняне, Вртовска, Водице, Гробнице, Грнчарево, Копривна, Степаница, Мрчковина, Точилово, Милаковичи, Комарани, Слатина. Среди аг, которые приведены в данной переписи в качестве собственников поместий в селах, среди прочих, приводится Рушид Спахович из Сенницы, у которого было шестнадцать батраков в Штавале, Брняце имеют Али-бег из Джаковицы и Дервиш-бегиз Пазара, Врсеницу Ахмед-ага Чилерджич из Сенницы, Црчево Сульо Удович из Пазара. Из Пазара также и аги села Распоганче, братья Эльмасбегович – Шемсибег, Шаин-бег, Сабри-бег, и Асиль-бег. Среди батраков, в основном православных сербов, были и мусульмане, но их было значительно меньше по сравнению с православными. Эта и множество других подобных переписей иллюстрируют социальную и экономическую ситуацию в Сенницком уезде 1912 года.

Глава XX

ЭТНИЧЕСКАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОСОВО И МЕТОХИИ

Европейской науке хорошо известно, что исконные области албанского народа — это области современной средней Албании. Известный немецкий албаниолог Георг Штатмиллер упоминает, что традиционная область албанцев охватывает долину реки Шкумбини, оба берега рек Мат и Кроя и некоторые прилегающие к ним области¹. История албанцев и албанского общества намного сложнее, чем это кажется. И не только на территории современной Албании, но и на территориях соседних государств, в местах проживания албанцев в качестве национального меньшинства. Их религиозная разнородность и выраженная племенная идентичность были и останутся постоянным источником внутренних стычек, дающим этому государству нестабильное положение. Это «болезненное» состояние молодого государства прежде всего представляет угрозу для неалбанских народов, проживающих в Албании и соседних странах. Нельзя забывать тот факт, что в течение столетий на территории современной Албании существовали крупные славянские поселения и что славянская топонимика сохранилась в определенной мере по сей день². С момента формирования первого албанского государства в 1912 году и особенно во время правления албанского коммунистического диктатора Энвера Ходжи большая часть неалбанского населения, исключая греков, была «албанизирована» с помощью насильственных средств государственных репрессий³.

Политический проект этнически чистой Великой Албании прямо связан с последствиями турецких завоеваний в Юго-Восточной Европе, особенно с войнами европейских христианских сил против Турции в конце XVII века. В определенной мере это сейчас представляет продолжение османского наследия в Европе, в качестве проводника того образа жизни, обычаев и нравов, которые были присущи на территории Юго-Восточной Европы во время османского владычества. Христианское население Евро-

¹ Georg Stadtmüller. Forschungen zur albanischen Frühgeschichte, zweite erweiterte Auflage, Albanische Forschungen 2. Wiesbaden, 1966. S. 167, 173.

² Gunnar Svane. Slavische Lehnwörter im Albanischen. Acta Juthandica LXVIII. Aarhus University Press, 1992. S. 346.

³ Јован Бојовић. Избеглице из Албаније у Црну Гору 1991. године, Историјски институт Црне Горе. Титоград, 1991.

пейской Турции, в первую очередь Старой Сербии и северной части Македонии, массово присоединилось к борьбе европейских сил после осады Вены (1683) по вытеснению турок из Европы. В знак мести после поражения европейцев (1690) это население было подвергнуто массовому угнетению и, по сути, этническим чисткам. Турецкие разрушительные военные кампании способствовали вливанию албанского народа из своих подлинных областей в земли своих соседей, как славян, так и греков. Лишь в конце XVIII века массы албанских скотоводов начинают спускаться в плодородные края Косово и Метохии, в основном населенных православными сербами, а также на территории современной Западной Македонии, от Скопья до Битоли, населенных, кроме сербских, и македонскими славянскими жителями. Они продвигаются и далее в направлении Центральной Сербии — к Топлице и областям к югу от Топлицы.

Процесс завоевания Старой Сербии изобилует наряду с массовыми и постоянными преступлениями рядом других методов дробления компактного сербского этнического корпуса — насильственная исламизация, разные виды грабежа, разрушение храмов и другие виды террора. Об этом свидетельствуют многие путешественники, особенно римские миссионеры. Среди многочисленных ватиканских источников об этих процессах свидетельствует и отчет архиепископа из Скопья Матии Масарека (родился в Янево), подготовленный в 1764 году после епископского посещения. Масарек обучался в Урбанианской коллегии в Риме. В окрестностях Джаковицы архиепископ отмечает «свежие колонии арбанасов, которые из-за голода оставили свои скалы и поселились в плодородной Метохии». Сербия — плодородная страна, и поэтому ее «постоянно населяют многие католические семьи арбанасов из горных областей». Эти арбанасы-пришельцы в Сербии, говорит архиепископ Масарек, не слушают поучения Евангелия, но принимают ислам, вытесняя православных и католиков из их деревень и занимая их имения («maledetti Albanesi, I quali per forza si sono impadroniti di quasi tutti i terreni scismatici e cattolici serviani»)¹. Албанцы, согласно Масареку, сеют вокруг себя убийства, грабежи католиков и православных. «У него сердце сжимается, — представляет Й. Радонић отчет Масарека, — когда он в рошах видит гробы православных и других убитых от рук албанцев»². Арбанасы-мусульмане считают себя турками и «думают, что им все можно». Женщины непреклоннее в сохранении католической веры. В одном письме, датированном 1767 годом, Масарек утверждает, что Сербия за последние двадцать лет полностью изменилась. Раньше во всех ее городах было «мало турок, которые были приятны в обращении, а в деревнях проживали и православные, и католики». Сейчас города и деревни переполнили арбанасы-мусульмане, которых и турки побаиваются, потому что «они никого не щадят»³.

¹ Јован Радонић. Римска курија и јужнословенске земље. С. 654.

² Там же.

³ Там же. С. 658.

Похожие процессы развивались и в греко-албанских пограничных областях. Албанские эмиграции во время турецких завоеваний шли в направлении греческих земель, особенно в направлении Эпира. Параллельно с укреплением греческого освободительного движения Турция использовала албанцев-мусульман, чтобы с их помощью обеспечить владычество на территории Эпира и Фесалии. Великоалбанская идеология объясняла это следующим образом: «От берегов реки Бояны до самой Янины проживает единственный и однородный народ. От Янины до Амбрасии — территория, которую греческая религиозная и прочая пропаганда оспаривают у албанцев, представляющих здесь большинство, если не численно, то по силе своей и способности сопротивления»¹.

То, что Косово и Метохия, о которых албанские писатели часто говорят как об «албанской земле», были, бесспорно, ареалом сербского народа, подтверждает факт, что здесь находятся самые знаменитые памятники сербской архитектуры и духовности. Самые крупные изменения в этнической структуре населения этой части Старой Сербии происходили с середины XVIII до первой половины XIX века и со времени Берлинского конгресса 1878 года до освобождения этих областей от турецкого владычества в 1912 году. Они, по сути, являлись последствием столкновения исламской османско-феодальной концепции с европейской христианской. Сэмюэл Хантингтон такие процессы называет «столкновением цивилизаций». Косово и Метохия сегодня являют собой самый убедительный пример такого столкновения, но признаки радикального исламизма албанского сепаратистско-террористического движения умело камуфлируются европейской фразеологией и европейской символикой.

Сербы поселяются в области современных Косово и Метохии в период VI—VII веков во время переселения славян в Юго-Восточную Европу. С XII века области Косово и Метохии входят в состав средневекового Сербского государства и по сей день в европейской науке известны как исторические области Сербии. В период Средневековья, до турецких завоеваний, эти области представляли собой самую крепкую культурную силу Сербского государства. Об этом говорят и всё еще неполные данные о приблизительно 1300 монастырях, церквях, местах, где ранее находились церкви и другие монументальные памятники культуры, найденные вблизи 1100 поселений в Косово и Метохии (остались необработанными приблизительно 350 поселений)².

Ранее было сказано, что албанцы вплоть до недавнего времени не составляли большинство населения Косово и Метохии. В византийских источниках арбанасы на современной сербской, то есть византийской, территории не упоминаются. Первые турецкие переписи населения (дефтеры) 1455 и 1485 годов, проводившиеся после завоевания этой части

¹ Bernard Stulli. Albansko pitanje (1875–1882). Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 318. Zagreb, 1959. С. 325.

² Олга Зиројевић. Први векови туђинске власти, Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989. С. 101.

Сербии в середине XV века и опубликованные в Сараево и Тиране, обнаруживают жителей со староарбанасскими именами собственными лишь на периферии Метохии с более высокой концентрацией в области Джаковицы. Практически вся топонимия на этих территориях – сербского, то есть славянского, происхождения. Из 280 населенных мест в Метохии и Алтине (охватывает и часть современной Албании), только 30 поселений имеют староарбанасский ономастикон, 8 поселений – смешанного типа, а во всех остальных поселениях наблюдается старосербский ономастикон. В области сербского властелина Вука Бранковича, в которой турки проводили перепись в 1455 году, сразу после завоевания, которая охватывала большую часть Косово, прилегающие районы и часть Метохии, нет ни одного поселения, где наблюдается староарбанасский ономастикон¹. Эти источники показывают, что в первые десятилетия турецкого владычества в этой части Сербии в большинстве проживали православные сербы, и такая ситуация продолжалась вплоть до конца XVII века².

О ситуации в этой части Сербии под турецким владычеством, особенно в XVII веке, говорят отчеты римских миссионеров, хранящиеся в ватиканских архивах. Например, архиепископ Бара Петар Масарек, до того бывший епископом Призренским, албанец из Призрена, пишет о населении Призрена и Приштины в 1623–1624 годах, подчеркивая, что там много сербов, которые говорят на «иллирийском языке», у которых есть «Патриарх печский, также серб, рожденный в Янево». В Призрене, пишет Масарек, можно увидеть «многие церкви и красивые постройки сербов более раннего периода. Турки две церкви превратили в мечети, и сделали это и в других населенных местах». Говоря о Приштине, апостольский посланец замечает, что «кроме турок, в Приштине живут многие сербы»³. В отчетах римских миссионеров Призрен упоминается в качестве «главного города Сербии» и «самого красивого места в Сербии». О распространенности сербов и их языке говорит П. Масарек в своем отчете 1633 года, подчеркивая, что много сербов проживает в епархиях Шкодер, Лече и Задрим в Албании⁴. В отчете миссионера фра Бонавентуры Палацуолы от 1637 года говорится о Джаковице и монастыре Дечаны; упоминается, что в Джаковице проживает много сербов, но «чуть выше Джаковицы живут сербы и там находятся три католических дома, а затем опять идут сербские деревни»⁵.

Самый крупный поворот в изменении этнической структуры населения в период турецкого владычества произошел в конце XVII века, когда сербы активно участвовали на стороне христианской Европы в борьбе против Османской империи, а затем, опасаясь мести, были вынуждены во

¹ Митар Пешикан. О историској ономастици Косова. Зборник округлог стола о научном истраживању Косова. САНУ. Београд, 1988. С. 81.

² Насеља и становништво области Бранковића 1455. године, Београд, 2001. С. 451–452.

³ Задужбине Косова – споменици и знамења српског народа. Призрен-Београд, 1987. С. 607–609.

⁴ Задужбине Косова... С. 607.

⁵ Задужбине Косова... С. 607–609.

главе с Патриархом Арсением III Чарноевичем в 1690 году уйти в Габсбургскую монархию (престол сербского патриарха в течение веков находился в Печи, а Призрен был королевской столицей).

Европейские записи того времени говорят о страшных преступлениях, совершаемых над сербами в Старой Сербии. Говоря современным языком, можно сказать, что уже тогда начался процесс этнической чистки в этой части Сербии. Наряду с другими писателями Симплициано Бизозерри в своей книге «*La Sacra Lega Contro La Potenza Ottomana*», опубликованной в Милане в 1700 году, отмечает массовые преступления турецкой армии и отрядов арбанасов над сербами: «На подмостках несчастий варвары, появившиеся здесь, были немилосердны к этим невинным жителям и всех их, несмотря на возраст и пол, рубили саблями; в объятиях смерти оказались и те, которые, ведомые обещаниями, оставили свои убежища в лесах, где спасали свои жизни. После того как все жители были убиты, сожжены и превращены были их жалкие хижины в пепел, от огня сохранились только города Приштина, Печ и Призрен, так как в них разместились арнауты для зимовки»¹. О массовых преступлениях над сербами в Косово и Метохии в первые месяцы 1690 года говорят и многие отчеты нунция папы римского, который в письме, написанном 25 февраля 1690 года, пишет: «Мсть над неверным народом продолжалась три месяца без какого-либо вмешательства Порты, до тех пор, пока пострадавшими районами полностью не овладели»².

Процесс вытеснения православных сербов из Косово и Метохии арбанасами-мусульманами под эгидой турецких властей продолжался в XVIII – XIX веках. С начала XVIII столетия плодородные территории Старой Сербии населяли арбанасы, спускаясь из Малесии и других горных областей Албании, где они до этого проживали. Глубокий кризис Османской империи вылился здесь в насилие и анархию, носителями которых были пришедшие арбанасы, до крайности нетерпимые к коренному сербскому населению. Некоторые сербы нашли выход в принятии ислама, а это в существующей обстановке политического и социального преобладания арбанасов-мусульман вело к их постепенной «арбанизации».

Путевые записки первых сербских консулов в Старой Сербии, таких как Тодор Станкович и Бранислав Нушич, а особенно научные исследования Йована Цвийича и его соратников и последователей, пролили новый свет на этническую и демографическую ситуацию в Старой Сербии. До этого представления о ситуации в сербском обществе были туманны. Цвийич, обследуя местность, обнаружил несколько явлений: кроме переселения арбанасов, сюда переезжало и сербское население, занимая места

¹ Задужбине Косова... С. 608.

² О преступлениях над сербами говорится в письмах от 26 февраля и 12 марта 1690 года. Ценные документы о положении христиан в Османской империи в середине XVII века содержатся в книге: Marko Jacov. *Le missioni cattoliche nei Balcani durante la guerra di Candia (1645–1669)*, I–II, Cittadel Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana, 1992.

выселенных сербов; переход в ислам представлял начальную фазу в дальнейшей «арбанизации» сербов. Согласно Цвийичу, численность сербов была больше, чем это могло показаться на первый взгляд таким дипломатам и исследователям, как Александр Гильфердинг и Теодор Ипен. Такое впечатление может сложиться, пишет Цвийич, если обратить внимание на старину, особенно «на руины церквей». Причиной тому является тот факт, что «сербы в этих областях носят арбанасское традиционное платье, и путешественник, не задерживающийся в дороге, не может узнать в них сербов; к тому же большинство сербов перед турецкими властями и иностранцами разговаривают на арбанасском языке»¹.

Цвийич заметил и еще один важный, менее известный факт: так же, как и в случае Пореча и Тетовского котлована, в случае Косово и Метохии сербские православные переселенцы присутствовали на территории от Шкодера до Малесии, эти люди проживали здесь еще со времен Неманичей «до Шкодера и Адриатического моря». Первая скопская школа в Шкодере была открыта в 1828 году и обозначила национальное пробуждение проживавших там сербов. Церковно-школьная община в Шкодере являлась инициатором восстановления разрушенных церквей. В Шкодере в качестве учителя приехал Никола Мусолин, родом из Гомирия, вблизи Дубровника, окончивший семинарию в Сремских Карловцах². Сербь из Шкодера в 1860 году выступили с предложением открыть семинарию в Шкодере, но им в этом начинании помешала австрийская пропаганда. Австрийский консульский отдел был открыт в 1839 году, а французский — в 1850 году. Австрийское влияние среди католических албанцев усилилось после Крымской войны. Иезуитский колледж *Seminario* был открыт в Шкодере в 1858 году. У иезуитов кроме колледжа были и начальные школы и торгово-экономический техникум в Шкодере³.

Этнографические исследования Цвийича и его современников-этнологов и антропогеографов обнаруживают интересные этнические и культурные симбиозы в точках соприкосновения между сербами и арбанасами. Было много сигналов того, что малисорские (горские) племена имели смешанное арбанасско-сербское происхождение. «О хотях известно, — пишет Цвийич, — что они сербского происхождения, причем из переселенных Пиперов и Чевлян. Беричи в основном ведут свое происхождение из Куча. Скорее всего, смешанное сербско-арбанасское происхождение имеют и Клименты, Шали и Гаши, состоящие в родстве с соседними черногорскими племенами»⁴. Но всё-таки, считает Цвийич, сербское население между Джаковицей и Шкодером встречалось «редко». Похожие этнические процессы наблюдались в Косово и Метохии. Среди арбанасского населения

¹ J. Цвийич. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. С. 418.

² Ђорђе Микић. Скадарски Срби у XIX веку. Историјски зборник Института за историју у Бањалуци, бр. 7. Бањалука, 1986. С. 121—124.

³ Ђ. Микић. Скадарски Срби у XIX веку. С. 130—131.

⁴ J. Цвийич. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. С. 419—420.

Цвийич различает две группы: настоящих арбанасов, переселенных из Албании (Малесии, Миридита, Люмы, Дукаджина), и исламизированных и «арбанизированных» сербов или «арнауташей» — так их называли сербы в этих областях. Исламизация сербов протекала интенсивно в предыдущие века, но проявлялась и на рубеже XIX—XX веков. Из исламизированных сербов, пишет Цвийич, «создается, прежде всего, колеблющаяся народная масса, которая, потеряв сербское народное сознание, всё ещё не приобрела арбанасское». Эту колеблющуюся массу укрепили подросшие мусульманские мухаджире из Боснии и Герцеговины, также не имевшие определенного национального сознания, но с течением времени «под влиянием веры и среды, преимущественно арбанасской, и те и другие в процессе ассимиляции становятся арбанасами. Исламизированные сербы женятся на девушках из арбанасских фисов (племен), становясь таким образом членами фиса, постепенно учат язык и становятся арбанасами. «Сербы их зовут «арнауташами», пока не забудется их происхождение». В области Гнилана такими деревнями в конце XIX века были деревни Кончуль или Жегра, в которых «арнауташе» в то время всё ещё носили сербские фамилии. Несколько поколений наряду с албанским знали и сербский язык.

С точки зрения этнографии для Цвийича и других исследователей особенно интересным был феномен Дреницы. В начале XX века в Дренице всё ещё были православные сербы в Лауше, Лудовиче, Которе, Радишеве и Кучици, а все географические названия были сербские. Доказано, что в четырех деревнях вблизи Дреницы — Лауч, Резало, Лудовичи и Мокромаль — жители были переселенцами из Малесии, Албании и что приехали они сюда католиками и уже в Дренице приняли ислам. В Лауше упоминаются две семьи арбанасов, «давно переехавшие из Васоевичей», и они, вне всякого сомнения, «арбанизированные» сербы. Тодор П. Станкович записал, что многие арбанасы в Дренице в начале XX века все ещё имели сербские фамилии и что в Дренице не было ни одной арбанасской деревни «без разрушенной православной церкви и православного кладбища с каменными крестами, которые они посещают и говорят, что там лежат их деды и прадеды»¹. Опираясь на записи Станковича, Йован Цвийич пишет, что «арбанасский барьяктар из Дреницы Рам Лютан, из Фиса Бериша, был сербского происхождения и праздновал День Святого Николая. У другого видного арнаута, Феки из Лауши, фамилия — Марушич и он почитает Параскеву Сербскую»².

Исследования Цвийича и других ученых на рубеже XIX—XX веков подтверждают исследования Комитета по изучению Метохии Философского факультета в Белграде, в работе которого участвовали и сотрудники Исторического института САНУ. Изучение Метохии, начатое в 1965 году, продолжалось, судя по всему, и в последующие несколько лет. Уже в 1969 году

¹ Тодор П. Станкович. Путне белешке по Старој Србији. Београд, 1910. С. 128; Ј. Цвијић. Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. С. 453.

² Там же.

средства из Республиканского фонда, выделяемые для научной работы, были уменьшены. Планировалось составление монографии о Метохии. Группа ученых, в которую входили Гавро Шкриванич, Божидар Ферьянич, Милош Благовечич, а позже Реля Новакович и Душан Синдик, задалась целью изучить ситуацию, описываемую в средневековых источниках, и сравнить с ситуацией на местах: поселения, жупы (административные области), топонимии, состав населения, культы. Из большого объема ценных материалов выделим лишь несколько показательных фрагментов по исторической демографии, географии и этнографии Метохии: Лоджаны — наряду с албанцами, здесь проживают и сербы-старожилы, есть сербское кладбище и руины церквушки, говорят, посвященной святому Николе; «часть албанцев носит фамилию Стойковичи. По преданию, сохранившемуся у них, они когда-то были сербами»; Нижний Ратиш вблизи Джаковицы — обнаружены археологические раскопки «сербского кладбища», деревня Батуша — раскопки «Фуша е Кишес» (Церковное поле), по преданию, здесь когда-то находилась церковь; Верхняя Морина — раскопки «Ливадет е Кишес» (Церковные поляны); Истинич вблизи Дечан — «в деревне сохранились два фиса — Шаля и Тачи. Шале прибыли сюда из Малесии и были католиками, а Тачи — православные старожилы». Тачи первые приняли ислам¹.

Албанцы, как известно, в XVIII веке, пользуясь покровительством туземных властей и являясь инструментом османской политики, продвигались в глубь плодородных земель Топлицы и окрестностей к южному Поморавью. Этот процесс остановился, когда начались сербские восстания, в начале XIX века, и албанцы начали возвращаться назад в рамках масштабного процесса отступления Османской империи из автономной Сербии. Согласно положениям Второго хатт-и-шерифа (1830), пишет Радош Люшич, «турки были обязаны уехать из этих областей, распродав до того все свое имущество»².

После вхождения сербской армии в шесть неприсоединенных нахий в 1833 году, мусульмане, «в основном албанского происхождения», спрятались в Крушевце, Алексинце, Парачине, Чуприи, а в следующем году ушли на юг, к Нишу, Топлице, Косово и Нови Пазару³. В последующие несколько десятилетий они подвергали православных сербов в этих районах разным видам насилия, о чем, кроме прочего, свидетельствуют и жалобы сербов, проживавших там, направленных в российский консульский отдел в Белграде.

О насилиях арбанасов над православными сербами в областях Ниша, Пирота, Лесковца и Прокупья в 1840–1841 годах, причем сразу после из-

¹ Отчеты исследований (их копии) находятся в архиве Историко-географической секции Исторического института Сербской академии наук и искусств (САНУ), которую в течение многих лет вел Гавро Шкриванич. Отчеты я получил для просмотра от Горданы Томович и хотел бы, пользуясь случаем, поблагодарить ее за это.

² Радош Люшич. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 316.

³ Там же. С. 318–319.

дания хатт-и-шерифа из Тилханы (1839), свидетельствует и жалоба российскому генеральному консулу в Белграде Герасиму Вашенко. От имени жителей Пирота, Ниша, Лесковца и Прокупья жалобу подписали Никола Цветкович из Лесковца и Стоян Маринкович из Матеевца из нишской нахии. От имени своих «скорбящих и несчастных братьев» из четырех упомянутых нахий они просят российского консула о защите, описывая свое «плачевное положение». Из-за тяжелых поборов (зулюмов) они оказались на границе Княжества Сербия («находясь под стеной сербской»), которая не пускает их, а они не смеют возвращаться в свои дома. И поэтому, пишут они, «должны все или от голода помереть, или кто останется в живых от меча и ружей завоевателей, в плену оказаться». Хатт-и-шериф «доброто Царя нашего» ждали мы «как ясна солнышка», но новый паша в Нише новый налог (побор) установил: они дали десяток, но нови паша требует по 8 грошей и 12 (центов) за «мал» (скотину), налог на вина и ракию («за каждую оку (280 гр) — по 4 пары а за ракию — по 8»). Паша 9 самых видных «чорбаджи» «представителей сельской верхушки бросил в тюрьму со связанными руками и веригами на шее и выслал их в Софию, откуда они через два месяца послали выкуп». Однажды паша появился в Матеевце на ужине, и его «подчервали всем, что у них было». Паша выпивал до полуночи, а затем потребовал, чтобы привели девушек и чтобы они «пели и плясали». Ему в этом отказали. Затем он вернулся в Ниш и отправил субаше (надзирателей) насиловать женщин. Если бы кто-нибудь попытался защищать их, турки бы его «схватили и погнали бы в город, на грудь его положили бы дерево и распятого водили бы по городу, чтобы другим неповадно было защищать жену, сестру или дочь свою. Чтобы всем было понятно, что турок может делать, что ему вздумается»¹.

В обширной жалобе чередуются разные виды насилия и преступлений. «Наши турки, а особенно арнауты, видя, как ведет себя паша, собираются в группы по 100 человек и идут поджигать деревни — недавно они в деревне Страшика сожгли 28 домов со всем имуществом». Упоминаются многочисленные примеры похищения женщин и девушек, изнасилований женщин и мужчин, грабежей, убийств, похищений скота, а посреди рынка похитили жену у мужа и увели «обращать ее в ислам». Два брата арнаута пришли в деревню Дражевце, схватили одну девушку и увели ее «в арнаутлук обратить в ислам», еще двух девушек из Заплянья на силу увели и обратили в ислам; когда их мать попыталась защитить их, они ее «на куски разрезали». В Бугаровце зарубили топором молодого человека, пытавшегося защитить сестру, которую затем изнасиловали; шесть арнаутов изнасиловали 14-летнюю девочку, которая пошла с отцом собирать виноград; насилуют замужних женщин и девушек, «взрослых и малых», «а сейчас начали насиловать и людей, как это было в святой церкви в Прокупье,

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) — Москва, Посольство в Константинополе, оп. 517/1, 1841, 9.2685, 1.46, 50, 50—6. Неговомъ Высокоблгородію Господину Герасиму Вашенку, генеральному за Сербію Русском Консулу. Београд, 23. Апрілія [1] 841.

в которую втащили трех человек и изнасиловали их», врываются ночью в дома, грабят, а если находят мужчину — убивают его — свыше 20 человек за короткое время было убито, «а их головы по реке Мораве мимо Алексинца проплывали». Упоминаются и десятки других актов насилия и преступлений. Жалобу подали, говорится в конце, Чамил-паше и князю Михаилу.

В течение Второй турецко-сербской войны 1877–1878 годах из Топлицы, Ябланицы и окрестностей (Прокупье, Куршумлийский уезд и Пуста река) выехало 30 000 албанцев, которые в основном поселились в Приштинской, Гниланской, Вучитрнской и Прешевской казах, а некоторые переехали еще дальше — до Призрена, Джаковицы и Прилепа¹. Один из авторов этот процесс обозначил как «обратную миграцию арбанасов». Албанцы массово участвовали в войнах против Сербии в 1876 и 1877–1878 годах в составе турецких войск. Группа албанцев численностью в 3000 человек из Люмы в начале июля 1876 года по дороге к границе ограбила сербскую торговую часть города Призрена. Из-за занятости турецких войск войной против России албанцы в 1877–1878 годах «представляли главную силу против сербов», а в боях за Прокупье и Куршумлию оказывали сербам яростное сопротивление². Под давлением европейской дипломатии, прежде всего российского и британского правительств, Сербия приняла решение разрешить возвращение ранее изгнанных албанцев, а в августе 1879 года даже организовала встречу с албанскими лидерами. С сербской стороны участвовали майор Драгутин Франасович и лейтенант (поручник) Светозар Станкович. Старейшины албанских племен отклонили это предложение, утверждая, что Сербия их в 1878 году обманула и что она не соблюдала данные тогда обещания³.

Выселенные албанцы стали осуществлять еще более масштабное насилие и преступления над сербами в Косово и Метохии и спровоцировали еще одну волну переселения сербов в Центральную Сербию. Это уже был один из элементов политического проекта Великой Албании. Согласно данным российского консула в Призрене И.С. Ястребова, только из Печского края с времени войны в 1876–1877/78 годов до 1883 года выехало 1500 сербских семей⁴. Дополнительное чувство тревоги православных сербов возникло после основания турецкого военного трибунала в Приштине в 1882 году, после мнимого доноса о том, что местные сербы готовят восстание. По некоторым данным, за пять лет работы трибунала было убито около 7000 сербов, а 300 отправлено в тюрьму сроком от 1 до 101 года⁵. Ситуацию в Старой Сербии в течение последующих двадцати лет освещают заголовки нескольких книг, написанных сербскими авторами. В их числе:

¹ J. X. Васильевич. Албанска лига, 19; Д. Богдановић. Књига о Косову. С. 170; Ђ. Слијепчевић. Српско арбанашки односи. С. 152–153. Слијепчевић пише, что «было их примерно 30 000, но, возможно, что их было больше».

² Косово и Метохија у српској историји. С. 212–213.

³ Там же. С. 18–19.

⁴ Косово и Метохија у српској историји. С. 927.

⁵ Там же.

«Садање несретно стање нашег народа у Старој Србији и Македонији» («Современная тягостная ситуация в Старой Сербии и Македонии»), автор Сима Андреевич Игуманов, опубликована в Белграде в 1882 году (Игуманов похоронен в монастыре Святого Марка, чуть выше Кориша, вблизи Призрена, а его гроб в XX веке был по крайней мере четыре раза осквернен и разбит); «Може ли се помоћи нашем народу у Старој Србији» («Возможно ли помочь нашему народу в Старой Сербии»), опубликована в Белграде в 1891 году, автор Маноил Джорджевич Призренца; «Из најцрње Европе» («Из самой мрачной Европы. Убийства, грабежи, похищения и тирания в Старой Сербии, Арнаутлуке, Дебре и Македонии»), опубликована в Белграде в 1896 году под псевдонимом Србин Србинович, настоящее имя автора — Иван Иванович. Два года спустя появилась уже упомянутая нами книга «Преписка о арбанаским насиљима у Старој Србији 1898—1899» («Переписка о насилиях арбанасов в Старой Сербии в 1898—1899 гг.»). Эта книга отражала идею Стояна Новаковича, с которой согласилось и правительство Владана Джорджевича. Предполагалось использовать Мирную конференцию в Гааге, чтобы ознакомить мировые державы с материалами о преступлениях албанцев в Косовском вилайете¹. Собранные важнейшие источники, включая опубликованные документы и неопубликованные архивные материалы, включая и списки убитых сербов в областях Косово и Метохии, вошли в монументальную работу «Задужбине Косова»².

Встречаются мнения, что насилие и преступления над сербами в Старой Сербии после 1878 года последовали за вытеснением албанцев из Топлицы, Ябланицы и окрестностей. Бесспорно, выселенные албанцы особенно активно участвуют в преступлениях против сербов, но разгромы, преступления и разные виды насилия имели место и ранее — в течение XVIII—XIX веков³. В письме князю Милошу в июне 1836 года братия монастыря Дечан просит сербского князя о помощи и уведомляет его, что землю монастырскую «узурпировали арнауты», не признающие старые «фирманы» (указы). Призренские священники с группой сербских лидеров из Призрена 21 декабря 1844 года обратились к русскому царю Николаю I с просьбой. Они пишут, что не могут более выносить «тиранию в этом Арнаутлуке», что не знают, как дальше жить, «так как невозможно более терпеть злуом, все погибнем, но терпеть это больше не будем». Товары из лавок силой забирают, накладывают штрафы и бьют, «мучали братьев наших, убивали и обращали в ислам, дочерей наших бесчестили», мы мертвы, «в рабстве погрязли, не смеем о бедах наших говорить, иначе жизнь потеряем». Жители Призрена говорят, что убиты их братья в деревне Любиджа, побиты Станко, Марко, Милосав, еще один Станко, «погибли Радосав и Петр, в каждой деревне по 10 человек погибло». Просят русского царя защитить их — «не позволяйте, чтобы погибали мы и чтобы нас

¹ Mihailo Vojvodić. «Plava knjiga» o stradanjima Srba u Staroj Srbiji, JIČ 1–2 (1999). Beograd, 1999. С. 63.

² Задужбине Косова. С. 627–744.

³ Задужбине Косова. С. 608–622.

обращали в ислам». Письмо подписали призренский протоиерей Стефан Неделькович, поп Коча Неделькович, Йосиф Михайлович, Василь Йованович, Спаса Стайич, «селянин из Очи Васил Йоич», поп деревенский Мойса и Станко Симич, Коста Милич из Призрена¹. Десятки таких писем и просьб будет направлено в последующие несколько десятков лет митрополитам Сербии Петру и Михаилу и правительству Сербии. В 1864 году сербы из окрестностей Печи направили жалобу султану Абдулле Азису, в которой упоминаются многие примеры преступлений и насилия (место совершения преступления, имена жертв и преступников), в которых обвиняются «арнауты, злейшие неприятели веры Христовой», — из деревень Укча, Истиничи, Дечаны, Црвени брег и Вокша².

Геодон Юришич в своей книге «Дечански првенац» (Нови Сад, 1852) дал ценные описания сокровищницы в Дечанах и другие редкие свидетельства сербской истории. Он пишет об албанцах в Малесии и Метохии, в Косово и об их отношении к сербам. Больше всего хайдутов (вооруженных повстанцев) — в Малесии, пишет он, и они «с арнаутами Джаковикской, Печской, Новопазарской и Вучитрнской нахий открыто разбойничеством занимаются и сербскому народу насилия причиняют, особенно в настоящее время больше всего злодеяний совершают»³.

Дечанский архимандрит Серафим Ристич 27 января 1859 года направил письмо русскому царю Александру II, в котором «со слезами на глазах» от имени братии Дечан просит русского царя «о защите от диких и свирепых арнаутов, которые Бога не боятся и царские турецкие приказания не слушают». Окруженные со всех сторон «непокорным племенем», они как будто находятся в «пасти у льва». Вокруг монастыря не осталось и 10 домов православных сербов, которые не только не дают никаких доходов монастырю, но и «не могут сами прокормиться и себя содержать, не с чем им отметить праздник Воскресения Христова, и надеются они только на скорейшую помощь, которую им обещало братство Дечанское»⁴. Монастырю Дечаны, пишет архимандрит Ристич, «до недавнего времени принадлежал каштановый лес и несколько полей, но всё это арнауты отняли, и если кто из братии вспомнит право свое на это добро, арнауты ружьями угрожают». Одним из источников доходов монастыря являются паломники, приходящие поклониться мощам Святого короля, но из-за «плохих и небезопасных дорог, паломников каждый год всё меньше бывает». Обстановку, в которой жила братия монастыря Дечаны (и сегодня они живут так же), лучше всего характеризуют следующие строки, написанные Ристичем: «К несчастью, чем доходы меньше, тем арнауты больше требуют, братия должна, чтобы священные останки сохранить, давать взятки самому сильному племени. Чтобы охраняло оно монастырь, и только так можно хоть на какую-то безопасность рассчитывать, за эту услугу фису (пле-

¹ Задужбине Косова... С. 611–613.

² С. Ристич. Плач Старе Србије. С. 6–44.

³ Геодон Јосиф Јуришич. Дечански првенац. С. 87.

⁴ Серафим Ристич. Дечански споменици. Београд, 1864. С. 77.

ни) нужно в год большую сумму платить, другим старейшинам нужно преподносить подарки в деньгах, одеяниях, оружии и других вещах, к тому же каждый день нужно в монастыре угощать по 40–50 арнаутов и постоянно опасаться, что вместо благодарности получишь пулю, зулум этот особенно усилился с этой зимы, несколько раз они уже нападали на монастырь с оружием, и в прошедшую зиму братия каждую ночь с ружьями сторожила и силу силой должна была встречать. С одной стороны — тирания, а с другой — нехватка денег вынуждает братию, страшно и подумать об этом, уйти из этого дивного памятника православных времен сербского народа, оставить единственную опору православия в этом районе, единственное утешение поработенных»¹. Ристич в заключение подчеркивает, что опасность угрожает и «со стороны римской пропаганды, а для нее была бы достаточна моральная победа», так как за время «прошлых войн» (Крымской войны, войны Европы и Турции против России, 1853–1856) в Дечаны прибыл официальный агент французского правительства и предложил братии в Дечанах покровительство, а именно — унию. Он говорил, что «это никак не связано с отклонением от веры», ничего не требовал менять в службе Божией, а если они согласятся, им будет назначена «пенсия и будет определен человек, который будет нас перед турками представлять»². Известно, что Франция получила право от Римской курии защищать римо-католиков в Османской империи. С 1837 года право на защиту албанских католиков передано Австрии, и с тех пор начинает увеличиваться влияние Габсбургской монархии среди албанцев. Иезуиты в 1858 году основали Албанскую коллегию в Риме, а шкодерская епархия в 1867 году была поднята до ранга архиепархии³.

¹ Серафим Ристич. Дечански споменици. Београд. С. 78–79.

² Там же. С. 79–80.

³ J. Радонић. Римска курија и јужнословенске земље. С. 686.

Глава XXI

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ДИПЛОМАТЫ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В СТАРОЙ СЕРБИИ

Ценные свидетельства об этнических и демографических процессах в Старой Сербии оставили в XIX веке исследователи и авторы путевых заметок, такие как Ф. Пуквиль, Ами Бюе¹, Йозеф Мюллер², Йохан Георг фон Хан³, Александр Ф. Гильфердинг, Иван Степанович Ястребов⁴, Мэри Дарам и многие другие. Они как непосредственные свидетели объясняют этническую и религиозную ситуацию, процесс исламизации сербов и, в частности, множество различных видов насилия и террора по отношению к православным сербам. Интересны, к примеру, данные Йозефа Мюллера 1838 года о населении Печского, Джаковицкого и Призренского округов в Метохии. В городах Печь, Джаковица и Призрен проживало 31 650 православных сербов и мусульман и 23 650 албанцев-мусульман и католиков. Православные сербы в Призрене имели абсолютное большинство (16 800, по сравнению с 6150 албанцев католиков и мусульман), в Печи также православные сербы и мусульмане имели абсолютное большинство, по сравнению с албанцами католиками и мусульманами (11 050 по сравнению с 500), тогда как в Джаковице абсолютное большинство составляли албанцы, по большей части мусульмане (17 000 по сравнению с 3800)⁵. В религиозной структуре сельского населения в этих трех округах мусульмане составляли большинство — 80 150 по сравнению с 56 250 христиан.

¹ Ami Boué. Recueil d'itinéraires dans la Turquie, d'Europe. De'tails géographiques, topographiques et statistiques sur cette Empire, I, II. Vienne, 1854. S. 180–200, 315–321, 111–117; Там же. La Turquie d'Europe, I–IV. Paris, 1840.

² Dr Joseph Müller. Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrinische Gränze. Prag, 1844.

³ Dr Johann Georg von Hahn. Albanesische Studien (Erster Heft). Wien, 1853; J.G. von Hahn. Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1862 (в особенности главы XVI–XXII); J. G. von Hahn. Reisedurch Gebietes des Drins und Wardar. Wien, 1867.

⁴ Иван С. Ястребов. Стара Сербия и Албания. Путевия записки. Споменик СКА, XLI. Београд, 1904.

⁵ Joseph Müller. Указ. соч. С. 12, 77–78, 82–83; Владимир Стојанчевић. Етничке, конфесионалне и демографске прилике у Метохији 1830 их година, Зборник округлог стола о научном истраживању Косова. САНУ. Београд, 1988. С. 102–105. См.: Душан Т. Батаковић. Французи о Старој Србији, Косово и Метохија у српскоалбанашким односима. Приштина — Горњи Милановац, 1991. С. 66–80.

В первые десятилетия XIX века все еще продолжался процесс исламизации сербов в Старой Сербии, особенно в Метохии.

Историк Владимир Стоянчевич утверждает, опираясь на свидетельства Мюллера, Буге, Хана и Ястребова, что среди мусульманского сельского населения в Метохии было «относительно много новообращенных, особенно среди метохийских сербов, ввиду событий, вызванных Первым и Вторым сербским восстанием, греческой революцией 1821–1827 годов, а также Русско-турецкой войной 1828–1829 годов, особенно из-за распространения анархии в западных частях Румелии в 1831–1832 годы» и жестоких столкновений между сторонниками и противниками реформы Порты¹. Архимандрит монастыря Дечаны Хаджи Серафим Ристич свою книгу о преступлениях над сербами («Плач Старе Србие») посвятил Вильяму Дентону, «другу и защитнику народа сербского»².

Согласно представлению демографической и этнографической ситуации Петера Кукуля, в Призренском мутесарифлуке (то есть Метохии и Косово) по национальности было 318 000 сербов, албанцев (арнаутов) – 161 000 и немного меньше турок, вlahов, цыган и черкесов. По религиозной принадлежности православных было (сербы и гоги) – 250 000, а мусульман (албанцы, сербы, цыгане, черкесы, турки) – 239 000. Католиков (албанцев и сербов) было 11 000³.

Акты насилия в отношении сербов и их изгнание из этих областей еще больше усилились после Берлинского конгресса (1878 г.), в конце XIX века, о чем тогдашнее Правительство Королевства Сербия опубликовало упомянутую книгу документов на сербском и французском языках в 1899 году⁴.

Книга, как уже указано, была подготовлена для крупной международной конференции в Гааге.

Отдельно и поименно указаны данные об убийствах сербов, ограблениях церквей, изнасилованиях и похищениях, обращении в ислам, грабежах и разбоях, поджогах, а также данные о лицах, сбежавших в Королевство Сербия. Еще во время депутатского мандата в Константинополе в 1886–1891 годах Стоян Новакович и сербское правительство просто засыпали Порту нотами о вторжениях албанцев в Королевство Сербия и преступлениях над сербами в Старой Сербии. В середине марта 1887 года Новакович передал ноту турецкому министру иностранных дел Саид-паше об албанских вторжениях в Сербию. «Старая Сербия, – пишет Новакович, – стала областью, в которой власть больше не имеет никакого влияния, и она

¹ В. Стоянчевич. Там же. С. 106.

² Плач Старе Србие, написал и издал Архимандрит Високих Дечана, Хаджи Серафим Ристич, у Земуну 1864.

³ Das Fürstentum Serbien und Türkisch Serbien (Stara Serbia Alt Serbien), Eine militärisch-geographische Skizze von Peter Kukulj, Major im k. k. Genelastab. Wien, 1871. S. 148–149.

⁴ Переписка о арбанаским насељима у Старој Србији 1898–1899; Dokuments diplomatiques, correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille Serbie (Vilayet de Kosovo) 1898–1899, Ministère des affaires étrangères, Belgrade, MDCCCXCIX, I–145. О ситуации в Старой Сербии 1878–1882 см.: Јован Хаџи-Васиљевић. Арбанаска лига – Арнаутска конгр и српски народ у Турском царству (1878–1882). Београд, 1909. С. 127.

работает лишь для вида, а влияния у нее столько, насколько это позволяет самовольное местное самоуправление распоясавшихся элементов»¹. Перечень албанских вторжений сербское правительство передало и турецкому посланнику в Белграде Зия-бею. Новакович посетил и военного министра Али Саиб-пашу и первого секретаря султана Сурея-пашу. В конце концов 8 декабря 1887 года он сообщил Йовану Ристичу, что вышел письменный указ султана, на основании которого назначаются турецкие представители (один военный и одно гражданское лицо) в смешанной сербско-турецкой комиссии по расследованию вторжений албанцев в Сербию.

Французский исследователь Виктор Берар, переводчик классической литературы и историк, был свидетелем сербских страданий и гонений в конце XIX века, о которых записал: «Если эта анархия продлится еще десять лет, если даже серб сможет открыть какие захочет школы в Старой Сербии, послать владык и священников во все города и веси, то священники больше не смогут найти ни одного христианина, который бы учил Закон Божий, в школах больше не будет ни одного славянина, который бы учился в них. При встрече с албанцами славянин вынужден бежать, или он умрет, его исчезновение во всей стране — вопрос нескольких лет»². Берар, как и многие другие иностранцы, заметил благосклонное отношение султана к анархии и преступлениям албанцев в Старой Сербии, при этом увидел в них средство подавления сербского освободительного движения. «Ни султан, ни Порта, — пишет Берар, — никогда не пойдут против албанцев и не наведут порядок в Косовском вилайете. Албанцы в этой славянской стране играют и будут играть ту же самую роль, что и курды в армянских краях»³. С тревогой он предупреждал об опасности полного исчезновения сербов из Старой Сербии, если албанцы продолжают убивать, насиловать и грабить. Другой француз, публицист Жорж Голис, так же, как и Берар, видел ситуацию в Старой Сербии: «Часть Старой Сербии в районе Призрена вместе с Арменией — самая несчастная страна в мире [...] Убийства, похищения, запугивания — это повседневность Старой Сербии [...] Албанская резня обладает особым смыслом, который заключается в том, что турки хотят очистить равнину от ее христианского населения»⁴.

Французский профессор Альбер Малё, преподаватель истории дипломатии у несовершеннолетнего короля Александра Обреновича (в 1892–1894 гг.), объездил Старую Сербию и Македонию в 1902 году. В рекомендации французского Министерства просвещения было написано, что он «намерен провести этнографические исследования, изучить движе-

¹ АС, ПО, пов. бр. 65, Стојан Новаковић-Јовану Ристићу. Цариград 24. октобра 1887. године.

² V. Berard. La Macedoine, Paris. 1897. P. 139. О страданиях сербов и влиянии австро-венгерской политики на действия арбанасов говорится и в книге Берара *La Turquie Et l'hellénisme contemporain*. Paris, 1893. С. 291–292.

³ Цит.: Д. Т. Батаковић. Французи о Старој Србији. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 73–74.

ние албанского прорыва в области Вардар»¹. Его общее впечатление после увиденного было следующим: «В Старой Сербии, в албанском аду, в Приштине и Призрене. Здесь ежегодно тысячи несчастных сербских крестьян исчезают, одни вынуждены эмигрировать, другие убиты. Здесь и в самом деле христианин чувствует, что смерть следует за ним по пятам. Это как какой-то уголок конголийского леса или кусок Средневековья, перенесенный в нашу Европу и забытый в нашем двадцатом веке»². В Старой Сербии, пишет он, «слышал вопль одного народа в предсмертном хрипе». В более поздней полемике с известным Хилми-пашой, обвинившем его в преувеличении описываемой ситуации в Старой Сербии и Македонии, Мале, указывая на уничтожение 33 сел в Ибарском Колашине в 1901 году, добавил: «Я еще раз могу подтвердить, что уже двадцать лет во всем крае от Скопья до Нови-Пазара и от Приштины до Призрена албанцы организуют настоящую охоту на христиан, а турецкое правительство вплоть до последнего времени не сделало ничего, чтобы защитить сербов»³.

Из французских исследователей фундаментальное научное объяснение этого феномена дал французский антропогеограф Гастон Гравье в исследовании «Старая Сербия и Албанцы», написанном на основе его путешествий и изысканий в 1910–1911 годах⁴ и опубликованном в Париже в 1911 году⁵.

Выживание сербского населения в Косово объясняется культом прошлого, светом воспоминаний, пишет Гравье. «Нигде больше нет такого числа старых сербских церквей, таких красивых; нигде преданность земле и религии не выражается в таких трогательных формах. Сербь в Косово понимают, что охраняют Святые Места, на которые из Сербии приезжают паломники»⁶. Над сербом, отмечает Гравье, нависла опасность «изгнания с этой земли, из колыбели и надежды своего рода, чью величественную эпопею оживил именно Мештрович, великий национальный скульптор на выставке в Риме». Речь идет о фрагментах монументального Видовданского храма, выставленного Иваном Мештровичем в 1911 году в сербском павильоне на Международной выставке в Риме. Исследования Гастона Гравье дают ценные свидетельства в освещении недостаточно известного феномена исламизации сербов в Косово и Метохии, а затем их албанизации во время последних двух веков турецкой власти. Об этих процессах, особенно в новой зарубежной историографии и этнографии, как правило, умалчивается. Типичен в этом отношении регион Дреницы. Гравье в каче-

¹ Албер Мале. Дневник са српског двора, подготвила и превела Лиљана Марковић. Београд, 1999. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 50.

⁴ Гастон Гравје. Стара Србија и Албанци; пер. с француског Радмила Обрадовић. Приштина, 1995.

⁵ Gaston Gravier. La vieille Serbie et les Albanais, extrait de la Revue de Paris du 1 novembre 1911. Paris, 1911.

⁶ Там же. С. 35.

стве примера указал городок Ораховац в Метохии и прилегающую область: «Почти все мусульмане в этом регионе — сербы, недавно перешедшие в ислам. Видимо, большинство обращений в другую веру происходило с начала XIX века. В некоторых семьях речь идет не более чем о 25 годах, прошедших со времени обращения. Многие семьи разделены на православные и мусульманские дома». В самом Ораховце, согласно Гравье, в начале XX века было 141 православный и 416 мусульманских домов, тогда как религиозная и этническая структура 1310 домов в 17 прилегающих селах выглядела следующим образом: 644 дома — сербы мусульманского вероисповедания; 516 — сербы православного вероисповедания; 53 — албанцы, исповедующие ислам; 24 — албанцы-католики; 5 — сербы-католики; 6 домов — турки; 52 дома цыган православной веры и 10 — цыган-католиков¹.

Похожее понимание Косово и Метохии как части Сербии и сербской истории было и у многих других зарубежных писателей. В своей «Истории Сербии», опубликованной в Лондоне в 1917 году, известный историк Гарольд Темперлей следующими словами отметил роль Косово в сербской истории: «Для сербов Косово значит больше, чем для шотландцев Флоден, поражение, в результате которого они потеряли армию и правителя, больше, чем для англичан Гастинг, поражение, в результате которого народ-победитель смог навязать свою волю побежденным»². Темперлей был профессором в Гарвардском и Кембриджском университетах, а в 1921 году — британским представителем в комиссии по албанским границам.

Русский славяновед и историк Александр Федорович Гильфердинг, член Российской академии наук и первый русский консул в Сараево, опубликовал в 1859 году в Санкт-Петербурге объемные путевые заметки под названием «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». Гильфердинг в 1857 году объездил все значимые города Косово и Метохии, посетил все крупные монастыри и оставил множество ценных данных об истории и культуре этой территории. Он критически относился к великому переселению сербов при патриархе Арсении III Чарноевиче, утверждая при этом, что он «должен был предусмотреть, что произойдет с землей, оставленной им [...] Весь этот чудесный край, сердце Старой Сербии заняли албанцы, спустившиеся с бедных и холодных гор Дукаджина и Малесии в урожайные и теплые равнины, оставленные славянами»³. Высокие Дечаны, по словам Гильфердинга, «одно из самых совершенных творений византийской сакральной архитектуры. Когда вы входите в эту церковь, вас охватывает какое-то чувство радостного наслаждения. Вы здесь беззаботны, спокойны и веселы, и в вас проникает возвышенная радость». В народной песне, записанной Гильфердингом в Дечанах, Призрен назван «сербским Константинополем», это название говорит о том, что это «не гипербола,

¹ Gaston Gravier. La vieille Serbie et les Albanais, extrait de la Revue de Paris du 1 novembre 1911. Paris, 1911. P. 27–28.

² H. W. V. Temperley. History of Serbia. London, 1917. P. 102.

³ Александр Ф. Гильфердинг. Путевые заметки по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии; пер. с русс. Бранко Чулич. Сараево, 1972. С. 163–164.

которой случайно воспользовался народный певец-гуслиар». Указывая на множество данных о когда-то мощной демографической и культурной силе сербов, Гильфердинг отмечает, что только в селе Любиджи у Призрена в древние времена было семь церквей, «фундаменты некоторых из них еще видны»¹.

По прошествии шести лет после поездки Гильфердинга англичанки Маккензи и Ирби записали в своей книге «Путешествие по славянским странам Турции в Европе» множество данных о Старой Сербии и сербском наследии в Косово и Метохии. Они постоянно используют термин «Старая Сербия». В одном месте они указывают: «За дунайской Сербией [...] возникает Старая Сербия». Согласно старым хроникам, пишут они, «как в те времена, когда турки впервые вошли в Косово, этот край был хорошо возделан и заселен; за дорогами и мостами правитель следил особо; Сербский собор обычно проводился где-то поблизости, а в соседних городах — Скопье, Ново-Брдо и Призрен — ежегодно проходили ярмарки, на которые собирались зарубежные торговцы. Да, в те дни Косово принадлежало Европе — обществу, конечно, еще несовершенному, но трудолюбивому и прогрессивному; но в такой же дождливый день пятьсот лет назад его завоевали турки, чтобы по нему паслись их кони». Раздел заканчивается словами: «Так откололи Косово от Европы»². Монастырь Грачаница своей архитектурой напоминал некоторые церкви в Северной Италии. Подтверждения итальянского влияния, отмечают они, «несомненно, можно бы было найти и на фресках внутри церкви». Маккензи и Ирби очень хорошо понимают понятие «Старая Сербия», его возникновение и соотношение новообразованного Княжества и Старой Сербии: «Старые карты европейской Турции, выполненные, пока еще вся Сербия была под турками, этой стране дают ее настоящее имя; но сейчас, когда та часть, расположенная ближе всего к Дунаю, освободилась от владычества магометанства, вторая часть, ближе к Македонии, еще в рабстве. Авторы географических карт называют Сербией свободные земли, а остальную часть местный народ называет Старой Сербией»³. На юго-западном краю Старой Сербии, отмечают они, находится Призрен — «сербский Константинополь». Они объясняют причины изменения этнической структуры Косово и Метохии, аналогично Гильфердингу: «Землю, оставшуюся пустой, когда беглецы во время первого переселения и после оставили, заняли люди, сошедшие с соседних гор, шкипетары или албанесцы, или, как их называют турки — арнауты»⁴. Но в отличие от албанцев-мусульман, потерявших и свободу, и свою старую веру, и пришедших на чужую территорию, христиане на свои праздники собираются «под стенами своих больших древних церквей, в их преданиях — старое царство и цивилизация, отличавшая Старую Сербию,

¹ Александар Ф. Гильфердинг. Путovanje по Херцеговини... С. 168, 194.

² Мјур Мекензи и А. П. Ирби. Путovanje по словенским земљама Турске и Европи; пер. с англ. Ч. Мијатовић. Београд, 1868. С. 161.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

пока та была частью христианской Европы. Если прошлое было их, то они должны постараться, чтобы их было и будущее, чтобы раньше или позже снова стать частью христианской Европы»¹.

Иван Степанович Ястребов (1839—1894) занимал должность консула на протяжении многих лет в Скадре, Призрене, Янине и Солуне. Он относится к тем выдающимся и на редкость талантливым дипломатам, которые, помимо консульских дел, занимались историко-географическими, этнографическими и литературно-историческими исследованиями и проводили необычайно нужную работу по сбору древностей. Вершиной его исследований во время пребывания в Шкодере и Призрене (с небольшими перерывами) с 1867 по 1886 год стали три значимых произведения: *Податци за историју српске цркве*. Из путничког записника (Београд, 1879); *Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ* (СПб., 1886; второе издание — 1889 г.) и *Стара Сербія и Албанія. Путевія записки* (незавершенная рукопись, опубликованная в Белграде в 1904 г. в Сборнике Сербской королевской академии). Ястребов оказался на Балканах в то время, которое во многом стало поворотным в решении сербского вопроса. Западные силы после Крымской войны предприняли мощное наступление на Балканах и Ближнем Востоке. С 1863 года в Константинополе действовал американский «*Роберт Колледж*», в котором училось много молодежи с Балкан и Ближнего Востока. В 1871 году в турецкой столице был открыт Американский колледж для девушек. Россия в течение пятидесяти лет после Крымской войны расширила сеть своих консульских представительств в Балканском регионе: к открытым ранее консульским представительствам в Салониках, Адрианополе, Белграде и других местах Влахии, Молдавии и Болгарии добавились консульства в Шкодере, Скопье, Призрене, Битоли, Янине, Цетине, Сараево, Дубровнике, Мостаре, Риеке, Косовской Митровице и Нише. В истории дипломатии, и российской дипломатии, тоже очень редко встречаются люди, которые профессионально подготовлены и для дипломатической, и для исследовательской работы. Одним из таких людей был Ястребов. Уже во время своего основного обучения он выучил не только современные европейские языки, но и классические — латинский, греческий и старославянский. Знание классических языков пригодилось ему во время исследований на балканской территории. В 1864 году он поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в Отдел восточных языков, где, помимо обычных дипломатических знаний и навыков, отлично выучил турецкий, арабский и персидский языки. Знание этих языков, особенно турецкого, помогло ему намного успешнее и проще осуществлять свою дипломатическую миссию на Балканах. Во время пребывания в Шкодере он выучил и албанский язык. Российское консульство в Призрене было открыто в мае 1866 года, а Иван Степанович Ястребов

¹ Мјур Мекензи и А. П. Ирби. Путовање по словенским земљама Турске и Европи; пер. с англ. Ч. Мијатовић. Београд, 1868. С. 181.

приехал в «сербский Константинополь» 1 апреля 1870 года. До Ястребова в должности вице-консула состоял Евгений Тимаев. Ястребов оставался в Призрене (с небольшим перерывом в целях управления консульством в Шкодере) до августа 1874 года, когда его заменил вице-консул Лисевич. В Призрен он снова вернулся в июле 1879 года (непродолжительное время был консулом в Янине) и остался там до 1886 года. С 1886 года до смерти в начале 1894 года возглавлял генеральное консульство России в Салониках. Похоронен на православном кладбище в Салониках, так как полагал, что человек должен быть похоронен там, где закончилась его земная жизнь. Его семья, супруга Нина (дочь сенатора Александра Ф. Тюриня), сын Ростислав и дочь Людмила все его движимое имущество (мебель, библиотеку и т.д. подарили сербской школе в Салониках). Один из его современников описал его как человека «атлетически сложенного», всегда «собранного и решительного», «саркастичного», с вечной усмешкой на губах.

В состав первой, самой значимой книги Ястребова «Данные по истории Сербской церкви» вошли работы, в основном уже опубликованные в Вестнике Сербского научного общества. Помимо ценных источников, в первую очередь турецких, по истории Сербской церкви и сербского народа более раннего периода, по большей части второй половины XVIII — первой половины XIX века, Ястребов записывал и более поздние данные. Исключительность этой работы заключается в переводе с османско-турецкого языка фирманов и грамот, связанных в основном с историей Сербской церкви и Рашско-Призренской митрополии. Из 17 грамот и фирманов, переведенных им полностью или пересказанных, большинство он нашел в Дечанской лавре, немного меньше — в Печской патриархии и в других местах. Он полностью перевел фирман, на основании которого была упразднена Печская патриархия в 1766 году¹. Помимо других он представил и краткое содержание фирманов, в которых указываются данные о рашско-призренском митрополите Яничии, сербе (умер в Призрене в 1818 г.). Исследования, опубликованные Ястребовым, представляют собой также неопенимый вклад в историю Дечанского монастыря за последние несколько веков. Дечанский монастырь во времена Ястребова — сердце Старой Сербии, «задававший направление как ее моральной, так и всей церковно-исторической жизни»². На основании монастырских протоколов видно, пишет Ястребов, что в 1846–1847 годах «злодеи арнауты силой отобрали у монастыря 1576 грошей наличными, а с 1850 по 1866 год украли у монастыря 18 798 грошей и 30 пар». Арнауты, продолжает он, постоянно нападали на монастырь, грабили его, силой отнимали монастырский скот и часто поджигали монастырские корпуса. В 1865 году они воспрепятствовали возведению стены вокруг монастыря, а судья из Джаковицы поста-

¹ И.С. Ястребов. Податци за историју Српске цркве. Из путничког записника. Београд, 1879. С. 2–18.

² Там же. С. 36.

новил, чтобы начатая стена была снесена¹. Ястребов в своей книге оставил большое число надписей и заметок, а также одну запись об известном монастыре Грачаница (приштинский Яшар-паша, «чтобы покрыть мечеть в Приштине, снял все олово, которым была покрыта Грачаница»), а также ряд бесценных надписей из других церквей, надписей с церковных колоколов, каменных плит, церковных книг и других предметов². В книге имеется достаточно много данных о Призрене, об известном монастыре Богородицы Левишской, который в середине XVIII века приспособили под мечеть — Джума-джами (соборная мечеть). Рядом с мечетью, пишет Ястребов, видны развалины бывшего здания Рашско-Призренской митрополии («эти развалины находятся сейчас в турецком дворе», крыша еще цела, «на месте купола, под которым, возможно, была комната для молитв или домовая церковь митрополита», турки из досок построили часовую башню)³.

Очень документально, непосредственно на месте, Ястребов исследовал процесс исламизации православных сербов, а затем их постоянного превращения в албанцев. Процесс, который убедительным способом рисует картину глубокой этнической и духовной драмы сербского народа, остается почти в стороне от глубоких научных исследований, за исключением, конечно, работ Йована Цвийича и еще нескольких сербских ученых, зарубежных исследователей и Гастона Гравье. На примере Ополья и Горы вблизи Призрена Ястребов показывает, каким образом они были исламизированы. В Ополье сербы, ставшие албанцами, хранят следы своей ранней духовной и культурной идентичности, они празднуют Святого Георгия и Святого Димитрия, почитают их как свои праздники, празднуют не по латинскому, а по православному календарю⁴. В Призрене мусульмане особенно почитают святого Георгия, отмечают праздник с большим размахом и стрельбой («в тот день они ничего не делали и не сидели в своих лавках»). В Ополье в начале XIX века еще были пожилые люди, говорившие только на сербском языке, тогда как небольшое число жителей говорило по-албански. Однако после смерти этих стариков отпала необходимость в использовании сербского языка. Ястребов приводит пример Люмы, области, расположенной на дороге из Призрена в Среднюю Албанию. Еще в 1820 г. в Люме многие пользовались сербским языком, а Ястребов пишет: «Мы знаем и сейчас некоторых люмчан, которые рассказывали нам о том, что их отцы, а это было примерно 50 лет назад, еще говорили по-сербски»⁵. По словам Ястребова, сербское происхождение жителей Люмы и Ополья подтверждают и сербские названия их сел.

Иван Степанович Ястребов этих исламизированных сербов, которые впоследствии стали албанцами, называл арнауташами (новыми арнаута-

¹ И.С. Ястребов. Податци за историју Српске цркве. Из путничког записника. Београд, 1879. С. 56–57.

² Там же. С. 58–64.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 127–128.

⁵ Там же. С. 128–129.

ми), различая среди них и настоящих пришлых арнаутов, как это делал после него и Йован Цвийич. Он углубляется в этнопсихологический анализ, в анализ свойственной этому миру ментальности. Новых арнаутов он характеризует как проблемных, в отличие от настоящих, пришлых арнаутов. Ястребов пишет: «Новый арнаут почти не знает, что такое честь: он лжив, не держит свое слово. Настоящий арнаут такого не сделает: он держит слово и никого не выдаст, он знает, что такое порядочность. Новый арнаут заискивает перед каждым, его намерения и поведение перед властями подлое, притворное и лицемерное. Арнаут ведет себя в таких случаях с достоинством, благородно»¹. Новый арнаут дерзок только с христианами и больше ослеплен фанатизмом, чем пришлый арнаут. Исследователи этого феномена более позднего периода, такие как Йован Цвийич и Владимир Дворникович, отмечали, что этот радикализм возникает по причине необходимости подтверждения новой идентичности. Еще более интересен осуществленный Ястребовым анализ различных видов мимикрии, ввиду повседневного насилия со стороны албанцев, которое со временем приводит к исламизации, а потом и превращению сербов в албанцев. Христиане, проживающие в контакте с арнаутами, пишет Ястребов, в большей или меньшей степени сохраняют свой язык, пока не примут ислам, а затем, «с этого момента, здешний серб считает позором пользоваться родным языком. Он перешел в ислам; он уже ненавидит сербский язык»². Еще интереснее пример православных сербов, которые говорят на албанском языке. В Дебарской области, в жупании Река, восточнее от Кораба на склонах Шар-Планины, по словам Ястребова, имеется примерно 30 сел, в которых живут православные и которые все еще называются по-сербски. Они все говорят по-арнаутски, пишет Ястребов, кроме «жителей села Скурдина, которые еще говорят на славяносербском языке, также здесь проживают и мусульмане».

Произведение Ивана Степановича Ястребова «Обычаи и песни турецких Сербов» сразу после издания в Петрограде в 1886 году привлекло к себе повышенное внимание, в первую очередь в кругах славистов. По инициативе профессора Ватрослава Ягича, высказанной в рецензии на книгу в «Архиве славянской филологии», Ястребов опубликовал второе издание также в Петрограде в 1889 году и дополнил его, как он сам их назвал, «письмами турецких сербов»³. В предисловии ко второму изданию Ястребов обратил внимание на критику книги болгарами, в первую очередь Марином Дриновым, и указал на факт этнической ситуации в Македонии и на обстоятельства, которые побудили графа Игнатьева выступить с проектом Сан-Стефанской Болгарии. Он тогда раскритиковал сочинения неко-

¹ И.С. Ястребов. Податци за историју Српске цркве. Из путничког записника. Београд, 1879. С. 232.

² Там же. С. 133.

³ И.С. Ястребов. Обычаи и песни турецких сербов. Второе издание, дополненное прозой сербов. СПб., 1889. С. 626.

торых российских авторов. И второе издание книги Ястребова богато данными об этнографической ситуации и народной жизни сербов в Старой Сербии. В первую очередь он подробно описал обычай сербской Славы, или крестного имени в Старой Сербии как «религиозное и мирское воплощение замечательного обычая». Он описал празднование Славы в Призренской области, косовском Поморавле и Дебарском крае. В Призрене больше всего празднуют Святого Николая и Святого Георгия, в Гнилянском крае — Святого Архангела и Святого Николая, а в Дебарском округе — Святого Димитрия. В Дебарском крае праздничный каравай называется еще и «святым хлебом». Он собрал и праздничные песни, которые поют на Славу, а в Гниляне в 1871 году с одной рукописи переписал запись, связанную с празднованием Славы. Помимо Славы Ястребов описал еще и обычай «преславы», отметив, что это «сербы, принявшие ислам», из села Брод в Горе ранее праздновали как преславу Святого Пантелеймона, а сейчас в этот день празднуют «все свадьбы, даже если их количество достигает сотни»¹. Иван Степанович Ястребов описывает обычай колядования, в частности особо подробно описывает празднование Рождества Христова. Сочельник в Дебарском крае рядом с Мияком называется Бодник, а на Рождество жители Дебарского края после обеда приходят в определенное место и все, стар и млад, танцуют и поют песни. Ястребов записал и другие эпические народные песни так, как их поют и произносят на местном диалекте. Он подробно описал и другие праздники, в частности Малое Рождество, или Василица, Богоявление и все другие сербские народные праздники, отмечаемые в течение года. Пасху во всей Старой Сербии и Македонии, пишет Ястребов, называют Великим днем, или Велик днем. День Святого Георгия во всей Старой Сербии и Македонии считается самым важным праздником не только у православных, но и среди сербов мусульманского вероисповедания².

Описывая свадебные обычаи и песни в Призрене, Ястребов отмечает, что во всей Старой Сербии, а особенно в Приштине, Джаковице, Печи и Призрене, нет никаких обоюдных интересов и общей жизни. Христиане и мусульмане ведут «скрытный образ жизни», особенно женщины. Образ жизни сербских христианок существенно не отличается от жизни мусульманок. В книге имеется множество ценнейших данных о свадебных обычаях и в других частях Старой Сербии, а также о похоронных и других традициях. В последней части этой книги Ястребов поместил ценные документы, в первую очередь с языковой точки зрения, под названием «Письма турецких Сербов»³. Вначале он дает несколько выдержек из писем сербских королей XIII—XIV веков, чтобы читатель смог увидеть, насколько написание похоже на наше с языковой точки зрения, по орфографии и конструкции слов. Письма XIX века, начиная с 1840 года и позже, написаны

¹ И.С. Ястребов. Податци за историју Српске цркве. Из путничког записника. Београд, 1879. С. 25.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 486—582.

жителями Шкодера, Призрена, Джаковицы, Тетово, Печи, Дебра, Скопье, Кривой Паланки, Велеса, Куманово. Большое количество писем с обширных территорий тогдашней Турции: Салоники, Кукуш, Серез, Самоково, Охрид, Неготино на Вардаре, Джевджелия, Прилеп, Битола, Бело-Поле, Дойран, Кавала, Штип и другие места.

Произведение Ивана Степановича Ястребова «Стара Сербія и Албанія» было опубликовано в Сборнике Сербской королевской академии в 1904 году и представляет собой свод его исследований в этой части Балкан¹. Под Старой Сербией Ястребов подразумевает Джаковицкий, Призренский, Дебарский и Шкодерский округа, а также Тетово и Гостивар. Часть книги посвящена Албании, и в ней рассматриваются Дукаджин, Дони Пилот, Малесия, Люмский округ, Дебарска Малесия, область Мат и Кроя с Тираной и Драчем. На основании своих полевых исследований Ястребов описал большое количество мест, где находились церкви Старой Сербии и их дальнейшую судьбу. Так, например, в селе Джонай мечеть, пишет Ястребов, построена на месте развалин церкви Святого Иоанна. Больше, чем в предыдущих книгах, Ястребов в этой части занимался этнической и демографической ситуацией в Старой Сербии, процессом исламизации и переселением албанцев из Албании на территорию Старой Сербии. Среди множества данных приведем следующие: село Кабаш у Призрена, предыдущее название — Святой Петр в честь святого Петра Коришского, заселено из Албании, с горы Кабаш и племенем Кабаш из округа Пука, после Второго великого переселения сербов 1737–1739 годов². В жупании Ополе небольшое количество настоящих албанцев переселилось из области Мат и Дукаджин в Албании, тогда как большинство населения составляют сербы, ставшие албанцами. Ещё тридцать лет назад, пишет Ястребов, сохранялся сербский обычай бадняк (сжигание дубовых веток в Сочельник. — *Примеч. пер.*) в Ополе³. В селе Брод в Горе когда-то было три церкви: старожилы рассказывали Ястребову, что в детстве ходили в церковь Святого Николая и помнили, как их родители, особенно матери, зажигали свечи на могилах предков и раздавали хлеб в память об усопших. Можно составить очень интересную статистику относительно количества разрушенных церквей в отдельных селах Метохии, которые уже во времена Ястребова все чаще заселяли албанцы. Рядом с красивейшим монастырем Богородицы Левишской, который в то время уже стал мечетью Джума, как пишет Ястребов, в старые времена жила сербская аристократия. Дворец Душана, летняя резиденция, находилась вблизи Призрена, в Рыбнике, на левом берегу Дрина. В селе Любижда вблизи Призрена когда-то было пять церквей. В селе Кориша, также поблизости, было пять церквей.

¹ И.С. Ястребов. Стара Сербія и Албанія. Путевые записки. Споменик СКА ХLI, други разред. Београд, 1904. С. 267.

² Там же. С. 62–63.

³ Там же. С. 89. Арбанасы и сейчас, пишет Ястребов, бадняк называют по-сербски — Палибожич.

В Средачской (Средской) жупании было девять церквей. После большого Восточного кризиса в Средской жупании были построены четыре мечети — в Речанах, Мушникове, Небрегоштах и Планянах. Очень интересны описания Ястребовым социальной и этнической мимикрии у православных христиан в Старой Сербии. Есть христиане, пишет Ястребов, у которых по два имени — христианское и мусульманское. Чтобы обеспечить себе защиту от насилия, некоторые христиане стали относить себя к некоторым албанским племенам или становились побратимами с арнаутами и сербами, ставшими арнаутом. Этот вид мимикрии привел к тому, что христиане постепенно становились арнаутом и принимали ислам. Ястребов указал на многочисленные примеры этого процесса. Он также представил статистические данные о резком уменьшении числа православных сербов, в первую очередь в Метохии. Так, например, в группе сел вокруг Дечан количество православных домов за двадцать лет уменьшилось со 165 до 50. Как и в предыдущих двух книгах, Ястребов особое внимание уделил описанию и несчастной судьбе монастыря Дечаны. «Лишь благодаря чуду, — пишет Ястребов, — Дечаны остались христианским храмом и не стали мечетью». Было время, когда монастырь был совершенно пуст. Албанцы в 1788 году убили дечанского архимандрита Моисея Петровича. Архимандрит Дечан Кирилл находился в России в 1858 году, а в 60-х годах XIX века из России в Дечаны привезли пять колоколов¹.

Весь опыт Ивана Степановича Ястребова, полученный в Старой Сербии, все его знания об этой сербской земле можно выразить одной мыслью, озвученной в 1873 году, когда он был на Громовнике и с него смотрел на ровное Косово: «В Косово сербы потеряли царство, в Косово судьбоносный бой решит будущее Балканского полуострова и будущее сербского народа». Время покажет, произошла ли уже эта битва, или она только предстоит².

В 1904 году англичанка Мери Дарам, публицист и антрополог, выпустила в Лондоне книгу «По сербским землям»³. В отличие от своих поздних произведений, в которых она встала на албанскую сторону, Дарам в этой книге объективно повествует о сербском наследии в Метохии. Она,

¹ И.С. Ястребов. Стара Сербія и Албанія. Путевые записки. Споменик СКА ХLI, други разред. Београд, 1904. С. 20—36.

² Бесценную книгу о Ястребове опубликовал Владимир Бован: Ястребов у Призрену. Приштина, 1983. В Призрене 31 октября — 1 ноября 1996 г. состоялась научная конференция «Иван Степанович Ястребов». Конференция организована Историческим институтом САНУ, Призренским округом и муниципалитетом Призрен. В следующем году был опубликован сборник работ: «Иван Степанович Ястребов» (Призрен, 1997. С. 131). Во время проведения научной конференции в Призрене открыт памятник И.С. Ястребову на месте, где располагалось здание российского консульства. Бюст — работа известного скульптора Дринки Радованович из Белграда. В 1999 г. после входа АОК вместе с немецкими бригадами бюст был уничтожен или где-то спрятан. Я бы хотел и здесь выразить глубокую признательность госпоже Браниславе Фурьянович, начальнице Призренского округа, которая стала инициатором и организатором научных исследований Призренского края и конференции «Призренский симпозиум».

³ Мери Е. Дарам. Кроз српске земље (1900—1903); перевел и написал послесловие Вуядин Миланович. Београд, 1997.

как и Гильфердинг, была восхищена Дечанами, которые могли бы украсить любую точку мира. «Здесь, — пишет Дарам, — единственный образец для подражания на этих землях почти полностью утонул в варварстве, на него смотрят, как на что-то чуть ли не сверхъестественное, его почитают с обожанием, что невероятно повлияло на суеверные души албанцев — благодаря этому он был спасен от разорения. Для серба — это внешний и видимый знак того, что это его земля. Несмотря на то что он принадлежал туркам пятьсот лет, он и не оставил на нем никакого следа. Грубо говоря, он и потратил эти пятьсот лет, временно расставив свою лагерную палатку на нем, как войско оккупанта!»¹ Мери Дарам в этой книге, в отличие от своих более поздних сочинений, очень ясно и основательно рассматривает проблему Старой Сербии. Ее книга охватывает относительно короткий срок пребывания Дарам в этой части Сербии в 1903 году. Интересны и проныцательны описания Дечан и Печи и этой части Метохии. Дарам пишет: «Рассказ о Старой Сербии — незатухающая боль. Страдание христианских народов на Балканах не ново. Оно началось с приходом турок и продлится, пока они будут здесь. Еще в далеком 1690 г. невыносимая судьба сербов Старой Сербии привела к переселению в Венгрию не менее 37 000 общин (семейных групп, куда входят и дядья, и их дети). Албанцы потом заняли пустые имения, с этого момента и навсегда им было разрешено безнаказанно разорять их»².

Албанское национальное движение во время Великого Восточного кризиса, особенно после 1878 года, было превращено крупнейшими мировыми силами, в первую очередь Австро-Венгрией и Великобританией, в их инструмент. Это движение стало средством борьбы за доминирование этих государств в этой части Балкан³.

Британский генеральный консул в Северной Албании Кирби-Грин в 1880 году считал Албанскую лигу в Призрене организацией «самых фанатичных мусульман в стране. Эти люди сейчас охвачены крайним религиозным фанатизмом и ненавистью к христианам. Призрен, за исключением, может быть, Мекки — самое опасное место для христианина во всех мусульманских странах»⁴.

Вопреки длительному вытеснению из Старой Сербии, сербы (православные и мусульмане) в конце XIX века все еще составляли почти половину населения Косово и Метохии. Из зарубежных ученых австро-венгерские исследователи занимались Старой Сербией наиболее организованно и систематически. Они, как и многие другие, отличают этническую принадлежность от религиозной как у сербов, так и у албанцев. Согласно этим данным, соотношение сербов и албанцев на территории тогдашнего Косово и Метохии было почти одинаково, с незначительным большинством

¹ Мери Е. Дарам. Кроз српске земље... С. 250.

² Там же. С. 243–244.

³ Славенко Терзий. Аустроугарско обликовање албанског националног покрета (1878–1912). Европа и Источно питање (1878–1923). Зборник радова. Београд, 2001. С. 247–261.

⁴ M. Vickers. Between Serbs and Albanians. A History of Kosovo. London, 1998. P. 47.

албанцев. Согласно австро-венгерским отчетам 1903 года, количество албанцев увеличилось по сравнению с концом предыдущего века.

Сербов, согласно этому отчету, было 186 600, а албанцев — 230 000¹. Структура была следующей:

	Санджак Печ	Санджак Приштина	Санджак Призрен
Православные сербы	23 750	73 400	14 200
Сербы-католики	0	6 600	0
Сербы-мусульмане	13 250	43 000	13 000
Албанцы- мусульмане	96 250	73 250	45 000
Албанцы-католики	9 300	50	5 000
Православные албанцы	0	0	900
Турки	250	3 000	6 400
Цыгане	1 350	8 530	4 300
Влахи (арумыны)	300	270	2 000
Евреи	50	350	100
Итого	144 500	208 700	91 200

Накануне освобождения Косово и Метохии в 1912 году в Вене появилось четвертое издание большой карты Карла Пойкера под названием «Македония, Старая Сербия и Албания». Вся территория от Мокрой Горы над Печью через Джаковицу и Призрен до Скопья и Овчеполя обозначена понятием «Старая Сербия». Пойкер констатирует славянское большинство в тогдашнем Косовском вилайете, или Старой Сербии («сербы и болгары»). Из 980 000 жителей славян, согласно Пойкеру, было 447 000: 430 000 православных и 17 000 мусульман, 430 000 — албанцы-мусульмане (420 000) и незначительная часть христиан римо-католиков (10 000). Затем следуют турки — 90 000, цыгане-мусульмане — 10 000, евреи — 2000 и др.². Фактом остается то, что в качестве места заседания Албанской лиги в 1878 году был выбран Призрен, город в Старой Сербии, на периферии албанской этнической территории, что, без сомнения, говорит о выраженных максималистских целях албанцев. Именно здесь требовалось создать мощное препятствие дальнейшему усилению сербского освободительного движения в Старой Сербии. И не случайно, что

¹ W. Petrisch — K. Kaser — R. Pichler, Kosovo — Kosova, 35. Согласно одному из документов приштинского консульства 1905 г., в трех упомянутых санджаках проживало 206 920 сербов: Branko Petuničić, Svedočanstvo o Kosovu 1901—1913. Beograd, 1988. С. 19.

² Karte von Makedonien, Altserbien und Albanien 1:864.000, Bearbeitet von Dr. Karl Peucker, IV. Auflage, Wien, 1912.

заседание Албанской лиги не состоялось в Албании, скажем в Драче, Валоне, Тиране или каком-либо другом месте. Области по соседству с Албанией: Косово, Метохия, сегодняшняя западнославянская Македония и Северный Эпир, массово заселенные албанцами в основном в XVIII—XIX веках, начали называть «албанскими землями» со времен Великого Восточного кризиса (1875—1878). Так и Албанская лига, учрежденная на базе панисламизма, накануне Берлинского конгресса, для осуществления далекоидущих стратегических планов Турции, Австро-Венгрии и Великобритании. Она поставила себе задачу предотвратить занятие «албанских земель» соседними народами¹. На этих же идейных основаниях базируются программы так называемой Печской лиги 1899 года, а также Второй Призренской лиги 1943 года. Понятно, что программные цели после вытеснения турок из Европы в 1912 году и после формирования автономного Албанского государства приводятся в соответствие с новыми политическими обстоятельствами и новыми силами-защитниками. Для идеологической программы Великой Албании характерно настаивание на полностью этнически чистом Албанском государстве, а также отказ от любого мультиэтнического общества.

В соответствии с такой программой после Берлинского конгресса начата организованная этническая чистка неалбанского населения из областей, провозглашенных «албанскими территориями». Лишь из Старой Сербии, то есть тогдашнего Косовского вилайета, было вынуждено переселиться с 1876 по 1912 год примерно 150 000 православных сербов². Похожие идеи мы находим и у Исмаила Кемали Бея Влора, председателя первого Временного албанского правительства. В качестве председателя он требовал от ведущих мировых сил очистить «албанскую землю» от славян и греков³. Первое правительство автономной Албании учреждено 4 декабря 1912 года. Исмаил Кемали хвалил албанцев за то, что своими ружьями и насильственными действиями они выгнали «христианских славян».

СЕРБСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СТАРОЙ СЕРБИИ

Сербская историческая наука недостаточно систематично и организованно исследовала проблему Старой Сербии и проблему изгнания и этнической чистки сербов в этом регионе. Больше всего внимания посвящено ее центральной части — Косово и Метохии. До Первой мировой войны, если исключить действительно фундаментальные исследования Йована Цвийича, историко-политические исследования Стояна

¹ Bernard Stulli. Указ. соч. С. 323.

² K. Gersin. Altserbien und die albanische Frage. Wien, 1912. S. 29.

³ Ekrem Bey Vlora. Lebenserinnerungen, Band I, (1885. bis 1912). Munchen, 1968. S. 275. Экрем-бей Влора получил образование в Терезиануме в Вене в 1899—1903 гг., а затем продолжил изучать право в Константинополе.

Новаковича и работы Йована Хаджи-Васильевича, в которых речь идет о Куманово и Скопско-Тетовской области, были опубликованы преимущественно небольшие свидетельства об актах насилия и преступлениях албанцев и мусульман. Между двумя мировыми войнами, кроме многочисленных небольших рецензий и статей, в первую очередь в «Вестнике научного общества Скопья», выделяется монументальный обобщающий труд «В честь двадцатилетия освобождения Южной Сербии 1912–1937 гг.». Значимым было произведение Владимира Чоровича «Отношения между Сербией и Австро-Венгрией в XX веке» (1936), в котором по большей части рассматривается Старая Сербия. Для истории сербов в Старой Сербии, особенно в Призрене и окрестностях, особенно ценными являются три в определенной степени автобиографических произведения Петра Кочича: «Книга, изданная в честь пятидесятилетия работы Богословско-педагогической школы в Призрене», «Церковная жизнь православных сербов в Призрене и его окрестностях в XIX веке», «Просветительско-культурная жизнь православных сербов в Призрене и его окрестностях в XIX и начале XX века».

После Второй мировой войны на протяжении многих лет история Старой Сербии в XIX–XX веках была на втором плане после работ о КПЮ и НОД. Исключение – работы Владимира Стоянчевича, публиковавшиеся с 1961 года в журналах и сборниках, изданные впоследствии в книге «Сербия и албанцы 1804–1912 гг.». Его интересы, связанные со Старой Сербией и Македонией, унаследовал Михаило Войводиц, опубликовавший большое количество сочинений научного характера, исследований и книг с документами. Большое число работ Богумила Храбака посвящено Старой Сербии. Исследование этой территории продолжили Джордже Микич, Драги Маликович, из молодых исследователей – Душан Батакович, в новейшее время – Милош Ягодич. Изучение Рашской области было на втором плане после исследований Косово и Метохии. Можно отметить почти единственного в ранние годы Вукомана Шалипуровича, опубликовавшего несколько своих книг по истории этой области во второй половине XIX – начале XX века. Югославский аспект вопроса изучали в определенной степени Любодраг Димич и Джордже Борозан в рамках своих албанологических исследований. Значимая работа проведена по публикации исторических документов о Старой Сербии. Пионером стал Владимир Чорович, который начал работать над серией «Дипломатическая переписка Королевства Сербии» между двумя войнами. Продолжил работу над серией «Андрия Раденич». Австро-Венгрия и Сербия 1903–1918 гг.». Документы из венских архивов увидели свет в издании Исторического института САНУ в основательной серии «Документы о внешней политике Королевства Сербии 1903–1914», Сербская академия наук и искусств (Владимир Дедиер, Живота Анич, Душан Лукач, Климент Джамбазовский, Михаило Войводиц, Лиляна Алексич-Пейкович, Андрия Раденич). Андрей Митрович подготовил переписку Милана Ракича под заглавием «Консульские письма 1905–1911 гг.» (1985), а Бранко Перуничич подготовил три объемных тома важ-

ных документов о Старой Сербии: «Письма сербских консулов из Приштины 1890–1900» (1985), «Свидетельство о Косове 1901–1913» (1988), «Зулуми ага и беки в Косовском вилайете 1878–1913» (1989). К сериям документов или отдельным частям, которые в большей или меньшей степени касаются Старой Сербии, можно отнести и две книги документов о Рашской области, подготовленные Миличем Ф. Петровичем «Документы о Рашской области 1900–1912» (1995) и «Документы о Рашской области 1890–1899» (1997).

За последние годы опубликованы две новые значимые монографии о Старой Сербии в конце XIX–XX веках. Они основаны отчасти на ранее опубликованных исследованиях и сборниках документов, а также на новых архивных и полевых работах. Милош Ягодич опубликовал монографию «Сербско-албанские отношения в Косовском вилайете (1878–1912)», в которой представлена полная картина политических, экономических, социальных, культурных, религиозных и в целом повседневных обстоятельств в Старой Сербии. Заслуживает внимания вывод Ягодича о том, что «албанская идентичность в Косовском вилайете практически отсутствовала»¹. Часто повторялось, согласно Цвийичу, число выселенных сербов из Косовского вилайета – 150 000 с 1878 до 1912 года. Ягодич на основании своих расчетов уменьшил эту цифру до 135 000. Историк Радош Люшич недавно опубликовал краткое исследование с литературным названием «Дядины двери», в котором представлена точная картина общества и человека метохийского Подгора и села Исток в конце XIX – начале XX века². Географ Милован Радованович обобщил свои почти пятидесятилетние антропогеографические, демографические и этнографические исследования Косово и Метохии в одной большой исчерпывающей монографии под названием «Этнические и демографические процессы в Косове и Метохии». Всю большую исследовательскую проблему Радованович видит как процесс длительного действия и отслеживает через критические пересмотры, начиная со Средних веков и заканчивая нашими днями. Один из выводов Радовановича, когда речь идет о выселении сербов после Второй мировой войны, гласит: из Косово и Метохии «выселилось более 250 000 сербов и черногорцев, что по сравнению с их общим количеством, согласно переписям населения 1948, 1953, 1961, 1971 и 1981 годов, представляет собой катастрофическую демографическую потерю, вызванную коренными этнонациональными изменениями»³. Радованович обоснованно выявил губительную деструктивную вертикаль югославской политики по отношению к Сербии и сербам, когда речь идет о Косово и Метохии. В период Второй мировой войны, во время немецко-фашистской

¹ Милош Ягодич. Сербско-албански односи у Косовском вилајету (1878–1912). Београд, 2009. С. 249.

² Радош Љушић. Вујкина врата. Хроника подгорског села Исток, први део. Београд, 2011. С. 182.

³ Милован Радовановић. Етнички и демографски процеси на Косову и Метохији. Београд, 2004. С. 383.

оккупации, из Албании в Сербию и Югославию вернулось 20 000 анти-сербски и антиюгославски настроенных «разбойников» и их детей, переселившихся в Албанию между двумя мировыми войнами. По словам Радовановича, с ними вернулись «и другие албанцы по линии традиционных родовых связей».

Оценка числа лиц, поселившихся в этих местах во время оккупации 1941–1944 годов, варьируется, но чаще всего упоминается цифра в 100 000 военных колонистов. Граница с Албанией была практически открыта и после 1945 года. А массу так называемых беженцев после 1948 года, которая беспрерывно переливалась из Албании в Косово и Метохию, «краевая, то есть югославская, власть принимала, заселяла и обеспечивала им все необходимые условия для существования, тратя при этом значительные средства в их интеграцию в учреждения системы, с выкупом сербских имений и домов, оказывала социальную, экономическую и медицинскую поддержку и т.д.»¹.

¹ Милован Радовановић. Етнички и демографски процеси на Косову и Метохији. Београд, 2004. С. 389.

Глава XXII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СТАРОЙ СЕРБИИ В XX ВЕКЕ

Великоалбанский фронт против Сербии и Югославии во время Второй мировой войны

Косово и Метохия, об этом часто говорил бывший американский государственный секретарь Генри Киссинджер, являются самым наглядным примером столкновения двух цивилизационных и общественных моделей на небольшом пространстве. Большинство албанцев в Албании приняло ислам, но от исламской цивилизации они переняли в основном дух джихада, который влечет за собой потребность освоения чужих территорий, однако он лишен особого духовного и культурного содержания. Британский исследователь Роберт Джордж Лаффан отмечает: «Численность албанцев увеличивалась в Старой Сербии потому, что их поддерживала и обнадеживала Австрия»¹. Но прежде Австрии – Турция. Стоит рассмотреть этническую карту Сербии, которую в 1909 году в Лондоне опубликовал Альфред Стед, свидетельствующую о том, что этнических албанцев в Косово и Метохии было очень мало и они в основном являлись «албанизированными сербами»². О насилии и преступлениях против сербов свидетельствуют и английские дипломатические документы. Например, сэр Джордж Банам 7 мая 1901 года пишет маркизу Лансдауну о том, что сорок сербских семей были вынуждены вследствие албанского террора убежать в Королевство Сербия³.

Другой английский дипломат, господин Янг, писал маркизу Лансдауну 9 сентября 1901 года следующее: «Старая Сербия представляет собой все еще беспокойную область из-за беззакония, мести и расовой ненави-

¹ R. G. D. Laffan. The Guardians of the Gate. Historical Lectures on the Serbs. Oxford, 1918. P. 90.

² Serbia by the Servians. Compiled and edited by Alfred Stead. With a map London (William Heinemann), 1909.

³ Turkey, No. 1 (1903). Correspondence, Respecting the Affairs of South-Eastern Europe. London, 1904. P. 45.

сти албанцев»¹. В том же письме Янг добавляет, что продолжают гонения сербского населения и что 600 албанцев с помощью 50 турецких солдат «деревню, в которой числилось 60 хозяйств, уменьшили до 20»². Отчет Янга, датированный декабрем 1901 года, свидетельствует о том, что с весны и до конца года из-за албанского террора в Королевство Сербия были вынуждены бежать 250 сербских семей³.

По окончании Первой Балканской войны в 1912 году, в которой албанцы были на стороне Турции, во время Лондонской мирной конференции в 1913 году утвердили границы вновь созданного Албанского государства. В ноябре 1921 года в ходе Парижской мирной конференции было принято решение о признании Албании независимым суверенным государством (до этого, в 1920 году, Албания была принята в Лигу Наций). Хотя на Парижской мирной конференции изначально были определены границы, которые в основном совпадали с решениями Лондонской мирной конференции, окончательная граница между Королевством сербов, хорватов и словенцев с Албанией была определена протоколом о разграничении Международной комиссии во Флоренции 26 июля 1926 года.

Албанское государство охватило большую часть албанских этнических территорий. Понятно, что на Балканах, где особенно в течение многовековой турецкой власти произошли крупные миграции и смешение рас, языков и религий, не было возможности определить четкие и чистые этнические границы. Часть албанцев, как это уже было сказано, в XVIII–XIX веках поселилась в Старой Сербии, часть осталась жить в рамках Королевства Сербия, но и несколько десятков тысяч сербов, православных и мусульман, остались жить в новом Албанском государстве, как и большое число греков, по решению великих держав, остались жить в новом Албанском государстве. Те области, на которые албанцы сейчас претендуют, никогда в истории не входили в состав Албанского государства. Определенное число албанских вождей со времен османского владычества, потерявшие привилегии после поражения Турции, не могли смириться с границами новых государств на Балканах, начав активные действия, направленные на развал новых государств, в первую очередь Сербии и Греции. Данные действия, особенно ярко выразившиеся накануне Второй мировой войны, имели прямую поддержку фашистских сил, особенно фашистской Италии.

С 1939 года начинается интенсивная и более организованная деятельность фашистской Италии, направленная против Греции и Югославии. Италия, как известно, оккупировала и аннексировала Албанию 7 апреля 1939 года. Граф Чиано уже в июле 1939 года передал инструкции албанским эмигрантам в связи с акциями в Эпире, в Косово и Метохии. Он часто повторял, что косовско-албанский сепаратизм — это «нож, направлен-

¹ Ibid. «Old Servia and the Albanian Border. — Old Servia is still an area of disturbance owing to the lawlessness, vendettas, and racial jealousies of the Albanians». P. 88.

² Ibid. «Old Servia and the Albanian Border. — Old Servia is still an area of disturbance owing to the lawlessness, vendettas, and racial jealousies of the Albanians». P. 89.

³ Ibid. P. 102.

ный в спину Югославии!». В том же году в Риме было открыто бюро по организации сепаратистского движения. Италия щедро помогала новым руководителям великоалбанского «Косовского комитета» Бедри Пеяни и Ибрагиму Джакову. В Албании была создана Албанская фашистская партия, а во время своего визита в Тирану граф Чиано пообещал быструю реализацию проекта Великой Албании. Уже в начале 1940 года Коль Биба, секретарь Албанско-фашистской партии, заявил в Скадаре, что Италия вскоре аннексирует регионы Югославии и Греции, в которых живут албанцы. В том же году в Тиране был создан новый «Косовский комитет» под руководством Черим-бека Магмудбеговича из города Печ.

После начала Второй мировой войны и немного позже, после нападения фашистско-нацистских сил на Югославию, началась кровавая реализация проекта Великой Албании. Большая часть Косово (за исключением уездов Подуйево, Вучитрн и Косовска Митровица) и Метохия в целом были присоединены к фашистской Великой Албании. Части Гнилане, района Урошевац, к северу от Пасьяна, Качаник, Витина и Сириницкий район были присоединены к только что созданной Великой Болгарии. Области Западной Македонии с городами Тетово, Гостивар, Кичево, Дебра, Струга и Святой Наум были также подсоединены к Великой Албании. Венским соглашением от апреля 1941 года была определена демаркационная линия между Великой Болгарией и Великой Албанией, но болгары не были довольны данной границей.

Мустафа Круя, президент марионеточного правительства, 30 мая 1941 года прочитал лекцию в Королевской итальянской академии об исторических корнях Великой Албании. Он в июне 1942 году побывал в Косово и Метохии и на встрече с албанскими руководителями открыто заявил, что «надо настаивать на том, чтобы сербское население в Косово как можно скорее вытеснить... Всех коренных сербов надо провозгласить колонистами и через албанские и итальянские власти направить их в концентрационные лагеря в Албании. Переселенцев-сербов надо убивать»¹. И действительно, наряду с изгнанием около 15 000 семей сербских колонистов, было изгнано и множество десятков тысяч коренных сербов, среди них около 25 000 человек с территории под болгарской оккупацией (области около Качаника, Витины, часть района Гнилане и район Сириничи, до горы Шара)². По проверенным данным, в течение оккупации из Косово и Метохии было изгнано не менее 100 000 сербов. В проекте Великой Албании, как свидетельствуют факты, нет места ни для одного другого народа, кроме албанского.

За четыре года оккупации очень много было сделано для реализации великоалбанского проекта в Косово и Метохии. Местные албанцы с помощью своих соотечественников совершали массовые преступления над сербами. Европейское общество не имело представления о подлинных размерах преступлений. По данным американских специальных служб (Office

¹ Цит. по: Димитрије Богдановић. Књига о Косову. Београд, 1990. С. 248–249.

² Венцеслав Глишић. Албанизација Косова и Метохије 1941–1945. С. 285.

of Strategic Service), албанцы с апреля 1941 по август 1942 года убили около 10 000 сербов¹. Были арестованы и убиты священники Сербской православной церкви. Епископ Рашко-Призренский Серафим был арестован и выслан в Тирану, где скончался 13 января 1945 года. В районах под оккупационной итальянской властью албанцы убили 14 священников и одну монахиню. Зверски убит Дамаскин Бошкович, настоятель монастыря Девич, а некоторые священники — Лука Попович, Урош Попович и Слободан Попович — были убиты во время Священной Литургии². Сожжена библиотека монастыря Девич, в которой сгорели «десятки важных рукописей»³.

После оккупации данных областей Италией началась не только этническая чистка сербов, но и систематическое проведение великоалбанской политической и культурной программы во всех сферах жизни. Незначительное число сербских детей, которые учились в школах под итальянской оккупацией, были вынуждены учиться на албанском языке. Это же касалось и детей в Западной Македонии. Одновременно с изгнанием сербов последовало переселение десятков тысяч албанцев из Албании (некоторые историки считают, что речь идет о 100 000 человек). До апреля 1942 года на южных границах Сербии под германской оккупацией проживали около 60 000 беженцев из Метохии и некоторых областей Косово, включенных в состав Великой Албании. Это совершенно изменило этническую структуру данной части Сербии и соответственно Югославии, что, по сути, было одним из важнейших условий для успешного продолжения великоалбанской программы после Второй мировой войны, под коммунистической властью. Такая деятельность коммунистической олигархии (Ходжа, Нимани, Дева, Бакали, Власи) косовско-метохийских албанцев имела большую поддержку в руководстве партии и государства Югославии под руководством Тито.

После капитуляции фашистской Италии немцы поддержали создание так называемой Второй Призренской лиги в конце 1943 года в Призрене. Лига создана под покровительством абвера, германской военной службы разведки, а в состав руководства вошли Джафер Дева, Бедри Пеяни, Исмет Круезиу и другие. Террор над сербами, сопровождаемый множеством отдельных и массовых преступлений, продолжался вплоть до марта 1944 года. После этого он начал ослабевать.

Если мы сравним данные о славянском населении, приведенные в книге А.М. Селищева «Славянское население в Албании» (София, 1931), с численностью славянского населения в Албании в настоящее время, то можно сделать однозначный вывод, что сербы и славяне в большей мере были уничтожены, изгнаны или насильственно переведены в ислам и что

¹ Serge Krizman. Maps Of Yugoslavia At War. Massacre of the innocent Serbian population. Committed in Yugoslavia by the Axis and its Satellite from April 1941 to August 1942. Washington, 1943.

² Споменица православног свештенства — жртва фашистичког терора и палих у народно-ослободилачкој борби. Београд, 1961. С. 117.

³ Димитрије Богдановић. Рукописно наслеђе Косова. Сборник работ круглог стола о научном истраживању Косова, проведенном 26 и 27 фебруара 1985 года. Белград, 1988. С. 76.

почти все славянские топонимы в соответствии с мерами государственной политики получили новые, албанские имена¹.

Процесс изгнания сербов, приостановленный после освобождения Старой Сербии и Балканского полуострова от турецкой власти совместной акцией балканских христиан в 1912 году, был продолжен в ужасающем виде во время Второй мировой войны, во время фашистской Великой Албании, когда большая часть Метохии и часть Косово были подсоединены к данной оккупационной единице. Наряду с множеством других свидетельств, об этих преступлениях пишет Герман Нойбахер, специальный политический уполномоченный Третьего рейха по Юго-Восточной Европе с осени 1943 года². Он отмечает: «Шиптары поспешили выгнать из страны как можно больше сербов. При этом местные руководители зачастую от изгоняемых людей за разрешение на выезд требовали золото [...] Когда генерал Недич с горькими обвинениями обратился ко мне, я срочно рекомендовал албанскому правительству поставить в этом деле точку. Когда я видел, что мое вмешательство не принесло успеха, я потребовал отставки моей миссии в Албании: мне надо будет кому-нибудь иному передать защиту Албании от территориальной жадности болгар. Джафер Дева, имеющий влияние в косовской области, обещал мне, что он вмешается. Он это успешно сделал. Но и без того после 1941 года много произошло ужасного»³.

В силу политического оппортунизма сербская наука не занималась этой масштабной драмой в Старой Сербии. Еще только предстоит точно установить число изгнанных сербов, хотя необходимо учесть, что не всегда имеются достаточно точные данные по всем изгнанным. Данные, которые привел Милован Радованович, о том, что с 1945 по 1989–1990 годы было выселено свыше 250 000 сербов и «черногорцев», можно считать точными⁴. Изгнание сербов началось сразу после 1945 года, одновременно с запретом возврата изгнанных в ходе Второй мировой войны. Самые массовые размеры гонения имели в период с 1966 по 1981 год. Бранислав Крстич считает, что с 1961 по 1990 год выселились свыше 140 000 сербов («сербов и черногорцев»), и он это называет «вторым великим переселением сербов из Косово»⁵. Радованович пишет, что только с 1961 по 1991 год переселилось 162 128 «сербов и черногорцев». Согласно данным Благоя К. Павловича, приведенным в книге «Албанизация Косово и Метохии», в течение данного периода из Косово и Метохии были выселены свыше 220 000 сербов (он говорит и о черногорцах как о части сербского народа)⁶. Предраг Живанчевич в книге «Насељавање Косова из Албаније» утверждает, что «го-

¹ А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931; Становништво словенског поријекла у Албанији (сборник работ). Титоград, 1991. С. 1120.

² Hermann Neubacher. Sonderauftrag Südost 1940–1945. Göttingen, 1953. P. 116.

³ Там же.

⁴ Милован Радовановић. Етнички и демографски процеси на Косову. С. 383.

⁵ Бранислав Крстић. Косово пред судом историје. Београд, 2000. С. 79.

⁶ Благоје К. Павловић. Албанизација Косова и Метохије. Београд, 1996. С. 275.

сударственной и политической властью в Косово и Метохии свыше 40 лет обладали эмигранты из Албании и что в этот автономный край из Албании переехало 150 000 так называемых военных колонистов»¹. Самые полные и систематизированные данные об этнических чистках сербов в Косово и Метохии привел иеромонах (в настоящее время епископ) Атанасие Евтич в книге «Гибель сербов в Косово и Метохии с 1941 по 1990 год»². Он привел тысячи примеров с точными данными о местах, количестве и именах жертв изгнанных сербов. Несмотря на то что гонения не прекращались в 50–60-х годах, особенно массовыми они стали после 1968 года.

Например, Евтич приводит неполный отчет настоятеля из города Подуево Живойина Трайковича за период с 1945 по 1968 год. Согласно данному отчету, из деревень вокруг Подуево в указанный период были выселены 663 сербских хозяйства, а среди причин выселения приведены: 350 физических нападений арбанасов на сербов, 21 изнасилованная женщина сербской национальности, 430 грабежей сербского имущества и два убитых серба³. Большинство данных, приведенных иеромонахом Атанасием Евтичем, получены из Архива Святого Синода Сербской православной церкви и Архива Рашско-Призренской епархии. Предстоит подробное изучение архивов партийных и государственных органов в послевоенный период, органов безопасности, военных архивов, чтобы представить всеохватывающую картину трагедии. Европа никогда не желала увидеть драму сербского народа, сербской цивилизации на своей собственной земле.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ СЕРБОВ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ ЮГОСЛАВСКИХ ВЛАСТЕЙ (1945–1990)

Основная проблема Косово и Метохии во второй половине XX века заключалась в постоянном выселении сербов из данной части Сербии и их повседневной дискриминации. Интенсивность этнических чисток увеличивалась по мере расширения и усиления автономии Косово и Метохии. Бедствия сербского населения в Косово и Метохии времен Второй мировой войны не прекратились и после ее окончания и поражения фашистских сил на Балканах и в Европе. Местная власть в Косово и Метохии, в основном находившаяся в руках албанского меньшинства, продолжила, только более изощренно, дискриминацию и вытеснение местного сербского населения. Об этом имеется множество архивных документов как в Архиве Сербской православной церкви, так и в отечественных и зарубежных архивах. Мы приводим только некоторые примеры, указывающие на глубину и сложность вопроса по Косово и Метохии. Уже в конце июня

¹ Цит. по: Б.К. Павлович. Указ. соч. С. 274.

² Иеромонах Атанасије Јевтић. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990. С. 469.

³ Иеромонах А. Евтич. Указ. соч. С. 43.

1946 года земля монастыря Девич, который, как уже упоминалось, сильно пострадал во время Второй мировой войны, была разделена местными органами власти так, что «арнауты, которые во время оккупации обрабатывали землю, получили большую часть земли, чем сербы, которые ее обрабатывали испокон веков»¹. Почти ежедневно отмечались подобные примеры. В начале 1949 года был подожжен древний средневековый монастырь Дечани. Храмы в городах Ораховац и Урошевац превращены в склады, а новая мемориальная братская могила в Джаковице была разрушена в 1950 году с согласия властей².

К уже опубликованным документам о насилии, терроре и преступлениях против православных сербов с 1941 года в Косово и к работам иеромонаха, позже епископа Атанасия Евтича добавилась книга «Геноцид сербов в XX веке со стороны шиптаров» в издании Рашко-Призренской епархии³. Наряду с несколькими документами о Первой мировой войне (массовое убийство сербов в монастыре Святого Марко Коришского, 1915 год), многие документы касаются зверств во время Второй мировой войны, а самый объемный — преступлений, совершенных в 1946–1988 годах. На основании решения Священного Синода от 1947 года в первые послевоенные годы проводился сбор данных о жертвах и пострадавших среди духовенств и прихожан СПЦ и сербского народа в целом в период Второй мировой войны. В данной книге содержится множество таких ценных отчетов. Например, настоятель голешкий (приход находился на территории района Грачаница, в деревне Батус) сообщает в 1947 году, что в его приходе убиты (приведены имена и даты) 35 сербов; в концентрационные лагеря в Сербию, Албанию и Германию в 1943 и 1944 годах было транспортировано 150 человек (20 из них не вернулись)⁴. В первом подуйевском приходе албанцами в ходе войны был убит 41 человек, храм разрушен, церковный дом снесен, памятники и кресты на кладбищах сломаны, многие люди были избиты, над ними издевались, их лишали свободы, «женщин и девушек насиловали, уводили и переводили в турецкую веру». Хотя отчет был написан в июле 1947 года, настоятель отмечает, что «и сейчас есть женщины и девушки, переведенные в турецкую веру, которых они держат у себя». Большинство виновников не наказаны, а некоторые из самых крупных преступников «и в настоящее время живы»⁵. Настоятель Милан Попович из Лепосавича, который, как и все остальные, передавал отчеты об убийствах, грабежах, насилии и высылках, пишет, что совокупное

¹ Задужбине Косова — споменици и знамење српског народа. Призрен — Београд, 1987. С. 796.

² Там же. С. 800.

³ Шиптарски геноцид над Србима у 20. веку. Документи Архива Епархије рашко-призренске и косовско-метохијске. Грачаница-Белград, 2008. С. 469. Своеобразное дополнение к данной книге представляет собой иллюстрированная публикация на сербском и английском языках: Мартовски погром на Косову и Метохији, 17–19 марта 2004 года, с кратким обзором уничтоженного и поврежденного христианского культурного наследия. Белград, 2004. С. 119.

⁴ Там же. С. 82–85.

⁵ Там же. С. 87–89.

мусульманское население в начале чувствовало себя «оккупантами», а их руководители: Джафер Дева, Баязит Болетинац, Ибраим Лютова из Косовской Митровицы и Ачиф эфендия из Нови-Пазара и другие потеряли всякое человеческое чувство к сербскому народу»¹. В четвертом и пятом разделах данной книги он привел множество редких документов, свидетельствующих о насилии, грабежах, убийствах, поджогах, уничтожении сербских храмов, монастырей и кладбищ в Косово и Метохии за период 1946—1982 и 1983—1988 годов. Все документы, несомненно, показывают исполнение хорошо организованного и управляемого плана по изгнанию и разгрому сербов и уничтожению их культурного и духовного наследия².

Человек, который длительное время был епископом Рашско-Призренским, а затем Патриархом СПЦ, епископ Павел, регулярно и аккуратно сообщал Священному архиерейскому Синоду о страданиях Сербской церкви и народа в Косово и Метохии. В течение нескольких десятилетий его пребывания в Призрене он постоянно указывал на проблему принудительного выселения и этнических чисток сербов из данной части Сербии. В отчете за 1959 год епископ Павел в том числе пишет: «Есть еще одно несчастье, последствия которого могут быть катастрофические для всех нас в этом регионе. Это постоянное выселение наших людей». Он приводит в пример села Лудовичи у Девича, где в турецкие времена, до 1912 года, было 17 сербских домов и столько же шиптарских. Из этого села сейчас выселяются последние три дома. В деревне Витомирица у города Печ, пишет он дальше, после Первой мировой войны не было ни одного шиптарского дома, сейчас их сто, а в селе Доброша, где их также не было, в настоящее время их 160³. В конце апреля 1961 года епископ Павел повторяет: «Наша постоянная беда заключается в непрерывном выселении нашего народа со всей территории епархии». Епископ в своих отчетах приводит множество примеров насилия: разбиты все окна на незаконченной часовне в селе Коретина у Косовской Каменице, на кладбище в Призрене разбиты все фарфоровые фотографии на православных памятниках, в том числе и на памятнике епископа Владимира. На землях монастыря Високи Дечани и Святой Троицы у Призрена, пишет епископ Павел, самым суровым образом уничтожают монастырский урожай, фрукты и овощи: «Не только дети, но и взрослые шиптары приходят как в свой собственный огород, собирают и уносят. После замечания монахинь или других людей в монастыре, они безобразно сопротивляются, пытаются даже подражаться, ругаются матом и угрожают, утверждая, что это принадлежит не сербам, а албанцам».

Епископ вместе со Священном Синодом обо всем постоянно сообщал и религиозной комиссии в Приштине. В отчете от 11 мая 1962 года епископ Рашско-Призренский снова предупреждает: «И в этом году еще более ин-

¹ Шиптарский геноцид над Србима у 20. веку. С. 102—105.

² Там же. С. 145—151.

³ Задужбине Косова. С. 810.

тенсивно продолжено выселение нашего (сербского) элемента [...] Из района Гнилане в течение года выселили свыше 200 домов: только из врбовацкой parroхии, которая и без того небольшая, выселили 70 домов. Из окрестностей Приштины с прошлого года также многие выселяются [...]»¹.

Епископ передает слова людей, которых выселяют. Они опасаются репрессий со стороны шиптаров в случае возможного политического кризиса, а также утверждают, что «власти оказывают протекцию албанцам, которых в органах власти много, которые помогают друг другу, и все законодательные льготы отдают своим, а на сербов сваливается вся тяжесть обязательств, причем всегда в нормативной форме». Епископ Павел в отчете за 1965—1966 годы говорит об этих проблемах, но основной всё же остается выселение сербов. Типичная проблема, которая повседневно появлялась во всех частях Косово и Метохии: албанцы приводили свой скот на землю, на которой сербы выращивали свой урожай, угрожая при этом: «Уезжайте, это — не Сербия!»² В отчете от 1 апреля 1967 года епископ Павел снова повторяет: «Постоянная проблема заключается в выселении нашего народа из Косово и Метохии в целом». После IV пленума ЦК СКЮ (Брионский пленум) озвученная там вина Александра Ранковича и Служб безопасности приписывалась «сербам, проживающим в этих регионах, и с тех пор обстановка еще более усложнилась». Несмотря на то что нельзя отвергнуть и некоторые экономические причины, в отчете от 1 апреля 1968 года епископ пишет, что «существует организованное давление элементов, часть которых в течение веков и до настоящего времени в грабеже видела лучшую форму хозяйствования, а собственную свободу понимала не иначе как возможность угнетения других людей»³. Приведены данные о нападениях на монастыри, храмы, кладбища и верующих, об изнасиловании сербских женщин и нападениях на монахинь, уничтожении имущества, памятников сербской культуры.

В эти годы появилась и первая реакция из органов правящей партии Союза коммунистов Югославии. В 1962 году в первый раз в ЦК СК Сербии была организована дискуссия о проблеме выселения сербов из Косово и Метохии и вообще о великоалбанском шовинизме и национализме, о чем уже приведены более подробные факты в данной книге. Предварительно была создана группа из двадцати членов ЦК СК Сербии и политического актива во главе с Драголюбом Дражей Марковичем, членом Исполнительного комитета, ответственным за идеологическую работу. Перед группой стояла задача прояснить обстановку, взаимодействуя с Областным комитетом Косово и Метохии. Группа побывала в Косово и Метохии во всех районах, а после ее возвращения в Белград было проведено собрание в ЦК СК Сербии, Комиссии по идеологической работе и Комиссии по национальным меньшинствам совместно с группой политического ак-

¹ Шиптарски геноцид над Србима у 20. веку. С. 811.

² Там же. С. 813.

³ Там же. С. 815.

тива, которая побывала в Косово и Метохии. На основании стенограммы был составлен анализ на восьмидесяти страницах для нужд ЦК СК Сербии, которую ЦК утвердил и передал Областному комитету для принятия соответствующих мер¹.

Проблема особенно заострилась после 1966 года. Это показали и великоалбанские демонстрации в Косово и Метохии 1968 года с требованиями «Косово — республика» и присоединением к Албании. В конце 1981 года председатель Комиссии по общественно-экономическим отношениям КК СК Косово Йово Шотра направил целое исследование председателю СКЮ Йосипу Броз Тито, Исполнительному комитету Президиума СКЮ и президентам центральных и краевых комитетов под заглавием «О некоторых актуальных вопросах политической обстановки в Косово в свете реализации выводов 21-го заседания Президиума СКЮ». В данном исследовании очень подробно описаны проявления великоалбанского шовинизма и нарушение равноправности народов в Косово и Метохии. Особенно выделяется проблема значительного роста численности населения албанцев по сравнению с другими национальностями. В период с 1961 по 1971 год численность населения в Косово и Метохии увеличилась на 42 %, а численность сербов на 0,07 %, в то время как численность турок уменьшилась на 53 %². Для сравнения: население в Хорватии за данный период увеличилось на 6,5 %, в Словении — на 7,7 %, в Сербии без автономных краев — на 8,7 %, в Воеводине — на 5,1 %... Два года спустя Шотра исключен из КК СК Косово и Метохии, так же как и турок Кадри Реуфи, который предупредил о проблеме денационализации турок в Косово. Реуфи считал, что перепись в 1971 году в Косово и Метохии проведена «в ненормальных условиях», а также что утверждение названия Косово было «первым открытым выступлением сепаратистов и нашим первым отступлением»³.

В течение 1983 года епископ Рашско-Призренский Павел встречался с председателем Президиума Косово и Метохии Шевчетом Яшари и ознакомил его с проблемами сербского народа. С данными проблемами был ознакомлен и председатель Президиума СР Сербии Никола Любичич, об этом ему сообщила делегация Святого архиерейского Синода во главе с патриархом Германом. В день Страстной пятницы, 16 апреля 1982 года, 21 сербский священник и монахи направили Обращение в защиту сербского населения и сербских святынь в Косово властям, Священному Синоду и Собору СПЦ. В обращении говорится: «Без преувеличения можно сказать, что против сербского народа в Косово постепенно проводится плановый умышленный геноцид! Если это не так, то что означают тезисы об этнически чистом Косово? Что означает непрерывное, непрекращающееся выселение? Что означают часто повторяемые

¹ Миладин Вилогит. Сведочанство о збивањима на Косову и Метохији — период и года 1956 и 1966. Београд, 2003, 1–19 (рукопись).

² Текст информации Й. Шотра: С. Джакович. Указ. соч. С. 411–424.

³ Там же. С. 435–438. Интервью с Кадри Реуфи. Интервју, 16 март 1984.

слова, в деревнях, селах, монастырях и храмах, даже и в городах: Чего вы ждете? Уезжайте отсюда, это наше!»¹

В конце 1985 года высшим органам власти Сербии и Югославии было направлено письмо 2016 граждан Косово и Метохии с 15 требованиями (к нему позже присоединились тысячи подписавшихся) обеспечить решительными мерами государства все конституционные права и прекратить изгнание сербов из своих домов. В том числе требовалось «открыть имена исполнителей геноцида над нами, сербами в Косово и Метохии, независимо от того, какую функцию они выполняли в нашей стране». В пункте 5 стояло требование: «Отказаться в дальнейшем гостеприимстве эмигрантам из Албании, которые поселились с 6 апреля 1941 года до сегодняшнего дня — вне зависимости от того, поселялись ли они по программе Муссолини или позже по программе Энвера Ходжи. Они на территории СФРЮ вне закона, имеют в собственности недвижимость, терроризируют нас, сербов. Югославия, к сожалению, не знает, сколько их, а согласно нашим данным, их свыше 260 000. Ни один серб из Албании в предыдущие десятилетия не эмигрировал в нашу страну, хотя, согласно известным данным, в Албании их проживает свыше 30 000. Подвергаемые самому страшному террору, они в Албании как национальность просто не существуют»².

В начале 1986 года 215 выдающихся сербских ученых всех специальностей направили письмо Парламенту СФРЮ и Парламенту СР Сербии (Союзной Республики), в котором они поддержали требования сербов Косово и Метохии в связи с фундаментальным изменением ситуации в этих регионах. В данном письме отмечается, что в предыдущие двадцать лет из Косово и Метохии выселено 200 000 человек, свыше 700 поселений уже «этнически чистые», «выселение продолжается в таком же темпе, Косово и Метохия скоро станут полностью этнически чистыми, агрессия переходит границы автономного края». Требуется политическое понимание высшими органами власти того, что Сербия, Югославия и мир на Балканах находятся под угрозой. «Геноцид не может быть остановлен политикой, которая его поддерживает, политикой постепенной передачи Косово и Метохии Албании, капитуляцией без подписания капитуляции, ведущей к национальному предательству [...]. Сербский народ в своих освободительных войнах сражался и за албанцев тоже, а щедрой материальной помощью, начиная с 1945 года и по сей день, он доказал, что дорожит свободой, развитием и честью албанского народа. Мы подчеркиваем, что албанскому народу не желаем вреда, и настаиваем на его демократических правах, требуя равноправности сербского и всех других народов в Косово, среди которых видим и албанский народ. Мы порицаем любую несправедливость, которую когда-либо сербская сторона нанесла албанскому народу». В конце письма лица, подписавшие его,

¹ Задужбине Косова... С. 838–840.

² Там же. С. 840–841.

потребовали «решительными мерами, заботой и желанием всей Югославии остановить албанскую агрессию в Косово и Метохии, демократическими реформами создать сильный правовой строй и обеспечить одинаковые права для всех граждан, прекратить внутреннее нарушение границ Югославии, гарантией гражданской безопасности и политической свободы вернуть доверие и получить поддержку Европы и мира»¹.

Фактическая легализация унаследованного со времен фашистской оккупации во Второй мировой войне, положениями и законами 1945–1947 годов, запрещавшими сербам-«колонистам» вернуться, обозначила начало процесса длительных этнических чисток в этом автономного края, но уже в мирной обстановке. Разрушение сербских храмов в течение Второй мировой войны было продолжено и после войны. В марте 1952 года, например, была разрушена сербская церковь в деревне Дуганево, вблизи Урошевца, но самым ужасающим случаем считается разрушение с помощью динамита мемориального храма в Джаковице в 1949 году в день самого большого сербского национального праздника, в День святого Саввы. На фундаментах сербских храмов и сербских памятников культуры, если они не были полностью уничтожены, были построены различные объекты албанцев². Например, в деревне Лешоши у города Печ над известным монастырем Печской патриархии, на фундаменте старого средневекового сербского храма построен в 1955 году охотничий дом для МВД Космета. Немного позже на фундаментах средневекового дворца царя Душана у Призрена, на реке Дрин, построен мотель. «В деревне Мируши в Малишево, пишет иеромонах Атанасийе Евтич, распахали фундамент храма и старое сербское кладбище (1963), земля стала нивой сельскохозяйственного объединения»³. Среди множества других примеров — деревня Кравасари у Малишево, где на фундаменте сербского храма построена школа.

Одним из способов насильственного вытеснения сербов из Косово и Метохии была национализация земли «для общественных нужд», при этом землю отбирали в основном у сербских семей. Из множества примеров мы приводим только несколько. Сербская деревня Накараде у Джаковицы, у дороги к Призрену, исчезла, земля отнята и передана сельскохозяйственному комбинату «Эреник». Ново-Село вблизи Приштины с остатками сербского кладбища и сербского храма в 1965 году полностью затоплено при строительстве искусственного озера в Грачанице. Стадион спортивного клуба «Приштина» в Приштине построен на земле, национализированной у сербов⁴.

¹ Там же. С. 841–844; Добрица Чосич, Косово, подготовила Ана Чосич-Вукич. Белград, 2004. С. 43–49. Текст письма написали Чосич и Димитрије Богданович, с дополнениями и редакцией Косты Чавошки, Данило Лекича и Любомира Тадича (с. 49).

² Шиптарски геноцид над Србима у 20. веку. С. 145–434.

³ Јеромонах Атанасије Јевтић. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

Число церковных приходов постоянно уменьшалось, так как сербское население постоянно выселялось после войны, а особенно после 1966 года. Часто повторяемое утверждение о том, что у сербов была вся власть в автономном крае, особенно в период до 1966 года, — бессмысленно. Дела обстояли иначе. Например, в отчете епископа Павла за 1961 год от 11 мая 1962 года говорится: «В селе Коморан после войны были 40 сербских домов, сейчас их 12; в Ново-Чикатово — 48, в настоящее время — 22; в Дони Забел — 18, осталось 4; в Велики Белачевац — 23, в настоящее время только 3. Из Голешкого прихода выселилась за один год 81 семья. Это наша главная беда в этих краях»¹. Подобные данные мы встречаем во всех годовых отчетах рашско-призренского епископа Павла. В его отчете от 1 апреля 1965 выделяется следующее: «Наряду с приведенными трудностями, самая главная для нас та, о которой я писал во всех предыдущих отчетах, — это постоянное выселение православного элемента из Косово и Метохии: деревня Бело Поле — из 42 домов выселено 12, осталось 30. Деревня Главник — из 43 домов выселено 20, осталось 23. Деревня Батлава — из 27 домов выселено 13, осталось 14. Деревня Г. Сибовац — из 48 домов выселено 25, осталось 23. Деревня Трново — из 29 домов выселено 23, осталось 6. Деревня Брадаш — из 41 домов выселено 40, остался 1, и так в 20 деревнях Подуйевской parroхии [...] Комментарии здесь излишни»². Почти во всех отчетах сербских священников из Косово и Метохии в течение 60-х и 70-х годов повторяются примеры насильственного выселения сербского населения, изнасилований сербских женщин (включая и нападений на монахинь), различные виды унижения, оскорбления священников и населения, нападений и грабежей сербского имущества, храмов и монастырей, уничтожение сербских кладбищ и иных форм насилия³. Перед рассветом 16 марта 1981 года албанские сепаратисты и террористы подожгли крыло для паломников в монастыре Печской патриархии, в котором в течение многих веков находился центр Сербской православной церкви. В здании в тот момент спали 30 монахинь, несколько гостей и три священника-монаха. В марте того же года начались большие сепаратистские демонстрации, в которых проект Великой Албании был закамуфлирован лозунгом «Косово — республика».

Наряду со множеством других преступлений и злоупотреблений особенно выделяется внесение в перечень сербских храмов и монастырей в качестве мечетей, мусульманских религиозных объектов. В письме от 3 апреля 1987 года епископ Рашско-Призренский Павел обращает внимание Комиссии по религии Автономного края Косово на то, что множество храмов зарегистрированы в кадастровых книгах как мечети: в районе Сува Река в качестве мечетей зарегистрированы храмы в деревнях Муштутиште и Дворане, затем в деревнях Речане и Поповляне. Как мечеть зарегистри-

¹ Цит. по: А. Јевтич. Указ. соч. С. 39.

² Там же. С. 39–40.

³ Шиптарски геноцид над Србима у 20. веку. С. 166–317; Задужбине Косова... С. 793–838.

рован даже храм монастыря Святой Троицы Муштуишта (который в июне 1999 года был полностью разрушен). В районе города Печ в качестве мечетей зарегистрированы храмы в селах Витомирица, Сига и Гораждевац¹.

Среди множества преступлений против сербов в течение 70-х и 80-х годов, включая и многочисленные убийства, сербскую косовскую трагедию особенно иллюстрируют два случая: убийство молодого Данило Миличича, произошедшее перед его домом в деревне Самодрежа 2 июня 1982 года, когда четверо албанцев держали сербского юношу, в то время как эмигрант из Албании Ферат Муйо застрелил его из пистолета прямо в сердце, на глазах его матери Даницы, которая попыталась своим телом защитить сына; 1 мая 1985 года трое замаскированных лиц напали в поле на серба Джорже Мартиновича и буквально втолкнули бутылку в его толстую кишку². Официальные власти попытались скрыть преступление против Джорджа Мартиновича фальсификацией разных «сообщений врачей» (один из самых известных сербских художников XX века Мича Попович написал картину «1 мая 1985»)³.

Особым видом произвола было изнасилование сербских девочек, женщин и монахинь, которые происходили очень часто. Приводим некоторые примеры: изнасилование девятилетней девочки в селе Житиня у Витины в 1983 году, изнасилование монахини Анны (72 года) в монастыре Гориоч у Истока, изнасилование двенадцатилетней девочки (в августе 1984 года) в Любениче у города Печ, изнасилование женщины в возрасте 54 лет в Бело Поле у города Печ. Среди множества случаев изнасилований сербских женщин выделяем попытку изнасилования игуменьи монастыря Грачаница Татьяны (в день Успения Богородицы, 28 августа 1988 года) полицейским албанцем⁴.

Процесс этнических чисток, черную хронику гонений и насилия над сербами особенно хорошо представляет выселение сербских интеллектуалов из города Приштина. Приведем только некоторые характерные данные. Только за одно десятилетие с 1971 по 1981 год 42 врача покинули медицинские учреждения в Приштине. В тот же период медицинский факультет в Приштине покинули девять преподавателей сербов, а математический факультет покинул 21 преподаватель и ассистент. Подобные данные можно привести и из всех других образовательных, научных, медицинских учреждений и предприятий⁵. Ружа Петрович и Марина Благович изучали переселения из Косово и Метохии в демографическом и социологическом аспектах. Они пришли к надежным и логичным выводам, что миграции «полностью нелегалы» и «абсурдны», «так как они появляются в конце XX века, потому что происходит давление, исходящее из шовинистской и сепаратистской мотивации, и потому что они происходят при странных обстоятельствах, когда меньшинство доминирует над большинством. Особенно трагично пе-

¹ А. Јевтич. Указ. соч. С. 54–55.

² А. Јевтич. С. 56–59.

³ Задужбине Косова... С. 247.

⁴ А. Јевтич. Указ. соч. С. 59–61.

⁵ С. Джакович. Указ. соч. С. 442–443.

реселение из Косово, так как давлению и насилию не сопротивляются ни сербы и черногорцы, жизни которых находятся под угрозой, ни те албанцы, для которых шовинизм не является жизненным кредо, ни власти автономного края, ни власти Сербии и Югославии, так как они парализованы и не в состоянии влиять на развитие событий»¹.

ВЕЛИКОАЛБАНСКИЙ ШОВИНИЗМ И ИНДОКТРИНАЦИЯ АЛБАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Внедрение великоалбанского шовинизма в органы власти, особенно в образовательные учреждения, в первую очередь в университет в Приштине, происходило очень быстро. Это был быстрый и массовый процесс, особенно после 1966 года, после смены вице-президента СФР Югославии Александра Ранковича, который был выше подробно описан, из-за якобы «прослушивания» Тито и настаивания на «унитаристском курсе», а на самом деле из-за его сопротивления ускоренным процессам дезинтеграции в Югославской Федерации, которые вели к разрушению общего государства. Данные тенденции были особенно выражены в университете в Приштине, который очень быстро стал крупным университетом, так как АК Косово и Метохия получал большие гранты из Союзного фонда помощи неразвитым краям. Первые факультеты в Приштине были открыты в 1960–1961 годах с помощью кадров и объемной поддержки университета в Белграде. Созданы философский (в составе которого находились и группы будущего естественно-математического факультета), юридический и экономический (в начале как один факультет), затем в середине 60-х технический и в конце 60-х медицинский факультеты. В начале 1970 года был официально сформирован университет в Приштине². Позже, с 1974 по 1979 год были открыты факультеты сельского хозяйства, физической культуры, искусств (в Приштине) и горного дела и металлургии в городе Косовска Митровица. В 1975 году в Приштине было создано Научное общество Косово и Метохии, которое через несколько лет превратилось в Академию наук и искусств Косово (это был единственный случай в Европе, чтобы национальное меньшинство и маленький край имели свою академию наук). До каких размеров университет в Приштине и автономный край имели помощь в первую очередь Республики Сербия, свидетельствуют данные о числе студентов в Косово и Метохии, по сравнению с другими более крупными и экономически более развитыми республиками Югославской Федерации. Речь идет о численности населения по переписи 1981 года, а данные о количестве студентов относятся к учебному 1987/88 году³.

¹ Ружа Петровић–Марина Благојевић. Сеобе Срба и Црногораца са Косова и Метохије. Анкета 1985–1986. САНУ, Београд, 1989. С. 7.

² Dr Vujadin Milanović. Univerzitet u Prištini u mreži velikoalbanske strategije. Beograd–Priština, 1990. С. 23.

³ Там же. С. 39.

Республика или край	Косово и Метохия	Словения	Босния и Герцеговина	Хорватия	Центральная Сербия	Воеводина	Македония	Черногория
Численность населения	1 584 000	1 892 000	4 124 000	4 602 000	5 695 000	2 035 000	1 909 000	584 000
Число студентов	37 857	27 694	47 364	57 040	109 911	32 462	39 500	7349

Университет в Приштине в 70–80-х годах XX века стал главным центром великоалбанской идеологии и одновременно главным идеологическим центром этнической и религиозной ненависти и нетерпимости по отношению к неалбанскому населению в данной части автономного края Республики Сербия. Такая идеология была официально скрыта пустой политической риторикой, а действительные общественные процессы развивались в полностью ином направлении — к повседневному вытеснению сербов и другого неалбанского населения в крае. Примером данной риторики является в том числе и речь Махмута Бакали, президента КК СК Косово и Метохия, который во время подъема великоалбанского шовинизма и сепаратизма в начале июня 1972 года утверждал: «Несмотря на правящие классы и различных оккупантов, на этих территориях царило братство и чувство солидарности. Это чувство общего мы, коммунисты, подняли на высший уровень и придали ему классовое и революционное содержание»¹.

Среди преподавателей университета в Приштине было большое число тех, кто получал стипендии фашистского режима и учился в Албании и Италии в период в 1941 по 1945 год. Среди многочисленных примеров выделяются Марк Красничи (1920), Неджат Беголи (1923) и Али Соколи (1921). Красничи сам подчеркивал, что он «во время войны два года учился в Университете в Падуе» и получал стипендию Министерства образования фашистского правительства Джафера Девы в Тиране. Тот же Джафер Дева, как уже было сказано, был создателем «Второй албанской лиги» в Призрене и создателем позорной дивизии СС «Скандербег», которая совершила многочисленные преступления в оккупированных частях Сербии и Югославии. Биография Неджата Беголи наглядно характеризует кадровую политику университета в Приштине и общее положение дел в образовании. Сначала он окончил классическую гимназию в Шкодере, выпускные экзамены сдал в Тиране, а дальнейшее образование продолжил в Италии. В его реферате для участия в выборах на место преподавателя итальянского языка в 1974 году среди прочего было написано: «В Италии после окончания военной школы продолжает учебу на медицинском факультете в Риме, но

¹ Цит. по: др Ђоко Слијепчевић. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време. Химелстир, 1983 (друго допуњено издање). S. 397.

из-за военных обстоятельств прекращает учебу в 1943 году»¹. Беголи после 1945 года и до назначения преподавателем итальянского языка в университете в Приштине имел успешную карьеру: он был директором начальной школы в Пече, директором гимназии в Пече, начальником общественных служб по бывшему району Печ, директором Учительской школы им. Али Кельменди в Пече, директором Краевого института по модернизации образования в Приштине, а в период работы преподавателем он был проректором по образовательной и научной работе в университете в Приштине. В ректорате он был также секретарем Союза коммунистов Югославии.

Али Соколи окончил гимназию в Скопье в 1941 году, и в том же году он поступил на сельскохозяйственный факультет в Пизе, Италии, и там остался до капитуляции Италии, а потом, будучи проверенным стипендиатом, продолжил учебу в Вене, где остался до конца Второй мировой войны. Уже с мая 1945 года он в качестве служащего работает в Районном народном комитете в Ораховаце, а затем его направляют учиться за счет государства на медицинском факультете в Белграде. Позже он продолжил успешную карьеру врача и руководителя в медицинских учреждениях и на факультете. Он был начальником отделения пульмонологии в больнице в Приштине, а затем стал преподавателем медицинского факультета и врачом в Клинической больнице медицинского факультета.

В университете в Приштине работали многочисленные преподаватели, которые родились в Албании и поселились в Косово и Метохии во время Второй мировой войны. Они активно участвовали в разжигании ненависти к сербам и к другому неалбанскому населению. Приведем только несколько характерных примеров. Фатмир Аголи родился в Тиране в 1932 году, где окончил четыре класса начальной школы. Во время войны он поселился в городе Струга, в Македонии, где продолжил образование, затем в Охриде, а после в Белграде. Он занимал высокие управленческие и партийные должности на комбинате «Трепча». В том числе он был председателем правления государственной компании Бор-Трепча-Югометал, членом Областного комитета СК Косово, членом Исполнительного комитета Югославского инвестиционного банка в Белграде и множества других организаций.

Газменд Займи (родился в Круме в 1936 году) приехал с семьей в Призрене (Югославия), сразу после оккупации Югославии. Его мать Эниса была сестрой Джавида Нимани, одного из крупнейших политиков Косово и Метохии. После окончания учебы на юридическом факультете в Белграде Займи стал судьей в Призрене, после — председателем суда в Призрене, а затем перешел на работу на юридический факультет в Приштине. С 1975 года он был проректором университета в Приштине, а с 1979 по 1981 год — ректором университета в Приштине.

Галип Дема родился в Хомеше в 1919 году и жил в Албании до оккупации Югославии. Приехал он жить в Югославию, скорее всего, сразу по-

¹ Цит. по: д.н. В. Миланович. Указ. соч. С. 109.

сле апрельского разгрома Югославии в 1941 году. Он окончил гимназию в Шкодере, затем юридический факультет в Скопье в 1957 году, был председателем районного суда в Дебаре, судьей окружного суда в Тетово и в 1963 году стал секретарем Республиканского секретариата правосудия СР Македонии в Скопье. С 1967 года он был преподавателем в университете в Приштине.

Агур Соколи родился в 1950 году в Куксе на севере Албании. В Косово и Метохию он переехал с семьей, будучи еще ребенком. После окончания учебы в Приштине он стал преподавателем управленческого права в университете.

Среди лиц, переселившихся из Албании, особенно активными были Али Хадри (Люшня, 1931), историк, председатель Союза историков Югославии, Имер Яка (Тропоя, 1937), Гани Ходжа (Кольгецай, 1933), Флютра Челяй (Тирана, 1943), Мехмет Беграца (Люшня, 1934), Газменд Шачири (Скадар, 1936), Бечир Люпчи (Элбасан, 1938), Ирфан Спахиу (Колеси-ян, 1937), Бурхан Дида (Скадар, 1938), Чамиле Яка (Тропоя, 1941), Рефик Рамку (Пешкопоя, 1941), Агрон Пустина (Тирана, 1944), Эниса Фехмиу (Тирана, 1944), Африм Вокши (Тирана, 1930), Газменд Беголи (Тирана, 1944), Сали Спахиу (Тирана, 1946), Башким Кабаши (Кукс, 1937), Агрон Души (Тирана, 1939), Реджеп Фери (Кукс, 1937), Шичри Нимани (Скадар, 1941), Иль Займи (Крума, 1934), Наим Полошка (Кукс, 1928) и многие другие¹. С примерами, подобными этим, можно столкнуться и во всех других областях — в политике, хозяйстве, армии, правосудии, начальном и среднем образовании, в полиции и т. д.

Рашско-призренский епископ Павел, архимандрит Атанасие из Печской патриархии и протоерей Милутин Тимотийевич из Призрена обратились 24 апреля 1990 года к Конгрессу США в Вашингтоне, свидетельствуя перед конгрессменами о великой драме сербского народа на Косово и Метохии. В этом заявлении перед американским конгрессом представители сербского духовенства сказали: «...Сегодня сербский народ и Сербская Православная Церковь в Косово и Метохии защищают европейскую цивилизацию, если миру это еще нужно. Мы с сожалением констатируем, что ни одна из международных делегаций не сочла важным посетить сербские церковные и народные святыни в Косово — Печскую патриархию, Дечане или Грачаницу. Это объекты сербской, христианской, европейской и мировой культуры. О ней данные святыни свидетельствуют и ее представляют.

Сербский народ в Косово ежедневно страдает и подвергается изгнанию и насилию. Но как люди и христиане мы считаем, что самыми несчастными и самыми трагическими являются представители албанской национальности в Косово, которых втянули в тиранию и геноцид сербского народа, его Церкви, культуры, истории и духовности в Косово. Если идейные и политические вожди албанской агрессии в Косово хоть немного

¹ Д.н. В. Миланович. Указ. соч. С. 106–131.

заботятся о будущем своих детей и своего народа, им необходимо задаться вопросом: чему они его учат, поддерживая преступления и насилие по отношению к своим невинным соседям, которые веками живут в Косово?

В Восточной Европе в настоящее время все меняется к лучшему, только в Косово еще осталось безумие коммунистического творения, жертвой которого является сербское население в Косово и его святыни. Христианский Запад или не видит этого, или считает, что в его интересах не видеть этого. Из-за этой близорукости Запада Османская империя на целых два века продлила рабство христиан на Балканах, в колыбели европейской и мировой цивилизации.

Мы пришли сюда не просить вас, но показать вам, как представителям сильного государства свободного мира, правду, о которой мы свидетельствуем своей одеждой с крестом, который мы носим и перед вами стоим, во имя Отца и Сына и Святого Духа и народа, от чистого сердца и ума которого мы каждое слово вам произнесли. Спасибо вам, если вы нас выслушали»¹.

СКОПСКО-ТЕТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В ЮГОСЛАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ МАКЕДОНИЯ

Как уже известно, в 1941 году произошла нацистско-фашистская оккупация и разделение Югославии. Большая часть югославской территории, в настоящее время часть бывшей Югославской республики Македония, была оккупирована Болгарией, а западные части — Тетово, Гостивар, Кичево, Дебра, Струга и части Преспы — были под оккупацией фашистской Великой Албании. После прихода болгарской оккупантской армии последовало массовое изгнание сербов с пространств, принадлежавших в настоящее время Македонии. В первую очередь изгнания касались городского населения в 1941 году, а затем были депортированы все сомнительные «сербоманы», а на самом деле те, которые не соглашались признать себя насильственно провозглашенными болгарами. Было полностью конфисковано их имущество. Летом 1941 года начались массовые аресты и депортация сельского населения в регионах Куманово, Велес и Тетово. Это были своеобразные этнические чистки сербов из сербской, то есть югославской, части Македонии. Парадокс заключается в том, что новая югославская власть, так же как и в случае Косово и Метохии, множеством решений запретила возврат изгнанных под предлогом запрета возврата колонистов, хотя речь не шла только о колонистах. В Решении Национального комитета освобождения Югославии от 6 марта 1945 года подчеркнуто: «В последнее время без разрешения народных властей отмечается возврат и поселение семей колонистов (поселенцев), которые раньше проживали в Македонии, Косово, Метохии, Среме и Воеводине», а потом последо-

¹ А. Левич. Указ. соч. Приложение 8. С. 444—451.

вал приказ «временно запретить возврат колонистов в их прежние места жительства, и пусть все останутся на своих местах»¹. На практике данные положения применялись в основном в Косово и Метохии, а также в Македонии, но при этом новая власть не сделала ничего для того, чтобы отправить на родину военных колонистов из соседних государств, поселившихся здесь во время оккупации.

Болгарский оккупационный режим в период 1941–1944 годов уничтожал все сербские памятники, подобно монументальному памятнику на холме Зебрняк, произведению архитектора Момира Коруневича, воздвигнутому в 1937 году в честь битвы под Кумановом и освобождения от турок, затем мемориальной братской могилы Удово у Валандова и множества других. Монументальный силуэт мемориальной братской могилы на Зебрняке на внутренних стенах был расписан фресками художника Живорада Настасийевича². Высота памятника была 48,5 метра, наверху стоял крест, а построен он был из базальта и бетона. «В архитектурном аспекте его форма больше всего напоминала башню или обелиск с массивным постаментом на треугольной основе, каждая сторона которой была длиной 17 метров»³. В братской могиле были похоронены земные останки большинства кумановских воинов, собранных «в четыре сотни белых мешков, подобных древнехристианским покрывалам», которые до тех пор хранились в средневековом храме, расположенном недалеко оттуда и посвященном святому Георгию Победоносцу⁴.

Болгарская оккупационная пропаганда все сербские памятники представляла как элементы «сербской оккупации» Македонии, и это было принято большей частью представителей македонского режима, установившегося после Второй мировой войны. От сохранившейся части упомянутого выше памятника с братской могилкой на Зебрняке новые македонские власти после войны оставили только нижнюю часть, то есть оставшиеся руины, и не разрешили восстановление памятника. В непосредственной близости от памятника была открыта каменоломня, тем самым остатки были подвергнуты дальнейшему уничтожению. Ирония истории заключается в том, что НАТО во время агрессии на Сербию и Югославию в 1999 году в каменоломне, на холме рядом с памятником, установил большие радарные системы для мониторинга и прослушивания Сербии. Перед гневом местного населения, которое без оружия, атаковало данные посты, НАТО

¹ Решения Национального комитета освобождения Югославии. Временный запрет возврата колонистов на их прежние места жительства. «Службени лист» Демократической Федеративной Республики Югославии номер 13, 16 марта 1945 года; Закон о ревизии отведения земли колонистам и аграрным интересам в Македонии и в области Косово и Метохии. «Службени лист» ДФЮ № 56, 5 августа 1945; Закон о ревизии отведения земли колонистам и аграрным интересам в Народной Республике Македонии и в Автономной области Косово и Метохии. «Службени лист» ФНРЮ, № 89, 5 ноября 1946.

² Зоран М. Јовановић. Зебрњак. У трагачу за порукама једног споменика или о култури сећања код Срба. Београд—Горњи Милановац, 2004. С. 8.

³ То же. С. 49–50.

⁴ То же. С. 49.

был вынужден покинуть это место. Кумановское соглашение от 9 июня 1999 года, по которому формально завершилась агрессия НАТО на Сербию и СР Югославию, во всяком случае несет собственную политическую символику. Обречены попытки оспорить исторический смысл битвы под Кумановом, так же как и насильственное отторжение от Сербии Косово и Метохии в качестве центра Старой Сербии — на основании лжепредположения, что освобождение древних сербских культурных и государственных центров от турецкой власти в 1912 году было на самом деле «аннексией» данных территорий. Этим искажается смысл Первой Балканской войны и ставится под вопрос и самый смысл освобождения данной части Балкан от османской власти.

С 1945 года до отделения Македонии в 1991 году проводилась систематическая и долгосрочная политика в первую очередь вытеснения сербов с территорий македонской федеральной единицы, а затем ассимиляции тех, которые продолжили жить в своих домах. Многие из тех, кто присоединился к болгарским фашистским оккупантам в 1941 году, затем заняли высокие посты в организации новой коммунистической власти в Македонском государстве. Поэтому неудивительно, что уже в 1944 году проводилась насильственная македонизация сербского населения в Республике Македония, продолжающаяся практически и до наших дней¹.

Колонизация 1947 года продолжила опустошение отдельных областей, населенных сербским населением, или тех, которые были традиционно связаны с Сербией: в Воеводину из городов Пореч, Кичево, Крива Паланка и Куманово было переселено около 22 000 человек. Непосредственно после освобождения уже в середине 1945 года и определения административных границ между республиками последовали требования населения некоторых частей НР Македония присоединиться к федеральной единице Сербии. Типичный пример — население района Вратница в области Тетово в письме министру по делам Сербии в правительстве Демократической Федеративной Югославии от 10 июля 1945 года написали: «Мы, сербы из района Вратнице, национально никогда не чувствовали себя иначе как сербы, так же как и наши предки, и так было веками. Поэтому мы сильно пострадали во время оккупации в прошлой войне, и в течение этой войны на территории района Вратнице был расстрелян 41 серб, были и высланные, а ни одного серба возраста 15–66 лет не осталось, который не был бы избит или по-иному потерпел насилие»². В составе данного района были деревни Вратница, Беловиште, Старо Село, Рогачево, Одри, Яжинце, Орашье и Нераште. Население района Вратница жаловалось на новую македонскую власть: в основном они были недовольны тем, что «в наших краях власть в основном имеют лица, которые и сами были фашистски-

¹ Стамен Ст. Кузмановић. Спасити од заборава. Кумановска битка и споменик на Зебрњаку, 23–24. октобар 1912, Куманово, 2001; исти, Устанак Срба у Кумановској и Паланачкој кази 1878. године, Куманово, 2002; исти, Страдање Срба у кумановској области од 1941. до 1944. године, Куманово, 2003; Јован Ф. Трифуноски. Македонизирање Јужне Србије. Београд, 1995. С. 103.

² Архив Југославије. Президиум владе, ф. 33, п. 65.

ми пособниками, лица, которые с восхищением встречали немецкие войска, лица, которые организовали благодарение в церквях за победу германского оружия, хотя немцам и в голову не приходило требовать подобные действия от населения». Приводили и конкретные примеры: во время оккупации начальником в районе Вратница был Андра Христов из Тетово (в старой Югославии писец окружного суда в Тетово, он же Андра Ристич), про которого сейчас говорится, что он является «высокопоставленным лицом народной власти в Скопье»¹. Население сел Магенце, Черман, Нерев, Матежево и Огут в районе Крива Паланка уже в 1946 году, а затем и 15 января 1948 года требовало присоединиться к Трговиште, к району Пчинь в НР Сербия. И правительство Сербии еще в 1946 году требовало изменения границы с Македонией².

После Второй мировой войны для сербов в НР Македонии не было обеспечено развитие национальной и культурной самобытности. Осуществлялся интенсивный процесс их ассимиляции. После войны из сербских сел были изгнаны сербские учителя и священники, были присланы македонские учителя, большая часть которых служили и во время оккупации. Македонские власти насильственно меняли их фамилии, в основном меняя «ич» на «ски» (Йованович — Йовановски) или «ов», чаще всего при выдаче идентификационных личных документов. Удержание фамилий с окончанием на ич приводило к различным видам дискриминации сербов (при получении работы, оформлении паспортов, лечении). При переписи населения в Кумановском крае, на горе Шара и в окрестностях, происходили акции открытого давления на сербов, от них требовали признать себя македонцами, проводились аресты из-за «нарушения общего порядка и спокойствия». Отсутствие прав у сербов было обосновано так называемыми объективными обстоятельствами (нищетой). По неполным данным, из Республики Македония с 1948 по 1980 год выселились около 170 000 сербов, не считая изгнанных непосредственно после войны. По переписи 1981 года в СР Македония жили 44 613 сербов, 14 240 югославов, 3940 черногорцев, число македонцев составляло 1 279 323, албанцев — 377 208, турок — 86 591, цыган — 43 125 и небольшое число других групп³. Считается, что в момент отделения в СР Македонии осталось жить около 250 000 сербов, из которых большая часть не смела открыто указывать свою сербскую национальность.

ВОПРОС КУМАНОВО И ВЕРХНЕГО ПОВАРДАРЬЯ

Политическая обстановка в южных областях Старой Сербии, а затем Королевства Сербия и Югославского государства была обременена тяжелым историческим наследием, этническими и религиозными стычка-

¹ Архив Югославии. Президиум правительства, ф. 33, п. 65.

² Branko Pavlica. Ugovor izmedju Savezne republike Jugoslavije i Republike Makedonije o protezanju i opisu državne granice, Tokovi istorije 1—2 (2004). С. 91—94.

³ Сто македонски години 1903—2003. Редактор Јован Павловски. Скопје, 2004. С. 560.

ми и враждой. Скопье с 1929 года являлось центром Вардарского герцогства, которое наряду с частями классической Македонии охватывало и часть Старой Сербии. Стабилизации политических обстоятельств угрожали сепаратистская террористическая активность ВМРО во главе с Тодором Александровым (до 1924 года, а позже Иваном Ванчом Михайловым) и Косовского комитета во главе, как это уже было сказано, с Хасаном Приштина, Бедри Пеяни и другими албанцами. За деятельностью данных движений стояли большей частью Болгария и Албания, поддерживаемые фашистской Италией и другими государствами, ревизионизм и реваншизм которых угрожал вновь созданному Югославскому государству. В Софии в конце 1923 года был создан Македонский научный институт, который выпускал журнал *Македонски преглед*. Это было представление болгарской точки зрения об истории, этнографии и культурной истории Македонии (с 1990 года софийский ВМРО возобновил Македонский научный институт и журнал). В 1947 году было принято решение перевести его в Скопье, а в конце августа 1948 года в Скопье начал работу Институт национальной истории.

Болгарское правительство во главе с Александром Стамболиским попыталось нормализовать отношения с Королевством СХС соглашением в Нише и прекратить нападения комитов, но данное правительство было распушено в начале июня 1923 года, а сам Стамболиский был убит 14 июня того же года. Тодор Александров сыграл ключевую роль в его убийстве. Правительство Цанкова, сформированное после Стамболиского, поддерживало вторжения комитов Тодора Александра и его сотрудников. Такая активность болгарской и албанской сторон создавала состояние тревоги в течение длительного периода времени в южных областях Старой Сербии. Дебар был центром постоянной подрывной активности албанской стороны, а жертвами разбоев и грабежей часто были и сами албанцы. Постоянное сотрудничество ВМРО и Косовского комитета представляло собой продолжение сотрудничества, договора между Кемалом и Даневым в 1913 году. Ведущие люди правительства Исмаила Кемала еще в 1913 году, как это уже известно, сформировали Комитет по защите Косово и Северного Эпира, и они через американско-албанское общество «Огонь» и албанские организации в Европе начали пропаганду в пользу Албании в так называемых этнических границах четырех бывших османских вилайетов — Косовского, Скадарского, Битольского и Янинского¹. Во время визита в Албанию в 1920 году Александр Протогеров от имени ВМРО подписал так называемый Тиранский протокол с руководством Косовского комитета. Наряду с совместными действиями комитетских и качакских баз в Южной Албании «они договорились, чтобы граница между Албанией и Македонией проходила по направлению от Качаника к Струге, Охриду и Ресне, с тем чтобы потом дополнительно плебисцитом опре-

¹ Југословенска држава и Албанија. Том I, подготвили Љубодраг Димић и Ђорђе Борозан. Београд, 1998. С. 21

делить, кому будет принадлежать Дебар»¹. Кроме Протогерово, соглашение подписали Ходжа Кадри от имени «Комитета по освобождению Косово» и Сеифи Вламаси от имени «Комитета по освобождению Чамерии». Александр Протогеров (Охрид, 1867) был генералом болгарской армии. Во время оккупации в ходе Первой мировой войны он был назначен губернатором Македонской области (1917), позже убит в 1928 году в Софии. Соглашением от 15 мая 1922 года между ВМРО и Албанским комитетом, подписанным Протогеровым и Бедри Пеяни и состоящим из восьми пунктов, предусмотрены общие границы Великой Болгарии и Великой Албании на пространстве Западной Македонии². Над этим в течение оккупации в 1916 году работали болгарские ученые в специальных разведывательных научных экспедициях при штабах Первой и Второй болгарских армий. На территории Старой Сербии и Западной Македонии больше всех работали Йордан Иванов, Михаил Арнаудев, Стефан Димитров, Стефан Младенов и другие³. Основные направления деятельности ВМРО и Косовского комитета определяли Тодор Александров и Хасан Приштина, главные уполномоченные лица итальянских секретных служб в данной части Балкан. Через итальянский банк в Софии Александров в 1922 году получил крупную финансовую помощь⁴. Город Штип с окрестностями представлял собой один из главных центров ВМРО, его крыла «верховистов». Уроженцами данной области были Тодор Александров и Ванчо Михайлов⁵. Одна из этих групп совершила покушение на генерала Ковачевича, командующего дивизией в Штипе, 13 октября 1927 года⁶. В начале 30-х годов XX века укрепились связи между Хасаном Приштиной, вождем усташей Анте Павеличем и Иваном Ванчей Михайловым. В 1931 году в Риме Мехмед Вокши опубликовал карту «албанских этнических территорий», а на самом деле — карту будущей Великой Албании.

Встречи в Риме, Софии и Будапеште проводились все чаще, а их результатом стало соглашение 1933 года о совместных действиях Косовского комитета, усташей и ВМРО. Эти сепаратистские террористические движения, направленные на разрушение Югославии, стали «оперативной основой стратегических идей фашизма»⁷. Усташаи и ВМРО были главными организаторами и исполнителями убийства югославского короля Александра Карагеоргиевича 9 октября 1934 года в Марселе. Коммунистическая партия Югославии вплоть до 1935 года часто сотрудничала с сепаратистско-террористическими движениями, работая над развалом Королевства Югославия в качестве «версальского» и «великосербского» творения,

¹ Ђорђе Борозан. Велика Албанија — поријекло, идеје, пракса. Београд, 1995. С. 92.

² Сто македонски години 1903—2003. Редактор Јован Павловски. Скопје, 2004. С. 183.

³ Научна експедиција в Македонија и Помбравието 1916. Составител Петър Хр. Петров. София, 1993. С. 326.

⁴ Сто македонски години 1903—2003. С. 183.

⁵ Киро Плигоров. Македонија — е се'штоимаме, второ дополнето издание. Скопје, 2002. С. 17.

⁶ То же. С. 21.

⁷ Дж. Борозан. Указ. соч. С. 121.

упоминая и македонцев в качестве жертв великосербского «угнетения». До сих пор до конца не исследована связь частей ВМРО, Коминтерна и некоторых лидеров Коммунистической партии Югославии накануне, в течение и после Второй мировой войны.

Оспаривание исторического смысла Первой Балканской войны раньше других начало македонское коммунистическое руководство. Братская могила граждан города Куманово и окрестностей, умерших от тифа и войны 1912 года, была разорена. Кладбище павших воинов 1912 года при храме Святой Троицы уничтожено. Среди разрушенных памятников в Скопье мы упомянем только памятник ученикам из Скопье, памятник королю Петру Первому, памятник павшим воинам 1912–1918 годов, мемориальную могилу у храма Святого Архангела Михаила. Мемориальная братская могила в Охриде, где похоронены 400 молодых людей, беженцев из Сербии, которые при отступлении в 1915 году были пойманы и расстреляны болгарскими комитскими частями, разрушена во время Второй мировой войны, после войны ничего не было сделано для ее восстановления¹.

Бывший министр культуры Сербии Милан Ранкович писал о позиции руководства Республики Македония по сербским мемориальным братским могилам и сербским военным кладбищам времен балканских войн и Первой мировой войны и отметил, что «государственная политика Республики Македония по отношению к данным памятникам была унижительна для Республики Сербия и сербов»². Несмотря на то что правительство Сербии предлагало материальные средства для восстановления этих мемориалов и кладбищ, македонские власти постоянно уклонялись от этого, заменяя действительную работу созданием различных смешанных сербско-македонских комиссий. «Любую попытку добиться восстановления этих кладбищ представители македонской власти и средства массовой информации в Македонии называли проявлением сербского национализма, а освободительные войны, в которых сербские солдаты погибли, были названы великосербскими империалистическими завоеваниями, направленными на порабощение македонского народа»³.

Имеются бесспорные доказательства того, что македонские руководители во главе с Костой Црвенковским играли важную роль в процессах постепенной дезинтеграции и конфедерализации Югославского государства в течение 60-х годов XX века. Это было видно уже при отставке Александра Ранковича и роли в этом треугольника Загреб–Любляна–Скопье⁴.

¹ Славенко Терзић. Срби и македонско питање (у) Етнички састав становништва Србије и Црне Горе и Србу СФР Југославије. Београд, 1993. С. 243; М. Соколовић. Споменици српског порекла у СР Македонији. Проблем њихове заштите и уређења, Гласник Друштва конзерватора. Србије, 10 (1986).

² Милан Ранковић. Министар. Београд, 2003. С. 123–124.

³ То же. С. 125.

⁴ Hrvatski razgovori o slobodi, Drugi simpozijum «Hrvatske revije 1971», uredio Vinko Nikolić. Minhen–Barcelona, 1972. С. 78; Ђоко Слјепчевић. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије вријеме. Химелстир, 1983. С. 348.

В политике постепенного разрушения СФР Югославия, под предлогом конституционных реформ, самым ярким выражением которого была югославская Конституция 1974 года, македонский политический верх принял активное участие. Открытая поддержка великоалбанской идеологии и великоалбанского шовинизма по отношению к сербам и славянам в целом являлась угрозой не только для Республики Сербия, но и для Республики Македония. Уже в 1952 году появилось требование о создании так называемой Автономной Западной Македонии, охватывающей области Тетово, Гостивар, Дебар и Кичево¹. Неестественная демографическая вспышка и практически постоянное переселение албанцев из Албании на территории Сербии и СР Македония привели к постоянной этнической чистке сербов и македонцев, особенно из области Западной Македонии. Приводим пример переписи 1981 года. В Тетово и области жили 113 414 албанцев. Если сравнить эти данные с численностью албанцев в 1948 году, то мы приходим к выводу, что число албанцев за последние 33 года увеличилось на 102 539 человек². На албанских митингах в городах Струга и Тетово 3 апреля 1992 года было «объявлено о создании автономной Республики Илирида»³.

В конце 1994 года албанцы в Западной Македонии организовали референдум по провозглашению Илириды в качестве албанской административно-территориальной единицы. Это был признак своеобразной федерализации самой Македонии. Люди, хорошо знающие обстановку, подчеркивают, что албанский синдром, или проблема «косовизации», Западной Македонии реально ставит под вопрос самобытность Македонского государства. Проблема постепенно получает международные размеры и становится главным «источником этнического, политического, социально-экономического и военного напряжения как для Республики Македония, так и для региона»⁴. Этнические чистки славянского населения продолжают и по сей день. В конце июля 2001 года албанцы изгнали около 30 000 македонцев из 20 деревень из региона Тетово—Яжинце⁵. Македонское руководство во главе с Киро Глигоровым присоединилось к руководству сепаратистских республик, прежде всего Словении и Хорватии, а затем и к мусульманско-хорватскому руководству Боснии и Герцеговины. Будущие архивные исследования дадут полный ответ на вопрос, как протекал процесс разрушения Югославского государства. Уже сейчас понятно, что существовала полная координация внутренних сепаратистских сил с внешними факторами, в первую очередь с Германией и другими ведущими странами ЕС, Турцией и США. Парламент СР Македония 25 января 1991 года

¹ Марияна Стамова. Албанският въпрос на Балканите (1945—1981). В. Трново, 2005. С. 293—324, 360.

² Сто македонски години 1903—2003. Редактор Јован Павловски. Скопје, 2004. С. 562.

³ Ахил Тунтев. Република Македонија. Прва декада (1990—1999). Скопје, 2005. С. 20.

⁴ Антон Прванов — Маријана Николова Стамова. Албанскиот фактор во Македонија (1944—1991).

⁵ Светомир Шкарик. Правото, силата и мирот — Македонија и Косово. Скопје, 2002. С. 152.

принял антиконституционную Декларацию о суверенитете Республики Македония. Два дня спустя председателем самостоятельной Республики Македония был избран Киро Глигоров. Союзное исполнительное вече и Президиум СФРЮ выдвинули перед Конституционным судом Югославии процедуру пересмотра оценки соответствия с конституцией Декларации о суверенитете СР Македония. Конституционный суд на заседании, проведенном 28 января 1992 года, принял решение, которым аннулируются положения статей 2 и 5 Декларации о суверенитете СР Македония¹. Против отделения Македонии от Югославии в Куманово 8 февраля 1992 года вышли на демонстрацию около 20 000 сербов, а на день позже в селе Кучевиште (Скопская Черная Гора) собрались около 3000 сербов с требованием обеспечения основных прав человека и требованием остаться в составе Югославии. Подобные попытки протестов, хотя власти их запрещали, были организованы в городах Гостивар, Битоля и в других. 1 апреля 1991 года власти провели шестую послевоенную перепись, результат которой: македонцев — 1 328 187, албанцев — 441 987, турок — 77 080, цыган — 52 103, сербов — 42 755, вlahов — 7764 и 84 008 прочих национальностей и неопределившихся². Следующая перепись была проведена в 1994 году. Результаты переписи населения, учитывающей его этнический состав, в период после 1945 года, всегда являлись следствием политической конъюнктуры. Как правило, они выражали определенную политическую тенденцию, следовательно, их необходимо принимать критически. Это особенно относится к переписям в Косово и Метохии, Черногории, Македонии и Хорватии. Референдум о самостоятельности Македонии был проведен 8 сентября 1991 года с вопросом: «Согласны ли вы с созданием суверенного и самостоятельного государства Македония с правом вступить в союз с суверенными государствами Югославии?» Вопрос, составленный таким образом, представлял собой референдумский обман, так как он обеспечивает результат, представляющий собой сумму голосов тех, которые за отделение Македонии, и тех, которые за суверенную республику в рамках Югославии. В соответствии с официальными данными, из зарегистрированных 1 495 626 избирателей голосовали 71,65 %, или 1 074 658 человек. Из всех голосующих 95,09 % на вопрос референдума ответили положительно³. 17 сентября 1991 года парламент Македонии принял Декларацию о создании Республики Македония в качестве суверенного и самостоятельного государства. Два месяца спустя была принята новая конституция. Македония первой признала Болгария, затем Турция, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, самопровозглашенная турецкая республика Северный Кипр, Албания, Россия, Германия и другие государства. С самого начала волнений в СФРЮ БЮРМ настаивала на сепаратизме и среди первых признала сепаратистские республики. Передовыми были политические

¹ Вукашин Вуйичич. Конституционный суд Югославии и кризис югославской федерации (канд. работа). Юридический факультет в Белграде. Белград, 2005. С. 137–142 (в рукописи).

² Сто македонски години 1903–2003. Редактор Јован Павловски. Скопје, 2004. С. 606.

³ Там же. С. 607.

силы, собранные вокруг ВМРО-ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство). Значительный вклад внес член Президиума СФРЮ Васил Тупурковски. ЮНА покинула территорию Македонии до 15 апреля 1992 года. На основании Резолюции № 795 Совета Безопасности ООН, принятой 11 декабря 1992 года по требованию БЮР Македония, так называемые миротворческие силы СООНО (UNPROFOR) разместились в северной и западной частях республики, в областях Старой Сербии. В миссии участвовал нордийский батальон, составленный из 697 человек. Одна часть батальона, шведская рота, была размещена в Куманово у границы с Болгарией, позже она была переведена в город Тузла и заменена на американских солдат. В начале июля 1993 года в БЮРМ прибыл 331 американский солдат в качестве поддержки нордийскому батальону. От размещения сил СООНО, а особенно американских солдат в их составе в БЮРМ началась кампания о якобы угрозе безопасности БЮРМ «с севера». Силы США очень быстро достигли числа 1000 солдат. В 1993 году случались несколько пограничных инцидентов, в которых участвовали солдаты СООНО. В августе 1994 года министр обороны БЮРМ Владо Поповски заявил, что македонская граница с Югославией является «самой проблематичной».

Граница между Республикой Сербия (СР Югославия) и Республикой Македония в качестве бывших югославских республик юридически и технически не была определена. В течение 1994 года началась подготовка к переговорам по спорным вопросам. Сербия была заинтересована в определении фактического числа сербов в БЮРМ. Это было необходимо для того, чтобы добиться их равноправного положения, обеспечить материальное возмещение ранее изгнанным сербам убытков, защитить СПЦ, ее здания и землю на территории Македонии, а также культурно-исторические памятники сербского народа. Встреча президента СР Югославии Слободана Милошевича с президентом БЮР Македония Киро Глигоровым 2 октября 1995 года в Добановце возвестила о начале нормализации взаимоотношений. Но уже на следующий день после возвращения из Белграда (3 октября 1995 года) в центре Скопья было совершено покушение на Киро Глигорова¹. Было немало лиц, которых не устраивала нормализация отношений между тогдашней СР Югославия и БЮР Македония.

Посредством образования федеральной югославской единицы понятие Македония расширилось на севере значительно за пределы собственных исторических и географических границ. Некоторые местные особенности македонского славянского населения стали аргументами для провозглашения македонской нации. Хотя политическое и партийное руководство Сербии после 1945 года понимало новую реальность и принимало македонцев в качестве нации, отношения большей части македонского режима к Сербии, особенно к сербам в Македонии, было необъективным и приводило к дискриминации живущих там сербов. Оспаривались все результаты

¹ Ставре Цуков. Заговор против претседателот Киро Глигоров. Скопје, 2002. С. 245.

развития данных областей в рамках сербского и югославского государств до 1941 года, говорилось только о «великосербском угнетении» и «оккупации Македонии». Систематическая пропаганда проводилась во всех частях общества, в первую очередь в образовательной системе, научных работах, в культурной жизни, СМИ и пр. Этим они хотели добиться негативного отношения и даже ненависти славянского македонского мира ко всему сербскому. Они добились успеха в основном на уровне политической номенклатуры, но массовые протесты в Скопье и в других городах в ходе агрессии НАТО на Сербию и СР Югославия (1999) свидетельствовали о том, что в народе еще не исчезло сознание о естественных и традиционных многовековых связях данных областей с Сербией и другими сербскими районами. Впрочем, в течение десятилетий и веков и здесь существовал определенный вид двойной идентичности, так как одна часть чувствовала себя сербами-македонцами («мачедонцами»), то есть сербами из Македонии. Несомненно, часть македонских славян чувствовала себя болгарами. Из-за этого трудно расплетаемого сербско-болгарского клубка у части населения появилось чувство македонской исключительности. Но это отличается от насильственной македонизации сербов после 1945 года. Занятые борьбой с «великосербским национализмом» и «унитаризмом», македонские руководители тем самым обеспечили албанцам возможность этнически очистить и от сербов, и от македонцев почти половину территории своей федеральной единицы для того, чтобы в будущем Скопье стал столицей выдуманного «исторического Косово», запланированные границы которого выходят за пределы границ и Косовского вилайета (1877–1912), где албанцы никогда не представляли собой большинство населения.

Глава XXIII

ПРОСВЕЩЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В СТАРОЙ СЕРБИИ

Ситуация в образовании и культуре в Скопско-Тетовской области

Несмотря на то что сербская дипломатия в 60-х годах XIX века проявляла понимание в связи с болгарским церковным вопросом в рамках Константинопольского патриархата, нескрываемые политические и национальные амбиции по ассимиляции части сербского и македонского славянского мира, находящегося вне болгарского этнического ареала, послужили катализатором для сербской просветительской, культурной и национальной деятельности в Старой Сербии и Македонии. Некоторые авторы считают, что толчок к основанию Болгарского экзархата пришел извне. Кроме того, существовало оправданное недовольство попытками эллинизации части славянского мира при помощи Константинопольского патриархата. Поощряя раскол во Вселенском патриархате, западные силы наносили серьезный удар по единству Православной церкви, а также по политическому влиянию России на Балканах. В Риме в 1855 году был основан Комитет общества восточных христиан, через два года были основаны миссии римских лазаристов в Салониках, Битоли, Константинополе и во многих населенных пунктах Болгарии. Население Кукуша и окрестностей вошло в унию в 1859 году, но позже вышло из нее. После Крымской войны усилилась активность протестантской пропаганды: американские миссионеры поселились в Софии, Пловдиве, Варне, Левече, Самоково и Старой Загоре¹. В Константинополе в 1863 году был открыт протестантский Роберт-колледж, где обучались многие известные личности болгарского современного возрождения². В паруса болгарскому национальному движению задул «попутный ветер». Несчастливая сербско-болгарская война (1885), поощряемая из Вены, еще больше способствовала зависти и стыч-

¹ Лилуашвили Кукури Семенович. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1979. С. 24–26; Иван Иванович. Македонија и Македонци. Књ. II. Нови Сад, 1908. С. 287–289.

² В. Црнојевић (Владимир Карић). Цариград, Света Гора, Солун, Београд, 1889. С. 26–27.

кам на территориях Старой Сербии и Македонии. Сербские школы в этих государствах существовали еще в середине XIX века, в 60-х и 70-х годах (70 мужских, 7 женских школ и одна семинария в Старой Сербии и Македонии), но и их работа была прервана сербско-турецкими войнами в 1876 и 1877—1878 годах. Сербские школы работали и в Кичево, Скопье, Гостиваре, Дебре, Лазорополе, Тетово и окрестностях, Кочанах, Злетове, в деревнях Велешской, Охридской (Лештаны, Боровац, Вевчаны), Шкодерской и других нахий¹. В 1837 году игумен монастыря Святого Иоанна Бигорского Арсений просил о помощи митрополита Петра, стоявшего во главе автономной церкви в Княжестве Сербия, называя свой монастырь «славянско-сербским общежитием», в котором располагалась начальная школа. Этот монастырь обращался за помощью не только к митрополиту Петру, но и к его преемнику Михаилу и в Министерство просвещения и веры. Помощь поступала в 1851, 1856, 1857, 1870 годах². Княжество в течение XIX века периодически помогало и многим другим монастырям в Старой Сербии, таким как Дечаны, Печская патриархия, Грачаница, Святого Успения (Селяны) вблизи Припеполя, Святой Троицы и Святого Марка вблизи Призрена, Девич, Святой Троицы у Плевли, церкви Святого Георгия в Призрене, Баня у Прибоя, Милешево и многим другим. Братия монастыря Святого Атанасия у Тетово просила митрополита Петра о помощи 6 марта 1853 года, подчеркивая, что князь Лазарь был ктиторм их монастыря и они «как ваши сербские монахи» ожидают милостыню и дары, хотя в прошлом году уже получили 25 царских дукатов³. В 1857 году через монаха Георгия монастырю Святой Божьей Матери в Куманово были отправлены церковные книги и утварь. Через Йордана Хаджи Константинова, которого митрополиту Петру в начале 1857 года порекомендовал митрополит Скопский Йоаникий, сербское правительство в 1858 году передало 1060 книг для школ в деревнях Кучевиште, Баняны, Драчево, Побожье, Галичник и для монастыря Святого Архангела Михаила. Х. Константинов просил послать ему книги, чтобы «да отвориме пут за испјатаније наша србско древност» («открыть дорогу к исследованиям нашей сербской истории»)⁴. Школе в Тетово в 1861 и 1862 годах было отправлено 615 книг, а 40 царских дукатов дано в 1865 году Стенической общине в Скопской епархии на восстановление церкви. На окончание строительства церкви в Турчанах у Гостивара правительство в 1866 году отправило 100 дукатов. Буквари и другие школьные книги в 1869 году были отправлены в Кичево, а в 1871 году приехала и учительница с зарплатой в 50 дукатов в год⁵. Восстановление этих школ после 1878 года проводилось в сложных условиях. Например, учитель из Гнилан

¹ Јован Ристић. Спољашњи одношаји новијега времена. Књ. 3. Београд, 1901. С. 278—285.

² Ђоко Слијепчевић. Михаило, архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 410—427.

³ Там же. С. 412.

⁴ Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса. Књ. I (1856—1866). С. 73.

⁵ Ђ. Слијепчевић. Михаило. С. 419—429.

Коста Трайич умер в 1888 году в Диярбекире в тюрьме, осужденный во время инсценированного судебного процесса на 101 год тюремного заключения за «предательство» по «обычному доносу арнаута»¹.

Сербия в 1886 году установила железнодорожную связь с Турцией, проходящую чуть ниже Вранья (Ристовац), а затем, как уже было сказано, открыла консульские отделы в Скопье и Салониках в 1887 году, а также в Битоли и Приштине в 1889 году. Консульский отдел в Серезе был открыт в 1897 году. Мощная и организованная деятельность Болгарского экзархата была прежде всего направлена на вытеснение и вычеркивание сербской государственной культурной и духовной традиции на территории Македонии и южных областей Старой Сербии. Влияние школ и церквей быстро распространялось. Сербские правители и сербская средневековая знать построили многие церкви и монастыри в центральных областях Балкан, где сербское искусство переживало самый большой расцвет. Рядом со Скопьем, Прилепом, Чустендилом (сегодня это Западная Болгария), Куманово, Кратово, Штипа, в окрестностях Тетово, в долине Црной Реки вблизи Дебра и Охрида, а также в других местах было немало сербских церквей и монастырей, многие из которых существуют по сей день². Впрочем, и под османским владычеством области Скопья, Куманово, Тетово, Поречи, Кратово, Штипа и Радовишта принадлежали к Печскому патриархату вплоть до его упразднения (1766).

Среди македонских славян, наряду с чувством близости к сербам и к болгарам, в зависимости от того, где они проживали, проявлялось и чувство региональной принадлежности³. Йован Цвийич в начале XX века утверждал, что многие македонские славяне не отождествляют себя четко с сербами или болгарами, а в будущем они станут идентифицировать себя с государством, на территории которого находятся. В начале века появляются определенные тенденции к автономии, носителями которых в основном были македонские арумыны, и проявлялось это в период существования Крушевской республики (1903), однако в первую очередь это был результат сербского и болгарского спора вокруг Македонии. Идеи об автономии Македонии поступали и с болгарской стороны, базируясь на убеждении, что, как и в случае с Восточной Румелией, это будет более легкий путь для окончательного присоединения Македонии к Болгарии. В славянском мире наряду с теми, кто осознавал свою принадлежность к сербам или болгарам, были и «транзитные» зоны, в которых более чувствовалось сербское или болгарское влияние⁴. Один из ведущих сербских дипломатов начала XX века Милован Дж. Милованович выступал за «искренний договор с болгарам в связи с решением македонского вопроса»⁵.

¹ И. Иванић. Македонија и Македонци. Књ. II. Нови Сад, 1908. С. 460.

² Франц Месеснел. Стари српски споменици. Споменица двадестопетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937. Скопље, 1937. С. 364–385.

³ Јован Цвијић. Проматрања о етнографији македонских Словена. Београд, 1906.

⁴ Миленко Филиповић. Етничке прилике у Јужној Србији. Споменици двадесетпето-годишњице ослобођења Јужне Србије. С. 387–419.

⁵ М. Ђ. Milovanović. Die Macedonische Frage. Die Zeit, N 105, 3. X 1896.

Население южных областей Старой Сербии и современной Республики Македония, особенно ее западных и центральных районов, поддерживало в течение столетий живую связь с Княжеством Сербия и другими сербскими землями. В своей работе «Македонски Срби» («Македонские сербы»), которую известный ученый Йован Эрделянович написал в качестве критики на книгу Густава Вайганда «Этнография Македонии» (на немецком языке), он, подкрепляя документами, доказал, «что между славянами, которые в VI и VII веках поселялись в Македонии, были целые группы, называвшие себя сербами»¹. Эрделянович далее упоминает, что все македонские славяне, «исключая население в самых восточных областях Македонии», поддерживают характерные сербские обычаи, «которых нет ни у одного другого славянского народа», — славу или крсно име (празднование семейного святого), а также преславу и деревенскую славу². Он обращает внимание на работы румынских ученых И. Барбулеску и Й. Йорге, в которых говорится, что большое число сербов, поселившихся в XIV—XVII веках в Валахии и Молдавии, вели свое происхождение с территории современной Македонии³. Большую часть городского населения княжества составляли выходцы с территории современной Македонии. Из этих областей были многие воеводы, руководившие Первым сербским восстанием, — Петр Новакович Чардаклия (из деревни Леунова — Горни Полог), Янко Попович (из Охрида), Марко Крстич из Биелицы, Вуча Живич из Маврова, Доситей Новакович из деревни Дабница вблизи Приеполья и другие⁴. Геодон Юришич в своей работе «Дечански првенац» (1852) пишет о Тетово как о гордости сербства, а жителей Тетово считает «примером своего народа». В Тетово «проживает почти половина сербов», пишет Юришич, у них, так же как и у сербов из тетовской нахии, «в разговоре проскальзывает болгарский язык», так как Тетовская и Скопская нахии граничат с Дебарской и Прилепской нахиями, «в которых сербы и болгары перемешаны». Жители Тетово не забыли своих обычаев и празднуют «славу» «по старосербскому обычаю». В двух часах от Тетово, вниз по течению Вардара, под горой Плоча, находится монастырь Лешок, а у подножия этой же горы находятся развалины города, который, по преданию, назывался Леджен. Здесь князь Лазарь, согласно Юришичу, построил монастырь, посвященный святому Атанасию Александрийскому. От монастыря сегодня остались одни руины⁵. В Скопской нахии есть несколько церквей, построенных представителями династии Неманичей, «некепою, а некесу баталне», в деревне Люботина, где в настоящее время проживает всего три сербские семьи («остальные все албанские») существует, пишет Юришич, разрушенная «церковь Душана», купол уцелел, а над воротами видна вырезанная надпись: «Мы Стефанъ Душанъ Царъ Сербскихъ, Бол-

¹ Йован Эрделянович. Македонски Срби. Београд, 1925. S. 9.

² Там же. С. 43—44.

³ Там же. С. 57.

⁴ Милош И. Ракић. Национално буђење. Споменица. S. 232—233.

⁵ Геодон Юсиф Юришић. Дечански првенац. Нови Сад, 1852. S. 104—107.

гарских и Греческих земель...»¹ Традиция празднования семейной «славы» была жива на большей части территории современной Македонии, как и другие сербские традиции и обычаи. Они были представлены в поэмах о святом Савве, женитьбе Душана, Марко Краевиче, короле Вукашине, Карагеоргии и других сербских героях.

В конце XIX – начале XX века Скопье являлся центром политической жизни сербов в Турции. Он был центром Косовского вилайета, охватывающего в основном территорию Старой Сербии, а большая часть классической Македонии принадлежала Битольскому и Салоникскому вилайету. Скопский санджак был одним из пяти санджаков Косовского вилайета и охватывал в основном Куманово и Скопскую область (Скопье, Команово, Криву Паланку, Кратово, Штип, Кочани и Радовиште). Тетово принадлежало к Призренскому санджаку. После сербско-турецких войн 1876–1878 годов Сербии с большим трудом удавалось поддерживать работу старых и открытие новых школ в Старой Сербии. Стояну Новаковичу, Владимиру Каричу и другим сербским дипломатам в Турции всё-таки удавалось делать сдвиги в положительном направлении. В 1892 году сербы наряду с Призренской семинарией открыли следующие школы: Призрен – четырехлетняя начальная мужская и начальная женская школы, всего 278 учеников; Джаковица – четырехлетняя начальная мужская школа, 26 учеников; Печ – четырехлетняя начальная мужская школа, 185 учеников и четырехлетняя начальная женская школа, 70 учениц. Ситуация в сельских школах была следующей: Любиджа у Призрена – трехлетняя начальная школа, 12 учеников, Средска у Призрена – четырехлетняя начальная школа, 27 учеников, Горне Село, Призренский край – четырехлетняя начальная школа, 27 школьников; Велика Хоча – трехлетняя начальная школа, 28 учеников; Ораховац – трехлетняя начальная школа, 37 учеников, трехлетняя школа в Зочишту – 13 учеников. В сельских школах работало по одному учителю². Здесь мы не упоминаем все школы в других районах Старой Сербии, а лишь в ее юго-восточной части, в Скопском санджаке и в Тетово. В Скопском санджаке в 1892 году было 26 сербских начальных школ. В Скопской Черной Горе и окрестностях было 12 начальных школ: Баняне – 10; Броц – 12; Кучково – 15; Мирковац – 13; Чучар – 8; Белевиште – 11; Дух – 6; Биляча – 1; Буяновац – 30; Света Пекта – 30; Кокошинье – 8; Старо Нагоричино – 15 учеников. В Тетово и Тетовском крае начальные школы находились в следующих населенных местах: Тетово – начальная четырехлетняя мужская школа, 55 учеников; начальная трехлетняя женская школа, 33 ученицы (в мужской школе работало 3 учителя, а в женской – одна учительница); Маврово – начальная двухлетняя школа, 25 учеников; Ничифорово – двухлетняя школа, 39 учеников; Сиричина – трехлетняя, 29 учеников;

¹ Геодон Юсиф Юришић. Дечански првенац. Нови Сад, 1852. С. 114.

² М. М. Веселиновић. Статистика српских школа у Турском Царству у 1892. Школској години. Београд, 1893. С. 2–5.

Старо Село — одногодичная, 20 учеников; Булачаны — одногодичная, 8 учеников; Кучевиште — трехлетняя, 20 учеников; Ново Село — двухлетняя, 8 учеников; Побужье — трехлетняя, 16 учеников; Овезенце — двухлетняя, 15 учеников; Клиновац — двухлетняя, 48 учеников¹. В Кратово существовала трехлетняя мужская начальная школа, 42 ученика и одногодичная женская начальная школа — 19 учениц.

У сербов в 1892 году в Константинополе была трехлетняя начальная школа, 32 ученика (среди них и 4 ученицы) и два учителя. В конце года школа получила еще один класс, и там уже было 68 учеников. В том же году началось обучение в первом классе гимназии в Константинополе, с тремя учителями и 13 учениками, с намерением, чтобы это школа переросла в полноценную гимназию. Уже в следующем, 1893/94 году в гимназии было 25 учеников. В Шкодере существовала четырехлетняя начальная школа, в которой было 62 ученика, среди них и 12 учениц². В учебном 1893/94 году наряду с начальной школой в Шкодере, где обучалось 59 учеников, начала работу и женская школа с 21 ученицей. В том же учебном году была открыта и мужская начальная школа во Враке с 12 учениками, учитель раньше работал в Призренской семинарии, но школа работала только три месяца. Работа была прекращена из-за отсутствия официального разрешения, но в рядах сербской дипломатии считали, что за этим стоит Австро-Венгрия.

Статистические данные по сербским школам в Турции за 1892/93 учебный год показывают, что в Скопском санджаке было всего 26 сербских начальных школ. В Скопье существовала мужская начальная школа с 36 учениками и женская начальная двухлетняя школа с 16 ученицами. Начальные школы существовали и в следующих поселениях: Бардовцы (28 учеников), Бродац (18), Кучевиште (52), Баняне (20), Побужье (32), Сучар (24), Кучково (19), Булачаны (5), Мирковцы (19), Ново Село (8), Куманово (четырёхлетняя начальная мужская с 84 учениками и четырехлетняя женская — 69 учениц), Старо Нагоричино (42), Кокошинье (19), Довезенце (32, из них 6 учениц), Кратово (начальная мужская школа в Царине махале (пригород), 18 учеников, начальная мужская школа в Балик пазаре — 15 учеников (из которых 7 учениц) и начальная женская школа в Царина махале, в которой обучалось 20 учениц). В Кочанах существовала начальная мужская школа с 35 учениками и трехлетняя женская с 25 ученицами. В Берово была трехлетняя школа с 139 учениками, среди которых было и 20 учениц³. Уже в следующем, 1893/94 учебном году в Скопском санджаке было 29 сербских мужских и женских начальных школ, в которых работало 13 учителей и 7 учительниц⁴. В южной части Призренского санджака, к

¹ М.М. Веселиновић, Статистика српских школа у Турском Царству у 1892. Школској години. Београд, 1893. С. 8—10.

² Там же. С. 2—17.

³ М.М. Веселиновић, Статистика српских школа у Турском Царству за 1892/93. и 1893/94. школску годину. Београд, 1896. С. 8—13.

⁴ Там же. С. 40—47.

которому принадлежали Тетово и Гостивар, было в 1893/94 учебном году 14 мужских и женских начальных школ: Тетово — четырехлетняя мужская школа со 109 учениками и четырехлетняя женская школа с 27 ученицами; Вратница (50 учеников), Старо Село (19), Беловиште (32), Сиричина (26), Брезна (40), Гостивар (36), Галата (30, из которых 8 учениц), Зубавцы (52, из которых 21 ученица), Дуф (40), Ничифорово (63, из которых 15 учениц), Маврово (40), Леуново (50)¹.

Скопье было центром сербской культурно-просветительской работы, но с открытием школ опаздывали из-за обструкций скопского митрополита Паисия, который был марионеткой греческой национальной политики. В письме Стояну Новаковичу, направленном из Скопья 26 июля 1890 года, консул Владимир Карич обращает внимание на поведение Паисия, заявившего о сербах, обратившихся к нему с просьбой о школе: «Ну, ты же серб! Ты хочешь сербскую школу, ты бунтовщик и отправишься в ссылку»². Развитие национального самосознания у сербов в этой части Старой Сербии было затруднено — они оказались между агрессивным Болгарским экзархатом, с одной стороны, и греческим попустительством по отношению к болгарам — с другой. Карич пишет Новаковичу: «В 1890 году в окрестностях Скопья было 26 сербских школ, в которых 30 учеников учили по сербским книгам. В Скопье есть сербская книжная лавка, где продаются сербские книги. В Скопском, Кумановском и Тетовском округах большинство церквей и священников всё еще на стороне патриархии, и там нет ни одного грека. Но они держатся патриархии не из-за влияния Паисия, а из-за нашего влияния, так как Паисий вот уже два года из Скопья не выезжал»³. В конце столетия в Скопье была открыта сербская гимназия, а в 1901 году открыта еще одна сербская гимназия в Косовском вилайете — в Плевли. Основание сербской гимназии поддерживало Министерство иностранных дел Сербии, Рашско-Призренская митрополия и Сербская православная церковно-школьная община в Плевли. Первым директором гимназии был Танасие Пейтович, родом из Плевли, один из лучших учеников Цвийича, автор работы «Средње Потарје и Полимље», преподаватель Сербской гимназии в Скопье⁴.

Празднование Дня святого Саввы было главным духовным и культурным торжеством в Старой Сербии на рубеже XIX—XX веков. Оно стало особенно торжественным с момента прихода в начале 1896 года на место митрополита серба Дионисия (Петровича). На примере Плевли можно познакомиться с тем, как выглядели торжества Дня Святого Саввы. В 1896 году в этот день в мужской начальной школе священнодействовал Геден Марич, игумен монастыря Святой Троицы, а в женской школе — протоиерей Тодор Вукойичич. Святосавскую проповедь в мужской школе

¹ М. М. Веселиновић. Статистика српских школа у Турском Царству... С. 59—62.

² Михаило Војводић. Стојан Новаковић и Владимир Карић. Београд, 2003. С. 422.

³ Там же. С. 422—423.

⁴ Милић Ф. Петровић. Плевљанска гимназија 1901—2001. Монографија 1901—1941. Плевља, 2001. С. 520.

читал учитель Тодор Дж. Росич (брат патриарха Варнавы) на тему «О страхе», о жизни и работе святого Саввы в женской школе проповедовала Милица Трмчевич¹.

Учителя и учительницы плевалских школ в День святого Саввы основали «Бачку штедионицу» (Ученическую кассу) для помощи бедствующим студентам. На праздновании Дня святого Саввы в 1897 году присутствовал и митрополит Рашско-Призренский Дионисий. Сербско-православное и церковно-песенное общество «Братство» в Плевли пело тропарь святому Савве, а на большом святосавском концерте собирали помощь для бедствующих учеников. Средства, собранные на каждом из этих святосавских празднеств, как правило, переправлялись в Фонд для помощи ученикам сербских школ. Одно из самых торжественных празднований Дня святого Саввы в Плевли проходило в 1901 году, а хозяином был Ристо Байич. Программа торжества состояла из четырех частей: 1) Воскликнем с любовью... («Воскликнем с любовью святителю Савве/Сербской Церкви и школы святительской главе/Там венцы, там и слава, где наш сербский пастырь Савва» — слова гимна, посвященного святому Савве), беседа учительницы Стаки Вукойичич «О сербской школе раньше и сейчас и о ее выживании»; гимн Султану; стихотворение о св. Савве А. Шантича; «Кого нам уважать» А. Шантича; «Кто Лала» поэта Змай Йовы Йовановича; 2) представление «Любовное письмо» К. Трифковича; 3) Гусле, Михаило Потпарич; 4) лотерея². На празднике, наряду с сербами из Плевля, присутствовали и мусульмане, аги, беки и их сыновья, которые также вносили свой вклад в Фонд бедствующих учеников сербских школ. Празднование Дня святого Саввы в Старой Сербии, разумеется, проходило еще более торжественно и к нему лучше готовились в период между двумя мировыми войнами не только в крупных, но и во всех деревенских школах.

С 1896 года на кафедре митрополита Рашско-Призренского находился серб Дионисий (Петрович), а его преемником в 1901 году стал Ничифор (Перич). Скопский вопрос о выборе епископа был поднят в 1896 году, а осенью 1897 года архимандрит Фирмилиан Дражич назначен администратором епархии, вопреки сопротивлению Болгарского экзархата. Умело используя позиции экзархата после 1870 года, болгары сумели привлечь часть сербского народа в Старой Сербии и Македонии прежде всего службой на славянском языке, который сербам был гораздо ближе, чем греческий. Принятие экзархата болгары толковали как принятие болгарской национальной идеи. В Скопской епархии в 1896 году было 9982 дома «патриархистов» и 20 627 домов «экзархистов»³. Агрессивность болгарской пропаганды и близорукость греков были большой проблемой для сербов.

У сербов после освобождения от турок, наряду с начальными школами, были гимназии в Скопье и Плевли, типография, множество книжных ла-

¹ Цариградски гласник, 1. февруар 1896.

² Цариградски гласник, 22. март 1901.

³ Павле Орловић (Светислав Симић). Скопальско владичанско питање. Београд, 1962. С. 54.

вок, митрополит Скопский Фирмилиан (после его смерти в 1903 году его преемником стал Севастиян Дебелькович) и епископ Велешско-Дебарский Варнава (1910), а также небольшое число образованных людей, которые оставили ценные литературные произведения о жизни македонских сербов, их народных обычаях и культурной традиции. На первом месте выделяется Анджелко Крстич, писатель, автор известного романа «Траян», который родился в 1871 году в Лабуниште в Дримколе (область Дримкол включает в себя Стругу, Подгорац, Лабуниште, Боровац, Ябланицу, Вевчане, Нерезе), затем Михайло Велич, 1876 года рождения из Дебре (отец Мерджани, мать Стамена, происхождением из села Обоке в Албании), а немного позже появляются и Стеван Симич, Томо Смилянич Брадина, Кочовичи Каваяц из Стругии и другие¹. Семья Анджелко Крстича по происхождению из Шкодера, откуда они позже переселились в Круй (Кроя) между городами Тирана и Драч. Оттуда они переехали в Мат, а через некоторое время – в деревню Таш-Моруниште, на правом берегу Черного Дрина, к Лобуништу. Воспоминания, напечатанные в 2000 году, дают действительную картину общества, людей и характеров данной области на рубеже XIX–XX веков². Рассказы Велича «Роспия и Джаурка» описывают сербскую жизнь в Дебаре, народные обычаи, выезд за границу на заработки, столкновения с арнаутами и неприличное поведение арнаутов с сербскими девушками. Дебар – тема его рассказа «Завичай». Здесь он описывает, как, вследствие тяжелой экономической ситуации, население Дебара и его окрестностей было вынуждено выезжать на заработки в Салоники. В книге также представлены свадебные народные обычаи и преступления арнаутов³.

По мере того как укреплялось положение сербских торговцев и увеличивалось число образованных людей, постепенно формировался достаточно тонкий, но влиятельный слой сербских граждан, который был основным носителем общественного и культурного возрождения сербов в Старой Сербии и Македонии. Процесс политической, экономической и культурной интеграции освобожденных областей Старой Сербии и северной части классической Македонии в общество Королевства Сербия, а затем в Югославское государство протекал медленно и со множеством затруднений, несмотря на видимые усилия государственных властей ускорить развитие освобожденных областей. Основные проблемы заключались в отсталости общества в этих областях, но были примеры и злоупотреблений, безответственности и неправильной работы. Усилия государства заключаются в открытии многочисленных новых образовательных, культурных, медицинских, хозяйственных и других учреждений. В конце 1913 года, а точнее 27 декабря, в Скопье официально был открыт Народный театр, первым управляющим был Бранислав Нушич. В конце торже-

¹ Слободан А. Јовановић. Нова књижевност (у) Споменица... С. 847–855.

² Анджелко Крстић. Сећања, приредио Владимир Цветановић. Београд, 2000. С. 159.

³ Станиша Војиновић. Михајло М. Велчић – заборављени приповедача са југа. Вардарски зборник 2. Београд, 2003. С. 163–167.

ственной части, после речи Нушича, исполнили увертюру «Косово» Даворина Йенко, театральным оркестром дирижировал Хинко Маржинец, а после этого из драмы «Душан» Милоша Цветича была сыграна вторая сцена третьего действия — «Коронация Душана»¹. Старое здание вскоре сгорело, но после Первой мировой войны, в 1927 году, было построено новое здание Народного театра. В ноябре 1913 года был открыт Городской театр в Битоли, а после войны, в 1926 году, и Городской театр в Штипе. В Скопье после Первой мировой войны был основан факультет философии (1920), а затем и Скопское научное общество (1921), которое издавало отличный журнал «Гласник Скопског научног друштва», с которым сотрудничали многие известные ученые (только в период 1925—1940 годов были изданы 22 книги «Гласника»). Учредить факультет философии в Скопье правительству предложил министр образования Люба Йованович еще в 1913 году. Инициативу немедленно после Первой мировой войны поддержал и ректор Белградского университета Йован Цвийич. В ответ на инициативу правительства СХС он написал, что необходимо, чтобы в Скопье находился «сильный центр нашей цивилизации <...> на первом месте по национальным и гуманитарным наукам, для исследования народов, стран, старых цивилизаций». Вскоре после создания факультета философии в Скопье был учрежден факультет философии в Салониках. В 1930—1933 годах появилась идея о закрытии факультета философии и о создании Института по изучению Южной Сербии, но от этой идеи отказались².

Первым председателем Скопского научного общества в 1921 году был Тихомир Остойич, декан факультета философии в Скопье. После его смерти эту должность занял Радослав Груйич. Руководство в 1922 году начало подготовку к изданию монографии «и фотографированию Скопья». В качестве авторов были выбраны Грга Новак, Радослав Груйич, Мита Костич, Глиша Элезович, Петар Колендич, Милан Чемерикий, Петар С. Йованович, Драгомир С. Обрадович и Душан Лётич. В руководстве общества был и Чиро Трухелка³. «Гласник Скопског научног друштва» был хорошим журналом с богатым содержанием.

С 1927 по 1939 год в Скопье издавался также журнал по науке и литературе «Јужни преглед». Кроме того, был открыт Музей Южной Сербии в Скопье. Среди других культурных обществ в Скопье в период между двумя войнами работали пять певческих обществ, Скопский струнный квартет (с 1933 года), культурное общество «Ефимия» (1930), которое работало наподобие белградского общества им. Цветы Зузорич, Общество по модернизации туризма «Југ» (1927), аэроклуб «Наши крылья» и другие подобные общества. В 1925 году в Скопье было открыто Большое медресе «Король Александр», мусульманская теологическая средняя школа, а в 1937 году и Гази Иса-бегово медресе. Студенческое общежитие в Скопье

¹ Зоран Т. Јовановић. Оснивање и почетак рада Народног позоришта у Скопљу (поводом 85 година од оснивања). Вардарски зборник 2. Београд, 2003. С. 181.

² Меморандум Филозофског факултета у Скопљу. Скопље, 1933. С. 3—15.

³ Годишњак Скопског научног друштва I—VIII (1921—1928). Скопље, 1928. С. 5—18.

Король Петр I было построено в 1931 году. Наряду с большой Государственной больницей в Скопье после Первой мировой войны больницы были построены в Велесе, Тетово, Гевгелии, Охриде, Штипе, Куманово и в других городах¹.

История возникновения так называемой Македонской православной церкви, формирование которой привело к разрушению единства Сербской православной церкви, представляет собой крупную и важную проблему, поэтому она будет здесь представлена по необходимости кратко. Это часть политики разрушения не только СПЦ, но и сербских исторических территорий в целом, в первую очередь территории Старой Сербии. Так же как и в случае Косово и Метохии, здесь в большой мере новая коммунистическая власть узаконило положение дел, возникшее во время оккупации в 1941–1945 годах. Болгарская оккупационная власть сразу в 1941 году выгнала скопского митрополита Йосифа и епископа Злетовско-Струмицкого Викентия, так же как и множество священников СПЦ, на места которых были поставлены болгарская иерархия и священники. После освобождения данных территорий в 1944 году вместо возвращения канонических епископов и священников СПЦ здесь оставили большую часть духовенства, которое принадлежало к болгарской оккупационной иерархии – среди них Стойило Давидов (до войны Стойилько Давидович), Методие Гогов (раньше Гогович) и Илия Мукайстов, священник в Гевгелие². Вопреки решению Президиума Священного архиерейского Синода СПЦ от 31 октября 1944 года, согласно которому все изгнанные архиереи, монахи, монахини и священники должны были вернуться на их прежние места, новые власти НР Македонии и Югославии, не соблюдая решения высшего органа СПЦ, открыли двери группе болгарских священников, которые и приступили к созданию так называемой Македонской православной церкви. Священники Кирилл Стоянов, Спиро Личиновски, Никола Апостолски и Методийе Гогов были самыми активными в создании Инициативного комитета по организации Православной церкви в Македонии в начале 1945 года. Вопреки сопротивлению Священному архиерейскому Синоду Инициативный комитет 4 марта 1945 года при полной поддержке новых властей в Скопье созвал македонский Церковно-народный собор. В первом пункте резолюции, принятой на этом собрании, говорится, что «македонский православный народ через своих избранных делегатов из всей Македонии принимает решение восстановить Охридскую архиепископию в качестве Македонской автономной церкви, которая не будет подчиняться ни одной другой национальной Церкви». В пункте 3 упоминается, что Македонская православная церковь будет называться «Св. Климентская охридская архиепископия»³.

¹ Школство Јужне Србије од 1912. до 1937. године, друштва и установе. Споменица. С. 929–1034.

² Протојереј др Предраг Пузовић. Расколу Српској православној цркви – Македонско црквено питање. Београд, 1997. СС. 3–6.

³ Там же. С. 8.

В Охриде с 4 по 6 октября 1958 года был проведен нелегитимный Церковно-народный собор, на котором принято решение о «возобновлении старой Македонско-охридской архиепископии» и о создании трех епархий – Скопской, Преспанско-Битольской и Злетовско-Струмицкой. Во главе так называемой Македонской православной церкви (с архиепископской кафедрой в Скопье), территория которой совпадала с границами республики, находился «архиепископ Охридский и Скопский митрополит Македонский»¹. Церковно-народный собор в качестве неканонического органа выбрал архиепископов викарного епископа Топлицкого Доситея. Под очень сильным давлением властей, которое осуществлялось в основном через высших представителей Сербии, республиканских и союзных, Священный архиерейский Синод СПЦ на заседании 10 июня 1959 года попытался вернуть ситуацию в каноническое русло, назначая, по предложению патриарха Германа, в Скопскую епархию викарного епископа Топлицкого Доситея, в сане митрополита². В то же время на место главы Битольской епархии был избран Климент Трайковски. Такими решениями Церковь в НР Македония получила вид автономии, но все еще сохраняя единство с Сербской православной церковью. Но неканоническая Македонская православная церковь этим не была удовлетворена, требуя автокефалии. Священный архиерейский Собор СПЦ на заседании 24 мая 1967 года отверг данное требование, после чего МПЦ созвала свой Церковно-народный собор в Охриде 16–19 июля 1967 года и самовольно провозгласила автокефалию. На внеочередном заседании 14 сентября 1967 года Священный архиерейский Собор заключил, что МПЦ самовольно и неканонически отделилась от «матери-Церкви в раскольническую организацию», поэтому с ней надо прервать литургическое и каноническое общение и одновременно инициировать процедуру против виновных в расколе³. Священный архиерейский Синод 19 марта 1968 года принял решение передать раскольников в канонический церковный суд⁴. В течение следующих нескольких десятилетий последовало множество встреч комиссий СПЦ и МПЦ с целью возобновления церковно-канонического порядка в Республике Македония, но проблема так и не была решена. В настоящее время Сербской православной церкви удалось вернуть Охридскую архиепископию во главе с митрополитом Йованом в состав СПЦ.

¹ П. Пузовић. Указ. соч. С. 53–54.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 82–84.

⁴ Там же. С. 90–91.

Эпилог

Православные славяне Юго-Восточной Европы и православные народы в целом, в первую очередь греки и другие балканские христиане — албанцы, румыны, которые вместе со славянами составляли единый духовно-культурный греко-славянский союз, оказались в XIV—XV веках на распутье. С одной стороны, они подвергались давлению Римской курии, заключавшемся в принятии унии (Флорентийская уния 1439 года). С другой стороны, им грозила опасность с Востока — наступали османы-завоеватели. Чем дальше продвигалась турецкая армия, тем чаще на Балканы наведывались римско-католические миссионеры. Когда турки уже были под Константинополем, кардинал Исидор Киевский с 200 католическими священниками 12 декабря 1452 года в Константинополе отслужил литургию в честь Флорентийской унии¹. Западный мир, ослепленный эгоизмом и верой в свою религиозную исключительность, осознал опасность только тогда, когда османы уже завоевали Венгрию и подошли к Вене.

Несколькими веками позднее, в последнем десятилетии XX века, в определенной степени повторилась ситуация XIV—XV веков. Турция возвращается, как говорят, на «постоттоманские территории», возникает новый внешнеполитический фактор — США возглавили новое наступление на Восток. К тому же Римская курия еще с момента учреждения Конгрегации по пропаганде веры в 1622 году никогда не отказывалась от намерения обратить в «настоящую веру» «заблудших схизматиков». Сегодня она продолжает вдохновлять на строительство новых «берлинских стен» между так называемой латинской и православной, или византийской, Европой. Римская курия полагает, и это было видно на примере распада Югославского государства, что военная и экономическая мощь США позволит ей воплотить нереализованные планы на территории Юго-Восточной и Восточной Европы. При этом она пренебрегает тем, что идеология планетарной миссии «нового мирового порядка» не включает в себя традиционные христианские принципы и моральные ценности. Примеры Боснии и Герцеговины, Косово и Метохии и Западной славянской Македонии показывают, что стратегия Римской курии, с одной стороны, и радикального политического ислама, с другой стороны, хотя принципиально в глобальном плане враждуют между собой, именно на этих территориях выступают как

¹ Nicolas Vatin. L'ascension des Ottomans (1451–1512). Histoire de l'Empire Ottoman, Fayard. Paris, 1989. С. 85.

союзники. Это может выглядеть парадоксально, но множество источников подтверждают реальность таких взаимоотношений.

Американский фактор в любом случае обладает решающей ролью в расстановке сил в Юго-Восточной Европе: в американской глобальной стратегии политический ислам и фундаменталистские движения становятся желаемыми союзниками в борьбе против русских и других православных народов. В Мусульманско-хорватской федерации, например, за последние 5–6 лет было построено примерно 200 новых мечетей и планируется возвести еще 150 мечетей, в основном на средства Саудовской Аравии. Венская газета «Стандарт» недавно опубликовала данные о том, что из Саудовской Аравии в Мусульманско-хорватскую федерацию поступил подарок – 2,5 млн экземпляров Корана. Эта информация заставила местного римско-католического священника сделать вывод о том, что «сегодняшнее время мы можем сравнить с наступлением турок на Боснию»¹.

Дробление и всеохватывающее опустошение Старой Сербии, начатое в середине XX века, в конце его перешло в свою заключительную фазу. Уничтожаются блестящие достижения средневековой цивилизации, великие завоевания сербского освободительного движения и почти все результаты Первой Балканской войны. «Третья Балканская война» за создание второго албанского государства ясно показала, насколько мощно за последние несколько десятилетий возродился дух реваншизма и исторического ревизионизма. Агрессия НАТО и бомбардировка Сербии и СР Югославии в 1999 году стали опорой для сепаратистско-террористического движения албанского меньшинства в лице так называемой АОК. Военное завоевание южного сербского края войсковыми частями НАТО и союзниками, изгнание на виду у так называемого «международного сообщества» примерно 250 000 православных сербов, второго по численности населения в крае, и даже албанцев, лояльных Сербии, и в конце концов провозглашение второго албанского государства на территории Сербии, на которой оставшиеся сербы, особенно южнее реки Ибр, превращены в современных рабов, – все это вместе открыло совсем новую и полную неизвестности эпоху в истории сербов, всех Балкан и даже Европы.

¹ Vijesti (Podgorica), 20 oktobar 2000.

Приложение

ОТЧЕТ О ВРАЖДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В КОСОВО И МЕТОХИИ¹

Введение

Данный специальный отчет о подрывной деятельности в Космете подготовлен нами, чтобы помимо обычного информирования об отдельных событиях представить полную картину этих явлений, их развития и роста. Полагаем, что необходимо, особенно когда речь идет о службе безопасности, рассмотреть эти явления целостно, оценить их серьезность и сделать соответствующие выводы.

В отчете рассмотрен двухлетний период, то есть 1960 и 1961 гг., так как именно тогда было отмечено значительное увеличение числа подобных явлений.

Мы старались представить картину такой, какой видит ее служба безопасности, в связи с чем примеры и данные, указанные в отчете, мы выбирали и проверяли с особой тщательностью, поэтому они могут считаться полностью достоверными.

Отчет систематизирован по форме, принятой для служебной документации, поэтому хронология повествования может не соответствовать степени важности проблемы.

В отчете мы представим и некоторые наши утверждения, точки зрения и выводы о явлениях с указанием данных и примеров, а также предложения о мерах, которые необходимо принять. Мы делаем это, так как полагаем, что необходимо дать оценку нашей работе, чтобы в будущем у нас была более ясная и определенная позиция.

¹ Архив Сербии. Ф. ЦК СКС 1956–1972. Отчет для нужд ИК ЦКП подготовил Войин Луквич, республиканский секретарь по внутренним делам Сербии (без даты на документе, но, судя по всему, речь идет о 1962 г., когда состоялось заседание ЦК ЦКП).

I. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛБАНСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Работа дипмиссий

Уже в 1954 г., начиная с повторного установления дипломатических отношений с Албанией, представители албанской дипмиссии сразу же начали осуществлять враждебную деятельность против нашей страны. Вначале они стремились собрать информацию об эмигрантах, проживавших в нашей стране, затем связаться с отдельными лицами, которые ранее были направлены их разведывательной службой с заданием повлиять на других эмигрантов, чтобы те вернулись в Албанию. Позднее албанская разведка пошла по линии связи с нашими гражданами шиптарской национальности, а также со своими гражданами, постоянно проживающими в Югославии, в среде которых распространялись лживые сведения, что Югославия не социалистическая страна, так как сотрудничает с капиталистическими странами, а наше руководство является ревизионистским и пр. Себя они представляли как лиц, приехавших в нашу страну в целях защиты интересов шиптарского населения, и требовали от собеседников предоставить им интересующие их данные. Отдельных лиц вербовали и давали им задания по осуществлению сбора разведданных.

Чтобы наладить как можно больше контактов с представителями шиптарской национальности как в Белграде, так и внутри страны, представители миссии объезжали рабочие поселки, где живут представители этой национальности, рестораны для рабочих, студенческие городки, албанскую группу на философском факультете и т.д. Затем они неоднократно путешествовали по территории Космета, ходили в отдельные учреждения (без предварительного уведомления), старались наладить контакты с некоторыми ответственными лицами, от которых требовали различные данные. В разговоре с представителями шиптарской национальности они вели себя дерзко и нагло. Они позиционировали себя так, как будто Космет — это их территория. То же мнение они отстаивали и на встречах с эмигрантами. В разговорах они интересовались зарплатами рабочих, их проживанием, политическими воззрениями, количеством студентов, выселением в Турцию, настроениями шиптаров в отношении властей, отношением властей к ним, школами, работниками сферы образования, издательской деятельностью на шиптарском языке, какой процент шиптаров участвует в органах власти и т.п.

Только в 1960 г. были обнаружены 5 человек, завербованных дипмиссией для разведки. В начале 1961 г. мы установили, что двое их агентов, завербованных иностранными центрами, нелегально попали на нашу территорию. Они должны были связаться с представителями дипмиссии и отчитаться перед ними.

До марта 1961 г. большое число лиц — ярко выраженных националистов и сепаратистов сами наладили связь с представителями дипмиссии. Мы

установили, что посетители в разговорах предоставляли данные, в которых были заинтересованы представители дипмиссии. Они выдумывали и рассказывали, как шиптарское население живет под сербским террором и пр. Мы не обнаружили, чтобы кто-то из людей, посетивших миссию, в присутствии которых албанские представители дерзко и вульгарно нападали на нашу страну и руководство, воспротивилось этим нападениям. Многие из них в присутствии наших органов вели себя так, как будто движимы национальным долгом.

Определенное число неприкрытых врагов, которые состояли в нелегальных организациях, ходили в дипмиссию, где отчитывались о наличии этих организаций и требовали распоряжений для дальнейшей работы. Такой случай был и с организацией, сформированной в прошлом году в Приштине, в которой 50 человек активно занималось враждебной деятельностью. Данную организацию учредило несколько интеллектуалов. Один из руководителей этой организации — Рамадан Ходжа, в ходе расследования рассказал нам, что сам трижды ходил в Албанскую дипмиссию и уведомлял их о наличии и работе организации, просил дать распоряжения для дальнейшей работы. Похожий случай был и с организацией в Печи, из которой Рустем Садрия ездил в Албанскую дипмиссию, где был завербован и получил директивы для дальнейшей работы организации.

Представители дипмиссии очень дерзко действовали вплоть до марта 1961 г., то есть до высылки 2-го секретаря Бия Фейзе, а до этого было арестовано много агентов, связанных с дипмиссией, суд на которыми освещался в газетах. С этого момента у нас нет документальных подтверждений о том, что представители дипмиссии продолжают заниматься разведывательной деятельностью.

Деятельность за границей

Албанская разведывательная служба с 1948 г. вплоть до сегодняшнего дня не прекращает свою подрывную работу против нашей страны. С 1948 г. непрерывно нелегально забрасывают вооруженные группы диверсантов и отдельных лиц. Затем агентуру под видом эмигрантов вербуют и снова возвращают определенное количество наших эмигрантов, попавших в Албанию. Можно сказать, что активность в такой работе сократилась с 1954 по 1956 г. С 1956 г., то есть после октябрьских событий в Венгрии, их органы на территории нашей страны снова продолжили внедрение того же режима, какой был во время Информбюро. В последнее время, то есть после XXII съезда КПСС, еще больше обостряется режим на границе с нашей страной. Укрепляют границу, вооружают большое количество своих граждан, которые вместе с армией и полицией сидят в засаде в приграничной полосе, патрулируют ночью по селам и осуществляют работы по строительству укреплений (бункеров, траншей) вблизи действующих погранза-став и т.п.

В начале 1957 г. они снова открыли свои разведцентры, собирающие данные о нашей стране. Центры открыли в Куксе, Тропое и Тиране, где, по данным, полученным от диверсантов, работают примерно 30 офицеров над задачами разведки — отправка агентуры в нашу страну.

Албанская разведывательная служба непрерывно отправляет нелегально вооруженных диверсантов и другую агентуру. По нашим оценкам, они делают это, так как полагают, что данная форма работы является для них самой успешной. Для большей наглядности скажем, что группы диверсантов и вооруженные люди, которых они отправляют, находят большую поддержку у лиц, к которым они обращаются, ведь в наши органы никаких сообщений не поступает. Даже если кто-то сообщит о них, то делает это по прошествии нескольких дней или месяцев. Это подкрепляет и новейший пример посланного вооруженного диверсанта Бехлюли Садрии, который 07.10.1961 г. сдался нашим органам, а 15 дней до этого нелегально жил на нашей территории, в течение которых успел переговорить с 20 людьми, тогда как намного большее число скрыл (6 лиц завербовал для работы на албанскую разведку). Несмотря на то что Бехлюли сам пришел и сдался нашим органам, никто из наших граждан о нем не сообщил и не представил никаких данных.

Второй пример, указывающий на то, что засланные и вооруженные диверсанты почти полулегально передвигаются в малонаселенных местах. У нас имеется установленный случай, когда в середине октября 1961 г. примерно в 21 час к Стублу Синану, служащему из Джаковицы, пришел его родственник Этем вместе с еще одним диверсантом (оба были вооружены автоматами), а дом Синана находится непосредственно в городе Джаковица.

Ранее албанская разведка пыталась под видом эмигрантов отправить в нашу страну большое число агентов. Такая позиция у них была вплоть до 1961 г., когда они прекратили осуществление этой деятельности, так как в 1961 г. мы установили, что они использовали этот способ работ. Это, вероятно, стало следствием мер, принятых нашими органами, ведь за предыдущие годы мы выявили самое большое число агентов, отправленных под таким прикрытием. Некоторые были осуждены, другие направлены в лагерь Герово для высылки из нашей страны.

С 1960 г. в своей работе, в качестве новой формы, они начали использовать отpravку вооруженных лиц на нашу территорию. Эти люди должны были помогать нашим гражданам, завербованным их разведкой, переходить на их территорию и возвращаться назад с задачами для разведки. Так завербованным лицам для поддержания связи назначали явки (тайные места), на которых они будут оставлять отчеты. Также они использовали перебежчиков с нашей территории. После непродолжительного содержания под стражей (от 1 до 3 дней) их вербовали и возвращали на нашу территорию. Некоторым завербованным лицам (в отношении которых они предполагали, что наши органы не знали об их переходе) давали задания, чтобы те оставались и дальше в нашей стране легально

для сбора разведданных, тогда как другим давали задание отправлять отчеты их дипмиссии в Белграде.

За последние два года выявлено, что их разведка в ходе работы за границей завербовала 11 лиц на нашей территории (10 арестовано и осуждено). Такие лица привлекли еще 30 других людей, чтобы те работали на албанскую разведку, из которых в 1961 г. 17 было арестовано и предстало перед судом.

В 1961 г. албанцы на нашу территорию отправили 5 вооруженных групп (два вооруженных диверсанта сдались нашим органам). Группы диверсантов состояли из эмигрантов с нашей территории, которые за последнее время перебежали в Албанию, базы и связи которых не были раскрыты. Эти группы, а также вооруженные лица получают задание создавать на нашей территории нелегальные национал-сепаратистские организации, которые бы, помимо сбора разведданных для албанской разведки, занимались организацией борьбы за присоединение Космета к Албании. В прошлом, 1961 г. в Печи была арестована группа из 10 человек (нелегальная организация), которая была связана с албанской разведкой и для которой собирала разведданные. Один человек из этой группы 9 раз нелегально переходил границу и передавал отчеты, другой — дважды, а однажды албанцы направили своих двух вооруженных агентов для связи с данной группой.

Созданная таким образом агентура в основном занималась сбором следующих данных: количество и распределение станций милиции, а также число служащих на них, число солдат в военных гарнизонах и вид доступного им оружия, а также данные о местонахождении военных складов, их оснащении и вооружении, данные о служащих Управления госбезопасности, их имена и должности. Также они интересуются, отправляет ли наша служба в Албанию своих агентов, и т.п.

На основании заявлений, полученных нами в ходе проведения расследования в отношении диверсантов, а также их агентов, которые сразу после эмиграции на их территорию были завербованы и вернулись с заданиями на нашу территорию, видно, что одной из основных задач их разведки на нашей территории является создание нелегальных национал-сепаратистских организаций, которые бы боролись за присоединение Космета к Албании.

Пропагандистская деятельность

Албания ведет широкомасштабную враждебную пропаганду против нашей страны, которая по своей агрессивности, провокативности и подтасовке фактов не имеет прецедентов. В течение последних лет этот вид деятельности занимает все более важное место. Его целью является оказание как можно более сильного влияния на албанское население на нашей территории. Нужно отметить, что эта пропаганда оказывает большое влияние на значительную часть албанского населения. Албанская

пропаганда наиболее сильно действует на наших граждан, которые слушают радио «Тирана». Она также действует через письма, которые эмигранты направляют своим семьям и друзьям, через письма, направляемые семьями албанских эмигрантов, эмигрантами, проживающими на нашей территории, а также через разные книги и журналы, которые чаще всего покупают работники сферы образования и дают их потом другим лицам. Это делается нелегально, поскольку содержание этих книг является враждебным. Нужно отметить, что албанцы в массовом порядке используют пропаганду, которая представляет собой широкий и масштабный вид враждебной деятельности, подстрекающий наших граждан к сепаратизму.

Шиптарское население Космета в массовом порядке слушает радио «Тирана». Новости из этих передач потом распространяются, пересказываются, а наиболее сильные националистические элементы при этом очевидно раскрываются. По нашим данным, Албания в настоящее время имеет девять трансляционных и радиорелейных станций, к которым относятся: Тирана-1 и Тирана-2, с релейными станциями Тирана ХТ, Шкодер, Кукс, Джирокастро, Элбасан, Драч и Корча. Благодаря большому количеству релейных станций вещание радио «Тирана» значительно лучше в тех районах, в которых в основном проживает албанское население, чем вещание наших радиостанций, что также влияет на увеличение количества слушателей передач радио «Тирана». Под влиянием албанской пропаганды, возобновляется национализм и сепаратизм, создаются многочисленные нелегальные организации и увеличивается количество открытых враждебных выступлений в публичных местах. Определенное количество лиц, в основном молодежь, убегает в Албанию.

Постоянно увеличивается число жителей Космета, которые регулярно слушают радио «Тирана». В последнее время вещание албанских радиостанций все чаще слушают организованно; в этом наиболее часто участвуют работники сферы образования, между которыми находятся и члены СКЮ. В албанских школах-интернатах нередко слушают песни, транслируемые албанскими радиостанциями. В районе населенного пункта Призрен, некоторые преподаватели записывают на магнитофонные ленты албанские песни, потом собирают молодежь, воспроизводят эти песни и учат молодежь петь их. Нередко работники сферы образования собирают националистические элементы и вместе с ними слушают вещание албанских радиостанций, в которых критикуются наша страна и руководство. Вещание албанских радиостанций на территории Космета больше всего слушали во время проведения IV Конгресса Албанской партии труда, во время суда над генералом Теми Сейку, а еще больше после XXII съезда КПСС, т.е. после ухудшения отношений между Албанией и СССР. По нашим сведениям, вещание албанских радиостанций на территории Космета значительно больше слушают после того, как албанское руководство начало открыто говорить о Космете как о своей территории. Националистические элемен-

ты комментируют новости, транслируемые албанскими радиостанциями, особенно те, в которых критикуются наша страна и ее руководство. Широкие народные массы в городах на слушание албанских радиостанций в основном подстрекают интеллигенты, а в деревнях — работники сферы образования. Здесь приведем в качестве примера несколько лиц, которые регулярно слушают такие вещания: Марк Красничи, доктор экономических наук, г. Приштина; Масар Муртезай, редактор газеты «Рилиндия»; Али Реджа, журналист; Неврус Нура, журналист; Юсуф Жерка, заведующий группой перевода радио Приштины; Эсад Мекули, литератор; Спахия Фемиа, корректор газеты «Рилиндия», а также большое количество сельских учителей.

Масштабность слушания албанских радиостанций лучше всего подтверждает следующий пример: во время проведения IV Конгресса Албанской партии труда, члены районного комитета в населенном пункте Джаковица посещали предприятия, чтобы проверить, транслируется ли конгресс публично, и предупредить руководство предприятий, что эти трансляции должны слушать все.

В данном отчете, в разделе, касающемся враждебной деятельности среди наших граждан, мы приведем ряд конкретных примеров, связанных с пропагандой из Албании, чтобы наглядно показать размеры такого влияния на наших граждан. Здесь мы только скажем, что албанцы в прошлом году в передачах, предназначенных для шиптарского населения, проживающего на нашей территории, транслировали ряд песен с целью расширения шовинизма между шиптарским населением, с одной стороны, сербским и черногорским, с другой стороны. В частности, радио «Тирана» транслировало ряд песен, которые пели эмигранты с нашей территории, в которых описываются бывшие конфликты между шиптарами и черногорцами.

Мы уже сказали, что наши граждане и эмигранты получают из Албании письма с пропагандистским содержанием. Количество таких писем увеличивается. Содержание этих писем указывает, что они составляются по приказу, так как все эти письма являются однообразными. В этих письмах восхваляется жизнь в Албании, а эмигранты пишут, что Космет в ближайшем будущем будет присоединен к Албании. Наше руководство и страна критикуются. К примеру, в письме, написанном семьей албанских эмигрантов, проживающих на нашей территории, говорится, что албанское правительство объявило об амнистии всех эмигрантов, за исключением тех, которые совершили преступления, что их семьи будут освобождены из лагерей, что им будет возвращено конфискованное имущество, кроме этого, им обещаются хорошие рабочие места и другие привилегии.

Под воздействием пропаганды из Албании, наиболее экстремистски настроенные элементы, в первую очередь молодежь, легко решается бежать в Албанию либо присоединиться к подпольным организациям, создаваемым на нашей территории.

В течение последних двух лет в Албанию убежал 91 человек; 232 человека поймано при попытке к бегству. Из них 170 человек наказано мировым судьей.

На основании анализа, выполненного с целью определения мотивов и причин бегства, мы сделали вывод, что 60 % убежало по идейным причинам. Остальные 40 % — несовершеннолетние, лица, которые желают убежать в связи с совершенными преступлениями, кровной мстостью, по семейным причинам и др.

Интересным является тот факт, что в последнее время все больше жителей Косово убегает с территории, которая не находится возле пограничной линии. О том, что убежавшие приняли такое решение под воздействием враждебной пропаганды албанцев, лучше всего говорят следующие примеры: в течение прошлого года при попытке бежать в Албанию наши органы поймали одного учителя из населенного пункта Гнилане вместе с еще тремя людьми. Они на допросе заявили, что приняли решение убежать, поскольку, слушая радио «Тирана», были убеждены, что Космет в ближайшее время присоединится к Албании, поэтому они опасались, что албанцы после этого могут спросить их, почему они сидели сложа руки, не желая помочь присоединению к Албании. Подобное заявил и другой пойманный беженец из Джаковицы, который организовал группу учеников, с которыми он попытался убежать.

В течение последних лет албанцы стараются с нашей территории увести как можно больше людей, в первую очередь молодежь. Лиц, которым удалось убежать на их территорию, они принимают любезно, молодежи часто предоставляет возможность окончить школу (для преподавателей и др.).

Кроме вышеуказанных видов пропагандистской деятельности нужно отметить весьма отрицательное влияние разной литературы, которую отдельные лица, в основном работники сферы образования, литераторы и студенты, легально покупают в Албании через предприятие «Югославская книга». Некоторые работники сферы образования, ссылаясь на облегченную и более успешную организацию обучения в шиптарских школах, покупают в Албании литературу, в которой критикуются наша страна и руководство и в которой о Югославии говорится как о враге шиптарского народа. Потом такую литературу они дают другим лицам для нелегального чтения, участвуя таким образом в создании идейных врагов. Приводим еще несколько примеров о том, какая литература покупается: Философский институт в Белграде купил ряд книг, в том числе «Песнь земли», в которой критикуется товарищ Тито и наша страна, рассказывается о суде над югославскими эмигрантами и др. Также закуплена книга «Лахута о малцис», преисполненная шовинизма, в которой описывается борьба между шиптарами и черногорцами. Это касается и книги «Албания албанцам», биографии Энвера Ходжи, книги «Песни», посвященной Энверу Ходже, биографии Сталина, книги «Пусть живет великий Сталин», а также «История Албании», географической карты, на которой части нашей страны

находятся в составе Албании, а также большого количества журналов, в которых критикуются наша страна и руководство. (Наши органы изыали вышеуказанную литературу и журналы.) В Космете книги из Албании покупают: Эсад Мекули, литератор, Эмаид Думоши, профессор, Хеда Берди, профессор, Демучи Шаля, Джевдет Пуля, профессор, Али Реджа, журналист, Веап Сита, журналист, Черим Гаши, студент, и многие другие. Эти лица рекомендуют и своим друзьям покупать литературу из Албании. Преподавателям они советуют использовать эту литературу на школьных уроках.

В распространении албанской пропаганды между нашими гражданами участвуют и другие лица, сотрудники радио Приштины и журнала «Рилиндия», которые албанские печатные издания регулярно получают для служебных нужд. Эти печатные издания передают другим, враждебно настроенным лицам. Они потом пересказывают статьи, в которых жесточайшим образом критикуется наша страна и в которых описывается националистическая активность.

Кроме пропаганды, распространяемой албанцами, желающими оказать как можно более сильное влияние на шиптарское население, проживающее на нашей территории, мы коснулись и враждебной пропаганды наших сограждан — шиптарского населения. В этой связи мы приведем данные, указывающие на тот факт, что на территории Космета не принимают достаточных мер для подавления такой пропаганды и для информирования населения о ситуации в мире и о строительстве социализма в нашей стране. Уже сказано, что на большей части Космета вещание радио Приштины хуже, чем вещание радио «Тирана», что также является одной из причин, по которой радио «Тирана» имеет больше слушателей. Кроме этого, мы считаем, что наши газеты на этой территории продаются в минимальном количестве экземпляров, ввиду чего большая часть населения информацию о ситуации у нас и в мире в основном получает от радио «Тирана». Так, на Космете, где в настоящее время проживает примерно 950 000 человек, в том числе примерно 200 000 человек в городах и в бывших районных центрах, продается минимальное количество газет. К примеру, газета «Политика» продается примерно в 8000 экземпляров, а именно: в Приштине — 2000 экземпляров, Косовской Митровице — 1520, Печи — 950, Призрене — 240 и т.д., газета «Борба» продается только в 5000 экземпляров, а именно: в Приштине — 800, Печи — 400, Призрене — 300, Косовской Митровице — 300, Гнилане — 248, Джаковице — 170, Србице — 50, Косовской Каменице — 50, Витине — 50 и т.д. Большая часть этих газет продается членам Югославской народной армии, нашим органам, комитетам, читальным залам и сербскому и черногорскому населению. Очень мало шиптаров покупает какую-либо из этих двух газет. Ситуация с распространением газеты «Рилиндия», которая выходит на шиптарском языке, ничуть не лучше, ее тираж составляет примерно 5000 экземпляров. Тираж журнала «Единство» составляет примерно 6200 экземпляров.

II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОЙ РАЗВЕДКИ И ЭМИГРАНТОВ

Уже обнаружено, что разведки некоторых западных стран стараются создать на территории Космета свои пункты. Некоторые из них пытаются на этой территории получить информацию о ситуации в Албании. Наиболее заинтересованы в этой территории разведки США, Греции и Италии. Через свои дипломатические представительства и журналистов эти службы пытаются получить необходимую информацию законным путем как в Белграде, так и во время поездок на эту территорию. Для сбора разведанных они используют албанских эмигрантов, которые из нашей страны уехали в другую, т.е. в одну из западных стран. Это касается и эмигрантов с нашей территории, которые покинули страну после войны. На самом деле вся эмиграция, которая живет в западных странах, и албанская и наша (шиптарской национальности), действует единодушно как в разведывательном смысле, так и в смысле пропаганды на нашей территории. В разных западных странах сформированы так называемые национальные комитеты, которые в основном финансирует американская разведка. Такие комитеты существуют в Италии, Турции, Западной Германии, Франции и США. В Греции находится большое количество эмигрантов, в основном с нашей территории, которые уехали после войны. У них нет своего комитета, однако они действуют враждебно по отношению к нам.

Для разведывательной деятельности эмигрантов больше всего используют разведки США, Англии, Италии и Турции. Кроме использования эмиграции, вышеуказанные службы собирают разведанные и от лиц, которые приезжают, в основном в частном порядке, в эти страны, а также лиц, которые из их стран в частном порядке приезжают на территорию Космета.

Разведки западных стран в своей работе по сбору информации с территории Космета в основном используют эмиграционные центры. Перед лицами, от которых они желают получить необходимую им информацию, выступают от имени эмиграционных центров, осуществляя при этом вербовку. У нас имеются достаточно сильные подозрения, что некоторые западные службы, в том числе американские, направляют своих агентов в этот район. Так, к примеру, в прошлом году на Космет из США приехали три албанских эмигранта (которые до 1954–1956 гг. жили в нашей стране), в частном порядке, с американскими паспортами, якобы чтобы жениться на албанках, хотя ни один из них не женился. Все они из Вашингтона прилетели на самолете. Стоимость рейса составляет 1000 долларов. Во время своего пребывания они старались обеспечить как можно больше контактов с албанскими эмигрантами, которые давно известны как западофилы.

Албанский иммиграционный комитет в Италии, кроме итальянской разведки, получает финансовую помощь и от Ватикана (Ватикан помогает шиптарским эмигрантским организациям в Греции и в Турции). Мы уста-

новили, что католический священник — албанский эмигрант Зеф Оршие (в настоящее время проживает в Риме) завербовал учителя Луиджи Николу из Сува Реки (Призрен) в то время, когда Луиджи находился в Италии с частным визитом. Зеф от Луиджи требовал в районе Сувой Реки и Призрена создать нелегальную организацию, собирать информацию разведывательного характера и отправлять эту информацию ему в Италию. Эта организация засветилась, и Луиджи получил 9 лет тюремного заключения. В прошлом, в 1961 году Зеф установил связь с католическим священником Мини Никола, проживающим в городе Призрена. Когда Мини приехал с частным визитом в Италию, Зеф попытался завербовать его — он задавал подробные вопросы о ситуации в Космете. Мини утверждает, что у Зефа уже имелась подробная информация о Космете.

Эмигранты — члены комитета в Италии завербовали и албанского эмигранта Боричи Неджета, учителя, проживающего в Прешево, от которого они требовали письменной информации о ситуации в Космете, настроении шиптарского национального меньшинства, о политике к национальным меньшинствам, о равноправии, влиянии Албании на это меньшинство и об эффективности албанской пропаганды. В особенности они были заинтересованы в информации об образовательных кадрах. Эмигранты, члены этого комитета, встречали людей шиптарской национальности, которые из нашей страны выезжали с частным визитом в Италию, требуя от них информации о ситуации на Космете. Некоторых они уговаривали остаться, предлагая им лучшую жизнь, в некоторых случаях обещали денежную помощь и др.

С точки зрения враждебной деятельности в отношении к нашей стране наиболее активными были эмигранты, проживающие в Турции. В ней проживает самое большое количество эмигрантов (баллисты и военные преступники с территории Космета). Они вместе с эмигрантами из Албании, а также с определенным количеством лиц, которые нелегально покидали страну, создали общество «Шиптар и турак» в Стамбуле. Это общество осуществляет легальную деятельность, публикует две газеты «Беса» и «Вардар», в которых нередко публикуются статьи враждебного характера в отношении нашей страны. Космет они всегда называют своей поработенной территорией. Эмигранты — члены этого общества встречают людей, которые с нашей территории приезжают с частным визитом в Турцию, требуют от них информации и выдают им инструкции, т.е. обучают их, как влиять на других людей, которые намерены эмигрировать в Турцию, чтобы они этого не делали, если они не являются турками, а шиптарами, так как в ближайшее время Космет будет присоединен к Албании.

Руководители этой эмигрантской организации отправили письмо секретариату Конференции внеблоковых стран во время заседания в Белграде, в котором потребовали повлиять на Югославию, чтобы Космет мирным путем был присоединен к Албании.

По нашим данным, турецкая разведка вербует наших граждан во время их частного пребывания в Турции и отправляет своих агентов с разведыва-

тельными заданиями (якобы частных посетителей нашей страны) в основном в Космет и в санджак.

Разведцентры НАТО во всех западных странах вербуют агентов из числа албанской эмиграции и нашей эмиграции шиптарской национальности, которых они готовят для переброски в Албанию (по нашим данным, таких агентов они перебросили в Албанию из Турции, Франции и Бельгии). Относительно работы эмиграционных центров нужно отметить, что они стараются распространить на территории Космета большое количество своих газет, в том числе «Киндреса Шиптаре»¹, «Беса», «Перьекья Косоваре», «Свободная Албания», «Фламури» и другие. В среднем ежегодно по частным адресам, адресам учреждений и предприятий они отправляют примерно 1500 экземпляров этих газет. Кроме почты, они пытаются большое количество этих газет ввезти при помощи частных посетителей.

III. ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА

Во введении мы отметили, что враждебная деятельность по линии национализма и сепаратизма постоянно растет, что в последнее время в распространении этих явлений среди населения албанской национальности все активнее действует и албанская разведка, а также что на этой базе объединяются все национальности, несмотря на их политическую принадлежность.

Враждебная деятельность в городах все более распространяется среди интеллектуалов и работников сферы образования, которые возглавляют и организуют такую работу. Все более массово создаются подпольные организации, основной задачей которых является борьба за присоединение Косово и Метохии к Албании. Они стараются оказать как можно большее влияние на молодежь как в городской, так и сельской среде. В отличие от предыдущего периода в организациях, выявленных нашими органами, было больше членов, они действовали более организованно и дерзко. Людям, с которыми они контактируют, они открыто представляются членами подпольных организаций, которые борются за присоединение Космета к Албании, и от собеседников требуют, чтобы и они вступили в эти организации.

Представим данные, на основании которых видно, в какой арифметической прогрессии растут шпионские ячейки, а также отдельные случаи враждебной деятельности. В 1960 г. выявлено 5 подпольных организаций, в которых активно работало 22 человека, хотя гораздо большее число людей было знакомо с существованием организаций. В состав организации по социальному статусу вошли: 4 служащих, из которых 3 — с высшим образованием, 3 ученика, 6 рабочих, 9 крестьян. Чтобы не проводить групповых арестов, наши органы применили следующую страте-

¹ В оригинале: «Qindresa Shqiptare».

гию: самых активных членов этих организаций арестовывали по отдельности, против них велись судебные разбирательства, в результате чего пресекалась их дальнейшая деятельность. Было арестовано 13 человек из этих организаций.

В 1961 г. выявлено 11 организаций, в которых активно работало 70 человек, из которых наши органы арестовали 40 человек, против которых велись судебные разбирательства. По социальному составу количество арестованных выглядело следующим образом: 19 служащих, из которых 7 — с высшим образованием, 12 рабочих, 28 крестьян, 8 учеников, 2 домохозяйки и 1 ходжа.

Помимо арестованных и осужденных лиц, по линии их деятельности во враждебных организациях, ввиду отдельных выступлений в 1960 г. судебное разбирательство было возбуждено в отношении 38 человек, а в разбирательствах по административным правонарушениям проходило 213 человек.

Из-за этих преступлений в 1961 г. в результате судебного разбирательства задерживались или все еще находятся под следствием 53 человека, а по административным правонарушениям — 282 лица.

К этим данным необходимо добавить еще и то, что за эти два года в Албании укрылся 91 человек, а именно: 36 — в 1960 г. и 55 — в 1961 г. Было задержано при попытке бегства в Албанию и наказано за административные правонарушения 170 лиц, в 1966 г. — 73, а в 1961 г. — 97 человек. Не меньшее число готовилось к побегу, но они были вовремя обнаружены.

Когда речь идет о судебных разбирательствах и административных штрафах, необходимо отметить, что наши органы арестовывали лишь тех лиц из подпольных организаций, которые проявили себя самыми активными и опасными.

Деятельность подпольных организаций

В Космете и ранее было много случаев, когда националистические элементы создавали подпольные организации. Такие организации формировали экстремистские националистические элементы, из которых большинство было скомпрометировано из-за пособничества оккупантам и совершенных ими военных преступлений. Профилактические меры предотвращали значительное увеличение численности членов таких организаций, они были относительно быстро обнаружены и уничтожены. Сегодня, однако, националистические и сепаратистские элементы, несмотря на их политическую принадлежность, объединили усилия и собираются в тех же организациях, ввиду чего численность их членов растет, они находят сторонников во всех слоях общества. Как правило, во главе такой организации находятся интеллектуалы и работники сферы образования, являющиеся их организаторами. За последние два года подпольные националистические организации были обнаружены нами в Приштине, Косовской Митровице, Призрене, Уровшевце, Гниланах и Печи. У нас имеются дан-

ные, что в Джаковице и Подуево имеются организации, осуществляющие серьезную подрывную деятельность. На основании примеров, которые мы приведем ниже, видно, насколько деятельность этих организаций приобретает массовый и серьезный характер по сравнению с предыдущим периодом.

В начале прошлого года наши органы в Приштине обнаружили подпольную организацию, намеренную сформировать свой комитет (как руководящий орган), который, по замыслу организаторов, мог бы объединить деятельность всех национал-сепаратистских групп и отдельных лиц, проживающих на территории Космета и в остальных частях Югославии, населенных представителями албанского национального меньшинства. Они ставили целью организацию вооруженной борьбы за присоединение Космета к Албании. Комитет получил название «Антиревизионистский революционный комитет освобождения Косово и Метохии». Руководителями этой подпольной организации были Кадри Халими, смотритель Музея в Приштине, с высшим образованием, Али Алия, с высшим образованием (оба ввиду враждебной деятельности по линии ИБ были осуждены на 2 года исправительных работ), и Рамадан Ходжа, библиотекарь из Приштины, осужденный за эту деятельность на 2 года колонии строгого режима. Данная группа за год активной враждебной работы смогла открыть свои филиалы в Приштине, Косовской Митровице, Гнилане, Урошевце и еще в некоторых деревнях. В этих организациях активно работало 52 человека, тогда как еще столько же знало о подрывной работе этих лиц, среди которых были и члены СКЮ, даже один секретарь партийной организации и один депутат. После раскрытия деятельности организации упомянутые Рамадан Ходжа и Али Алия пытались скрыться за границей. Им предоставляли убежище и знали об их нелегальном положении свыше 50 человек, но никто не сообщил о них правоохранительным органам, хотя наши органы приняли масштабные меры для их ареста на местности, где они скрывались. Характерно, что члены этой организации, не таясь, контактировали с большим количеством лиц, некоторые из которых занимали высокие должности, с целью склонить их на свою сторону и завербовать в эту организацию. В данную организацию входили коллаборационисты, военные преступники, один ходжа и другие лица, что лучше всего говорит о том, насколько националистические элементы, несмотря на их прежние политические воззрения, объединяются, когда речь идет о борьбе за присоединение Космета к Албании.

Руководство данной организации поставило перед собой цель в кратчайшие сроки увеличить количество членов, получить оружие для организации восстания. Они надеялись, что в этом им легально сможет помочь Албания и они вовлекут большое количество эмигрантских групп, которые бы оказали содействие восставшим, ввиду чего они старались наладить прямую связь с албанской разведкой. Они запланировали организовать студенческие демонстрации с участием лиц албанской наци-

ональности в Белграде, Загребе и Скопье, чтобы это получило широкий отклик международной общественности. В Приштине планировалось со студентами и учениками средних школ организовать демонстрации в ярмарочный день, а демонстранты должны были скандировать: «Хотим, чтобы Косово и Метохия стали албанскими». По заявлениям организаторов этой группы, им не составит труда подготовить демонстрации, они грезили, что смогут направить свою делегацию в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций, во главе с упомянутым выше Кадри Халими, чтобы потребовать проведение референдума в Космете под покровительством ООН.

Из остальных групп мы упомянем только еще две, а именно: группу, обнаруженную в Косовской Митровице, которую возглавляли Адем Прекази и Бинак Кабаш. Их задачей было написание и распространение листовок с враждебным содержанием, организация диверсий на шахте «Трепча» — они намеревались заминировать системы в шахте, на ТЭС, подвесной дороге, перерезать ЛЭП и телефонные линии, подорвать железную дорогу по маршруту Звечан — Косовска Митровица и совершить покушение на партийных товарищей Душана Мугошу и Али Шукрию. После осуществления этих действий они намеревались нелегально переехать в Албанию, уведомить албанскую разведку о совершенных ими действиях и попросить у нее материальную помощь.

Вторая группа основана в Витине Амиром Гаши, судьей муниципального суда, и Фаризой Ильманом, служащим. Эта группа осуществляла деятельность по системе тройки, из которой у каждого был свой шифр. О наличии этой организации у наших органов не было данных вплоть до ареста Амира, попавшегося по другому преступлению, в результате следствия установлено, что он является создателем и подпольной организации, что было подтверждено позднее. В ходе расследования по делу Амира были получены данные, которые впоследствии подтвердились: он разговаривал с 56 лицами, 20 из которых знало о существовании и работе подпольной организации. Из лиц, с которыми разговаривал Амир в связи с враждебной деятельностью, 22 — служащих, 19 — учителей, 9 — албанских эмигрантов и 6 — крестьян, среди которых были и члены СКЮ. Никто из этих лиц не сообщил нашим органам о наличии подпольных организаций.

Прочие обнаруженные подпольные группы и организации не имели такого массового характера, как вышеуказанные, но для всех них основной задачей была «борьба за присоединение Космета к Албании». Члены некоторых организаций совершали и небольшие операции, как то: написание враждебных лозунгов, в которых албанский народ призывается к борьбе за присоединение Космета к Албании, размещение в публичных местах албанских флагов, написание отдельным руководителям писем с угрозами, сбор оружия и взрывчатки для совершения диверсионных действий, подготовка к покушениям, распространение ненависти на национальной основе и др.

Публичные выступления

Помимо враждебной деятельности национал-сепаратистских элементов в нелегальных организациях, в последнее время отдельные лица все чаще открыто выступают в общественных местах с враждебными высказываниями, поют национал-сепаратистские песни на свадьбах, посиделках и других встречах в селах, где распространяют ненависть на национальной основе и призывают сельских жителей к борьбе за присоединение Космета к Албании. Так, например, было несколько случаев на территории Дреницы, Гнилана и в других местах, когда на свадьбах и других публичных собраниях играют и поют националистические песни, в которых восхваляют героизм и патриотизм самых известных баллистов, какими были Шабан Полужа, Мула Идриз, Адем Главица и др. Некоторые учителя такие песни собирают, тиражируют и распространяют в молодежной среде. Приведем несколько примеров, на основании которых видно, какие публичные выступления имеют место.

Шабан Идриз, учитель из Подуева, «объясняя» происхождение албанцев группе сельских жителей, говорит: «Албанцы пришли на Космет первыми, когда еще никого не было. Потом появились турки, а намного позднее – сербы. Черногорцы пришли только после Первой мировой войны. Поэтому албанцы должны получить свои права, которых у них сейчас нет. Они с сербами всегда воевали – ненавидели друг друга. Вспомните, что они делали с нами во времена Королевства Югославия, мучили нас и ущемляли. Сейчас не лучше, поэтому мы никогда не сможем стать друзьями, так как постоянно убивали друг друга. Здесь должны остаться только албанцы, а другим здесь нет места. Наши руководители нас заставляют высказываться против Албании и Энвера, чтобы показать, что есть равноправие, но они не смогут убедить албанский народ бороться против своих братьев в Албании. Все это известно албанскому руководству, которое в открытую говорит об этом на радио “Тирана”».

Учитель Брезница Хасан группе сельских жителей рассказывал: «Есть одна пословица: маленькие мыши съели кошачью голову. Так же и с нами, особенно с учителями, так как мы не можем смотреть, что делают с нашим народом. Оскорбляют его и несправедливо обращаются с ним. У нас нет таких же прав, как у других национальностей. Нас арестовывают и ущемляют наши права, но я восхищаюсь учителями, что они смело борются против этого общественного порядка. Учителей поддерживают и сельские жители, которые решительно противодействуют сербам. Мы не можем сидеть сложа руки и должны постоянно объяснять народу, за что мы боремся».

Халими Халим и Халими Беслин, оба из села Угляра (Гнилане), пришли на свадьбу какого-то сельского жителя, где собралось более 30 человек, и пели националистические песни, в которых были и такие стихи: «Да здравствует красно-черный флаг, который будет развеваться над Косово и Метохией. Мы на борьбу идем против врага, зовет нас

красно-черный флаг. Вперед, братья, настал день гибели за нашу страну, ружье нас не убьет» и пр. Указанные лица эти песни пели в нескольких публичных местах. Однажды, когда они пели такие песни, присутствовало 8–15 членов местной организации СКЮ, а также секретарь организации, но никто не отреагировал. Наши органы арестовали их и предали суду за распространение враждебной пропаганды (осуждены на 19 месяцев тюрьмы).

Хусена Халил из Джаковицы пришел в кабак «Джеравица» и в нетрезвом виде начал кричать: «Да здравствует Энвер Ходжа, я — за Энвера. Кто еще?! Для меня Энвер — товарищ». Халили принимал участие в народно-освободительной войне, после освобождения до 1949 г. состоял в народной милиции в чине капитана, был демобилизован. Осужден на 20 дней тюрьмы судьей по правонарушениям.

В Гнилане в публичном месте Рамадан Яхия выступил со следующими высказываниями: «Будем бороться против сербов, а с ними мы еще не воевали. Во время войны нас преследовали болгары, а сейчас — сербы. Я говорю это всенародно и не боюсь, как другие, кто служит и трясется за свое место». В другой раз, когда перед гостиницей заметил товарища Джавида Нимани, он начал кричать: «Здесь правила Шипния (Албания) и снова будет править. Пока правила она, я был влиятельным человеком и стану им снова, когда наступит ее правление». Рамадан был осужден судьей по правонарушениям на 2 месяца тюрьмы.

В Печи Балял Реджеп вошел в одну пекарню, где было много народу, и начал говорить: «Здесь честный человек не может жить и трудоустроиться. Работу могут получить лишь воры, лжецы, нечестные люди. В Албании жизнь намного лучше, там рабочие пользуются своими правами» и др. Из-за этого выступления судья по правонарушениям осудил его на 30 дней тюрьмы.

В Гнилане, на свадьбе в доме одного из членов муниципального комитета, Матоши Ариф, рабочий, член СКЮ (во время войны состоял в бригадах СС) кричал: «Да здравствует албанский народ! Да здравствует Энвер Ходжа! Да здравствует Матоши Исен! (Исен — его родной брат.) Он был всем и будет таким в будущем. Никто не знает, что он делает и что готовит. Позже все расскажут, и его полюбит албанский народ. Да здравствует Энвер Ходжа, который борется за албанский народ!» Матоши предстал под судом.

В Подуево Пуньску Тахир перед группой рабочих, среди прочего, сказал следующее:

«Я регулярно слушаю радио “Тирана”. В своих передачах “Тирана” нападает на Югославию, потому что Энвер борется за освобождение Космета и его присоединение к Албании. Югославские руководители обманули его и хотели создать из Албании свою седьмую республику. Примирения не будет, пока Югославия не отдаст Космет Албании. Энвер прав, что борется за нас, шиптаров, в Космете, так как мы не равноправны. Хорошо, что Энвер борется за нас».

Один учитель в Гнилане на свадьбе, в присутствии нескольких десятков лиц, открыто выступил и сказал: «Энвер Ходжа прав, что поднял вопрос Космета и требует его присоединения. Это произойдет, мы должны быть терпеливыми и настойчивыми». Другой учитель, Садик Адем, в Витине, в кабаке, в присутствии большого числа лиц, среди которых был и бывший секретарь муниципального комитета, публично крикнул: «Да здравствует красно-черный албанский флаг! Я отдам за него жизнь, потому что я шиптар. Шипарина — это близко моему сердцу, в любой момент я готов погибнуть за нашу албанскую нацию». Никто из присутствующих не отреагировал на его высказывание. (Садик осужден на год тюремного заключения.)

В Педагогической школе в Приштине во время прощания с умершим товарищем Миладином Поповичем (в честь которого названа школа) один из учеников сказал вполголоса: «Слава умершему идиоту». Руководство школы не отреагировало на это заявление, хотя им было известно об этом.

Мы привели эти примеры выступлений в публичных местах. Подобных выступлений были десятки, тогда как враждебных комментариев по линии национализма и сепаратизма во всех слоях населения были тысячи. Необходимо отметить, что наши органы в ходе следствия по делам арестованных получают большое количество данных на лиц, являющихся членами СКЮ, служащими, руководителями компаний и пр., которые по должностным полномочиям обязаны не только сообщать о таких высказываниях в компетентные органы, но и сразу же на них реагировать.

Подрывная деятельность и отрицательные явления среди учителей и школьников

Подрывная деятельность в школах, где имеют место случаи полугалльного воспитания молодежи в национал-сепаратистском духе, приняла широкие масштабы. Какие явления сегодня имеют место в школах и среди учителей, лучше всего покажут примеры, которые мы приведем ниже.

Мекули Хасан, директор театра в Приштине, писатель и профессор сербского языка и литературы в высших школах, обращается во время лекции к ученикам Педагогической школы и требует обращаться к нему только на албанском языке, так как он албанец, который борется за свой народ, за его развитие и благосостояние. Мекули говорит: представителям сербской национальности не место в Космете, надо бороться, чтобы везде ощущался «шиптаризм». Обращаясь к одному из учеников, фамилия которого заканчивается на *ич*, он говорит: «Плохо, что у тебя, как албанца, фамилия заканчивается на *ич*. Иди в Отделение полиции, чтобы тебе это *ич* убрали».

Меркули влиял и на других учителей, чтобы те ставили удовлетворительные оценки по четвертям ученикам, не освоившим пройденный материал, так как, по его словам, необходимо как можно быстрее создать

албанские кадры, которые займут руководящие места. Во время лекций в Высшей школе управления, рассказывая о сербской литературе слушателям, он, среди прочего, сказал: «Сербские писатели в своих произведениях фальсифицировали исторические события, так как им это было на руку, и это надо иметь в виду». Свое «утверждение» он подкрепил такими примерами: «Турецкий султан Мурат не погиб в Косовском бое от руки сербского воеводы Милоша Обилича, а умер от сердечного приступа». Или: «Смаил-Ага Ченгич был одним из самых достойных и храбрых людей, а не таким, каким описал его Мажуранич».

Назми Реджа, председатель Культурно-просветительской ассоциации, заменял директора Основной школы им. Войо Лакчевича. Во время урока он читал ученикам выдержки из приносимых им книг, напечатанных в Албании, с содержанием националистического характера. После чтения он требовал от учеников, чтобы те пересказали содержание и написали сочинения. Некоторым он давал почитать книги, предупреждая при этом, что они запрещены для чтения.

В основной школе в Коморанах директор школы Мемет Шаля во время проведения собрания учителей говорит только на албанском языке, хотя в школе есть учителя сербской национальности, не знающие албанского. Когда один из учителей сербской национальности попросил его перевести на сербский язык то, что он сказал, Шаля ему дерзко ответил: «Я не могу тебе объяснять. Выучи албанский. Ты должен выучить и поздороваться со мной на албанском языке». Родители детей сербской национальности, переселившиеся из этих мест на территорию Центральной Сербии, просили у него справки для своих детей. Он написал их на албанском языке. Когда они попросили написать справки на сербском языке, он ответил, что сербского языка не знает.

Этот же директор запрещал детям албанской национальности говорить что-либо на сербском языке: «Какие же вы албанцы, если не говорите на своем родном языке. Знаете, сколько сербы высосали албанской крови, а вы и дальше пользуетесь сербским языком».

Бечири Байрам, учитель основной школы в Качикове, на собрании учителей заявляет: «У албанских учителей нет таких же прав, как у сербов. Им запрещается строить школы и воспитывать молодежь. Предлагаю, чтобы мы, 60 учителей на этих территориях, организовали бойкот и пригласили Фадила и Джавида, рассказали им о своих позициях и намерениях. За это нам никто ничего не сделает. Это нельзя квалифицировать как забастовку, мы будем выступать от имени народа и скажем, что выражаем желание народа, проживающего в нашем крае. Поэтому власти не смогут применить никаких репрессивных мер против нас. Я беру на себя организацию, но от всех вас требую полностью поддерживать меня и быть сплоченными. Только так мы сможем добиться успеха». Кроме директора, все присутствующие согласились с выступлением Бечири, а директор выразил опасения, что в этом случае могут последовать массовые аресты.

Челерджия Сали, профессор Педагогической школы в Приштине, убеждает учеников потребовать изменить название школы (сейчас — им. Миладина Поповича) в честь Люича Гурикучи (Люич — албанский писатель, эмигрировавший в Италию). Этот же профессор убеждает учеников потребовать проводить уроки только на албанском языке.

В этой же школе профессор Шаля Демуш на собраниях учительского совета и коллегий настаивает на отмене преподавания сербскохорватского языка в старших классах, так как это бесполезно, требует вести обучение только на албанском языке. Наряду с этим он убеждает учеников, чтобы те потребовали изменить план обучения, в котором больше не будет уроков сербскохорватского языка. Ученикам он говорит, что он, как албанец, борется за албанские права и они должны делать то же самое.

В средней сельскохозяйственной школе в Приштине группа учеников требовала от учителя вести уроки только на албанском языке. В конце прошлого года группа из 40 учеников появилась в Исполнительном совете АКМО и потребовала отменить уроки сербскохорватского языка, а в этом учебном году они будут бойкотировать обучение на сербскохорватском языке.

Острозуби Фаут, учитель в Призрене, рассказывая на уроке ученикам о языке, заявил следующее: «В Космете и Албании язык должен быть одинаковым. Здесь не должно быть разницы. Мы должны понять значимость нашего родного языка и своей литературы. Всегда надо помнить, что мы албанцы, а наш язык надо привести в соответствие с албанским. В языке не может быть отличий, так как и мы, и они — албанцы».

На собрании Совета по образованию НОО Качаник 08.11.1961 г. В повестке дня были и предложения о названиях основных школ на территории муниципалитета, которые бы принял НОО на торжественном заседании по случаю Дня освобождения. На этом собрании референт по образованию предложил, чтобы школа на улице Дженерал Янковича получила название «им. Наима Фрашери» или «им. Милоша Джердж Николы-Миджени». Оба албанские писатели. В связи с тем, что по данному вопросу требовалось получить согласие Совета по образованию, вмешался заместитель председателя областного комитета Живойин Чурчич и предложил, чтобы школа была названа в честь Тефик Ченга (старый революционер из этих мест, повешенный оккупантами в 1944 г.).

Фаредин Ходжа, секретарь гимназии в Джаковице, регулярно слушает радио «Тирана», а содержание передач пересказывает потом ученикам, рассказывает им, что Албания правильно делает, нападая на Югославию, потому что Югославия неправильно решила национальный вопрос.

Бериша Ляtif, профессор гимназии в Косовской Митровице, предложил 6 тем для письменных работ на выпускном экзамене. Все 6 тем затрагивали албанскую литературу: «Женщина в албанской литературе», «Село в албанской литературе» и пр. Директор гимназии сделал ему замечание по выбранным темам и сказал, что для письменных работ надо было выбрать темы из югославской литературы. Бериша не согласился с этим, его поддержал профессор Муса Гаши.

Морина Ашим, учитель, заявляет: «Я получаю наслаждение, когда слушаю радиостанцию “Тирана”. Полагаю, что албанцам из Космета надо как можно в большем количестве переселяться в Албанию, чтобы как можно быстрее Космет был присоединен к Албании, чтобы у этого народа было лучшее будущее».

Шабан Шаля, учитель, говорит: «Я регулярно слежу за передачами на радиостанции “Тирана”. Это самые объективные новости. Албания сегодня ведет открытую борьбу за национальное освобождение албанцев в Космете». Этот учитель в разговоре с некими членами Союза коммунистов призывает их больше не верить Югославии и открыто поддержать албанские позиции. Обращаясь к одному из членов Союза коммунистов, Шаля говорит: «Чего ты ждешь и мешкаешь, слушаешь ли ты радио “Тирана”, почему ты еще не вышел из членства Союза коммунистов». В продолжение разговора он заявляет, что в Космете надо учредить молодежную организацию для молодежи албанской национальности, основной задачей которой стало бы присоединение этой территории к Албании.

Малеку Лятиф, в данное время ассистент на философском факультете в Приштине, пока находился в Косовской Митровице, преподавал в гимназии литературу. В связи с тем, что по этому предмету не было учебников, он писал конспекты. В эти конспекты он добавлял произведения албанских писателей Паноли и Пишты, изобилующие чистым национализмом и шовинизмом, как, например, «Мирна» Паноли и др. В плане обучения не предусмотрено изучать произведения этих писателей в школах Космета.

Гаши Тефик, учитель из Шиполя, на уроке рисования дал задание ученикам нарисовать мечети, церкви и т.д.

Фазим Рамбор, учитель физкультуры в начальной школе в деревне Глоговац, в ходе практических занятий с классом, в котором в основном были ученицы сербской национальности, вел себя вульгарно и говорил им неприличные слова. Этот же учитель уже несколько раз бил учеников, в основном сербской национальности.

Хетем Рустеми, учитель из деревни Догановичи, заходя в класс, задает ученикам следующие вопросы: «Кто наши прадеды; кто сербам прадеды; кем нам приходится сербы; есть ли у нас наши братья; где на карте находится Албания?» На эти вопросы он учит детей отвечать: «Наши прадеды — иллирийцы. Прадеды сербов — славяне. Сербов для нас никто. Наши братья в Албании, она — наш ближайший сосед».

Джок Леши, учитель в селе Гушици (Гнилане), из враждебно настроенной семьи. Когда ученики просят у него повторить им разделы уроков, так как они его плохо поняли, он отвечает: «Если хотите, чтобы я по два раза повторял вам пройденный материал, езжайте в Албанию, так как там повторяют по два раза, а здесь такого нет». У этого учителя есть один критерий в ходе оценки детей албанской национальности, а другой — для оценки учеников сербской национальности. В этой школе учителем работает и Бериша Имер, который превозносит албанских писа-

телей и литераторов, цитируя отдельные выдержки из их произведений и литературных работ, говорит, что это старые писатели, которые очень мучились, а сегодня их никто не вспоминает, они забыты, даже запрещены для изучения в школах Космета.

Учитель Чамиль Беткоречи во время уроков предлагает слушать ученикам передачи радио «Тирана», так как оно лучше транслирует музыку, чем радиостанция Приштины, а также на нем есть специальные передачи для детей.

В школах уже стало повседневным, что ученики албанской национальности задают учителям провокационные вопросы или шовинистически отвечают. На стенах, школьных партах и в туалетах пишут враждебные надписи и т.п. Некоторые учителя разрешают такое поведение или подстрекают учеников к такому поведению. Так, например, в педагогическом классе при гимназии в Косовской Митровице ученики Камбери Ашим и Губетина Хуредин на школьных партах написали следующее: «Да здравствует 28 ноября – День Албании!», «Да здравствует Мехмед Шеху!», «Да здравствует Энвер Ходжа!», «Да здравствует Мехмед Градица!» и др. Оба ученика получали стипендии. Когда упомянутые лица писали эти надписи, их видели ученики Ходжа Иса, член СКЮ, и Аджия Реджа, староста, но ни один из них, когда их допрашивали, не рассказал, что они видели указанные надписи.

В Косовской Митровице и в прошлом году ученики II и III класса гимназии дважды бойкотировали уроки на сербскохорватском языке. Бойкоты они мотивировали тем, что не знают сербскохорватский язык, это не соответствовало действительности. На основании заявления Минирай Алила, в котором он говорит: «Не хочу отвечать учителям-сербам, я бы отвечал на сербскохорватском языке, только если бы учитель был албанской национальности». Инициаторами этих бойкотов были ученики, братья учителей Малека Ахмета и Скендры Скендера, членов СКЮ. В этой же гимназии Хуляку Исмет и Бечири Шукри убеждали учеников не отвечать на уроке сербскохорватского языка и обосновывать это тем, что не знают этот язык. Учитель Буич Оливера и директор Цветнич Драгомир в этой гимназии заявляют, что отношения между учителями и учениками сербской и албанской национальности нездоровые, создается национальная нетерпимость, а учителя албанской национальности относятся снисходительнее к ученикам албанской национальности, чем к ученикам сербской национальности.

Профессора Муса Гаши и Малеку Ахмет в прошлом году в конце учебного года обвинили учителя Безверхи Евгению и подсунили ей подписать пустой дневник, в котором потом плохие оценки исправили на хорошие, а на справках подделали ее подпись.

В Косовской Митровице в начальной школе учитель Голубович попросил учеников перечислить имена национальных героев. Он спросил их, когда они перечислили некоторых из них, знают ли они кого-то еще. Встал ученик Исмет Даут и сказал: «Наш самый выдающийся националь-

ный герой — это Энвер Ходжа». Учитель сказал ему, что он не из Югославии и не наш национальный герой, на что ему ученик снова ответил: «Он наш самый выдающийся национальный герой, и я знаю только его». У этого ученика классный руководитель Кокаль Ибрахим — гражданин Албании.

В школах, где есть классы для учеников сербской и черногорской национальности, было много случаев, когда этих детей бойкотировали, они подвергались физическому насилию со стороны учеников и учителей албанской национальности. У этих детей открыто выражен страх, ввиду чего у нас много примеров, когда родители этих детей вынуждены переселяться с этих территорий в города на Космете или в Центральную Сербию. В качестве примера приведем следующий случай. В селе Грацац ученица Радудович Слободанка задала на уроке вопрос учительнице, правда ли, что албанский народ в Космете организует восстание и присоединится к Албании. Этот же вопрос в деревне Глоговац задал ученик Слободан Андреевич. Учительница спросила, с чего он это взял, ученик ответил, что в старших классах обсуждают, как быстро Космет присоединится к Албании, Далмация — к Италии, Македония — к Болгарии, а Воеводина — к Венгрии, поэтому хотел узнать у нее, точно ли это.

Часто сербские дети, которые ходят в школу, особенно на территории муниципалитета Подуево, не могут идти по дорогам рядом с домами, владельцами которых являются лица албанской национальности, так как их дети собираются в группы, поджидают, оскорбляют и иным образом обижают детей, в связи с чем дети вынуждены проходить эти места в сопровождении взрослых. Родители этих детей приходят в наши органы, а также к родителям албанских детей, притесняющих их детей, и просят принять меры, чтобы дети могли свободно ходить в школу. Однако меры, принятые на данный момент, не дали результатов, и многие семьи вынуждены переселяться из этих мест. Такие случаи есть и в деревнях Обранджи, Велика Река, Горня Лопаштица, Доня Лопаштица, на окраинах Подуево, в Донеи Дубине, Летенце и др. В этих селах старшие подростки албанской национальности регулярно поджидают детей, возвращающихся из школы (сербской национальности), нападают на них, бьют, отнимают книги, пытаются насилловать девушек и пр. В Донеи Лопатице группы старших подростков несколько раз поджидали девушек, возвращающихся из школы, говорили им самые вульгарные слова, раздевались догола, пытались догнать девушек. Из-за такого давления многие семьи сербской национальности уже уехали из этих сел. Они заявили, что не могут допустить, чтобы их дети остались неграмотными, а в таких условиях они не могут окончить начальную школу в местах, где они живут.

В прошлом году учитель Бастрати Имер в деревне Глоговац несколько раз избивал детей сербской национальности без какого-либо повода, по шовинистическим соображениям. Когда его поступкам воспротивилась учительница Лабович Вукосава, он и ей угрожал физической расправой, называл ее шовинисткой, так как защищает сербских детей. В конце ноя-

бря 1961 г. Бастрати во дворе школы в присутствии примерно 250 учеников избил учительницу Лабович, ударил ее три раза кулаком по голове и толкнул на землю. Установлено, что у указанного лица не было причин избивать учительницу Лабович (он напал на нее, потому что она привела свой класс на завтрак в столовую раньше его класса). Бастрати — член СКЮ. Из-за этого происшествия он получил месяц тюрьмы по решению суда по административным правонарушениям, а от партийной организации получил выговор. После он был переведен в другую школу.

В начальной школе в Вучитрне учитель Бехрани Шемс бил учеников сербской национальности, пока дежурил в школе, обосновывая это тем, что они баловались. Он избил трех учеников, одного — до крови, тогда как у двоих других остались синяки на теле. Когда родители этих детей пошли жаловаться в администрацию школы и хотели подать в суд на учителя Шемса, администрация школы пообещала им, что расследует происшедшее, а они должны отказаться от иска. На этом все и закончилось, потому что после не были приняты никакие меры.

Раши Хуса, учитель из Косовской Митровицы, бил учеников сербской национальности по шовинистическим соображениям. Этот же учитель говорил, что больше не будет готовить планы работы на сербском языке, а на албанском, несмотря на то что директор школы, в которой работает Хуса, не знает албанского. Он говорил, что согласовал это со школьным инспектором Вокши Таиром, так как, по его словам, «хватит уже сербского языка».

Директор начальной школы в Шковлянах Добруна Ислем запретил в прошлом году, накануне Дня Республики — 29 ноября, вывешивать государственные и партийные флаги, писать плакаты, сказав: «Если мы не вешали флаги и плакаты — 28 ноября (28 ноября — албанский национальный праздник), мы не будем их вешать и 29 ноября, так как это не наш праздник».

В наши органы приходят некоторые граждане албанской национальности и задают вопросы, почему они терпимо относятся и разрешают учителям отрицательно воспитывать молодежь в школах и почему не принимают меры.

В наши органы приходил и отец национального героя Эмин Дурака и просил через Секретариат иностранных дел вернуть ему из Албании несовершеннолетнего сына, сбежавшего туда. На вопрос, почему сбежал его сын, он махнул рукой и сказал: «Я бы никогда не отдал его в школу, если бы знал, что он так поступит».

В наше отделение в Джаковице пришло лицо албанской национальности и просило помочь его сыну поступить в гимназию. На вопрос, почему ему нужна помощь наших органов, упомянутое лицо ответило, что его сын с одной группой учеников был направлен на текстильную фабрику в Лесковац, чтобы окончить текстильную школу, но ему не понравилось там и он вернулся назад, чтобы окончить гимназию. Однако директор текстильной фабрики Абас Козези принуждает его вернуть сына назад в Лесковац:

«Ты должен заставить сына вернуться в Лесковац. Ты хочешь, чтобы к нам на фабрику пришли сербы и черногорцы, работать и руководить фабрикой?»

В деревне Дарани (Дечани) в начальной школе учитель Елезай Аджия (его отец погиб в столкновении с бандитами), после того как он пришел работать учителем в эту школу, тогдашний ее руководитель Истрефай Селман оценил его как «слишком выделяющегося». В прошлом году Аджия на суде давал показания против арестованного Рустема Садрие, который в открытую осуществлял враждебную деятельность. После этого руководитель школы и оценил его: «Нет элементов для оценки», хотя Аджия был хорошим учителем.

В Пече сын народного депутата Гаши Уке, гимназист, задал отцу вопрос, почему он постоянно говорит против Албании, а учитель истории на уроке представляет Албанию совершенно в другом свете.

Подримай Реджеп, учитель в Печи, требует от директора гимназии участия в оценке учеников албанской национальности в качестве члена комиссии по предметам, преподаваемым учителями сербской и черногорской национальности, так как, по его словам, эти учителя из-за шовинизма намеренно ставят плохие оценки ученикам албанской национальности. Этот же учитель, когда два ученика сбежали в Албанию, заявил, что, если бы он знал, что они такие хорошие албанцы, они бы не получили плохих оценок.

Лика Салия, учитель из Призрена, говорит: «Во время уроков по литературе я строго придерживаюсь турецких писателей, так как они реалистичны. Югославские писатели нереально описывают жизнь под турками, и я не уверена, что все нации в Югославии равноправны».

В Вучитрне учительница Данетович поставила плохую оценку одному ученику албанской национальности, после чего на педсовете на нее напал учитель Венхари Юсуф, требовавший незамедлительно исправить оценку, дерзко и нагло вел себя с учительницей, говорил, что ученикам албанской национальности она не может ставить плохие оценки.

В общине Вучитрн есть несколько учителей, враждебно настроенных и постоянно осуществляющих систематическое и открытое воздействие на учителей и учеников сербской и черногорской национальностей. В этом они находят широкую поддержку у референта по образованию в муниципалитете Бадивук Бухрана, который также враждебно настроен. Совершенно ясно, о каких лицах идет речь, кто руководит образованием в муниципалитете, если мы укажем, что наши власти после войны приговорили к смерти и расстреляли отца и дядю Бадивука Бурхана из-за военных преступлений, а вышеупомянутый учитель Венхари Юсуф ранее был задержан из-за активного участия в нелегальных враждебных организациях. Из-за проводимой этими лицами политики определенное число учителей сербской национальности уже уехало с территории этой общины, в то время как другие готовятся это сделать, заявляя открыто, что больше не могут терпеть давление, оказываемое на них.

Руководитель начальной школы в селе Юник, Асан Кадрия, в прошлом году на два месяца оставил класс учеников сербской национальности без учителя. Когда секретарь школы обратился к нему с вопросом о начале уроков, он ответил: «Я об этом не буду беспокоиться, даже если учитель никогда не придет, и тебе не надо беспокоиться об этом».

Эльшани Муслия, директор школы в Дренице, говорит: «Мы, шиптары, в Дренице должны быть довольны, так как в наших края нет больше сербского населения, теперь и девочки могут ходить в школу. Сейчас эти места только албанские, и мы лишь ждем присоединения к Албании».

Кайтан Печай, профессор Высшей гимназии в Приштине, говорит: «Надо будить национальное самосознание и гордость албанцев, несмотря на давление, оказываемое на албанское население. Даже это давление хорошо, так как многочисленные нападки способствуют раскрытию национального самосознания. Югославия всеми средствами старается победить это, что видно по последнему судебному процессу в Тиране, затем использование американского флота, визит Ранковича в Грецию, финансирование КП Италии, использование католического клира и албанской эмиграции в других странах, что все задумано и направлено против Албании. Мы должны все это рассмотреть. Югославские власти сейчас сделали невозможной работу Албанского представительства в Белграде и принуждают отдельных руководителей из Космета критиковать Албанию, но сами они этого бы не делали. Такой случай и с директором “Рилиндии” Имером Пулем, вынужденным писать в ежедневной газете по вопросу “Белой книги”. Но мы не можем обвинять его в этом, так как всем известно, что он великий албанец и должен писать это под давлением. Мы должны с пониманием относиться к этому».

Идриз Ибрич, учитель, член СКЮ, говорит: «Не могу больше терпеть нападки на Албанию, ее руководителей и национальных героев. Надо образовать как можно большее количество групп и сбежать в Албанию, чтобы помочь Космету воссоединиться с его матерью» (Идриз образовал группу из 3 членов).

В прошлом году в Педагогической школе в Приштине 28 ноября ученик этой школы Краснич Руждия принес в школу конфеты и угощал учеников по случаю албанского национального праздника. Затем в классе в присутствии нескольких учеников взял мел и подошел к месту, где висит портрет товарища Тито и по глазам написал крупными буквами: «Тито». Затем на всем изображении нарисовал крест. После этого запел песню «Тирана зовет меня в солдаты». Когда один из учеников предупредил его, что может кто-то прийти, он с иронией ответил: «Ну что ж теперь, пусть знает, что я никогда не буду ему служить, а только так, как вы видите сейчас».

Нельзя оставить без внимания и случай, произошедший в прошлом году в Педагогической школе в Гнилане. В эту школу пришел Попович Звонко, секретарь второй основной школы в Гнилане, вместе с Хайваси Хамизом, служащим отдела просвещения национального комитета. По-

пович пришел поступить на третий курс Педагогического училища. Когда он пришел к секретарю Ибрахиму Шабану, то объяснил причину своего перехода на сербском языке, но Шабан на его вопросы, хотя он очень хорошо знал сербский язык, отвечал на албанском, а Айвази помогал переводить. После этого Попович узнал, что Шабан очень хорошо говорит по-сербски. Он вернулся назад в канцелярию к Шабану и задал ему вопрос: зачем ему нужен был переводчик? На что ему Шабан ответил: «А почему ты, товарищ, не говоришь по-албански? Если для тебя сербскохорватский язык государственный, то для меня государственный — албанский». Все трое — члены СКЮ.

В прошлом году по случаю Дня освобождения Гнилан — 16 ноября в деревне Церница ученики во время факельного шествия выкрикивали: «Да здравствует Энвер Ходжа и Албания!» Это делал класс учителя Буичи Кемаль. После на партийном собрании (Кемаль — член СКЮ) рассматривали этот случай, Кемаль заявил, что не слышал этого, а лишь слышал, что они кричали Мула Эмеру и Дамон Ковачу (оба — известные баллисты, организовавшие после освобождения восстание против наших властей. Позднее они были приговорены к смертной казни и расстреляны). Основная организация СКЮ по данному вопросу не принимала никаких мер.

В марте прошлого года Эмир Гаши, судья окружного суда в Витине, по случаю ухода в армию и помолвки собрал банкет, на который пригласил и 4 учителей. На этом банкете они пили за здоровье Энвера Ходжи, в честь Албании и красно-черного флага. Пели националистические песни, а на большинстве присутствующих были одеты красно-черные галстуки, черные джемперы и пуловеры, а некоторые носили вокруг шеи красные платки как символ приверженности Албании. Гаши арестован и сейчас ведется следствие.

В прошлом году во многих школах не было занятий 28 ноября (28 ноября — албанский национальный праздник). Также было много случаев отсутствия уроков на религиозный праздник Байрам.

За последние два года наши органы арестовали 35 учителей и 47 учеников, представших перед судом. Из материалов, полученных в результате следствия по делам арестованных, а также из других источников ясно видно, что во многих школах, особенно в педагогических, ученики полулегально достают и читают литературу албанских националистических писателей, на ней воспитываются, ввиду чего было много случаев, когда в сочинениях на свободную тему они писали о национализме.

Эти сочинения пропитаны враждой, а некоторые профессора и учителя читают вслух такие работы учеников, тем самым популяризируя их.

Согласно неполным данным, сейчас в Космете в должности учителей трудоустроено 110 лиц, ранее арестованных и судимых по причине политического криминала, а 337 сотрудников в сфере образования, работающих и сейчас, являются членами семей с враждебным отношением к Югославии или имеющими отношение к подрывной деятельности.

Проявления национализма в среде деятелей культуры и государственных служащих

Помимо работников сферы образования, в национал-сепаратистскую деятельность вовлечено и большое число деятелей культуры и государственных служащих. Мы приведем несколько примеров.

В Приштине в редакциях газет и на радиостанции большое количество журналистов, корректоров и прочего персонала известны как враги Югославии, большинство из них были судимы. В этих учреждениях определенное количество интеллектуалов и работников сферы образования были в тюрьме, в которой некоторые провели несколько лет, сразу трудоустраиваются и продолжают осуществлять враждебную деятельность. В связи с тем, что проводится такая кадровая политика, невозможно создать полную картину враждебных элементов. Эти примеры показывают, что их работа имеет массовый характер и является крайне дерзкой. Когда редакция газеты «Рилиндия» получила от Государственного секретариата по иностранным делам экземпляр «Белой книги» для печати и перевода, редколлегия приняла решение опубликовать в газете некоторые фрагменты из книги. Когда началась серия публикаций, в первом номере было указано, что в Белграде состоялось заседание Антифашистского совета Албании, на котором зампредседателем министра внутренних дел назначен Коча Дзодзе. Во втором номере речь шла об экономической помощи Югославии, оказанной Албании, и было опубликовано, что долг Югославии перед Албанией составляет 2 400 000 000 динаров. Когда товарищ Тито поехал с визитом в страны Западной Африки в «Рилиндии» журналист Энвер Якупи опубликовал статью об этом, в которой было написано, что Тито плывет на корабле «Габель», что в переводе означает нищий-бродяга.

Во время проведения Белградской конференции в этой газете опубликована статья, в которой прописными буквами в заглавии было написано: «США не будут менять позицию по НАТО». Под этим заголовком, в качестве подзаголовка, было написано: «Известные делегаты приехали в Белград».

В газете опубликована статья, на первой полосе, об успехе советского космонавта Юрия Гагарина. В середине этой статьи, на половине колонки, был размещен текст, связанный с разговорами товарища Тито в Тунисе, и текст о совместном коммюнике Тито—Бургиба, а после этого был продолжен текст о Гагарине.

В одной из опубликованных статей, о посещении товарища Тито африканских стран, в одном месте вместо слова «круетари», что в переводе с албанского означает «председатель», было написано слово «круекари», что в переводе значит пенис. Корректор, правивший эту статью, за год до этого был осужден за враждебную деятельность. Как только он вышел из тюрьмы, сразу же был трудоустроен корректором в этой газете.

По случаю 15-й годовщины смерти секретаря Областного комитета по АМКО товарища Миладина Поповича опубликована статья, в которой

слово «хероит» (герой) заменено на слово «хорит», что в переводе означает «тунеядец». Корректор, опубликовавший это, — Юсуф Хумори — уже подвергался наказанию ввиду враждебной деятельности.

Мы привели несколько самых ярких примеров, которые были опубликованы в прессе. Они показывают настроение в данной газете. Комментарии здесь излишни. Когда на такое поведение обратили внимание ответственных лиц, они ответили, что речь идет об опечатках и это может случиться и в более крупных газетах.

Вот еще два примера, которые обращают на себя внимание. После речи Тито в Урошевце 5 июня 1961 г. ТАНЮГ примерно в 21 час предупредил редколлегия газеты «Рилиндия», чтобы та оставила место для публикации этой речи в завтрашнем номере. Когда технический редактор, получивший извещение ТАНЮГ, сообщил об этом главному редактору Насеру Буртонию, он отказался сделать это, сказав, что уведомление принято поздно, а газета уже в верстке. Случайно в это время в редакции оказалось несколько членов Областного комитета, настоявших на публикации речи товарища Тито. После ухода членов комитета Насер напал на технического редактора, сказал ему, что его не надо было уведомлять об этом в присутствии членов Областного комитета, так как он не хотел публиковать указанную речь. Или другой случай, когда в газете «Борба» опубликована статья редактора, в которой говорилось о клевете, высказываемой албанским руководством против нашей страны и руководства. Радиостанция Приштины получила уведомление, чтобы эта статья была прочитана в эфире. Однако начальник группы переводчиков Юсуф Жерка отказался перевести статью и выпустить в эфир в следующей передаче.

Некоторые литераторы в своих сочинениях, которые часто пропитаны национал-сепаратистскими идеями, отрицательно влияют особенно на молодежь. Имеется много примеров, когда ученики в школах, которым надо писать сочинение на свободную тему, высказывают национал-сепаратистские идеи. Их потом читают вслух перед группами учеников.

Молодые литераторы идут на поводу у старых, которые побуждают их писать на национал-сепаратистские темы. Здесь выделяется литератор Эсад Мекули, главный редактор литературного журнала «Ета э ре». В этом журнале нередко случаи публикации сочинений сепаратистского содержания. Сам Мекули, помимо того что убеждает молодых литераторов писать произведения на такие темы, предупреждает их также, что они должны пристально следить за теми, с кем работают. Какие произведения публикуются в этом журнале, показывают следующие примеры. Было напечатано стихотворение одного молодого писателя под названием «Дорогая Метохия!». В стихотворении аллегориями говорится «о рабстве» албанцев в Космете. В связи с тем, что стихотворение пропитано враждебным содержанием, Меркули сказал автору, если тот понесет ответственность, защищаться тем, что мотив для стиха он взял из времен оккупации. Другой поэт опубликовал в этом журнале много стихотворений, в которых говорится, что Космет присоединится к Албании. В этих стихах можно прочи-

тать и такие строфы: «Не будет поздно для объединения двух частей сердца, хотя я, возможно, не доживу до этого дня». В стихотворении «Замороженная элегия» рассматривается вопрос выселения албанцев в Турцию, а песня написана акростихом, в которых первые буквы образуют предложение «Космет с этнологической точки зрения относится к Албании». Первые буквы другого стихотворения, написанной акростихом, образуют предложение в честь Адема Демачи. (Адем Демачи — один из молодых писателей в Приштине, сформировавший нелегальную организацию и три года назад осужденный на 5 лет тюрьмы строгого режима. Упомянув Адема Демачи, надо сказать, что это был молодой писатель, ярко выраженный сепаратист, который вокруг себя собирал молодежь, стараясь влиять на нее. Демачи продвигали, о нем в центральной прессе писали статьи как о перспективном писателе, вплоть до ареста. Когда он предстал перед судом, он выступил с очень дерзкой речью сепаратистского содержания, в которой среди прочего, несмотря на суд, сказал, что Космет снова будет в составе Албании.)

Писатель Шефчет Цахани написал драму, в которой представляет Чамил Бровину, бывшего подполковника ЮНА (Чамил из-за враждебной деятельности по линии ИБ пробыл в тюрьме 7 лет) как национального героя. Цахани передал драму Эсаду Мекули для ознакомления и публикации, с содержанием ознакомил и указанного выше Бровину, которому также сказал, что никогда не предаст албанский народ, так как любит свое отечество — Албанию, что будет подражать Чамилу и прочим албанским «революционерам», о которых их матери будут петь как о национальных героях.

Редколлегия журнала «Перпарими», возглавляющую которую д-р Идриз Айети и писатель Али Хадри, решила в будущем принимать все рукописи только на албанском языке и хочет прекратить практику принятия работ на сербскохорватском языке. Когда в редакции этого журнала состоялось совещание по вопросу награждения лучших работ, опубликованных в прошлом году журналом, рассматривался каждый человек в отдельности, а д-р Ходжа сказал: «К награде надо предложить как можно большее число людей, так как надо доить эту большую корову».

Д-р Марк Краснич направил журналу «Перпарими» письмо с требованием опубликовать его по случаю выхода в свет «Руководства по албанской истории». В этом письме Краснич осуждает Совет просвещения АННО, доверивший написание раздела о «Призренской лиге» д-ру Владимиру Стоянчевичу из Белграда. О нем он говорит, что тот злонамерен, тенденциозен и шовинист, ввиду чего не надо принимать его мнения и оценки Призренской лиги, а нужно внести исправления за период с 1869 по 1918 г. Письмо Краснича опубликовано с исправлениями Мекули Али Хадри, из него удалены отдельные положения, в которых, по словам Али Хадри, Марк Краснич выражает такие мысли, которые бы могли точно привести к возбуждению уголовного дела, если бы они опубликовали полный текст его письма. После публикации письма Краснича в журнале «Перпарими» с определенными исправлениями; он резко напал на Мекули и Али

Хадри и сказал, что он, как автор, не разрешал вносить исправления и готов отвечать за написанное им.

Приведем и несколько примеров, как выдающиеся интеллектуалы воздействуют на то, чтобы литература в Космете была адаптирована к албанской. Так, например, д-р Идриз Айети, декан кафедры философского факультета и председатель комиссии по орфографии, на четвертом совещании призывает остальных членов принять орфографию Албании. Объясняя свою позицию, он говорит: «Не могут существовать два языка и два народа. Так как речь идет об одном народе, он должен иметь единый язык. Мы не можем принять линию политиков. Им надо открыто и публично заявить, что мы албанцы и боремся за Албанию. В Албании больше условий для развития и сохранения культуры и языка. Поэтому у нас нет другого выбора, кроме Албании».

Чета Антон, ассистент на философском факультете, предупреждает, что надо заботиться о Космете, а албанцам ориентироваться на Албанию, так как они являются неотъемлемой частью этой нации, ввиду чего надо развивать албанскую литературу и изучать произведения албанских писателей.

Келменди Ахмед, журналист, с высшим образованием, у которого есть большое собрание албанской литературы со всеми произведениями Джержа Фишты, остальным интеллектуалам и работникам образования рекомендует закупить эту литературу через «Югославскую книгу». Они легально могут заказать все, что хотят, так как у «Югославской книги» нет данных о запрещенной литературе. Он полагает, что работники образования должны сыграть решающую роль в воспитании молодежи в средней школе и должны распространять любовь к Албании.

Совершенствованию новых интеллектуальных кадров не уделяется должного внимания. Плохо следят за тем, чтобы на обучение ездили политически благонадежные лица, которые не будут подвержены враждебной пропаганде. Есть ряд примеров назначения стипендии лицам с уголовной судимостью по причине враждебной деятельности и детям из семей выраженных врагов и т.п. Вот несколько таких случаев: национальный комитет муниципалитета Приштина дает стипендию Чунаку Мемета, осужденному в 1960 г. на 6 месяцев тюрьмы ввиду подрывной деятельности, а также Малеку Мемета, который тоже с Чунаку находился под арестом из-за подобной деятельности, Ждралу Рифату, осужденному по той же причине, Джему Рамадану, осужденному за правонарушение, связанное с попыткой бегства в Албанию. Дают стипендию и дочери Оргура Аята, известного преступника, которого наши органы ликвидировали после освобождения, дочери Хаина Салабана, также известного преступника, которую по завершении обучения освободили от всех обязательств. Также дают стипендию сыну Агаши Байрама, бывшего председателя исламского религиозного союза, который как враг был снят с этой должности.

Предприятие «Айвалия» выделяет стипендию Гаши Ибушу, отец которого был командиром добровольческой албанской полиции, а сам Ибуш входил в состав групп СС, а после войны вместе с отцом скрывался от за-

кона. В 1951 г. он был арестован из-за враждебной пропаганды. Комбинат «Косовские лигниты» выделяет стипендию Джакари Реджу, осужденному в 1956 г. за участие во враждебных организациях, а вся его семья во время войны была на стороне оккупантов.

Органы власти в Печи выделяли стипендию Беришу Зиму и Даци Наиму, происходящим из враждебных семей, а в середине этого года они сбежали в Албанию. Тот же случай и с Намиком Лацием, который тоже происходит из враждебной семьи и в середине этого года сбежал в Албанию. Затем стипендиат Хоти Бинака, писавший и распространявший листовки с подрывным содержанием.

НОО в Косовской Митровице выделил стипендию Асмети Зумеру Бечки, не скрывавшего свою деятельность (один его брат в 1952 г. сбежал в Албанию, его самого арестовали в этом году на границе при попытке бегства). Также получает стипендию Бешат Деву, отец которого во время оккупации был заместителем председателя муниципалитета, а после освобождения предстал перед судом. Был осужден и его брат за враждебную деятельность. Этот же комитет дает стипендию и Цигай Владимиру, отец которого во время оккупации был майором в рядах усташей, его расстреляли после освобождения, а также Зекиру Ермазу, осужденного ввиду враждебной деятельности.

В средних школах профессионального образования в момент поступления стараются, чтобы основная часть учеников была албанской национальности, около 70 % албанцев, а 30 % сербской и черногорской национальности. Чтобы достичь этого процента, от учеников сербской и черногорской национальности на момент поступления в эти школы требуются хорошие и отличные оценки в начальных школах, тогда как от учеников албанской национальности этого не требуется, хотя они идут в эту же школу. Ученики сербской и черногорской национальности, а также их родители открыто говорят, что если бы они были албанцами, то проблем с получением стипендии не было бы.

Приведем еще данные. В начале января 1962 г. наши органы в Косовской Митровице арестовали 6 учеников средних школ. Двое из них писали в школе надписи: «Да здравствует Энвер Ходжа!», «Да здравствует Мехмед Шеху!», «Да здравствует Албания!», «Да здравствует 28 ноября – День албанского флага!» и пр. (один из них разорвал плакаты, развешенные по школе, на которых было написано «Да здравствует товарищ Тито!», а трое арестованы при попытке бегства в Албанию). Все 6 арестованных получали стипендию.

Отрицательные явления в среде должностных лиц в государственных и партийных органах

Отдельные лица, работающие в указанных органах, злоупотребляют своими полномочиями, осуществляют незаконные действия, такие как

протекционизм, взяточничество, шовинизм, есть случаи шантажа отдельных рабочих и служащих. Присваивается государственное имущество и прочее. Такие явления чаще всего встречаются в местных органах власти, они перерастают в серьезную политическую проблему.

В некоторых районах, например в Пече, муниципальный комитет провел ряд совещаний (которые продолжались по несколько часов), на которых рассматривалось, «правильно» ли распределены руководящие места в органах власти и хозяйственных предприятиях среди албанских кадров, с одной стороны, и лиц сербской и черногорской национальности, с другой стороны, в процентном соотношении к численности населения. Такая политика приводит к тому, что в некоторых местах с различных должностей снимаются политически корректные и квалифицированные кадры, а на их места назначают лица без квалификации и практики. Вот несколько показательных примеров. В муниципалитете Глоговац сменили секретаря, хотя он соответствовал занимаемой им должности, ввиду того, что по национальности он серб, а на его место назначили лицо албанской национальности, без квалификации, судимого за враждебную деятельность по линии ИБ (Информбюро).

В общине Дечаны с должности судьи по административным правонарушениям снят Шолевич Милош (один из лучших судей в области), а на его место назначено лицо албанской национальности, без образования, во время войны входившее в состав бригад СС. Когда некоторые члены комитета возмутились, председатель муниципалитета сказал им: «И у Тито нет особого образования, но он президент республики». На замечание референта по правовым вопросам о том, что решение незаконно, ответил секретарь по организационным вопросам муниципального комитета: «Мы не можем здесь соблюдать закон, так как обстоятельства на Космете другие. На территории общины большинство населения албанской национальности и судьи по административным правонарушениям должны быть с ними одной национальности».

В Областном исполнительном совете руководителем Комиссии по служебным вопросам является Соколь Доброши, ярый националист, сотрудничавший во время войны с оккупантами.

В Приштине начальником Бюро занятости назначен Исен Краснич, который до 1950 г. был лишен права голоса, абсолютный шовинист, открыто помогавший при трудоустройстве только лицам албанской национальности, а часто — и враждебно настроенным элементам. (Есть серьезные показания о том, что он принимает и взятки.)

В Приштине в Фонде социального страхования трудоустроено самое большое число враждебно настроенных лиц. Начальник отдела по пенсиям Краснич Ляич выдал 45 решений, на основании которых назначается пенсия враждебным элементам, на которую у них нет никаких прав, в связи с чем Областной фонд был вынужден аннулировать эти решения. В этом же фонде враждебные элементы продвигает и Теки Фуля. Краснич после войны был осужден на 20 лет колонии строгого режима из-за сотрудничества с оккупантами.

В селе Саварове (Сува Река) руководителем колхоза был назначен Байра Ука, совершивший во время войны много убийств. Сегодня он также ведет себя враждебно. В этом же муниципалитете начальником Отдела по общим вопросам назначен Кучи Бечир, который во время войны, как и вся его семья, помогал оккупантам, а личным референтом назначен Весель Джемо, бывший член нелегальной организации, в доме которого скрывались преступники.

В Печи членом муниципального комитета выбран Масер Беча, контролируемый нашими органами, так как есть сомнение, что он работает на албанскую разведку. Один его брат сбежал в Албанию, откуда несколько раз приезжал в качестве диверсанта (есть показания, что он поддерживал связи с Веней). Второй его брат осужден за участие в нелегальной организации. Сам Беча, трудоустроенный на фабрику кожи (выбран председателем совета директоров), пытается трудоустроить как можно больше своих пособников (сейчас он трудоустроил 10 бывших сталинистов и свыше 20 других враждебных элементов).

На фабрике кожи и обуви в Пече секретарь комиссии по трудоустройству и увольнению рабочих и служащих Рагим Хуста старался в прошлом году (когда было уволено 190 рабочих и служащих), чтобы по большей части увольняемые лица были сербами и черногорцами. Сразу после этого трудоустроено 60 новых рабочих, из которых 50 было албанской национальности.

Должность заместителя директора на недавно построенном сахарном заводе в Печи занимает Медрези Салко, фактически руководящий заводом. Он открыто выражает националистические взгляды. Много раз он говорил: «Я — великий албанец — Салко Медрези, на моих глазах никто не смеет обидеть албанца». На завод он трудоустроил много враждебно настроенных элементов: Рустема Шалю, известного по сотрудничеству с оккупантами, Яшара Алию, недавно вышедшего из тюрьмы, Чамбека Ибрахима, приговоренного за враждебную деятельность к 15 годам колонии строгого режима, Даутая Хасана, осужденного за враждебную деятельность на 3 года, а также большое число преступников и других отрицательных элементов.

О каком человеке идет речь, говорит и следующий пример. В прошлом году наши органы арестовали и передали суду Садри Шаля, не скрывавшего своей враждебной деятельности. Шаля осужден за эту деятельность на 5 лет колонии строгого режима. Во время суда Шаля заявил, что его враждебной деятельности способствовал и упомянутый выше Салко Медрези. В зале суда присутствовало много граждан, среди которых был и Алиа Яшар, бывший баллист, который после вынесения приговора воскликнул: «Это несправедливо». После суда Салко сразу же трудоустроил Яшара на завод. Когда упомянутый Шаля был задержан, Салко на встрече с начальником отдела полиции в Печи сказал, что им не надо было арестовывать Шаля, так как это честный человек и хороший коммунист, которого он хорошо знает.

В наши органы приходили несколько уважаемых граждан и жаловались, что Салко нападает на них и называет шпионами КГБ из-за того, что они поддерживают дружбу с некоторыми нашими органами. Для него является характерным случай трудоустройства рабочего Гани Мухаджера, который как молодой человек пришел в один из наших органов с просьбой трудоустроить его где-нибудь. Его послали к директору службы занятости Авдуль Бруляи, который дал ему направление на сахарный завод, где тот был сразу же трудоустроен. Однако по прошествии нескольких дней Рустен Шаля спросил этого рабочего, кто помог ему трудоустроиться на сахарный завод. Когда ему рабочий ответил, что попросил одного друга, работающего в КГБ, оказать ему помощь в Службе занятости. Сразу после этого Салко Медрези написал приказ об увольнении и вручил его этому рабочему, сказав при этом: «У нас для тебя нет места, иди работать в КГБ».

Вот еще несколько примеров об отрицательных явлениях в организациях СКЮ.

В селе Барани был исключен из членства в СКЮ и снят с должности Майо Божович (активный участник НОБ — офицер запаса), якобы из-за национализма. Майо пожаловался в Областной комитет СК. Председатель контрольной комиссии Областного комитета СК пришел проверить, что случилось. Комиссия установила, что Божович был наказан неправомерно, обвинения против него были выдуманы по шовинистическим соображениям, после этого с него было снято наказание.

В селе Фирза (Джаковица) 23.08 с.г. покончил с собой Джекич Милош, отец четверых детей. Джекич оставил два письма: одно адресовано Центральному комитету СКЮ, а второе — в первичную организацию, в которых он указывает, что самоубийство совершил из-за неправильного исключения из СКЮ, призывая членов СК в будущем так не обращаться с людьми. На самом деле Джекич был исключен потому, что продал один участок луга, купленный ранее у колхоза, когда тот был расформирован. Эту землю он купил за 12 000 динаров, а продал другому лицу за большие деньги.

Джекич во время войны был в плену. После войны он активно трудился, в 1947 г. его кандидатура отправлена для принятия в члены Союза коммунистов, а в 1948 г. он был туда принят. В связи с тем, что его дом находится вблизи албанской границы, он несколько раз участвовал в поимке лиц, бежавших в Албанию. Он сам со своей семьей поймал 21 перебежчика (в его организации было 28 членов СК, из которых 22 — албанской и 6 — сербской и черногорской национальности). На партийном собрании все члены СКЮ албанской национальности проголосовали за его исключение, а остальные — против. После его смерти жители сербской и черногорской национальности открыто говорили, что на них оказывается давление в целях выселения из Космета, а Джекич был исключен по шовинистическим соображениям, ввиду чего и покончил с собой. После этого случая два брата Джекича переселились на территорию НР Черногория, а все остальные семьи сербской и черногорской национальности готовятся к переселению.

В последнее время было много случаев, которые показывают, что в некоторых партийных организациях, даже в муниципальных комитетах, в ходе принятия решений по различным вопросам, партийные организации разделяются по национальности, в открытую высказываются шовинистические положения.

В муниципальном комитете в Орланах члены комитета шиптарской национальности по отдельным вопросам занимают одну позицию, тогда как члены комитета сербской и черногорской национальностей — другую позицию.

В муниципалитете Печь, где больше членов сербской и черногорской национальностей, открыто обсуждают проявления шовинизма. В начале января 1962 г. из этого муниципалитета группа старых членов СКЮ готовила жалобу в Областной комитет СКЮ на шовинистические поступки и ошибки в работе муниципального комитета.

Морина Хадия, учительница в гимназии в Косовской Митровице, член Областного комитета, спросила одного из учеников, кто он по национальности. Ученик сказал ей, что он албанец, на что она ответила: «Почему ты сказал мне вчера “Добрый день” на сербском языке. Больше так не делай».

Давление враждебных элементов на лиц, активно помогающих власти

Ранее мы затронули темы некоторых видов давления, оказываемого на шовинистической основе. Здесь мы расскажем о давлении, оказываемом на самых активных членов СКЮ по селам, начиная с неприкрытых угроз и заканчивая физической расправой. В соответствии с вышесказанным отмечено, что враждебные элементы в последнее время осмелели, стали дерзкими в целях устрашения самых активных членов СКЮ, парализовали их работу и перешли к воздействию на сельских жителей. Мы бы хотели рассказать о давлении на сербское и черногорское население, осуществляемом в целях устрашения и выселения с этой территории. В этом разделе мы приведем самые ужасные примеры событий, случившихся в последнее время, в отношении граждан, соблюдающих правопорядок.

В Приштине 14.02.1961 г. в базарный день (на рынке) был убит Краснич Рамиз. Его убил 16-летний сын известного баллиста из этих краев Придворца Муслия, которого наши отряды ликвидировали. Краснич был убит из-за того, что помог нашим отрядам ликвидировать упомянутого баллиста. Его сына, убившего Краснича, убедили сделать это люди, поддерживающие враждебную властям политику.

В селе Грлани 22.09 прошлого года в ярмарочный день убит Радойкович Душан несовершеннолетним Маколи Аземом. Азам совершил убийство из-за того, что в 1946 г. нашими отрядами был убит его дед Брахим, предводитель одной группы баллистов, когда выходил из дома Радойковича. Совершить преступление Азема убеждала семья, обвинявшая убитого

Радойковича в том, что он сообщил нашим отрядам место, в котором находится группа баллистов.

В прошлом году в Стубле (Гнилане) убит секретарь партийной организации. Преступника, убившего секретаря, убедил жупник Доминик Рамая, потому что секретарь открыто критиковал враждебную деятельность упомянутого жупника.

В селе Влашни (Призрен) убит секретарь местной партийной организации Зумбером Джафером, враждебно настроенным элементом и пособником диверсионных банд, приезжавших из Албании.

В селе Кайдрак два враждебно настроенных лица напали на Тафила Алили и избили секретаря партийной организации.

В селе Грайковац два враждебно настроенных лица совершили физическую расправу над Ука Имером, одним из членов муниципального комитета.

В селе Джиновце совершено нападение на секретаря партийной организации Оса Исена из-за того, что на собрании он в открытую критиковал враждебную работу некоторых лиц из этого села.

В селе Зрзе подвергся физическому нападению Краснич Джелядин, самый активный член СКЮ. Нападение совершил Периша Соколя из-за того, что Краснич критиковал враждебную работу осужденного Шеха Мудядина. Периша осужден на три месяца тюремного заключения.

В селе Янево враждебные элементы открыто угрожали бывшему командиру станции народной милиции пенсионеру Рахмо Рахмонаю из-за того, что он участвовал в ликвидации банд баллистов.

В селе Растковац, брат лица, осужденного за помощь албанской разведке, угрожает ликвидацией члену муниципального комитета из-за того, что на суде он давал показания против его брата.

В селе Ливоч подвергся физическому нападению, получил ножевое ранение Исмаляй Зеч из-за того, что на суде давал показания против враждебной деятельности других лиц.

В Дренице много лет председателем муниципального национального комитета был Тафир Цена, который совместно с нашими отрядами после войны участвовал в преследовании банд баллистов, из-за чего сейчас подвергается издевательствам и гонению. После снятия с этой должности он был назначен служащим в муниципалитете, потом обычным рабочим на одном из предприятий, тогда как его место занял человек, активно боровшийся во время войны против НОП (народно-освободительное движение). Когда Тафир пожаловался местным властям на отношение к нему, ему в ироническом тоне ответили: «Иди в КГБ, пусть они тебе помогут».

В Косовской Каменице начальник Отдела по социальным службам тенденциозно переводит одного учителя в отдаленное село по той причине, что тот на суде выступал свидетелем по делу группы враждебных лиц, состоящих в нелегальной организации, а сам начальник был членом этой организации.

Один учитель в Србице организовал группу крестьян для публичной критики двух других учителей, которые на суде выступали свидетелями по враждебной деятельности осужденного Байрама Гаши.

Помимо такого давления надо отметить еще достаточно много явлений, когда чаще трудоустраивали враждебные элементы и лиц, возвратившихся после отбытия наказания (за подрывную деятельность), чем политически корректных и преданных властям лиц.

IV. ДАВЛЕНИЕ НА ЖИТЕЛЕЙ СЕРБСКОЙ И ЧЕРНОГОРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ С ЦЕЛЮ ВЫСЕЛЕНИЯ ИЗ КОСОВО И МЕЛОХИИ

Сразу оговоримся, что у нас нет полного обзора того, сколько лиц сербской и черногорской национальности покинуло Космет за последнее время. Однако остается фактом, что население этих национальностей постоянно переезжает — по большей части из-за оказываемого на них давления, что говорит о серьезной политической проблеме.

В селах, где вместе проживают представители сербской, черногорской и албанской национальностей, шовинизм постоянно растет. В большинстве населенных пунктов албанского населения больше, в связи с чем физическое давление и другие издевательства осуществляют представители этой национальности в отношении национального меньшинства.

Давление оказывается в различных формах, начиная с постоянных угроз — психического давления, заканчивая физическими расправами, преднамеренным уничтожением имущества, незаконным захватом недвижимости и пр. Давление оказывается и на лиц албанской национальности, которые хотят купить недвижимость у лиц сербской и черногорской национальностей, с тенденцией заставить последних продать недвижимость за бесценок тем лицам, которые оказывают на них давление. Как далеко они продвинулись в этом и как укрепились лица, осуществляющие насилие, лучше всего покажет пример давления, оказываемого на семьи лиц, служащих в отделениях внутренних дел на территории Космета, а также на семьи служащих офицеров ЮНА.

Основное ядро, переселившееся в Космет после Первой мировой войны, было изгнано с этих территорий в 1941 г. После войны примерно две трети уехавших семей не вернулись на эти территории.

Определенному числу вернувшихся лиц не возвращена земля, которая была в их собственности до войны. Взамен им дана целина, в связи с чем они оказались в тяжелой экономической ситуации.

На вернувшихся лиц оказывается давление, им угрожают (им говорят, что Космет скоро будет присоединен к Албании, а для сербов и черногорцев снова наступит 1941 г., когда все будут истреблены), а также пускают им скот в поля, чтобы уничтожить урожай, вырубает лес, фруктовые сады, виноградники, запрещают пользоваться грунтовыми до-

рогами, перепахивают межи, закрывают приток воды в мелиоративных каналах, запрещают выпускать скот на луга. Были случаи загрязнения питьевой воды в колодцах, закрывались места водопоя животных, запрещалось молодежи петь песни на сербском языке рядом с домами лиц албанской национальности, осуществлялись нападения и изнасилования девушек и пр. Характерно, что в последнее время в большинстве случаев давление оказывали несовершеннолетние лица (от 14 до 19 лет), которых подталкивали к этому родители, чтобы самим избежать уголовной ответственности.

За последние два года с этих территорий, согласно неполным данным, выселилось свыше 500 семей сербской и черногорской национальностей. Только с территории, подведомственной отделению Гнилане, выехало 117 семей (намного больше готовятся к выселению). С территории, подведомственной отделению Печ, на сегодняшний день выселилось 356 семей, из которых с территории НОО Исток – 121 семья. Самое сильное давление оказывается на население территорий муниципалитетов Подуево, Дреница и Джаковица. За последние годы из многих деревень с территории Дреницы выехали все семьи. Ситуация на территории бывшего района Джаковица видна на основании следующих данных. До войны на территории этого района жило примерно 4500 семей переселенцев. Сегодня их около 300, из которых 80 % готовится к переезду и, вероятно, в течение следующего года все выселятся.

Укажем еще ряд примеров, из которых видно, какой вид давления и в какой форме оказывается на переселенцев.

Из деревни Оленовац выехал Петрович Коста по той причине, что ему мешали пользоваться питьевой водой, запрещали ходить по сельской дороге и постоянно портили поля.

Из той же деревни уехал Йованович Драголюб, так как ему постоянно наносили ущерб на полях, оказывали давление на семью (пытались изнасиловать жену) и пр. В этой же деревне Рамон и Фета Баша распахали сербское кладбище.

Из села Корените уехал Станко Паунович, так как Авдуль Велия и Денун запретили ему пользоваться сельской дорогой. Паунович по указанному случаю подал иск в суд, принявший решение об открытии дороги, после чего Денун и Велия стали угрожать Пауновичу, что убьют его, поэтому он и вынужден был уехать.

В этом же селе Иса Чазим и Ахмет Дураку установили ворота на сельской дороге, закрыли их, чтобы нельзя было проехать в направлении деревни, где живут семьи сербской национальности (это единственная дорога до деревни, она была открыта только по решению суда). Из этого села на данный момент выселилось большинство семей переселенцев ввиду оказываемого на них давления.

В селе Влашни Весаль Вебия и его семья ежедневно оказывали давление на Миленковича Саву, уничтожали его виноград, сад, лес и посевы на полях. Когда Миленкович уехал, Вебия присвоил себе его сад без какой-

либо компенсации. Они же оказывают давление и на Николу Русимовича. В прошлом году он выгрузил кучу камней в его сад. Когда Русимович спросил, почему он это сделал, Вебия потребовал, чтобы Русимович продал ему участок. Он согласился, но при этом Вебия установил и цену, по которой Русимович должен продать ему участок.

Из села Великенца выселился Яшович Милия. Яшовича притеснял Идриз Рамадан. Однажды Яшович попытался выгнать со своего имения скот Идриза, но при этом на него напал Идриз и его сыновья. Яшович после этого происшествия подал иск, но проиграл процесс, так как все свидетели албанской национальности дали показания в защиту Идриза, поэтому Яшович по минимальной заниженной цене должен был продать имение и уехать.

Клякич Идриз, из Коморана, потребовал от Лазара Грубора, в присутствии остальных членов семьи, продать ему вместе с имением жену и девочку-подростка, так как они «привыкли» жить в этом доме, а у него достаточно денег, чтобы купить и их.

Смаиль Дут, лесник из Чикатова, подошел к переселенцу Стойничу Йове и удивился, почему тот еще не уехал, сказав при этом, что лучше всего, если он сделает это как можно быстрее, потому что позже будет поздно или ему придется «надеть белую шапочку-феску».

15 августа 1961 г. Келменди Раждия и Ука Беха вторглись в сад Савича Спасоя, начали валить деревья. За сопротивление упомянутые лица избили его. Это заметил его сосед Джинджич Милорад и пошел к пункту народной милиции просить помощи. Заметив, что Джинджич идет к пункту НМ сообщить об их поведении, они перегородили ему дорогу, избили и, пригрозив, запретили ему сообщать о них на пункте народной милиции. (Беха получил 12 дней тюрьмы.)

Бериша Рахман напал на патруль НМ с криком: «Все вы, милиционеры, бандиты. Чего вы хотите?» Он сказал, что сербам, которые работают у него на молотилке, даст только кусок хлеба, чтобы те могли выжить, а коммунистам не даст ни крошки хлеба. (Осужден на 30 дней тюрьмы судьей по правонарушениям.)

Сыновья Печара Садика из Светле трижды поджигали жнивье вблизи дома Голубович Каты, намереваясь поджечь и ее дом. Когда она попросила Печара повлиять на своих сыновей, на нее напали.

25 августа 1961 г. Пляколи Реджеп и его брат напали на Бубала Илию, потому что он выгнал из своей кукурузы их скот. Бубало так избили, что ему пришлось вызвать скорую помощь, ему были нанесены тяжкие телесные повреждения. Позже поступила угроза, что он должен уехать как можно быстрее.

Такой же случай произошел и с Тодором Здравковичем, на которого напал Реджеп Сагоев из-за того, что Тодор выгнал его скот со своего поля, угрожал ему, требуя как можно быстрее уехать.

29 августа 1961 г. Исуф Байрама Селим попытался изнасиловать 13-летнюю девочку Любинку Гашич. (Получил 30 дней тюрьмы.)

В этот же день Караиман Шабан напал и побил Ягоду Ристича. «Вас, сербов, мы прогоним в Сербию, — кричал он, пока бил Ягоду. — Здесь вам не место. Не захотите по-хорошему — будет по-плохому». (Получил 30 дней тюрьмы.)

Плякич Иляз из села Летанце напал и побил дочь Богавца Борислава, потому что та отогнала его скот от своего урожая. Она получила тяжелые травмы и была госпитализирована. Женщина подала иск в суд, но с мая до сегодняшнего дня Плякич не был приглашен даже на допрос.

Еюп Нуда из села Главника пришел вырубать вербы в имении Добросавы Симица. Когда он спросил его, что тот делает, Еюп напал на него, принуждая Добросаву как можно быстрее уехать. На дочь Симица тоже напали и попытались изнасиловать ее.

К Радисаву Стефановичу из Доброго Дола пришел Люта Хаин и потребовал продать ему поле, потому что он, как и все сербы, должен уехать.

В середине декабря 1961 г. переселенец Мердович Малиша из села Джоль (Джаковица) пошел рубить дрова в свой лес и застал там Бежи Хамона Пашо, рубящего дрова. Малиша предупредил его, что это его лес и он не может здесь рубить дрова: «Это не оккупация и не 1941 год». По словам Малиши, после этого Пашо напал на него с топором с криком: «Для меня это 1941 год». Малиша убежал из своего леса, пошел домой, погрузил в машину все свое движимое имущество и семью, привез их в Джаковицу, остановился у муниципального комитета, а секретарю комитета сказал, что на него оказывается такое давление, что жизнь в деревне стала невыносимой, из-за чего он вынужден выселиться с семьей. После этого секретарь комитета направил трех членов комитета в указанное село оказать воздействие, чтобы Мердовича больше не притесняли, после чего Мердович вернулся в деревню.

На жителей сербской и черногорской национальностей оказывается давление и распространяется шовинизм: группы албанской молодежи ночью ходят по кладбищам, на которых ломают и уничтожают надгробные памятники.

Такие примеры носят массовый характер. В наши органы ежедневно поступают жалобы, в которых переселенцы требуют защиты, указывая при этом, что их свобода ограничена и они не могут беспрепятственно пользоваться своим имуществом.

В эти вопросы в основном вмешиваются только наши органы, подающие против нарушителей заявления в суды по административным правонарушениям, которые выносят решение об их задержании под стражей от 10 до 30 дней. Такие ограниченные меры, которые, по сути, сводятся к вмешательству органов НМ после совершения преступления, приводят к тому, что давление на переселенцев и их выселение с территории Космета постоянно растет.

Лучше всего рост количества случаев выселения сербского и черногорского населения с территории Космета подтверждают статистические данные переписи населения. Если мы сравним эти данные переписи на-

селения 1953 г. и данные 1961 г., то станет видно, что в некоторых муниципалитетах, где оказывается максимальное давление на население сербской и черногорской национальностей, сегодня его еще меньше, чем в 1953 г.

V. РЕАКЦИЯ НА КОНФЛИКТ СССР – АЛБАНИЯ

Выше мы отметили, что национал-сепаратистские элементы, когда речь идет о присоединении Космета к Албании, объединяются и действуют совместно, несмотря на их политические взгляды. Такой позиции они придерживаются и в связи с последними событиями в Албании, то есть по вопросу конфликта между Албанией и СССР. Большинство таких элементов довольны тем, что прекратились отношения между Албанией и СССР. По их мнению, данный разрыв отношений произошел потому, что СССР не захотел нападать на Югославию, славянскую страну, и помогать Албании в ее стремлении присоединить Космет. Это сейчас делает Китай. Далее они призывают к объединению и оказанию поддержки албанскому руководству. Приведем комментарии по данному вопросу.

Краснич Марк, доктор философских наук, заместитель декана экономического факультета в Приштине: «Я был уверен, что нет расхождений между СССР и Албанией, так как предполагал, что такие новости брали из югославских источников и им нельзя верить. Сейчас все понятно. Мы должны поддержать Албанию, и сейчас недоразумения по вопросу идеологии недопустимы».

Али Хадри, директор журнала «Перпарими», литератор и внештатный профессор Высшей школы управления в Приштине, говорит: «Хрущев напал на Энвера, так как его действительно критиковала супруга Энвера на одном из митингов в Албании и назвала его ведущим ревизионистом. Все это печально, и нас беспокоит сложившаяся ситуация, так как ставит под вопрос дальнейшее развитие Албании».

Насер Муртезай, редактор газеты «Рилиндия», заявляет: «Энвер очень популярен в народной среде. Он важен и значим для рабочих Албании и для всех тех, кто чувствует себя албанцами. Шеху – второстепенная личность, но следует сразу после Энвера».

Али Реджа, журналист газеты «Рилиндия», с высшим образованием: «Я со вниманием слежу за событиями в Албании. Эта ситуация заставляет беспокоиться. Мне искренне жаль, что это случилось, а Албания впала в немилость. Сейчас мы можем рассчитывать только на помощь китайцев».

Келменди Ахмед, журналист, с высшим образованием: «Спор между Албанией и СССР произошел из-за того, что русские пообещали албанцам помочь в ее требовании присоединить Космет. Но ввиду того, что они не оказали ее, это и случилось. Югославия намеревалась подчинить Албанию в первые дни после освобождения, когда она активно помогала албанцам

морально и материально, но это было задумано для того, чтобы привязать ее к себе и превратить в одну из своих республик».

Джелядин Деда, врач в Приштине: «Ситуация мучительная и напряженная. Нападения резкие, а Албания в безвыходном положении, которое очень печально, так как она изолирована. Вопрос, сможет ли она устоять». Его жена открыто заявляет о своей приверженности Албании и без стеснений обсуждает данный вопрос.

Рамадан Джема, студент медицинского факультета, говорит: «Желательно, чтобы как можно большее количество людей выехало в Албанию и оттуда работало над присоединением Космета к Албании. Каналы уже налажены, даже если выезжать в западные страны, можно беспрепятственно перебраться в Албанию. Албания всеми силами сейчас борется за освобождение албанцев в Космете. Во всех крупных городах образованы центры по организации восстания. Эти центры в основном работают как разведка. Восстание произойдет, а Космет будет присоединен к Албании. Надо побуждать людей сделать это, будет достаточно одного ружейного выстрела, который ознаменует восстание, и весь албанский народ поддержит его. Нам не надо никакого оружия, мы разберемся с сербами с помощью вил и тяпок, искореним их за очень короткий срок, как Эйхман с евреями. Не проблема поднять албанский народ на восстание в борьбе против сербов, так как они ненавидят их, как и другие народы Югославии. Сербов терпеть не могут хорваты, словенцы и македонцы. Ждем того дня, когда станет известно, что будет с Югославией. Македония сразу же присоединится к Болгарии, Воеводина — к Венгрии, и Сербия навсегда исчезнет. В этой борьбе все коммунисты и албанцы будут на нашей стороне. Нас, албанцев, никто не обманет. Нас обманули в прошлой революции, так как Космет обещали отдать Албании, но это было ошибочно, поэтому и был убит Миладин Попович, так как был одним из виновных в этом обмане. То, что сегодня есть у албанского народа, он получил исключительно благодаря давлению, оказываемому Албанией. В сложившейся ситуации не надо бояться, что произошло столкновение между Албанией и СССР, так как Китай на стороне Албании. Это крупнейшая страна мира, она морально и материально поддерживает Албанию. Столкновение произошло потому, что СССР не выполнил данное обещание присоединить Космет к Албании. Албанское руководство больше не могло терпеть это, и поэтому произошло столкновение, но албанские руководители стали решительными и последовательными в своих действиях. Они не откажутся от своего намерения».

Эсад Мекули, писатель из Приштины, говорит: «Нападки Хрущева на Албанию представляют угрозу, которую Запад может использовать в целях пропаганды, но не исключено, что Энвер сейчас, так как оказался в изоляции, сблизится Западом».

Еха Брдунай, начальник основной школы в Доброй Воде, регулярно слушает передачи радиостанции «Тирана» и в одном из комментариев говорит: «Спор между русскими и Албанией произошел потому, что русские

не захотели помочь Албании в борьбе за присоединение Космета, а поддерживали позицию Югославии. Только современное албанское руководство могло воспротивиться русским, и мы вместе с ним должны вместе бороться за свою независимость».

Эльшан Рамо, фермер из Стреоца, заявляет: «Пока не ухудшились отношения между Югославией и Албанией, нас постоянно мучили. Позднее, под давлением Энвера Ходжи, наше состояние улучшилось, и сегодня мы живем лучше. Энвер Ходжа — выдающийся политик, и сегодня, когда ухудшились отношения между СССР и Албанией, мы, албанцы в Космете, можем ждать только улучшения ситуации. Мы должны объединиться и оказать поддержку Энверу. Если он проиграет, то и мы пропадем. Необходимо следить за тем, чтобы мы хорошо работали. Если кто-то попадет в беду, должен сразу же ехать в Албанию, так как это наша мать».

Барьяктари Курта из села Радавца (Печ) говорит: «Албания испортила отношения с СССР, так как СССР не захотел помочь по вопросу присоединения Космета к Албании, в этом им поможет Китай». Он же выразил удовлетворение тем, что албанцы приговорили к смертной казни их адмирала Теми Сейку и остальных, и продолжил: «Эти лица в Албании приговорены к смерти, так как вредили всему албанскому народу. Они были связаны с Югославией и работали по ее указке».

Одна группа сельских жителей из села Истинич, комментируя прекращение отношений между Албанией и СССР, говорит: «Прекращение отношений между Албанией и СССР обусловлено тем, что русские не сдержали обещание, данное Албании в связи с помощью в борьбе за присоединение Космета, что делают сейчас китайцы. Русские отказались помочь в этом Албании, так как СССР и Югославия — славянские страны».

Очень много комментариев похожего содержания.

VI. РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕРБСКОЙ И ЧЕРНОГОРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ НА НАЦИОНАЛ-СЕПАРАТИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

В данной области сегодня проживает 265 000 жителей сербской и черногорской национальностей, или 27,7 %. За последние годы органы власти проводят активную политику, в соответствии с которой как можно большее число кадров албанской национальности должно получить образование и пройти подготовку, что отчасти осуществляется за счет сербов и черногорцев. То есть у лиц албанской национальности больше привилегий, условия обучения и трудоустройства более благоприятные. Ввиду такой ситуации население сербской и черногорской национальностей чувствует себя как меньшинство, которое находится в неравноправном положении по сравнению с албанским населением, это приводит к открытому противостоянию.

Одна из важных причин, побуждающая население сербской и черногорской национальностей и служащая моральным оправданием для открытого недовольства, обусловлена тем, что в прошлой войне население этих национальностей (количество жителей в процентном соотношении) более массово участвовало в национально-освободительном движении (примерно 90 % участников НОД с территории области были из числа лиц сербской и черногорской национальностей). После войны лица этих национальностей стали основой для создания власти и строительства страны, из их числа набиралось наибольшее количество кадров. Известно, что после войны среди населения албанской национальности было обнаружено и предстало перед судом большое количество лиц, групп и нелегальных организаций, осуществлявших враждебные действия и активно боровшихся с имеющимся социальным порядком. В целом население сербской и черногорской национальностей, проживающее сейчас на территории этой области, политически находится на более высоких позициях, в связи с чем они более лояльны существующему социальному порядку.

В последние годы проводимая органами власти политика направлена на развитие кадров албанской национальности, количество сотрудников и руководителей во всех общественных, хозяйственных и государственных организациях определяется пропорционально количеству населения. Что приводит к тому, что населению этих национальностей трудно объяснить правильность применяемых мер. Есть примеры назначений на отдельные должности лиц албанской национальности (часто проблемных по политической линии), а с этих должностей снимаются лица сербской и черногорской национальностей. Имеется большое количество случаев выделения стипендий лицам с судимостью по уголовным статьям или лицам из враждебных семей, а лица сербской и черногорской национальностей из политически лояльных и заслуженных семей, родители которых активно участвовали в НОБ, не могут получить стипендии.

Выше мы указали, насколько массово выражается давление на население сербской и черногорской национальностей в целях вынудить к выселению с этой территории. Особенно отметим, что сегодня среди населения этих национальностей преобладает такое настроение, чтобы максимальное количество людей выселилось в кратчайшие сроки. Они требуют, чтобы не оказывалось давление и на лиц албанской национальности, которым бы они могли продать свою недвижимость. Это давление оказывается для того, чтобы люди выселились без какой-либо компенсации за свое имущество.

В среде сербов и черногорцев сегодня широко обсуждается выселение с этой территории в другие концы нашей страны, что приводит к возникновению серьезных политических проблем в отдельных местах. Все это приводит к тому, что многие не понимают осуществляемых мер, вызывающих у них растерянность и негодование. Это происходит и с определенным числом членов Союза коммунистов, даже с теми, которые считаются еще более ярыми коммунистами.

Необходимо отметить, что в последнее время растут шовинизм и национальная нетерпимость. Все больше случаев разделения мнений и в среде членов СКЮ по национальностям, среди которых также все реже встречаются примеры братства и единства, а все больше — различных проявлений националистических издевательств и шовинистических выхо-

Статистический обзор преследуемых по политическим обвинениям

	В 1960 году	В 1961 году
Выявлено нелегальных организаций	5	11
Арестовано и предстало перед судом	60	123
Наложено административный штраф	218	282
Сбежало в Албанию	36	55
Арестовано при попытке бегства	112	124
Национальная структура		
<i>Арестовано и предстало перед судом:</i>		
албанцев	42	108
сербов и черногорцев	18	10
прочих	5	
<i>Наложено административный штраф на:</i>		
албанцев	166	222
сербов и черногорцев	45	48
прочих	7	12
<i>Сбежало в Албанию:</i>		
албанцев	28	55
сербов и черногорцев	3	2
прочих	5	
<i>Попыталось сбежать:</i>		
албанцев	110	167
сербов и черногорцев	4	5

ИСТОЧНИКИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРАЖДЕБНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Вся националистическая и сепаратистская деятельность в Космете показывает, что имеются различные факторы, обстоятельства и причины, обуславливающие эти явления, определяющие методы и формы враждебной деятельности, а также воздействующие на их интенсивность.

Одним из самых существенных факторов, влияющих на рост национализма и сепаратизма, является деятельность внешних и внутренних врагов, враждебная и провокационная политика албанского правительства в отношении нашей страны, открытое поднятие вопросов албанского национального меньшинства в Югославии. Враждебная пропаганда на радиостанциях и в печати не уменьшается, активная подрывная деятельность диверсантов, шпионов — все это существенный фактор возникновения и укрепления национализма и сепаратизма в Космете. Помимо деятельности Албании, в Космете по разным каналам действуют и различные эмигрантские центры с Запада. В публикациях этих центров открыто выражается основная политическая платформа: прежде всего — создать «Великую Албанию», а затем легко расправиться с режимом Энвера Ходжи. Эти эмигрантские центры и их связи в Космете используют и разведывательные службы западных стран как в целях оповещения о ситуации в Албании, так и ради создания позиций для активного вмешательства и оказания политического влияния на Албанию.

Лица, осуществляющие эти действия изнутри, являются главными вдохновителями сепаратизма, а также врагами нашего общественного порядка и социализма в целом. Многих из них на эти действия побуждает в первую очередь ненависть к социализму и стремление ликвидировать нашу систему социалистической демократии. Стремление к присоединению к Албании — самое удобное прикрытие для этих антисоциалистических целей. Для бывших пособников оккупантов, баллистов, знаменосцев, шейхов, так называемых «видных людей», продававших албанцев любому, кто платил, от режима бывшей Югославии до итальянских и немецких оккупантов, основным мотивом в современной деятельности является разрушение социализма и надежда, что в «Великой Албании» будет легче вернуть их бывшие позиции. Для лиц, поддержавших резолюцию Информбюро, бюрократизированных ограниченных людей, недоученных интеллектуалов и чиновников, всех тех, кто недоволен своим положением, режим в Албании, конечно же, выглядит более притягательным, чем наша система социалистической демократии.

Действие этих внутренних врагов также очень серьезно влияет на распространение национализма и сепаратизма. Этим воздействием ни в коем случае нельзя пренебрегать и не объяснять явления в Космете исключительно внешними факторами. Такое объяснение не было бы реальным, потому что таким образом преувеличивается фактическое воздействие из Албании. Наряду со всеми помехами и сложностями в информировании,

массам в Космете неизвестна тяжелая экономическая и общая ситуация в Албании. Наряду с непопулярностью существующего бюрократического режима в Албании уменьшается и ее притягательность и влияние в албанских массах. Повышенная активность враждебных элементов, как внешних, так и внутренних, и осязаемый эффект их действий стали возможными благодаря особым обстоятельствам. Эти обстоятельства, по нашему мнению, следующие.

В первую очередь все более распространенное пробуждение национального самосознания у албанского меньшинства, именно сейчас проходящего через этапы национального романтизма и национального возрождения, — это приводит к тому, что данное меньшинство сейчас стало намного более благоприятной и плодородной почвой для националистических и сепаратистских воззрений. На формирование национального самосознания, особенно у молодежи, активно воздействуют достаточно многочисленные реакционные и националистические элементы из числа работников сферы образования и интеллигенции, ослепленных шовинистической ненавистью и возвышающих все албанское. Они отрицают и подвергают осуждению все сербское, выворачивают и неточно представляют историю, игнорируют или специально искажают и трактуют политику социалистической Югославии. Недостаточная изученность вопросов истории, литературы, национальных отношений и пр., недостаточная научная и марксистская проработка данных вопросов, нехватка квалифицированных кадров и средств для идейно-политической и пропагандистской деятельности представляют собой очень серьезные проблемы и ограничивают наши возможности в борьбе против этих отрицательных воздействий.

По нашему мнению, необходимо обеспечить такие политические силы и средства, которые бы смогли гарантировать, что пробуждение национального самосознания албанского национального меньшинства осуществлялось и направлялось таким образом, чтобы были достигнуты политические цели СКЮ в отношении национальных меньшинств. Тем самым можно будет избежать серьезных трудностей в реализации национальной политики.

В связи с этим полагаем, что надо пересмотреть тезис о том, что албанцы окончательно определились в пользу Югославии, а не Албании. Считать, что это определение завершено, было бы очень опасным заблуждением.

Следующим обстоятельством, влияющим на рост негативных явлений, по нашему мнению, может стать демократизация и либерализация в нашей общественно-политической жизни, что в определенной степени даст большую свободу как действиям врага, так и выражению и проявлению националистических настроений.

По нашему мнению, имеются некоторые ошибки в работе над письмом Исполнительного комитета о национальных меньшинствах, которые способствовали возникновению и распространению этих явлений, а

также и некоторые объективные обстоятельства, такие как общее отставание, перенаселение, безработица, экономические трудности, а в определенной степени нынешнее экономическое развитие и другие обстоятельства.

В реализации нашей политики в отношении национальных меньшинств в Космете допущены определенные ошибки, которые, по нашему мнению, также способствовали распространению этих отрицательных явлений. Мы полагаем, что к реализации превентивных мер подошли достаточно поверхностно, слишком быстро забыв о конкретных условиях и политических критериях. Удовлетворение национального критерия, то есть «национального ключа», было поставлено на первый план, но недостаточно внимательно относились к назначению на различные должности в политических и хозяйственных организациях, учреждениях и органах власти, в связи с чем на эти должности назначали и лиц с плохим политическим прошлым, которые и сейчас занимают отрицательные и враждебные позиции в отношении нашего порядка и даже активно враждебно действуют. Такой «смягченный» политический критерий при назначении этих людей на отдельные должности распространился и на отношение к политическим ошибкам этих людей, так как ввиду нехватки кадров в албанской среде и невозможности их замены к ним относились терпимо и прощали ошибки, которые в других условиях нельзя было прощать. Помимо пренебрежения политическими критериями, часто пренебрегали и работоспособностью отдельных лиц при их назначении. Такие назначения были мотивированы исключительно национальным моментом с пренебрежительным отношением к другим вопросам, часто они грубо навязывались без демократичности в процедуре назначения, отрицательно влияя на людей, вызывая растерянность, непонимание общественности.

Назначение политически неподготовленных людей на различные ответственные места было по многим критериям вредно. Прежде всего, этим людям была предоставлена возможность в благоприятных условиях осуществлять подрывную деятельность и наносить большой политический ущерб. Некоторые из таких лиц пользовались своим положением, чтобы выделить своих единомышленников и пренебрегали или даже подвергали гонениям политически корректных людей.

Спешка в реализации различных мер в связи с письмом ЦК обострила ошибки, вызвала неправильную трактовку всей политики и всех тех мер в отношении национальных меньшинств. То есть начало создаваться впечатление, и об этом достаточно широко говорили, что уступки делаются по внешнеполитическим соображениям, под давлением Албании и Энвера Ходжи, даже стали связывать происходящее с какими-то кадровыми перестановками в руководстве области и прочее, что минимизировало положительный политический эффект реализации нашей политики.

Общее отставание, низкий уровень культуры и образованности обуславливают то, что различные повседневные мелочи и отношения, которые в иных условиях не представляли бы никакого веса, в этих условиях трактуются шовинистически и вызывают отрицательные националистические реакции. Например: на каком языке должны здороваться сербы и албанцы, все ли надписи на двух языках, подогнан ли национальный ключ, поставил ли учитель серб плохую оценку албанскому ребенку и наоборот и т.д.

Это отставание накладывает печать жесткости и суровости на проявления национализма и шовинизма (битие детей учителями, избиение учительницы коллегой-албанцем, угрозы убийства, истребления и пр.).

Тяжелое материальное и экономическое положение населения также заостряет и осложняет проблемы в межнациональных отношениях, особенно с учетом низкого уровня жизни, перенаселения и высокой безработицы. В таких условиях в любом случае намного чаще, чем в хороших условиях, используется национальная принадлежность как средство в борьбе за выживание. В каждом трудоустроенном сербе албанец видит помеху своему трудоустройству и наоборот. Перенаселение и жажда получить землю — один из основных мотивов давления, осуществляемого албанцами на сербов-крестьян, заставляя продать им свои земли и уехать в Сербию.

Общее и хозяйственное развитие в Космете в определенном смысле потворствует шовинистским и националистическим явлениям. Учреждения хозяйственных организаций, открытие госучреждений, повышенные стипендии открывают возможность к занятию руководящих должностей, трудоустройству, получению стипендий и вызывают столкновения и шовинистические трактовки недовольных в своих требованиях или желаниях и амбициях.

Тяжелое наследие прошлого в национальных отношениях в Космете в любом случае имеет отрицательное значение, так как это недавнее прошлое еще не забыто и всегда может вызвать месть. В связи с этим напомним эти общеизвестные факты.

Сербы и черногорцы, особенно переселенцы, за короткий период времени, с Первой мировой войны, вступали неоднократно в жесткие столкновения с албанцами. До войны сербы и черногорцы, без сомнения, были в привилегированном положении, так как на них опиралась тогдашняя власть, поддерживала их, жандармы, лесники, суды, да и руководящий аппарат по большей части набирался из их среды.

Во время Второй мировой войны они были изгнаны, подверглись жестокой мести албанцев, которые мстили переселенцам за все то, что сделала им бывшая Югославия.

В 1941 г. тысячи сербов и черногорцев были вынуждены оставить свои дома и имения, многие были убиты.

В НОР сербы и черногорцы в Космете участвовали намного больше, чем албанцы. Были среди них и четники, в основном из Косовской Ми-

тровицы, тогда как албанцы, как известно, массово поддерживали оккупантов и сотрудничали с ним в борьбе против НОР.

После войны примерно 16 000 албанцев вступили в баллистические группы. Многие из них погибли, расстреляны, осуждены на тюремное заключение или эмигрировали.

Эти факты еще свежи в памяти и, конечно, затрудняют налаживание взаимного доверия и представляют собой достаточно серьезную проблему в реализации нашей политики братства и равноправия.

Среди сербского и черногорского населения в Космете ранее были и стали проявляться все чаще шовинистические настроения, в основном недоверие к албанцам. Они слишком резко и в основном националистически реагируют на проявления национализма и сепаратизма у албанцев, в результате чего опять вызывают их ответные реакции, что еще больше отягощает и усложняет ситуацию и реализацию нашей политики.

Более энергичный курс на внедрение полного национального и политического равноправия последовал после инструкции Исполнительного комитета ЦК, которая натолкнулась на непонимание и негодование большей части сербов и черногорцев, даже некоторых членов СК и высоких должностных лиц. Они выражали скепсис, говорили, что эта политика несвоевременна, опасна и пр.

Полагаем, что энергичное подавление шовинизма у сербов и черногорцев как с использованием мер преследования, так и политической работы имеет особое и очень большое значение для борьбы против албанского национализма и сепаратизма и для реализации нашей правильной политики.

ВЫВОДЫ

На основании отчета о подрывной деятельности и отрицательных явлениях в Космете следуют, по нашему мнению, общие утверждения:

1. За последние годы у нас все больше проявлений национализма и сепаратизма у албанского национального меньшинства, а активность врага по этой линии растет и приобретает все более острые формы, как то: формирование нелегальных политических и террористических организаций, сбор оружия, подготовка групп и отдельных лиц для проведения диверсий и покушений, подготовка общественных демонстраций и написание петиций в ООН и пр.

2. Различные категории враждебно настроенных элементов очень разнообразны с общественно-политической точки зрения, сейчас они оказались на одной платформе борьбы за так называемое освобождение албанцев и присоединение к Албании территорий, на которых проживают албанцы. Националистические и сепаратистские лозунги стали основными и почти единственными политическим лозунгами различных

враждебных элементов, с помощью которых они хотят завести и склонить на свою сторону албанские массы. В этих попытках особо активна молодежь.

3. Сепаратистские настроения и стремления все больше распространяются и становятся все более открытыми.

Присоединение к Албании всех территорий в Сербии, Македонии и Черногории, на которых проживают албанцы, создание «Великой Албании» становятся национальным идеалом, о котором начинают все больше и больше говорить. Об этом открыто говорят обвиняемые на судах, отдельные представители всех социальных слоев граждан, об этом в той или иной степени аллегорически пишут в литературе, статьях, школьных сочинениях, листовках, лозунгах на стенах и прочее. Эта идея оправдывается с точки зрения идеологии и марксизма, согласно праву нации на самоопределение и отделение, и все чаще упоминается направление петиции в ООН и выдвижение требований на присоединение к Албании. Такие стремления и настроения говорят о желании получить гражданские права, каким-то образом легализовать стремление граждан к национальному освобождению и единству. Отсутствие общественного диалога и неубедительная критика таких тенденций нашими политиками создает впечатление, что у нас нет аргументов против этих лозунгов и стремлений и мы тем самым молча соглашаемся с ними.

4. Продолжается враждебная политика Албании в отношении нашей страны с усиленной пропагандой и подрывной деятельностью. Политическая обстановка в Албании вызвала повышенный интерес и активность западных стран на данной территории, а также албанских и шиптарских эмигрантских групп, что говорит о возможности разнообразных провокаций в отношении нашей страны, исходящих извне.

5. Достаточно тяжелое экономическое положение населения, концентрация школьной и студенческой молодежи, сильно затронутой национализмом, особый менталитет и расположенность к борьбе шиптарского населения говорят о возможности возникновения эксцессов и инцидентов даже по незначительной причине, что может легко перейти в политическое столкновение.

На основании вышеуказанных утверждений следует вывод, что необходимо усилить бдительность, активность и дееспособность органов безопасности, чтобы те эффективно и своевременно раскрывали и предотвращали враждебную деятельность, могли уверенно вмешаться и предотвратить возможные эксцессы и провокации.

В связи с этим предлагаем:

1. Усилить аппарат Управления государственной безопасности как кадрами, так техническим и иным оборудованием.

2. Усилить отряды народной милиции всего на 300 – 400 служащих с обеспечением соответствующего оборудования и условий размещения.

3. Усилить меры преследования в судах и наказание за административное правонарушение (рассмотреть возможность и обоснование применения направления в определенное место жительства).

По согласовании этих вопросов финансовые и иные аспекты данной проблемы надо рассмотреть отдельно.

Peziome

OLD SERBIA (19th–20th Centuries) THE DRAMA OF A CIVILISATION

Summary

This is a book on a political and civilisational maelstrom that relevant scholarly studies have failed to explain entirely. *Stara Srbija*, Old Serbia (Raška, Kosovo and Metohija, and Skopje-Tetovo region), is used here as an historical-geographical and cultural-civilisational rather than as an administrative or political notion. Its subtitle, *The Drama of a Civilisation*, highlights the tremendously convoluted and traumatic historical path of this Serbian province. After centuries of being the political and cultural heartland of the Serbs, the locus of the highest economic and cultural achievement of Serbian society before the Ottoman conquest, it has become a region where most of the Serbian cultural achievements are obliterated or ruined, and the Serbian population itself gradually displaced, usually forcibly. This above all goes for Old Serbia's core area, Kosovo and Metohija. The encounter of Serbian Christian and Oriental Islamic civilisations historically brought great destruction upon Serbian society and heritage.

This book does not look into the history of Old Serbia in detail. Rather, its goal is to provide a synthetic review of momentous historical issues in the development of a particularly important Serbian area, which faced its greatest trials, political and social as well as economic and cultural, during the past two centuries. Scholarly work addressing the historical problems of Old Serbia is not in ample supply. Given the widespread neglect of the term *Old Serbia* as the historical geographical name for the core area of the Serbian state before the Ottoman conquest, special attention is paid to the term itself and to its territorial boundaries. The name originated in the early nineteenth century, in the aftermath of the Serbian Revolution (1804–1815), to draw a distinction between the important historic area of Serbia still held by the Ottomans and the political embryo of the future independent Serbian state centred on Šumadija in the north, which came to be known as the Principality and, from 1882, the Kingdom of Serbia. Apart from domestic writers, the term *Old Serbia* was used by many foreigners such as, for example, Austro-Hungarian General Staff Major Peter Kukulj, the

geographer Karl Peucker, the French anthropogeographer Gaston Gravier, and many other British, German, Austro-Hungarian or Russian travel writers and scholars.

Old Serbia encompasses three micro-regions: *Raška* (or Old Raška, as it is named by some authors), *Kosovo and Metohija*, and the *Upper Vardar Valley* or Kumanovo and the Skopje-Tetovo region. The historical geographical name should not be confused with administrative or political names, which is often the case. During the period of Ottoman rule, which in Old Serbia lasted until 1912, this region, as other Ottoman-held provinces, was administratively divided into *vilayets*, *sanjaks*, *kazas* and *nahiyes*.

Under Ottoman rule, Old Serbia formed part of various administrative divisions. Between 1877 and 1912, most of its territory belonged to the vilayet of Kosovo, which stretched from the Tara River to beneath Skopje in the south. The vilayet consisted of several sanjaks. Raška was divided between two sanjaks, those of Pljevlja and Novi Pazar (Sjenica from 1901). Moreover, the kaza of Novi Pazar belonged to the sanjak of Priština, and that of Berane to the sanjak of Peć. Instead of the historic or concrete administrative name, in the early twentieth century the name 'Sanjak', even though sanjaks were many, came into use as a synonym for Ottoman-held Raška, which, at that time, functioned as a corridor between Serbia and Montenegro. The purpose of the corridor was to facilitate Austria-Hungary's political and strategic military penetration from occupied Bosnia and Herzegovina towards ethnic Albanian areas on the one hand, and the Morava-Vardar Valley and Salonika on the other. The fact that Austria-Hungary's political penetration towards the south of the Balkans and the eastern Mediterranean ran via Old Serbia played a role in the political drama of the region until 1918.

Historical problems in the development of Old Serbia over the last two centuries largely have historical continuity with regard to the demographic, ethnic and cultural processes, but also discontinuity with regard to the political and state framework within which it developed. One period in its history was the period of Ottoman rule until its liberation in 1912; the other began with its incorporation into the Kingdom of Serbia and continued within the Yugoslav state until its dismemberment in the 1990s. The main characteristic of Old Serbia from 1912 until the end of the twentieth century was the slow pace at which it was catching up with the economic, social and cultural processes unfolding in the better developed parts of Serbia and Yugoslavia. This book presents all evidence that speaks of its low level of development inherited from Ottoman times, which was slow to improve despite much effort and investment.

In 1912–18 Old Serbia was administratively divided into counties (*okrug*) and districts (*srez*) in the Kingdom of Serbia, and into captaincies (*kapetanija*) and districts in the Kingdom of Montenegro. This book pays special attention to the liberation of Old Serbia in 1912 not so much as a military event (First Balkan War 1912/3) as a momentous social and civilisational turn. Liberation of Old Serbia and other Balkan provinces was the final stage of a long process in European history, which began by finally halting the Ottomans at the gates of Vienna in 1683 and gradually pushing them out of central and south-east Europe between 1683

and 1912. The First Balkan War in 1912/3 opened the way to this part of south-east Europe to re-join the developed European nations.

Under the terms of the Conference of the Ambassadors in London (1912/3) and the Treaty of Bucharest (1913), most of Old Serbia was incorporated into the Kingdom of Serbia, while its smaller part (Pljevlja, Bijelo Polje, Berane, Plav, Gusinje, Rožaje, Peć and Djakovica) was united with the Kingdom of Montenegro. The Albanians obtained their autonomous nation state in 1912. A portion of the Albanian people remained living as a minority in Serbia, Montenegro and Greece, just as portions of the Serbian and Greek peoples remained living as minorities in Albania. As part of the Kingdom of Serbia, Old Serbia entered the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, from 1929 Kingdom of Yugoslavia. In 1918, by the will of the Serbian people in Montenegro, Montenegro united with Serbia, thereby also becoming part of the newly-created Yugoslav state.

Between the two world wars, Yugoslavia was administratively divided into *oblasts* until 1929, and from 1929 into *banovinas*. Most of Old Serbia belonged to the oblasts of Užice, Raška, Kosovo and Skopje, and from 1929 to the banovinas of Zeta and Vardar, with an insignificant part incorporated into that of Morava. After the Communist movement emerged victorious in the Second World War, Yugoslavia was reorganized into a federation. The territory of Old Serbia was divided among three federated units. Most of it (part of Raška, as well as Kosovo and Metohija) became part of the Republic of Serbia, a smaller part of Raška became part of the Republic of Montenegro (the areas incorporated into Montenegro in 1912–13, with the exception of Peć and Djakovica), while the Kumanovo area and the Skopje-Tetovo region became part of the newly-created Yugoslav Republic of Macedonia. The most important event in 1945 was the creation of the Autonomous Kosovo-Metohija Oblast within the Republic of Serbia. Serbia had yet another autonomous province—Vojvodina. The administrative borders of the Yugoslav federated republics honoured neither the ethnic nor the historical principle; rather, their main purpose was to fragment the Serbian ethnic area and thus weaken the Serbian element as obviously the strongest in the Yugoslav state.

Developments in Kosovo and Metohija after the Second World War until the end of the century were marked by the aggressive chauvinism of the Albanian minority against the local Serbian population, leading to mass ethnic cleansing, probably the biggest in Europe in times of peace. The happenings had full support from the Yugoslav federal leadership headed by Josip Broz Tito, and decades of support and interference from neighbouring Albania. According to incomplete records, between 1878 and 1912 about 150,000 Serbs left Kosovo and Metohija, and more than 200,000 between 1945 and 1990, most intensively in 1961–91. On the other hand, during the Fascist-Nazi occupation and the existence of a Greater Albania, this part of Serbia was settled by at least 100,000 Albanians from Albania, a process that has never really ceased since the Second World War.

Under the sponsorship of the Yugoslav leadership, Kosovo and Metohija was granted more and more powers within the Republic of Serbia. In 1963, the Autonomous Kosovo-Metohija Oblast became the Autonomous Province of Kosovo and Metohija, and in 1968, the Autonomous Socialist Province of Kosovo (the

name Metohija was omitted). The political and demographic processes were coupled with a manipulation of cultural symbols. Historically, *Kosovo* has been a notion central to Serbian national and cultural identity, a cherished literary and artistic theme, the locus of Serbian historical consciousness. Now all political and other means were used to turn things towards constructing a 'Kosovo identity' as part of Albanian national identity. This kind of manipulation has sadly been used by some European authors, to mention but Noel Malcolm. This book points to the proportions that such false portrayal of the history of Kosovo and Metohija and Old Serbia has taken.

The prosperous condition of the Albanian minority in Serbia was misused to indoctrinate the Albanian youth with ethnic hatred of the Serbs, leading to numerous individual crimes against them, their mass migration, violations of their human rights almost on a daily basis, and frequent vandalism against their cultural and other monuments. Over the centuries, mostly under Ottoman rule, a multitude of Serbian cultural monuments were devastated (to mention but the monasteries of Sopoćani, Djurdjevi Stupovi and Mileševa), all funerary churches and fortresses of medieval Serbian rulers were demolished, some illustrious churches converted to mosques (the Virgin of Ljeviša and Banjska), many invaluable monastic treasures and libraries pillaged. The Serbs in the part of Old Serbia included in the Republic of Macedonia were also denied their basic national and cultural rights and exposed to Macedonianization, and those in the part of Old Serbia in Montenegro tended to be forced into Montenegrin national identity. It all formed part of the national policy of the Communist Party of Yugoslavia, which, instead of integration, pursued a policy of disintegration of the Serbian and Yugoslav space.

The central role in the historical development of Old Serbia over the last two centuries was played by the Ottoman and Communist Yugoslav legacy. The religious and ethnic heterogeneity that mostly resulted from the period of Ottoman rule, which had encouraged both the Islamization of the Serbian population and the settlement in Old Serbia of Albanians from the mountainous areas of Albania, was used by the Yugoslav Communist leadership and the world powers to foment conflict and rewrite ethnic borders. In 1912 Serbs (predominantly Christian, to a small extent Muslim) formed a majority of the population in Old Serbia. It was not until the late nineteenth century that Albanians became a slight majority in Kosovo and Metohija. The fate of the Serbian historic province is condensed in the title of a booklet, *Old Serbia's Tears of Sorrow*, which the archimandrite of Dečani Hadži Seraphim Ristić published in Zemun in 1864, dedicating it to Rev. William Denton, an advocate of the Christians in Turkey-in-Europe.

ALTSERBIEN
(19. – 20. Jahrhundert):
DRAMA EINER ZIVILISATION

Zusammenfassung

Das ist ein Buch, das von einem großen politischen und zivilisatorischen Stromwirbel redet, dessen volle wissenschaftliche Auslegung in relevanten Wissenschaftsstudien nicht genug berücksichtigt wurde. Altserbien (Rascien, Kosovo und Metohien und Skopje-Tetovo Gebiet) wird in dieser Arbeit vorrangig als historisch-geographischer und kultur-zivilisatorischer Begriff behandelt, und keineswegs als der Begriff der Verwaltung oder der Politik. Der Untertitel des Werkes *Drama einer Zivilisation* verweist auf einen ungewöhnlich komplexen und traumatischen historischen Weg dieser serbischen Provinz. Vom jahrhundertelangen politischen, staatlichen und kulturellen Zentrum der Serben, in dem die größte gesellschaftliche, ökonomische und zivilisatorische Reichweite der serbischen Gesellschaft vor dem Fall unter die osmanische Herrschaft verwirklicht worden war, wurde es zu einem Gebiet, in dem die meisten serbischen kulturellen Errungenschaften vernichtet oder zerstört wurden, und das serbische Volk selbst meistens durch Zwangsmaßnahmen nach und nach vertrieben worden war. Dies bezieht sich in erster Linie auf Kosovo und Metohien als Sitz des Alt-Serbien. Das Zusammentreffen der serbischen christlichen Zivilisation mit der islamischen hatte große historische Zerstörung der serbischen Gesellschaft und des serbischen Erbes zur Folge.

Dieses Buch befasst sich nicht mit der Geschichte des Altserbien in all ihren Details. Sein Ziel ist es, vor allem in einer synthetischen Art und Weise auf die wichtigsten historischen Probleme in der Entwicklung eines besonders bedeutenden Gebietes des serbischen Volkes hinzuweisen, das in den beiden letzten Jahrhunderten sowohl in politischer und gesellschaftlicher als auch in wirtschaftlicher und kultureller Hinsicht größte an Zerstörungswut erlebt hat. In den wissenschaftlichen Geschichtsschreibungen gibt es relativ wenige Arbeiten, die sich mit historischen Problemen des Altserbien befassen. Die Vernachlässigung des Begriffes Altserbien als historisch-geographische Bezeichnung des serbischen Staatssitzes ist in bei den westlichen Historiker außergewöhnlich auffallend. Deswegen habe ich Altserbien besondere Aufmerksamkeit gewidmet. Der Begriff geht auf die ersten Jahrzehnte des 19. Jahrhunderts gleich nach der Serbischen Revolution (1804–1815) zurück, um das wichtige nicht befreit gebliebene historische Gebiet Serbiens unter der osmanischen Herrschaft von dem neuen politischen Embryo des künftigen serbischen Staates zu unterscheiden, das in dem

Norden Serbiens, bekannt als das Gebiet „Šumadija“ und den umliegenden Gebieten entstand und das als Fürstentum, ab dem 1882 als Königreich Serbien bekannt ist. Außer der einheimischen Schriftsteller und Forscher gebrauchen viele ausländische Autoren den Begriff Altserbien wie etwa der Österreichisch-ungarische Generalstabsmajor Peter Kukulj, der Geograph Karl Peuker, der französische Anthropogeograph Gaston Gravier und viele andere britische, deutsche, Österreichisch-ungarische, russische Reisenden und Forscher.

Altserbien hat in seiner Struktur drei engere regionale Teile: Rascien (oder Altes Rascien, wie von einigen Autoren genannt), Kosovo und Metohien und Oberes Vardargebiet bzw. Kumanovo und das Gebiet um Skopje und Tetovo. Die historisch-geographische Bezeichnung sollte mit politischen oder Verwaltungsbezeichnungen, wie so oft der Fall ist, nicht verwechselt werden. Während der Ottomanischen Herrschaft, die bis zum Jahre 1912 dauerte, wurde dieses Gebiet sowie andere Provinzen unter der osmanischen Herrschaft in osmanische Verwaltungseinheiten – Länder, Sandschaks, Kasas und Gebiete geteilt.

Während der Ottomanischen Herrschaft gehörte Altserbien verschiedenen Verwaltungseinheiten. Von 1877 bis 1912 war das Territorium des Altserbien hauptsächlich von Kosovo erfasst, das sich vom Fluss Tara bis unterhalb der Stad Skoplje im Süden erstreckte. Das Kosovo Land wurde in mehrere Sandschaks aufgeteilt. Im Raum Rscien gab es zwei Sandschaks: um Pljevlja und Novi Pazar (ab 1901 Sjenica). Kasa von Novi Pazar gehörte zum Priština Sandschak und die von Berane zum Peć Sandschak. Anstatt der historischen Namen des Gebietes oder seiner konkreten Verwaltungsbezeichnungen begann man Anfang des 20. Jahrhunderts den Begriff „Sandschak“ (obwohl es mehrere Sandschaks gab) als Synonym für türkische Herrschaft im Raum Rscien zu gebrauchen, der zu jener Zeit ein eigenartiger Korridor zwischen Serbien und Montenegro darstellte. Die Funktion dieses Korridors war, den politischen und militärstrategischen Durchbruch Österreich-Ungarns aus dem okkupierten Bosnien und Herzegowina zu den albanischen ethnischen Gebieten einerseits und zum Morava-Vardar-Tal und Saloniki andererseits zu ermöglichen. Die Tatsache, dass der politische Durchbruch Österreich-Ungarns zu südlichen Bereichen von Balkan und dem Östlichen Mittelmeer über Altes Serbien führte, beeinflusste im Zeitraum bis 1918 die politische Dramatik dieses Gebietes.

Die historischen Probleme der Entwicklung des Alten Serbiens haben in den letzten zwei Jahrhunderten ihre Kontinuität, wenn es sich um tiefere demografische, ethnische und kulturelle Prozesse handelt, aber auch eine Diskontinuität hinsichtlich der staatspolitischen Rahmen, in denen es sich entwickelte. Einen historischen Zeitraum macht die Epoche unter der Ottomanischen Herrschaft bis zur Befreiung 1912 und der andere Zeitraum beginnt mit der Verbindung des Gebietes mit dem Königreich Serbien und setzt sich mit dem Zusammenleben im jugoslawischen Staat bis zu seiner Spaltung Ende des 20. Jahrhunderts fort. Von 1912 bis zum Ende des 20. Jahrhunderts war die Grundeigenschaft des Lebens des Alten Serbiens eine träge Integrierung in wirtschaftliche, gesellschaftliche und kulturelle Prozesse der entwickelten Gebiete Serbiens und Jugoslawiens. In diesem Buch sind alle Tatsachen vorgelegt, die von einer aus der Ottomanischen

Herrschaft geerbten niedrigen Entwicklungsstufe aussagen, die trotz großer Investitionen nur langsam überwunden wurde.

Hinsichtlich der Verwaltung teilte sich Altserbien 1912–18 im Rahmen Serbiens auf Kreise und Bezirke im Königreich Serbien, und auf „Kapitanate“ und Bezirke im Königreich Montenegro. Dieses Buch widmet besondere Aufmerksamkeit der Befreiung des Altserbiens 1912, jedoch nicht so sehr als militärisches Ereignis (Erster Balkankrieg 1912–13), sondern mehr als große gesellschaftliche und zivilisatorische Wende. Die Befreiung des Altserbiens und der anderen Balkanprovinzen war ein Ende jenes langwierigen historischen Prozesses in europäischer Geschichte, der mit dem endgültigen Aufhalten der Türken vor Wien im Jahre 1683 und deren Verdrängung aus Mittel- und Südosteuropa, die von 1683 bis 1912 dauerte. Mit dem ersten Balkankrieg 1912–13 sind die Voraussetzungen für die Reintegration dieses Teils von Südosteuropa mit entwickelten europäischen Zentren geschaffen worden.

Mit Beschlüssen der Londoner Botschafterkonferenz 1912/13 und des Friedens von Bukarest im Jahre 1913 gelang ein größerer Teil des Alten Serbien zum Königreich Serbien, während der kleinere Teil (Pljevlja, Bijelo Polje, Berane, Plav, Gusinje, Rožaje, Peć und Djakovica) gelang zum Königreich Montenegro. Die Albaner als Volk bekamen 1912 ihren autonomen nationalen Staat Albanien. Geringere Teile des albanischen Volkes blieben als Minderheiten in Serbien, Montenegro und Griechenland, aber auch Teile des serbischen und des griechischen Volkes setzten ihr Leben als Minderheiten in Albanien fort. Altserbien als Teil des Königreiches Serbien gelang in die Struktur des Königreichs der Serben, Kroaten und Slowenen bzw. des Königreichs Jugoslawien. 1918 vereinigte sich Montenegro durch den Willen des serbischen Volkes in Montenegro mit Serbien und in dieser Art und Weise gelang in die Struktur des neu gebildeten jugoslawischen Staates

In der verwaltungsmäßigen Hinsicht teilte sich Altserbien zwischen den beiden Weltkriegen auf Gebiete bis 1929. und Herzogtümer („Banovine“) ab dem Jahr 1929. Zum größten Teil gehörte es zum Gebiet von Užice, Raška, Kosovo und Skopje und ab 1929. größtenteils zur „banovina“ Zeta und Vardar, mit geringem Teil auch zur „banovina“ Morava. Nach dem Sieg der kommunistischen Bewegung im Zweiten Weltkrieg wurde der jugoslawische Staat in einen Bundesstaat umorganisiert. Der Raum des Altserbiens gelang in die Zusammensetzung dreier Bundesländer. Mit einem größeren Teil (Teil von Rascien und Kosovo und Metohien) als Bestandteil der Republik Serbien, mit einem kleineren Teil von Raška gelang zu Republik Montenegro (Gebiete, die 1912–13 an Montenegro ausgenommen Peć und Djakovica gelangten), während das Gebiet Kumanovo und Skopje-Tetovo zur neu gebildeten jugoslawischen Republik Mazedonien gelangten. Das bedeutendste Ereignis 1945 war die Konstituierung des Autonomen Kosovo-Metohija-Gebietes in der Struktur der Republik Serbien. Daneben hatte Serbien noch eine Provinz – Vojvodina. Die Grenzen jugoslawischer Bundesländer waren weder auf dem ethnischen noch auf dem historischen Prinzip fundiert, sondern die Zerstückelung des serbischen ethnischen Raumes war das Hauptziel und somit die Schwächung des serbischen Faktors als objektiv mächtigster Faktor im jugoslawischen Staat.

Der Verlauf der Ereignisse in Kosovo und Metohien nach dem Zweiten Weltkrieg – bis zu der Jahrhundertwende war im Zeichen einer Flut aggressiven Chauvinismus albanischer Minderheit gegenüber den dortigen Serben, welcher zu einer massiven ethnischen Säuberung der Serben aus diesem Teil Serbiens, vermutlich einer der massivsten in Europa außerhalb des Kriegsgeschehens führte. Dies erfolgte mit voller Unterstützung der jugoslawischen föderalen Staatsführung mit Tito an der Spitze und mit jahrzehntelanger direkter Unterstützung und Einmischung des benachbarten Albanien. Laut unvollständigen Angaben aus Kosovo und Metohien in der Zeit 1878 – 1912 sind etwa 150.000 Serben und allein im Zeitraum 1945–1990 mehr als 250.000 ausgesiedelt. Der größte Exodus erfolgte im Zeitraum 1961–1990. Andererseits während des Zweiten Weltkrieges unter der faschistisch-nazistischen Okkupation und Gründung Groß-Albaniens kamen aus Albanien in dieses Teil Serbiens etwa 100.000 Albaner und ließen sich da nieder. Dieser Prozess der Ansiedelung der Albaner aus Albanien in Serbien bzw. Jugoslawien wurde die ganze Zeit nach dem Zweiten Weltkrieg fortgesetzt.

Kosovo und Metohien bekam willens der jugoslawischen Staatsspitze immer größere Ermächtigungen in Rahmen der Republik Serbien. Das Autonome Gebiet Kosovo und Metohien wurde 1963 in Autonome Provinz Kosovo und Metohien, und 1968 in die Sozialistische Autonome Provinz Kosovo (Bezeichnung Metohien wurde gestrichen) verwandelt. Politisch demografische Prozesse wurden auch von eigenartiger Manipulation der kulturellen Symbole begleitet. Der Begriff *Kosovo* ist im historischen Sinne ein zentrales Glied der serbischen nationalen und kulturellen Identität, Jahrhunderte lang das häufigste Motiv der serbischen Literatur und Kunst, der zentrale Ort des serbischen historischen Bewusstseins. Die Dinge wurden mit allen politischen und sonstigen Mitteln in Richtung des Aufbaus einer Art „Kosovo Identität“ als Teil der albanischen nationalen Identität eingestellt. Diese Art von Manipulation gelang auch in die Werke einiger europäischer Schriftsteller wie Noel Malkolm und anderer. In diesem Buch ist auf die Ausmaße solch fälschlicher Darstellung der Geschichte von Kosovo und Metohien und Altserbien hingewiesen worden.

Die große Prosperität, die die albanische Minderheit in Serbien erlebte, wurde für eine massenhafte Indoktrinierung albanischer Jugend mit ethnischem Hass gegenüber den Serben ausgenutzt, was nebst massenhaftem Exodus auch zahlreiche vereinzelte Verbrechen, fast eine alltägliche Bedrohung deren Menschenrechte und häufige Zerstörung deren Kultur- und anderer Denkmäler zur Folge hatte. Im Verlaufe einiger letzterer Jahrhunderte in erster Linie osmanischer Herrschaft wurden Unmengen serbischer Kulturdenkmäler (Klöster Sopoćani, Djurdjevi stupovi, Mileševa u.v.a.) zerstört, Grabmäler und Städte serbischer Herrscher niedergerissen, einige namhafte Klöster wie Bogorodica Ljeviška und Banjska in Moscheen umwandelt, viele kostbare Schatzkammern und Klosterbibliotheken geplündert und sind fast verschwunden. Die Serben in dem Teil des Alten Serbien, das der Republik Mazedonien gehörte, entbehrten ebenfalls elementare nationale und kulturelle Rechte und wurden einer Mazedonisierung unter Zwang ausgeliefert. Altserbische Gebiete, die zu Montenegro gelangten, waren gleichfalls dem Aufdrängen der nationalen montenegrinischen Identität dortiger serbi-

scher Bevölkerung gegenübergestellt. All dies war ein Teil der nationalen Politik der Kommunistischen Partei Jugoslawiens, die anstelle der Integration eine Politik der Desintegration des serbischen und jugoslawischen Raumes geführt hat.

Auf die historische Entwicklung des Alten Serbien in letzten zwei Jahrhunderten hatten das osmanische und jugoslawisch-kommunistische Erbe eine ausschlaggebende Bedeutung. Religiöse und ethnische Mischung, größtenteils aus der Zeit der Osmanenherrschaft herrührend, die neben der Islamisierung der serbischen Bevölkerung und Ansiedelung der Albaner aus den Gebirgsgegenden des Nordalbanien in Altes Serbien anregte, wurde von Seiten der jugoslawischen Kommunisten und Großmächte als Mittel für Anfachen der Konflikte und der politischen Umformung ethnischer Staatsgrenzen genutzt. Serbische Bevölkerung (größtenteils orthodoxen und weniger islamischen Glaubens) machte 1912 die mehrheitliche Bevölkerung im Alten Serbien aus. Erst Ende des 19. Jahrhunderts wurden Albaner eine geringe Mehrheit in Kosovo und Metohien. Das Schicksal dieser ganzen serbischen historischen Provinz wurde summarisch im Titel des Büchleins *Wehklagen des Alten Serbien* ausgedrückt, das 1864 in Zemun vom Archimandriten des Klosters Dečani Hadschi Serafim Ristić, gewidmet Wilhelm Denton, dem Beschützer der Christen in der europäischen Türkei veröffentlicht.

Библиография¹

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив Србије — Београд

ф. Министарство иностраних дела Србије

Политичко одељење

Просветно-политичко одељење ф. Врховна команда 1912/13.

ф. Војногенерални гувернман Србија 1916—1918.

ф. Савез комуниста Србије—Централни комитет 1956—1972.

Архив Српске академије наука и уметности — Београд

ф. Јован Ристић

ф. Николајевић — Љотић

ф. Поклони и откупи

Архив Југославије — Београд

ф. Председништво Владе ФНРЈ 1945—1953.

ф. Збирка народне власти 1944—1945.

ф. Президијум АВНОЈ-а

ф. Савез комуниста Југославије—Централни комитет

Војни архив — Београд

ф. Пописник 1 (Министарство војно Краљевине Србије)

ф. Независна држава Хрватска 1941—1945.

Државни архив Црне Горе — Цетиње

ф. Министарство иностраних дјела

Посланство у Цариграду

Државни архив Македоније — Скопје

ф. Министарство иностраних дела Краљевине Србије

Збирка Јована Јовановића Пижона

Архив внешней политики Российской империи — Москва

ф. Политархив

ф. Главный архив

ф. Славянский стол

¹ Публикується по Сербському изданню книги.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Андрејевић Игуманов Сима, *Садање несретно стање у Старој Србији и Македонији*, Београд 1882.
- Антонијевић Ненад, *Албански злочини над Србима на Косову и Метохији у Другом светском рату*, Документа, друго, измењено и допуњено издање, Београд 2009.
- *Аустро-Угарска и Србија 1903–1918*. Документи из бечких архива, књ. I–IV, сабрао и уредио Андрија Раденић, Београд 1973, 1985, 1989.
- *Белешке са историјско-географских истраживања Призрена и околине* од 18. до 24. Маја 1997, Историјски часопис 44, 363–391.
- *Биографски лексикон*. Народно представништво: Сенат и Народна скупштина, Београд 1939.
- *България непризнатият противник на Третия Райх*, София 1995.
- *България своенравният съюзник на Третия Райх*, София 1992.
- Boue Ami, *Recueil d'itinéraires dans la Turquie, d'Europe*. De'tails géographiques, topographiques et statistiques sur cette Empire, I, II, Vienne 1854.
- Isti, *La Turquie d'Europe*, I–IV, Paris 1840.
- Верковић Стефан Ј., *Народне песме македонских Бугара*, књига 1: женске песме, Београд 1860.
- Веселиновић Милојко, *Статистика српских школа у Турском Царству за 1892/93. и 1894/94. школску годину*, Београд 1896.
- Исти, *Статистика српских школа у Турском Царству у 1892. школској години*, Београд 1893.
- Vlorë Ekrem Bey, *Lebenserinnerungen, Band I, (1885. bis 1912.)*, München 1968.
- Војводић Михаило, *Стојан Новаковић и Владимир Карић*, Београд 2003.
- Гиљфердинг Александар Ф., *Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији* (с руског превео, коментаре и биљешке написао Бранко Чулић), Сарајево 1972.
- *Грађа за историју македонског народа из Архива Србије*, том IV, књ. I (1879–1885), приредио др Климент Џамбазовски, Београд 1985.
- *Девети извештај Савезне владе о ратним злочинима на подручју претходне Југославије*, Београд 1998.
- *Detailbeschreibung des Sandžaks Plevlje und des Vilajets Kosovo*, Wien 1899.
- *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*, Књига V, св. I, 1/14. јануар – 14/27. јули 1912., приредио Михаило Војводић, Београд 1984.
- *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*, књ. V, св. II, приредио Михаило Војводић, Београд 1984.
- *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914*, приредио Михаило Војводић, књ. V, св. 3.
- *Dokumenti iz istorije Jugoslavije*, II tom, Državna komisija za utvrđivanje zločina okupatora i njihovih pomagača iz Drugog svetskog rata, priredili Miodrag Zečević i Jovan P. Popović, Beograd 1998.

- Борђевић Призренац Манојло, *Може ли се помоћи нашем народу у Старој Србији*, Београд 1891.
- *Задужбине Косова*. Споменици и знамења српског народа, Призрен-Београд 1987.
- *Закон о ревизији додељивања земље колонистима и аграрним интересентима у Македонији и у Косовско-метохијској области*, Службени лист Демократске Федеративне Југославије, број 56, 5. август 1945. године.
- *Закон о ревизији додељивања земље колонистима и аграрним интересентима у Народној Републици Македонији и у Аутономној Косовско-метохијској области*, Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије, број 89, 5. новембар 1946.
- *Зверства Бугара и Аустро-Немаца*, I. Бугарска зверства у току рата, Солун 1916.
- Zečević Miodrag, Lekić Bogdan, *Državne granice i unutrašnja teritorijalna podela Jugoslavije*, Београд 1991.
- *Zločini na jugoslovenskim prostorima u Prvom i Drugom svetskom ratu*, Zbornik dokumenata, t. I, Zločini NDH 1941–1945, Београд 1993.
- Иванић Иван [Србин Србиновић], *Из најцрње Европе. Убиства, пљачке, отимачине и зулуми у Старој Србији, Арнаутлуку, Дебру и Македонији*, Београд 1896.
- Ивановић Милан, *Црквени споменици XIII–XX века*, Задужбине Косова, Призрен-Београд 1987, 385–547.
- *Извештај о стању и раду Задужбине Луке Ђеловића-Требињца*, београдског трговца, у години 1933, Београд 1934.
- Јагодић Милош, *Два извештаја Артура Еванса о Старој Србији из 1883. године*, Мешовита грађа (Miscellanea), књ. XXX, Београд 2009, 77–95.
- Јастребов И. С., *Податци за историју Српске цркве из путничког записника*, Београд 1878.
- Исти, *Стара Србија и Албанија*. Путевия записки. – Споменик СКА, ХLI, Београд 1904.
- Јевтић Атанасије, *Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990*, Приштина 1990.
- *Југословенска држава и Албаници*, том I, II, приредили Љубодраг Димић и Ђорђе Борозан, Београд 1998–1999.
- Косановић Сава, *Српске старине у Босни*, Гласник СУД, књига XII, Београд 1871, 158–188.
- *Kosovo Day (1389–1916)*. Published by The Kosovo Day Committee, London 1917.
- Костић Петар, *Аутобиографија*, приредила Вјера Митровић, Призрен 1997.
- Krizman Serge, *Maps of Yugoslavia at War, Massacre of the innocent serbian population, Committed in Yugoslavia by the Axis and its Satelite from April 1941 to August 1942*, Washington 1943.
- Крстић Анђелко, *Сећања*, приредио Владимир Цветановић, Београд 2000.

- *Makedonien, Altserbien und Albanien*, 1:864000, Bearbeitet von Dr. Karl Peucker, IV Auflage, Wien 1912 (karta).
- Мале Албер, *Дневник са српског двора*, приредила и превела Љиљана Марковић, Београд 1999.
- *Мартовски погром на Косову и Метохији, 17–19. март 2004. године*, Београд 2004.
- Мекензи Мјур, Ирби А.П., *Путовање по словенским земљама Турске у Европи*, с енглеског превео Ч. Мијатовић, Београд 1868.
- *Memorandum o uspostavljanju specijalnog statusa za Sandžak*, Novi Pazar, jun 1993.
- Müller Joseph, *Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrinische Gränze*, Prag 1844.
- *Научна експедиција в Македония и Поморавието 1916*, Съставител Петър Хр. Петров, София 1993.
- *Научне ustanove u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave*, Sa-brao i uredio Dr Hamdija Kapidžić, Sarajevo 1973.
- *Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije po naseljima i opštinama*, Knjiga I, Savezni zavod za statistiku, Beograd 1991.
- *Насеља и становништво области Бранковића 1455. године*, САНУ, Београд 2001.
- Никола I Петровић Његош, *Писма*, Цетиње 1969.
- *Одлуке националног комитета ослобођења Југославије, Привремена за-брана враћања колониста на њихова ранија места живљења*, Службени лист Демократске Федеративне Југославије, број 13, 16. март 1945. године
- *Опште одредбе о управи црквених и народних послова православних хришћана поданика Њ. Ц. Величанства султана под управом васељенскога пре-стола*, 1888. године, превео архимандрит Нићифор Перић, Београд 1900.
- *VIII kongres Saveza komunista Jugoslavije*, Beograd, 7–13. decembra 1964. Stenografske beleške, Beograd 1965.
- Перунички Бранко, *Зулуми ага и бегова у Косовском вилајету 1878–1913*, Београд 1989.
- Исти, *Писма српских конзула из Приштине 1890–1900*, Београд 1985.
- Исти, *Svedočanstvo o Kosovu 1901–1903. godine*, Beograd 1988.
- Петковић Богољуб, *Један документ о броју католика у Пештеру крајем друге деценије XVIII века*, Историјски часопис, књ. VII (1957), Београд 1957, 393–396.
- Петровић Милић, *Документа о Рашкој области 1900–1912*, Београд 1995.
- Исти, *Документа о Рашкој области 1890–1899*, Београд 1997.
- Петровић Ружа, Благојевић Марина, *Сеобе Срба и Црногораца са Ко-сова и Метохије*. Анкета 1985–1986, САНУ, Београд 1989.
- *Преписка о арбанаским насиљима у Старој Србији 1898–1899; Dokuments diplomatiques, correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille Serbie (Vilayet de Kosovo) 1898–1899*, Ministère des affaires etrangeres, Belgrade MDCCCXCIX.

- *Прво и Друге заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије*. По стенографским белешкама и другим изворима. Београд 1953.
- *Претходни резултати пописа становништва у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца*, 31. јануар 1921. године, II, Јужна Србија, Сарајево 1924.
- Ракић Милан, *Конзулска писма (1905–1911)*, приредио, поговор и коментаре написао Андреј Митровић, Београд 1985.
- *Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године*, приредили Василије Крстић и Радош Љушић, Београд 1991.
- Ристић Серафим, *Дечански споменици*, Београд 1864.
- Isti, *Плач Старе Србије*, Земун 1864.
- *Србија и суседне земље на старим географским картама*, САНУ, Београд 1991.
- *Србија 1878*. Документи. Приредили Михаило Војводић, Драгољуб Живојиновић, Андреј Митровић, Радован Самарџић, Београд 1978.
- *Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса*, књ. I (1856–1866), приредили Василије Крстић и Радош Љушић, Београд 1983.
- *Српске народне пјесме*, Скупио их и на свијет издао Вук Ст. Караџић, књига друга, Београд 1977.
- *Статистички податци о Босни, Херцеговини и једном крају Старе Србије*, по званичним турским изворима, Гласник Српског ученог друштва, књ. III, Београд 1866, 221–228
- *Turkey, No. 1 (1903). Correspondence, Respecting the Affairs of South-Eastern Europe*, London 1904.
- *Уговор о миру од 1/14. марта 1914. Уговор о миру од 17/30. маја 1913*, Министарство иностраних дела, Београд 1914.
- Hahn Johann Georg von, *Albanesische Studien (Erster Heft)*, Wien 1853.
- Isti, *Reise durch Gebiete des Drins und Wardar*, Wien 1867.
- Чубриловић Васа, *Исељавање Арнаута*, Искушења српске елите. Документа о раду Српског културног клуба, приредио Перо Симић, Београд 2006.
- Džudžević Esad, *Sandžak multietnička regija*. Zbirka međunarodnih i domaćih dokumenata o regionalizmu, Tutin 2010.
- *Шинтарски геноцид над Србима у 20. веку*. Документа Архиве Епархије рашко-призренске и косовско-метохијске, Грачаница-Београд 2008.

ЛИТЕРАТУРА

- Agićić Damir, *Tajna politika Srbije u XIX stoljeću*, Zagreb 1994.
- Aličić Ahmed, *Uredjenje bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine*, Sarajevo 1983.
- Aličić Slukan M., *Povijesna geografija Kosova*, Zagreb 2006.
- Amery Julian, *Sons of the Eagle, A Study in guerilla war*, London 1948.

- Avdić Hakija, *Položaj Muslimana u Sandžaku 1912–1941*, Sarajevo 1991.
- Avramovski, Živko, *Akcija jugoslovenske vlade protiv Zogovog režima u Albaniji preko Cena bega Kryeziu (1926–1927)*, Gjurmime albanologjike 2, Prishtine 1965, 225–242.
- Балкански П. [Ристић Михаило], *Кроз Гробље*. Опажања и белешке приликом путовање кроз Српску земљу под Турском 1892. године, Београд 1894.
- *Балкански рат 1912–1913 услици и речи*, уредио Душан Мил. Шијачки, друго издање, Београд 1922.
- Бартл Петар, *Албанци – од средњег века до данас*, превела са немачког Љубинка Миленковић, Београд 2001.
- Батаковић Душан Т., *Косово и Метохија – историја и идеологија*, Београд – Ваљево – Србиње 1998.
- Исти, *Косово и Метохија у српско-арбанашким односима*, Приштина – Горњи Милановац 1991.
- Исти, *Српска влада и Есад-паша Топтани*, Срби и Албанци у XX веку, Београд 1991.
- Белић Александар, *Стара Србија са историјско-језичке тачке гледишта* (из „Срп.књиж. гласника“), Београд 1912.
- Белоица Радован Љ., *Братство Белоица*, Краљево 2006.
- Benna Anna Hedwig, *Studien zum Kultusprotektorat Österreich-Ungarns in Albanien im Zeitalter des Imperialismus (1888–1918)*, Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs, 7. Band, Wien 1954, 13–46.
- Berard V., *La Macedoine*, Paris 1897.
- Isti, *La Turquie Et L'hellenisme Contemporain*, Paris 1893.
- *Бијело Поље*, [Група аутора], Београд 1987.
- Birken Andreas, *Die Provinzen des Osmanischen Reiches*, Wiesbaden 1976.
- Благојевић Милош, Медаковић Дејан, *Историја српске државности, Књига I*, Од настанка првих држава до почетка српске националне револуције, Нови Сад 2000.
- Благојевић Милош, *Србија у доба Немањића – од кнежевине до царства 1168–1371*, Београд 1989.
- Бован Владимир, *Јастребов у Призрену*, Приштина 1983.
- Исти, *Петар Костић*, Приштина 1997.
- Богдановић Димитрије, *Књига о Косову*, Београд 1990.
- Исти, *Рукописно наслеђе Косова*, Зборник округлог стола о научном истраживању Косова, одржаног 26. и 27. фебруара 1985. године, Београд 1988.
- Божовић Бранислав, Вавић Милорад, *Сукова времена на Косову и Метохији*. Квислинзи и колаборација у Другом светском рату, Београд 1991.
- Божовић Григорије, *Пет стотина педесет година од Косовске битке*, “Политика”, 28. јуни 1939.
- Бојовић Јован, *Избеглице из Албаније у Црну Гору 1991. године*, Титоград 1991.

- Борозан Ђорђе, *Велика Албанија – поријекло, идеје, пракса*, Београд 1995.
- Brailsford H. N., *Macedonia: Its Races and their Future*, New York 1971.
- Васоевић Александар, *Поглед на Албанију*, Подунавка бр. 2, 9. јануар 1848, 6–8.
- Vatin Nicolas, *L'ascension des Ottomans (1451–1512)*, Histoire de l'Empire Ottoman, Fayard, Paris 1989.
- *Велика Србија – истине, заблуде, злоупотребе*, Зборник радова са међународног научног скупа одржаног у Српској академији наука и уметности у Београду 24–26. октобра 2002. године, Београд 2003.
- Велимировић Милош, *Васојевићи, Полимље, Метохија*. Белешке, Годишњица Николе Чупића, књ. XVIII, Београд 1898, 53–189.
- Исти, *Гусињска нахија с погледом на Малесију*, Годишњица Николе Чупића XXXII, Београд 1913, 338–359.
- Велимировић, Николај, *Сабрана дела*, књига XII, Химелстир 1984.
- Wernicke Anneliese, *Theodor Anton Ippen, Ein oesterreichischer Diplomat und Albanienforscher*, Albanische Forschungen, 7, Wiesbaden 1967.
- Веселиновић Милојко, *Србин и Македонија – историјска студија*, Београд 1880.
- Виноградов В. Н., *Двуглавыи российский орел на Балканах*, Москва 2010.
- Vickers Miranda, *The Albanians. A modern history*, London-New York 1995.
- Isti, *Between Serb and Albanian. A History of Kosovo*, London 1998.
- Влаховић Петар, *Бродарево и његова околина*, Београд 1968.
- Војводић Михаило, *Владимир Карић, српски конзул у Скопљу (1889–1892)*, Вардарски зборник 1, Београд 1999, 3–25.
- Исти, *Конзуларна конвенција између Србије и Турске (1879–1896)*, Вардарски зборник 3, Београд 2004, 9–39.
- Исти, *Научници Србије и Први балкански рат*, Први балкански рат (окоурили сто поводом 75. годишњице 1912–1987), Београд 1991, 33–51.
- Isti, „Plava knjiga“ o stradanjima Srba u Staroj Srbiji, ЈИС 1–2 (1999), Београд 1999, 59–66.
- Исти, *Прилике на Косову и Метохији и политика Србије 1881–1912*, Историјски часопис XXXVIII (1991) 163–190.
- Исти, *Путовање Михаила Г. Ристића по Старој Србији и Македонији 1892. године*, Вардарски зборник 2, Београд 2003, 19–30.
- Исти, *Разграничење Србије и Црне Горе с Албанијом 1912–1913. године*, Историјски часопис књ. XXXVI (1989), Београд 1990, 149–162.
- Исти, *Србија и албанско питање крајем XIX века*, Србија и Албанци у XIX и почетком XX века, Београд 1990, 63–92.
- Исти, *Србија и македонско питање*, Историјски гласник 1–2 (1990–1992), Београд 1992, 33–48.
- Исти, *Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века*, Београд 1988.

- Исти, *Стојан Новаковић у служби националних и државних интереса*, Београд 2012.
- Војиновић Станиша, *Михајло М. Вељић – заборављени приповедач са југа*, Вардарски зборник 2, Београд 2003.
- Вујичић Вукашин, *Уставни суд Југославије и криза југословенске федерације* (магистарска теза), Правни факултет у Београду, Београд 2005 (у рукопису).
- Garde Paul, *Vie et mort de la Yougoslavie*, Fayard, Paris 1992.
- Гавриловић Јован, *Речник географско-статистички Србије*, Београд 1994.
- Gersin K., *Altserbien und die albanische Frage*, Wien 1912.
- Gligorijević Branislav, *Fatalna jedostranost. Povodom knjige dr Branka Horvata „Kosovsko pitanje“*, Zagreb 1988, Istorija XX veka, 1–2, Beograd 1988, 179–193.
- Глигоров Киро, *Македонија – е се'што имаме*, второ дополнето издание, Скопје 2002.
- Глишић Венцеслав, *Албанизација Косова и Метохије 1941–1945*, Срби и Албанци у XX веку, ур. Андреј Митровић, САНУ, Београд 1991.
- Gluck L., *Prilog fizičkoj antropologiji Albanaca*, Glasnik Zemaljskog muzeja u BiH, knj. VIII (1896), 467–496.
- Гравје Гастон, *Емиграција Муслимана из Босне и Херцеговине*, Преглед, бр. 7 и 8, 15. Јануар 1911, Сарајево, 475–484.
- Исти, *Новопазарски санџак*, Нови Пазар 1977.
- Исти, *Стара Србија и Албанци*, превод с француског Радмила Обрадовић, Приштина 1995.
- Дарам Мери Е., *Кроз српске земље (1900–1903)*, превео и поговор написао Вујадин Милановић, Београд 1997.
- Миловановић М.Ђ., *Јов. Ристић. – Дипломатска Историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност, 1875–1878 – прва књига, први рат – Београд 1896*, Дело, књ. 10, Београд (1896), 296–305.
- Дердемез Хусеин, *Верованја и обичаји везани за неке верске празнике у Барама и околини*, Новопазарски зборник 8, Нови Пазар 1984, 191–198.
- Димевски Славко, *„Призренската лига“ според извештаите на странските конзули*, Гласник Института за национална историја 3, Скопје 1975, 101–122.
- Динић Михаило, *О називима средњовековне српске државе – Славонија, Србија, Рашка*, Српске земље у средњем веку – историјско-географске студије, Београд 1978.
- Дурковић-Јакшић Љубомир, *Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851)*, Београд 1957.
- Исти, *Пљевља и манастир Света Тројица*. Борба против расрбљавања до ослобођења од Турака 1912. године, приредио Миле Станић, Београд 2012.
- Дучић Нићифор, *Колашин, приједјел и племе у Херцеговини*, Књижевни радови архимандрита Нићифора Дучића, књига 3, Београд 1893.

- Исти, *Рашко-призренска митрополија и национално-културна мисија Краљевине Србије у Старој Србији и Македонији*, Београд 1896.
- Ђаковић Спасоје, *Сукоби на Косову* (друго допуњено издање), Београд 1986.
- Ђilas Milovan, Gaće Nadežda, *Bošnjak Adil Zulfikarpašić*, Ciriћ 1994.
- Ђорђевић Димитрије, *Изазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону*, Београд 1956.
- Исти, *На почетку раздобља ратова*, Историја српског народа, шеста књига, први том, Београд 1983.
- Исти, *Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911*, Београд 1962.
- Ђуковић Исидор, *Нађмеђер* – аустроугарски логор за Србе, Београд 2002.
- Ђуретић Веселин, *Косово и Метохија у Југославији*, Косово и Метохија у српској историји, Београд 1989, 301–360.
- Ђурић Војислав, *Косовски бој у српској књижевности*, Београд 1990.
- Ђурић Милош, *Видовданска етика*, Ниш 1988 (репринт).
- Isti, *Smrt majke Jugovića*. Književno-filozofska studija, Zagreb 1918.
- Екмечић Милорад, *Албански фактор у избијању Првог балканског рата*, Први балкански рат 1912. године и крај Османског царства на Балкану, Зборник радова, Београд 2007, 9–18.
- Исти, *Дуго кретање између клања и орања*. Историја Срба у новом веку (1492–1992). Треће, допуњено издање, Београд 2010.
- Исти, *Стварање Југославије 1790–1918*, 2, Београд 1989.
- Ердељановић Јован, *Македонски Срби*, Београд 1925.
- Зиројевић Олга, *Први векови туђинске власти*, „Косово и Метохија у српској историји“, Београд 1989, 47–113.
- Зундхаусен Холм, *Историја Србије од 19. до 21. века*, превео с немачког Томислав Бекић, Београд 2008.
- Isti, *Kosovo: Eine Konfliktgeschichte*, Der Kosovo-Konflikt, München 2000, 65–88.
- Иванић Иван, *Македонија и Македонци*, књ. II, Нови Сад 1908.
- Исти, *Српске манастирске, сеоске и варошке школе у Турској*. Култура српска у Старој Србији и Македонији – од XV до XX века, Годишњица Николе Чупића, књ. XXXIII (1914), 305–400.
- *Izvori velikosrpske agresije* – rasprave, dokumenti, kartografski prikazi, priredio Božo Ćović, Zagreb 1991.
- *Илири и Албанци*, Зборник радова, Српска академија наука и уметности – Одељење историјских наука, Београд 1988.
- *Illyrisch-albanische Forschungen*, I-II, Zusammengestellt von Dr. Ludwig von Thaloczy, München und Leipzig 1916.
- Imamović Mustafa, *Iz „Historije Bošnjaka“*, Savez izmedju mrtvih, živih i još nerodjenih, MAK- časopis za književnost i kulturu, br. 23, 28. jun 1998, Novi Pazar.
- Incognitus, *Српска народна мисао и М. Пироћанац*, Београд 1895.
- [Ippen Theodor], *Novibazar und Kossovo* (Das Alte Rascien), Wien 1892.

- Isti, *Рашка*. Црта од конзула Теодора Ипена, Гласник Земаљског музеја у Босни и Херцеговини, књ. II (1891), Сарајево 1891, 148–159.
- Iović Kasim, *Austrougarsko zaposjedanje Novopazarskog Sandžaka 1879. godine*, Godišnjak Istorijaskog društva Bosne i Hercegovine, god. IX (1957), Сарајево 1958, 109–137.
- *Историја Пљеваља*, Пљеваља 2009.
- Jagić Vatroslav (V. J.), *Narodne pjesme muhamedovaca u Bosni i Hercegovini*, Sabrao Kosta Hörmann, Knjiga prva, Сарајево 1888, Archiv für slavische Philologie, Bd. XI, Berlin 1888, 424–451.
- Јагодић Милош, *Српско-албански односи у Косовском вилајету (1878–1912)*, Београд 2009.
- Јакшић Гргур, Вучковић Војислав, *Спољашња политика Србије за владе кнеза Михаила*. Први балкански савез, Београд 1963.
- Јакшић Гргур, *Тајна конвенција (1881–1889)*, Из новије српске историје, Београд 1953, 75–80.
- Исти, *Обичан и песни турецкихъ Сербовъ*, Второе издание, дополненное ихъ прозою, С. Петербургъ 1889.
- Jačov Marko, *Le missioni cattoliche nei Balcani durante la guerra di Candia (1645–1669)*, I-II, Citta del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1992.
- Јеленић Ђурђе, *Новопазарски санџак и политичка равнотежа на Балкану*, Београд 1910.
- Yilmaz Murat, *Sancak*, Istanbul 2004.
- Jirecek Konstantin, *Albanien in der Vergangenheit*, Illirisch-albanische Forschungen, Zusammengestellt von Dr. Ludwig von Thalloczy, I. Band, München und Leipzig 1916.
- Јоановић Симон, *Новопазарски санџак 1878–1900. године*, III, Новопазарски зборник 9 (1985), 127–146.
- Јовановић Владан, *Вардарска бановина 1929–1941*, Београд 2011.
- Јовановић Војислав С., *Археолошка истраживања средњовековних споменика и налазишта на Косову*, Зборник округлог стола о научном истраживању Косова, одржаног 26. и 27. фебруара 1985. године, Београд 1988, 17–60.
- Исти, *Косовски градови и дворци XI–XV век*, Задужбине Косова, Призрен-Београд 1987, 365–384.
- Јовановић Зоран М., *Зебрњак*. У трагању за порукама једног споменика или о култури сећања код Срба, Београд-Горњи Милановац 2004.
- Јовановић Зоран Т., *Оснивање и почетак рада Народног позоришта у Скопљу* (поводом 85 година од оснивања) Вардарски зборник 2, Београд 2003, 175–192.
- Јовановић Јован М., *Јужна Србија од краја XVIII века до ослобођења*, Београд 1938.
- Исти, *Новаковић у дипломатији*, Споменица Стојана Новаковића, Београд 1921, 165–182.
- Јовановић Рашко В., *Народна песма Смрт мајке Југовића у виђењу и у драмској обради Ива Војиновића*, Косово у памћењу и стваралаштву, Београд 1989, 233–246.

- Јовановић Слободан А., *Нова књижевност*, Споменица двадестопетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937, Скопље 1937, 847–855.
- Јовановић Слободан, *Влада Милоша Обреновића*, књига друга, Београд 1934.
- Јовићевић Андрија, *Плавско-гусињска област*. Полимље, Велика и Шекулар, Насеља српских земаља књ. X, Београд 1921.
- Јовичић Миодраг, *Уставноправни положај припадника албанске националности у Југославији*, зборник радова Срби и Албанци у XX веку, 137–154.
- Јуришић Геодон Јосиф, *Дечански првенац*, Нови Сад 1852.
- Калић Јованка, *Европа и Срби. Средњи век*, Београд 2006.
- Исти, *Назив „Рашка“ у старијој српској историји (IX–XII век)*, Зборник Филозофског факултета, књ. XIV–1, Споменица Фрање Баришића, Београд 1979, 79–91.
- Kapidžić Hamdija, *Institut za istraživanje Balkana u Sarajevu 1904–1918. (Namjena i planovi)*, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. II (1964), Sarajevo 1964, 7–51.
- Isti, *Pripreme za austrougarsko prodiranje u albansko etničko područje iz Novopazarskog sandžaka*, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. VI, Sarajevo (1970–1971), 415–430.
- Карацић Стојан, *Дурмиторски летопис*, Београд 1998.
- Карић Владимир, *Србија и Балкански савез*, Београд 1893.
- Исти, *Србија, опис земље, народа и државе*, Београд 1887.
- Кецојевић Драгиша И., *Валандовски покољ 20. марта 1915. године*, Скопље 2005, 113–122.
- Kormakov Dimitar, *A guide to the Macedonian monasteries*, Skopje 2005.
- Исти, *Македонски манастири*, Скопје 1995.
- Косанчић Иван, *Новопазарски санџак и његов етнички проблем*, са предговором др Јована Цвијића, Београд 1912.
- *Косово. Международные аспекты кризиса*, Под редакцией Дмитрия Тренина и Екатерины Степановой, Москва 1999.
- *Косово и Метохија – прошлост, садашњост, будућност*, зборник радова, САНУ, Београд 2007.
- *Косово и Метохија у српској историји*, Зборник радова Београд 1989.
- Костић Петар, *Просветно-културни живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века (са успоменама писца)*, Скопље 1933.
- Исти, *Црквени живот православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца)*, Београд 1928.
- Костић, Мита *Устанак Срба и Арбанаса у Старој Србији против Турака 1737–1739. и сеоба у Угарску*, Гласник Скопског научног друштва, VII–VIII (1930).
- Kraljačić Tomislav, *Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903)*, Sarajevo 1987.

- Krizman Bogdan, *Elaborat dra Ive Andrića o Albaniji iz 1939. godine*, Časopis za suvremenu povijest, br. 2, Zagreb 1977, 77–89.
- Крстић Бранислав, *Косово пред судом историје*, Београд 2000.
- Кузмановић Стамен Ст., *Спасити од заборава*. Кумановска битка и споменик на Зебрњаку, 23–24. октобар 1912, Куманово 2001.
- Исти, *Страдање Срба у кумановској области од 1941. до 1944. године*, Куманово 2003.
- Исти, *Устанак Срба у Кумановској и Паланачкој кази 1878. године*, Куманово 2002.
- Куртовић Шукрија, *О национализовању муслимана*, Сарајево 1914.
- Србија и ослободилачки покрети на Балкану од Париског мира до Берлинског конгреса (1856–1878), књ. 1 (1856–1866). Приредили Василије Крстић и Радош Љушић, Београд 1983.
- Лазаревић Милутин Д., *Наши ратови за ослобођење и уједињење*, Српско-турски рат 1912. године, књига II, Београд 1929.
- Lakić Zoran, *Partizanska autonomija Sandžaka 1943–1945. (ZAVNO Sandžaka-dokumenta)*, Beograd-Nikšić-Bijelo Polje 1992.
- Лалков Милчо, *България в балканската политика на Австро-Унгарија 1878–1903*, София 1993.
- Laffan, R. G. D. *The Guardians of the Gate*, Historical Lectures on the Serbs, Oxford 1918.
- *Le terre albanesi redente*, Tom I. Kosovo, Roma 1942.
- Лежајић Мирко, *Прослава Видовдана на далматинском Косову*, “Политика”, 20. јун 1939.
- Лилуашвили Кукури Семенович, *Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия*, Тбилиси 1979.
- Лутовац Милисав В., *Географски и политичко-географски значај Косова у Србији*, Задужбине Косова – споменици и знамења српског народа, Призрен-Београд 1987.
- Исти, *Рожаје и Штавица*, Антропологеографска испитивања. Насеља и порекло становништво, књ. 37, Београд 1960, 321–419.
- Љубинковић Ненад, *Косовска битка у своје врмену и у виђењу потомака или логика развоја епских легенди о Косовскоме боју*, Косово у памћењу и стваралаштву, приредио Ненад Љубинковић, Београд 1989, 127–164.
- Љушић Радош, *Вујкина врата*. Хроника подгорског села Исток, први део, Београд 2011.
- Исти, *Кнежевина Србија (1830–1839)*, Београд 1986.
- Malcolm Noel, *Bosnia. A Short History*, London 1994.
- Исти, *Kosovo. A Short History*, London 1998.
- Matl Josip, *Dva njemačka časopisa iz šezdesetih godina 19. vijeka*, preštampano iz „Nastavnog vjesnika“, knj. XXXVI, sv. 5–6, Zagreb 1928.
- Медаковић Дејан, *Косовски бој у ликовним уметностима*, Београд 1990.
- Мерић Мустафа, *Плав и Гусиње у прошлости*, Београд 1989.
- Меморандум Филозофског факултета у Скопљу, Скопље 1933.

• Месеснел Франц *Стари српски споменици*, Споменица двадестопетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937, Скопје 1937, 364–385.

• Мијатовић Чедомиљ, *Косово. Беседа у Свечаној седници Краљевске академије 11-ог јуна 1889*, Отаџбина – књижевност, наука, друштвени живот, књ. 22, Београд 1889, I–XV.

• Мијовић Вељко, *Црни вјетар*. Роман, Беране–Бијело Поље 2001.

• Микић Ђорђе, *Аустро-Угарска и младотурци 1908–1912*, Бањалука 1983.

• Исти, *Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века*, Београд 1988.

• Исти, *Скадарски Срби у XIX веку*, Историјски зборник Института за историју у Бањалуци, бр. 7, Бањалука 1986, 121–152.

• Milanović Vujadin, *Univerzitet u Prištini i mreži velikoalbarske strategije*, Beograd–Priština 1990.

• Милићевић Милан Ђ., *Кнежевина Србија*, Београд 1876.

• Милићевић Милић, *Рат за море*, Београд 2012.

• M(ilobar), F(ran) *Dukljanska kraljevina*, Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini, XI (1899), Sarajevo 1899, 237–361.

• Миловановић М. Ђ., *Наша спољашња политика* (из „Дела“), Београд 1894.

• Исти, *Die Macedonische Frage*, Die Zeit № 105, 3. X 1896.

• Милојевић Боровоје Ж., *Пештер и Сјеница*. Антропогеографска скица, Гласник Географског друштва, св. 5, Београд 1921, 80–93.

• Минић Душица, Вукадин Обренија, *Резултати археолошког ископавања околине Сјенице*, Новопазарски зборник 6, Нови Пазар 1982, 189–203.

• Митровић Андреј, *Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914–1918*, Зборник радова „Срби и Албанци у XX веку“, Београд 1991.

• Исти, *У светској рату. Надрастање пораза и подела*, Историја српског народа, шеста књига, други том, Београд 1983, 107–254.

• Isti, *Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918*, Beograd 1981.

• Михаилов Миле, *Прашањето на обединувањето на Македонија во Втората светска војна и интересите на големите сили*, Македонија во двадесеттиот век, Скопје 2003, 131–135.

• Mihačević Fra Lovro, *Po Albaniji – dojmovi s puta*, Zagreb 1911.

• Исти, *Crnice iz albanske povijesti*, Sarajevo 1912.

• Мишковић Јован, *Косовска битка (15. Јуна 1389. године)*. На петстогодишњем помену у Београдској официјерској касини 15. јуна 1889. године, „Отаџбина“, књ. 22, XV–XXXVIII.

• Мркоњић Петар [Пејатовић Танасије], *Средње Полимље и Потарје у Новопазарском санџаку*, Српски етнографски зборник СКА, IV, Београд 1902, 225–356.

• Мушовић Ејуп, *Дуга пољана*. Становништво, Новопазарски зборник 12 (1988), 83–99.

- Исти, *Етнички процеси и етничка структура становништва Новог Пазара*, Београд 1979.
- Исти, *Исламски споменици Новог Пазара*, Новопазарски зборник 9 (1985), 67–98.
- Исти, *Никишићани и Колашинци у Санџаку*, Новопазарски зборник 7 (1983), 89–98.
- Исти, *Становништво МЗ Суви До*, Новопазарски зборник 10 (1986), 203–216.
- Исти, *Тутин и околина*, Београд 1985.
- Nenadović Slobodan, *Ostaci manastira Svetih arhandjela kod Prizrena*, Problemi zaštite i egzistencije spomenika kulture na Kosovu i Metohiji, 123–125.
- Neubacher Hermann, *Sonderauftrag Südost 1940–1945*, Göttingen 1953.
- Николић Серафим С., *Призрен од средњег века до савременог доба*. Урбанистичко-архитектонски развој, Призрен 1998.
- Новаковић Стојан, *Балканска питања и мање историјско-политичке белешке о Балканском полуострву 1886–1905*, Београд 1906.
- Исти, *Васкрс државе српске*, Београд 1954.
- Исти, *Непозната нишка књига*, Коло бр. 39, 1. мај 1890.
- Исти, *Цариградска патријаршија и православље*. Разматрања у прилог расправа црквено-просветног питања у европској Турској, од Костадиана, Београд 1895.
- Nopcsa Frany Baron, *Aus Šala und Klementi*. Albanische Wanderungen, Sarajevo 1910.
- Isti, *Das katolische Nordalbanien*. Eine Skizze, Wien. (s.a.)
- *Одговор на књигу Ноела Малколма „Косово – кратка историја“*, Београд 2000; Responce to Noel Malcolm's book "Kosovo. A Short History", Belgrade 2000.
- Опачић Петар, *Србија између Антанте и Централних сила 1915–1917*, Београд 2009.
- Исти, *Стара Србија и Арбанаси*, Београд 1904.
- Ostojić-Fejić Ubavka, *Obeležavanje Kosovskog dana u Velikoj Britaniji tokom Prvog svetskog rata*, Istorija 20. veka, br. 2, Beograd 1994, 19–29.
- Pavlica Branko, *Ugovor između Savezne republike Jugoslavije i Republike Makedonije o protezanju i opisu državne granice*, Tokovi istorije 1–2 (2004), 91–115.
- Павловић Благоје К., *Албанизација Косова и Метохије*, Београд 1996.
- Павловић Радослав Д., *Укупно кретење становништва општина Новог Пазара, Тутина, Сјенице и Рашке у периоду од 1961. до 1981*, Новопазарски зборник 5 (1981), 131–137.
- Patsch C., *Das Sandschak Berat in Albanien*, Schriftender Balkankommission, Antiquar Abteilung, Wien 1904.
- Пач Карло, *Из Пљеваљског санџака*, Гласник Земаљског музеја у Босни и Херцеговини, књ. XXI, Сарајево 1909, 105–134.
- Pelidija E., Maglajlić M., Mahmutćehajić R., *Bosna i Bosanski Muslimani, 2. Muslimani u Sandžaku*, Sarajevo 1992.

- Петковић Сретен, *Манастир Света Тројица у Пљевљама*, друго допуњено издање, Пљевља 2008.
- Petranović Branko, *Istorija Jugoslavije 1918–1978*, Beograd 1980.
- Исти, *Југословенско искуство српске националне интеграције*, Београд 1993.
- Исти, *Косово у југословенско-албанским односима и пројекат балканске федерације*, Срби и Албанци у XX веку, Београд 1991, 309–339.
- Petrisch Wolfgang, Kaser Karl, Pichler Robert, *Kosovo-Kosova*, Mythen, Daten, Fakten, Klagenfurt-Wien-Ljubljana-Tuzla-Sarajevo 1999.
- Петровић Вељко, *Петстогодишњица Косова пре педесет година*, „Политика“, 28. јун 1939.
- Петровић Милић Ф., *Пљеваљска гимназија 1901–2001*. Монографија 1901–1941, Пљевља 2001.
- Пешикан Митар, *О историјској ономастици Косова*, Зборник округлог стола о научном истраживању Косова, САНУ, Београд 1988, 81–87.
- [Pilar Ivo] Südland L.V., *Južnoslovensko pitanje*. Preveo i predgovor napisao Fedor Pacek, Zagreb 1943.
- Пироћанац М. С., *Међународни положај Србије*, Београд 1893.
- *Питање о обнављању српске Пећке патријаршије и Охридске архиепископије пред српском Народном Скупштином и на митингу Македонаца и Старосрбијанаца*, Београд 1896.
- *Platforme per gjidhien e ceshtjes kombetare shqiptare*, Tirane 1998.
- Pouqueville F.C.H.L., *Voyage dans la Grece*, II, Paris 1820.
- Поповић Васиљ, *Калајева идеја о покатоличењу босанских муслимана*, „Правда“, Божих 1940.
- [Поповић-Даничар Ђорђе] *Стара Србија*, Београд 1878.
- Прванов Антон, Николова Стамова Маријана, *Албанскиот фактор во Македонија (1944–1991)*, Македонија во двадесетитот век, Скопје 2003, 253–262.
- *Први балкански рат 1912–1913* (операције српске војске), Прва књига, Београд 1959.
- *Први балкански рат*. Округли сто поводом 75. годишњице 1912–1987, 28. и 29. октобар 1987, САНУ, Београд 1991.
- Премовић-Алексић Драгица, *Остаци црква на подручју општине Сјеница*, Новопазарски зборник 20, Нови Пазар 1996, 51–70.
- Исти, *Резултати рекогносцирања терена на подручју Сјенице Тутина и Новог Пазара*, Новопазарски зборник 5, Нови Пазар 1981, 113–129.
- Исти, *Сондажно испитивање локалитета на подручју општине Сјеница у 1987. години*, Новопазарски зборник 11, Нови Пазар 1987, 227–229.
- *Привреда Јужне Србије. Градска радиност*, [Група аутора], Споменица двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937, Скопље 1937, 523–748.
- *Призрен царски град (хрестоматија)*, Приштина 2005.
- *Problemi zaštite i egzistencije spomenika kulture na Kosovu i Metohiji*, VII savetovanje konzervatora Jugoslavije (Peć-Prizren-Priština, 23–28. X 1967), Zbornik radova i saopštenja, Priština – Beograd 1968.

- Протић Стојан, *Албански проблем и Србија и Аустро-Угарска*, написао Valcanicus, Београд 1913.
- Исти, *О Македонији и Македонцима*, Београд 1928.
- Пузовић Предраг, *Раскол у Српској православној цркви* – Македонско црквено питање, Београд 1997.
- *Рад Народне скупштине отоманских Срба*, од 2. фебруара до 11. фебруара 1909. год., Скопље 1910.
- Радовановић Милован, *Етнички и демографски процеси на Косову и Метохији*, Београд 2004.
- Радојчић Никола, *Географско знање о Србији почетком XIX века*, Београд 1927.
- Радонић Јован, *Прошлост Старе Србије* (из „Срп.књиж.гласника“), Београд 1912.
- Исти, *Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века*, Београд 1950.
- Rajović Radošin, *Autonomija Kosova. Istorijско-pravna studija*, Beograd 1985.
- Ракић Милош И., *Национално буђење*, Споменица двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912–1937, Скопље 1937, 227–239.
- Ранке Леополд, *Србија и Турска у деветнаестом веку*, превео Стојан Новаковић, Београд 1892.
- Ранковић Милан, *Министар*, Београд 2003.
- Ратковић Борислав, *Први балкански рат (операције српске војске)*, друга књига, Београд 1975.
- Рашевић Мирослав, *Демографске прилике и становништво*, Насеља и становништво области Бранковића 1455. године, САНУ, Београд 2001.
- Ребац Хасан М., *Срби муслиманске вере у Босни и Херцеговини* (политичка прошлост), Летопис Матице српске, књ. 306, св. 2, Нови Сад 1925, 109–118.
- *Response to Noel Malcolm's book Kosovo. A short history*, Belgrade 2000.
- Reuter Jens, *Das Kosovo-Problem im Kontext der jugoslawisch-albanischen Beziehungen*, Albanien im Umbruch, München 1990.
- Ристић Јован, *Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878*, књ. II, Београд 1896–1898.
- Исти, *Спољашњи одношаји новијега времена*, књ. 3 Београд 1901.
- Ристић Милован, *Стари Влах до ослобођења од Турака*, Београд 1963.
- Richter Eduard, *Prilozi zemljopisu Bosne i Hercegovine: granice Bosne*, Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine, knj. XVII (1905), 313–316.
- Roskiewicz Johann, *Studien über Bosnien und die Herzegovina*, Leipzig und Wien 1868. Прилог: карта *Bosnien, die Herzegovina und Rascien*.
- Руварац Димитрије, *Географске белешке о Турској митрополита Стефана Стратимировића из године 1803. и 1804.*, Споменик СКА, XXXIX, Београд 1903, 107–116.
- Rugova Ibrahim, *Kosovo je albansko*, intervju Ibrahima Rugove, “Sandžak”, br. 1–2, 1992, 20–22.

- Rusinow Dennison, *The Ottoman Legacy in Yugoslavia's Disintegration and Civil War*, Imperial Legacy: The Ottoman Imprint on the Balkans and the Middle East, New York 1996, 78–99.
- Sax K., *Skizzen über die Bewohner Bosniens*, Wien 1864.
- Самарцић Радован, *Сеобе у српској историји*, Историја српског народа, Трећа књига, Први том, Београд 1993, 82–115.
- Самарцић Радован, Веселиновић, Рајко Л., Поповић Тома, *Срби под туђинском влашћу 1537–1699*, Историја српског народа, трећа књига, први том, Београд 1993.
- *Sandžačko pitanje*, "Sandžak" br. 155, 1. avgust 2011, 14–23.
- Svane Gunnar, *Slavische Lehnwörter im Albanischen*, Acta Juthandica LX-VIII, Aarhus University Press 1992.
- Селимовић Салих, *Кладница*. Становништво, Новопазарски зборник 14 (1990), 121–136.
- Исти, *Сјеница*. Настанак и развој до ослобођења 1912. Нова демографска кретања, Пожега 2004.
- *Становништво словенског поријекла у Албанији* (зборник радова), Титоград 1991.
- Селишев А. М., *Славянское население в Албании*, София 1931.
- Сенкевич И. Г., *Россия и Критское восстание 1866–1869 гг.*, Москва 1970.
- *Servia by the Servians*, Compiled and edited by Alfred Stead, With a map London, (William Heinemann), 1909.
- [Симић Светислав], *Питање о Старој Србији*, написао Павле Орловић, Београд 1901.
- Скерлић Јован, *Омладина и њена књижевност (1848–1871)*, Београд 1925.
- Исти, *Српска књижевност у XVIII веку*, Београд 1909.
- Слијепчевић Ђоко, *Михаило, архиепископ београдски и митрополит Србије*, Минхен 1980.
- Исти, *Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време*, друго допуњено издање, Химелстир 1983.
- Slišković Jakov, *Albanija i Macedonija*, Sarajevo 1904.
- *Службени гласник НР Србије* бр. 28/1945, од 9. септембра 1945. године.
- Smit Antoni D., *Nacionalni identitet*, preveo s engleskog Slobodan Djordjević, Beograd 1998.
- Соколовић М., *Споменици српског порекла у СР Македонији*. Проблем њихове заштите и уређења, Гласник Друштва конзерватора Србије 10 (1986), 112–113.
- *Споменица педесетогодишњег верско-националног и културно-просветног рада богословско-литерарне дружине „Растко“ у Призрену 1889–1939*, Скопље 1940.
- *Споменица православног свештенства – жртва фашистичког терора и палих у Народно-ослободилачкој борби*, Београд 1961.

- Спремић Момчило, *Деспот Бурђа Бранковић и његово доба*, Београд 1994.
- Срби муслиманске вере. Зборник радова, Београд 2012.
- Stadtmüller Georg, *Forschungen zur albanischen Frühgeschichte*, zweite erweiterte Auflage, Albanische Forschungen 2, Wiesbaden 1966.
- Станић Душан С., *Недовршени процес као историјски документ о плановима бивше Аустрије у погледу Санџака*, „Правда“, 27–30. април 1940.
- Станић Радомир, *Две цркве у околини Тутина и Сјенице*, Наша прошлост 1–2, Краљево 1968, 35–46.
- Станковић Тодор П., *Путне белешке по Старој Србији*, Београд 1910.
- Станојевић Станоје, *Архиепископ Арсеније (1233–1263; +28 октобра 1266)*, Гласник Историјског друштва у Новом Саду, књ. V, Сремски Карловци 1932, 331–341.
- Исти, *Народна енциклопедија*, српско-хрватско-словенска, II, Загреб 1929.
- *Сто македонски години 1903–2003*, Редактор Јован Павловски, Скопје 2004.
- Стојанчевић Владимир, *Етничке, конфесионалне и демографске прилике у Метохији 1830-их година*, Зборник округлог стола о научном истраживању Косова, САНУ, Београд 1988.
- Исти, *Јужнословенски народи у Османском царству од Једренског мира 1829. до Париског конгреса 1856. године*, Београд 1971.
- Исти, *Срби и Арбанаси 1804–1912*, Нови Сад 1994.
- Исти, *Србија и српски народ за време рата и окупације 1914–1918. године*, Лесковац 1988.
- Страњакковић Драгослав, *Арбанија и Србија у XIX веку* (сепарат из Српског књижевног гласника, бр. 8, НС, 16. децембар 1937).
- Stulli Bernard, *Albansko pitanje (1875–1882)*, Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. 318, Zagreb 1959, 287–391.
- Subotic Gojko, *Terra sacra. L'Arte del Cossovo*, Milano 1997.
- Сулејманпашић-Деспотовић Омер-бег, *Српству*, приредио Јово Бајић, Београд 2001.
- Сулејманпашић-Скопљак Омер-бег, Ђикић Осман А., Карабеговић С. А., *Побратимство*. Пјесме Београд 1900.
- Schanderl Hans Dieter, *Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und Italiens 1877–1908*, Wiesbaden 1971.
- Taylor A. H. E., *The Future of the Southern Slavs*, T. UNWIN LTD, London (s.a.).
- Танасковић Дарко, *Неоосманизам. Повратак Турске на Балкан*, Београд 2010.
- Temperley H. W. V., *History of Serbia*, London 1917.
- Терзић Славенко, *Аустроугарско обликовање албанског националног покрета (1878–1912)*, Европа и Источно питање (1878–1923), Зборник радова, Београд 2001, 247–261.
- Isti, *The Greater Albania Project*, Eurobalkans and East European Quarterly 33 (1998/1999), Aegina 1999, 20–25.

- Isti, *La Vieille Serbie et les Albanais (l'arrière-fond historique des événements au Kosovo et Métochia)*, Revue d'Europe Centrale 4, 2 (1996), Strasbourg 1997, 203–218.
- Исти, *Рашка или „Санџак“ – о судбини обласног историјског имена Рашка*, Милешевски записи 2, 1996, Пријепоље 1997, 197–208.
- Исти, *Русија и српско питање 1804–1815*, Нови Сад 2012.
- Исти, *Срби и македонско питање*, Етнички састав становништва Србије и Црне Горе и Срби у СФРЈугославији, Београд 1993.
- Исти, *Србија и Грчка (1856–903)*, Борба за Балкан, Београд 1992.
- Исти, *Стара Србија – настанак имена и знања о њој до 1912*, Историјски часопис књ. XLII–XLII (1995–1996), Београд 1997, 91–110.
- Исти, *Стара Србија у српским националним циљевима на почетку Велике источне кризе (1875–1878)*, Ибарска војска у српско-турским ратовима од 1876–1878 године, Чачак 1997, 15–25.
- Тодоровић Бошко, Вилић Душан, *Зашто су оптужени*, 2, Београд 2002.
- Томић Јован Н., *Аустро-Бугарска и арбанаско питање*, Београд 1913.
- Томовић Гордана, *Српске цркве и манастири у СР Македонији*, Политика, 2. фебруар 1992.
- Трифуноски Јован Ф., *Македонизирање Јужне Србије*, Београд 1995.
- Тричковић Радмила, *Писмо травничког везира из 1806. године*, Политика, 21. фебруар 1965.
- Исти, *Српска црква средином XVII века*, Глас САНУ, Одељење историјских наука, књ. 2, Београд 1980, 61–85.
- Truhelka С., *Arnautske priče*, Sarajevo 1905.
- Тунтев Ахил, *Република Македонија*. Прва декада (1990–1999), Скопје 2005.
- Thoemmel Gustav von, *Geschichtliche, politische und topografisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien, das ist das eigentliche Bosnien nebst türkische Croatien, der Hercegovina und Rascien*, Wien 1867.
- Ђирковић Сима, *Албанци у огледалу јужнословенских извора*, Илири и Албанци, Београд 1988.
- Исти, *Косово и Метохија у средњем веку*, Косово и Метохија у српској историји, Београд 1989, 21–45.
- Исти, *Срби у средњем веку*, Београд 1995.
- Ђоровић Владимир, *Муслимани у новијој српској књижевности*, Преглед, часопис за науку и социјални живот, септембар–децембар (1912), Сарајево 1913.
- Исти, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, Београд 1992.
- Ђосић Добрица, *Косово*, приредила Ана Ђосић-Вукић, Београд 2004.
- Ђуковић Мирко, *Србија и Народноослободилачкој борби. Санџак*, Београд 1964.
- *U spomen Viktora Berara*, Bratstvo XXVI, Beograd 1932, 228–240.
- Ugljanin Sulejman, *Bitka za Sandžak*, intervju Sulejmana Ugljanina, „Sandžak“ br. 1–2, januar-april 1992, 14–19.

- Урошевић Атанасије, *Косово*, Београд 1965.
- Ферјанчић Божидар, *Албанију у византијским изворима*, Илири и Албанци, САНУ, Београд 1988.
- Филиповић Миленко, *Етничке прилике у Јужној Србији*, Споменица двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије, 387–419.
- Firdus Osman Nuriy beg, *Opasijonalnom opredeljenju bosansko-hercegovačkih muslimana*, Nova Evropa, knj. XI, br. 10, 1. april 1925.
- Foncin P., *Geographie – deuxième année*, Paris 1907.
- Фрајнд Марта, *Прве драмске обраде легенде о Косовском боју*, “Косово у памћењу и стваралаштву”, приредио Ненад Љубинковић, Београд 1989.
- *Das Fürstenthum Serbien und Türkisch-Serbien (Stara-Serbia Alt Serbien)*, Eine militärisch-geographische Skizze von Peter Kukulj, Major im k.k. Genelastabe, Wien 1871, 148–149.
- Hadri Ali, *Prilog rasvetljavanju „Prizrenske lige” (1878–1881)*, Përparimi, izbor radova na srpskohrvatskom jeziku 1, Priština 1967, 23–69.
- Halilović Sefer, *Lukava strategija*, Sarajevo 1997.
- Hauptmann Ferdo, *Andrassyjeva politička baština i bosanska politika Austro-Ugarske nakon okupacije*, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knj. VI (1970–1971), Sarajevo 1971, 445–460.
- Isti, *Uloga Zajednickog ministarstva financija u formiranju austrougarske politike prema Albaniji uoči Kretske krize*, Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu, knjiga IV, Sarajevo (1966–1967), 35–45.
- Исти, *Путовање кроз поречину Дрина и Вардара*, По препоруци Царске Академије наука пропутовао у 1865. г., превео с немачког Михаило Ник. Илић, Београд 1876.
- Isti, *Reise durch Gebiete des Drins und Wardar*, Wien 1867.
- Isti, *Reise von Belgrad nach Salonik*, Wien 1862.
- Хаци-Васиљевић Јован, *Арбанаска лига – Арнаутска конгра – и Српски народ у турском царству (1878–1882)*, Београд 1909.
- Исти, *Бугари и њихова зверства у Србији (1915–1918)* Нови Сад 1919.
- Исти, *Јужна Стара Србија – историјска, етнографска и политичка истраживања*. Књига прва: Кумановска област, Београд 1909.
- Исти, *Покрет Срба и Бугара у Турској после српско-турских ратова 1876. и 1878. године и његове последице*, Београд 1908.
- Heppner Harold, *Serbien im Jahre 1889 nach einem Bericht Ludwig von Thallózy's*, Mitteilungen des Österreichisches Staatsarchivs, Sonderdruck 41 (1990), 156–193.
- Храбак Богумил, *Идеје о арбанашкој аутономији 1876–1878. године*, Историјски часопис, књ. XXV(1980), 159–192.
- Isti, *Italijanski konzul B. Berio o arbanaškom pitanju 1876–1878. godine*, Časopis za suvremenu povijest III (1978), 25–37.
- Исти, *Новопазарски санџак између Аустро-Угарске и косовских Арбанаса 1881–1890*, Ужички зборник 21 (1992), 35–54.
- Исти, *Призренска арбанашка лига 1878–1881*, Београд 1998.

- Исти, *Ширење арбанаških сточара по равницама и словенски ратари средњовековне Албаније*, Становништво словенског поријекла у Албанији, Титоград 1991, 85–130.
- *Hrvatski razgovori o slobodi*, Drugi simpozium „Hrvatske revije“ 1971, uređio Vinko Nikolić, München-Barcelone 1972.
- Cabej E., *Le probleme du territoire de formation de la langue Albanaise*, „Iliria“ V, 1976.
- Цвијић Јован, *Антропогеографски проблеми Балканског полуострва*, Српски етнографски зборник СКА IV, Београд 1902, I-CCXXXVI.
- Исти, *Балкански рат и Србија*, Београд 1912
- Исти, *Балканско полуострво и јужнословенске земље*, Основи антропогеографије, књ. 1–2, Београд 1922–1931.
- Исти, *Географски положај и опште географске особине Македоније и Старе Србије*, Српски књижевни гласник књ. XI, 1904, св. 2, 115–153, књ. XI, св. 3, 205–228;
- Исти, *Метанастасичка кретања њихови узроци и последице*, Насеља и порекло становништва 12, СКА, Београд 1922.
- Исти, *О исељавању босанских мухамеданаца*, Српски књижевни гласник књ. XXIV, Београд 1910, 906–917.
- Исти, *О националном раду*, Цвијићева књига, Београд 1927,
- Исти, *Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије*, књ. 1–3, Београд 1906–1911.
- Исти, *Проматрања о етнографији македонских Словена*, Београд 1906.
- Clewing Konrad, Reuter Jens (Koordination), *Der Kosovo-Konflikt / Ursachen-Akteure-Verlauf*, München 2000.
- Cohen Philip J., *Serbian Secret War. Propaganda and the Deceit of History*, Texas 1996.
- Црнојевић В. (Карић Владимир), *Цариград, Света Гора, Солун*, Београд 1889.
- Чавошки Коста, *Успостављање и потоњи развој косовске аутономије*, Косово и Метохија у српској историји, Београд 1989, 379–403.
- Чубриловић Васа, Анђелић Теодор, *О расељавању Албанаца пред Други светски рат*. Разговор новинара Теодора Анђелића са академиком Васом Чубриловићем, „Борба“ 15. март 2002.
- Цамбазовски Климент, *Културно-општествение врски на Македонците со Србија во текот на XIX век*, Скопје 1960.
- Целетовић Иванов Павле, *Балистички покрет 139–1952. масовност, сарадња са италијанским и немачким окупаторима и злочини над Србима*, Београд 2000.
- Цуверовић Радисав, *Симјанови стихови о Светом Сави*, Брезнички записи 2, Пљевља 1990.
- Цуков Ставре, *Заговор против претседателот Киро Глигоров*, Скопје 2002.
- Šabanović Hazim, *Bosanski pašaluk – postanak i upravna podjela*, Sarajevo 1982.

БИБЛИОГРАФИЈА

- Шалипуровић Вукоман, *Раоничка буна*, књ. II, Прибој 1970.
- Исти, *Културно-просветне и политичке организације у Полимљу и Рашкој 1903–1912*, Нова Варош 1972.
- Исти, *Устанак у западном делу Старе Србије 1875–1878*, Титово Ужице 1968.
- Šafarik Paul Joseph, *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur*, Prag 1869.
- Шкарик Светомир, *Правото, силата и мирот – Македонија и Косово*, Скопје 2002.
- Шобајић Максим М., *Освета косовска. Јуначке пјесме српске*, Нови Сад 1879.
- Šufflay Milan, *Acta Albaniae*. Kako da se nastavi njihovo izdanje?, Архив за арбанаску старину, језик, етнологију, књ. III, св. 1–2 (1926), 209–212.

Научное издание

Терзиц Славенко

СТАРАЯ СЕРБИЯ (XIX—XX вв.)

Драма одной европейской цивилизации

Редактор *Е.А. Бондарева*

Перевод с сербского *Марии Билбиш*

Корректоры *Р.Ф. Зайнуллина, О.Б. Бубликова*

Художественное оформление
обложки и верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 08.10.2015. Формат 70×100 1/16.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 30. Тираж 1500 экз. Заказ 3669/15.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
www.pareto-print